Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 10 2021 Октябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт государства и права РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 10 2021 October

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of State and Law of the RAS, 2021
© Editorial Board of "State and Law", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 10, 2021

Хабаровский процесс как важнейший этап реализации Нюрнбергских принципов и формирования международного уголовного правосудия
А.Н. Савенков 7

Иной Разум и право
М.И. Клеандров 41

Равноправие и самоопределение народов в конституционном правопорядке России
Б.С. Эбзеев 62

К 85-ЛЕТИЮ СЕКТОРА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

От государственного права до административного права и административного процесса (К 85-летию сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН)
М.Н. Кобзарь-Фролова 77

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции
В.И. Червонюк 86

Философские и научные основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познавательной деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве
В.В. Мельник 97

Методологические основы исследования концепта «культура» и института культурных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации
Д.С. Ивакина 107

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

Императивность и диспозитивность избирательного процесса в контексте ценностного подхода реализации избирательных прав
Н.Ю. Турищева 117

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Уголовно-правовые меры борьбы с провокацией преступлений и фальсификацией преступников
В.Н. Борков 127

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Система способов государственного регулирования в сфере осуществления предпринимательской деятельности пользователями недр в современной России
Р.Н. Салиева 135

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Темпоральность института государственной регистрации заключения брака в России: тенденция расширения цифровизации
И.А. Трофимец 143

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Применение международных норм о правах человека как комплексная общеправовая проблема
Л.А. Лазутин 154

Правовые проблемы эксплуатации морских судов без экипажей
В.Н. Гуцуляк, В.В. Клюев 163

Proceeding on cases with the participation of foreign persons in International Procedure Law of Russia and Belarus
W.E. Butler, N. Yu. Erpyleva 173

Значимые коллизионные интересы и их влияние на формирование коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав
С.И. Крупко 186

ЗА РУБЕЖОМ

Правовые аспекты судебной защиты прав граждан и общественных интересов в сфере охраны окружающей среды в Китайской Народной Республике
Н.И. Хлуденева, Д.А. Фицай 198

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Прокуратура и законность в период Гражданской войны (Окончание)
А.Г. Звягинцев 205

Финансы и наука финансового права в правление императора Николая I
К.С. Бельский 219

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Проект Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области): обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая культура», «Государственно-правовые исследования»
А.В. Малько, Н.В. Кроткова, В.Ю. Стромов, В.В. Трофимов 234

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

COVID-19 и борьба с ним
Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции
С.И. Захарцев, В.П. Сальников, А.Г. Хабибулин 254

Правовой статус коренных народов: прошлое, настоящее и будущее
Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах / под ред. А.В. Малого, С.В. Бухмина, Р.Ш. Гарипова
А.М. Осавелюк 260

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею академика РАН А.Г. Лисицына-Светланова 264

CONTENTS

Number 10, 2021

The Khabarovsk process as the most important stage implementation of the Nuremberg Principles and the formation of an international criminal justice

A.N. Savenkov 7

Another Mind and law

M.I. Kleandrov 41

Equal rights and self-determination of peoples in the constitutional legal order of Russia

B.S. Ebzeev 62

TO THE 85th ANNIVERSARY OF THE SECTOR OF ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS OF THE INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

From State Law to Administrative Law and administrative process (To the 85th anniversary of the Sector of Administrative Law and administrative process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

M.N. Kobzar-Frolova 77

DISCUSSIONS AND DEBATES

Principles of law in the structure of legal regulators: methodological approaches to understanding the principles of law in the discourse of Russian jurisprudence

V.I. Chervonyuk 86

Philosophical and scientific foundations of a realistic approach to understanding and cognition of truth in various fields of cognitive activity, including in criminal proceedings

V.V. Melnik 97

Methodological foundations of the study of the concept of "culture" and the institution of cultural rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation

D.S. Ivakina 107

SELECTIVE LAW AND THE DEVELOPMENT OF DEMOCRACY

The imperativeness and dispositivity of the electoral process in the context of the value approach to the realization of electoral rights

N. Yu. Turishcheva 117

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Criminal law measures to combat provocation of crimes and falsification of criminals

V.N. Borkov 127

LAW AND ECONOMY

The system of methods of state regulation in the sphere of entrepreneurial activity by subsoil users in modern Russia

R.N. Salieva 135

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Temporality of the institute of state registration of marriage in Russia:
the trend of expanding digitalization

I.A. Trofimets 143

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Application of international norms on human rights as a complex general legal problem

L.A. Lazutin 154

Legal problems of the unmanned sea vessels operation

V.N. Gutsulyak, V.V. Klyuev 163

Proceeding on cases with the participation of foreign persons in International Procedure
Law of Russia and Belarus

W.E. Butler, N. Yu. Erpyleva 173

Significant choice-of-law interests and its impact on the formation of choice-of-law regulation
in the field of intellectual property

S.I. Krupko 186

ABROAD

Legal aspects of judicial protection of citizens' rights and public interests in the field of environmental
protection in the people's Republic of China

N.I. Khludeneva, D.A. Fitsai 198

PAGES OF HISTORY

The Prosecutor's Office and the Rule of Law during the Civil War (The end)

A.G. Zvyagintsev 205

Finance and the science of Financial Law during the reign of Emperor Nicholas I

K.S. Belsky 219

SCIENTIFIC LIFE

Draft Concept of the legal policy of a constituent entity of the Russian Federation (on the example
of the Tambov region): review of the materials of the All-Russian scientific and practical conference
in the form of the "Round Table" of journals "State and Law", "Legal culture", "State legal research"

A.V. Mal'ko, N.V. Krotkova, V. Yu. Stromov, V.V. Trofimov 234

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

COVID-19 and the fight against it
A book has been published on the current problems of society's life during the pandemic,
the fight against crime and the work of the police

S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov, A.G. Khabibulin 254

The legal status of indigenous peoples: past, present and future
The legal status of indigenous peoples in Russia and foreign countries /
ed. by A.V. Maly, S.V. Bukhmin, R. Sh. Garipov

A.M. Osavelyuk 260

PERSONALIA

To the anniversary of Academician of the Russian Academy of Sciences A.G. Lisitsyn-Svetlanov 264

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 7–40
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 7–40

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ НЮРНБЕРГСКИХ ПРИНЦИПОВ И ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

© 2021 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@mail.ru

Поступила в редакцию 17.09.2021 г.

Аннотация. В статье на основании анализа значительного массива исторических фактов, нормативно-правовых актов и правовых позиций отечественных и зарубежных ученых дана оценка Нюрнбергским принципам в Токийском и Хабаровском судебных процессах над японскими военными преступниками. Подтверждено, что именно в рамках Хабаровского процесса советскими прокурорами и следователями были впервые установлены и исследованы бесспорные доказательства преступной деятельности японских милитаристов, санкционированной императором, по разработке и использованию оружия массового уничтожения (бактериологического оружия) в период боев на Халхин-Голе, а также в ходе войны Японии против Китая. Впервые представлены факты проведения смертельных медицинских экспериментов на военнопленных, жертвами которых стали тысячи человек. Показана противоправная позиция американского военного руководства, выразившаяся в противодействии правосудию, укрывательстве военных преступников в обмен на результаты их чудовищных исследований. Исследованы итоги Хабаровского процесса, послужившие основанием для принятия международно-правовых документов о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного, а также химического оружия и об их уничтожении. Продемонстрировано, что принципы, сформулированные в Нюрнбергском кодексе, стали основой для многих международных и национальных законодательных актов в области проведения медицинских исследований на человеке. Прослежена их имплементация в правовую систему Российской Федерации и последующее развитие в текущем законодательстве.

Ключевые слова: Вторая мировая война, агрессия милитаристской Японии, бактериологическое оружие, химическое оружие, смертельные эксперименты на людях, военные преступления, Нюрнбергские принципы, Токийский процесс, Хабаровский процесс, укрывательство преступников в США, историческая память, нормы и принципы международного права.

Цитирование: *Савенков А.Н.* Хабаровский процесс как важнейший этап реализации Нюрнбергских принципов и формирования международного уголовного правосудия // Государство и право. 2021. № 10. С. 7–40.

DOI: 10.31857/S102694520017363-0

THE KHABAROVSK PROCESS AS THE MOST IMPORTANT STAGE IMPLEMENTATION OF THE NUREMBERG PRINCIPLES AND THE FORMATION OF AN INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE

© 2021 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@mail.ru

Received 17.09.2021

Abstract. Based on the analysis of a significant array of historical facts, normative legal acts and legal positions of domestic and foreign scientists, the article assesses the Nuremberg Principles in the Tokyo and Khabarovsk process of Japanese war criminals. It is confirmed that it was within the framework of the Khabarovsk process that Soviet prosecutors and investigators first established and investigated indisputable evidence of the criminal activities of Japanese militarists, sanctioned by the emperor, for the development and use of weapons of mass destruction (bacteriological weapons) during the battles on Khalkhin-Gol, as well as during the war of Japan against China. For the first time, the facts of conducting deadly medical experiments on prisoners of war, whose victims were thousands of people, are presented. The article shows the illegal position of the American military leadership, which was expressed in countering justice, harboring war criminals in exchange for the results of their monstrous research. The results of the Khabarovsk process, which served as the basis for the adoption of international legal documents on the prohibition of the development, production and stockpiling of bacteriological (biological) and toxin, as well as chemical weapons and on their destruction, are studied. It is demonstrated that the principles formulated in the Nuremberg Code have become the basis for many international and national legislative acts in the field of conducting medical research on humans. Their implementation into the legal system of the Russian Federation and subsequent development in the current legislation are traced.

Key words: World War II, aggression of militaristic Japan, bacteriological weapons, chemical weapons, deadly experiments on humans, war crimes, the Nuremberg Principles, the Tokyo process, the Khabarovsk process, harboring criminals in the United States, historical memory, norms and principles of International Law.

For citation: *Savenkov, A.N. (2021).* The Khabarovsk process as the most important stage implementation of the Nuremberg Principles and the formation of an international criminal justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 7–40.

Одной из ключевых проблем современности остается стратегическая задача по обеспечению мирного сосуществования и устойчивого развития государств и обществ на незыблемых началах мира и безопасности человечества. Пережив трагедии XX в., впервые в исторической ретроспективе человечеству удалось вынести приговоры идеологии и практике развязывания и ведения агрессивных войн, направленных на истребление народов и государств, причем такими способами их ведения, которые поражают своей жестокостью и человеконенавистническим характером. Итоги Приговора Нюрнбергского трибунала ценны не только сами по себе. Они определили смысл и содержание основных направлений развития всего последующего международного уголовного права, принципов международного уголовного правосудия и ответственности за преступления против мира и безопасности человечества. Поэтому целостное понимание Нюрнбергского процесса как основы последующих обвинительных процессов над международными военными преступниками, состоявшихся, в частности, в Токио и Хабаровске, предопределяет важность исследования истории формирования и современного состояния принципов международной уголовной ответственности как базовых правовых идей и начал, сформулированных в указанных процессах, что подчеркивает актуальность их значения.

Судебный Приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге, гарантом которого и по сей день выступают постоянные члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций – Российская Федерация (приняла на себя права и обязательства бывшего Советского Союза и заняла его место в Совете Безопасности ООН), Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика, Французская Республика и Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, бывшие союзниками и остающиеся победителями во Второй мировой войне, а также обладающие ядерным оружием, – благодаря усилиям их политического руководства стал универсальным законом для всей планеты, позволяющим сохранять на ней жизнь.

В этом году исполняется 75 лет резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 95(I) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала».

Свод этих принципов, известный как «Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала»[1], устанавливает базовые положения, признаваемые международным сообществом, и закрепляет, что:

1) всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию;

2) даже если по национальному праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее

[1] Текст Принципов утвержден в 1950 г.

это действие, от ответственности по международному праву;

3) не исключает ответственности по международному праву то обстоятельство, что какое-либо лицо, совершившее действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, а также,

4) если какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, если сознательный выбор был фактически для него возможен;

5) каждое лицо, обвиняемое в международно-правовом преступлении, имеет право на справедливое рассмотрение дела на основе фактов и права;

6) преступления, указанные ниже, наказуются как международно-правовые преступления:

a) преступления против мира:

i) планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений;

ii) участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из действий, упомянутых в пункте i;

b) военные преступления:

нарушение законов и обычаев войны и, в том числе, но не исключительно, убийства, дурное обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или дурное обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море, убийства заложников или разграбление государственного или частного имущества, бессмысленное разрушение городов и деревень или разорение, не оправдываемое военной необходимостью;

c) преступления против человечности:

убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, если такие действия совершаются или такие преследования имеют место при выполнении какого-либо преступления против мира или какого-либо военного преступления, или в связи с таковыми;

7) соучастие в совершении каждого из перечисленных преступлений есть международно-правовое преступление.

Нюрнбергский процесс положил начало современному международному уголовному праву. В первую очередь такой системы международных норм, которые действительно имеют универсальный, общеобязательный характер не только для государств, но и для руководителей, которые ими управляют. Это знаковое событие в реализации на практике основного принципа современного международного уголовного права, запрещающего агрессивную войну и применение силы в целом.

Мир представляет собой важнейшую гарантию основного права человека – права на жизнь. Сегодня важно помнить об этом, способствовать развитию идей и принципов, разъяснять законность и справедливость не подлежащих обжалованию и пересмотру решений во имя упрочения авторитета международного права и правосудия.

После того как самый сильный и смертельно опасный враг – немецкий нацизм – был разгромлен и предан международному суду, справедливость требовала правовых оценок агрессии военщины милитаристской Японии – его поверженного восточного союзника. В годы Второй мировой войны Япония оставалась союзником гитлеровской Германии и не отказалась от плана войны против СССР.

Япония вела Азиатско-Тихоокеанскую войну в Восточной, а затем и в Юго-Восточной Азии как тотальную войну в значительной степени без учета норм международного права. Военные действия против Китая при этом велись обеими сторонами без формального объявления войны, что обусловило японское название конфликта с 1937 г. как «китайский инцидент» и сознательное разграничение с состоянием войны, с ее международными последствиями.

Показательно отношение агрессоров, держав оси – Германии и Японии – по степени жестокости и издевательств над населением оккупированных территорий. Нацисты убили 6 млн евреев и более 26.6 млн советских граждан. Эксперименты на людях были более обширными, чем это часто предполагалось, с минимум 15 754 задокументированными жертвами[2]. С 1942 г. количество экспериментов быстро увеличилось, достигнув пика в 1943 г., чудовищные опыты не прекращались до конца войны.

От рук японских военных погибло 30 млн филиппинцев, малайцев, вьетнамцев, камбоджийцев, индонезийцев и бирманцев, из которых по крайней мере 23 млн были этническими китайцами. Германия и Япония полностью разграбили оккупированные земли, хотя японцы грабили в течение более длительного периода времени, чем нацисты. Завоеватели поработили и эксплуатировали миллионы людей в качестве подневольных работников.

[2] См.: *Weindling P., Villiez A., Loewenau A., Farron N.* The victims of unethical human experiments and coerced research under National Socialism // Endeavour. 2016. Vol. 40. Issue 1. P. 1–6.

Кроме того, японцы также заставляли женщин служить проститутками для своих военнослужащих.

В 1945–1946 гг. представители правительства Соединенных Штатов Америки сделали аналогичные открытия как в Германии, так и в Японии, обнаружив доказательства неэтичных экспериментов над людьми, которые можно было рассматривать как военные преступления. Однако результаты в двух побежденных странах разительно различались. В Германии США сыграли ключевую роль в привлечении нацистских врачей к суду и предании гласности их преступлений. В Японии США сыграли такую же ключевую роль в сокрытии информации об экспериментах на людях, с биологическим оружием и обеспечении иммунитета от судебного преследования для преступников.

Для правовой оценки совершенного был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока (IMTFE). Токийский процесс – это суд IMTFE над главными японскими военными преступниками, виновными в развязывании Второй мировой войны, который проходил в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г.

Трибунал был учрежден на основании и во исполнение Каирской декларации от 1 декабря 1943 г., Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., Акта о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. и Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, проходившей с 16 по 26 декабря 1945 г.[3]

Для Советского Союза основанием для вступления в войну с Японией и последующего участия в суде Международного военного трибунала было Крымское соглашение трех Великих Держав по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 г., где руководители СССР, США и Великобритании «согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

1. Сохранения status quo Монгольской Народной Республики;

2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

a) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

b) интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;

c) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Манчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Манчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов. <...>.

Главы правительств трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»[4].

Каирское заявление сделали президент США, председатель Национального правительства Китайской Республики и премьер-министр Великобритании[5]. Оно гласит: «Военные миссии договорились о будущих военных операциях против Японии. Три великих союзника ведут эту войну, чтобы сдержать агрессию Японии и наказать ее. Они не жаждут выгоды для себя и не думают о территориальной экспансии. Их цель состоит в том, чтобы Япония была лишена всех островов в Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны в 1914 году, и чтобы все территории, украденные Японией у китайцев, такие как Манчжурия, Формоза и Пескадорские острова будут возвращены Китайской Республике. Япония также будет изгнана со всех других территорий, которые она захватила с помощью насилия и жадности. Вышеупомянутые три великие державы, помня о порабощении народа Кореи, полны решимости, что со временем Корея станет свободной и независимой. Три союзника <...> будут продолжать <...> операции, необходимые для безоговорочной капитуляции Японии»[6].

Потсдамская декларация была провозглашена 26 июля 1945 г. и утверждала для Японии следующие условия безоговорочной капитуляции: «Японии будет предоставлена возможность прекратить эту войну.., союзные нации полны решимости вести войну против Японии до тех пор, пока она не

[3] См.: Report of the meeting of the Ministers of Foreign Affairs of the Union of Soviet Socialist Republics the United States of America the United Kingdom. Dec. 27/45. II. Far Eastern Commission and Allied Council for Japan.

[4] URL: https://base.garant.ru/2566457/

[5] См.: Cairo Conference 1943. Released December 1, 1943.

[6] Известия. 1943. 3 дек.

перестанет сопротивляться. Пришло время Японии решить, будет ли она и дальше находиться под контролем тех своенравных милитаристских советников, чьи неразумные расчеты поставили Японскую империю на порог уничтожения, или она пойдет по пути разума.

Ниже приведены наши условия. Мы не будем отклоняться от них. Альтернатив нет. Мы не потерпим никаких задержек.

Условия Каирской декларации будут выполнены, и суверенитет Японии будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и такими небольшими островами, которые мы определим.

Японским вооруженным силам после полного разоружения будет разрешено вернуться в свои дома с возможностью вести мирную и продуктивную жизнь. Мы не намерены, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но суровое правосудие будет отнесено ко всем военным преступникам, включая тех, кто жестоко обращался с нашими пленными. Правительство Японии устранит все препятствия на пути возрождения и укрепления демократических тенденций среди японского народа. Устанавливаются свобода слова, религии и мысли, а также уважение основных прав человека. Оккупационные силы союзников будут выведены из Японии, как только эти цели будут достигнуты и в соответствии со свободно выраженной волей японского народа будет создано мирно настроенное и ответственное правительство. Мы призываем правительство Японии объявить сейчас о безоговорочной капитуляции всех японских вооруженных сил и предоставить надлежащие и адекватные гарантии своей добросовестности в таких действиях. Альтернатива для Японии – быстрое и полное разрушение»[7].

19 января 1946 г. верховный командующий союзными войсками в Японии американский генерал армии Д. Макартур ***(Douglas MacArthur)***, действуя в рамках предоставленных ему соглашением правительств полномочий, издал приказ об организации Трибунала[8] и утвердил его Устав. В ст. 3 Специальной прокламации, учреждающей IMTFE, было установлено: «Ничто в данном приказе не должно наносить ущерб юрисдикции любого другого международного, национального или оккупационного суда, комиссии или прочего трибунала, созданного или подлежащего созданию в Японии или на любой территории какой-либо из Объединенных Наций, с которой Япония находилась в состоянии войны, для суда над военными преступниками»[9].

Устав вобрал в себя важнейшие положения Устава Нюрнбергского трибунала, но в отличие от того в нем не был соблюден принцип равноправного участия стран в организации и проведении процесса. Его текст был подготовлен американскими юристами в соответствии с нормами англосаксонской процедуры. Верховному командующему были предоставлены чрезвычайно широкие полномочия: он назначал председателя, главного обвинителя, членов Трибунала из представителей, которых предлагали государства, подписавшие Акт о капитуляции, а также Индия и Филиппины. Он имел право смягчить или изменить приговор, но не усилить меру наказания. Официальные языки процесса – японский и английский.

25 апреля 1946 г. председатель Трибунала утвердил девять правил процедуры IMTFE[10].

Трибунал собрался 29 апреля 1946 г. в здании бывшего военного министерства в Токио. Его членами были: от СССР – член военной коллегии Верховного Суда СССР И.М. Зарянов, от США – Дж. П. Хиггинс ***(John Patrick Higgins)***, главный судья верховного суда Массачусетса. В июне 1946 г. он внезапно подал в отставку. Его сменил, с одобрения генерального прокурора США Т. Кларка и Д. Макартура, бывший главный военный прокурор генерал М. Крамер ***(Myron Cady Cramer)***[11]; от Китая – Д. Мэй; от Великобритании – член Верховного суда У. Патрик, от Франции – прокурор А. Бернар, от Голландии – судья Б. Роллинг, от Индии – проф. Р. Пал, от Канады – член Верховного суда Э. Макдагалл, от Новой Зеландии – член Верховного суда Э. Норткрофт, от Филиппин – член Верховного суда Д. Джаранилла, от Австралии – председатель верховного суда штата Квинслэнд У.Ф. Уэбб, который в 1943 г. был назначен правительством Австралии членом комиссии по расследованию преступлений японских военных. В период с 1943 по 1945 г. он подготовил три доклада о преступлениях японских военных против австралийских военнопленных. В 1944 г. Уэбб работал в Лондоне с Комиссией Объединенных Наций по военным преступлениям. Он и был назначен председателем Трибунала.

[7] Potsdam Declaration. Proclamation Defining Terms for Japanese Surrender. Issued, at Potsdam, July 26, 1945.

[8] Согласно решениям, принятым на Московской конференции от 26.12.1945 г., Д. Макартур получил возможность издавать приказы, которые содействовали выполнению Японией условий капитуляции.

[9] URL: https://base.garant.ru/2540693/

[10] См.: Rules of Procedure of the International Military Tribunal for the Far East. 25 April 1946. Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals Under Control Council Law. Vol. XV. Procedure, Practice and Administration. No. 10. Washington, 1946–1949.

[11] См.: *Borch F.L.* Sitting in Judgment. Myron C. Cramer's Experiences in the Trials of German Saboteurs and Japanese War Leaders // Prologue Magazine. 2009. Vol. 41. No. 2.

Главным обвинителем стал представитель от США Дж. Б. Кинан ***(Joseph Berry Keenan)***. Он выступил с заявлением для прессы вместе с обвинительным заключением: «Война и нарушители договоров должны быть лишены очарования национальных героев и разоблачены как те, кем они являются на самом деле – простые, обычные убийцы».

От СССР обвинение представляли: зав. секцией в Институте права АН СССР и начальник Договорно-правового отдела МИД СССР, член-корр. АН СССР С.А. Голунский[12], сменивший его прокурор г. Москвы А.Н. Васильев и государственный советник юстиции Л.Н. Смирнов. От Китая обвинителем был главный прокурор Шанхайского верховного суда Сян Чжэ-чжунь, от Великобритании – бывший член парламента, адвокат А. Коминс-Карр (заместитель главного обвинителя), от Франции – главный прокурор в суде присяжных департамента Сены и Марны Р. Онето, от Австралии – член верховного суда штата Квинсленд А. Мэнсфилд, от Голландии – член специального суда в Гааге В. Бергергоф-Мульдер, от Канады – заместитель главы военно-судебного ведомства канадской армии бригадный генерал Г. Нолан, от Новой Зеландии – прокурор Верховного суда генерал Р. Квильям, от Филиппин – член Филиппинского конгресса майор П. Лопец, от Индии – Г. Менон[13].

3 мая 1946 г. состоялось первое заседание Трибунала. Судебный процесс продолжался более двух с половиной лет, в нем были заслушаны показания 419 свидетелей и принято 4336 доказательств, включая показания под присягой 779 других лиц. Но при этом уже 9 сентября 1947 г. сторонами процесса было завершено представление доказательств, а следующие 15 месяцев происходила жесткая борьба правовых и политических позиций Союза ССР и США по поводу привлечения к уголовной ответственности и предания суду японских военных преступников, готовивших бактериологическую войну. С 4 по 12 декабря 1948 г. оглашался обвинительный приговор.

Логическим продолжением торжества правосудия над военными угрозами миру и человечеству стал Хабаровский процесс – суд Военного трибунала Приморского военного округа над бывшим главнокомандующим, воинскими должностными лицами и сотрудниками специальных подразделений японской Квантунской армии.

Для правильной оценки масштабов процесса необходимо иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, отношение к войне и новым видам вооружений. Следует заметить, что в 1945 г. в отличие от сегодняшнего дня никакого особого клейма на ядерном оружии не было. Как показывают исторические данные, в 1945 г. большинство генералов и политиков были мало обеспокоены атомным оружием по двум причинам. Так, атомная бомбардировка была просто продолжением стратегических бомбардировок во время войны, которая существенно увеличила масштабы разрушений. Ко времени применения атомных бомб Вторая мировая война создала неразрывную паутину между ядерными и обычными бомбардировками, а также между тактическими и стратегическими бомбардировками. Атомное оружие не представляло больших моральных проблем для лиц, принимающих решения, поскольку накопленные варварские последствия войны – бомбардировки зажигательными бомбами мирных граждан в жилых кварталах, жестокие военные действия на Окинаве – уже разрушили традиционные моральные кодексы и законы войны. Для президента Трумэна и его советников в 1945 г., таким образом, по их мнению, не было никаких препятствий для использования бомбы. Как позже писал тогдашний военный министр США Г.Л. Стимсон, атомная бомба казалась «столь же законной, как и любое другое смертоносное взрывчатое вещество современной войны».

Достаточно сказать, что старшие японские офицеры, хотя не оспаривали теоретическую возможность такого оружия, отказывались признать, что Соединенные Штаты преодолели огромные практические проблемы, связанные с созданием атомной бомбы. 7 августа 1945 г. императорский штаб опубликовал сообщение, в котором говорилось, что Хиросима была поражена новым типом бомбы. Группа во главе с генерал-лейтенантом Сэйдзе Арисуэ была направлена в Хиросиму 8 августа, чтобы разобраться в нескольких конкурирующих теориях относительно причины взрыва, в т.ч. в том, что Хиросима была поражена магниевой или жидкокислородной бомбой.

Хотя некоторые ученые и даже несколько чиновников высказывали опасения по поводу моральных последствий применения бомбы без предупреждения, их опасения не нашли восприимчивой аудитории. Решение о применении бомбы было принято не спонтанно, это был результат процесса, начатого гораздо раньше в ожидании того, что любое имеющееся атомное оружие будет использовано против Германии. Когда война

[12] Голунский Сергей Александрович в 1947–1948 гг. входил в Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза. В 1952–1953 гг. – член Международного Суда ООН. В 1959–1961 гг. – главный редактор журнала «Советское государство и право» (ныне – «Государство и право» РАН).

[13] См.: *Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б.* Суд в Токио / послесл. С.И. Коваленко, с. 544–574. 3-е изд., испр. М., 1984.

с Германией закончилась, большинство политических и военных лидеров, знавших о бомбе, заявили, что она будет использована против Японии, как только будет готова. После войны 80% опрошенных американцев поддерживали применение атомных бомб, и в оправдание приводились моральные аргументы.

Вот так цинично ставший волей случая президентом США «фермер, играющий в покер из Миссури»[14] Г. Трумэн начал свой путь в мировой политике, размахивая «атомной дубиной».

Во-вторых, создание и применение атомных бомб определили новую стратегию президента США, который целиком доверился военным и стал весьма восприимчив к мнению У. Черчилля. Заявленная политика администрации Трумэна заключалась в том, что Соединенные Штаты не согласятся ни на что иное, как на полную и безоговорочную капитуляцию Японии. Трумэн унаследовал эту формулу от Рузвельта, который публично заявил после встречи с Черчиллем в Касабланке в январе 1943 г., что цель войны союзников включает «безоговорочную капитуляцию Германии, Италии и Японии».

Из воспоминаний Г.Л. Стимсона известно, что 25 апреля 1945 г. в Белом доме он объяснял природу проблемы атомной энергии человеку, чье «единственное предыдущее знание об этой деятельности заключалось в том, что этот вопрос должен храниться в секрете от него. Теперь он был президентом и главнокомандующим, и окончательная ответственность в этом, как и во многих других вопросах, должна лежать на нем».

При этом он представил меморандум, состоявший из девяти пунктов, первый из которых гласил: «В течение четырех месяцев мы, по всей вероятности, создадим самое страшное оружие, когда-либо известное в истории человечества, одна бомба которого может уничтожить целый город»[15].

Получив оружие стоимостью в 2 млрд долл., предназначенное для уничтожения городов, Стимсон безрассудно оправдывался тем, что какой бы ужасной ни была бомба, она сможет ускорить окончание войны и предотвратить дальнейшие бомбардировки, а также запланированное вторжение на родные острова Японии. Ему вторил Оппенгеймер, заявивший об отказе от демонстрации бомбы вне ее боевого применения. В конечном счете возобладала позиция одобрения неизбирательных ядерных убийств с целью положить конец неизбирательным обычным убийствам.

Представляется, что мотивация здесь была не слишком возвышенной, а вполне субъективной: в 1931 г., когда Япония вторглась в Маньчжурию, Стимсон как государственный секретарь провозгласил «доктрину Стимсона», которую Япония проигнорировала. По его словам, колеса правосудия теперь повернулись, и «миролюбивые» нации, как их называл Стимсон, получили возможность наказать злодеяния Японии таким образом, чтобы предупредить страны-агрессоры никогда больше не вторгаться к их соседям. Чтобы утвердить новый международный порядок, он считал, что атомная бомба должна быть использована против комбатантов и рабочих во время войны. В Хиросиме и Нагасаки находились военные базы и крупные центры военной промышленности, где работали десятки тысяч гражданских лиц. Вопрос для Стимсона заключался не в том, следует ли использовать это оружие. Речь шла о простом вопросе прекращения ужасной войны и о более тонком и важном вопросе о возможности подлинного мира между народами. Решение Стимсона касалось судьбы человечества, и он поставил эту проблему перед миром в такой простой и ясной форме, что было почти единодушно решено, что человечество должно найти способ, чтобы атомное оружие никогда больше не использовалось для убийства людей.

Хиросима и Нагасаки были выбраны в качестве объектов ядерных ударов, потому что их уничтожение нанесло бы ощутимый ущерб за то, что они в значительной степени избежали предыдущих бомбардировок США, наложило бы прямые военные и промышленные издержки на Японию и имело бы психологический мультипликатор. США в августе 1945 г. нанесли эти удары, жертвами которых стали более 200 тыс. человек, без учёта последствий облучения.

После атомной бомбардировки Нагасаки Трумэн сделал заявление, подтверждающее совпадение позиций со Стимсоном: «Британское, Китайское и американское правительства должным образом предупредили японский народ о том, что его ожидает. Мы изложили общие условия, на которых они могут сдаться. Наше предупреждение осталось без внимания, наши условия были отвергнуты. С тех пор японцы увидели, на что способна наша атомная бомба.

Создав бомбу, мы воспользовались ею. Мы использовали ее против тех, кто напал на нас без предупреждения в Перл-Харборе, против тех, кто морил голодом, избивал и казнил американских военнопленных, против тех, кто отказался от всяких притязаний на подчинение международным законам ведения войны. Мы будем продолжать использовать ее до тех пор, пока полностью

[14] *Walker J.* Operation Unthinkable: Churchill's plan for World War Three. URL: https://media.nationalarchives.gov.uk/index.php/operation-unthinkable-churchills-plan-world-war-three/

[15] См.: Memorandum Discussed with President Truman April 25, 1945.

не уничтожим мощь Японии для ведения войны. Только капитуляция Японии остановит нас.

Мы благодарим Бога за то, что он пришел к нам, а не к нашим врагам, и молимся, чтобы он помог нам использовать ее на своем пути и в своих целях»[16].

Из ежедневных записей Г. Уоллеса мир узнал: «Трумэн сказал, что отдал приказ прекратить атомную бомбардировку. Он сказал, что мысль об уничтожении еще 100 000 человек была слишком ужасной. Ему не нравилась идея убивать, как он сказал, "всех этих детей"»[17]. Америка ликовала по этому поводу, ее президент выражался пренебрежительно и надменно.

В-третьих, в начале мая 1945 г. – всего через несколько дней после взятия Берлина советскими войсками – Черчилль приказал сотрудникам своего объединенного штаба планирования в военном ведомстве разработать ***Operation "Unthinkable"*** – операцию «Немыслимое» – масштабное наземное, воздушное и военно-морское наступление на Советский Союз. Первоначальная основная цель операции была объявлена как «навязать России волю Соединенных Штатов и Британской империи»[18]. Для победы над Красной Армией предлагалось перевооружить как вермахт, так и СС. Это предложение (хотя сенсационно противоречивое) добавило бы еще 10 дивизий к армии Запада, закаленных шестью годами войны.

В ноябре 1945 г. Главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии Маршал Советского Союза Г.К. Жуков направил меморандум в Контрольный совет, в котором обвинил в сохранении организованных подразделений бывшей немецкой армии в британской зоне, что, по его мнению, британцы не выполняют условия Потсдамского соглашения. Вместо разоружения и роспуска немецких войск, как было заявлено на Тегеранской конференции, они сотрудничали с ними.

В меморандуме утверждалось, что британцы полностью сохранили немецкие штабные структуры, что имеется две группы корпусов, каждая по 100 тыс. человек; что существовали немецкие танковые отряды. В заключение предлагалось, чтобы комиссия Контрольного совета посетила британскую зону оккупации для изучения ситуации на месте.

Главнокомандующий британскими оккупационными войсками в Германии, кавалер высшего советского военного ордена «Победа» (5 июня 1945 г.), фельдмаршал Монтгомери ***(Bernard Law Montgomery, 1st Viscount Montgomery of Alamein)*** фактически признал присутствие 700 тыс. бывших военнослужащих вермахта в районах сосредоточения в ожидании расформирования: «Во-первых, нам некуда было их направить, если они были бы расформированы, и мы не смогли бы их охранять, если содержать в лагерях. Во-вторых, британское правительство потребовало 225 000 немцев в качестве репараций для Соединенного Королевства.

Бывшие сотрудники Вермахта не назывались военнопленными, потому что мы не хотели применять к ним Женевскую конвенцию. Немецкий штаб был оставлен для административных целей, поскольку было нелепо нанимать британцев для управления немцами»[19].

В свою очередь, после возвращения из Потсдама Трумэн приказал генералу Эйзенхауэру разработать совершенно секретный боевой план возможной тотальной войны с Советским Союзом.

Такой план под названием ***"Totality"***[20] был разработан. Он представляет собой первый по времени и возглавивший череду разрабатываемых в дальнейшем руководством США планов по военным действиям против СССР с применением атомного оружия, таких как «Пинчер» (***Pincher***, март–июнь 1946 г.), «Бройлер» (***Broiler***, 1947 г.), «Бушвэкер», «Кранкшафт», «Хафмун» (***Halfmoon*** – «Полумесяц»), «Флитвуд» ***(Fleetwood)***, «Когвилл» (***Cogwheel*** – «Шестеренка»), «Чариотир» (***Charioteer*** – «Колесничий») – 1948 г., «Троян» (***Trojan***, 28 января 1949 г.), «Оффтэкл» ***(Offtackle)***, «Дропшот» ***(Dropshot)*** – 1949 г. Число советских целей, подлежавших уничтожению, выросло с 20 городов в декабре 1945 г. до 200 городов в 1949 г. и до 3261 общей цели к 1957 г. Ожидалось около 6.7 млн жертв, из которых 2.7 млн будут убиты. Концепция ядерного сдерживания не фигурировала в военных планах. Ядерное оружие рассматривалось исключительно как оружие войны.

Так, «Дропшот» предполагал использование ядерных и 29 тыс. фугасных бомб по 200 целям

---

[16] *Truman H.S.* August 9, 1945: Radio Report to the American People on the Potsdam Conference. URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-9-1945-radio-report-american-people-potsdam-conference

[17] Дневник министра торговли Генри Уоллеса, 10 августа 1945 года. С. 162. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB162/65.pdf

[18] "Public Record Office, CAB120/691/109040 Operation Unthinkable: 'Russia: Threat to Western Civilization'". British War Cabinet, Joint Planning Staff [Draft and Final Reports: 22 May, 8 June, and 11 July 1945]. Рассекречен в 1998 г. URL: http://www.history.neu.edu/PRO2/pages/002.htm; Report from the British Military leaders to Prime Minister Winston Churchill on the chances of "Operation Unthinkable" – a surprise attack on the USSR, 22 May 1945 (Catalogue ref: CAB120/691). URL: https://www.nationalarchives.gov.uk/education/resources/cold-war-on-file/operation-unthinkable/

[19] *Montgomery B.L.* The Memoirs of Field – Marshal the Viscount Montgomery of Alamein. K.G., 1958. P. 361, 362.

[20] Plan "Totality": Alert Plan for Defense in the Event of Aggression. Headquarters, US Forces, European Theater, G-3 Division (Main), 1946.

в 100 городах и поселках, чтобы одним ударом уничтожить 85% промышленного потенциала Советского Союза и советские боевые самолеты на земле.

В-четвертых, важным мотивом действий американцев была месть. Кроме вышеназванных примеров Пёрл-Харбора и «доктрины Стимсона» генерал армии Дуглас Макартур, который ранее командовал войсками союзников на Филиппинах, не мог забыть, что 11 марта 1942 г. покинул со своим штабом Филиппины и бежал от японских войск под командованием генерал-лейтенанта Масахару Хомма[21] в Австралию. Госсекретарь Корделл Халл тогда поднял вопрос об эвакуации Макартура. В то время бригадный генерал Дуайт Эйзенхауэр написал в своем дневнике: «Я не могу поверить в то, что мы более обеспокоены статьями в редакциях и реакцией на общественное мнение, чем военной логикой. "Па" Уотсон (Эдвин Мартин "Па" Уотсон ***(Edwin Martin "Pa" Watson)*** – советник, помощник и секретарь президента Франклина Рузвельта) явно уверен, что мы должны вывезти Макартура, поскольку он стоит "пяти армейских корпусов".

Оставшиеся на Филиппинах войска союзников капитулировали перед японскими вооруженными силами. По этому случаю он произнёс свою знаменитую речь, в которой провозгласил: "Я прошёл через это, и я вернусь" ***(I came through and I shall return)***»[22]. Бенито Муссолини обозвал его трусом. Начальник штаба армии США генерал армии Дж. К. Маршалл ***(George Catlett Marshall, Jr.)*** решил, что лучший способ противостоять этому – наградить Макартура медалью Почёта. Он же был одним из основных инициаторов атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Битва за Сингапур также известна как падение Сингапура, когда японские войска под командованием Томоюки Ямашита захватили британский оплот, получивший прозвище «Восточный Гибралтар». Сингапур был главной британской военной базой в Юго-Восточной Азии и ключом к планированию британской имперской обороны в период между войнами в Юго-Восточной Азии и юго-западной части Тихого океана. Боевые действия в Сингапуре продолжались всего неделю – с 8 по 15 февраля 1942 г. Город был переименован в Сёнан-то[23].

Это поражение стало крупнейшей в истории британской капитуляцией. В Сингапуре японцы захватили 300 полевых орудий, 180 минометов, 100 зенитных орудий, 54 крепостных орудия, а также 200 бронемашин и 1800 грузовиков. Британская империя потеряла 38 496 солдат из Соединенного Королевства, 18 490 австралийских, 67 340 индийских и 14 382 местных добровольцев. Около 5 000 человек были убиты или ранены, большинство из которых составляли австралийцы.

Взятые в плен британские и австралийские солдаты оставались в сингапурской тюрьме Чанги, многие из них умерли в плену. Тысячи других были перевезены морем в другие части Азии, включая Японию, для использования на принудительных работах в таких проектах, как Сиамско-Бирманская железная дорога смерти и аэродром Сандакан на Северном Борнео. Многие из находившихся на борту кораблей погибли.

Известно, что около 40 тыс. солдат, в основном индийских, присоединились с помощью японцев к Индийской национальной армии, сформированной Раш Бехари Бозе и выступавшей за независимость. Около 7 тыс. из них сражались с силами союзников в Бирманской кампании, а также в северо-восточных индийских регионах Кохима и Импхал. Другие стали охранниками лагеря для военнопленных в Чанги.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль назвал падение Сингапура перед японцами «худшей катастрофой и крупнейшей капитуляцией в истории Великобритании». Личный врач Черчилля лорд Чарльз Макморан Уилсон Моран ***(Charles McMoran Wilson Moran)*** в книге «Черчилль. Из дневников лорда Морана: борьба за выживание 1940–1965» писал: «Падение Сингапура 15 февраля потрясло премьер-министра. Как 100 000 мужчин (половина из них – представители нашей расы) смогли поднять руки перед меньшим количеством японцев? Хотя разум постепенно был подготовлен к падению Сингапура, сдача крепости ошеломила его. Он чувствовал, что это позор. Это оставило шрам в его голове. Однажды вечером, несколько месяцев спустя, когда он сидел в своей ванной, закутанный в полотенце, он перестал вытираться и мрачно оглядел пол: "Я не могу перебраться через Сингапур", – с грустью сказал он»[24].

Сингапур был повторно оккупирован британскими, индийскими и австралийскими войсками в ходе операции ***Tiderace*** только после капитуляции Японии в сентябре 1945 г.

Кроме того, следует отметить, что японская Квантунская армия – это не армия в общепринятом военном смысле, а более чем миллионная группировка войск, состоявшая из трех фронтов, в каждом из которых по две-четыре армии.

[21] В сентябре 1945 г. Хомма был арестован в Токио. После окончания войны он был обвинён в расстрелах американских военнопленных на Филиппинах и приговорён судом в Маниле к смертной казни. Расстрелян.

[22] *Smith G.W.* MacArthur's Escape: John "Wild Man" Bulkeley and the Rescue of an American Hero. St Paul, Minnesota, 2005. P. 210.

[23] 昭南 島 Shōnan-tō; буквально: «Южный остров, завоеванный в эпоху Сёва».

[24] Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran: The Struggle for Survival 1940–1965. Boston, 1966. P. 29.

Япония, несмотря на действие договора с СССР о нейтралитете и приближение окончания Второй мировой войны, в марте 1945 г. готовилась к бактериологической войне против Советского Союза, которая, по расчетам Токио, должна была начаться в июне того же года, как следует из документов, впервые рассекреченных ФСБ России.

Так, согласно признательным показаниям бывшего подпоручика медицинской службы, сотрудника спецотряда № 731 Квантунской армии Сеэя Ямамото (он же Танако Масами), данным им на допросе в конце мая 1950 г., он изыскивал способы длительного сохранения устойчивости бактерий туберкулеза и паратифа «В» для применения в бактериологической войне. «Все исследования с бактериями туберкулеза и паратифа "В", которые проводил лично я <...> проводились в целях применения их как оружия в войне против Советского Союза, которая, как мне было известно из рассказов капитана Симидзу и других военных чиновников 731 отряда, которые присутствовали в марте 1945 года на совещании, проводимом (начальником отряда) генералом Исии, должна начаться в июне месяце 1945 года».

Осуществляя подготовку к войне против СССР и других государств, японские правящие круги и национальные спецслужбы возлагали большие надежды на применение в боевых условиях бактериологического оружия, проводя при этом его разработку, испытания и совершенствование. Оно рассматривалось как средство, способное сыграть чуть ли не решающую роль в парализации деятельности войск противника[25].

Материалы архивных уголовных дел свидетельствуют, что решение об изготовлении бактериологического оружия было оформлено указами императора. На территории оккупированной Маньчжурии создавались совершенно секретные структуры, подчинявшиеся только императору, Генштабу японской армии и как исполнителю – командующему Квантунской армией. Бактериологическая лаборатория, возглавляемая известным в Японии идеологом бактериологической войны, впоследствии генерал-лейтенантом медслужбы Сиро Исии[26], была организована и включена в состав Квантунской армии вскоре после захвата Маньчжурии в 1931 г. В этой лаборатории производились изыскания в области использования бактериологических средств – вирусов острых инфекционных заболеваний.

В 1935–1936 гг. были развернуты два секретных формирования под условными названиями «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии», основными задачами которых являлись выращивание в больших количествах бактерий и бацилл для бактериологического оружия и проведение испытаний его на людях, животных и растениях[27].

В 1941 г. они были, соответственно, зашифрованы как «спецотряд № 731», возглавляемый Исии и располагавшийся в местечке Пинфан в 20 км от Харбина, и «отряд № 100» под руководством генерал-майора ветеринарной службы Юдзиро Вакамацу с местом дислокации в г. Чанчуне.

Отряды имели широкую сеть филиалов на основных направлениях планировавшихся наступательных операций (Читинском, Хабаровском, Благовещенском и др.). Генерал К. Кавасима на допросе 21 октября 1949 г. показал: «731 отряд был организован по секретному декрету императора Японии Хирохито в 1936 году»[28].

«Японские военные подразделения также провели полевые испытания оружия, распространяющего болезни, как против вражеских войск, так и против гражданского населения. Дополнительные тысячи смертей были вызваны распространением зараженных чумой блох и бацилл холеры в Китае, хотя экспериментаторы не разработали действительно эффективного и хорошо контролируемого метода рассеивания таких агентов.

Японцы считали китайцев и корейцев расово неполноценными, хотели уничтожить население и оккупировать их территории для японской империалистической экспансии. Японцы также утверждали, что заключенные, используемые в качестве подопытных, как подозреваемые участники

[25] См.: *Моримура С.* Кухня дьявола / предисл. М. Демченко. М., 1983.

[26] Сиро Исии являлся главным вдохновителем и организатором работ, связанных с созданием в Японии бактериологического оружия. Окончив в 1920 г. медицинский факультет Императорского университета в Киото, а затем и аспирантуру, он до апреля 1928 г. работал врачом-ординатором местного военного госпиталя, откуда был направлен в длительную заграничную командировку. До конца 1930 г. Исии посетил почти все европейские страны, в т.ч. СССР, где ознакомился с работой медицинских научно-исследовательских институтов Москвы и Ленинграда.

[27] См.: *Harris S.* Japanese biological warfare research on humans: a case study of microbiology and ethics // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. No. 666 (1). P. 21–52; *Хироси А.* Особый отряд 731 / пер. с яп. М.А. Гусева, В.А. Зломанова, А.Г. Рябкина, Н.Н. Тулинова. М., 1958.

[28] *Христофоров В.С.* Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России. С. 229, 230. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1632992497&tld=ru&lang=ru&name=4b62fc5fabae8c4e3c142a87be2c219dd28d1f16.pdf&text=Христофоров%20В.С.%20хабаровский%20процесс%20по%20материалам%20центрального%20архива%20фсб.%20т.%20IX%20расплата&url=https%3A%2F%2Fhistrf.ru%2Fuploads%2Fmedia%2Fdefault%2F0001%2F26%2F4b62fc5fabae8c4e3c142a87be2c219dd28d1f16.pdf&lr=14&mime=pdf&l10n=ru&sign=b66f01cd4fa2ed9d93f923d46c89ddab&keyno=0&nosw=1

сопротивления и коммунисты, были бы казнены в любом случае»[29].

В отрядах № 731 и № 100 велись опыты по заражению людей бактериями чумы, сибирской язвы, холеры, тифа и другими микробами. Большинство зараженных умирали в страшных муках. Те, кто выздоравливал, подвергались повторным опытам и в конце концов тоже умерщвлялись. У живых людей вырезали внутренние органы, чтобы посмотреть, как инфекция распространяется по организму. Японские военные проводили и другие бесчеловечные эксперименты над людьми, неизбежно приводившие к их смерти.

По воспоминаниям сотрудников отряда № 731, всего за время его существования в стенах лабораторий погибли около 3 тыс. человек, над которыми проводились жестокие опыты.

Американские исследователи свидетельствуют: «Примерно 1000 вскрытий было проведено в Отряде 731, большинство из них на людях, которые были подвержены сибирской язве»[30]. Они также утверждают, что к тому времени «японцы накопили 400 кг спор сибирской язвы, которые должны были быть использованы в специально разработанной осколочной бомбе»[31].

По другим оценкам, число погибших достигает 10 тыс. человек. В качестве подопытных в числе прочих там использовались советские военнопленные из числа узников концлагеря «Хогоин» («Приют») в районе Харбина, который относился к японским разведслужбам и находился недалеко от места расположения отряда № 731[32].

В июне 1948 г. начальник концлагеря Иосио Иидзима на допросе сообщил, что в лагере содержали исключительно русских мужчин, «Хогоин» был рассчитан на 150 мест. Заместитель начальника Кендзи Ямагиси рассказал, что основной задачей было получение от пленных информации о военных и экономических возможностях СССР и о политической ситуации. Информацию получали при помощи пыток.

«Непокорные нашим японским интересам советские военнослужащие, содержавшиеся в лагере “Хогоин”, физически нами истреблялись, причем такое истребление осуществлялось в 731-м химическом диверсионном отряде, в котором над обреченными на смерть советскими людьми предварительно производились различные опыты в целях испытания действия новых химических отравляющих веществ и бактериологических средств», – говорил на допросе Ямагиси[33].

По словам Иосио Иидзимы, он направил в 731-й отряд около 40 человек. Они попадали в отряд без личных вещей, т.к. одежду и военную форму военнопленных использовали для японских разведчиков. Согласно рассекреченным документам японские спецслужбы после капитуляции убили еще нескольких советских граждан, которых не успели отправить в отряд[34].

На тот момент у советских и американских военных имелась информация о наличии у японской армии бактериологического оружия, полученная во время войны. Это оружие стали разыскивать.

В этом месте приведу важное замечание. По информации американских ученых, «еще в 1941 г. военный министр Генри Л. Стимсон предложил Национальной академии наук оценить возможность биологической войны. Академия пришла к выводу, что биологическая война возможна, и рекомендовала принять меры для снижения уязвимости США, а также провести исследования для изучения наступательного потенциала бактериологического оружия.

В апреле 1942 года Стимсон рекомендовал президенту Франклину Д. Рузвельту создать консультативную группу, которая координировала бы правительственные и частные учреждения в усилиях по разработке биологического оружия, но он не сказал Рузвельту, что Армейская служба химического оружия начала собственное исследование биологической войны в 1941 году. Идея биологического оружия была спорной, поскольку мало что было известно о предсказуемости или эффективности биологического оружия в военное время.

Президент Рузвельт одобрил план в 1942 году, и была создана Служба военного резерва во главе

---

[29] *Brody H., Leonard S.E., Nie J.-B., Weindling P.* United States Responses to Japanese Wartime Inhuman Experimentation after World War II: National Security and Wartime Exigency // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2014. Vol. 23. Issue 2. P. 220–230.

[30] *Franz D.R., Parrott Ch. D., and Takafuji E.T.* The U.S. Biological Warfare and Biological Defense Programs. Medical aspects of chemical and biological warfare / specialty eds. F.R. Sidell, E.T. Takafuji, D.R. Franz. p. cm. – (TMM series. Part I, Warfare, weaponry, and the casualty). Includes bibliographical references and index. 1. Medicine, Military. 2. Chemical warfare. 3. Biological warfare. I. Sidell F.R. II. Takafuji E.T. III. Franz D.R., D.V.M. IV. Series: Textbook of military medicine. Part 1, Warfare, weaponry, and the casualty; [v. 3]. [DNLM: 1. Chemical Warfare. 2. Biological Warfare. 3. Military Medicine – methods. UH 390 T355 pt. 1. 1997. V. 3]. Chapter 19. P. 427.

[31] Ibid.

[32] См.: ФСБ: Япония в 1945 году готовилась к бактериологической войне против СССР. URL: https://ria.ru/20210820/yaponiya-1746491216.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

[33] См.: ФСБ рассекретила документы об испытаниях Японией биооружия на советских гражданах. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4948753?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

[34] См.: ФСБ рассекретила имена агентов Японии в СССР. URL: https://vz.ru/news/2021/8/20/1114669.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

с Джорджем У. Мерком ***(George W. Merck)*** в составе Федерального агентства безопасности Агентства Нового курса Министерства сельского хозяйства ***(Federal Security Agency, a New Deal agency of the Department of Agriculture)***. Служба военного резерва начала свою деятельность в середине 1942 года с бюджетом в 200 000 долларов.

Секретная работа началась под руководством Мерка в 28 американских университетах, включая Гарвард, Стэнфорд, и других ведущих научных школах. Эта Служба получила консультативные рекомендации от национальных научных комитетов и организаций, включая Национальную академию наук и Национальный исследовательский совет.

Служба военного резерва также уполномочила Службу химического оружия армии США значительно расширить свои усилия в отношении биологического оружия. Усилия армии финансировались лучше, чем усилия Службы военного резерва: в 1942 и 1943 годах Служба химического оружия получила миллионы долларов на строительство исследовательских центров. Для проведения армейских биологических исследований было выбрано несколько мест: главный штаб – в Кэмп-Детрик, Фредерик, штат Мэриленд, на небольшом аэродроме Национальной гвардии (в 1956 году он был поименован как Форт-Детрик). Армия также планировала построить завод недалеко от Терре-Хот, штат Индиана, и построить полевой испытательный полигон на острове Хорн в Паскагуле, штат Миссисипи. Большая часть усилий Соединенных Штатов по созданию биологического оружия во время Второй мировой войны была ответом на предполагаемую угрозу со стороны Германии, хотя на самом деле японцы гораздо активнее наращивали свой потенциал биологической войны.

Весной 1942 года президент Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль объявили о политике, ограничивающей использование биологического оружия только ответными мерами, что очень похоже на предыдущие решения, такие как Женевский протокол 1925 года об ограниченном применении химического оружия. Но эта новая политика не помешала Соединенным Штатам и Великобритании начать накапливать арсеналы биологического оружия.

К 1943 году в исследовательском центре и на опытном заводе в Кэмп-Детрик работало около 3800 военных и 100 гражданских сотрудников.

Соединенные Штаты обменивались информацией с Великобританией и Канадой, обеспокоенными угрозой биологической войны, но широкая общественность не знала о программе биологической войны в Соединенных Штатах. Во время Второй мировой войны Соединенные Штаты работали в основном над штаммами сибирской язвы и ботулизмом; однако также изучались бруцеллез, орнитоз, туляремия и сап. Также велась значительная работа над средствами против растений, и записи показывают, что были составлены планы по уничтожению посевов риса в Японии»[35].

Профессор Университета Канагава Цунэиси Кэйити ***(Keiichi Tsuneishi)*** утверждает, что вскоре после окончания военных действий американцы сформировали специальную поисковую группу, которую возглавил подполковник Мюррей Сандерс ***(Murray Sanders)*** – эксперт базы «Кэмп-Детрик», занимавшийся разработкой биологического и химического оружия в США[36].

Эта группа выявляла в Японии лиц, обладавших научной и технологической информацией, в первую очередь подчиненных сотрудников Исии Сиро. Незадолго до того, как Маньчжурия была занята Советской Армией, многим из последних удалось эвакуироваться в Корею и вывезти часть архива. Все оборудование, помещения отряда, а также выжившие люди, на которых проводились медицинские опыты, были уничтожены. Из Кореи Исии перебрался в Японию, где и был захвачен американцами. Но часть высокопоставленных военных преступников, в т.ч. из отряда № 731, оказались в советском плену.

С сентября по октябрь 1945 г. Сандерс допросил 10 человек, бывших сотрудников отряда № 731, о чем был составлен соответствующий доклад. Им были получены эскизы японской бактериальной бомбы **UJI**, где для изготовления снаряда использовался фарфор, а не металл, потому что он мог быть разрушен гораздо меньшим зарядом взрывчатого вещества[37]. Кроме того, он был значительно легче, что было немаловажно при разработке Японией концепции доставки таких бомб на территорию США с использованием воздушных шаров для целенаправленного использования потоков ветра при перемещении через океан воздушных масс. Однако японцы придерживались указаний о неразглашении на тот момент всей информации американцам. Цунэиси Кэйити приводит текст обнаруженной письменной инструкции генералу Масадзи Китано, являвшемуся после Сиро Исии (с августа 1942 по май 1945 г.) начальником отряда № 731.

---

[35] *Franz D.R., Parrott Ch. D. and Takafuji E.T.* Op. cit. P. 426, 427.

[36] Здесь находится Командование медицинских исследований и разработок армии США (USAMRDC) с его агентством биологической защиты, Медицинским научно-исследовательским институтом инфекционных заболеваний армии США (USAMRIID). В августе 2019 г. было заявлено, что его деятельность по исследованию смертоносных микробов остановлена.

[37] См.: Big Chemical Encyclopedia. Scientific and Technical Advisory Section, US Army Forces, Pacific. Biological Warfare. Vol. 5. In: Report on Scientific Intelligence Survey in Japan. HQ, – US Army Forces, Pacific, 1945. P. 32.

В ней значилось, что «расследование США не выявило экспериментов над людьми, разработки либо испытаний бактериологического оружия», предписывалось придерживаться соответствующей линии и на допросе.

Сменивший Сандерса полковник Арво Томпсон ***(Arvo Thompson)***, допрашивавший Китано и Исии, также отмечал, что все допрошенные, по-видимому, были связаны инструкцией о неразглашении. В конце мая 1946 г. он представил заключительный доклад о результатах работы группы, ее деятельность была свернута[38].

Тем временем на заседаниях Токийского трибунала заслушивалось обвинение, подготовленное американской стороной. Ей также было поручено представлять интересы гоминьдановского Китая. По просьбе американцев 6 июля 1946 г. Главный обвинитель от СССР в Международном военном трибунале С.А. Голунский направил в советское Министерство иностранных дел телеграмму с просьбой «произвести допрос Кадзицука Рюдзи, бывшего начальника санитарного отдела Квантунской армии по вопросу о проводившихся японцами в Харбине в период 1934–1940 годов экспериментах с отравляющими газами над китайскими кули». В начале августа 1946 г. генерал-лейтенант Кадзицука Рюдзи был допрошен в качестве свидетеля. Он подтвердил, что Управление по водоснабжению и борьбе с эпидемиями Квантунской армии находилось у него в подчинении, однако ничего не сообщил о разработке бактериологического оружия. Кадзицука назвал фамилии нескольких своих подчиненных, которых тут же принялись искать в советских лагерях, но, как оказалось, они не имели никакого отношения к интересующему следователей вопросу.

Изложенные обстоятельства бесспорно свидетельствовали о понимании участниками разработки бактериологического оружия противоправности своих действий, их групповой сплоченности и нежелании сотрудничать с представителями государств-победителей.

В конце августа 1946 г. на Токийском процессе произошло важное событие. В своем выступлении 29 августа помощник американского обвинителя Дэвид Н. Саттон, зачитывая текст, в котором перечислялись преступления японской армии против китайского населения, сообщил о практике использования гражданских и пленных в медицинской лаборатории, о которой ему и подполковнику Томасу Х. Морроу из Секции международного обвинения Токийского судебного процесса стало известно по результатам командировки в Китай.

По его словам, это была одна из самых секретных организаций, и поэтому число убитых не может быть точно установлено. Это заявление американского обвинения вызвало вопрос председателя Суда У. Уэбба: может ли Саттон предоставить дополнительные доказательства существования предполагаемых лабораторных экспериментов или собирается этим ограничиться? «Это нечто совершенно новое, о чем мы раньше не слышали», – пояснил У. Уэбб. Однако ответ Саттона был достаточно кратким: «В настоящее время мы не предполагаем предоставлять дополнительные доказательства на этот счет».

Советские прокуроры М.Ю. Рагинский, С.Я. Розенблит, Л.Н. Смирнов дали объективную оценку позиции американских обвинителей: «Укрывательство злодеев, готовивших бактериологическую войну и применявших бактериологическое оружие, является продолжением общей политики США, заключающейся в том, чтобы превратить военных преступников Второй мировой войны в своих союзников в будущей мировой войне, которую неприкрыто готовят правящие круги Соединенных Штатов. [...]. Особенно наглядно укрывательство военных преступников правящими кругами Соединенных Штатов Америки выявилось в связи с процессом над японскими преступниками, готовившими и применявшими оружие бактериологической войны.

В Хабаровском процессе было неопровержимо установлено, что нанкинский бактериологический отряд “Эй” № 1644, который совместно с экспедицией отряда № 731 применял бактериологическое оружие против китайского народа, давно готовил это чудовищное преступление, испытывая действие бактериологических средств и отравленных сывороток на китайских гражданах.

Об этих злодеяниях японской военщины были предъявлены доказательства еще в 1946 году Международному военному трибуналу в Токио»[39].

По свидетельству Л.Н. Смирнова, входившего на Токийском процессе в группу советского обвинения и бывшего главным обвинителем в Хабаровском процессе, доклад о жестоких преступлениях японских агрессоров привлек внимание Международного трибунала, и он попросил американское обвинение предоставить Суду более полные доказательства преступной деятельности упомянутого подразделения. «Однако ни американский, ни гоминьдановский обвинители не пожелали раскрыть

[38] См.: *Романова В.В.* От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами // История медицины. 2015. Т. 2. № 1. С. 73, 74.

[39] Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии (Хабар. процесс япон. воен. преступников) / М.Ю. Рагинский, С.Я. Розенблит, Л.Н. Смирнов. М., 1950. С. 88, 101, 102.

правду и уклонились от дополнительного расследования, которого потребовал Трибунал. И действительно, ни в то время, ни позже американское обвинение не представило Трибуналу дополнительных доказательств подготовки японскими империалистами бактериологической войны и применения ими бактериологического оружия против китайцев, хотя возможность представить такие доказательства была у американских обвинителей»[40].

К этому времени у советской стороны уже существовали достаточно веские доказательства. В ее распоряжении имелись свидетельские показания военнопленного генерал-майора медицинской службы Кавасимы Киоси, являвшегося начальником производственного отдела отряда № 731 с 1941 по март 1943 г. Уже на первом допросе, 11 августа 1946 г., он сообщил подробные сведения о его деятельности. В августе и сентябре продолжались допросы Кавасимы, в ходе которых выяснилось, что проводившиеся в отряде исследования, опыты над людьми, а также производство по выращиванию бактерий в больших количествах «несомненно, преследовали цель изыскания эффективных средств бактериологического нападения на противника».

Он заявил, что жертвами бесчеловечных экспериментов являлись не только китайцы, но «видимо, были также монголы, русские и другие национальности». Генерал сообщил также сведения о полученных японцами результатах в области изучения иммунитета человеческого организма, повышения эффективности противочумной и сыпнотифозной вакцин и др.

Весьма ценными стали также показания военнопленного Карасавы Томио, майора медицинской службы, бывшего начальника отделения 4-го отдела отряда № 731, допрошенного в качестве свидетеля 26–28 и 30 сентября 1946 г. Во время допросов он довольно подробно рассказал о численности, структуре, основных направлениях и методах деятельности отряда, о роли Сиро Исии в разработке биологического оружия.

Стало понятно, что получены веские доказательства преступной деятельности японских военных по разработке бактериологического оружия и его испытаний на людях. Исходя из этого, обвинитель от СССР на Токийском процессе А.Н. Васильев 29 октября 1946 г. направил в Москву запрос относительно возможности доставки этих двух свидетелей в Японию. В Токио предварительно были направлены не протоколы их допросов, а своеобразный дайджест: по результатам четырех допросов Карасавы был составлен один краткий протокол, в котором отсутствовали все технологические подробности деятельности бактериологов.

В этой связи заместитель Министра иностранных дел Яков Александрович Малик 5 ноября 1946 г. обратился в правительственную Комиссию по руководству работой советских представителей в Международном военном трибунале с просьбой рассмотреть данный вопрос. Мнение Министра внутренних дел С.Н. Круглова было однозначным: «Направление Кавасимы и Карасавы в Токио в качестве свидетелей обвинения на Токийский процесс МВД СССР считаем нежелательным».

Иное мнение высказали в письме от 6 декабря 1946 г. в указанную Комиссию заведующий II Дальневосточным отделом МИД Н.И. Генералов и старший помощник Главного военного прокурора, полковник юстиции С.Я. Розенблит: «По просьбе американцев органами МВД произведено расследование вопросов, связанных с подготовкой японцами бактериологической войны и опытами применения бактериологических средств на китайцах. Собранные материалы (протоколы допросов двух военнопленных японцев) были посланы в Токио и предъявлены Главному обвинителю Кинану, который признал желательным использовать для суда протоколы показаний двух японцев – Кавасима Киоси и Карасава Томио с доставкой обоих в Трибунал для дачи свидетельских показаний. Тов. Васильев считает целесообразным использование этих материалов в суде и доставку в Токио этих двух свидетелей. С мнением тов. Васильева считаем возможным согласиться».

Однако вскоре обвинитель А.Н. Васильев сообщил из Токио: «Вчера я получил официальный ответ от заместителя Кинана о том, что они считают использование этих материалов невозможным, учитывая, что, по их мнению, нельзя будет доказать, что эта подготовка велась по указанию или хотя бы с ведома подсудимых, и что нет других подтверждающих материалов, а наличного материала недостаточно для того, чтобы обосновать обвинение».

7 января 1946 г. А.Н. Васильев направил руководителю управления Генерального штаба Верховного командующего союзными войсками Макартура, занимавшегося сбором информации о военных преступлениях японской армии, письмо. В нем содержалась просьба о выдаче генерала Исии.

Дальнейший ход событий стало возможно восстановить только благодаря рассекреченным американским архивным документам, которые ввел в научный оборот японский проф. Цунэиси Кэйити.

По его утверждению, информация в письме должна была стать шоком для аналитиков из Кэмп-Детрик

[40] Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии (Хабар. процесс япон. воен. преступников) / М.Ю. Рагинский, С.Я. Розенблит, Л.Н. Смирнов. С. 101, 102.

и Генштаба США. В нем неоспоримо доказывалось, что проведенное ими расследование неполно[41].

Благодаря содержанию советского требования выяснилось, что они не выявили, во-первых, факты использования биологического оружия против русских и китайцев, во-вторых, обстоятельства, согласно которым проводившиеся на людях медицинские эксперименты исходили из того, что жертвы будут умерщвлены.

Выдвинутое Советским Союзом требование активно обсуждалось Государственным департаментом и Объединенным комитетом начальников штабов США. Вскоре, 17 января, пока официальные власти США еще не определились, как реагировать на советский запрос, состоялась встреча представителей СССР и США, в повестке которой был и этот вопрос.

На январском заседании правительственной Комиссии по руководству Токийским процессом по предложению А.Н. Васильева было признано целесообразным выдвинуть в Трибунале вопрос о подготовке Японией бактериологической войны уже советским обвинением.

В феврале 1947 г. представители штаба Макартура обратились к генерал-лейтенанту К.Н. Деревянко, члену Союзнического совета для Японии от СССР, с просьбой о передаче им для предания суду двух японских генералов – Икэтани Хандзиро и Китадзавы Тэйдзиро[42], находившихся в советских лагерях. Следует отметить, что это было обычной практикой во время проходившего судебного процесса. Однако такие просьбы не всегда удовлетворяли, это решалось в каждом конкретном случае. В этот раз американцам было выдвинуто жесткое условие: выдать СССР Исии Сиро и Оота Киоси. 16 апреля 1947 г. К.Н. Деревянко получил ответ из штаба Макартура, в котором сообщалось, что Исии и Оота не могут быть переданы СССР. Мотивировалось это довольно своеобразно: «У Советского Союза, по-видимому, нет ясно выраженных интересов в военных преступлениях, совершенных японцами над китайцами и манчжурами».

В это время Государственным департаментом и Объединенным комитетом начальников штабов США было решено вновь направить в Токио сотрудника базы «Кэмп-Детрик». На этот раз им был доктор Норберт Фелл ***(Norbert Fell)***, прибывший 15 апреля 1947 г. Видимо, новым раундом допросов Исии и его подручных и объясняется ответ штаба Макартура К.Н. Деревянко.

Исии и его команде удалось договориться и получить от США иммунитет от судебного преследования в Токийском трибунале в обмен на полное раскрытие информации о результатах своих кровавых, бесчеловечных исследований. Хотя советские власти хотели, чтобы уголовное преследование имело место, Соединенные Штаты воспрепятствовали этому после сообщений американских микробиологов, проводивших расследование, о том, что информация «абсолютно бесценна»; она «никогда не могла быть получена в Соединенных Штатах из-за сомнений, связанных с экспериментами на людях»; «информация была получена довольно дешево». 6 мая 1947 г. Д. Макартур написал в Вашингтон, что «дополнительные данные, возможно, некоторые заявления Исии, вероятно, можно получить, проинформировав причастных японцев, что эта информация будет храниться в каналах разведки и не будет использоваться в качестве доказательства военных преступлений».

Договор об иммунитете от судебного преследования был заключен в 1948 г., и Исии никогда не привлекался к ответственности за какие-либо военные преступления, а его точное местонахождение или род занятий не были известны с 1947 г.

Таким образом, после месячного расследования американское командование на Дальнем Востоке пришло к выводу, что этим палачам – Исии и его бывшим сотрудникам – необходимо гарантировать свободу, невзирая на закон и справедливость, и что дополнительные сведения от них могут быть получены только втайне от союзников. И такое решение в США было принято[43].

В конце июня 1947 г. Н. Фелл представил обстоятельный отчет о проделанной работе. В него были включены материалы 60-страничного доклада (до сих пор не рассекреченного), над которым месяц трудились 19 военных – ключевых фигур японской программы бактериологической войны. В октябре в Японию были направлены еще два сотрудника Кэмп-Детрик – доктора Эдвин Хилл и Джозеф Виктор, которые получили информацию от 22 японских ученых-преступников. Американские военные, таким образом, стали обладателями уникальной медицинской информации, полученной в результате экспериментов над людьми. Фелл пришел к выводу, что уровень японских исследований был настолько продвинутым, что достиг точки, на которой можно было делать научные выводы.

[41] См.: *Kei-ichi T.* Reasons for the Failure to Prosecute Unit 731 and its Sagnificance // Beyond Victor s Justice? The Tokyo War Crimes Trial Revisited / ed. by Yu. Tanaka, T. McCormack, and G. Simpson. International humanitarian law series. Leiden – Boston, 2011. V. 30. P. 199.

[42] Был осужден Военным трибуналом ДВО, умер во время отбывания наказания.

[43] См.: *Harris S.H.* Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–45, and the American Cover Up. London and New York, 1994. P. 196, 204; *Williams P., Wallace D.* Unit 731: Japan's Secret Biological Warfare in World War II. New York, 1989; *Franz D.R., Parrott Ch. D., and Takafuji E.T.* Op. cit. P. 427.

Надо ли говорить, что они не собирались делиться полученным результатом со вчерашними союзниками? Так, подкомитет по Дальнему Востоку Государственного военно-морского ведомства США в отчете от 1 августа 1947 г. высказал мнение: «Эксперименты над людьми, аналогичные тем, что проводились группой Исии, были осуждены как военные преступления Международным военным Трибуналом для суда над главными нацистскими преступниками в его решении, вынесенном в Нюрнберге 30 сентября 1946 года. Правительство США в настоящее время преследует в суде в Нюрнберге ведущих немецких ученых и врачей за преступления, которые включали эксперименты на людях, в результате которых пострадали и погибли большинство... [Тем не менее] Ценность японских данных по биологическому оружию для США очень важна для национальной безопасности, поскольку намного перевешивает ценность судебного преследования за военные преступления»[44].

И снова вывод: решение о сокрытии международных военных преступников и совершенных ими массовых тяжких преступлений – в своей основе убийств мирных граждан и военнопленных – было принято в США продуманно, в результате широкого экспертного и коллегиально-командного обсуждения на самом высшем уровне государственного управления, в т.ч. и с учетом возможных негативных политических последствий, являлось частью военной и внешнеполитической деятельности государства. Представляется, что, действуя таким образом, президент США Г. Трумэн утверждался в этой новой для себя должности высокой ценой преступного поведения, упиваясь ролью властителя человеческих судеб на всех континентах и беззастенчиво вовлекая в эти события свою администрацию, государственный аппарат и военное командование. В мире нет ни одного государства, где бы ни была предусмотрена уголовная ответственность за названные действия должностных лиц. Суд потомков, когда тайное и преступное становится явным, – это тоже большая сила и восстановленная историческая справедливость.

Особый цинизм и аморализм такой американской политике придают факты, что еще 6 января 1946 г. официальный орган армии США ***Pacific Stars and Stripes*** сообщил, что американцы были среди жертв экспериментов Исии над людьми. Неделю спустя аналогичные сообщения были опубликованы в ***New York Times***, поэтому новости о военнопленных союзниках, использовавшихся в качестве подопытных кроликов, время от времени разглашались[45].

До 1956 г. Федеральное бюро расследований продолжало признавать факт использования американских военнопленных в экспериментах над людьми. В 60-е годы этот вопрос больше не вызывал общественного интереса. В 1976 г. японское телевидение показало документальный фильм «Ужасы 731-го отряда», который возродил общественный интерес, стремительно росший в Америке в 80-е годы. Из 1485 белых военнопленных союзников, доставленных в Мукден, 1174 были американцами. В первую зиму (1942–1943 гг.) в Мукдене погибло 430 человек, большинство американцев[46]. Начиная с 1943 г. восприимчивость белых людей к болезням была проверена на американских военнопленных для подготовки последующих развертываний биологического оружия в США.

Британский майор Роберт Пити вёл дневник во время содержания под стражей в Мукдене, что дает достаточные доказательства того, что отряд № 731 использовал военнопленных союзников в качестве подопытных кроликов. Австралийский врач Р. Дж. Бреннан также вел дневник, показывая, как военнопленные подвергались экспериментам. Больше всего его беспокоило то, что однажды 150 американских заключенных были вынуждены покинуть лагерь, и они так и не вернулись. Джек Робертс из медицинского корпуса королевской армии и Фрэнк Джеймс, сержант сигнальной роты США, подтвердили, что в первую зиму погибло 430 человек. Из записей в дневнике майора Пити от 6 августа 1943 г.: «сейчас погибло 208 человек»; от 21 ноября 1943 г. – «сейчас погибло более 230 человек»[47].

Один из самых известных случаев экспериментов на людях произошел в Японии в конце войны, жертвами которого стали по меньшей мере девять из 12 членов экипажа, переживших крушение американского бомбардировщика B-29 на о. Кюсю 5 мая 1945 г. Экипаж под командованием лейтенанта Марвина Уоткинса входил в 29-ю группу бомбардировщиков 6-й бомбардировочной эскадрильи. 5 мая 1945 г. его самолет B-29 Superfortress, взлетевший с тихоокеанского о. Гуам, был протаранен японским истребителем. Лейтенанта Уоткинса

[44] *Tien-wei Wu*. A Preliminary Review of Studies of Japanese Biological Warfare and Unit 731 in the United States. URL: https://www.zzwave.com/cmfweb/wiihist/germwar/731rev.htm

[45] См.: *Drea E., Bradsher G., Hanyok R., etc.* Daqing Yang Researching Japanese War Crimes Records. Nazi War Crimes and Japanese Imperial Government Records. Interagency Working Group. Washington, 2006. P. 68–70.

[46] См.: U.S. complicit in Japan's Denial of conducting ghoulish human experiments. December 10, 2014. URL: https://ahrp.org/conspiracy-of-denial-complicity-of-u-s-government-in-japans-fabricated-history-decades-of-willful-national-amnesia/

[47] Private papers of major R. Peaty. URL: https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1030006245

доставили в Токио для допроса, а остальных выживших отдали в Институт анатомии Университета Кюсю в Фукуоке, где они подверглись вивисекции.

11 марта 1948 г. 30 человек из Университета Кюсю были обвинены в Трибунале союзников по военным преступлениям. В показаниях против врачей и сотрудников университета, представленных на слушании в Иокогаме, утверждалось, что врачи вводили заключенным внутривенные инъекции морской воды, чтобы проверить, может ли она служить заменой стерильного физиологического раствора.

У других были удалены части печени, чтобы определить, смогут ли они выжить. Другой эксперимент заключался в том, чтобы определить, можно ли контролировать эпилепсию путем удаления части мозга.

Ни один из этих членов экипажа самолета не выжил, а их останки хранились в формальдегиде до конца войны, когда врачи попытались замести следы, уничтожив улики.

Один врач покончил жизнь самоубийством в тюрьме до суда, и обвинения в каннибализме были сняты из-за отсутствия доказательств, но 23 человека были признаны виновными в проведении вивисекции или незаконном удалении частей тела. Пятеро были приговорены к смертной казни, четверо получили пожизненное заключение, а остальные приговорены к различным срокам заключения.

Два года спустя генерал Д. Макартур, военный губернатор Японии, смягчил все смертные приговоры и сократил большую часть тюремных сроков. К 1958 г. все фигуранты дела были освобождены. Лейтенант Уоткинс был единственным, кто выжил в плену[48].

Эксперт по современной истории Японии проф. Есиаки Есими с помощью Тосиюки Танаки, профессора Хиросимского городского университета, в 2004 г. обнаружил в Национальном архиве в Канберре (Австралия) 400-страничный сборник записей о судебных процессах над японскими военными преступниками, проведенных австралийскими военными в Гонконге 15 июля 1948 г. Документ включает постановление на английском языке и признания на японском языке.

Как следует из этого документа, в ноябре 1944 г. лейтенант, отвечающий за отравляющие газы в подразделении № 5 армии, бросил бутылки с цианистым газом в капитана ВВС Австралии и сержанта ВВС Голландской Ост-Индии. Ему приказал проверить эффективность газа подполковник дивизии. После того, как военнопленные упали, японская военная полиция зарезала их штыками. В показаниях лейтенанта, датированных 17 апреля 1947 г., говорится, что химическому оружию в то время было четыре года, и оно показало признаки ухудшения, что побудило японцев проверить его эффективность. В документе цитируется заявление лейтенанта о его докладе своему начальству о том, что газ все еще действует.

Лейтенант и подполковник были приговорены военным трибуналом к смертной казни через повешение.

Японская армия тайно вела химическую войну (запрещенную международным правом) в Китае с 1937 г.[49]

В 2006 г. бывший фельдшер Императорского флота Японии Акира Макино заявил, что в рамках его обучения в период с декабря 1944 г. по февраль 1945 г. ему было приказано провести вивисекции примерно 30 гражданским заключенным на Филиппинах. Японский врач признает факт жестокого обращения с военнопленными, а также то, что он проводил операции и ампутации конечностей у заключенных, включая женщин и детей. Считается, что имперские силы Японии проводили медицинские эксперименты над пленными, захваченными в Китае[50].

Кен Юаса, бывший военный врач в Китае, также участвовал в аналогичных экспериментах. Юаса активно проводил вивисекции живых китайских заключенных и передавал дизентерийную и брюшную палочку японским войскам для использования в биологической войне. «Я отрицал то, что делал в госпитале в Луане, пока война не закончилась. Это было потому, что у меня не было чувства раскаяния, когда я это делал, – сказал 90-летний Юаса в недавнем интервью ***Japan Times***. – Мы верили, что приказы сверху были абсолютными. Мы провели вивисекцию, как было приказано. Сделав это, мы стерли всякое чувство вины, хотя то, что мы сделали, было ужасно»[51].

Возможность использования установленных материалов о разработке Японией бактериологического оружия обсуждалась ещё на стадии

[48] См.: *Ryall J.* Japanese admit conducting wartime vivisection on captured Americans at Kyushu Imperial University // The Sydney Morning Herald. 2015. April 9; *O'Flynn E.* US bomber crew shot down over Japan were dissected while alive in horrific WW2 experiments: Japanese university acknowledges full details of atrocity 70 years on // Mail Online. 2015. 7 April.

[49] См.: Japan tested chemical weapon on Aussie POW: new evidence // Japan Times. 2004. July 27.

[50] См.: Japanese doctor admits POW abuse. A former doctor in Japan's World War II navy says he was ordered to perform medical experiments on Filipino prisoners before they were executed // BBC News. 2006. Nov. 26.

[51] *Hongo J.* Vivisectionist recalls his day of reckoning. Doctor put conscience on hold until war atrocity confession time came // The Japan Times. 2007. Oct. 24.

подготовки документальной базы советского обвинения на Токийском процессе. Не единожды поднимался вопрос о необходимости передачи советской стороне начальника отряда № 731 генерал-лейтенанта медицинской службы С. Исии, начальника общего отдела отряда д-ра мед. наук, полковника медицинской службы К. Оота, находившихся в плену у американцев, но каждый раз США отказывали под различными предлогами. Однако их представители настаивали на выдаче генералов Т. Китадзавы и Х. Такуми, обвинявшихся в жестоком обращении с военнопленными союзных стран и массовых убийствах китайцев в г. Джохоре[52].

Один из судей Токийского процесса – Берт Ролинг – писал, что ему «впервые стало известно о японских зверствах в результате суда в Хабаровске»[53]. При этом американская администрация в Японии знала и скрывала информацию о фактах разработки японцами бактериологического оружия.

«В свете этих фактов совершенно очевидно, что поведение на Токийском процессе американских обвинителей, выполнявших заказ правящих кругов США, было вызвано стремлением воспрепятствовать полному разоблачению правящей клики Японии, готовившей бактериологическую войну, и что это стремление было продиктовано реакционными кругами США, представителями которых они являются»[54].

В конечном счете в деятельности Трибунала возобладали политико-стратегические соображения со стороны ведущей оккупационной державы США. С эскалацией «холодной войны» и «встречным курсом», долгосрочной целью которого было включение бывшего военного противника Японии в западный лагерь, интерес американцев к дальнейшей тематике или даже преследованию японских военных преступлений исчез. Соответственно, в 1948 г. решениями IMTFE не было заявлено о каких-либо последующих судебных процессах, первоначально запланированных по аналогии с Нюрнбергом. Подозреваемые, уже задержанные для этого, были освобождены без суда.

К послевоенным судебным процессам было приковано внимание всего мира, в т.ч. в силу высокого должностного положения подсудимых. Руководители государств, организовавших суды, бесспорно, контролировали их ход и результаты – для лозунга «война все спишет» время действия истекло. В этой связи у нас не находит понимания позиция отдельных авторов в отечественной научной литературе, когда изложенным обстоятельствам даются, как правило, искаженные неправовые оценки. Первые в истории человечества специальные суды над руководителями государств-агрессоров и высшими должностными и военными лицами на основании новых, конструируемых норм международного права оцениваются вне какого-либо метода исследования, а ответственному поведению глав государств-победителей, высших руководителей судебных и правоохранительных органов навешиваются ярлыки политического давления.

Тем временем в советских лагерях военнопленных Министерством внутренних дел активно проводилась «оперативная работа по выявлению и допросу сотрудников “противоэпидемических отрядов” Квантунской армии».

Всего было допрошено более 1000 человек. Летом 1947 г. шла подготовка доставки из СССР на Токийский процесс свидетелей уже по советскому обвинению. 1 сентября 1947 г. правительственной Комиссией было принято решение «считать целесообразным возбудить вопрос о допросе в Трибунале свидетелей Кавасима, Карасава и Ниси. При этом Комиссия поручала “тов. Васильеву прозондировать отношение к этому вопросу других обвинителей” и о результатах доложить, а Круглову – “начать готовить этих свидетелей”».

24 сентября 1947 г. в СССР решили провести повторный допрос свидетелей и проинформировать международное сообщество в Токио о наличии материалов, свидетельствовавших о подготовке Японии к бактериологической войне. Однако США не позволили вынести этот вопрос на обсуждение. Не удалось включить в число обвиняемых и императора Хирохито, который, согласно документам, вместе с другими представителями японской императорской семьи принимал участие в создании военно-бактериологических отрядов в Маньчжурии[55].

К концу 1947 – началу 1948 г. относится идея проведения на территории СССР самостоятельного суда над выявленными в советских лагерях японскими военнопленными, причастными к разработке бактериологического оружия. Она вполне объяснима. Не вызывал сомнения преступный характер такого рода деятельности, и уже была собрана значительная доказательная база.

---

[52] См.: *Тужилин С.В.* «Совершённые преступления являются громадным злодеянием против человечества». Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 18–24.

[53] *Романова В.В., Шулатов Я.А.* После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 301–316.

[54] Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии (Хабар. процесс япон. воен. преступников) / М.Ю. Рагинский, С.Я. Розенблит, Л.Н. Смирнов. С. 104.

[55] См.: там же.

Отметим, что сразу после капитуляции Японии правительство США направило генералу Макартуру как Верховному главнокомандующему союзных держав «Директиву в отношении выявления, ареста и суда над лицами, подозреваемыми в совершении военных преступлений», § 7 которой вполне допускал организацию такого судебного процесса. В нем указывалось, что «военное командование любой нации, участвующей в оккупации Японии, может создать специальные военные суды для слушания дел военных преступников, которые не задержаны или не требуются Макартуру для разбора их дел международным судом или трибуналом».

Согласно Уставу IMTFE наказание за преступления, совершенные осужденными в СССР иностранными военнопленными, предусмотрено в ст. 5 разд. II.

Проведение Хабаровского судебного процесса не противоречило действовавшим на тот момент положениям международного права. Руководство СССР осознавало, что в IMTFE в Токио к ответственности привлечены далеко не все военные преступники, а американские политики скрывают их от правосудия и не идут на сотрудничество.

С инициативой проведения судебного процесса над японскими военными и должностными лицами выступил 19 февраля 1948 г. Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов, которого поддержали А.Я. Вышинский и В.М. Молотов. Он доложил В.М. Молотову[56] о том, что в результате агентурно-следственных мероприятий, проведенных сотрудниками МВД, были выявлены японцы, работавшие в «противоэпидемическом отряде № 731» – секретном научно-исследовательском подразделении, сотрудники которого разрабатывали бактериологическое оружие, проводили его экспериментальную апробацию и налаживали его серийное изготовление. Деятельность «противоэпидемического отряда № 731» контролировалась командованием Квантунской армии.

Сначала военнопленные допрашивались в качестве свидетелей, а 30 октября 1949 г. им было предъявлено обвинение по ст. 58–4 УК РСФСР. Однако в декабре постановлением военного прокурора Приморского военного округа оно было переквалифицировано. Окончательно обвинение было предъявлено по п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников», который гласит: «Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение»[57].

Указ Президиума Верховного Совета СССР вступил в силу в период, когда войска вермахта и союзников Германии находились на советской территории и освобождавшие ее советские военнослужащие имели возможность непосредственно наблюдать последствия нацистской оккупации. Показания свидетелей, переживших оккупацию мирных жителей и побывавших в плену красноармейцев, являлись достаточными материалами, позволявшими предать суду нацистских «карателей» и их пособников, попавших в плен к частям Красной Армии. Досудебное следствие, сбор и систематизация показаний фактически не требовались, а количество самих показаний было более чем достаточным, чтобы производить суд на месте. Поэтому п. 3–5 того же Указа разрешали на месте организовывать военно-полевые суды при дивизионных военных трибуналах. Учитывая относительно недавний характер преступлений, военно-полевые суды были скорыми, а приговоры осужденным (смертная казнь через повешение) приводились в исполнение немедленно, причем «публично, при народе».

Однако в тот период смертная казнь в СССР была отменена на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г.

Историки и политологи затрудняются судить о правомерности применения этого нормативно-правового акта в качестве основания обвинения бывшим японским военнослужащим, зачастую высказывают неправовые гипотезы и предлагают общественности надуманные дискуссии. В этой связи важно подчеркнуть, что нигде в мире профессиональными юристами не оспариваются законность, справедливость и обоснованность обвинительного приговора по итогам Хабаровского процесса.

Обвинительное заключение включало разделы: «Преступные опыты над живыми людьми», «Применение бактериологического оружия в войне против Китая», «Активизация подготовки бактериологической войны против СССР», «Персональная

[56] См.: ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 204. Л. 173–199; Японские военнопленные в СССР, 1945–1956: сб. док. / сост. В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М., 2013 (Россия. XX век. Документы / Междунар. фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева)).

[57] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 149.

ответственность обвиняемых»[58]. К 17 августа 1949 г. его текст был изучен в надзорных и контрольных инстанциях и одобрен.

8 октября 1949 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был утвержден проект постановления Совета Министров об организации в Хабаровске открытого судебного процесса над японскими военными преступниками, которая была поручена Министерству внутренних дел (С.Н. Круглов), Министерству юстиции (К.П. Горшенин), Генеральному прокурору СССР (Г.Н. Сафонов), в директивном порядке были определены даты начала (17 декабря) и окончания суда (25 декабря). Итоги и результаты Хабаровского судебного процесса, по решению правительства, надлежало опубликовать и в местной, и в центральной печати Советского Союза.

Председателем судейской коллегии спустя некоторое время был назначен генерал-майор юстиции Д.Д. Чертков, член Военной коллегии Вооруженных Сил СССР. Обвинение поддерживал государственный советник юстиции 3-го класса Л.Н. Смирнов.

Защиту подсудимых представляли члены Московской коллегии адвокатов, также уже имевшие опыт проведения открытых судебных процессов.

14 октября 1949 г. Министр внутренних дел СССР разослал подчиненным распоряжение № 632, в котором приказал завершить все подготовительные мероприятия к 15 ноября. Ответственным за организацию и подготовку судебного процесса был назначен начальник УМВД по Хабаровскому краю генерал-майор В.С. Царев. Для оказания помощи в подготовке судебного процесса из Москвы была выслана группа оперативных сотрудников МВД.

22 ноября 1949 г. в докладной записке, высланной В.М. Молотову, К.П. Горшенин, Г.Н. Сафонов и С.Н. Круглов отметили, что следствие было завершено только в отношении девяти обвиняемых. Десятым обвиняемым должен был стать главнокомандующий Квантунской армии генерал О. Ямада, который отрицал свою причастность к деятельности «спецотряда № 731» и «отряда № 100». Однако в конечном счете он вынужден был признаться в том, что отдавал приказы о создании «отрядов». О. Ямада обвинялся по той же статье, что и другие обвиняемые.

Судебный процесс, на котором он должен был быть осужден, К.П. Горшенин, Г.Н. Сафонов и С.Н. Круглов предложили начать раньше – 7 декабря 1949 г. и завершить не позднее 14 декабря. Причина, по которой главнокомандующего Квантунской армией предполагалось судить отдельно от других обвиняемых, не ясна. В итоге это предложение реализовано не было, и О. Ямада был включен в список подсудимых на Хабаровском судебном процессе.

К 3 декабря 1949 г. было подготовлено обвинительное заключение в отношении 10 подсудимых. Они обвинялись не только в руководстве деятельностью «спецотряда № 731» и «отряда № 100» (изготовление и применение биологического оружия), но и в подготовке в Маньчжурии плацдарма для организации наступательной войны против Советского Союза. Доказательства, представленные в проекте обвинительного заключения, только частично основывались на показаниях свидетелей и были составлены из информации, полученной от самих обвиняемых, причем восемь человек из 10 (О. Ямада, К. Кавасима, Т. Такахаси, Т. Карасава, М. Оноуэ, Т. Ниси, Д. Хиразакура, К. Митомо), как следует из текста обвинительного заключения, признали свою вину полностью, а С. Сато и Ф. Кадзицука признали себя частично виновными.

9 декабря окончательный вариант обвинительного заключения был составлен в отношении 12 человек. Обвинительное заключение предполагалось вручить обвиняемым 13 декабря 1949 г.

Подготовка к проведению судебного процесса затянулась, он был начат только 25 декабря и завершен 30 декабря, а его итоги были опубликованы в газете «Известия» 1 января 1950 г.

Суду Военного трибунала в качестве подсудимых были преданы 12 японских военнослужащих:

1) генерал армии Ямада Отодзо, с 1944 г. по день капитуляции Японии был главнокомандующим Квантунской армией, руководил преступной деятельностью подчиненных ему отрядов № 731 и № 100 по подготовке бактериологической войны, поощряя в этих отрядах убийства тысяч людей во время экспериментов по применению бактериологического оружия;

2) генерал-майор Кавасима Киоси, в 1941–1943 гг. – начальник производственного отдела отряда № 731, принимал участие в подготовке бактериологической войны, лично руководил выращиванием смертоносных бактерий в производственных масштабах. В 1942 г. участвовал в организации боевого применения бактериологического оружия на территории Центрального Китая. На протяжении своей службы в отряде № 731 принимал участие в массовом умерщвлении заключенных путем заражения их бактериями тяжелых инфекционных болезней;

3) майор Карасава Томио – начальник отделения производственного отдела отряда № 731. Один из активных организаторов работы по созданию бактериологического оружия. В 1940 и 1942 гг.

[58] *Романова В.В.* Указ. соч. С. 72–82.

принимал участие в организации «экспедиций» по распространению эпидемий среди мирного населения Китая. Неоднократно лично участвовал в опытах по испытанию бактериологического оружия на заключенных китайских и советских гражданах;

4) генерал-лейтенант медицинской службы, д-р мед. наук Кадзицука Рюдзи, являясь в 1936 г. начальником отдела военно-санитарного управления военного министерства Японии, способствовал созданию специальной бактериологической лаборатории Исии. С 1939 г. – начальник санитарного управления Квантунской армии, непосредственно руководил деятельностью отряда № 731, снабжая всем необходимым для производства бактериологического оружия. Курировал работу отряда, знал о работе по заражению людей и одобрял это;

5) подполковник Ниси Тосихидэ, с января 1943 г. – начальник филиала № 673 отряда № 731 в г. Суньу, по совместительству – начальник 5-го отдела отряда № 731. Активно участвовал в изготовлении бактериологического оружия, убийствах заключенных путем применения бактерий остроинфекционных болезней и подготовке кадров для спецподразделений армейских частей для ведения бактериологической войны. В целях сокрытия преступной деятельности филиала и отряда № 731 в 1945 г. отдал приказание сжечь все помещения, оборудование и документы филиала;

6) майор Оноуэ Масао – начальник филиала № 643 отряда № 731 в г. Хайлине, занимался изысканиями новых видов бактериологического оружия. Под его руководством готовились специалисты по бактериологической войне. Знал и содействовал работе отряда № 731. В августе 1945 г. для сокрытия следов преступной деятельности филиала сжег все здания, запасы материалов и документы;

7) генерал-майор Сато Сюндзи, с 1941 г. – начальник бактериологического отряда в г. Кантоне (условное наименование «Нами»), а в 1943 г. – начальник аналогичного отряда в г. Нанкине (отряд «Эй»), принимал участие в создании бактериологического оружия. Впоследствии, будучи начальником санитарной службы 5-й армии, входившей в состав Квантунской армии, руководил филиалом № 643 отряда № 731 и оказывал содействие в работе по производству смертоносных бактерий;

8) генерал-лейтенант ветеринарной службы, химик-биолог Такахаси Такаацу – начальник ветеринарной службы Квантунской армии, осуществлял непосредственное руководство преступной деятельностью отряда № 100 по заражению заключенных опасными инфекционными болезнями;

9) поручик Хиразакура Дзенсаку – сотрудник отряда № 100, проводил исследования в области выработки и применения бактериологического оружия, неоднократно принимал участие в спецразведке на границе в целях изыскания наиболее эффективных способов бактериологического нападения на СССР и при этом производил отравление водоемов, в частности, в районе Трехречья;

10) старший унтер-офицер Митомо Кадзуо – сотрудник отряда № 100, участвовал в изготовлении и испытании на живых людях бактериологического оружия. Непосредственный участник бактериологических диверсий в районе Трехречья;

11) Кикучи Норимицу – санитар-практикант лаборатории филиала № 643 отряда № 731, принимал личное участие в работе по изысканию новых видов бактериологического оружия и культивированию бактерий остроинфекционных заболеваний;

12) Курусима Юдзи – лаборант филиала отряда № 731, имел специальную подготовку, участвовал в культивировании бактерий остроинфекционных болезней и в испытаниях бактериологических снарядов.

«Многие из тех, кто должен был сидеть на скамье подсудимых рядом с Ямада, Такахаси, Кадзицука, Кавасима, Хиразакура и другими, находятся еще на свободе потому, что они пользуются покровительством своих заокеанских единомышленников.

Мы знаем, – справедливо отметил в своей речи государственный обвинитель, – о том, что не все злодеи посажены на скамью подсудимых. Цепь участников преступного заговора... не заканчивается преступниками, которым вы вынесете свой приговор. Мы знаем имена тех преступников из японского генерального штаба и военного министерства Японии, которые поддерживали и направляли тайную работу секретных бактериологических формирований, щедро финансировали их, утверждали образцы бактериологического оружия и планировали день начала бактериологических атак»[59].

Между тем «после опубликования обвинительного заключения по делу Ямада, Такахаси и других представитель штаба Макартура сделал сообщение, будто химический отдел штаба произвел “полное расследование”, но “не мог” обнаружить данных, свидетельствовавших бы о применении Японией бактериологического оружия»[60].

Подсудимым вменялось в вину участие в организации и деятельности в Квантунской армии в нарушение Женевского протокола от 17 июня 1925 г. «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» специальных

[59] Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии (Хабар. процесс япон. воен. преступников) / М.Ю. Рагинский, С.Я. Розенблит, Л.Н. Смирнов. С. 73.

[60] Там же. С. 104.

подразделений (отрядов № 731 и № 100), которые занимались разработкой бактериологического оружия, в частности разведением бактерий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых заболеваний; воспроизводством их естественных переносчиков; обучением диверсантов, созданием особых видов вооружений, средств и маршрутов доставки к местам применения; проведением повлекших гибель не менее 3 тыс. человек экспериментов над людьми (в т.ч. над советскими военнопленными) и использованием бактериологического оружия в целях массового уничтожения населения.

Установлено, что эксперименты отряда № 731 включали преднамеренное заражение заключенных, в первую очередь китайских военнопленных и гражданских лиц, инфекционными агентами и воздействие на заключенных бомб, предназначенных для проникновения инфекционных частиц через кожу. Не было известно ни одного выжившего после этих экспериментов; те, кто не умер от инфекции, были убиты для изучения при вскрытии, а в последние дни войны, чтобы скрыть улики, были убиты все оставшиеся заключенные. Проведены были также эксперименты для проверки реакции человека на низкие температуры и другие экстремальные условия.

На основании исследования в судебном процессе вещественных доказательств, документов, свидетельских показаний и допросов подсудимых было установлено, что японские власти разработали стратегию, создали и пробовали применять против других государств в целях массового истребления войск, населения и захвата территорий бактериологическое и химическое оружие. Бактериологическое оружие применялось против советских и монгольских войск в период боев на Халхин-Голе, а также в ходе войны Японии против Китая.

Бактерии чумы были начинкой бомбы, которая, по задумке ее разработчиков, демонстрировала бы возможность наиболее эффективного применения бактериологического оружия. Бомба взрывалась бы на высоте 50–100 м над поверхностью земли, что обеспечивало максимально широкое заражение местности.

Бывший сотрудник отряда № 100 подсудимый Хиразакура подробно рассказал на суде, как по заданиям генерала Вакамацу направлялись специальные разведывательно-диверсионные группы в районы Трехречья и Хайлара для производства бактериологических диверсий против СССР и Монгольской Народной Республики.

Вакамацу утверждал: на случай войны Японии с Советским Союзом 100-й отряд должен стать фабрикой по выпуску в массовом количестве различных бактерий и сильнодействующих ядов для ведения диверсионно-бактериологической войны против Советского Союза. Командование Квантунской армии разработало планы бомбежек бактериологическими бомбами наших городов – Владивостока, Ворошилова, Хабаровска, Читы, Благовещенска. Уже разведывались районы предстоящей бактериологической войны, создавались группы диверсантов. Многие годы японские захватчики планомерно искали подступы к границам СССР, создавая плацдармы для готовящегося нападения.

Даже в случае высадки американских войск на Японских островах руководство страны планировало перебраться в Маньчжурию и, опираясь на Квантунскую армию и широко применяя бактериологическое оружие, продолжать сопротивление и добиваться заключения достойного мира. Комитет начальников штабов США признавал, что в этом случае пришлось бы еще воевать не менее 1–1.5 лет, потери союзников, по их расчетам, могли составить более 1 млн человек.

Только вступление в войну против Японии Советского Союза и быстрый разгром Квантунской армии сорвали эти планы японских милитаристов и позволили предотвратить массовое применение бактериологического оружия против войск и главным образом населения.

С началом войны и стремительного продвижения наших войск японские преступники взорвали заводы бактериологического оружия в районе Харбина, в других местах и начали заметать следы существования бактериологического оружия. Но это в полной мере им не удалось, и нашими войсками было захвачено и в последующем представлено большое количество документов и фактов преступной деятельности командования Квантунской армии, в частности генерала Ямадо, и руководителей японской военно-медицинской и ветеринарной служб[61].

Начальник штаба Квантунской армии Хикосабуро Хата[62] в своих показаниях указывал, что вопросами, связанными с разработкой и применением бактериологического оружия, занимался 1-й оперативный отдел и медицинское управление Генерального штаба императорской армии Японии. Главное здание, в котором работали сотрудники подразделения, находилось в 20–25 км от крупного маньчжурского г. Харбин, в городке Хэйбо (по-китайски – Пинь Фань). Вся территория городка являлась запретной зоной. Штат «отряда № 731» насчитывал примерно 3 тыс. лабораторных

[61] См.: *Гареев М.А.* К 60-летию Токийского и Хабаровского судебных процессов над японскими военными преступниками // Вестник Академии военных наук. 2009. № 2 (27).

[62] См.: Список военнопленных генералов, захваченных войсками Забайкальского фронта с 9 по 28 августа 1945 г. 31 августа 1945 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 66. Оп. 3191. Д. 23. Л. 117–119.

и технических сотрудников[63]. Около 200 из них содержались в лагерях МВД. Подразделение имело также филиалы в пяти других городах: Хайлине, Линкоу, Сунь-У, Хайларе и Дайрене[64]. Филиалы располагались на приграничной с СССР территории.

«Отряд № 731» имел разветвленную структуру, состоял из трех отделов: исследовательского (1-го отдела), экспериментального (2-го отдела) и производственного (4-го отдела). Сотрудники 3-го отдела ни производством, ни разработкой бактериологического оружия не занимались и отвечали за водоснабжение и проведение противоэпидемических мероприятий. Исследовательский (1-й) отдел отвечал за создание и отбор наиболее смертоносных бактерий; в экспериментальном (2-м) отделе осуществлялась «апробация» наиболее перспективных средств ведения бактериологической войны; производственный (4-й) отдел занимался разведением бактерий, вакцин, сывороток и их производством в крупных масштабах.

Позднее стало известно о существовании 5-го отдела – «учебно-просветительского», занимавшегося обучением кадров для «правильного» использования бактериологического оружия. О деятельности этих отделов стало известно из показаний начальника производственного отдела генерал-майора Кавасимы Кийоси. Он сообщил, что подразделение было строго засекречено и по документам именовалось как «отряд противоэпидемического снабжения водой Квантунской армии». Формально оно занималось не только очисткой воды, но и борьбой с эпидемическими заболеваниями. Деятельность подразделения скрывалась даже от самих японских военнослужащих, во внутренних документах подразделение называлось «маньчжурским отрядом № 731». Доступ в «отряд № 731» предоставлялся только с разрешения командующего Квантунской армией Отодзо Ямада.

Интересно, как менялась позиция этого командующего под влиянием свидетельских показаний других японских военнопленных – от полной забывчивости к признанию фактов совершения преступлений.

Ямада в январе 1938 г. был назначен командующим 3-й армией, которая размещалась в Маньчжурии, на границе с Советским Союзом, а с 1944 г. стал главнокомандующим Квантунской армией. На допросе в ноябре 1949 г. Ямада признал, что ему как главкому Квантунской армией было известно, что ее «спецотряд № 731» «в широких масштабах вел изыскания в области исследования и изготовления бактериологического оружия». «При осмотре 731 отряда я был крайне поражен размахом исследовательской и производственной деятельности отряда по изготовлению бактериологических средств войны», – говорил Ямада.

Из протоколов допросов Отодзо Ямада, проведенных с 1945 г. до декабря 1949 г., видно, что двоюродному брату японского императора Хирохито принцу Такеде, главному казначею Квантунской армии в годы Второй мировой войны, в 1944 г. демонстрировали совершенно секретный документальный фильм о разработке и производстве Японией бактериологического оружия.

По его словам, устные доклады начальника 731-го отряда генерал-лейтенанта Сиро Исии в ряде случаев сопровождались демонстрацией совершенно секретных научных кинофильмов, в которых содержались объяснения по теме того или иного доклада[65].

«Помню, что в ноябре 1944 года, во время одного из докладов генерала Китано относительно действия чумных блох, он показал мне кинофильм о развитии процесса заболевания человека, зараженного чумой. Во время доклада и демонстрации кинофильма генералом Китано у меня в кабинете присутствовали начальник штаба генерал-лейтенант Касахара и заместитель начальника стратегического отделения Оперативно-стратегического отдела принц Такеда (он же подполковник Мията)»[66], – рассказывал Ямада.

В 1949 г. стало известно о существовании других секретных подразделений, созданных для аналогичных целей. Самое крупное из них называлось «отряд № 100». В его задачи входило разведение бактерий, предназначенных для заражения скота бактериями сибирской язвы и других смертельных заболеваний. «Отряд № 100» также имел собственные филиалы. Кроме «отряда № 100» на китайской территории и в Маньчжурии действовали и менее крупные подразделения – «Эй» и «Нами».

Создание «спецотряда № 731» являлось логичным шагом, предпринятым командованием Квантунской армии при разработке плана войны против

[63] См.: Росс. гос. архив соц.-полит. истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1079. Л. 214.

[64] См.: там же.

[65] См.: ФСБ рассекретила имена агентов Японии в СССР. URL: https://vz.ru/news/2021/8/20/1114669.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

[66] Принц Такеда Цунэеси (1909–1992) в качестве главного казначея Квантунской армии курировал работу отряда № 731. После принятия новой Конституции Японии после Второй мировой войны принц и его семья утратили имперский статус и стали простыми гражданами Японии. В 1962–1969 гг. – президент Олимпийского комитета Японии, играл важную роль в организации летних Олимпийских игр 1964 г. в Токио и зимних Олимпийских игр 1972 г. в Саппоро. В 1967–1981 гг. – член Международного Олимпийского комитета.

СССР[67]. Однако японские генералы стремились это опровергнуть. Так, К. Киоси утверждал, что ни в каких документах конкретно не назывались будущий противник и объект применения бактериологического оружия.

В 1948 г. из показаний генерал-майора Киоси Кавасимы и других японских генералов и высших офицеров сотрудникам МВД стали известны подробности о работе экспериментального (2-го) отдела «отряда № 731». Теоретические результаты исследований апробировались не только на животных, но и на живых людях. Они, согласно милитаристической идеологии, являлись людьми «второго сорта». Это обстоятельство позволяло сотрудникам «отряда № 731» игнорировать нравственные нормы. К. Кавасима свидетельствовал о том, что ежегодно в «отряд № 731» поступало 500–600 человек[68]. В качестве «экспериментального материала» выступали не только китайцы, но и русские – выходцы из эмигрантской среды, советские граждане, сбежавшие из СССР или захваченные в плен в ходе приграничных конфликтов. Сотрудниками японских контрразведывательных органов и органов военной полиции советские граждане расценивались как шпионы и подвергались интенсивным допросам со стороны представителей японских спецслужб в Маньчжурии. В случае отказа от сотрудничества они подвергались пыткам и издевательствам. Начальник одного из жандармских отрядов признался в том, что они переводились в «отряд № 731» в качестве «подопытного материала», чтобы скрыть следы пыток. Формальной причиной их перевода являлось то, что пленные якобы были больны и нуждались в изоляции.

Один из допрошенных японских офицеров свидетельствовал, что «особой отправке» в «отряд № 731» каждый месяц подвергались не менее 150–180 человек, 20 из которых поступали из лагеря «Хогоин», в котором содержались советские граждане, задержанные сотрудниками японских полицейских органов. Начальник этого лагеря, майор Иидзима, был также допрошен сотрудниками МВД и свидетельствовал о применении пыток в отношении советских граждан. Аналогичные показания были даны японскими офицерами, уже осужденными за насилие и применение пыток в отношении советских граждан на срок от 15 до 20 лет лагерного заключения в ходе закрытых заседаний Военного трибунала Хабаровского военного округа в апреле 1948 г.

Изучались пределы выносливости человеческого организма в определённых условиях, например, на больших высотах или при низкой температуре. Для этого людей помещали в барокамеры, фиксируя на киноплёнку агонию, обмораживали конечности и наблюдали наступление гангрены. Если заключённый, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, то это не спасало его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть. «Опытные образцы» никогда не покидали лаборатории живыми[69].

В задачи 2-го отдела «отряда № 731» входила не только экспериментальная апробация «перспективных» исследований в области разработки бактериологического оружия. Отдел разрабатывал и новые средства ведения бактериологической войны, которые также проходили испытания в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке. Все исследовательские изыскания проводились под непосредственным контролем со стороны генерал-лейтенанта Сиро Исии.

В 1939 г. Исии сообщил на совещании сотрудникам «спецотряда № 731», что его деятельность была одобрена генеральным штабом императорской армии Японии. Он лично разработал новый способ применения бактериологического оружия посредством сброса бомб, начиненных блохами, зараженными чумой. Этот способ получил название «бомбы Исии».

В 1940 г. лично возглавил экспедицию «спецотряда № 731» в Китай, где испытывали различные средства распространения бактериологического оружия, жертвами которых стали тысячи человек. «Бомбы Исии» начинялись бактериями чумы, холеры, сапа, тифа, дизентерии и кровоточащей инфекционной лихорадки Сонго.

В этом же году произошло испытание этих «перспективных» способов ведения войны в условиях, максимально приближенных к реальности. В китайском г. Нинбо была зафиксирована вспышка бубонной чумы. Этот факт попал на страницы одного из журналов по медицинской тематике, издававшегося в Маньчжурии в 1941 г. В статье был отмечен необычный, подозрительный характер проявления заражения местного населения, поскольку чума обычно распространялась через грызунов, а их скоплений в этом районе не отмечалось. К. Кавасима в своих показаниях рассказывал

[67] См.: *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 159. План «Кантогун токусю энсю» («Особые манёвры Квантунской армии»), сокращённо «Кантокуэн» – план нападения Японии на СССР, разработанный в 1941 г. и увязанный по срокам с немецким планом «Барбаросса». Предусмотренному планом «Кантокуэн» нападению на СССР было дано название: «Сибирский поход японской армии» – «Тэйкоку Рикугун».

[68] См.: Документ № 10. Докладная записка Сталину И.В. 23 апреля 1949 г. // Родина. 2010. № 9. С. 77.

[69] См.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 15–17.

о том, что вспышка чумы произошла вследствие намеренного заражения, переносчиком которой стали зараженные чумой блохи, выращенные в лабораториях отряда. Генерал-майор К. Кавасима также свидетельствовал о том, что зараженные чумой блохи в керамических бомбах сбрасывались с самолетов год спустя на г. Чандэ (Центральный Китай), который являлся важным коммуникационным пунктом китайских отрядов, действовавших против японских экспедиционных войск.

В начале июня 1942 г., как отмечал Кавасима, Исии созвал секретное совещание, на котором присутствовали все начальники отделов. На совещании они были извещены о том, что главнокомандующий Квантунской армией (тогда ее возглавлял генерал Ёсидзиро Умэдзу[70]) приказал применить бактериологическое оружие вблизи железнодорожной станции Чжэган (Центральный Китай). В сентябре 1942 г. в ходе специально организованной «экспедиции» сотрудников «отряда № 731» заражению подверглось множество источников воды.

От деятельности отряда погибли в общей сложности порядка 3 тыс. человек.

Кадзицука Рюдзи заявил в ходе допроса о том, что именно главнокомандующий Квантунской армией О. Ямада отдал приказ об уничтожении здания «спецотряда № 731» и эвакуации всех его сотрудников. Для подтверждения наличия лабораторных комплексов, о которых свидетельствовали японцы, 14 февраля 1947 г. в качестве свидетеля был допрошен начальник штаба Забайкальско-Амурского военного округа генерал-лейтенант Е.Г. Троценко, в то время являвшийся командиром частей Красной Армии, наступавших в районе г. Ванемяо. Он рассказал, что в августе 1945 г. на юго-западной окраине этого города было обнаружено полусгоревшее здание – предположительно, один из лабораторных комплексов.

В числе рассекреченных ФСБ в 2021 г. материалов есть докладная записка бывшего советского обвинителя в Токийском процессе А.Н. Васильева Министру иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому, написанная 27 декабря 1949 г., когда в Хабаровске уже шел суд. Согласно записке США под надуманными предлогами отказали Советскому Союзу на просьбу включить в обвинительное заключение вопрос о разработчиках японского бактериологического оружия, хотя все документы уже были в распоряжении американской стороны.

Вина подсудимых была полностью доказана. В ходе судебного процесса были заслушаны показания подсудимых и свидетелей, заключение экспертизы, речи Государственного обвинителя и защитников. Все подсудимые выступили с последним словом, в котором признавали свою вину (обвиняемый Сато – частично). В соответствии с приговором военнопленные Ямада, Кадзицука, Такахаси и Кавасима были осуждены к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, Карасава и Сато – к 20 годам, Ниси Тосихиде – к 18 годам, Оноуэ – к 12 годам, Митомо – к 15 годам, Хирадзакура – к 10 годам, Курусима – к трем годам и Кикучи – к двум годам[71].

Следственные органы МВД в 1948–1949 гг. располагали делами еще примерно на 200 японских военнослужащих – рядовых сотрудников или занимавших невысокие руководящие должности в структуре «спецотряда № 731» и «отряда № 100» в звании рядовых и офицеров.

2 февраля 1950 г. С.Н. Круглов, Г.Н. Сафонов, К.П. Горшенин, В.С. Абакумов и А.Я. Вышинский доложили В.М. Молотову о 75 рядовых сотрудниках «спецотряда № 731», остававшихся в лагерях МВД.

Судебные дела рядовых сотрудников «спецотрядов» подлежали рассмотрению в закрытых заседаниях военных трибуналов.

Открытый судебный процесс в отношении японских генералов, как ожидалось, должен был стать для мировой общественности примечательным событием. Наказание военных преступников, ответственных за подготовку бактериологической войны против СССР, являлось логическим завершением событий на Дальнем Востоке – в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах.

Таким образом, окончательно закреплялся статус Советского Союза не только как державы-победительницы, избавившей Европу от Третьего рейха и ужасов нацизма, но и как страны, избавившей угнетенные народы Дальнего Востока от японского милитаризма.

После окончания войны в Советском Союзе были осуждены 4573 военных преступника из числа японских военнопленных, из них 55 генералов. Правительству Китайской Народной Республики передан 971 японский военнопленный, совершивший преступления на территории Китая. Всего

[70] С 18.07.1944 г. Ёсидзиро Умэдзу стал последним в истории Японии начальником Генерального штаба, а также вошёл в Высший военный совет. Он был персонально назначен императором Хирохито для подписания Акта о капитуляции от имени вооружённых сил и, таким образом, был высшим представителем Императорской армии Японии на борту линкора «Миссури» 02.09.1945 г. После того был арестован американскими оккупационными властями и предстал перед IMTFE, где был признан виновным по п. 1, 27, 29, 31, 32 Обвинительного акта и 12.11.1948 г. приговорен к пожизненному заключению. В тюрьме он принял христианство. Умер в заключении в январе 1949 г.

[71] См.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия.

союзниками были проведены процессы над 5600 японскими военнослужащими, обвиняемыми в совершении тяжких военных преступлений.

В целях популяризации результатов Хабаровского судебного процесса посредством распространения книги в июне 1950 г. Государственным издательством иностранной литературы были выпущены на английском языке «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия»[72].

Через Совинформбюро книга была выслана в 38 стран. Помимо этого было опубликовано 28 статей о ней, из которых две были напечатаны в США, а девять – в Китае. В советской печати рецензии на книгу были опубликованы во всех центральных печатных изданиях.

Об итогах Хабаровского судебного процесса были извещены правительства США, Великобритании и Китая через официальную ноту Советского правительства. В ней были перечислены ключевые факты, относившиеся к деятельности «спецотряда № 731» и «отряда № 100», свидетельствовавшие о существовании у японцев организационной и материальной базы для изучения перспективных видов ведения бактериологической войны и развертывания производства бактериологического оружия в промышленных масштабах, а также о многочисленных жертвах «научных изысканий», проводимых сотрудниками этих «отрядов». Советское правительство, опираясь на эти факты, а также на Женевский протокол от 25 июня 1925 г., просило арестовать и организовать специальный международный суд над С. Исии и другими лицами, успевшими скрыться в Японии. Однако реакции Государственного департамента США на эти предложения Советского правительства не последовало[73].

Предполагалось, что японские военнопленные, участвовавшие в «демократическом движении», будут требовать суда над императором, который наряду с членами японского правительства был ответствен за насаждение милитаризма в Японии. Однако немногие японские военнослужащие в действительности высказывали подобные требования.

Даже среди японцев, положительно относившихся к деятельности «демократического движения», сохранялось особое отношение к фигуре императора. Восприятие Хирохито как сакральной фигуры было характерно практически для всех военнопленных японцев вне зависимости от звания, должности или социального положения.

Хабаровский процесс стал последним из послевоенных советских открытых судебных процессов над иностранными военными преступникам.

В 1993–1994 гг. Главная военная прокуратура РФ в связи с обращением Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных рассмотрела материалы уголовного дела № Н-20058 (по Хабаровскому процессу) и вынесла постановление об отказе в реабилитации. Определением Верховного Суда РФ от 15 декабря 1994 г. приговор по Хабаровскому процессу был оставлен в силе[74].

По итогам Хабаровского процесса Советское правительство в ноте просило Великобританию, США и Китай арестовать и организовать международный процесс (со ссылкой на Женевский протокол от 25.06.1925 г.) над Сиро Исии и иными лицами, скрывшимися в Японии. 3 февраля 1950 г. в газете «Правда» была опубликована советская нота, в которой сообщалось о Хабаровском процессе и указывалось на необходимость наказать «других главных организаторов и вдохновителей этих чудовищных преступлений», которые были названы поименно: Хирохито, по специальному секретному указу которого «на территории Маньчжурии был создан центр японской армии по подготовке бактериологической войны и применению бактериологического оружия»; Сиро Исии, генерал-лейтенант медицинской службы, чья «активная организующая роль... в преступной подготовке и практическом применении бактериологического оружия» была полностью доказана на Хабаровском процессе; Китано Масадзи, генерал-лейтенант медицинской службы, руководивший отрядом № 731 с августа 1942 г. по март 1945 г.; Вакамацу Юдзиро, генерал-майор ветеринарной службы, начальник отряда № 100 в 1941–1945 гг., занимавшегося производством бактериологического оружия, заражениями водоемов, пастбищ и скота опасными болезнетворными бактериями и экспериментами над живыми людьми; Касахара Юкио, генерал-лейтенант, начальник штаба Квантунской армии в 1942–1945 гг., осуществлявший «руководство подготовкой бактериологической войны против СССР».

Таким образом, список потенциальных обвиняемых сократился за месяц с 48 до пяти фамилий. На советскую ноту согласием ответила Китайская Народная Республика.

1 февраля 1950 г. Государственный департамент США получил советскую дипломатическую ноту

[72] Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Employing Bacteriological Weapons. M., 1950.

[73] См.: *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов / предисл. А.Н. Николаева. М., 1985.

[74] См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-20058. Т. 26. Л. 268–272.

о предании суду Сиро Исии, Китано Масадзи, Вакамацу Юдзиро и Касахара Юкио. СССР также предлагал в связи с обстоятельствами, установленными в ходе Хабаровского процесса, предать суду императора Хирохито как военного преступника.

3 февраля 1950 г. Государственный департамент США выпустил заявление для печати. В нем указывалось на то, что решением Дальневосточной комиссии от 3 апреля 1946 г. рекомендовано исключить японского императора из списка обвиняемых в IMTFE, а также на то, что Советский Союз не внес на рассмотрение в этот список кандидатуру Хирохито. Поэтому предложение советской стороны, как отмечалось, «явным образом ставит под сомнение истинные цели советской ноты».

В итоге пять японцев, приведенных в советской ноте, так и не были преданы суду[75].

Согласно данным Национального архива Японии, раскрытым в апреле 2018 г., в экспериментах над людьми также участвовали военнослужащие Ясудзи Канэко ***(Yasuji Kaneko)*** и Ёсио Синодзука ***(Yoshio Shinozuka)***, каждый из которых был в заключении в Китае, а первый – в плену на территории СССР. Их показания о зверствах над людьми лично, а также в составе широко известны. Сотрудник 731-го отряда подполковник Рёити Найто дал полные признательные показания о своей людоедской деятельности американцам, к суду не привлекался, а впоследствии стал учредителем Банка крови и фармацевтической корпорации «Зелёный Крест» в Японии.

В 1950 г. началась корейская война. В условиях этого конфликта 21 февраля 1952 г. Мао Цзэдун в письме И.В. Сталину обвинил американцев в использовании японских разработок бактериологического оружия: «В течение двадцати дней, начиная с 28 января по 17 февраля 1952 года, противник 8 раз <...> сбросил с самолетов и с помощью арт[иллерийских] снарядов на позиции наших войск три вида насекомых: черную муху, блох и вшей. В настоящее время эти три вида насекомых обнаружены на полях, шоссейных дорогах, в лесах, на лугах и на берегах мелких рек вышеуказанного района, причем наибольшая плотность в некоторых местах достигает 10–15 насекомых на каждый квадратный метр. Первоначальный анализ насекомых, доставленных с фронта, показал, что эти насекомые являются бациллоносителями холеры и чумы.

Согласно донесениям, полученным с фронта, уже обнаружены больные, зараженные холерой, тифом, сыпным тифом, энцефалитом. Из числа больных умерло два человека.

Секретная информация и сведения печати, полученные нами, подтверждают, что американские империалисты в Корее систематически и планово распространяют бациллоносителей.

Из числа видных японских военных преступников бактериологической войны, которые были упомянуты в ноте советского правительства от 1 февраля 1950 года, три человека, а именно Исии Сиро, Вакама[ц]у Юдзиро и Китано Масадз[и], в настоящее время находятся в Корее. Они взяли с собой все оборудование, необходимое для ведения бактериологической войны, в том числе бациллоносителей холеры и чумы и газы, действующие разрушающе на кровь человека, а также различное оборудование для распространения бациллоносителей. Японские военные преступники бактериологической войны с ведома американцев используют китайских и корейских военнопленных для испытания бактериологического оружия. Еще в марте 1951 года начальник отдела санитарного благосостояния при Главном штабе войск ООН бригадный генерал Семс на бактериодесантном судне № 1091 прибыл в порт Гензан, а затем он посетил остров Кйосейто, где под его наблюдением и руководством производились испытания бактериологического оружия на китайских и корейских военнопленных. Это было сообщено американским корреспондентом агентства “Ассошиэйтед пресс” 18 мая 1951 года, который посетил остров Кйосейто. На этот раз действия противника, направленные на распространение бациллоносителей, схожи с действиями и методами, которые применялись военными преступниками бактериологической войны Исии Сиро и другими японскими военными преступниками бактериологической войны в период японо-китайской войны»[76].

Советские прокуроры характеризовали деятельность США следующим образом: «Подготовка средств бактериологической войны в США проводится в таких широких масштабах, что многим апологетам “тотальной” войны не терпится пустить в ход это смертоносное оружие. Так, Альфред Экхард Циммерн писал: “Биологическое оружие уже готово к употреблению и может быть тотчас же пущено в ход... Нечего увиливать, различая законное и незаконное применение силы”»[77].

[75] См.: *Романова В.В., Шулатов Я.А.* Указ. соч. С. 301–316.

[76] Письмо Мао Цзэдуна И.В. Сталину о распространении авиацией противника бациллоносителей холеры и чумы. 21 февраля 1952 года. Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. док.: в 2 т. / под ред. В.С. Мясникова; сост.: Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев. М., 2010. Т. 2: Друг и союзник нового Китая. С. 132–134 (Памятники исторической мысли).

[77] Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии (Хабар. процесс япон. воен. преступников) / М.Ю. Рагинский, С.Я. Розенблит, Л.Н. Смирнов. С. 109.

В 2002 г. в китайском г. Чандэ в месте взрыва бомб с чумными блохами прошел Международный симпозиум по преступлениям бактериологической войны, в ходе которого было подсчитано, что число людей, убитых в результате бактериологической войны Императорской японской армии и других экспериментов на людях, составило около 580 тыс. человек[78]. Американский историк Ш.Х. Харрис утверждает, что погибло более 200 тыс. человек[79]. По словам А.С. Уэллса, большинство жертв составляли китайцы.

Итоги Хабаровского процесса и непрекращающаяся борьба Советского Союза против любых видов военной агрессии стали основой принятия Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении[80]. Стала первым в истории запретом на целую категорию оружия массового уничтожения (ОМУ). Конвенция является бессрочной.

Первые три статьи Конвенции – основные «запретительные». Согласно ст. I государства обязуются не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным образом и не сохранять биооружие. Статья II обязывает участников уничтожать биооружие, оборудование и средства доставки. Статья III запрещает передачу биооружия и любое содействие по его разработке и приобретению. Статья VI предполагает проведение любых расследований, которые могут быть предприняты Советом Безопасности в соответствии с положениями Устава ООН, с обязательством всех государств-участников сотрудничать в этом.

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении принята в Париже 13 января 1993 г.[81] и вступила в силу 29 апреля 1997 г. Россия, имевшая самые крупные запасы химоружия в мире (порядка 40 тыс. т), стала полноправным участником Конвенции 5 декабря 1997 г.

Этот международно-правовой документ направлен на решение двух важных задач. Первая – ликвидация целого класса опасного вида оружия массового поражения под строгим международным контролем (разоружение), вторая – запрещение производства и применения химоружия (предотвращение его распространения). Конвенция является бессрочной.

Для контроля за осуществлением Конвенции государства-участники учредили Организацию по запрещению химического оружия.

Участниками Конвенции в настоящее время являются 193 государства. Вне её правового поля остаются Египет, Израиль (подписал до её вступления в силу, но не ратифицировал), КНДР и Южный Судан.

Целый ряд международно-правовых документов принят на основе Нюрнбергских принципов и приговора Хабаровского процесса.

Так, в 1946 г. 23 нацистских врача предстали перед судом в Нюрнберге за преступления, совершенные в отношении военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Эти преступления включали воздействие экстремальными температурами, выполнение калечащих хирургических операций и преднамеренное заражение летальными патогенами. В ходе процесса были разработаны фундаментальные этические стандарты для проведения научных исследований с участием людей, которые были оглашены в приговоре 20 августа 1947 г. Всего их было сформулировано 10, при этом ключевой термин «информированное согласие» ***(informed consent)*** среди них отсутствовал. Примерно с 1963 г. эти стандарты обрели роль руководящих принципов и стали называться «Нюрнбергский кодекс»[82], что придало им статус фундаментального документа по процедуре исследования. Их статус в рамках решения Международного Суда создал прецедент в рассмотрении знаковых дел об убийствах и нанесении увечий в результате принудительных исследований, а также оказал огромное влияние на права человека во всем мире.

Считается, что Кодекс основан главным образом на Клятве Гиппократа, которая была интерпретирована как одобрение экспериментального подхода к медицине при одновременной защите пациента. Основной принцип сводится к тому, что для проведения эксперимента на человеке необходимо его добровольное осознанное согласие после предоставления ему полной информации о характере, продолжительности и цели проводимого эксперимента; о методах и способах его проведения; обо всех предполагаемых неудобствах и опасностях, связанных с проведением эксперимента, и, наконец, возможных последствиях для физического или психического здоровья испытуемого,

[78] См.: *Barenblatt D.* A Plague Upon Humanity: the Secret Genocide of Axis Japan's Germ Warfare Operation. New York, 2004. P. 173.

[79] См.: *Harris S.* Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–45, and the American Cover Up.

[80] Одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1971 г. (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml). Вступила в силу в 1975 г. По состоянию на июль 2020 г. – 183 участника. Депозитарии: Россия, США и Великобритания.

[81] См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/chemweapons.shtml

[82] *Weindling P.J.* From the Nuremberg "Doctors Trial" to the "Nuremberg Code". Wiener Klinische Wochenschrift 130, (Suppl 3). 2018.

могущих возникнуть в результате его участия в эксперименте.

Нюрнбергский кодекс нашел свое отражение в Декларации прав человека и был принят в своей основе каждой из 51-й нации, первоначально подписавших Устав Организации Объединенных Наций.

Принципы, сформулированные в Нюрнбергском кодексе, стали основой для многих международных и национальных законодательных актов в области проведения медицинских исследований на человеке, в т.ч. Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека[83] и Международной декларации о генетических данных человека[84].

В 1966 г. Организация Объединенных Наций приняла Международный пакт о гражданских и политических правах[85], ст. 7 которого наряду с Декларацией о недопустимости пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания запрещает эксперименты, проводимые без «свободного согласия лица на медицинские или научные опыты» над субъектом.

Следует принять во внимание международные и региональные документы по биоэтике, включая Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенцию о правах человека и биомедицине (ETS № 164)[86], и Дополнительные протоколы к ней, а также национальные законодательные нормы и правила в области биоэтики, международные и региональные кодексы поведения, Руководящие принципы и другие документы в этой области, такие как Хельсинкская декларация «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием людей в качестве субъектов исследования»[87].

В 2005 г. приняты ещё два важных международных акта в этой сфере: Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека[88] и Декларация ООН о клонировании человека[89]. Россия в принятии указанных документов не участвовала.

В Российской Федерации ч. 2 ст. 21 Конституции РФ провозглашает: «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

В ст. 20 и 36.1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (с изм. и доп.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[90] мы находим отражение принципов Нюрнбергского кодекса. В ст. 20 устанавливается добровольное согласие на любое медицинское вмешательство: «Необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи», а в ст. 36.1[91] – непосредственно добровольное согласие человека на эксперименты:

«6. Медицинская помощь в рамках клинической апробации оказывается при наличии информированного добровольного согласия совершеннолетнего

---

[83] Принята 11.11.1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (см.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome).

[84] Принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 20-м пленарном заседании 16.10.2003 г. (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml).

[85] Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 г. (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml).

[86] Принята Советом Европы, Овьедо, 04.04.1997 г. «Статья 5. (Общее правило). Медицинское вмешательство может осуществляться лишь после того, как соответствующее лицо даст на это свое добровольное информированное согласие.

Это лицо заранее получает соответствующую информацию о цели и характере вмешательства, а также о его последствиях и рисках. Это лицо может в любой момент беспрепятственно отозвать свое согласие» (см.: URL: https://www.mbp.ru/BioEtika/Principles/Convention.html).

[87] Принята на 18-й Генеральной Ассамблее Всемирной медицинской ассоциации (***World Medical Association*** – WMA) (далее – ГА ВМА), Хельсинки, Финляндия, июнь 1964 г., с изм. и доп., внесенными: 29-й ГА ВМА, Токио, Япония, октябрь 1975; 35-й ГА ВМА, Венеция, Италия, октябрь 1983; 41-й ГА ВМА, Гонконг, сентябрь 1989; 48-й ГА ВМА, Сомерсет Вест, ЮАР, октябрь 1996; 52-й ГА ВМА, Эдинбург, Шотландия, октябрь 2000; 53-й ГА ВМА, Вашингтон, США, 2002; 55-й ГА ВМА, Токио, Япония, 2004; 59-й ГА ВМА, Сеул, Южная Корея, октябрь 2008. Действует в ред., принятой 64-й ГА ВМА, Форталеза, Бразилия, октябрь 2013 г. (см.: Declaration of Helsinki: Ethical Principles for Medical Research Involving Human Subjects. URL: https://www.wma.net/what-we-do/medical-ethics/declaration-of-helsinki/).

[88] Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании 19.10.2005 г. (см.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml).

[89] Принята резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи ООН от 08.03.2005 г. (см.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml).

[90] См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

[91] Федеральным законом от 08.03.2015 г. № 55-ФЗ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дополнен ст. 36.1 «Особенности медицинской помощи, оказываемой в рамках клинической апробации» (см.: СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1425).

дееспособного пациента, а в отношении несовершеннолетнего пациента и пациента, признанного в установленном законом порядке недееспособным, – при наличии информированного добровольного согласия одного из родителей или иного законного представителя, данного в порядке, установленном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

7. Оказание медицинской помощи в рамках клинической апробации запрещается с участием в качестве пациентов: 1) детей, женщин в период беременности, родов, женщин в период грудного вскармливания; 2) военнослужащих, за исключением военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в случае, если соответствующие методы специально разработаны для применения в условиях военных действий, чрезвычайных ситуаций, профилактики и лечения заболеваний и поражений, полученных в результате воздействия неблагоприятных химических, биологических, радиационных факторов; 3) лиц, страдающих психическими расстройствами, за исключением случаев, если соответствующие методы предназначены для лечения психических заболеваний».

В США Кодекс и связанная с ним Хельсинкская декларация составляют основу Кодекса федеральных правил (ч. 46 разд. 45), определяющую политику в области здравоохранения для защиты объектов исследований на людях[92].

Интенсификация биомедицинских исследований объективна и со временем будет только усиливаться. Современные биотехнологии ставят ряд серьезных вопросов, на которые пока не получены ни философско-правовые, ни прямые юридические ответы.

По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2016 г. доля биотехнологических компаний, выполняющих исследования и разработки, в общем объеме расходов на исследования и разработки составляла: в Соединенных Штатах Америки – 12.31%; во Франции – 8.95%; в Российской Федерации – 0.53%. Среди европейских государств, инвестирующих в биотехнологическую отрасль, можно выделить Францию, Германию, Данию, а также Швейцарию и Швецию. Ожидается, что наиболее быстрорастущими биотехнологическими рынками в ближайшие пять лет станут страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности Китай и Индия.

В целом очевидна недостаточность международных усилий в решении гуманистических проблем.

Гуманистические ценности становятся ещё более хрупкими и нуждаются в эффективной и самое главное – своевременной правовой защите.

* * *

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Оценивая в совокупности Нюрнбергский трибунал, Токийский и Хабаровский процессы, а также другие судебные процессы, которые не только констатировали факт международного осуждения агрессивных и человеконенавистнических войн, но и сформировали совершенно иную, ранее не применявшуюся парадигму защиты мира и обеспечения безопасности человечества, следует отметить, что Хабаровский процесс был важнейшим этапом в последовательном осуществлении Нюрнбергских принципов, а также играл существенную роль в формировании международного уголовного правосудия. Осуждение не носило характера расправы, а разрешение конфликта между государствами, развязавшими Вторую мировую войну, и странами-победителями не было обличено в неустойчивую форму международного договора. Напротив, идея приговора, которая имеет глубочайший смысл в утверждении начал права в совместной жизни людей, приговора, основанного на международном соучастовании в формировании справедливого международного порядка, есть кульминационное выражение представлений о возможности справедливой и обоснованной оценки и закрепления принципов международного общения без насилия и войн. Роль указанных процессов над военными преступниками нельзя переоценить, они как редкий в истории пример действительного торжества права над оформленным в виде античеловеческой идеологии политическим произволом сформировали несущий каркас современного мироустройства, который систематически подвергается различным испытаниям на прочность и находится в сфере постоянных нападок тех, кто по-прежнему прямо и косвенно проявляет симпатии в отношении реакционных режимов, страдает манией исключительности и мирового господства.

2. История Хабаровского процесса показывает, что даже в условиях победы над очевидным злом тожество правосудия и справедливости должно было быть обеспечено ценой сложных и кропотливых усилий, прежде всего Советского Союза. Материалы Хабаровского процесса свидетельствуют и о том, что на фоне послевоенного мира далеко не все государства были заинтересованы в документальном закреплении фактов военных преступлений, обеспечении неотвратимости ответственности и наказания военных преступников, отыскании и привлечении к ответственности всех

[92] См.: Code_of_Federal_Regulations – CFR. Title 45—Public Welfare. Department of health and human services. General Administration. Basic HHS Policy for protection of human research subjects. URL: https://www.ecfr.gov/cgi-bin/textidx? SID=174db0a90132730df3ebf1d2c63c4b02&mc=true&tpl=/ecfrbrowse/Title45/45cfr46_main_02.tpl

виновных. Зафиксированные в материалах публичного судебного процесса факты и обстоятельства являются исходной базой для отслеживания случаев использования преступных технологий, средств, приемов и т.п. Кроме того, имея в виду материалы и результаты, в частности, Хабаровского процесса, прослеживая его связь с Нюрнбергскими принципами, во-первых, историческая картина событий и намерений участников Второй мировой войны становится значительно более точной и полной, а во-вторых, это позволяет существенно эффективнее понимать и оценивать перспективы международного планирования и деятельности в современном мире, учитывать риски и вызовы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бактериологическая война – преступное орудие империалистической агрессии (Хабар. процесс япон. воен. преступников) / М.Ю. Рагинский, С.Я. Розенблит, Л.Н. Смирнов. М., 1950. С. 73, 88, 101, 102, 104, 109.
2. *Гареев М.А.* К 60-летию Токийского и Хабаровского судебных процессов над японскими военными преступниками // Вестник Академии военных наук. 2009. № 2 (27).
3. Дневник министра торговли Генри Уоллеса, 10 августа 1945 года. С. 162. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB162/65.pdf
4. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 159.
5. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 15–17.
6. *Моримура С.* Кухня дьявола / предисл. М. Демченко. М., 1983.
7. Письмо Мао Цзэдуна И.В. Сталину о распространении авиацией противника бациллоносителей холеры и чумы. 21 февраля 1952 года. Китайская Народная Республика в 1950-е годы: сб. док.: в 2 т. / под ред. В.С. Мясникова; сост.: Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев. М., 2010. Т. 2: Друг и союзник нового Китая. С. 132–134 (Памятники исторической мысли).
8. *Рагинский М.Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов / предисл. А.Н. Николаева. М., 1985.
9. *Романова В.В.* От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами // История медицины. 2015. Т. 2. № 1. С. 72–82.
10. *Романова В.В., Шулатов Я.А.* После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 301–316.
11. *Савенков А.Н.* Международное право и политика западных государств в период между мировыми войнами (К 80-летию вероломного нападения фашистской Германии на СССР) // Государство и право. 2021. № 6. С. 7–62. DOI: 10.31857/S102694520015622–5
12. *Савенков А.Н.* Неотвратимое возмездие для нацистских марионеток и предателей // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2012. № 3. С. 54–60.
13. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.
14. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 149.
15. *Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б.* Суд в Токио / послесл. С.И. Коваленко, с. 544–574. 3-е изд., испр. М., 1984.
16. *Тужилин С.В.* «Совершённые преступления являются громадным злодеянием против человечества». Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 70-летию события) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 18–24.
17. ФСБ рассекретила документы об испытаниях Японией биооружия на советских гражданах. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4948753?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
18. ФСБ рассекретила имена агентов Японии в СССР. URL: https://vz.ru/news/2021/8/20/1114669.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
19. ФСБ: Япония в 1945 году готовилась к бактериологической войне против СССР. URL: https://ria.ru/20210820/yaponiya-1746491216.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
20. *Хироси А.* Особый отряд 731 / пер. с яп. М.А. Гусева, В.А. Зломанова, А.Г. Рябкина, Н.Н. Тулинова. М., 1958.
21. *Христофоров В.С.* Хабаровский процесс 1949 г. по материалам Центрального архива ФСБ России. С. 229, 230. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1632992497&tld=ru&lang=ru&name=4b62fc5fabae8c4e3c142a87be2c219dd28d1f16.pdf&text=Христофоров%20В.С.%20хабаровский%20процесс%20по%20материалам%20центрального%20архива%20фсб.%20т.%20IX%20расплата&url=https%3A%2F%2Fhistrf.ru%2Fuploads%2Fmedia%2Fdefault%2F0001%2F26%2F4b62fc5fabae8c4e3c142a87be2c219dd28d1f16.pdf&lr=14&mime=pdf&l10n=ru&sign=b66f01cd4fa2ed9d93f923d46c89ddab&keyno=0&nosw=1

22. Японские военнопленные в СССР, 1945–1956: сб. док. / сост. В.А. Гаврилов, Е.Л. Катасонова. М., 2013 (Россия. XX век. Документы / Междунар. фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева)).

23. *Barenblatt D.* A Plague Upon Humanity: the Secret Genocide of Axis Japan's Germ Warfare Operation. New York, 2004. P. 173.

24. Big Chemical Encyclopedia. Scientific and Technical Advisory Section, US Army Forces, Pacific. Biological Warfare. Vol. 5. In: Report on Scientific Intelligence Survey in Japan. HQ,– US Army Forces, Pacific, 1945. P. 32.

25. *Borch F.L.* Sitting in Judgment. Myron C. Cramer's Experiences in the Trials of German Saboteurs and Japanese War Leaders // Prologue Magazine. 2009. Vol. 41. No. 2.

26. *Brody H., Leonard S.E., Nie J.-B., Weindling P.* United States Responses to Japanese Wartime Inhuman Experimentation after World War II: National Security and Wartime Exigency // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2014. Vol. 23. Issue 2. P. 220–230.

27. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran: The Struggle for Survival 1940–1965. Boston, 1966. P. 29.

28. *Drea E., Bradsher G., Hanyok R., etc.* Daqing Yang Researching Japanese War Crimes Records. Nazi War Crimes and Japanese Imperial Government Records. Interagency Working Group. Washington, 2006. P. 68–70.

29. *Franz D.R., Parrott Ch. D., and Takafuji E.T.* The U.S. Biological Warfare and Biological Defense Programs. Medical aspects of chemical and biological warfare / specialty eds. F.R. Sidell, E.T. Takafuji, D.R. Franz. p. cm.– (TMM series. Part I, Warfare, weaponry, and the casualty). Includes bibliographical references and index. 1. Medicine, Military. 2. Chemical warfare. 3. Biological warfare. I. Sidell F.R. II. Takafuji E.T. III. Franz D.R., D.V.M. IV. Series: Textbook of military medicine. Part 1, Warfare, weaponry, and the casualty; [v. 3]. [DNLM: 1. Chemical Warfare. 2. Biological Warfare. 3. Military Medicine – methods. UH 390 T355 pt. 1. 1997. V. 3]. Chapter 19. P. 426, 427.

30. *Harris S.H.* Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–45, and the American Cover Up. London and New York, 1994. P. 196, 204.

31. *Harris S.* Japanese biological warfare research on humans: a case study of microbiology and ethics // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. No. 666 (1). P. 21–52.

32. *Hongo J.* Vivisectionist recalls his day of reckoning. Doctor put conscience on hold until war atrocity confession time came // The Japan Times. 2007. Oct. 24.

33. Japan tested chemical weapon on Aussie POW: new evidence // Japan Times. 2004. July 27.

34. Japanese doctor admits POW abuse. A former doctor in Japan's World War II navy says he was ordered to perform medical experiments on Filipino prisoners before they were executed // BBC News. 2006. Nov. 26.

35. *Kei-ichi T.* Reasons for the Failure to Prosecute Unit 731 and its Sagnificance // Beyond Victor s Justice? The Tokyo War Crimes Trial Revisited / ed. by Yu. Tanaka, T. McCormack, and G. Simpson. International humanitarian law series. Leiden – Boston, 2011. V. 30. P. 199.

36. Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Employing Bacteriological Weapons. M., 1950.

37. *Montgomery B.L.* The Memoirs of Field – Marshal the Viscount Montgomery of Alamein. K.G., 1958. P. 361, 362.

38. *O'Flynn E.* US bomber crew shot down over Japan were dissected while alive in horrific WW2 experiments: Japanese university acknowledges full details of atrocity 70 years on // Mail Online. 2015. 7 April.

39. Private papers of major R. Peaty. URL: https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1030006245

40. Rules of Procedure of the International Military Tribunal for the Far East. 25 April 1946. Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals Under Control Council Law. Vol. XV. Procedure, Practice and Administration. No. 10. Washington, 1946–1949.

41. *Ryall J.* Japanese admit conducting wartime vivisection on captured Americans at Kyushu Imperial University // The Sydney Morning Herald. 2015. April 9.

42. *Smith G.W.* MacArthur's Escape: John "Wild Man" Bulkeley and the Rescue of an American Hero. St Paul, Minnesota, 2005. P. 210.

43. *Tien-wei Wu.* A Preliminary Review of Studies of Japanese Biological Warfare and Unit 731 in the United States. URL: https://www.zzwave.com/cmfweb/wii-hist/germwar/731rev.htm

44. *Truman H.S.* August 9, 1945: Radio Report to the American People on the Potsdam Conference. URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-9–1945-radio-report-american-people-potsdam-conference

45. *Walker J.* Operation Unthinkable: Churchill's plan for World War Three. URL: https://media.nationalarchives.gov.uk/index.php/operation-unthinkable-churchills-plan-world-war-three/

46. *Weindling P.J.* From the Nuremberg "Doctors Trial" to the "Nuremberg Code". Wiener Klinische Wochenschrift 130, (Suppl 3). 2018.

47. *Weindling P., Villiez A., Loewenau A., Farron N.* The victims of unethical human experiments and coerced research under National Socialism // Endeavour. 2016. Vol. 40. Issue 1. P. 1–6.

48. *Williams P., Wallace D.* Unit 731: Japan's Secret Biological Warfare in World War II. New York, 1989.

REFERENCES

1. Bacteriological warfare is a criminal instrument of imperialist aggression (Khabarovsk trial of Japanese war criminals) / M. Yu. Raginsky, S. Ya. Rosenblit, L.N. Smirnov. M., 1950. P. 73, 88, 101, 102, 104, 109 (in Russ.).
2. *Gareev M.A.* To the 60th anniversary of the Tokyo and Khabarovsk trials of Japanese war criminals // Herald of the Academy of Military Sciences. 2009. No. 2 (27) (in Russ.).
3. Diary of Secretary of Commerce Henry Wallace, August 10, 1945. p. 162. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB162/65.pdf (in Russ.).
4. *Koshkin A.A.* "Kantokuen" – "Barbarossa" in Japanese. Why Japan attacked the Soviet Union. M., 2011. P. 159 (in Russ.).
5. The court trial of former servicemen of the Japanese army charged with the preparation and use of bacteriological weapons. M., 1950. P. 15–17 (in Russ.).
6. *Morimura S.* The devil's Kitchen / preface M. Demchenko. M., 1983 (in Russ.).
7. Mao Zedong's letter to I.V. Stalin about the spread of cholera and plague bacilli carriers by enemy aircraft. February 21, 1952. The People's Republic of China in the 1950s: collection of documents: in 2 vols / ed. by V.S. Myasnikov; comp.: E.R. Kurapova, V.S. Myasnikov, A.A. Chernobaev. M., 2010. Vol. 2: Friend and Ally of New China. P. 132–134 (Monuments of historical Thought) (in Russ.).
8. *Raginsky M. Yu.* Militarists in the dock: based on the materials of the Tokyo and Khabarovsk trials / preface by A.N. Nikolaev. M., 1985 (in Russ.).
9. *Romanova V.V.* From the Tokyo court to Khabarovsk: from the history of the preparation of the trial of Japanese war criminals-bacteriologists // History of Medicine. 2015. Vol. 2. No. 1. P. 72–82 (in Russ.).
10. *Romanova V.V., Shulatov Ya. A.* After the Khabarovsk trial of 1949: the USSR, the USA and the attempt to organize a new tribunal in the Far East in the conditions of the "Cold War" // History of Medicine. 2017. Vol. 4. No. 3. P. 301–316 (in Russ.).
11. *Savenkov A.N.* International Law and politics of Western states in the period between the world Wars (To the 80th anniversary of the treacherous attack of Nazi Germany on the USSR) // State and Law. 2021. No. 6. P. 7–62. DOI: 10.31857/S102694520015622-5 (in Russ.).
12. *Savenkov A.N.* The inevitable retribution for Nazi puppets and traitors // Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2012. No. 3. P. 54–60 (in Russ.).
13. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Sentence in the name of Peace. M., 2021 (in Russ.).
14. Collection of legislative and regulatory acts of repression and rehabilitation of victims of political repression. M., 1993. P. 149 (in Russ.).
15. *Smirnov L.N., Zaitsev B.E.* Court in Tokyo / afterword. S.I. Kovalenko. P. 544–574. 3th ed., rev. M., 1984 (in Russ.).
16. *Tuzhilin S.V.* "Crimes are enormous crime against humanity". Khabarovsk trial of Japanese war criminals (To the 70th anniversary of the event) // Military History journal. 2020. No. 12. P. 18–24 (in Russ.).
17. FSB declassified documents about Japan's testing of bioweapons on Soviet citizens. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4948753?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (in Russ.).
18. FSB declassified the names of Japanese agents in the USSR. URL: https://vz.ru/news/2021/8/20/1114669.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (in Russ.).
19. FSB: Japan in 1945 was preparing for a bacteriological war against the USSR. URL: https://ria.ru/20210820/yaponiya-1746491216.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (in Russ.).
20. *Hiroshi A.* Special Detachment 731 / transl. from Yap. M.A. Gusev, V.A. Zlomanov, A.G. Ryabkin, N.N. Tulinov. M., 1958 (in Russ.).
21. *Khristoforov B.C.* Khabarovsk trial of 1949 based on the materials of the Central Archive of the FSB of Russia. P. 229, 230. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1632992497&tld=ru&lang=ru&name=4b62fc5fabae8c4e3c142a87be2c219dd28d1f16.pdf&text=Христофоров%20В.С.%20хабаровский%20процесс%20по%20материалам%20центрального%20архива%20фсб.%20т.%20IX%20расплата&url=https%3A%2F%2Fhistrf.ru%2Fuploads%2Fmedia%2Fdefault%2F0001%2F26%2F4b62fc5fabae8c4e3c142a87be2c219dd28d1f16.pdf&lr=14&mime=pdf&l10n=ru&sign=b66f01cd4fa2ed9d93f923d46c89ddab&keyno=0&nosw=1 (in Russ.).
22. Japanese prisoners of war in the USSR, 1945–1956: collection of documents / comp. V.A. Gavrilov, E.L. Katasonova. M., 2013 (Russia. XX century. Documents / International Fund "Democracy" (Alexander N. Yakovlev Foundation)) (in Russ.).
23. *Barenblatt D.* A Plague Upon Humanity: the Secret Genocide of Axis Japan's Germ Warfare Operation. New York, 2004. P. 173.
24. Big Chemical Encyclopedia. Scientific and Technical Advisory Section, US Army Forces, Pacific. Biological Warfare. Vol. 5. In: Report on Scientific Intelligence Survey in Japan. HQ,– US Army Forces, Pacific, 1945. P. 32.
25. *Borch F.L.* Sitting in Judgment. Myron C. Cramer's Experiences in the Trials of German Saboteurs and Japanese War Leaders // Prologue Magazine. 2009. Vol. 41. No. 2.

26. *Brody H., Leonard S.E., Nie J.-B., Weindling P.* United States Responses to Japanese Wartime Inhuman Experimentation after World War II: National Security and Wartime Exigency // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2014. Vol. 23. Issue 2. P. 220–230.

27. Churchill. Taken from the Diaries of Lord Moran: The Struggle for Survival 1940–1965. Boston, 1966. P. 29.

28. *Drea E., Bradsher G., Hanyok R., etc.* Daqing Yang Researching Japanese War Crimes Records. Nazi War Crimes and Japanese Imperial Government Records. Interagency Working Group. Washington, 2006. P. 68–70.

29. *Franz D.R., Parrott Ch. D., and Takafuji E.T.* The U.S. Biological Warfare and Biological Defense Programs. Medical aspects of chemical and biological warfare / specialty eds. F.R. Sidell, E.T. Takafuji, D.R. Franz. p. cm. – (TMM series. Part I, Warfare, weaponry, and the casualty). Includes bibliographical references and index. 1. Medicine, Military. 2. Chemical warfare. 3. Biological warfare. I. Sidell F.R. II. Takafuji E.T. III. Franz D.R., D.V.M. IV. Series: Textbook of military medicine. Part 1, Warfare, weaponry, and the casualty; [v. 3]. [DNLM: 1. Chemical Warfare. 2. Biological Warfare. 3. Military Medicine – methods. UH 390 T355 pt. 1. 1997. V. 3]. Chapter 19. P. 426, 427.

30. *Harris S.H.* Factories of Death: Japanese Biological Warfare, 1932–45, and the American Cover Up. London and New York, 1994. P. 196, 204.

31. *Harris S.* Japanese biological warfare research on humans: a case study of microbiology and ethics // Annals of the New York Academy of Sciences. 2006. No. 666 (1). P. 21–52.

32. *Hongo J.* Vivisectionist recalls his day of reckoning. Doctor put conscience on hold until war atrocity confession time came // The Japan Times. 2007. Oct. 24.

33. Japan tested chemical weapon on Aussie POW: new evidence // Japan Times. 2004. July 27.

34. Japanese doctor admits POW abuse. A former doctor in Japan's World War II navy says he was ordered to perform medical experiments on Filipino prisoners before they were executed // BBC News. 2006. Nov. 26.

35. *Kei-ichi T.* Reasons for the Failure to Prosecute Unit 731 and its Sagnificance // Beyond Victor s Justice? The Tokyo War Crimes Trial Revisited / ed. by Yu. Tanaka, T. McCormack, and G. Simpson. International humanitarian law series. Leiden – Boston, 2011. V. 30. P. 199.

36. Materials on the Trial of Former Servicemen of the Japanese Army Charged with Manufacturing and Employing Bacteriological Weapons. M., 1950.

37. *Montgomery B.L.* The Memoirs of Field – Marshal the Viscount Montgomery of Alamein. K.G., 1958. P. 361, 362.

38. *O'Flynn E.* US bomber crew shot down over Japan were dissected while alive in horrific WW2 experiments: Japanese university acknowledges full details of atrocity 70 years on // Mail Online. 2015. 7 April.

39. Private papers of major R. Peaty. URL: https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/1030006245

40. Rules of Procedure of the International Military Tribunal for the Far East. 25 April 1946. Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals Under Control Council Law. Vol. XV. Procedure, Practice and Administration. No. 10. Washington, 1946–1949.

41. *Ryall J.* Japanese admit conducting wartime vivisection on captured Americans at Kyushu Imperial University // The Sydney Morning Herald. 2015. April 9.

42. *Smith G.W.* MacArthur's Escape: John "Wild Man" Bulkeley and the Rescue of an American Hero. St Paul, Minnesota, 2005. P. 210.

43. *Tien-wei Wu.* A Preliminary Review of Studies of Japanese Biological Warfare and Unit 731 in the United States. URL: https://www.zzwave.com/cmfweb/wiihist/germwar/731rev.htm

44. *Truman H.S.* August 9, 1945: Radio Report to the American People on the Potsdam Conference. URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-9-1945-radio-report-american-people-potsdam-conference

45. *Walker J.* Operation Unthinkable: Churchill's plan for World War Three. URL: https://media.nationalarchives.gov.uk/index.php/operation-unthinkable-churchills-plan-world-war-three/

46. *Weindling P.J.* From the Nuremberg "Doctors Trial" to the "Nuremberg Code". Wiener Klinische Wochenschrift 130, (Suppl 3). 2018.

47. *Weindling P., Villiez A., Loewenau A., Farron N.* The victims of unethical human experiments and coerced research under National Socialism // Endeavour. 2016. Vol. 40. Issue 1. P. 1–6.

48. *Williams P., Wallace D.* Unit 731: Japan's Secret Biological Warfare in World War II. New York, 1989.

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 41–61
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 41–61

ИНОЙ РАЗУМ И ПРАВО

© 2021 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 14.08.2021 г.

Аннотация. В статье в целях расширения горизонтов правовой науки рассматриваются проблемы будущего правового регулирования с Иным Разумом, его субъектами. По мнению автора, исходя из посылки, согласно которой Вселенная безгранична и в пространстве, и во времени, и в ней «все может быть», в монохронологической проекции, где время движется от прошлого через настоящее в будущее, субъекты Иного Разума, как земного происхождения, так и инопланетного, инозвездного, иногалактического и т.д., имеющие углеродную основу, а также субъекты иной основы – кремниевой, лучистой, плазмоидной и проч. – представляют собой при вступлении с ними в соответствующие отношения правовую составляющую, которую можно считать метаправом. А в многохронологической проекции, где время параллельное, перпендикулярное, диагональное, а также более быстрое и более медленное – в широчайших диапазонах – по сравнению с нашим и др., отношения с Иным Разумом невообразимо сложнее, и правовая их составляющая будет уже мегаправом.

Ключевые слова: субъекты Иного Разума, вероятные проблемы правового регулирования, метаправо, мегаправо.

Цитирование: *Клеандров М.И.* Иной Разум и право // Государство и право. 2021. № 10. С. 41–61.

DOI: 10.31857/S102694520017262-9

ANOTHER MIND AND LAW

© 2021 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 14.08.2021

Abstract. In the article, in order to expand the horizons of legal science, the problems of future legal regulation with Another Mind, its subjects are considered. According to the author, based on the premise that the Universe is boundless both in space and in time, and "everything can be" in it, in a monochronological projection, where time moves from the past through the present to the future, subjects of Another Mind are both of earthly origin, and alien, alien, alien, galactic, etc. origin, having a carbon basis, as well as subjects of a different basis – silicic, radiant, plasmoid, etc., represent, when entering into appropriate relations with them, a legal component that can be considered a metapravo. And in the multichronological projection, where time is parallel, perpendicular, diagonal, as well as faster and slower – in the widest ranges – compared to ours, etc., relations with Another Mind are unimaginably more complicated, and their legal component will already be a megapravo.

Key words: subjects of Another Mind, probable problems of legal regulation, metapravo, megapravo.

For citation: *Kleandrov, M.I. (2021).* Another Mind and law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 41–61.

«Инопланетная цивилизация несравненно более высокая, чем земная. Но ее представители искренне недоумевают, когда им объясняют, что больных нельзя есть»
Ярослав Голованов[1]

Проблематика правового регулирования отношений с Иным Разумом, прежде всего с представителями инопланетных цивилизаций, находится в поле зрения ученых, как отечественных[2], так и зарубежных[3]. Исследовал эту проблематику и автор настоящей статьи[4].

Догматик либо просто очень осторожный человек может сказать: зачем нам эта заумь, когда в стране экономика не развивается, чересчур много бедных, международная обстановка накалена, а тут еще и пандемия коронавируса... Но фундаментальная наука, включая юридическую, тем-то и отличается от поисковой, тем более от прикладной, что призвана заглядывать в послезавтрашний день, вести загоризонтные исследования. Прав был акад. РАН Б.Н. Топорнин[5], ныне, к сожалению, покойный, который в 2000 г. в докладе на Всероссийской научной конференции «Российское государство и право на рубеже тысячелетий» сказал: «Юридическая наука не может играть роль “пожарной команды”, вызываемой каждый раз для разрешения критических ситуаций: она должна усилить свою методологическую, прогностическую функцию»[6].

К тому же рассматриваемая здесь проблема внезапно может стать критически значимой как для всего земного сообщества, так и для отдельных государств, и решение этой проблемы без предварительных проработок вариантов ее решения на фундаментальном уровне, включая правовую составляющую, может стать катастрофическим.

Конечно, можно уподобиться подростку из старого анекдота, которого заставляли вымыть грязную шею в связи со скорым приездом тети, а подросток отнекивался, говоря: может, тетя не приедет, а я, как дурак, буду с вымытой шеей. Но надо ли человечеству уподобляться этому подростку, считая: а вдруг представители Иного Разума не появятся на Земле, а мы зря будем к встрече с ними готовиться, тратя на это силы, средства, время.

Но, во-первых, вероятность встречи землян с Иным, внеземным, Разумом далеко не нулевая: его представители в прошлом посещали Землю, о доказательствах чего – ниже. Во-вторых, имеются очевидные свидетельства интереса представителей Иного Разума к земному сообществу в настоящее время – НЛО, причудливые фигуры на полях и т.д., о чем – ниже. В-третьих, для подготовки к встрече с Иным Разумом не нужны гигантские траты сил, средств и времени, – научные исследования в этой сфере потребуют их незначительные размеры, а сами проведенные научные исследования предоставят, даже до искомой встречи, в распоряжение человечества новые знания, включая научно-правовую их составляющую, а эти знания – фундаментальные, поскольку данные научные исследования необходимо, вне всяких сомнений, отнести к сфере фундаментальной науки. Наконец, не следует забывать принятые во многих государствах законы «на всякий случай» – о чрезвычайном положении, о военном положении. Это к тому, что когда гром грянет, – креститься будет поздно, но ведь указанные законы при встрече землян с Иным Разумом, недобро к нам настроенным, сами по себе не будут достаточно эффективными.

Сложность проработки правовой проблематики будущих взаимоотношений с Иным Разумом заключается в следующем. Если Вселенная бесконечна, то в ней бесконечное число целых галактик, а значит, бесконечное число звезд и вращающихся вокруг них планет. Среди же планет, соответственно, бесконечное число землеподобных

---

[1] См.: Заметки вашего современника. Из записных книжек Ярослава Голованова // Комсомольская правда. 1999. 28 авг.

[2] См., напр.: *Иойрыш А.И.* Проблема внезапных цивилизаций и «метаправо» // Сов. государство и право. 1978. № 9. С. 64–70 (в 1966–1984 гг. – заместитель главного редактора журнала «Советское государство и право»); *Ермаков С.Э.* Идея метаправа и встречи с Иным Разумом // Московский журнал междунар. права. 1999. № 2. С. 41–55.

[3] См., напр.: *Ударцев С.Ф.* Метаправо и правопонимание (о трансформации правопонимания на новом уровне правового развития) // Научные труды “Эділет”. 2000. № 1 (7). С. 22–40 (Республика Казахстан); *Его же*. Государство, право и космическая деятельность // Социология права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2015. Т. 2. С. 307–338; *Его же*. Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования и юридического закрепления статуса // Правовая культура. 2019. № 1 (36). С. 23–36; *Его же*. Метаправо: о глобальной эволюции права // Вестник МГОУ. 2003. № 2 (11). С. 33–42.

[4] См., напр.: *Клеандров М.И.* Еще раз об идее метаправа в контексте предстоящей встречи с Иным Разумом // Московский журнал междунар. права. 2000. № 2 (30). С. 386–393; *Его же*. Нужно ли правовое регулирование отношений, связанных с Иным Разумом? // Вестник ТюмГУ. 2003. № 1. С. 218–228; *Его же*. Право и Иной Разум: точки соприкосновения // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 94–99; *Его же*. Метаправо и мегаправо для урегулирования отношений с Иным Разумом // Құқық және мемлекет (Право и государство). 2015. № 4 (69). С. 81–85.

[5] В 1989–2004 гг. – директор Института государства и права АН СССР (РАН).

[6] Цит.: *Колотова Н.В.* Российское государство и право на рубеже тысячелетий (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2000. № 7. С. 5.

и, разумеется, бесконечное число населенных разумными существами (а это и есть Иной Разум), в т.ч. гуманоидами, обогнавшими в своем развитии землян. Правда, от планеты Земля они могут находиться на бесконечно большом расстоянии, но ведь тогда должно существовать бесконечное число способов за кратчайшее время преодолевать эти расстояния, открытых этим бесконечно большим числом гуманоидов, обогнавших землян в своем развитии.

Наличие Иного Разума (конкретно – внеземного) закреплено и юридически – патентом № 000360 с приоритетом от 16 июня 2000 г., выданным Международной регистрационной палатой информационно-интеллектуальной новизны, обладающей статусом консультанта ООН. Этот патент был выдан нашему соотечественнику, известному уфологу В.Г. Ажаже, ныне, к сожалению, покойному.

Другое дело, что эти – Иные Разумы – могут быть разнесены с нами во времени, да и вряд ли они живут вечно... И это – только о жителях землеподобных планет... Как известно, наука знает много гитик, но у научных исследований, по сути, есть всего два основных подхода: делать то, что еще не сделано и сомневаться в том, что уже сделано.

Но ведь Иной Разум может иметь и земное происхождение. И с этой позиции автор предпочитает первый подход, но иногда, когда это требуется, не чурается и второго.

Что (точнее, кто) это – Иной Разум? Наверняка можно предположить, что это субъект права, а не его объект (в нашем понимании). При этом нет сомнений в том, что форм и видов Иного Разума великое (если не бесконечное) множество. Как это множество проклассифицировать, исходя из посылки наличия возможности или необходимости установления с ним отношений, включающим соответствующее правовое, прежде всего договорное регулирование?

В самом грубом приближении, по мнению автора, дихотомия здесь может заключаться в Иных Разумах, имеющих как земное, так и внеземное происхождение.

И к первой группе в первую очередь с очевидностью следует отнести людей необычных, в определенном смысле нестандартных. С «натяжкой» сюда можно отнести эмбрион человека, находящегося в стадии внутриутробного развития[7]. Но более уверенно можно в эту группу включить (с правовой точки зрения) людей, выделяющихся из основной части человечества, т.е. из стандарта человека (правда, ничем, никак и нигде не оформленного юридически, но в целом понятно, о ком речь), своими свойствами: биологическими, биоэнергетическими, психоэнергетическими, обладающих способностями к предвидению, предчувствию, в т.ч. относительно не близкого, а то и далекого времени, и проч. Речь идет о способностях крайне ограниченной группы людей к феноменальной памяти, сверхбыстрому счету, ясновидению, телепатии, телекинезу, телепортации и т.д.[8] Особых проблем с коммуникацией относительно этой группы человечества как представителей Иного Разума, в т.ч. в правовой сфере, у остальной части человеческого общества не возникает. Правда, это сейчас, раньше таких людей сжигали на кострах за связь с дьяволом.

К первой группе следует также отнести землян, не с очевидностью принадлежащих к человечеству, во всяком случае к современному. Так, по всему миру находят (в основном археологи) странные, вытянутые вверх черепа. И речь идет не о специально деформированных черепах людей, а о черепах естественных. Помимо того, что цепочки ДНК при генетическом анализе у таких черепов в ряде фрагментов отличаются от человеческих, сам такой череп вмещал мозг существенно большего объема, чем у обычного человека. Что это инопланетяне – сомнительно. Иначе, почему они массово, в большом количестве умирали, оставляя свои необычные черепа на обширных территориях? Но остальное человечество с ними встречалось и общалось, поскольку нередко специальными способами деформировали головы своих детей в стремлении подражать «яйцеголовым». (Не оттуда ли это выражение применяется к ученым?)

К этой же – первой – группе можно отнести современных землян, принадлежащих по происхождению к человечеству, но давно (или не очень давно) в своем эволюционном развитии отделившихся от человечества и являющихся самостоятельными видами, при этом не факт, что они разумные. Речь идет о т.н. «снежном» человеке; людях,

[7] См. подр.: *Клеандров М.И.* Правовой статус эмбриона человека // Проблемы формирования, сохранения, восстановления и укрепления здоровья (медицинские, биологические, экологические, психологические, социально-экономические, философские, правовые аспекты валеологии): сб. науч. тр. М. – Тюмень, 1995. Вып. IX. С. 181–185.

[8] См. подр.: *Клеандров М.И.* Правовое регулирование отношений «вверх» от правового «стандарта» человека // Актуальные проблемы юриспруденции: материалы итог. науч. конф. Тюмень, 1996. Вып. 1; *Его же*. Необычные субъекты права // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. Тюмень, 1999. Вып. 3, ч. I. С. 25–35; *Его же*. О более широком понимании правосубъектности или о странных субъектах права // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 88–92; *Малеина М.Н.* Правовой взгляд на проявление нетрадиционных способностей (качеств) человека // Сов. государство и право. 1994. № 2. С. 122–129.

именуемых «чудь белоглазая» (в силу непонятных причин, очевидно, обычное людское племя ушло под землю, где живет и поныне); русалках, как живущих в море, так и в крупных пресноводных водоемах, и др. Об уровне их интеллекта судить можно только по косвенным признакам, да и само их существование не доказано (как минимум с юридических позиций), поэтому о коммуникациях с ними на правовой платформе судить преждевременно.

С немалой натяжкой в эту группу можно включить земных животных, обладающих своеобразным разумом (ведь в отношении и некоторых неумных людей говорят: «Он не дурак, просто у него ум такой»). Это, в частности: дельфины, отдельные обезьяны (например, обезьянка Уошо в конце 1960 г. научилась разговаривать, используя 160 знаков амслена – американского языка глухонемых), собаки и др.

С еще большей натяжкой к этой группе можно отнести таких персонажей, как барабашки – существ скорее всего земного происхождения, организовывающих полтергейст (нем.– буйный дух). Их присутствие, как и результаты их непонятной по смыслу деятельности (когда подтверждено, что это не проделки подростков) имеют давнюю историю (те же домовые на Руси) и более-менее широко распространены территориально. Однако сведений о том, что кого-либо из них реально обнаружили и зафиксировали, у автора нет.

Но с куда большей уверенностью к этой группе нужно отнести т.н. «ИсКин» (искусственный интеллект), созданный наукой современного человечества сравнительно недавно и стремительно развивающийся. Это классический Иной Разум земного – современного – происхождения, одна роботесса София, которой в 2017 г. властями Саудовской Аравии было официально предоставлено гражданство этого государства, чего стоит. То ли еще будет... Сюда же следует отнести созданные людьми небиологические существа – компьютерные программы и вирусы с их самостоятельной эволюцией[9], а также компьютерные алгоритмы[10].

И любая правовая проблематика, включая научные исследования, здесь должна быть (а так в реалии и есть во всем мире), при этом она весьма востребована – следует ожидать формирование в самое ближайшее время таких научных отраслей законодательства, отраслей права, учебных дисциплин, как цифровое право, кибернетическое право, право искусственного интеллекта и т.д.

К Иному Разуму земного вида можно, по-видимому, отнести муравьев, пчел, термитов и иные коллективные сообщества насекомых (не всех разновидностей, конечно), в одиночку попросту не выживающих. Зато в коллективе себе подобных это несомненно Коллективный Разум – слишком организованно устроена их жизнедеятельность. У муравьев (о видах которых здесь и речь) до 120 хромосом (у человека – в три раза меньше), свою историю (развитие) они ведут около 100 млн лет), их сообщество – в муравейнике – состоит из жестко разделенных каст: рабочая, состоящая из бесполых муравьев, матки (царицы) и самцов, причем рабочая каста делится на подкасты: няньки, фуражиры, жнецы, солдаты, разведчики, строители, охранники, сборщики падали и т.д.

У названных Коллективных Разумов множество удивительных свойств, включая собственный обмен информацией; а многие свойства еще предстоит открыть. Но главная загадка – генезис их развития. С большой осторожностью можно предположить, что десятки миллионов лет назад существовали различные цивилизации насекомых этих видов, скорее всего не техногенной направленности. Биологическая же направленность развития привела к образованию жесткой запрограммированности их организационного устройства и деятельности, вследствие чего произошло их вырождение: уменьшились размеры, утерялась (если была) цель общественного развития, были утрачены коммуникативные свойства между отдельными сообществами и т.д. Но сохранилась, видимо, на генетическом уровне программа организации жизнедеятельности муравейника с его жилищным устройством, разделением на касты и проч., а это свидетельство наличия в прошлом Разума.

Кстати, совсем не исключено, что сообщество какого-либо нашего, человеческого, предельно тоталитарного государства, «заэкранированного» от воздействий извне и не имеющего экспансионистских устремлений, в своем развитии может прийти к такому же финалу.

Попытки со стороны Человека вступить с ними (с королевами (матками) или целиком, например, с муравейником, ульем), как и повернуть развитие этого Коллективного Разума, зашедшего в тупик, в сторону восстановления их созидательной жизнедеятельности, могут привести к удивительным в научном плане результатам. И здесь без соответствующего правового сопровождения не обойтись – ведь все-таки это Разум, хотя и Коллективный, взлет развития которого состоялся десятки миллионов лет назад.

[9] Об этой группе см. подр.: *Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М., 2020. С. 494, 495.

[10] О них подробнее см.: *Харари Ю.Н.* Xomo Dens. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М., 2020. С. 373–383.

Но ведь чисто теоретически, раз уж пошел разговор о необычных формах Земного Иного Разума, можно (с юмором) представить себе и такую ситуацию: нерадивый лаборант-биолог оставил надолго включенным электронный микроскоп, а когда заглянул в него после длительной отлучки (при условии, что за это время к данному микроскопу никто не прикасался), с удивлением обнаружил: микробы (бактерии, вирусы...) выстроились в надпись: «Хотим вступить с вами в договорные отношения».

Особое место в этой группе занимают современные субъекты, которые можно условно назвать «крионами». Как известно, в 2016 г. группа ученых США опубликовала письмо, из которого однозначно вытекает: крионика является законно и научно обоснованной сферой деятельности, стремящейся сохранить человека с помощью наилучших технологий. Суть крионики – замораживание (крионирование) человека (целиком или только его голову, или только мозг) при сверхнизких температурах – до –196°С, главным образом безнадежно больных, с целью в будущем, через 50–100 лет, его воскрешения и излечения будущими достижениями медицины. Ныне таких замороженных людей (или их голов) несколько сотен, в т.ч. в России.

Помимо чисто медико-биологических проблемных тонкостей в использовании крионики, есть и тонкости правового плана. Крионировать технически можно человека, у которого вся жизнедеятельность полностью прекращена, иначе это крионирование следует рассматривать как убийство. Но это, с одной стороны: мертвого человека хоронят (сжигают в крематории и проч.), воскресить его невозможно в принципе (ни сейчас, ни через 50–100 лет). Однако перед крионированием пациенту выдают свидетельство о смерти, а это юридически значимый документ. С другой же стороны, если через 50–100 лет криочеловека разморозят, разве можно юридически считать его мертвым все эти 50–100 лет? Даже, несмотря на наличие свидетельства о его смерти?

И главное – в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы: мы (человечество) с юридической точки зрения имеем дело с Иным Разумом современного земного происхождения: крионированный ни жив (что документально подтверждено), ни мертв (он же будет разморожен, иначе зачем вся эта крионика?). А отсюда многочисленные проблемы в сфере семейного (может ли муж крионированной женщины жениться – ведь это будет многоженство), наследственного и иных отраслей права и законодательства. В немалой мере эта проблема не только правовой науки, но и философии, причем проблема безусловно фундаментальная.

Вторую группу составляют субъекты Иного Разума неземного происхождения.

Здесь в первую очередь следует назвать: неопознанные летающие объекты (НЛО) – те, которые не являются неопознанными продуктами земных технологий; неопознанные подводные объекты (НПО), не являющиеся неизвестными земными обитателями моря, а те, которые, будучи весьма крупных размеров, достигают подчас в своем подводном движении скорости в 300 км/час. Эти объекты – в поле зрения землян, но непосредственные контакты с разумными существами, находящимися в этих объектах, равно с самими этими объектами при автоматическом их функционировании, пока не установлены (во всяком случае – насколько это известно автору). Но к этим контактам с соответствующей правовой составляющей следует быть готовыми.

В эту группу наверняка можно включить информационные поля: ноосферу Земли (по Вернадскому) и, соответственно, по нарастающей ноосферы – Солнечной системы, галактики Млечный Путь, метагалактики и всей Вселенной. Ведь не могут ноосферы быть простыми хранителями информации, поступившей от землян и иных разумных, в т.ч. неземных существ. Она обязательно должна систематизироваться, обрабатываться и проч., и скорее всего так или иначе ноосферы воздействуют на землян (и иных разумных обитателей Вселенной).

С меньшей долей уверенности в эту группу можно включить шаровые молнии (плазмоиды), в отдельных случаях совершающие весьма разумные действия. Но это уже совсем не наша форма жизни, и как с ней контактировать – непонятно.

Далее необходимо в отдельную группу включить субъекты Иного Разума внеземного происхождения, с которыми земляне пока не встречались, но которые по естественной логике должны быть во Вселенной, с которыми мы наверняка сможем установить контакт с соответствующей правовой составляющей. Речь идет о разумных существах не углеродной (как у нас), а иной основе – кремнеорганической и проч.

Что касается сегодняшнего дня, то очевидно присутствие Иного Разума как минимум в двух формах. Это:

а) всевозможные НЛО, впервые отмеченные в Европе еще в Средние века и активизирующиеся в последние годы по всей планете Земля. Определенная доля наблюдаемых НЛО, не исключено – результат технической деятельности людей, но немало и необъяснимых с этих

позиций проявлений НЛО. Помимо необъяснимых летающих объектов есть также необъяснимые подводные объекты, явно не принадлежащие к современной земной цивилизации, присутствие (движение, звуки и проч.) которых многократно и надежно фиксировались наблюдателями. Они многообразны, их объединяет явное нежелание вступать в какие-либо отношения с человечеством;

б) т.н. «круги на полях» – агроглифы, «ведьмины круги» и проч., впервые обнаруженные еще в XVII в. в Англии. Какая-то часть – это проделки шутников, позднее в этом признававшихся. Но отнести все их появления к деятельности землян-шутников невозможно: за последние четверть века их зафиксировано более 10 тыс. на территориях более чем 50 стран (включая Россию, в Краснодарском крае в частности); эти агроглифы становятся все сложнее, состоят зачастую из сотен системоорганизованных элементов, представляющих в большинстве случаев настоящие произведения искусства; появляются они за короткое время – в течение одной ночи; «изготовлены» не путем поломки растений – растения загнуты (деформированы), но не сломаны и т.д. Попытки объяснить их образование естественными причинами (а этих попыток великое множество) не выглядят убедительными. И эту группу можно охарактеризовать в качестве попыток Иного Разума вступить с отношения с земной цивилизацией, ибо многие из «следов на полях», даже с нашей, человеческой, точки зрения, несут определенный смысл, это явно сигналы, нами пока не расшифрованные. Почему Иной Разум избрал такой способ пытаться вступить с нами в отношения – нам пока непонятно, но для него это может быть естественным либо единственно возможным.

Как бы то ни было, в обоих обозначенных вариантах проблематика отношений с Иным Разумом должна включать правовую составляющую.

Периодически на Землю из космоса падают самые разнообразные тела, различные по форме, объемам, составу и иным характеристикам. В некоторых из них обнаруживают органические вкрапления, что свидетельствует о наличии как минимум в прошлом жизни на планетах, от которых отделились эти тела. Но «гостями» из космоса бывают и загадочные объекты, среди которых выделяется т.н. Тунгусский метеорит.

Это весьма необычный небесный «гость». 30 июня 1908 г. он взорвался вблизи р. Подкаменная Тунгуска, неподалеку от фактории Ванавара в Сибири. Причем взорвался он на высоте в несколько километров, этот взрыв сопровождался множеством необычных проявлений.

Необычные характеристики Тунгусского метеорита вызвали многочисленные экспедиции к месту его предполагаемого падения, начиная с экспедиции в 1927 г. Л.А. Куника. Но ни одна экспедиция не смогла отыскать ни места его падения, ни его осколки, не удалось создать и непротиворечивую картину его особенностей. В целом к настоящему времени было высказано, с той или иной степенью обоснованности, немногим более ста гипотез, но каждая из них оказывалась уязвимой, образно говоря, пазл не складывается.

В 1946 г. широко известный (впоследствии) писатель-фантаст А. Казанцев[11] в фантастическом рассказе «Взрыв» высказал идею: Тунгусский метеорит был инопланетным космическим кораблем, взорвавшимся из-за поломки атомного двигателя. В 70-х годах писатели-фантасты братья А. и Б. Стругацкие в фантастической культовой повести «Понедельник начинается в субботу» предположили, что Тунгусский метеорит был контрамотом – пришельцем из иного мира, где время течет вспять, противоположно нашему.

Разумеется, каких-либо доказательств в пользу своих предположений писатели-фантасты не приводят, да этого от них никто и не ожидает, иначе их произведения не были бы фантастикой. Таким образом, все предположения (гипотезы, теории и проч.) о природе Тунгусского метеорита можно разделить на две группы: 1) он был естественным природным образованием; 2) он был искусственным, принадлежащем Иному Разуму образованием. Относительно второй группы какие-либо определенные доказательственной природы Тунгусского метеорита сведения можно в принципе ожидать; первая же группа вполне естественно может представить (рано или поздно) неопровержимые доказательства естественной природы искомого объекта.

Но недавно, менее 10 лет назад, появилось доказательство, которое следует отнести к третьей группе. Его автор – акад. РАН В.П. Мельников, председатель Президиума Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН (в 2012 г.), директор (тогда же) академического Института криосферы Земли. Он поведал автору данных строк (воспроизвожу с его согласия) предпосылки и основания проведенного им исследования (результаты самого исследования чуть ниже). Итак, он сказал: меня давно интересовал вопрос. Как мог мой отец, родившийся в 1908 г., воспитывавшийся в государственном приюте (аналоге нашего детского дома), достичь таких высот в науке – он стал академиком АН СССР, основоположником

[11] В 1941 г. ушел на фронт рядовым, а в 1945 г. демобилизовался в звании полковника, что само по себе говорит о незаурядности этого человека.

советской школы мерзлотоведения, основателем Института мерзлотоведения АН СССР в г. Якутске, который он долгое время возглавлял, и т.д.? Ведь его школьные и студенческие годы пришлись на тот период, когда о нормальной организации учебного процесса и в школе, и в вузе говорить не приходится.

После чего В.П. Мельников задал автору настоящей статьи вопрос: что произошло в 1908 г.? А поскольку ничего более-менее значительного в этот год не произошло ни в глобальном масштабе, ни в Российской Империи, я искренне ответил: ничего в 1908 г. серьезного не произошло. В.П. Мельников сам дал ответ: в середине 1908 г. на Землю прилетел Тунгусский метеорит, – и преподнес мне журнал со своей статьей[12], в которой ярко и взаимоувязано фигурируют и Тунгусский метеорит 1908 г., и наша Академия наук.

Вкратце (впрочем, куда уж короче самой статьи В.П. Мельникова, где всего две страницы предельно лаконичного текста) содержание названной статьи сводится к следующему[13].

Итак. «Что обычнее и повседневней в Академии наук, чем академический справочник с информацией об избранных в РАН – Ф.И.О., день рождения, год избрания и область науки, годы жизни? Справочная информация позволила построить график распределения нового параметра, которого в явном виде в справочнике нет – количество академиков, родившихся в том или ином году вне зависимости от года их избрания... Я взял выборку избранных с 1918 по 1990 год (когда выбирали по уставу АН СССР), родившихся за 70 лет досоветского и советского периодов с годом рождения в период с 1855 по 1925 год. Из графика очевидно, что в распределении нашего параметра имеется ярко выраженная аномалия: с 1903 по 1908 годы с плавным нарастанием, пиком аномалии в 1908 году и резким падением. <...>. Что это – природное явление, случайность, проявление волюнтаризма вождей, стечение обстоятельств? Очевидно, не случайность. Во второй график по оси ординат включены все члены академии, т.е. первый график плюс члены-корреспонденты – почти в три раза больше умных людей – аномалия столь же ярко выражена. Правда, отношение пика аномалии в 1908 г. к средней величине в первом случае – 2,8, а во втором – 2,4. И это уменьшение воодушевляет по той причине, что нами найдена уникальная выборка из людей, чья умственная деятельность оценена в нашей стране и за рубежом по высшим меркам. Добавление в данные графика членов-корреспондентов уменьшило качество. Стоит полагать, что включение докторов наук, родившихся в эти годы, еще уменьшит отношение, а кандидатов наук, которых в десятки раз больше, чем докторов, – вообще сгладит эту аномалию. В нашем случае мы выделили плеяду людей, на каждого из которых приходилось около миллиона среднестатистических советских граждан, а на одного среднестатистического ученого СССР примерно на четыре порядка (в десять тысяч раз) меньше. Т.е. выборка действительно уникальна. Только в СССР и в России была и существует столь многоступенчатая система оценки научных достижений (кандидат наук, доктор наук, член-корреспондент Академии наук, действительный член Академии наук. <...>. Волюнтаризм вождей тоже исключается, т.к. академики 1908 года рождения выбирались в течение почти сорока лет, т.е. при всех политических режимах и разных президентах Академии наук. Этим я хочу подчеркнуть, что найденная аномалия – это объективная реальность. Какова же причина ее появления? Скорее всего мы на пороге появления разных гипотез и предположений на эту тему. Что сразу приходит на ум, так это Тунгусское событие 30 июня 1908 года, описанное в огромном количестве работ с констатацией того, что спустя 100 лет мы по-прежнему далеки от его разгадки. <...>. На каком расстоянии возмущения в космосе начинают влиять на людей? Вспышки на Солнце мы ощущаем довольно быстро, но это взрывоподобное событие. А летящая комета? Насколько она изменяет космическую и планетную среду? <...>. Связь аномалии избираемости академиков с возмущением в околопланетном пространстве вписывается в основные положения набирающей сторонников экологической парадигмы эволюции, один из главных тезисов которой заключается в следующем: если повышается уровень сложности окружающей среды, то усложняются и объекты (в нашем случае – люди). К тому же в процессах изменения природы и общества важнейшую роль играют экологические и информационные основы бытия. Академический уровень сотен ученых – это объективная выборка высокого качества способностей одного из миллиона граждан. Не углубляясь в детали экологической парадигмы, напомню наказ М.В. Ломоносова: “Из наблюдения составлять теорию, а теорию поправлять наблюдением”. Приятно то, что столетие моего отца – одного из аномалии, стало поводом для развития, возможно, очень интересного и междисциплинарного исследования. Дарвиновский принцип естественного отбора вскрыл лишь одну сторону

[12] См.: *Мельников В.П.* Академическая аномалия // Холодок. 2012. № 1 (9). С. 15, 16.

[13] Во избежание неточностей изложения текста выбран путь избирательного, но буквального воспроизведения основных положений его статьи.

эволюционного процесса, где виды, получившие полезные признаки, замещают менее приспособленные. Но он не объясняет, каким образом возникают эти признаки. Ответ на этот вопрос дала гипотеза Де Фриза о случайных изменениях наследственности, мутациях путем повреждения наследственного аппарата факторами среды. Космические пришельцы – это колоссальное изменение качества окружающей среды. Планета Земля за сотни миллионов лет адаптировалась к цикличности. Период галактического обращения Земли составляет около 220 миллионов лет. Но вот появление еще одного или нескольких космических тел, да еще и коснувшихся Земли, – это мощный информационный стресс. Пусть это будет одним из очевидно многочисленных объяснений пика избираемости в АН СССР, но эта мысль является источником новых направлений исследований. И если природа позитивно вмешивается в совершенствование разума Homo sapiens, то почему бы не использовать такую же космическую "физиотерапию" для развития способностей людей».

Анализ текста названной статьи акад. РАН В.П. Мельникова позволяет сформулировать следующие выводы: 1) им совершено классическое научное открытие; 2) выявленная им статистическая флюктуация, заключающаяся в том, что среднее количество академиков и член-корреспондентов Академии наук, родившихся в 1908 г., в 2.8 раз (академиков) и в 2.4 раза (для член-корреспондентов) превышает их среднее (сопоставимое) количество, родившихся в иные годы, чего в принципе не должно быть; 3) эта статистическая флюктуация (аномалия) – объективная реальность, неопровержимое доказательство избирательности, пассионарного процесса, имевшего место в 1908 г.; 4) с весьма высокой степенью вероятности можно предположить наличие причинно-следственной связи между всплеском этой пассионарности и Тунгусским метеоритом; 5) сам Тунгусский метеорит осуществлял определенное, современной науке неизвестное (волновое, лучевое...) воздействие на эмбрионы (равно на самых юных, грудных младенцев, родившихся в 1908 г., но зачатых не позже апреля 1907 г.) будущих членов Академии наук в течение всего 1908 г. (ведь двигался он не со световой скоростью). Но по каким критериям произошло указанное селективное воздействие Тунгусского метеорита на эту группу – эмбрионов и младенцев, неизвестно, скорее всего эта группа обладала определенными (соответствующими) генетическими особенностями.

И главное. Отнести Тунгусский метеорит с его необычными свойствами указанного выше воздействия как к группе естественных образований (что в принципе исключить нельзя – Вселенная исключительно многообразна, в т.ч. в плане неизвестных пока нам физических законов), так и к произведению Иного Разума, однозначно невозможно, во всяком случае пока. Отсюда и неясность в вопросе правовых отношений: в первом случае речь может идти о правовом регулировании отношений к нему внутри земного сообщества; во втором же в эту сферу неизбежно нужно будет включать и отношения с Иным Разумом в конкретных проявлениях – в целом с ним либо с им созданным механизмом. И не обязательно в будущем – Иной Разум может отправить «спасательную экспедицию» с целью выяснить – почему их «механизм» (Тунгусский метеорит) в установленный срок не вернулся, да еще вдобавок связь с ним, когда он достиг цели (Земли) оказалась утерянной. И еще один немаловажный момент: сам Тунгусский метеорит упал (?) в одном из самых малозаселенных местностей, и жертв от его падения не случилось. А если бы он упал в океан – не исключено и цунами с жертвами. Либо – на крупный город... Случайно ли это?

А ведь есть реальные следы присутствия и деятельности представителей Иного Разума на Земле в очень (и не в очень) древние времена. Например:

т.н. геоглифы – рисунки на поверхности земли, характеризующиеся тем, что: а) такой рисунок полностью можно обозреть только с большой высоты (с борта самолета, вертолета и т.п.); б) основная масса геоглифов представляет собой животных, птиц (грифонов) или известных нам предметов, но их смысл нам непонятен; в) все геоглифы созданы посредством снятия верхнего слоя почвы, под которым находятся светлые геологические структуры, но почему эрозия их не затерла, неясно, а ведь им явно не одна тысяча лет. Такие геоглифы обнаружены на плато Наска (в Южной Америке), в России – на плато Укок, на плато Устюрт, а недавно геоглифы, подобные рисункам на плато Наска, были обнаружены в Индии в штате Махараштра – на западе этого штата, в основном в районах Ратнагири и Раджапур;

т.н. камни Ики (названные по имени г. Ики в Перу, где хранится их большое количество в недавно созданном для них музее) – гравированные камни с четко вычерченными рисунками людей в обществе динозавров, оседлавших и ездящих на них, летящих на птеродактилях, делающих сложнейшие операции, в т.ч. по пересадке головного мозга и т.д. Подделка здесь практически исключена, поскольку таких камней, разных по величине, уже обнаружено свыше 50 тыс., а подделать даже один такой камень – дело долгое, трудоемкое и дорогостоящее;

отдельные артефакты, принадлежность которых к следам представителей Иного Разума разделяется не всеми исследователями: найденная в Башкирии каменная плита с трехмерным изображением местности, сделанная сотни миллионов лет назад[14]; 20-тонная крышка саркофага, обнаруженного в гробнице храма Паленке (государство древних Майя, VII в.н.э.), на которой изображен человек, сидящий в кресле аппарата сложной конструкции, предположительно – космического корабля); металлические, в т.ч. стальные, золотые и иные, гвозди и иные предметы, периодически обнаружившиеся в слоях многомиллионнолетней давности; изготовленные тысячи лет назад макеты «самолетиков» с прекрасными аэродинамическими качествами, обнаруженные на территориях Египта и Колумбии; черепа древних животных и человека, погибших от 130 до 490 тыс. лет на территории Северной Родезии, имевших в черепах круглое пожизненное отверстие – результат их гибели, но ведь животные, даже рогатые, не могли их оставить; поразительные с современной точки зрения знания астрономии полудикого африканского племени догонов[15]; хрустальные черепа с удивительными физическими свойствами – эти черепа, периодически обнаруживаемые в разных частях нашей планеты, и сегодня изготовить людям технически невозможно; географические карты: турецкого адмирала Пири Рейса XVI в., итало-французского географа и математика Оронтеуса Финиуса (первая половина XVI в.), фламандца Герарда ван Кремера (он же – знаменитый Меркатор – то же время) и др., являющиеся копиями более старых, древних карт, на которых изображены некоторые острова, открытые сравнительно недавно, а также Антарктида, свободная ото льда с руслами рек, обнаруженными совсем недавно, а это уже совсем древнейшие времена, а также большой остров в Атлантическом океане к востоку от Южно-Американского побережья, которого сейчас нет, и, по утверждению геологов, не могло быть; многочисленные каменные мегалиты, явно искусственно образованные, обладающие огромным вплоть до 1 тыс. т весом и зачастую представляющие собой определенную кладку (т.н. «Баальбекская веранда», мегалиты на Кольском полуострове, на Зимбабвийском плато и т.д.

Вообще же следов Иного Разума самых разнообразных форм и видов, как земного, так и внеземного происхождения, включая т.н. «палеоконтакты», множество[16]. Проблема недостаточности их системного исследования заключается в том, что современная историческая наука слишком полна стереотипами, неповоротлива и излишне консервативна. Что, впрочем, присуще и иным наукам социогуманитарного профиля. Правда, это не всегда плохо. Но рассматриваемая здесь правовая ее составляющая должна составить с методологической точки зрения отдельную подотрасль исторической науки, что позволило бы проблематику исследования следов, оставленных на планете Земля, решать комплексно, последовательно и, что немаловажно, на легальной основе. Пока же многими представителями исторической (и не только) науки само существование следов Иного Разума на планете Земля отвергается (по принципу: это – естественные образования), подвергается критике явно неправдоподобными объяснениями (те же рисунки на плато Наска объясняют поисками воды, сотворенными пастухами) и т.д. Здесь явно нужен общеметодологический – силами и средствами исторической науки – подход.

Кстати, о прошлом – согласно учению Елены Блавадской, имеющей, как известно, множество последователей, нынешний Земной Разум – пятый по счету на нашей планете. До нас были атланты, до них – лемурийцы и т.д. Никаких материальных следов этим утверждениям нет, но это пока. Известный провидец Эдгар Кейси утверждал, что под правой передней лапой египетского Сфинкса, на большой глубине, в большом зале (галерее залов) находятся артефакты предыдущих разумных обитателей планеты Земля, а также артефакты инопланетян. Современные методы просвечивания участка Земли под правой лапой Сфинкса показали неясные объемы пустот, так что слова Э. Кейси – не придумка в этом вопросе; впрочем, во множестве иных случаев его утверждение (информация, получаемая им во сне) убедительно подтверждалось. Кстати, самому Сфинксу не менее 10 тыс. лет, что подтверждается следами ливневых дождей на нем, которые за эти последние 10 тыс. лет на территории Египта попросту не проливались.

Правовой аспект здесь заключается в правовой проблеме (пока – гипотетической, но в результате раскопок под правой лапой Сфинкса[17] она с вы-

[14] См.: *Карпов В.* Тайна «Дашкиного камня» // Труд. 2000. 12 февр.; *Тельнов Г.* Плита «творца» // Жизнь. 2003. 21 авг.

[15] См. подр.: *Лесков С.* Дикое африканское племя обладает удивительными астрономическими познаниями // Известия. 2003. 6 дек.; *Попов И.* Догоны – люди не местные // Независимая газ. 2006. 22 марта.

[16] См., напр.: *Кремо М., Томпсон Р.* Неизвестная история человечества. М., 1999; *Бейджент М.* Запретная археология. М., 2004; *Валентинов А.* Вышли мы все из пробирки. Родословная со звезд? // Росс. газ. 1996. 30 авг.; *Его же.* Гвоздь из подковы динозавра // Росс. газ. 1997. 6 мая; *Его же.* Кубышка каменного века // Росс. газ. 1997. 18 июля. К сожалению, более поздних публикаций в «Российской газете» автору данных строк встретить не удалось.

[17] В настоящее время власти Египта категорически запрещают эти раскопки производить.

сокой степенью вероятности может превратиться в реальную, и точно не локального уровня) – кому обнаруженные артефакты принадлежат: тому, кто первый проник в залы с ними; тому, кто спонсировал и организовал раскопки; государству Египет, на территории которого находится Сфинкс, либо всему нынешнему человечеству? От решения этой правовой проблемы может зависеть смена вектора развития современной цивилизации, причем в любую сторону.

Во вторую группу субъектов Иного Разума следует (также условно) включить субъекты не земного происхождения, но тех, с которыми можно, по-видимому, найти общий язык. При этом они не обязательно должны быть схожими с человеком, даже не обязательно быть гуманоидами. Главное – чтобы они были разумными, что, впрочем, не всегда сразу при встрече с кем-либо из них станет очевидным. Если встреча с подобными будет элементарно просчитываемой: их космический корабль приземлится на Красной площади в Москве (на лужайке Белого дома в Вашингтоне, на площади Тяньаньмэнь в Пекине и т.п.), то, по всей видимости, особых проблем, в т.ч. правового характера, не возникнет. Правда, возникнет, с одной стороны, необходимость установления контакта с прилетевшими на корабле, поиска общего языка, а далее – заключения с ними (это уже – право) тех или иных соглашений.

А с другой стороны, потребуется немалая работа по корректировке действующего правового регулирования отношений: 1) между людьми, организациями и другими субъектами в рамках одного государства по поводу контактов с представителями той цивилизации; 2) между отдельными государствами земного сообщества в сфере контактов с той цивилизацией (ее руководящими (?) органами); 3) между земным сообществом (в лице ООН?) и той цивилизацией; 4) между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти (?) той цивилизации напрямую и т.д.

И работа эта будет непростая, даже в рамках исключительно земных понятий, правоотношений. Предполагаемый пример: всеми правовыми системами мира, причем издавна, закреплялась уголовная ответственность за убийство, и все знают, что убийство есть преступление. При этом все – и дилетанты, и профаны – знают, что уголовное право под таким преступлением, как убийство, понимает исключительно убийство человека (далее подразделяется: одного или группы, взрослого или ребенка либо беременной женщины и проч.). Но уж, конечно, не убийство домашних животных и птиц, не говоря уже о тараканах и т.п. Но не убийство и представителей Иного Разума, который может иметь весьма странную для восприятия нашими органами чувств форму. Наличие или отсутствие разума здесь у таких представителей нашими законами попросту не учитывается. Если убит земной индивид, хотя и полностью лишенный разума – это убийство. А если убит разумный инопланетянин, даже внешне похожий на человека, – это не убийство, он же не человек. А ведь в этом плане намного более сложными будут отношения, регулируемые гражданским, административным, экономическим, предпринимательским, даже конституционным законодательством. Может столь же неожиданно возникнуть и иной фактор, сегодня полностью непредсказуемый.

В другую, также отдельную (третью по счету) группу субъектов Иного Разума необходимо включить существ, ни внешний облик, ни метаболизм, ни другие привычные нам факторы неизвестны, как нет вообще даже косвенных доказательств их существования, но которые ввиду бесконечности Вселенной обязательно должны быть, в т.ч. разумных. Это существа лучевой жизнедеятельности (что прямо предсказывал К.Э. Циолковский для Человечества в его далеком развитии); жители в световых потоках; жители в гравитационных, электромагнитных и иных, еще нам не известных полях.

И наконец, отдельно – Высший (Абсолютный) Разум, представить который крайне затруднительно (во всяком случае автору данных строк), но который ввиду бесконечности Вселенной обязательно должен образоваться.

Установление контактов с представителями двух последних групп Иного Разума – дело не абстрактно-безнадежное, но очевидно, что инициатором здесь выступать земное человечество не может. Поэтому и о правовой составляющей этих контактов говорить пока бессмысленно. Ясно одно: правоотношения здесь наверняка примут формы, в корне отличающиеся от всех известных нам. Ведь о жизнедеятельности субъектов двух последних групп Иного Разума мы не только ничего не знаем (кроме обоснованного предположения, что они в бесконечной Вселенной должны быть), но мы даже не знаем, чего не знаем!

Представленная классификация субъектов Иного Разума самая приблизительная, и автор отдает себе отчет. В ее основу положены не физические, биологические, исторические и иные признаки, а правовые, как это представляет себе автор. К тому же перечень представленных субъектов – лишь малая, мельчайшая доля того, что есть в действительности.

И с этих позиций вышеизложенного можно говорить о метаправе. В энциклопедической литературе «мета...» определяется как «(греч. meta – после, за, между) – составная часть сложных слов, обозначающая следование за чем-либо, после чего-либо, переход из одного места или состояния в другое, перемену состояния, превращение: метамерия, метаморфоза. В современной логике и лингвистике используется для обозначения научных направлений, которые, в свою очередь, занимаются изучением других теоретических и/или информационных систем: метатеория, метаязык»[18].

Применительно к правоотношениям, связанным с Иным Разумом, проблематика метаправа рассматривается как в отечественной научной литературе, так и за рубежом (в частности, А.И. Иойрышем проанализированы работы американских, австрийских и испаноговорящих (Южной и Центральной Америк) ученых – Э. Форана, Э. Хейли, М. Саммерфильда и др.). Сам же А.И. Иойрыш под метаправом понимал совокупность правовых норм, регулирующих отношения между различными расами во Вселенной[19]. При таком понимании метаправа участником регулируемых этой правовой отраслью отношений обязательно должен быть Иной Разум (да и предметом их должны быть исключительно межрасовые – во вселенском масштабе – отношения), а посему разработка принципов, системы, методов и т.п. метаправа как отрасли права на базе этого определения трудно выполнима.

Вместе с тем общепринятого понятийного аппарата в сфере данной проблематики пока не выработано, нет и ее структурированности, прежде всего в отношении субъектного состава участников этих отношений. Можно скорее всего говорить об уровнях метаправа, призванных регулировать отношения с Иным Разумом в зависимости от участников этих правоотношений.

Первый уровень – это субъекты Иного Разума, имеющие земное происхождение, а другой участник правоотношений с этими субъектами – земное человечество, поэтому с определенной осторожностью этот уровень можно назвать антропогенным правом.

Второй уровень – это качественно более гипотетический, здесь второй участник правоотношений – не земного происхождения. Но в любом случае совокупность норм этого уровня метаправа не является космическим правом, поскольку космическое право регулирует отношения в рамках земной цивилизации в целях проникновения в космос, по сути, это обычная земная отрасль права (она же – отрасль законодательства, отрасль юридической науки, учебная дисциплина).

Этот уровень метаправа – гипотетические (пока) правоотношения человечества с Иным Разумом инопланетного (иных звездных систем, иных галактик и пр.) происхождения. Легче всего было бы установить с ними (отдельными их представителями) отношения, когда они гуманоиды землеподобного типа, в т.ч. отношения с правовой составляющей.

Такова представлена, например, в прекрасном (по всем канонам) рассказе «Дом Обновленных» классика американской фантастики Клиффорда Саймака[20], написанном в середине прошлого века, где рассказывается о профессоре права из заштатного американского университета, сильно состарившемся, потерявшем практически всех родных и близких и уже подготовившем себе место в доме престарелых. Будучи на рыбалке в глухой местности, он сильно повредил ногу. С трудом добравшись до дома, которого там попросту не могло быть, и никого там не встретив, он в конечном счете получил предложение рассмотреть в коллегиальном составе судебное дело «по законам межгалактического права». Крайне интересны рассуждения профессора (точнее – Клиффорда Саймака) в этой сфере: как бы ни понимать закон, как бы его не изучать, какую бы сторону не подчеркивать, его основная задача – установить какие-то рамки, помогающие разрешить любой возникший в обществе конфликт.

Далее: на какой-то одной планете, если налицо время, терпение и неспешный ход развития, закон можно привести в полное соответствие со всеми общепринятыми понятиями и со всей системой знаний общества в целом. Но, рассуждает далее профессор, возможно ли сделать логику закона столь гибкой и всеобъемлющей, чтобы она охватывала не одну, а множество планет? Существует ли где-нибудь основа для такого понимания законности, которое оказалось бы применимо ко всему обществу в самом широком, вселенском смысле слова?

Да, пожалуй, отвечает себе профессор. Если налицо мудрость и труд, проблеск надежды есть. А значит, здесь могут пригодиться земные законы; Земле незачем стыдиться того, чем она располагает, человеческий разум всегда тяготил к закону, более пяти тысячелетий человечество

[18] Новая Российская энциклопедия: в 12 т. / редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. М., 2003. Т. 10 (2). С. 301 (далее – Новая Российская энциклопедия).

[19] См.: *Иойрыш А.И.* Указ. соч. С. 65.

[20] *Саймак К.* Дом Обновленных. Звезда по имени Галь. Заповедная зона // Сборник фантастических рассказов / пер. с англ. Норы Галь. М., 1999. С. 136–165.

старалось опираться на закон и это привело к развитию права, вернее – ко многим путям развития. Но найдутся ли в земном праве две-три статьи, которые смело можно включить во всеобщий, межгалактический свод законов?

Таким образом, по мнению профессора, есть основания считать возможным существование (создание) межгалактического права, межгалактической законности, соответственно, межгалактического правосудия.

Характерны аргументы, которыми профессор (точнее – Клиффорд Саймак) обосновывает эти доводы. Профессор рассуждает так: химия – одна для всей вселенной, и поэтому некоторые полагают, что биохимия тоже одна. Те двое, жители двух других планет, названные вместе с ним как судьи, которым надлежит разрешить спорное дело, скорее всего – не люди и даже не похожи на людей. Но при общем обмене веществ они в главном должны быть сродни человеку. Наверно, это жизнь, возникшая из протоплазмы. Наверно, для дыхания им нужен кислород. Наверно, в их организме многое определяется нуклеиновыми кислотами. И разум их, как бы он ни отличался от человеческого, возник на той же основе, что и разум человека, и работает примерно так же. А если химия и биохимия общие для всех, отчего бы не существовать мышлению, которое придет к общему понятию о правосудии? Быть может, еще не сейчас. Но через 10 тыс. лет. Пусть через миллион лет.

Профессор сел и «вплотную занялся межзвездным правом». Точнее – приступил к начальной стадии отправления межзвездного (межгалактического) правосудия.

Здесь о втором уровне метаправа можно говорить как о межпланетном, межзвездном, межгалактическом праве. И установление тех или иных отношений с субъектами Иного Разума этого – второго – уровня права может обрести форму общей необходимости. При этом проекция земной правовой системы (ее отдельных элементов) на стадии установления этих отношений, если это будет произведено без должной осмотрительности, может привести не только к тому, что в просторечии именуется «огорчительным недоразумением», но и к катастрофическим (разного размаха) последствиям.

Третий уровень метаправа – это отношения с субъектами Иного Разума не только не земного происхождения, но и с нами по любому параметру не имеющими никакого сходства. Это, как сказано выше, разумные: плазмоидная жизнь, лучевая жизнь, информационная жизнь (что бы это не означало) и т.д. Наверняка у субъектов Иного Разума этого, третьего, уровня в корне отличающиеся от нас метаболизмы, психики, мировоззрения и т.д., а значит, и правовые системы (если они есть у них, но у кого-то ведь могут, даже должны быть), философия и т.д. Установление человечеством отношений с ними, в т.ч. с правовой составляющей, – чисто гипотетическая проблема, правда, внезапно могущая стать критически актуальной, требующей от землян предельной осторожности.

Может быть, можно составить и четвертый, и пятый и т.д. уровень метаправа. Главное же в нем – субъекты Иного Разума метаправа живут в одном с нами потоке времени. Но, поскольку, как сказано выше, Вселенная бесконечна, то она бесконечна не только в пространстве, но и во времени (а может, и в иных, пока не открытых измерениях). Отсюда следует, что субъекты Иного Разума нашего темпорального потока – малая часть субъектов Иного Разума не нашего темпорального потока.

Что мы знаем о природе времени? К сожалению, мало, и всякие его объяснения мало проясняют проблему. Здесь земная наука (физика, физиология, нейробиология и др.) практически не продвинулась со времени Августина Блаженного, указавшего: когда меня не спрашивают, что такое время, мне кажется, что я знаю, что это такое, но когда меня об этом спрашивают, то оказывается, что я не знаю, что такое время.

Хорхе Луис Борхес говорил: «Вечно разветвляясь, время ведет к неисчислимым вариантам будущего».

Проблематикой времени в одномерном понимании занимались и продолжают заниматься многие исследователи. Интересна в этом плане работа В.Н. Муравьева[21], где он (во второй главе) рассмотрел такие проблемы, как: 1) время как отношения вещей; 2) практическое преодоление времени; 3) время как функция множественности; 4) проблема действия и взаимодействия; 5) противоречивость обычного построения множественности; 6) математическая точка зрения; 7) диалектическое построение множественности; 8) диалектическое решение проблемы действия; 9) диалектическое решение проблемы взаимодействия и др.

Великий ученый физик Стивен Хокинг в своей известной работе «Краткая история времени (От Большого Взрыва до чёрных дыр)», увидевшей свет в 1988 г. и опубликованной в переводе на русский язык в 2017 г.[22], считал: все,

[21] См.: *Муравьев В.Н.* Овладение временем. М., 1924.

[22] См.: *Хокинг Стивен*. Краткая история времени. От Большого Взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н.Я. Смородинской. М., 2017.

что когда-либо существовало или когда-либо будет существовать, действительно, существует – не «здесь и сейчас», но на каком-то пространственно-временном расстоянии от «здесь и сейчас».

Ныне нерешенными для науки, прежде всего физики времени, являются такие фундаментальные вопросы, как: 1) почему время течет вообще, а с субъективной точки зрения в восприятии отдельного человека течет с различной скоростью – очевидно ведь, в частности, что в детстве и в старости время течет неодинаково, с различной скоростью? 2) почему тем не менее оно всегда, насколько мы знаем, течет в одном направлении? 3) существуют ли кванты времени?

В энциклопедической литературе время определяется зачастую пространно, например: «В философии – одна из характеристик смыслового поля человеческого восприятия мира (наряду с понятием пространства). Характер рассмотрения В., основные способы включения В. в систему категорий мышления определяют самосознание различных культурно-исторических периодов...». И так четыре страницы текста[23].

Но в любом случае временное расширение понимания Иного Разума (в плане правовой составляющей) требует выхода за пределы метаправа.

Здесь уместно использование понятия «мегаправо»[24] – в энциклопедической литературе «мега» определяется как: «(от греч. mega – большой) – составная часть сложных слов, указывающая на большой размер чего-либо: мегаполис, мегапроект; 2) составная часть наименований единиц физических величин, служащая для образования наименований кратных единиц, равных миллиону (10^6) исходных единиц: 1 мегабайт, 1 мегабар».

Здесь можно выявить также три уровня, и первый – с которым мы, жители планеты Земля, сталкиваемся в повседневности. Вообще же Земное человечество (не все целиком, разумеется, а в лице отдельных индивидуумов) и в настоящем, и в прошлом постоянно сталкивается с временными аномалиями. По аналогии с пространственными измерениями их можно прежде всего посчитать временными ямами либо временными трещинами, провалами. Последние могут быть разной глубины – человек исчез, а появился в том же месте вскоре или через много лет; или вообще исчез, а появился во время предшествующего появлению человеческой цивилизации.

Что касается первых, то ведь очевидно – немало людей внезапно осознают, куда пропало несколько десятков минут – непонятно, и объясняют это: «задумался», «замечтался»... Классический случай провала в такую временную яму примерно на три часа произошел с автором этих строк: в 1965 г. во время поездки на милицейском спецавтомобиле автор с водителем после выполнения поручения «потеряли» примерно три с половиной часа, хотя ехали не более чем полчаса. Со стороны начальства никаких замечаний не последовало, зато автор и водитель почувствовали резкое и длительное нежелание вспоминать об этом происшествии. Возможность немного вспомнить его проявилась лет через 30, а полностью восстановить в памяти – буквально несколько лет назад, что подвигло автора включить это воспоминание (в более-менее развернутом виде) в научной статье, опубликованной в Республике Казахстан[25].

В чем причина этого внезапно возникшего нежелания вспоминать встречу с названной аномалией времени – непонятно, она может быть как физической, так и биологической, психологической и иной, современному человечеству неизвестной. При этом такому же воздействию, по первоначальному наблюдению, подвергся и водитель спецавтомашины, а он был серьезной закалки – фронтовик, всю войну служил в авторотах воевавших воинских частей. Но главное – иное. Никакого правового регулирования отношений, возникающих при проявлении временных аномалий в виде временных «ямок», «ям», «глубоких ям», «трещин» и «провалов», нет, а ведь тут могут возникать, да наверняка и реально на протяжении тысячелетий многократно имели место, но «провалившимся» и вернувшимся в свое время не верили (да и кто сейчас поверит?), что влекло, если были тяжкие последствия, соответствующие санкции. А ведь зря – если имел место провал во временную яму.

---

[23] См.: Новая Российская энциклопедия. С. 255–258. Автор статьи – П.П. Гайденко. Там же представлены и определения времени в астрономии и др.

[24] Там же. С. 298. Есть и иные определения: «Мега... (гр. megas “большой” – часть сложных слов, обозначающая “большой”; также служит для образования кратных единиц, равных миллиону исходных» (см.: Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2003. С. 385); «Мега... [<гр. megas большой]. Первая составная часть сложных слов, обозначающих большой размер чего.-н. (напр., мегаполис) или называющих единицы физических величин, равные миллиону исходных единиц (напр., мегабайт, мегаватт, мегатонна). ‖ Ср. гекто..., гига..., дека..., кило..., тера...» (см.: *Крысин Л.П.* Учебный словарь иностранных слов. М., 2010. С. 336 (Библиотека словарей ЭКСМО)). Понятиями «меганаука», «мегаистория» (см, напр.: *Назаретян А.П.* Мегаистория и ее «загадочная сингулярность» // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 8. С. 755–764) и т.п. широко оперируют современные ученые.

[25] См.: *Клеандров М.И.* Право и темперология: проблемы взаимодействия // Құқық және мемлекет (Право и государство). 2019. № 1 (82). С. 156–164.

В исторической литературе можно встретить описание подобных случаев, достоверность которых вряд ли можно подвергнуть сомнению. Например, известный исследователь Древнего Рима Эдвард Гиббон в 1776 г. (что, с точки зрения автора этих строк, само по себе подтверждает истинность эпизода, им описанного) опубликовал на английском языке семитомный трактат, позднее неоднократно переведенный и опубликованный, в т.ч. недавно в нашей стране[26], куда включил следующий, явно незначительный, с его точки зрения, эпизод следующего содержания (если предельно кратко). Двое подгулявших купцов, не доезжая до города – цели своей поездки, из-за плохой погоды и собственной усталости решили заночевать в подвернувшейся им пещере. А когда утром приехали в город, куда стремились, выяснилось, пока они спали одну ночь в пещере, прошло 150 лет, и горожане удивлялись их одежде очень устаревшего покроя и очень старым деньгам, которые давно вышли из оборота и которыми купцы пробовали расплатиться. Именно по этим признакам – одежде и деньгам – данный эпизод попал в соответствующие древнеримские документы, которые обнаружил и воспроизвел как факт, хотя и необычный, но имевший место в действительности, Эдвард Гиббон.

Но помимо временных «ям» (и «ямок») человечество также наверняка сталкивалось и с временными «провалами», в т.ч. со значительными, исчисляемыми миллионами лет. Автор настоящих строк рассмотрел это направление[27]. А это уже второй уровень мегаправа.

Суть вопроса здесь в следующем. Как известно, на планете Земля ежегодно бесследно исчезают десятки тысяч людей. Именно бесследно – впоследствии ни их, ни их останков не находят. Конечно, какая-то часть из этого количества исчезают в результате криминальных действий, несчастных случаев природного, техногенного или иного характера и т.д. Но вполне может быть частичным и иной вариант, и здесь без определенных допущений, логических умозаключений, предположений и проч. не обойтись.

Вместе с тем в ряде опубликованных работ[28] убедительно описаны случаи обнаружения различных материальных доказательств существования человека разумного (точнее – следов его созидательной деятельности) в запредельно глубочайшей древности – десятки, сотни миллионов лет и даже миллиарды лет назад. Так, были обнаружены: окаменелые отпечатки туфли в слое возрастом 213–248 млн лет и ботинка в слое возраста примерно 400 млн лет; металлические трубы разных диаметров, но одинаковой полуовальной формы в массе мелового пласта возрастом по крайней мере 65 млн лет; человеческие скелеты, каменные ступы и пестики в породе возрастом примерно 50 млн лет; молоток с деревянной (окаменевшей) ручкой, буквально вросший в кусок известняка возрастом 140 млн лет (притом что по химическому составу в молотке 96.6% железа, и столь чистое железо не получали за всю историю земной металлургии); железная кружка в куске угля возрастом 312 млн лет; бетонные блоки со стороной 30 см с хорошо отполированной поверхностью возрастом 33 млн лет; отменно выполненные каменные топоры в слое породы возрастом 20 млн лет; около 30 тыс. различных по размеру камней Ики[29], находящихся сегодня в частных коллекциях и музеях, с замысловатыми совместными изображениями людей и динозавров, фактически организованные в форме библиотеки по различным разделам (медицина, астрология, астронавтика, доисторические животные, древние континенты на карте, причем на такой карте точно указаны расположения и очертания континентов Земли, какой она была 13 млн лет назад, и эта карта была сделана с такой высоты, которую ныне могут достичь лишь сверхсовременные космические аппараты; знания о флоре и фауне и человеческих расах планеты; великая катастрофа; массовое бегство людей с Земли) рисунки были нанесены на камнях не менее 60 млн лет назад (что не коррелируется с картой Земли 13-миллионнолетней давности), при этом самые древние артефакты, судя по записям в научных отчетах, относятся к сроку в 2 млрд лет.

Тщательное и глубокое изучение всего этого разрозненного и официальной наукой обычно не признаваемого массива информации дало основание российскому исследователю Г. Науменко прийти к выводу о существовании в глубоком прошлом «мезозойских людей» – в своем развитии во многом обогнавших нас, нынешних[30].

С высказанными научными позициями вполне можно согласиться, они достаточно обоснованы. С меньшей долей уверенности можно говорить о мезозойской цивилизации. Кроме камней Ики

[26] См.: *Гиббон Эдвард.* История упадка и разрушения Великой Римской Империи. Закат и падение Римской Империи: в 7 т. М., 2008.

[27] См.: *Клеандров М.И.* Метаправо и мегаправо для урегулирования отношений с Иным Разумом. С. 81–85.

[28] См., в частности: *Кремо М., Томпсон Р.* Указ. соч.; *Бейджент М.* Указ. соч.; *Корлисс Уильям Р.* Древний человек: справочник загадочных артефактов (1978); *Его же.* Научные аномалии и другие провокационные явления (2003); *Науменко Г.М.* Пришельцы из прошлого. М., 2009 (Великие тайны).

[29] См. подр.: *Жуков А.* Камни Ики. Послание невозможной цивилизации. М., 2012.

[30] *Науменко Г.М.* Указ. соч.

ничто пока не подтверждает существование в мезозойскую эпоху большого, в миллионном минимум исчислении, объединения людей, организованного, развивающегося, ищущего, созидающего. Это вполне могут быть и разрозненные очаги людского разума. Вместе с тем остаются вопросы: куда потом они делись (по Г. Науменко, улетели на другую планету)? Не являемся ли мы их прямыми потомками? Откуда они там, в мезозое, взялись – в результате ли длительной естественной эволюции или иным путем? А мы, современные люди, так же, как и они, откуда взялись?

А самое главное – если нас разделяют десятки миллионов лет – можно ли нас, нынешних, считать одинаковыми (равными, идентичными, сходными, похожими...) с ними с позиции Земного Разума? У них ведь может быть совсем иное восприятие добра и зла, иная, прямо (или не прямо) нам противоположная мораль, представления о прекрасном и отвратительном, о любви и ненависти... И в таких условиях будет чрезвычайно сложно не только установить урегулированные правом отношения с ними (с их улетевшими с планеты Земля потомками либо напрямую – преодолением временного барьера), но и вообще понять их при попытках установить с ними контакт. Видимо, так может быть, если между нами за истекшие миллионы лет утрачены устойчивые генетические связи.

Каким образом на планете Земля могла появиться высокоразвитая (как указывает Г. Науменко, технологически могущественная) мезозойская цивилизация? По принципу дихотомии: либо в результате длительной эволюции, при продвижении от простого к сложному, либо без этой эволюции, внезапно, в результате «акта сотворения» – Богом или Иным Разумом (в любой форме), преследующим свои, нами не познанные цели. Полностью такой подход можно отнести и к истокам возникновения современной цивилизации. Более того, таких «актов сотворения» на планете Земля могло быть помимо мезозойского и нашего эпохальных периодов еще несколько, недаром говорят о пяти подобных эпохальных периодах (по Е.П. Блаватской). И также очевидно, что эти пять эпохальных периодов возникновения и развития высокоразвитых цивилизаций в истории планеты Земля могут определяться не по причине пяти «актов сотворения», а в результате восхождений от простого к сложному.

Сама смена этих эпохальных периодов наверняка происходила в результате каких-то чрезвычайных природных или техногенных (рукотворных) катастроф. Ведь нынешний эпохальный период был далеко не благоприятным для развития человека. А.П. Назаретян отмечает: «Между тем в археологии, антропологии и других дисциплинах накапливались факты, позволившие выделить не менее семи переломных вех в общечеловеческой истории и предыстории (неолитическая революция, осевой переворот и т.д.), а также отчетливую преемственность в развитии, несмотря на многочисленные циклы, завершавшиеся региональными катастрофами. Более того, преобладающие векторы социального развития оказались продолжением тех мегатенденций, которые прослеживаются в эволюции биосферы и далее в космофизической эволюции метагалактики»[31].

Однако, по мнению автора настоящей работы, причинно-следственная ситуация здесь может быть принципиально иной: мезозойская цивилизация (или ее отдельные разрозненные очаги), равно другие развитые цивилизации, предшествующие нынешней, могли возникнуть не в результате «акта сотворения» и не в результате естественной эволюции в продвижении от простого к сложному. А между людьми нынешней и мезозойской цивилизации вполне может наличествовать прямая генетическая связь, почему и урегулированные правом отношения между названными цивилизациями (но это не относится к варианту отбытия мезозойских людей в их эпоху с Земли – здесь между нами пропасть в миллионы лет, и любая генетическая связь в эту пропасть времени сохраниться не может) нетрудно будет установить.

Ведь вполне очевидно, что «мезозойские» люди – это наши люди, современные (в последние пару тысяч лет) земляне, которые поодиночке либо группами (разного количества) попадали в провалы во времени (о которых сказано выше) и попадали в ту же мезозойскую эру. Многие, не соорганизовавшиеся там люди элементарно погибали, но соорганизованные – могли многое. Любой современный человек с более-менее развитым воображением в состоянии представить себе психологическое состояние людей, внезапно оказавшихся на планете Земля мезозойской эры: растерянность, ужас, депрессии, суициды, но и встречи с себе подобными, желание выжить в этом непонятном и враждебном мире, соорганизация и совместные действия, и вот уже хозяйственное обзаведение, очаги государственности, социальное развитие... И создание объектов материальной культуры, которые мы, современные земляне, через десятки миллионов лет находим и им удивляемся.

Этот подход убедительно подтверждает следующее обстоятельство. Все чаще археологи встречают ископаемые останки наших предков,

[31] *Назаретян Н.П.* Указ. соч. С. 755.

демонстрирующих на определенном этапе деэволюцию, деградацию в эволюционном развитии человекоподобных обезьян. У таких существ, коим 6 млн лет, признаков современного человека – стоматологического характера, роста, веса, подъема стопы ног с поперечным и продольным сводом, неотведенным в сторону большим пальцем ноги, моторного речевого центра мозга – «зона Брока» (таких существ почему-то именуют «диноледи», «гомоналеди») – существенно больше, чем по таким же морфологическим характеристикам у человекообразных обезьян возрастом 3 млн лет. Здесь проявляется как бы эволюция вспять. И такое может быть в случае, если наши современники (в пределах последних 2 тыс. лет) попали через провалы во времени в прошлое немногим более 6 млн лет назад, сплотились, стали размножаться, но не смогли создать развивающуюся цивилизацию, и это сообщество начало стагнировать, а затем и деградировать, проваливаясь в свой каменный век, оставляя на всем деградируемом хронопути свои ископаемые остатки.

Безусловно, провалы во времени далеко не обязательно ведут в мезозойскую эру. Отдельные люди и группы людей, пропавшие вследствие попадания в эти провалы, вполне могли попадать во времена по всей временной линейке прошлого планеты Земля. Где-то и когда-то отдельные люди и/или их группы погибали сразу, где-то и когда-то приспосабливались и даже создавали очаги цивилизации (со следами материальной культуры), но затем по тем или иным причинам погибали.

Все это представляется абсолютно естественным при условии существования такого физического явления, как провалы во времени. Фактов бесследного исчезновения людей из настоящего времени много, но есть утверждения о появлении у нас людей и из прошлого, и из будущего. Так, Британское Королевское метапсихическое общество, коему уже 160 лет, накопило в своих архивах почти 200 фактов проникновения прошлого и будущего в настоящее, при этом отобраны лишь те факты, которые добротно исследованы и подтверждены показаниями свидетелей[32].

Но если есть провалы во времени, то очевидно, что и впредь современные (уже без учета указанного выше двухтысячелетнего сегмента) люди будут бесследно исчезать здесь и появляться там (и в прошлом, и в будущем). А значит, если таким образом исчезнет для нас и появится там надлежащим образом подготовленный человек, то можно установить, через него, связь с людьми (обществом) того времени, куда он попадет. То есть мы им можем таким способом передать определенную информацию. Но ведь и встречное желание – передать определенную информацию ими нам – наверняка должно быть. И не является ли библиотека камней Ики такой попыткой? Правда, подобные способы передачи информации вряд ли можно считать установлением отношений, не говоря уже об их урегулировании правом. Кто знает, каких высот достигнет наука будущего?

Но вернемся к настоящему. Таким образом, в целом третий уровень рассмотренных правоотношений уже не может считаться урегулированным метаправом. Ведь «мета...», судя даже по филологическим источникам, есть первая часть сложных слов со значением: следование, переход, перемена, превращение, например, метафаза, метагенез, метатеза[33].

В рассмотренную сферу правоотношений «включается» во всей своей полноте физическая категория времени, причем в отношении обоих участников правоотношений – и планеты Земля (ее представителей), и Иного Разума (его представителей), коих может быть величайшее множество видов, форм и проч. (нам лишь бы понять на первом этапе контакта, что он вообще есть), в т.ч. неопределенной в правовом смысле конструкции вроде «Великого кольца» И.А. Ефремова.

И здесь наверняка можно представить себе категорию прогрессорства (прекрасно описанную братьями А. и Б. Стругацкими в повести «Трудно быть Богом», в т.ч. в варианте, когда таким прогрессором будут выступать не будущие земляне, освоившие межзвездные путешествия, а наоборот – Иной Разум по отношению к человеческим сообществам планеты Земля. Иначе, как объяснить периодически возникающий стремительный взлет развития отдельных человеческих сообществ: около 3–4-х тыс. лет до н.э. в Междуречье (прежде всего внезапно в Шумере), Древнем Египте и иных; около 300–500 лет назад в Европе; в середине XX в. – чуть ли не у половины земного сообщества?

Уж с этими прогрессорами – представителями Иного Разума – земляне вполне могли бы установить добрые отношения с соответствующей правовой составляющей, если бы они, конечно, этого захотели. Впрочем, вовсе не исключено, что такие отношения установлены отдельными владельцами коммерческих структур, руководством отдельных государств... Но это уже политика.

Вместе с тем если отойти от одномерно-хронологического взгляда на окружающую нас

[32] См.: Росс. газ. 1996. 16 февр.

[33] См.: *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 26-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 291.

реальность, то она окажется хрономногомерной. Временные потоки в принципе могут быть (а наверняка так и есть) по отношению к нашему встречными, параллельными, перпендикулярными, диагональными, пульсирующими, пересекающимися, убыстренными и замедленными (в широчайшем диапазоне), дискретными и проч. И представить себе все это умозрительно (даже человеку с буйным воображением) крайне сложно, если вообще возможно. Не всем, не всегда и не во всех случаях, разумеется. Например, время в физическом смысле может быть и таким, как его описали братья А. и Б. Стругацкие в фантастической повести «Понедельник начинается в субботу»[34], наименовав это время «Контрамоцией». Суть этого вида времени заключается, по А. и Б. Стругацким, в том, что оно не только течет в противоположную от нашего времени сторону, т.е. навстречу нашему, но и (описывался феномен Тунгусского метеорита – корабля из той Вселенной, где время течет в противоположную от нас сторону) дискретно: «Примерно в середине июля того же года в околосолнечное пространство вторгся корабль пришельцев. Но это не были простые, безыскусные пришельцы фантастических романов. Это были контрамоты, товарищи! Люди, прибывшие в наш мир из другой вселенной, где время течет навстречу нашему. В результате взаимодействия противоположных потоков времени они из обыкновенных контрамотов, воспринимающих нашу вселенную как фильм, пущенный наоборот, превратились в контрамотов дискретного типа. Природа этой дискретности нас пока не интересует. Важно другое. Важно то, что жизнь их в нашей вселенной стала подчинена определенному ритмическому циклу. Если предположить для простоты, что единичный цикл был у них равен земным суткам, то существование их, с нашей точки зрения, выглядело бы так. В течение, скажем, первого июля они живут, работают и питаются совершенно как мы. Однако ровно, скажем, в полночь они вместе со всем своим оборудованием переходят не во второе июля, как это делаем мы, простые смертные, а в самое начало тридцатого июня, то есть не на мгновение вперед, а на двое суток назад, если рассуждать с нашей точки зрения. Точно так же в конце тридцатого июня они переходят не в первое июля, а в самое начало двадцать девятого июня. И так далее».

Вместе с тем «мезозойские люди» с планеты Земля точно таким же образом (как и любым иным) могут оказаться (и наверняка есть) и у второго субъекта мегаправоотношений – у Иного Разума. И там они проваливались в свое прошлое. Таким образом, мегаправо в плане контактов с Иным Разумом – это метаправо, «отягощенное» многомерной временной составляющей. Назвать это Вселенским правом оснований нет, поскольку оно означало бы урегулирование правом отношений между всеми существующими во Вселенной, во всех ее физических (иных?) измерениях, включая временные, субъектами, обладающими Разумом. Но, поскольку мы об этом не знаем (хотя может, обращаясь к конспирологии, кто-то на Земле и знает, включившись без оснований и не имея на это полномочий в процесс урегулирования правоотношений с соответствующими правообладателями Иного Вселенского Разума), во всяком случае не знаем официально, говорить о Вселенском праве преждевременно.

Сложности в конструировании теоретических основ организационно-правового механизма отношений с Иным Разумом теория мегаправа, тем более Вселенского мегаправа, без сомнения, прибавит, но ведь интерес к этой научной проблематике, как и число желающих заняться ее решением, возрастет.

К. Маркс в свое время сказал: «Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления»[35].

Естественно, проблематикой отношений с Иным Разумом должны заниматься ученые: антропологи, лингвисты, биологи, физики, ксенологи. Но и обязательно юристы. Они должны проводить научные исследования ещё до момента контакта с Иным Разумом (его представителями), разработать блок вариантов поведения землян при установлении этого контакта, в т.ч. когда этот контакт уже имел место либо происходит сейчас, либо остался неопознанным, или попросту засекречен. Параллельно – разработать идеологию и концепцию всего массива норм: международных соглашений, национальных актов, правоприменительной практики и т.д. в рассматриваемой сфере.

Имеющиеся «зачатки» правового регулирования в этой сфере на международном уровне не представляются достаточно эффективными. Например, разработанные Международной академией астронавтики еще в 1989 г. (кто сейчас о них помнит?) международные правила поведения при получении внеземных искусственных радио(теле)

[34] *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке: повести. М., 1992. С. 178–188.

[35] *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

сигналов, которыми предписывается исключить прежде всего все «земные» объяснения пойманному сигналу; затем сообщить об открытии Международному астрономическому союзу и ООН, где создается комиссия, проверяющая сообщения, и затем, если факты подтвердились, принимается международное соглашение, запрещающее создавать помехи на частоте сигнала, а тем более передавать сообщения без согласования с заинтересованными государствами[36].

Равно и отмеченная на проходивших 13 и 14 ноября 1999 г. в культурном центре «Меридиан» (г. Москва) XIX юбилейных Зигелевских чтениях, посвященных 10-летию работы Ассоциации «Экология непознанного»; «острая необходимость инкорпорировать в систему права новую отрасль, известную как метаправо, которая регулировала бы международные правоотношения применительно к статусу непознанных объектов и явления, как особой внеземной среды, и к деятельности государств по исследованию, использованию и взаимодействию с этими объектами»[37].

Но есть и обратные примеры, например, относящиеся к уже упомянутому выше нашему соотечественнику В.Г. Ажаже. В выданном ему 14 июня 2000 г. Международной регистрационной палатой информационно-интеллектуальной новизны патенте на открытие краткая формула была следующей: «Глобальное явление присутствия (посещения) и информационно-энергетическое воздействие надчеловеческого по технологическим проявлением разума на биосферу Земли, доказывающего, что человечество, как носитель Разума, во Вселенной не одиноко» – с расшифровкой: «Таким образом, эмпирически и экспериментально установлено информационно-энергетическое мультипроявление на планете Земля и в околоземном пространстве и воздействие на людей, природу и технику ИНОГО, чем человеческий, РАЗУМА, превосходящего по технологическим возможностям уровень развития человеческой цивилизации, проявляющего себя в так называемых НЛО (неопознанных летающих объектах) и связанных с ним феноменах, что доказывает, что человечество как носитель Разума во Вселенной не одиноко»[38].

* * *

Завершить данную статью следует указанием: с точки зрения современной науки (астрономии, физики и др.) то, что мы сегодня видим и знаем о Вселенной – это 5%, остальные же 95% – это т.н. «темная материя» и «темная энергия». Так что дальнейшие научные исследования в сфере правового регулирования отношений с Иным Разумом – бесконечное и весьма для исследователей интересное будущее.

[36] См.: Труд. 1997. 26 сент.

[37] Московский журнал междунар. права. 2000. № 2. С. 542.

[38] Там же. С. 458, 461.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бейджент М.* Запретная археология. М., 2004.
2. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М., 2003. С. 385.
3. *Валентинов А.* Вышли мы все из пробирки. Родословная со звезд? // Росс. газ. 1996. 30 авг.
4. *Валентинов А.* Гвоздь из подковы динозавра // Росс. газ. 1997. 6 мая.
5. *Валентинов А.* Кубышка каменного века // Росс. газ. 1997. 18 июля.
6. *Гиббон Эдвард.* История упадка и разрушения Великой Римской Империи. Закат и падение Римской Империи: в 7 т. М., 2008.
7. *Ермаков С.Э.* Идея метаправа и встречи с Иным Разумом // Московский журнал междунар. права. 1999. № 2. С. 41–55.
8. *Жуков А.* Камни Ики. Послание невозможной цивилизации. М., 2012.
9. Заметки вашего современника. Из записных книжек Ярослава Голованова // Комсомольская правда. 1999. 28 авг.
10. *Иойрыш А.И.* Проблема внезапных цивилизаций и «метаправо» // Сов. государство и право. 1978. № 9. С. 64–70.
11. *Карпов В.* Тайна «Дашкиного камня» // Труд. 2000. 12 февр.
12. *Клеандров М.И.* Еще раз об идее метаправа в контексте предстоящей встречи с Иным Разумом // Московский журнал междунар. права. 2000. № 2 (30). С. 386–393.
13. *Клеандров М.И.* Метаправо и мегаправо для урегулирования отношений с Иным Разумом // Құқық және мемлекет (Право и государство). 2015. № 4 (69). С. 81–85.
14. *Клеандров М.И.* Необычные субъекты права // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. Тюмень, 1999. Вып. 3, ч. I. С. 25–35.
15. *Клеандров М.И.* Нужно ли правовое регулирование отношений, связанных с Иным Разумом? // Вестник ТюмГУ. 2003. № 1. С. 218–228.
16. *Клеандров М.И.* О более широком понимании правосубъектности или о странных субъектах права // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 88–92.

17. *Клеандров М.И.* Право и Иной Разум: точки соприкосновения // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 94–99.

18. *Клеандров М.И.* Право и темперология: проблемы взаимодействия // Құқық және мемлекет (Право и государство). 2019. № 1 (82). С. 156–164.

19. *Клеандров М.И.* Правовое регулирование отношений «вверх» от правового «стандарта» человека // Актуальные проблемы юриспруденции: материалы итог. науч. конф. Тюмень, 1996. Вып. 1.

20. *Клеандров М.И.* Правовой статус эмбриона человека // Проблемы формирования, сохранения, восстановления и укрепления здоровья (медицинские, биологические, экологические, психологические, социально-экономические, философские, правовые аспекты валеологии): сб. науч. тр. М. – Тюмень, 1995. Вып. IX. С. 181–185.

21. *Колотова Н.В.* Российское государство и право на рубеже тысячелетий (Всероссийская научная конференция) // Государство и право. 2000. № 7. С. 5.

22. *Корлисс Уильям Р.* Древний человек: справочник загадочных артефактов (1978).

23. *Корлисс Уильям Р.* Научные аномалии и другие провокационные явления (2003).

24. *Кремо М., Томпсон Р.* Неизвестная история человечества. М., 1999.

25. *Крысин Л.П.* Учебный словарь иностранных слов. М., 2010. С. 336 (Библиотека словарей ЭКСМО).

26. *Лесков С.* Дикое африканское племя обладает удивительными астрономическими познаниями // Известия. 2003. 6 дек.

27. *Малеина М.Н.* Правовой взгляд на проявление нетрадиционных способностей (качеств) человека // Сов. государство и право. 1994. № 2. С. 122–129.

28. *Маркс К.* К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

29. *Мельников В.П.* Академическая аномалия // Холодок. 2012. № 1 (9). С. 15, 16.

30. Московский журнал междунар. права. 2000. № 2. С. 458, 461, 542.

31. *Муравьев В.Н.* Овладение временем. М., 1924.

32. *Назаретян А.П.* Мегаистория и ее «загадочная сингулярность» // Вестник РАН. 2015. Т. 85. № 8. С. 755–764.

33. *Науменко Г.М.* Пришельцы из прошлого. М., 2009 (Великие тайны).

34. Новая Российская энциклопедия: в 12 т. / редкол.: А.Д. Некипелов, В.И. Данилов-Данильян и др. М., 2003. Т. 10 (2). С. 255–258, 298, 301.

35. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 26-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 291.

36. *Попов И.* Догоны – люди не местные // Независимая газ. 2006. 22 марта.

37. *Саймак К.* Дом Обновленных. Звезда по имени Галь. Заповедная зона // Сборник фантастических рассказов / пер. с англ. Норы Галь. М., 1999. С. 136–165.

38. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Понедельник начинается в субботу. Сказка о Тройке: повести. М., 1992. С. 178–188.

39. *Тельнов Г.* Плита «творца» // Жизнь. 2003. 21 авг.

40. *Ударцев С.Ф.* Государство, право и космическая деятельность // Социология права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2015. Т. 2. С. 307–338.

41. *Ударцев С.Ф.* Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования и юридического закрепления статуса // Правовая культура. 2019. № 1 (36). С. 23–36.

42. *Ударцев С.Ф.* Метаправо и правопонимание (о трансформации правопонимания на новом уровне правового развития) // Научные труды "Эділет". 2000. № 1 (7). С. 22–40 (Республика Казахстан).

43. *Ударцев С.Ф.* Метаправо: о глобальной эволюции права // Вестник МГОУ. 2003. № 2 (11). С. 33–42.

44. *Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М., 2020. С. 494, 495.

45. *Харари Ю.Н.* Xomo Dens. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М., 2020. С. 373–383.

46. *Хокинг Стивен.* Краткая история времени. От Большого Взрыва до черных дыр / пер. с англ. Н.Я. Смородинской. М., 2017.

REFERENCES

1. *Baigent M.* Forbidden archeology. M., 2004 (in Russ.).

2. A large dictionary of foreign words / comp. A. Yu. Moskvin. M., 2003. P. 385 (in Russ.).

3. *Valentinov A.* We all came out of a test tube. A bloodline from the stars? // Ross. gas. 1996. 30 Aug. (in Russ.).

4. *Valentinov A.* The nail from the dinosaur horseshoe // Ross. gaz. 1997. May 6 (in Russ.).

5. *Valentinov A.* Kubyshka of the Stone Age // Ross. gaz. 1997. July 18 (in Russ.).

6. *Gibbon Edward.* The history of the decline and destruction of the Great Roman Empire. The Decline and Fall of the Roman Empire: in 7 vols. M., 2008 (in Russ.).

7. *Ermakov S.E.* The idea of a meta-guide and a meeting with Another Mind // Moscow Journal of the International Law. 1999. No. 2. P. 41–55 (in Russ.).

8. *Zhukov A.* Iki Stones. The Message of an impossible civilization. M., 2012 (in Russ.).

9. Notes of your contemporary. From the notebooks of Yaroslav Golovanov // Komsomolskaya pravda. 1999. 28 Aug. (in Russ.).

10. *Ioyrysh A.I.* The problem of sudden civilizations and "metapravo" // Soviet State and Law. 1978. No. 9. P. 64–70 (in Russ.).

11. *Karpov V.* The secret of the "Dashkin stone" // Work. 2000. February 12 (in Russ.).

12. *Kleandrov M.I.* Once again about the idea of a meta-guide in the context of an upcoming meeting with Another Mind // Moscow Journal of the International Law. 2000. No. 2 (30). P. 386–393 (in Russ.).

13. *Kleandrov M.I.* Metapravo and megapravo for the settlement of relations with Another Mind // Kukyk zhane memleket (Law and State). 2015. No. 4 (69). P. 81–85 (in Russ.).

14. *Kleandrov M.I.* Unusual subjects of law // Actual problems of jurisprudence: collection of Art. Tyumen, 1999. Issue 3, part I. P. 25–35 (in Russ.).

15. *Kleandrov M.I.* Is it necessary to legally regulate relations related to Another Mind? // Herald of the TSU. 2003. No. 1. P. 218–228 (in Russ.).

16. *Kleandrov M.I.* On a broader understanding of legal personality or on strange subjects of law // Humanities in Siberia. 2000. No. 3. P. 88–92 (in Russ.).

17. *Kleandrov M.I.* Law and Other Reason: points of contact // Humanities in Siberia. 2004. No. 1. P. 94–99 (in Russ.).

18. *Kleandrov M.I.* Law and temperology: problems of interaction // Kukyk zhane memleket (Law and the State). 2019. No. 1 (82). P. 156–164 (in Russ.).

19. *Kleandrov M.I.* Legal regulation of relations "up" from the legal "standard" of a person // Actual problems of jurisprudence: materials of the final scientific conference. Tyumen, 1996. Issue 1 (in Russ.).

20. *Kleandrov M.I.* The legal status of the human embryo // Problems of formation, preservation, restoration and strengthening of health (medical, biological, environmental, psychological, socio-economic, philosophical, legal aspects of valeology): coll. Sciences articles. M. – Tyumen, 1995. Vol. IX. P. 181–185 (in Russ.).

21. *Kolotova N.V.* The Russian state and law at the turn of the Millennium (conference) // State and Law. 2000. No. 7. P. 5 (in Russ.).

22. *Corliss William R.* Ancient Man: Handbook of Mysterious Artifacts (1978).

23. *Corliss William R.* Scientific anomalies and other provocative phenomena (2003).

24. *Cremo M., Thompson R.* Unknown History of mankind. M., 1999 (in Russ.).

25. *Krysin L.P.* Educational Dictionary of Foreign Words. M., 2010. P. 336 (EKSMO Dictionary Library) (in Russ.).

26. *Leskov S.* Wild African tribe has amazing astronomical knowledge // Izvestiya. 2003. 6 Dec. (in Russ.).

27. *Maleina M.N.* The legal view on the manifestation of non-traditional abilities (qualities) of a person // Soviet State and Law. 1994. No. 2. P. 122–129 (in Russ.).

28. *Marx K.* To the critique of political economy // Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. Vol. 13. P. 7 (in Russ.).

29. *Melnikov V.P.* Academic anomaly // Kholodok. 2012. No. 1 (9). P. 15, 16 (in Russ.).

30. Moscow Journal of the International Law. 2000. No. 2. P. 458, 461, 542 (in Russ.).

31. *Murav'ev V.N.* The mastery of time. M., 1924 (in Russ.).

32. *Nazaretyan A.P.* Megastore and her "mysterious singularity" // Herald of the RAS. 2015. Vol. 85. No. 8. P. 755–764 (in Russ.).

33. *Naumenko G.M.* Aliens from the past. M., 2009 (The Great mystery) (in Russ.).

34. The New Russian Encyclopedia: in 12 vols. / editorial board: A.D. Nekipelov, V.I. Danilov-Danilyan et al. M., 2003. Vol. 10 (2). P. 255–258, 298, 301 (in Russ.).

35. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian language: 26th ed., reprint. and additional. M., 2008. P. 291 (in Russ.).

36. *Popov I.* Dogons – people are not local // Nezavisimaya gaz. 2006. March 22 (in Russ.).

37. *Saimak K.* The House of the Updated. A star named Gal. The protected area // Collection of fantastic stories / transl. from English by Burrows Gal. M., 1999. P. 136–165 (in Russ.).

38. *Strugatsky A., Strugatsky B.* Monday begins on Saturday. The Tale of the Troika: stories. M., 1992. P. 178–188 (in Russ.).

39. *Telnov G.* The Plate of the "creator" // Life. 2003. 21 Aug. (in Russ.).

40. *Udartsev S.F.* State, law and space activity // Sociology of Law: course of lectures: in 2 vols / ed. by M.N. Marchenko. M., 2015. Vol. 2. P. 307–338 (in Russ.).

41. *Udartsev S.F.* The space state as the state of the future: possible options for the formation and legal consolidation of the status // Legal culture. 2019. No. 1 (36). P. 23–36 (in Russ.).

42. *Udartsev S.F.* Metapravo and legal understanding (on the transformation of legal understanding at a new level of legal development) // Scientific works "Edilet". 2000. No. 1 (7). P. 22–40 (Republic of Kazakhstan) (in Russ.).

43. *Udartsev S.F.* Metapravo: on the global evolution of law // Herald of the Moscow state University. 2003. No. 2 (11). P. 33–42 (in Russ.).

44. *Harari Yu. N.* Sapiens. A brief history of mankind / transl. from English by L. Sum. M., 2020. P. 494, 495 (in Russ.).

45. *Harari Yu. N.* Xomo Dens. A brief history of the future / transl. from English by A. Andreeva. M., 2020. P. 373–383 (in Russ.).

46. *Hawking Stiven*. A brief history of time. From the Big Bang to black holes / transl. from English by N. Ya. Smorodinskaya. M., 2017 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 62–76
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 62–76

РАВНОПРАВИЕ И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВОПОРЯДКЕ РОССИИ

© 2021 г. Б. С. Эбзеев

Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, г. Москва

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Поступила в редакцию 31.03.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются юридические проблемы равноправия и самоопределения народов в конституционном правопорядке России. По мнению автора, этот принцип историчен, соответственно, в своем развитии он пережил различные этапы и наполнялся различным содержанием. Значительное внимание уделено методологическим основаниям принципа равноправия и самоопределения народов, его субъектам и особенностям рефлексии этого принципа на их конституционный статус. Акцент сделан на выявление новых смыслов Основного Закона в результате внесения в него поправки Президента В.В. Путина.

Ключевые слова: Конституция РФ, равноправие и самоопределение народов, государство, народы, нации, соотношение принципов международного права, отечественная конституционно-судебная практика.

Цитирование: *Эбзеев Б.С.* Равноправие и самоопределение народов в конституционном правопорядке России // Государство и право. 2021. № 10. С. 62–76.

DOI: 10.31857/S102694520017263-0

EQUAL RIGHTS AND SELF-DETERMINATION OF PEOPLES IN THE CONSTITUTIONAL LEGAL ORDER OF RUSSIA

© 2021 B. S. Ebzeev

Central election Commission of the Russian Federation, Moscow

E-mail: ebzeev_bs@mail.ru

Received 31.03.2021

Abstract. The article deals with the legal problems of equality and self-determination of peoples in the constitutional legal order of Russia. According to the author, this principle is historical, accordingly, in its development, it has gone through different stages and was filled with different content.
Considerable attention is paid to the methodological foundations of the principle of equal rights and self-determination of peoples, its subjects and the peculiarities of the reflection of this principle on their constitutional status. The emphasis is placed on identifying new meanings of the Basic Law as a result of the amendment of President Vladimir Putin.

Key words: Constitution of the Russian Federation, equality and self-determination of peoples, state, peoples, nations, correlation of the principles of international law, domestic constitutional and judicial practice.

For citation: *Ebzeev, B.S. (2021).* Equality and self-determination of peoples in the constitutional legal order of Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 62–76.

Признание доминирующего значения Конституции в отечественном правопорядке является всеобщим. Однако ее принципы истолковываются весьма различно, как это следует из интерпретаций таких слов, как «демократия», «разделение властей», «федерализм» и т.п. Во многом это связано с тем, что за словами часто не видят ценностей, которые призвана защищать Конституция. В результате вымывается действительное содержание Конституции, а сама она превращается в свод позитивно-правовых принципов, плохо приспособленных к применению.

Но это только одна сторона часто допускаемой отечественной юриспруденцией методологической ошибки. Ее другая сторона заключается в том, что обозначаемые этими словами понятия, как и сами конституционно-правовые явления, рассматриваются в отрыве от их естественно-исторического и собственно юридического развития. В результате общество живет мифами прошлого, далекими от действительности, но способными оказывать на нее негативное воздействие. Особенно в периоды кризисов, от которых рынок и демократия, основанная на многопартийности, не могут гарантировать ни государство, ни сообщество государств. К числу таких категорий относится провозглашенное Конституцией равноправие и самоопределение народов.

Этим словосочетанием – «равноправие и самоопределение» – обозначаются несовпадающие правовые явления, а именно: принцип, на котором зиждится современное международное право; исходное начало конституционного правопорядка в целом и принцип федеративного устроения России; правовое состояние; конституционное правоотношение; конституционно-правовой институт; естественное право многонационального народа России, реализованное в форме Российского государства, и позитивное право, являющееся рефлексией объективного правоположения и в качестве такового принадлежащее ряду субъектов. В связи с этим без определенности смыслового значения данного словосочетания всякая дискуссия относительно юридической природы конституционно- и международно-правовой природы категории равноправия и самоопределения народов, содержания принципа и права на равноправие и самоопределение, его субъектов и проч. рискует остаться бесплодной, а само «равноправие и самоопределение» – превратиться в абстрактное понятие с безграничным объемом и нулевым содержанием.

Следует также учитывать, что принцип самоопределения по своей природе одновременно является и политическим, и юридическим. Причем его политическое содержание, возможно, вполне рациональное для прошлого и адекватно отражавшее интересы участников международных и внутригосударственных отношений, часто и сегодня, несмотря на кардинальное изменение обстоятельств, берет верх над юридическим.

Из последнего замечания следует, что принцип самоопределения историчен. Как и многие общественные веления, этот принцип обладает и созидательным, и разрушительным потенциалом. В своем развитии он прошел долгий и во многом противоречивый путь. На различных этапах отечественной, европейской и мировой истории его содержание менялось под влиянием эпохи и сообразно ее вызовам. Оно существенно отличается от еще недавно доминировавших представлений и различно в правопорядках современных государств. Это различие обусловлено особенностями их исторического развития, этническим составом населения и характером взаимодействия между его частями, уровнем политической и правовой культуры, приверженностью демократии и правам человека и проч. Мир живет в меняющейся реальности, требующей адекватной ей оценки, свободной от мифов прошлого.

Между тем отечественные учебные курсы по конституционному праву, а во многом и научные источники предлагают стереотипные решения вопроса о равноправии и самоопределении народов, отражающие представления эпохи Великой российской революции или становления и развития советского типа федерализма. Эти решения были вполне созвучны эпохе деколонизации и активно использовались в процессе ее осуществления. Но ныне они выглядят ортодоксально и неспособны служить надежными ориентирами в процессе функционирования конституционного правопорядка России. Особенно когда такие доктринальные решения сопровождаются попытками механически перенести на отечественную почву сложившиеся некогда в международных отношениях представления и практику, связанную с разрушением суверенных государств и образованием на их территории новых государств (внешнее самоопределение) либо обретением народами колоний государственности, в сферу отношений, подчиненных конституционному правопорядку (внутреннее самоопределение).

* * *

Принцип самоопределения является порождением западноевропейского политического опыта. Он далеко не сразу приобрел то содержание, которое придавалось или придается ему современным публичным правом. Этому принципу предшествовал принцип «национальности»

(национально-государственный принцип), провозглашенный Великой французской революцией конца XVIII в. Его смысл заключался в «превращении государств из территориальных объединений господства в самоуправляющиеся сообщества»[1]. Когда энергия революции выплеснулась за пределы Франции, уже в середине XIX в., этот принцип требовал расчленения существовавшего тогда международного сообщества, состоявшего из «искусственно образованных государств», на национальные государства как единственно соответствующие человеческой природе: одна нация – одно государство

Этот принцип и его естественно-правовое обоснование преследовали определенные политические цели: во-первых, прекращение королевского произвола в отношении государственной территории, которой абсолютный монарх распоряжался по собственному усмотрению, в т.ч. путем продажи вместе с населением, дарения или отдачи в качестве приданого; во-вторых, преодоление феодальной раздробленности и формирование единой политической нации как основы, фундамента будущего демократического государства; в-третьих, формирование единого общенационального рынка без таможенных и прочих барьеров. Тем самым снимались преграды, препятствовавшие развитию западноевропейского капитализма.

В немалой степени национально-государственный принцип был также направлен против так называемого Священного союза, созданного после поражения Наполеона 22 июня 1815 г. при Ватерлоо, и пытавшегося утвердить легитимность государей, т.е. сохранить власть правящих династий во всех европейских странах. Старый порядок не был готов сдаваться. Напротив, по инициативе царя Александра I соответствующий договор, оформивший создание Священного союза, был подписан монархами Австрии, Пруссии и Российской Империи 26 сентября 1815 г. в Париже. Позднее к нему присоединилось большинство европейских государств.

Цель этого договора заключалась, с одной стороны, в борьбе с нарушениями государственных владений, с другой – в подавлении вооруженной коллективной интервенцией революционных движений внутри европейских государств.

Именно тогда за Российской Империей закрепилась печальная и, кажется, ею не очень заслуженная слава «жандарма» Европы и «тюрьмы народов». Не последнюю роль сыграла давняя политика «сдерживания» России, проводившаяся европейскими державами и требовавшая идеологического обоснования. Такой же «чести» удостаивались Австро-Венгрия и Османская империя.

К. Маркс был прав, утверждая, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[2]. Принцип «национальности», т.е. строительства государства по национальному принципу сыграл свою историческую роль в крушении феодализма и становлении Нового порядка. Он дал обильные плоды и привел к полной перекройке политической карты Европы. В 1830–1833 гг. в результате борьбы за независимость появилось Греческое государство. В 1861 г. возникло Королевство Италия, в 1871 г. – Германская империя, в 1905 г. Норвегия отделилась от Швеции. В 1878–1913 гг. добились национальной государственности народы Балкан[3]. Республиканская Швейцария и Королевство Бельгия, а также Российская Империя и Австро-Венгерская монархия сохранились как многонациональные государства.

Национально-государственный принцип в Западной Европе в целом выполнил свою задачу. В первой четверти XX в. на смену ему пришел принцип самоопределения народов и наций, взятый на вооружение различными политическими силами России и используемый в прямо противоположных целях. Считается, что в его теоретическом обосновании в нашей стране выдающаяся роль принадлежит марксистско-ленинскому учению по национальному вопросу. Однако в действительности право на самоопределение народов носило характер общедемократического требования переживаемой Россией эпохи. В частности, в пункте 1 декларации Временного правительства России от 5 (18) мая 1917 г. говорилось, что оно «ставит своей целью скорейшее заключение мира, не имеющего своею задачею ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достояния, ни насильственного захвата чужих территорий, – мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов».

В.И. Ленин и его соратники вплоть до крушения монархии и победы Великой российской революции были фанатично привержены принципу «национальности» и преуспели в соединении принципа самоопределения с теорией классовой борьбы. Считается, что программа большевистской партии по данному вопросу была изложена В.И. Лениным в ряде его работ, в т.ч. статьях «Критические заметки по национальному

[1] *Фердросс А.* Международное право / пер. с нем.: под ред. Г.И. Тункина. М., 1959. С. 59.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 422.

[3] См.: Курс международного права. М., 1989. Т. 2. Основные принципы международного права. С. 170.

вопросу», «О праве наций на самоопределение», «О национальной гордости великороссов», написанных в 1913–1914 гг.[4] В действительности, речь шла не «просто» об освобождении народов от «национального гнета», а об установлении нового национального и международного правопорядка, основанного, как полагали В.И. Ленин и его соратники, на самоопределении освободившихся от капиталистической эксплуатации наций. «Выставляя принцип права на самоопределение, – говорил И.В. Сталин на VII (апрельской) конференции РСДРП(б) 24–29 апреля 1917 г., – мы поднимаем тем самым борьбу против национального гнета на высоту борьбы против империализма, нашего общего врага»[5].

Советская власть была последовательна в приверженности этому принципу «национальности» в его интерпретации сквозь призму теории классовой борьбы, обогащенному новыми смыслами, привнесенными Первой мировой войной. В Декрете о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 г. говорилось: «Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию... не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решится без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилием». Мир без аннексий и контрибуций, а не продолжение Первой мировой войны – этого требовала Советская Россия.

Спустя неделю, 2 (15) ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров была принята Декларация прав народов России. В ряду других Декларация провозгласила «право народов России на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Жупел «тюрьмы народов», которым многие десятилетия пугали европейские и другие народы, остался в прошлом, а свершившая Великую российскую революцию политическая партия в борьбе за самоутверждение получила поддержку т.н. национальных окраин.

Это привело к изменению акцентов в национальной политике. В.И. Ленин вовсе не был готов к раздроблению России на множество мелких государств во имя догмы национально-государственного принципа. Самоопределение, по мысли вождя Российской революции, должно было служить первым шагом к последующему объединению равноправных народов России в единое государство – «добровольный и честный союз народов России» – на началах федерализма или автономии. Дух разрушения должен был уступить место духу созидания. Соответственно, 3 (16) января 1918 г. ВЦИК принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, проект которой был написан В.И. Лениным. Согласно п. 1 Декларации, ставшей в июле 1918 г. первым разделом Конституции, Советская Российская Республика учреждалась «на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик».

Таким образом, в этот исторический период отечественной истории самоопределение служило инструментом решения национального вопроса в его этническом наполнении и интерпретировалось сквозь призму марксистско-ленинского учения о классовой борьбе. Причем национальный вопрос был подчинен целям и интересам такой борьбы. Но столь же несомненно, что для победившей в октябре 1917 г. партии главное в самоопределении – не отделение народов России и образование ими самостоятельных государств, а свободное определение народами России путей своего социального развития. Разумеется, без частной собственности и эксплуатации человека человеком. При этом адресатом этого политического принципа выступали не только народы самой России или Западной Европы, но и народы колоний.

Революция была честна. Утерянную государственность восстановила Польша, провозгласила независимость Финляндия, обрели государственность Украина, Белоруссия, народы Прибалтики, Закавказья и Средней Азии. Тогда же Советская Россия под систему колониального господства заложила мину замедленного действия, которой было суждено взорваться в будущем и принести свободу множеству народов колоний.

Выдающееся значение для отечественного и зарубежного конституционализма, равно как и международного права, имело выдвинутое в этот исторический период положение о том, что право на самоопределение, включая территориальные разграничения, должно осуществляться свободным волеизъявлением населения. Главное условие правомерности такого волеизъявления – голосование граждан. Тем самым юридическая наука и практика приблизились к осознанию, что самоопределение – это не только коллективное право народа, но и индивидуальное право, точнее – коллективное право, осуществляемое посредством индивидуального выбора. Причем они находятся под равной правовой защитой.

В эпоху, когда по общему международному праву передача территориального суверенитета

[4] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24–26.

[5] *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 8.

не нуждалась в согласии населения передаваемой территории, эти инициативы имели революционное значение. Получение согласия населения передаваемой территории на цессию предусматривалось лишь в отдельных договорах; теперь получение такого согласия должно было стать общим правилом[6].

Возвести это требование во всеобщий международно-правовой принцип пытался Президент США В. Вильсон (1856–1924). 8 января 1918 г. он представил Конгрессу США проект завершающего Первую мировую войну мирного договора, вошедшего в историю как «14 пунктов Вудро Вильсона». Эта программа частично была принята участниками переговоров о мире. Во многом, считают историки, потому, что она была альтернативой Декрету о мире, который казался западным державам более радикальным.

Справедливости ради следует отметить, что пункт программы, касавшийся России, казался вполне разумным: «6. Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более, чем прием, также и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций, ее сестер, в грядущие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия их симпатий». Правда, эта миролюбивая риторика не помешала США вместе с «нациями-сестрами» от далекой Австралии до соседней Японии принять участие в иностранной военной интервенции в России, раздираемой смутой и Гражданской войной. Вопреки совету своего военного министерства, Вильсон отправил в Россию экспедиционный корпус армии США численностью около 8 тыс. человек.

Для последующего изложения и предлагаемых теоретических решений значимы еще два пункта программы. Один из них касался судьбы ранее неправомерно отторгнутой и оккупированной государством-агрессором территории государства, которое было жертвой агрессии: «8. Все французские территории должны быть освобождены и оккупированные части возвращены, а зло нанесенное Франции Пруссией в 1871 году в отношении Эльзас-Лотарингии, которое нарушало всеобщий мир почти что 50 лет, должно быть исправлено, чтобы мирные отношения могли снова быть установлены в интересах всех». Смысл данного тезиса, помимо прочего заключается в том, что неправомерно отторгнутые от государства территории, несмотря на утрату территориального верховенства данного государства, не становятся по праву частью территории иного государства. Правонарушение не порождает законного титула владения чужой территорией.

Другой пункт касался юридического значения воли населения соответствующей территории: «5. Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное разрешение всех колониальных споров, основанное на строгом соблюдении принципа, что при разрешении всех вопросов, касающихся суверенитета, интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены».

Спустя полгода он заявил, что все вопросы территории должны регулироваться непосредственно заинтересованным населением путем свободного принятия решения. Таким образом, принцип самоопределения постепенно становился требованием внешней политики европейских государств в их отношениях между собой. США при этом закладывали основы своего будущего политического господства в Европе и получали европейские рынки. Россия жаждала справедливого демократического мира, без которого восстановление порушенного хозяйства и умиротворение страны было невозможно. Разумеется, не теряя при этом надежду на мировую революцию. Западноевропейские государства-победители требовали удовлетворения своей корысти за счет побежденных и были едины в решимости не пустить к себе свершившуюся в октябре 1917 г. в России революцию. И все вместе не желали повторения вакханалии национал-шовинизма, спровоцировавшей Первую мировую войну.

Как раз последним было продиктовано изменение отношения Западной Европы к национально-государственному принципу после Первой мировой войны. Европейские государства пришли к выводу, что принцип «национальности» неосуществим, поскольку его объективно невозможно реализовать. По замечанию французского конституционалиста Ж.-П. Жакке, выявилась невозможность «оснастить» каждое национальное

[6] См.: *Фердросс А.* Указ. соч. С. 63 и сл.

сообщество государственной структурой[7]. Поэтому акцент был сделан на признании за населением, принадлежащим в различных западноевропейских государствах к меньшинствам этнического, религиозного или лингвистического характера, определенных прав. Словом, западноевропейский конституционализм, в отличие от Священного союза столетием раньше, обуздал стихию неограниченного национального суверенитета, передав распоряжение правом на самоопределение государству. Тем более что в феврале 1917 г. не стало Российской Империи, в октябре 1918 г. распалась и Австро-Венгрия, раздавленная грузом межнациональных противоречий. А вместе с ними осталось в прошлом естественно-правовое обоснование принципа национальности, т.е. права на самоопределение в форме отделения и образования национального государства. «Внешне» самоопределение для западноевропейского правового и политического пространства постепенно становилось исключением из правила, продиктованным чрезвычайными обстоятельствами; оно теперь осуществляется в границах государства, которое и является субъектом соответствующего права.

В отечественной конституционной практике, напротив, этот принцип все более укоренялся, причем как раз в его этнической интерпретации. Советская Россия, а затем созданный в 1922 г. Союз ССР были последовательны в своем понимании принципа самоопределения как принципа самоопределения наций вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. В.И. Ленин в письмах членам Политбюро ЦК РКП(б) «Об образовании СССР» и «К вопросу о национальностях или об “автономизации”» подверг резкой критике предложение И.В. Сталина об объединении советских республик путем вступления Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении в РСФСР и превращения их в автономные республики. В этом он видел отступление от принципов пролетарского интернационализма, не отвечающего задачам дальнейшего укрепления дружбы советских народов, их сплочения и сотрудничества в строительстве социализма. Формой союзного государства должен выступать Союз ССР на базе добровольного объединения равноправных самостоятельных советских республик. Вождь предостерегал от чрезмерного централизма и подчеркивал необходимость признания суверенитета каждой республики, видя в этом непременное условие сплочения народов.

Эти два принципа – «национальности» и делимости государственного суверенитета в многонациональном государстве, возможно, продиктованные тактическими соображениями момента,– в той или иной форме неизменно присутствовали во всех союзных конституциях. В результате этого в Конституциях СССР 1924, 1936, 1977 гг. такое понимание самоопределения всегда сопровождалось правом союзных республик на выход из состава Союза ССР; сецессионизм, исключаемый самой природой единого и целостного государства, в его конституционной легитимации пережил все этапы развития СССР и сыграл не последнюю роль в его крушении. Вера в то, что социалистический интернационализм нейтрализует разрушительный потенциал, объективно присутствующий в самоопределении, оказалась иллюзией.

Народы бывшей Российской Империи активно «оснащались» не только государственными структурами, но и территориями. Причем далеко не всегда исторически принадлежавшими им. Украина, например, только после образования СССР и благодаря России получила Донецк, Луганск, Львов и всю Западную Украину, Харьков, Херсон, Одессу. В 1954 г. Украине из состава РСФСР решением не уполномоченного на это действовавшего в тот период Конституцией РСФСР Президиума Верховного Совета РСФСР был передан Крым.

Разумеется, при этом никто из принимавших это ничтожное с юридической точки зрения решение не озаботился получением согласия русского народа. Социалистический интернационализм был выше «юридического формализма» и не нуждался в чьей-либо санкции. «Право свободного голосования», которым только и может быть решена судьба территории, провозглашенное написанным В.И. Лениным Декретом о мире, его преемниками было предано забвению. Понадобилось 60 лет, чтобы право и справедливость восторжествовали, а Крым, юридически всегда остававшийся под суверенитетом России, ибо по меньшей мере две с половиной тысячи лет непреложно, что jus ex injuria non oritur – «право не может возникнуть из правонарушения», – вернулся также под территориальное верховенство России[8]. Но теперь, в свою очередь, столь же забывчив оказался «коллективный Запад» в отношении провозглашенных В. Вильсоном принципов; корысть «наций-сестер», по современной терминологии – «наших

[7] См.: *Жакке Ж.-П.* Конституционное право и политические институты / пер. с франц. М., 2002. С. 38.

[8] См.: *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя – восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник СГЮА. 2014. № 2 (97). С. 58–74.

западных партнеров», оказалась выше права и справедливости.

Во внутриполитической практике России широкое распространение получила территориальная автономия в различных формах, активно проводилась политика «коренизации» действовавших в них органов власти и управления, а также судов, прокуратуры и пр. В советский период истории были и народы, лишенные своей автономии и изгнанные с родных земель, часть которых была включена в состав Грузии. Жестокое время сопровождалось жестокими политическими решениями, крайне болезненно сказавшимися на судьбе многих народов.

Несомненно, что во многом благодаря внешнеполитической практике нашей страны этот принцип вошел в современное международное право. Но уже не в виде национального самоопределения, являвшегося потенциальной угрозой формировавшегося после Второй мировой войны миропорядку. Именно по настоянию СССР принцип равноправия и самоопределения народов получил закрепление в п. 2 ст. 1 Устава ООН; этот принцип в системном единстве и взаимодействии с иными принципами Устава ООН должен был служить достижению двуединой цели Организации, а именно поддерживанию международного мира и безопасности, а в случае нарушения мира – восстановлению его (п. 1 ст. 1), т.е. имел инструментальное значение. При том, однако, что содержание понятия «народ» не было определено, в результате этого по сей день этот термин толкуется двояко – в значении этнической общности либо понятия, тождественного населению государства. Порой это понятие выступает синонимом государства.

Принцип равноправия и самоопределения народов сыграл выдающуюся роль в крушении колониальной системы (по инициативе СССР Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 г. была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам). Международно-правовое содержание этого принципа раскрывается также в Международных пактах о правах 1966 г., определяющих его как право народов свободно устанавливать свой политический статус и свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие. Существенное значение для интерпретации содержания этого принципа и вытекающего из него права имеет Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 г., согласно которой формами осуществления народом права на самоопределение являются: создание суверенного и независимого государства; свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним; установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом.

Как можно заметить из содержания Декларации, речь в ней шла не о расчленении суверенных государств – членов ООН; она имела прежде всего и главным образом антиколониальный характер, и в части самоопределения являлась продолжением упомянутой Декларации 1960 г. «Незамедлительно положить конец колониализму», – так государства – члены ООН, принимавшие Декларацию 1970 г., определяли свою цель и вытекающие из этой цели обязательства.

Иными словами, международной правосубъектностью обладают государства. Что же касается народов, их правосубъектность *признается,* причем в весьма ограниченных пределах, только за теми национальными сообществами, которые стремились либо стремятся к созданию государств в соответствии с международным правом. Даже в эпоху деколонизации такие народы должны были иметь представляющие их догосударственные формы организации, в т.ч. квазигосударственные органы, действующие на определенной территории и представляющие проживающее на этой территории население.

Составители Декларации озаботились тем, чтобы не дать пищу демонам национализма и сопровождающего его сецессионизма в собственных государствах. Именно поэтому согласно данному акту принцип самоопределения не должен толковаться как санкционирующий или поощряющий «любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных независимых государств», если они 1) действуют «с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, и 2) вследствие этого имеют «правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи». Международный правопорядок вовсе не желал саморазрушения и не требовал этого от демократических государств, гарантированных в своем территориальном суверенитете, поскольку эти государства обеспечивают права и свободы всех своих граждан и с уважением относятся к национальному достоинству всех этнических групп.

Спустя пять лет, 1 августа 1975 г., Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе приняло Заключительный акт (подписали 33 европейских государства, а также США и Канада), содержащий Декларацию принципов, которыми

государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях. В этом общеевропейском документе уже говорится не о самоопределении, а о равноправии и праве народов распоряжаться своей судьбой: «Все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие». Это не легализация «внешнего» самоопределения, а обращенный к государствам Европы и Северной Америки призыв к достижению консенсуса в отношении уважения национального достоинства и вытекающих из него прав и его гарантированию национальным правопорядком.

Для понимания нормативного содержания этой новой формулы самоопределения весьма важно указание Заключительного акта на обязанности государств уважать равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, действуя в соответствии с Уставом ООН и соответствующими нормами международного права, включая те, которые *относятся к территориальной целостности государств*. По существу, речь идет о гарантиях невмешательства и уважении права народов, конституировавших себя в качестве суверенных государств, на выбор форм собственной политической и социально-экономической организации. «Национальный принцип» в его этнической интерпретации и сецессионизм являются угрозой миру, способной подорвать систему Организации Объединенных Наций, смысл которой заключается в обеспечении мира и безопасности. Право на самоопределение трансформировалось в равноправие и право народов без вмешательства извне распоряжаться своей судьбой.

Однако неизменным остался адресат этого принципа: равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой является велением, прежде всего обращенным к государствам. Рецидив «принципа национальности», связанный с прекращением СССР, Чехословакии или СФРЮ, не поставил под сомнение вектор государственного строительства Европы. Эпоха, когда самоопределение толковалось как естественное право народов и наций на отделение и создание самостоятельного государства, т.е. право на «внешнее» самоопределение в форме отделения и образования самостоятельных государств, осталось в прошлом. Критерием равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой в международных отношениях стали права человека, дополняемые национальным правопорядком определенными формами национальной автономии.

Принцип равноправия и права народов на самоопределение по своей юридической природе является не субъективным правом, а нормой объективного права, обязывающей государства как субъектов международного права соответствующим образом установить свой правопорядок и руководствоваться в своих взаимоотношениях с иными государствами этим принципом; из этого объективно-правового положения вытекают позитивные права народов, содержание, формы, пределы и гарантии которых определяются внутренним правопорядком этих суверенных государств. Разумеется, с учетом принятых на себя государствами международных обязательств. Тем самым государству одновременно гарантируется защита от вмешательства в его внутренние дела.

Этим не исключается «внешнее» самоопределение, но оно возможно только в отношении народов, находящихся в колониальной зависимости либо иных чрезвычайных обстоятельствах, т.е. является исключением из общего правила. Такое самоопределение является результатом невозможности для части населения «внутреннего» самоопределения в смысле участия на равных основаниях в управлении государством при непременном уважении национального достоинства и присущих ему прав. Как было подчеркнуто в Декларации тысячелетия ООН 2000 г., право на самоопределение в смысле независимости, т.е. выхода из «материнского государства», принадлежит только тем народам, которые пребывают под колониальным господством и иностранной оккупацией. Народам, свободным от иностранной зависимости, принадлежит право на равноправие и право распоряжаться своей судьбой, которые сопровождаются территориальной целостностью суверенных государств, в которых проживают эти народы. Итоговый документ Всемирного саммита, состоявшегося 14–16 сентября 2005 г. в рамках 60-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подтвердил эту позицию.

* * *

Конституционно-правовой аспект принципа равноправия и самоопределения народов отличается более высокой степенью юридической определенности. Его содержание, имманентные пределы, круг субъектов, способы осуществления и формы выражения необходимо выводить из основ конституционного строя и иных правоположений Конституции. Принцип самоопределения является частью конституционного декалога, соответственно, познание его содержания невозможно вне или в отрыве от целостной системы принципов конституционного строя, составляющих этот декалог. Существенную помощь

в этом могут оказать акты конституционного правосудия.

Выражение «равноправие и самоопределение народов» в Конституции РФ 1993 г. встречается дважды. В одном случае «общепризнанные принципы равноправия и самоопределения народов» указаны в качестве одного из исходных начал. Тем самым составители Конституции РФ подчеркнули естественно-правовую природу принципа равноправия и самоопределения народов как соответствующего общественному сознанию основания конституируемого Основным Законом социального порядка.

Из данного положения преамбулы в его взаимосвязи с ее другими положениями вытекают по меньшей мере следующие выводы: во-первых, подчеркивается безусловное признание и уважение Россией принципа равноправия и самоопределения народов как общепризнанного принципа международного правопорядка; во-вторых, содержится указание, что Российская Федерация в ее современной конституционной идентичности является результатом и формой самоопределения многонационального народа России; в-третьих, многонациональный народ Российской Федерации как субъект самоопределения образует единую политическую нацию; в-четвертых, принятие Конституции РФ есть высший юридический акт самоопределения российской политической нации, политико-правовой формой которого выступает суверенное Российское государство, гарантирующее от внешнего вмешательства; в-пятых, принцип равноправия и самоопределения народов в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ является составной частью правовой системы России, а сферой действия этого принципа – отечественный конституционный правопорядок в целом.

Второй раз «равноправие и самоопределение народов» используется Конституцией РФ в ч. 3 ст. 5 при изложении принципов федеративного устройства России. Равноправие и самоопределение народов, теперь уже как позитивированный Основным Законом принцип, упоминаются в одном ряду с принципами государственной целостности Российской Федерации, единства системы государственной власти, разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации. Они образуют не конкурирующую, а ***согласованную*** во всех частях и ***непротиворечивую*** систему. Разумеется, если политические процессы развиваются в пределах, установленных Конституцией РФ.

В связи с этим в конституционном праве не имеет под собой оснований ставший общим местом тезис об «объективном противоречии» между принципами самоопределения и территориальной целостности государства. Разумеется, если политические процессы развиваются в пределах, установленных Конституцией[9]. Противоречат друг другу не указанные принципы, а сложившиеся в сознании исследователей либо даже сообществ людей мифологемы, т.е. некие «идеальные» образы должного, разительно отличающиеся от сущего. Этот вывод в равной мере справедлив и для международного права. Как раз в связи с этим составители упомянутой Декларации 1970 г. указали, что основные принципы международного права при их «истолковании и применении... являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов». Следовательно, столь же безосновательна распространенная дилемма: «принцип самоопределения или принцип территориальной целостности?» и выводимые из нее концепции примата принципа самоопределения или, напротив, примата принципа территориальной целостности[10].

Словом, Конституция РФ отказалась от ортодоксального концепта самоопределения, смысл которого заключался в обязательном соответствии этноса и государства, даже если такое соответствие противоречит реалиям бытийности

---

[9] См.: *Барсегов Ю.Г.* Самоопределение и территориальная целостность. М., 1993; *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М., 2006; *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010.

[10] См., напр: *Остроухов Н.В.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение: теоретико-правовые и международно-правовые измерения // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2013. № 3; *Хасанов А.А.* Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // Журнал росс. права. 2017. № 10; *Караев Р.М.* О соотношении принципов территориальной целостности государств и равноправия и самоопределения народов // Журнал росс. права. 2020. № 10.

На неправомерность данной дилеммы указывает С.В. Черниченко. При том, однако, что используемый им аргумент, заключающийся в том, что принцип территориальной целостности относится к сфере международных отношений, а принцип равноправия и самоопределения действует в национальном правопорядке, сам искажает правовую природу этих принципов, действующих как во взаимоотношениях между государствами, так и в конституционном правопорядке, и потому несостоятелен (см.: *Черниченко С.В.* Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал междунар. права. 1996. № 4. С. 18, 19). Аналогичную позицию занимает Г.М. Вельяминов (см.: *Вельяминов Г.М.* Соотношение принципов самоуправления народов и территориальной целостности // Правоведение. 2010. № 10. С. 103). Весьма убедителен в неприятии мнения о противоречиях указанных принципов Ю. Князев (см.: *Князев Ю.* О непротиворечивости принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение // Междунар. жизнь. 2019. № 4).

общества и места в нем этноса. Принцип равноправия и самоопределения – не политическая абстракция, содержание которой определяется по усмотрению эксплуатирующих этот лозунг сил; это правоположение выражает общие закономерности устроения Российского государства и социального порядка в целом, носителем которого оно является. Его трактовка предопределяется конституционным правопорядком России, легитимированном волей народа; смысл этого порядка и его цель заключается в обеспечении в обществе гражданского мира и согласия (преамбула, ст. 80 Конституции РФ). Именно мирный порядок, основанный на согласии сочленов общества и территориальных, этнических и прочих общностей составляет правовую основу союза равноправных народов, который ни при каких условиях не сможет быть поставлен под угрозу. В результате самоопределение приобретает созидательный характер.

Ход событий и сам процесс становления нового понимания этого принципа тесно связаны с деятельностью Конституционного Суда РФ. Демократические начинания конца 80-х прошлого века оживили этнический аспект общественного развития в гигантской полиэтнической стране. «Парад суверенитетов» привел к тому, что конституции отдельных республик провозгласили их суверенность, а также права на выход из состава Федерации, внешнеполитические связи и т.д.

Конституционный Суд РФ в 1992 г. проверил и признал некоторые положения ряда актов Республики Татарстан (Декларацию о государственном суверенитете, законы «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) Республики Татарстан», «О референдуме Республики Татарстан» и др.) не соответствующими действовавшей в тот период Конституции РФ. Непосредственным поводом для рассмотрения дела послужило постановление Верховного совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 г. о проведении республиканского референдума по вопросу: «Согласны ли Вы, что Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, строящее свои отношения с Российской Федерацией и другими республиками, государствами на основе равноправных договоров?».

Речь, как следует из содержания вопроса, шла о новой формуле конституционной идентичности республики как суверенного государства и субъекта международного права, отношения которого с Федерацией строятся на основе равноправных договоров. Соответственно, на эти отношения не распространяются федеральные Конституция и законы. Тем самым государственно-правовые отношения Российской Федерации с одним из ее субъектов трансформируются в международно-правовые (конфедеративные) отношения.

Важно при этом иметь в виду, что поиск такой формулы республикой происходил на фоне ослабления «вертикали» государственной власти и утраты ею функции социального служения, «парада суверенитетов» республик и тенденции к «республиканизации» автономных образований и даже административно-территориальных единиц. Представляется, что в демарше республики в немалой мере присутствовал протест против проводившейся федеральными властями в этот исторический период социально-экономической политики.

В основу принятого 13 марта 1992 г. решения Конституционный Суд РФ положил несколько фундаментальных начал конституционного устроения России, в т.ч.: принцип неделимости государственного суверенитета и единства и целостности Российского государства как его выражения; принцип общей воли народа России как доминанты государственного строительства Российской Федерации; принцип равноправия народов России, на равных основаниях участвующих в управлении государством; консенсус в отношении национального достоинства и уважения прав человека независимо от каких-либо обстоятельств, в т.ч. национальности, языка, религии, места жительства и прочих условий. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся содержания данного принципа, его природы и способов реализации, вошли в Конституцию РФ 1993 г. и были развиты в ряде иных его решений (постановления: от 31.07.1995 г. № 10-П; от 07.06.2000 г.; от 14.07.2015 г. № 21-П; Определение от 27.06.2000 г. № 92-О; Заключение от 16.03. 2020 г. № 1-З и др.). В силу этого они имеют критериальное значение для развития законотворчества, деятельности исполнительной власти и правосудия; столь же значимы они для науки права.

Итак, ***носителем принципа самоопределения является государство.*** Принцип самоопределения является юридическим выражением многовекового опыта государственного строительства России и соработничества, т.е. сотрудничества и особых духовных усилий народов, населяющих Россию со времен, описываемых святым Нестором Летописцем в «Повести временных лет», или вошедших в состав России позднее. Будучи общим правилом, этот принцип лежит в основе государственности и выступает системообразующим началом федеративной системы России, и в качестве такого обязывает всех субъектов конституционного права. Он связан со всей системой принципов, составляющих основы

конституционного строя как строя демократии, верховенства права и прав человека.

Государство – носитель порядка, в котором проходит жизнь народа. Это означает, что носителем этого принципа и непременным участником общего конституционного правоотношения равноправия и самоопределения народов является Российское государство.

Данный тезис получил развитие в поправке Президента В.В. Путина к Конституции РФ, согласно ч. 2 ст. 67^1 которой Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Весьма возможно, что у лингвиста это выражение – «Российская Федерация... признает исторически сложившееся государственное единство», т.е. государство признает собственное единство, – может вызвать некоторую долю недоумения.

Для юриста в этой *констатирующей* норме Основного Закона, имеющей значение правоположения прямого действия и непосредственно применимого, заключен ряд теоретических и практических выводов, имеющих значение для обсуждаемой проблемы: Российская Федерация является всеобщей политико-юридической формой самоопределения российской политической нации и всех образующих ее народов и этнических групп; государственное единство есть сущностная характеристика и условие идентичности Российской Федерации; народы России имеют право на равенство прав и несут обязанности, порождаемые государственной бытийностью, соразмерные своей численности и уровню экономического развития; малочисленные народы пользуются особой правовой защитой; принцип самоопределения, признаваемый Конституцией РФ и находящийся под ее защитой, ни при каких условиях не может служить оправданием сепаратизма и сецессионизма; наконец, указание на тысячелетнюю государственность и память предков, передавших нам, т.е. живущим поколениям, идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства в т.ч. означает, что защита основ конституционного строя Российской Федерации, ее единства и целостности – дело всего многонационального народа России и каждого гражданина. Поколения сменяют друг друга, народ, организованный в государство и образующий его, непрерывен. С этой точки зрения, равноправие и самоопределение народов является неотъемлемой частью конституционной идентичности России как суверенного государства. Данный принцип, с одной стороны, воплощается в государстве и его устроении, с другой – составляет одну из основ его внутренней и внешней политики. Федеральный законодатель конкретизирует содержание данного принципа и вытекающего из него полномочия, их пределы, порядок осуществления, гарантии и пр. Отсюда следует, что адресатом и носителем принципа самоопределения является ***Российское государство в его суверенной бытийности***[11].

Из принципа равноправия и самоопределения народов вытекает ***право на равноправие и самоопределение***, являющееся конститутивным элементом конституционного статуса субъектов, т.е. тех самых «само», которые осуществляют «определение». При этом в государстве со сложившейся национально-территориальной организацией и конституционно установленным консенсусом относительно национального достоинства и вытекающих из него прав равноправие и самоопределение народов представляет собой правовое состояние, санкционированное Основным Законом.

Следовательно, право на самоопределение, во-первых, является не непосредственно применимым, а ***потенциальным*** правом той или иной территориальной или национальной общности, претендующей на самоопределение. Его превращение в реальное право конкретного субъекта требует применения конституционных норм уполномоченными на то органами государства; во-вторых, нормативное содержание права на самоопределение различно у разных носителей этого права, оно должно сопрягаться с их конституционным статусом и быть адекватным ему.

Наиболее широким является право на самоопределение народа, образующего физический субстрат государства. В самом общем плане его сущность заключается в праве народа или народов, живущих в суверенном государстве и образующих единое сообщество, совместно определять и устанавливать соответствующий их воле конституционный правопорядок. Речь, стало быть, идет о праве народа на государственную бытийность, сущности созданного им государства и обязательствах последнего по отношению к народу в целом либо обязательствах, обусловленных этническим разнообразием населения. Условием легитимности этого правопорядка является равенство всех народов в их праве на участие в управлении государственными делами и обеспечение прав национальных, религиозных и лингвистических меньшинств. Такому

[11] По замечанию В.Л. Толстых, «самоопределение, рассматриваемое в свете идеи суверенитета, является самоопределением правительства (верховной власти)» (см.: *Толстых В.Л.* Три идеи самоопределения в международном праве // Евразийский юрид. журнал. 2014. № 9 (78)).

решению, продолжая сложившуюся в Европе после Первой мировой войны традицию отказа от «принципа национальности», отдал предпочтение Совет Европы в рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г. Этот подход был подтвержден принятым в рамках ОБСЕ Пактом о стабильности в Европе от 21 марта 1995 г. («Пакт Балладюра»), названным по имени французского политика и государственного деятеля. Еще более определенна резолюция № 1832 ПАСЕ от 4 октября 2011 г., согласно которой «право на самоопределение не предусматривает автоматического права на отделение», это право «в первую очередь должно быть реализовано методом защиты прав меньшинств...».

Отсюда в т.ч. следует, что обычный в политических дискурсах акцент на естественной природе права на самоопределение *в смысле выхода из суверенного государства* не имеет оснований; право на самоопределение часто носит революционный характер, конституция всегда антиреволюционна. Соответственно, право на самоопределение имеет *границы*, пределы которых устанавливаются государствами и могут быть различны в зависимости от их конституционной организации. В одних случаях они объективны, в других – предопределены концептуальным основанием конституционного правопорядка государства. Так, Конституционный совет Франции в 1991 г. в решении в отношении Корсики указал, что признание существования «корсиканского народа как составной части французской народа», на чем настаивала Корсика, противоречит Конституции пятой республики, к ведению которой относятся вопросы самоопределения без вмешательства извне. В основе принятого решения – концепция государства-нации, т.е. отказ от понимания нации как этнической общности и отождествление нации и государства; корсиканцы составляют часть нации не как народ, а в своем качестве граждан Франции, в своей совокупности образующих единую французскую нацию.

Верховный суд Канады, выполняющий функцию судебного конституционного контроля, в основу своего решения 1993 г. в отношении Квебека положил принцип территориальной целостности государства. Право на самоопределение, по его мнению, актуально при угнетении народа, т.е. в чрезвычайных обстоятельствах. Если таких обстоятельств нет, право на самоопределение не должно основываться на праве одностороннего отделения от федеративного государства, когда последнее позволяет участвовать в политической власти и в экономическом, социальном и культурном развитии субъектов Федерации. Самое большее, что влечет за собой референдум о самоопределении какого-либо субъекта Федерации, так это обязательство проводить переговоры между заинтересованными сторонами.

Конституция РФ отвергла активно муссировавшийся в начале 90-х годов тезис о договорной природе отечественного федерализма и делимости государственного суверенитета. Российская Федерация представляет собой не гетерогенное объединение разнородных сочленов, а единое и целостное государство, суверенитет которого распространяется на всю его территорию. Этим предопределяются обязанности субъектов по отношению к государству в целом, единство конституционного пространства России и недопустимость создания каких бы то ни было обособленных зон, в которых не действуют Конституция и законы Федерации, запрет сецессионизма и проч.

Таким образом, *право на самоопределение не абсолютно ни по содержанию, ни по территориальным границам*. В равной мере не существует общего для всех государств лекала его реализации. Поэтому аргумент «а вот у них» не работает. *Конституция РФ исключает «внешнее» самоопределение, оно реализуется в Российской Федерации*. Право на самоопределение не есть «право на все», соответственно, вопросы самоопределения входят во внутреннюю юрисдикцию Российского государства, и на них распространяются гарантии невмешательства извне. Выход за эти пределы невозможно обосновать противоречием между принципами конституционного строя России, ибо само допущение такого противоречия юридически абсурдно; такой выход за указанные пределы всегда означает правонарушение, требующее реакции закона. Без учета данных обстоятельств установление круга субъектов этого права и составляющих его правомочий лишается всяких юридических ориентиров и превращается в правовое ничто.

Равноправие и самоопределение наряду с принципами суверенитета и федерализма столь же ***тесно связаны с принципом демократического государства и присущим ему юридическим догматом общей воли народа и вытекающим из него принципом большинства***. Несмотря на кажущуюся ясность используемого Конституцией РФ словосочетания «равноправие и самоопределение *народов*», вопрос о круге субъектов права на самоопределение не столь очевиден. Сам термин «народ» употребляется Основным Законом в различных смыслах: «многонациональный народ Российской Федерации», т.е. народ, состоящий из многих этносов; «государствообразующий народ»; «народы Российской Федерации»; «коренные малочисленные народы».

Из этого терминологического разнообразия следует, что Конституция РФ различает этнонации и политическую нацию. Строй демократического федеративного государства основывается на исторически сложившемся и конституционно-легитимированном консенсусе относительно равноправия

и уважения национального достоинства и вытекающих из него коллективных и индивидуальных прав.

Политическая нация образуется в результате объединения различных этносов, которые в силу *правовой общности* становятся ее органическими частями. Это означает, что первичным субъектом права на самоопределение является ***многонациональный народ Российской Федерации***, т.е. единая политическая нация (преамбула, ст. 3 Конституции РФ), суверенитет которой является основанием государственного суверенитета. В ст. 67[1] Конституции РФ она определяется как союз равноправных народов[12]. Право народа на самоопределение является наиболее широким, поскольку в его власти установить конституционный правопорядок либо внести в него изменения. Политико-юридической *формой* самоопределения народа России является суверенное Российское государство в его современном конституционном устроении, а *способами* реализации – свободные выборы, референдум, всенародное и общероссийское голосование.

Субъектом права на самоопределение является ***русский народ***, являющийся ядром российской политической нации и гарантом единства и целостности Российской Федерации и социальной сплоченности российской политической нации. Указание Конституции РФ на то, что русский народ является государствообразующим народом, во-первых, есть констатация несомненного исторического факта, во-вторых, означает, что формой и пространственным пределом самоопределения русского народа является Российская Федерация в целом. Как с полным основанием пишет В.В. Путин, «самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»[13]. В равной мере государство в целом является пространством самоопределения всех народов России.

Субъектами права на самоопределения являются также все иные народы Российской Федерации, т.е.

народы (население) субъектов Федерации. Когда речь идет об установлении конституционного (уставного) правопорядка субъектов Федерации, право на самоопределение принадлежит не собственно этносу, численно доминирующему в республике, крае, области, автономном образовании и (или) давшему имя субъекту Федерации, а всему сообществу людей, составляющих население края, области, республики или автономного образования;

этнонации, объединившиеся в единую политическую нацию и ставшие благодаря консенсусу относительно равноправия и национального достоинства ее органической частью. Политико-юридическими формами их самоопределения в силу федеративного устроения России являются территориальные (края, области) и национально-территориальные образования (республики, автономные образования), а также экстерриториальные образования, т.е. этнические сообщества, объединившиеся в национально-культурные автономии.

В частности, право этнонации на самоопределение состоит из ряда правомочий, которые в их целостности образуют содержание права на самоопределение: а) право на равноправие с другими нациями; б) право в установленных Конституцией РФ формах свободно определять свой конституционный статус; в) право на равных основаниях с другими нациями участвовать в управлении государственными делами Российской Федерации и ее субъектов; г) право на национальную территорию; д) право на развитие; е) право на участие в распоряжении естественными ресурсами на национальной территории; ж) право на свободное развитие национальной культуры; з) право на свободное развитие и применение национального языка; и) право на уважение национальной чести, достоинства, обычаев и традиций нации, не противоречащих Конституции РФ и федеральным законам; к) право свободно решать все другие внутренние жизненно важные вопросы национального развития и проч.[14];

---

[12] В связи с этим едва ли можно согласиться с мнением, что «конституционные и международно-правовые положения... не дают оснований для законодательного оформления идей о единой российской нации» (см.: *Кряжков В.А.* Право народов на самоопределение в Российской Федерации (на примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 97). Как представляется, оно обусловлено игнорированием специфики дисциплинарных подходов, присущих философии, социологии или этнологии. Политическая и юридическая идентификация народа как гражданской политической нации определяется не этническим, языковым или культурным сходством, а формируемой Конституцией правовой общностью и правами человека и гражданина, одинаково гарантируемыми всем гражданам государства (см.: *Пархоменко Р.Н.* Гражданство и национальная идентичность в понимании Ю. Хабермаса // Право и политика. 2014. Вып. 3). Не «просто» законодательное, а конституционное «оформление идей о единой российской нации» – политической – осуществлено в первом же предложении Конституции – «Мы, многонациональный народ Российской Федерации...».

[13] *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газ. 2012. 23 янв.

[14] Эти и иные этнические права обычно толкуют как «количественное выражение национального суверенитета» (см.: *Судницын Ю.Г.* Национальный суверенитет в СССР. М., 1958; *Дамдинов Б.Д.* К вопросу о праве народов на самоопределение: проблемы субъекта, содержания и форм реализации // Сибирский юрид. вестник. 2005. № 2; Конституционное право: университетский курс: учеб.: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М., 2015. Т. 1).

Несомненно, что права наций как этнических общностей находятся под защитой Конституции и международного правопорядка. Однако их трактовка сквозь призму национального суверенитета весьма сомнительна. Эта категория имела определенные основания в эпоху торжества принципа «национальности» и деколонизации и означала находящийся в процессе становления суверенитет государства. Не случайно национальный и государственный суверенитет в современном

национальные меньшинства. Государственно-правовая практика ряда субъектов Федерации дополнила территориальные формы самоопределения еще одной – национальными районами (Абазинский и Ногайский районы в Карачаево-Черкесии), являющимися формами самоопределения коренных малочисленных народов. Этнические сообщества вправе объединяться в экстерриториальные образования – национально-культурные объединения.

Кроме того, Конституция РФ защищает свободу национальной самоидентификации (ст. 26), право на сохранение, изучение и развитие родных языков всех народов (ст. 68). В Российской Федерации гарантируются установленные законом права коренных малочисленных народов (ст. 69). Регулирование и защита прав национальных меньшинств относится к ведению Федерации (п. «б» ст. 71); защита национальных меньшинств относится к совместному ведению Федерации и ее субъектов (п. «б» ст. 72). К совместному ведению отнесена и защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (п. «м» ст. 72).

Право на самоопределение в современной международно-правовой системе включено в круг норм, регулирующих права и свободы человека. Отсюда следует, что индивид в правоотношениях самоопределения не поглощается сообществом и не утрачивает собственную волю. В силу этого право на равноправие и самоопределение не должно вырываться из общего контекста отечественного конституционного правопорядка, основывающегося наряду с демократией и верховенством права, также на правах человека. Соответственно, субъектами права на самоопределение являются также ***граждане***.

Особенность правосубъектности граждан заключается в том, что, во-первых, они обладают правом на определение и указание своей национальной принадлежности; во-вторых, являются ассоциированными носителями коллективного права на самоопределение. Способами участия граждан в осуществлении права на самоопределение выступают различные формы электоральной демократии (выборы, всенародное голосование и референдум, общероссийское голосование, участие в национально-культурной автономии и проч.). В этих формах и благодаря участию в них человека равноправие и самоопределение народов, в процессе и результатах которого каждый хочет отстоять свою правду, становится правдой для всех.

мире рассматриваются как тождество. В советский период отечественной истории категория национального суверенитета имела и определенные юридические основания в связи с вошедшим во все советские конституции концептом делимости суверенитета. Сегодня, однако, таких оснований нет, соответственно, концепция национального суверенитета представляет собой пережиток исчезнувшего явления, упорно не желающий уйти из общественного сознания в прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барсегов Ю.Г.* Самоопределение и территориальная целостность. М., 1993.
2. *Вельяминов Г.М.* Соотношение принципов самоуправления народов и территориальной целостности // Правоведение. 2010. № 10. С. 103.
3. *Дамдинов Б.Д.* К вопросу о праве народов на самоопределение: проблемы субъекта, содержания и форм реализации // Сибирский юрид. вестник. 2005. № 2.
4. *Жакке Ж.-П.* Конституционное право и политические институты / пер. с франц. М., 2002. С. 38.
5. *Кабышев В.Т., Заметина Т.В.* Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя – восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник СГЮА. 2014. № 2 (97). С. 58–74.
6. *Караев Р.М.* О соотношении принципов территориальной целостности государств и равноправия и самоопределения народов // Журнал росс. права. 2020. № 10.
7. *Князев Ю.* О непротиворечивости принципов территориальной целостности государств и права народов на самоопределение // Междунар. жизнь. 2019. № 4.
8. Конституционное право: университетский курс: учеб.: в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М., 2015. Т. 1.
9. *Кряжков В.А.* Право народов на самоопределение в Российской Федерации (на примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 97.
10. Курс международного права. М., 1989. Т. 2. Основные принципы международного права. С. 170.
11. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 24–26.
12. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 422.
13. *Остроухов Н.В.* Территориальная целостность государств в современном международном праве и ее обеспечение: теоретико-правовые и международно-правовые измерения // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2013. № 3.
14. *Пархоменко Р.Н.* Гражданство и национальная идентичность в понимании Ю. Хабермаса // Право и политика. 2014. Вып. 3.
15. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газ. 2012. 23 янв.
16. *Сталин И.В.* Собр. соч. Т. 3. С. 8.

17. *Судницын Ю.Г.* Национальный суверенитет в СССР. М., 1958.

18. *Толстых В.Л.* Три идеи самоопределения в международном праве // Евразийский юрид. журнал. 2014. № 9 (78).

19. *Фердросс А.* Международное право / пер. с нем.: под ред. Г.И. Тункина. М., 1959. С. 59, 63.

20. *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010.

21. *Хасанов А.А.* Соотношение и взаимодействие принципов самоопределения народов и территориальной целостности государств // Журнал росс. права. 2017. № 10.

22. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М., 2006.

23. *Черниченко С.В.* Принцип самоопределения народов (современная интерпретация) // Московский журнал междунар. права. 1996. № 4. С. 18, 19.

REFERENCES

1. *Barsegov Yu. G.* Self-determination and territorial integrity. M., 1993 (in Russ.).

2. *Velyaminov G.M.* Correlation of principles of self-government of peoples and territorial integrity // Jurisprudence. 2010. No. 10. P. 103 (in Russ.).

3. *Damdinov B.D.* On the question of the right of peoples to self-determination: problems of the subject, content and forms of implementation // Siberian legal herald. 2005. No. 2 (in Russ.).

4. *Zhakke J.-P.* Constitutional law and political institutions / transl. from French. M., 2002. P. 38 (in Russ.).

5. *Kabyshev V.T., Zametina T.V.* Admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol – restoration of historical justice: constitutional and legal analysis // Herald of the SSLA. 2014. No. 2 (97). P. 58–74 (in Russ.).

6. *Karaev R.M.* On the correlation of the principles of territorial integrity and equal rights and self-determination of peoples // Journal of Russ. law. 2020. No. 10 (in Russ.).

7. *Knyazev Yu.* On the non-contradiction of the principles of territorial integrity of States and the right of peoples to self-determination // International life. 2019. No. 4 (in Russ.).

8. Constitutional Law: university course: studies: in 2 vols. / ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukova. M., 2015. Vol. 1 (in Russ.).

9. *Kryazhkov V.A.* The right of peoples to self-determination in the Russian Federation (on the example of the Republic of Karelia) // State and Law. 2020. No. 4. P. 97 (in Russ.).

10. Course of International Law. M., 1989. Vol. 2. Basic Principles of International Law. P. 170 (in Russ.).

11. *Lenin V.I.* The complete works. Vol. 24–26 (in Russ.).

12. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 1. P. 422 (in Russ.).

13. *Ostroumov N.V.* Territorial integrity of states and its guarantee: theoretical-legal and international-legal dimensions // Herald of the RUDN. Ser.: Legal Sciences. 2013. No. 3 (in Russ.).

14. *Parkhomenko R.N.* Citizenship and national identity in the understanding of Yu. Habermasa // Law and Politics. 2014. Issue 3 (in Russ.).

15. *Putin V.V.* Russia: a national question // Nezavisimaya gaz. 2012. 23 Jan. (in Russ.).

16. *Stalin I.V.* Collected works. Vol. 3. P. 8 (in Russ.).

17. *Sudnitsyn Yu.G.* National sovereignty in the USSR. M., 1958 (in Russ.).

18. *Tolstykh V.L.* Three ideas of self-determination in International Law // Eurasian legal journal. 2014. No. 9 (78) (in Russ.).

19. *Ferdross A.* International Law / transl. from German; ed. by G.I. Tunkin. M., 1959. P. 59, 63 (in Russ.).

20. *Khabrieva T. Ya.* Modern problems of self-determination of ethnic groups: a comparative legal study. M., 2010 (in Russ.).

21. *Khasanov A.* the relationship and interaction of principles of self-determination and the territorial integrity of States // Journal of Russ. 2017. No. 10 (in Russ.).

22. *Tsygankov P.A.* Theory of international relations. M., 2006 (in Russ.).

23. *Chernichenko S.V.* The principle of self-determination of peoples (modern interpretation) // Moscow Journal of International Law. 1996. No. 4. P. 18, 19 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации;
109012 г. Москва, Б. Черкасский пер., д. 9

Authors' information

EBZEEV Boris S. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, member of the Central election Commission of the Russian Federation;
9 B. Cherkassky lane, 109012 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 77–85
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 77–85

К 85-ЛЕТИЮ СЕКТОРА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА ДО АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

(К 85-летию сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН)

© 2021 г. М. Н. Кобзарь-Фролова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Поступила в редакцию 05.08.2021 г.

Аннотация. В 1936 г. в Институте государственного права АН СССР была проведена внутренняя реорганизация, в результате которой было образовано три сектора, одним из которых стал сектор государственного права. С этого времени ведет свою историю нынешний сектор административного права и административного процесса.

В 20–30-е годы XX в. наука административного права развивалась слабо, ученые подвергались политическим репрессиям за свои научные убеждения. В середине 30-х годов даже тиражировалась идея отмирания административного права. Лидирующие позиции занимала наука управления. Между тем научные сотрудники сектора продолжали развивать науку административного права. С началом Великой Отечественной войны многие из них ушли на фронт. Страна отметила их подвиги государственными наградами.

С.С. Студеникин стал первым ученым, защитившим диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по административному праву (1940 г.). В 50–60-е годы в секторе активно велась работа по подготовке молодых специалистов в области административного права.

Название сектора неоднократно менялось, но неизменным оставалось служение государству и науке. В 60-е годы в Институте складываются новые направления научных исследований, отражающие вопросы укрепления советской демократии, форм и методов участия народа в руководстве государством и обществом и др. Результатом плодотворного труда коллектива сектора стал выход ряда монографий по административному праву.

Политические и экономические преобразования 80–90-х годов не могли не найти отражение в трудах научных сотрудников сектора. В конце 90-х – начале 2000-х годов направление исследований сектора меняется в сторону административного процесса и проблем АСУ.

В 2018 г. был образован сектор административного права и административного процесса. В настоящее время научные сотрудники сектора осуществляют фундаментальные, поисковые и прикладные научные исследования по концептуальным проблемам административного права, административного процесса и финансового, налогового, бюджетного права. Участвуют в работе по реформированию административно-деликтного законодательства, законодательства, регулирующего контрольную и надзорную деятельность, являются членами экспертных подгрупп Правительства РФ по разработке проекта нового КоАП РФ.

За свою 85-летнюю историю сектор дал стране и науке немало заслуженных деятелей науки и заслуженных юристов, выдающихся ученых, оставивших весомые плоды своих научных исследований, которые будут еще долго актуальны и востребованы.

Ключевые слова: административное право, административный процесс, наука управления, государственное управление, административное законодательство, сектор, ведущие ученые, административисты.

Цитирование: *Кобзарь-Фролова М.Н.* От государственного права до административного права и административного процесса (К 85-летию сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН) // Государство и право. 2021. № 10. С. 77–85.

DOI: 10.31857/S102694520017264-1

FROM STATE LAW TO ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS
(To the 85th anniversary of the Sector of Administrative Law and administrative process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

© 2021 M. N. Kobzar-Frolova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: adminlaw@igpran.ru

Received 05.08.2021

Abstract. In 1936, the Institute of State Law of the USSR Academy of Sciences underwent an internal reorganization, as a result of which three sectors were formed, one of which was the Public Law Sector. Since that time, the current Sector of Administrative Law and administrative procedure has its history.

In the 20–30s of the XX century, the science of Administrative Law developed poorly, scientists were subjected to political repression for their scientific beliefs. In the mid-30s, the idea of the death of Administrative Law was even replicated. The leading positions were occupied by the science of management. Meanwhile, the scientific staff of the Sector continued to develop the science of Administrative Law. With the beginning of the Great Patriotic War, many of them went to the front. The country noted their exploits with state awards.

S.S. Studenikin became the first scientist who defended his dissertation for the degree of PhD in Law in Administrative Law (1940). In the 50–60s, in the Sector work was actively carried out to train young specialists in the field of Administrative Law.

The name of the Sector has repeatedly changed, but service to the state and science remained unchanged. In the 60s, new directions of scientific research were formed at the Institute, reflecting the issues of strengthening Soviet democracy, forms and methods of people's participation in the leadership of the state and society, etc. The result of the fruitful work of the staff of the Sector was the publication of a number of monographs on Administrative Law.

The political and economic transformations of the 80–90s could not but be reflected in the works of the scientific staff of the Sector. In the late 90s – early 2000s, the direction of research in the Sector changed towards the administrative process and the problems of automated control systems.

In 2018, the Sector of Administrative Law and administrative process was established. Currently, the scientific staff of the Sector carries out fundamental, exploratory and applied scientific research on the conceptual problems of Administrative Law, administrative process and Financial, Tax, Budget Law. Actively participates in the work on the reform of administrative and tort legislation, legislation regulating control and supervisory activities, are members of the expert subgroups of the Government of the Russian Federation on the development of the draft of the new Administrative Code of the Russian Federation.

During its 85-year history, the Sector has given the country and science a lot of honored scientists and honored lawyers, outstanding scientists who have left significant fruits of their scientific research that will be relevant and in demand for a long time.

Key words: Administrative Law, administrative process, management science, public administration, administrative legislation, Sector, leading scientists, administrativists.

For citation: *Kobzar-Frolova, M.N. (2021).* From State Law to Administrative Law and administrative process (To the 85th anniversary of the Sector of Administrative Law and administrative process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 77–85.

Далекий 1936 год стал годом больших преобразований не только для СССР[1], но и для Института советского строительства и права Коммунистической академии (далее – Институт). Институт был вовлечен в работу по подготовке и принятию новой Конституции СССР. В этом же году Институт был передан в ведение Академии наук СССР и реорганизован в Институт государственного права АН СССР[2]. В 1936 г. в Институте была проведена внутренняя реорганизация, результатом которой стало образование трех секторов как отражение важнейших направлений

[1] В апреле 1936 г. состоялся X юбилейный съезд ВЛКСМ; в ноябре – Чрезвычайный 8-й Всесоюзный съезд Советов СССР; в декабре принята Конституция СССР («Сталинская» конституция).

[2] См.: Постановление Президиума АН СССР от 5 октября 1936 г. // Архив РАН. Фонд 1934. Ф. 2. Оп. 6. Д. 5. Л. 85.

фундаментальных академических исследований, проводимых научными сотрудниками Института. Одним из трех секторов стал сектор государственного и административного права[3]. Обязанности руководителя (заведующего) сектора принял директор Института Е.Б. Пашуканис[4]. Именно от этого сектора ведет свою историю нынешний сектор административного права и административного процесса.

В 20–30-е годы XX в. наука административного права развивалась крайне слабо. В середине 30-х годов даже тиражировалась идея отмирания административного права. Появляются работы, авторы которых видят возможность отказаться от понятия «советское административное право» и заменить его понятием «советское управление»[5]. Во многом это было связано с тем, что государственно-партийный аппарат широко использовал методы политических репрессий и внесудебной расправы. В это время нормы административного права фактически слились с нормами уголовного и уголовно-процессуального права[6]. Другой причиной было то, что административное право во многом опиралось на полицейское право и никак не могло отделить свой предмет от полицейского права. К тому же стало происходить т.н. отпочкование норм административного права в угоду развития новых отраслей, таких как финансовое, земельное, трудовое право и др.[7]

Отдельные аспекты науки административного права были предметом изучения в рамках науки управления, поддерживаемой политическими силами государства. Разработчиками науки управления были лично В.И. Ленин и его ближайшие соратники – Г.М. Кржижановский[8], Н.К. Крупская[9], В.В. Куйбышев[10] и др. Конституция СССР 1936 г. учредила органы государственного управления СССР. Наука управления заняла лидирующие позиции среди всех публичных наук. С поддержкой Коммунистической партии Советского Союза она стала охватывать всю проблематику государственного авторитарного вмешательства во все сферы и области общественной жизни, а наука административного права отошла в тень[11].

А.И. Елистратов на рубеже 20–30-х годов XX в. и впоследствии Б.М. Лазарев утверждали, что тенденция развивать административное право на узкой базе отрасли государственного управления выявилась при необходимости расширения задач и функций государственного управления главенствующей партией Советского Союза. Значительная часть ученых-административистов была вынуждена «подстраиваться» и в своих работах по административному праву опираться на достижения науки управления. К 40-м годам наука административного права в значительной мере охватила всю проблематику науки управления. Такой путь развития науки административного права Б.М. Лазаревым был признан ошибочным и подвергнут резкой критике[12].

В довоенное время в секторе служили выдающиеся ученые, основоположники науки советского административного права – В.Ф. Коток, А.Е. Лунёв, Г.И. Петров, С.С. Студеникин, И.П. Трайнин, Е.В. Шорина, Ц.А. Ямпольская и др.

Идея государственного управления твердо укоренилась в трудах советских ученых-административистов. Большинство исследователей предмет науки административного права раскрывали через совокупность общественных отношений, возникающих в связи и по поводу осуществления

3 См.: *Ратнер Л.И., Тадевосян В.С.* Институт государства и права Академии наук СССР за 50 лет. М., 1976. С. 44.

4 В 1931 г. Е.Б. Пашуканис был назначен ответственным редактором журнала «Советское государство и революция права» (с 1932 г. – «Советское государство») (см.: *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 11. DOI: 10.31857/S013207690008680-0; *Кроткова Н.В.* Журналу «Государство и право» – 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 12).

5 *Берцинский С.* К вопросу о методологии советского управления // Сов. государство и революция права. 1930. № 10. С. 22–40.

6 См.: *Коноплева Л.Л.* Развитие российского административного права // Вестник Уральского ун-та экономики и права. 2016. № 2 (35). С. 49–53.

7 См., напр.: *Елистратов А.И.* Административное право. М.; Л., 1929; *Евтихиев А.Ф.* Основы советского административного права. Харьков, 1925; *Кабалевский В.* Очерки советского административного права. Харьков, 1924.

8 См.: Г.М. Кржижановский посвятил себя трудам в области управления энергетикой страны, один из основателей плана ГОЭЛРО. По заданию В.И. Ленина в 1920 г. написал работу «Основные задачи электрификации России».

9 См., напр.: *Крупская Н.К.* Народное образование и демократия. Пг., 1919.

10 В.В. Куйбышев – сподвижник В.И. Ленина, И.В. Сталина, Г.М. Кржижановского. Стратег в области экономики народного хозяйства. Непосредственно участвовал в составлении народно-хозяйственных планов 1-й и 2-й пятилеток (см., напр.: *Евсеев М.П.* Вопросы социалистической экономики в работах В.В. Куйбышева. Томск, 1967; *Куйбышев В.В.* Итоги и перспективы хозяйственного строительства СССР. М.; Л., 1927; *Его же.* Задачи внутренней торговли и кооперации. М., 1924).

11 См. подр.: *Кобзарь-Фролова М.Н.* Государственное управление: генезис понятия и сути в предмете административного права: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) 26 марта 2021 года / под общ. ред. А.И. Каплунова. СПб., 2021. С. 31–40; *Ее же.* Система органов публичной власти Российской Федерации в условиях новых конституционных реалий // Публичная власть: система, компетенции / под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой. Воронеж, 2021. С. 30–54.

12 См.: *Елистратов А.И.* Указ. соч.; *Лазарев Б.М.* Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988. С. 90–92.

государственного управления[13]. Родоначальниками указанной теории были И.Н. Ананов, С.М. Берцинский, А.Ф. Евтихиев, И.Д. Левин, А.Е. Лунёв, Г.И. Петров, С.С. Студеникин, И.П. Трайнин и др. Многие из них, будучи подвергнутыми гонениям за попытки развивать основы советского административного права, вынуждены были надолго уехать из Москвы и даже на время прекратить заниматься наукой.

С началом Великой Отечественной войны многие из сотрудников Института ушли на фронт. Среди них были и научные сотрудники сектора государственного права – В.Ф. Коток, Е.В. Шорина, Ц.А. Ямпольская. Другие (А.Е. Лунёв[14], В.И. Ремнев), оставаясь в тылу, продолжали развивать науку.

Е.В. Шорина в годы войны служила секретарем Военного трибунала Западного фронта 250-й, затем 194-й стрелковых дивизий. С 1943 г. и до окончания войны лейтенант юстиции Е.В. Шорина находилась на службе в военной прокуратуре в должности следователя. Награждена орденом Отечественной войны II степени и восемью медалями, среди которых особенно выделяется медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Ц.А. Ямпольская с началом войны переходит на практическую работу. В период с сентября 1941 г. по ноябрь 1942 г. – прокурор отдела общего надзора Прокуратуры Казахской ССР, а с ноября 1942 г. по сентябрь 1943 г. – консультант правового отдела Совнаркома РСФСР.

М.И. Пискотин более трех лет был командиром минометной роты, демобилизовался после тяжелого ранения в 1944 г. Награжден орденами «Красной Звезды», Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Ю.А. Розенбаум ушел добровольцем на фронт со школьной скамьи. Прошёл всю войну, прослужив в 17-й Воздушной армии до 1948 г. Награждён орденом Отечественной войны II степени и восемью медалями. Его имя высечено в музейном комплексе военно-патриотического парка «Патриот» в г. Москве.

Государственными наградами СССР за доблесть и службу в годы Великой Отечественной войны были награждены В.Ф. Коток (медали «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и др.); А.Е. Лунёв (орден «Красной Звезды»); В.И. Ремнев («За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).

С.С. Студеникин был мобилизован в Красную Армию 12 июля 1941 г. и состоял на службе в Военно-юридической академии Красной Армии. В годы войны он продолжал заниматься научной работой. В самый разгар военных событий, в 1942 г., С.С. Студеникин выпустил монографию «Советское военно-административное право». До начала войны, в 1940 г., в Институте права АН СССР им была защищена диссертация на тему «Основные принципы советского административного права», которая признана научным сообществом первой в СССР кандидатской диссертацией по административному праву[15]. В ней впервые в юридической науке была выделена и научно охарактеризована система принципов советского административного права, таких как участие трудящихся масс в государственном управлении, равноправие национальностей, демократический централизм, социалистическое государственное планирование, социалистическая законность.

В военные годы защитили кандидатские диссертации А.Е. Лунёв[16], В.Ф. Коток[17], Ц.А. Ямпольская[18].

Лишь в послевоенный период, начиная с 1946 г., группа советских ученых (А.Ф. Евтихиев, А.И. Елистратов, И.Н. Ананов, И.Д. Левин, А.Е. Лунёв, Г.И. Петров, С.С. Студеникин, И.П. Трайнин, Ц.А. Ямпольская) начинает активную работу по развитию советского административного права и выпускает в свет первые монографии и учебную литературу.

В июне 1949 г. С.С. Студеникин защитил докторскую диссертацию на тему «Советская административно-правовая норма и ее применение». В ней ученый обосновывает понятие государственного управления и его связь с административным правом, виды форм управления, выделяет специфику административно-правовых норм, в т.ч. административно-процессуальных норм. Выводы С.С. Студеникина актуальны и ныне для

[13] См., напр.: *Козлов Ю.М.* Административное право. М., 2005. С. 51.

[14] А.Е. Лунёв с 1945 г. – член советской стороны Международного трибунала в Нюрнберге.

[15] См.: *Ямпольская Ц.А.* Семен Севастьянович Студеникин (1905–1957) // Правоведение. 1979. № 4. С. 47–51. По разным архивным данным, С.С. Студеникин в довоенные годы был аспирантом Института. На постоянную работу пришел в Институт только в 1954 г., будучи уже д-ром юрид. наук (см.: *Ратнер Л.И., Тадевосян В.С.* Указ. соч. С. 56).

[16] См.: *Лунёв А.Е.* Комплектование вооруженных сил (1941).

[17] См.: *Коток В.Ф.* Понятие акта советского государственного управления (1943).

[18] См.: *Ямпольская Ц.А.* К вопросу о законности в советском государственном управлении (1944).

исследователей проблем административного права и административного процесса.

В 1952 г. Е.В. Шорина под научным руководством В.Ф. Котока успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Функция Советского государства по охране социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра». В апреле 1958 г. в ученом совете Института права им. А.Я. Вышинского АН СССР Ц.А. Ямпольская защитила докторскую диссертацию на тему «Субъекты советского административного права». В 1962 г. под руководством И.И. Евтихиева в МГУ им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на тему «Государственное управление советской торговлей» защитил Б.М. Лазарев. В кадровой службе Института государства и права РАН до сих пор сохранился диплом кандидата наук № МЮР 000163 за 1962 г.

В 1956 г. А.Е. Лунёв, который с 1955 г. служил старшим советником юстиции при Правительстве КНР, защитил докторскую диссертацию на тему «Правовое положение органов государственного управления Китайской Народной Республики».

В.Ф. Коток проводил большую работу по пропаганде идей советского конституционного права за рубежом. В 1964 г. на английском языке издана его книга «Советская представительная система». В течение 1960–1963 гг. на английском, французском и испанском языках была опубликована монография «Основы советского права», где он участвовал в качестве соавтора.

В 1965 г. В.Ф. Коток защитил диссертацию на соискание ученой степени д-ра юрид. наук на тему «Проблемы развития непосредственной демократии в Советском государстве», в которой были глубоко разработаны вопросы прямого народовластия и его сочетания с народным представительством.

В Институте и в секторе активно велась работа по подготовке молодых специалистов в области административного права. Только под руководством В.Ф. Котока защитили кандидатские диссертации свыше 60 человек, многие из которых впоследствии стали известными учеными. Среди учеников В.Ф. Котока были Б.Н. Топорнин[19], Ю.А. Тихомиров[20], М.Х. Хакимов, С.П. Моргунский, Ф.Э. Давудов, С.Е. Макогон, Е.В. Шорина и др.

Название сектора неоднократно менялось вместе с теми преобразованиями, которые происходили в стране, но неизменным оставалось служение государству и науке. Так, сектор носил название государственного права и социалистического строительства. С января 1948 г. сектором руководил В.Ф. Коток. В 1950 г. сектор был переименован в сектор государственного права СССР и стран народной демократии. С июля 1954 г. В.Ф. Коток одновременно замещал должности врио зав. сектором государственного права СССР и стран народной демократии и зав. сектором конституционных проблем Института государства и права АН СССР.

В связи с выходом постановления Президиума АН СССР от 27 мая 1960 г. № 591 Институт права им. А.Я. Вышинского был реорганизован в Институт государства и права[21]. В Институте складываются новые направления научных исследований, отражающие вопросы укрепления советской демократии, форм и методов участия народа в руководстве государством и обществом и др., что определило образование новых секторов. С июня 1960 г. сектор носил название государственного управления и социалистического строительства. Важным направлением научных исследований сектора стали вопросы совершенствования социалистической законности и правопорядка, охраны прав и законных интересов граждан, проблемы развития государственного аппарата, научных основ государственного управления. Руководил сектором канд. юрид. наук М.И. Пискотин. С 1964 г. сектор переименован в сектор советского строительства и проблем совершенствования государственного аппарата, а в 1967 г. – в сектор теории государственного управления и правовых проблем научно-технического прогресса. В 1969 г. М.И. Пискотин защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы советского бюджетного права». Руководил сектором вплоть до назначения его главным редактором журнала «Советское государство и право»[22] (1978–1987)[23].

В 1968 г. Ц.А. Ямпольская назначается на должность зав. сектором общественных организаций.

В 60-е годы в сектор приходят талантливые ученые: В.Г. Вишняков, Б.М. Лазарев, А.Е. Лунёв, В.И. Ремнев, Ю.А. Розенбаум и др.

Результатом плодотворного труда коллектива сектора стал выход ряда монографий: «Правовые проблемы науки управления» (1966); «Научные основы государственного управления в СССР» (1968); «Народный контроль в СССР» (1968); «Организация работы министерств в условиях экономической реформы» (1972) и др. Учеными сектора

[19] В 1989–2004 гг. – директор Института государства и права Российской академии наук.

[20] До 1985 г. занимал должность заместителя директора Института государства и права АН СССР.

[21] См.: Архив РАН. Фонд. 1934. Ф. 2. Оп. 6. Д. 324. Л. 291.

[22] Ныне – «Государство и право» Российской академии наук.

[23] См.: *Кроткова Н.В.* Указ. соч. С. 18, 19.

опубликованы такие работы, как «Право жалобы в СССР» (В.И. Ремнев, 1964); «Управление народным образованием в СССР» (Г.А. Дорохова, 1965); «Двойное подчинение органов управления народным хозяйством» (В.Г. Вишняков, 1967); «Демократизм советского государственного управления» (А.Е. Лунёв, 1967) и др. Ю.А. Розенбаум впервые в юридической науке разработал и обосновал правовую концепцию взаимоотношений государства, церкви и религиозных организаций, издав при этом множество работ, среди которых монография «Советское государство и церковь» (1985).

В 1972 г. сектор переименовывается в сектор государственного управления и правовых проблем научно-технического прогресса. В апреле 1975 г. в ходе реорганизации структуры Института сектор получил новое название – сектор административного права и правовых проблем АСУ. Заведующим сектором был назначен Б.М. Лазарев. М.И. Пискотин возглавил сектор теории государственного управления. Сектор административного права и правовых проблем АСУ собрал лучших административистов страны. В нем служили науке и государству А.Е. Лунёв, В.И. Ремнев, Е.В. Шорина, Г.А. Дорохова, И.Л. Бачило, Л.А. Сергиенко, позже к ним присоединились Н.Г. Салищева, М.М. Филь, Н.Ю. Хаманева. По инициативе заместителя директора Института Ю.А. Тихомирова функционировала группа по правовым вопросам АСУ.

Б.М. Лазарев пришел в Институт государства и права АН СССР в 1960 г. В Институте имеется его личное заявление о назначении на должность младшего научного сотрудника и приказ о назначении зав. сектором и руководителем Центра публичного права (1991). Наиболее значимым достижением ученого, составившим ему имя и признание в науке, стала монография «Компетенция органов управления» (1972), где он развил и теоретически обосновал вопросы статуса органа государственного управления, его структурных элементов, в т.ч. ответственности государства, органов и должностных лиц за принимаемые ими решения. Эта работа во многом определила развитие науки административного права и не потеряла своей актуальности до настоящего времени. В 1974 г. Б.М. Лазарев успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Теоретические вопросы компетенции органов советского государственного управления».

В 1978 г. Е.В. Шорина защитила докторскую диссертацию на тему «Теоретические проблемы контроля за деятельностью органов государственного управления в СССР». Научным консультантом выступил Б.М. Лазарев.

В период 1996–1998 гг. сектор административного права возглавляла д-р юрид. наук, проф. И.Л. Бачило[24]. Ею было инициировано создание в составе сектора административного права группы по правовым проблемам автоматизированных систем управления, которая переросла в самостоятельное научное подразделение Института – сектор информационного права. И.Л. Бачило стала руководителем нового сектора, а сектор административного права возглавила д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Хаманева[25]. Именно Н.Ю. Хаманевой было инициировано проведение ежегодных научных конференций в честь Б.М. Лазарева – «Лазаревские чтения».

Наука административного процесса получила свое дальнейшее глубокое развитие с приходом в сектор Н.Г. Салищевой. Ведущий российский ученый-административист, одна из основоположников концепции административного судопроизводства в России, соавтор проекта федерального конституционного закона «Об административном судопроизводстве» (Общая часть). При ее непосредственном участии был разработан Кодекс административного судопроизводства РФ.

В 1997 г. по инициативе директора ИГП РАН Б.Н. Топорнина с участием Г.А. Тосуняна создано первое специализированное научно-исследовательское подразделение по изучению проблем банковского права – сектор финансового и банковского права. Руководителем сектора стал Г.А. Тосунян. С ноября 2019 г. – академик РАН. До настоящего времени Г.А. Тосунян – член Ученого и диссертационного советов ИГП РАН.

В 2013 г. сектор возглавил д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ С.В. Запольский. В 2014 г. сектор получил новое наименование – сектор административного и бюджетного права. С.В. Запольским были возобновлены «Лазаревские чтения» – научно-практическая конференция по актуальным проблемам административного права и административного процесса, посвященная памяти проф. Б.М. Лазарева. С 2014 г. ежегодно проходят «Пискотинские чтения» – научно-практическая конференция по актуальным проблемам бюджетного, налогового, банковского права, посвященная памяти проф. М.И. Пискотина.

За период работы сектора административного и бюджетного права (2014–2018) в нем подготовлены и успешно защищены докторские

[24] См. подр.: *Кроткова Н.В.* Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ И.Л. Бачило // Государство и право. 2012. № 1. С. 86–88.

[25] С января 2001 г. также заместитель директора Института государства и права РАН по научной работе.

диссертации Х.В. Пешковой, Е.А. Бочкаревой, Г.Г. Пиликиным, Е.Л. Васяниной. Эти и другие ученые, прошедшие школу ИГП РАН, ныне возглавляют правовые кафедры в российских высших учебных заведениях.

В 2018 г. в результате реорганизации структуры научных подразделений Института сектор был преобразован в сектор административного права и административного процесса. Ряды ведущих научных сотрудников сектора пополнили видные ученые-административисты – д-ра юрид. наук М.Н. Кобзарь-Фролова (с 2019 г. – зав. сектором) и В.М. Редкоус, канд. юрид. наук, доц. И.В. Глазунова, с 2019 г. – д-р юрид. наук, проф. Т.В. Щукина

М.Н. Кобзарь-Фролова – деликтолог, основоположник теории налоговой деликтологии. Защита докторской диссертации на тему «Теоретико-правовые и прикладные основы налоговой деликтологии» состоялась в 2011 г. в Российской таможенной академии. Ею опубликовано более 250 научных работ, в т.ч. 10 монографий, 14 учебников, три учебных пособия, публикации в журналах, индексируемых в международной системе Scopus и Web of Science.

В.М. Редкоус – специалист в области обеспечения безопасности. Тема его докторской диссертации – «Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах – участниках Содружества Независимых Государств». Защита состоялась в 2011 г. в Российском университете дружбы народов.

Т.В. Щукина – специалист по вопросам организации государственной службы. Докторская диссертация на тему «Кадровая политика в системе государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации: концептуальные подходы и административно-правовое регулирование» защищена в 2011 г. в Воронежском государственном университете. Научный консультант – д-р юрид. наук, проф. Ю.Н. Старилов.

С 1999 г. в секторе плодотворно трудится д-р юрид. наук, проф. А.А. Гришковец, признанный научным сообществом специалист по проблемам государственной службы. Докторская диссертация на тему «Проблемы правового регулирования и организации государственной гражданской службы в Российской Федерации» защищена им в 2004 г. А.А. Гришковец – активный сторонник чистоты фундаментальной академической науки. Его труды отличаются основательным подходом к раскрытию темы, широкой дискуссией, достоверным цитированием.

Л.Н. Сморчкова – д-р юрид. наук, доц., специалист в области военного дела. Сферу научных интересов ученого составляют вопросы методологии правового регулирования общественных отношений, складывающихся в экономической сфере, в т.ч. в области государственного управления публичным имуществом. Активный участник научных и научно-практических конференций, член междисциплинарного Центра правовых исследований в области обороны и оборонно-промышленного комплекса, действительный член Академии военных наук, автор более 120 публикаций по военному и административному праву.

И.В. Глазунова – канд. юрид. наук, доц., специалист в области таможенного дела и таможенных правоотношений.

Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 18 июля 2019 г. № 674/нк на базе Института государства и права РАН образован диссертационный совет Д 002.002.10 по научным специальностям 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право и 12.00.14 – Административное право; административный процесс, в состав которого вошли все доктора наук сектора.

В 2020 г. в сектор административного права и административного процесса влился сектор финансового, банковского, бюджетного и корпоративного права. Состав сектора пополнился д-ром юрид. наук, доц. Е.В. Васяниной, специалистом в области налогового, финансового, бюджетного права, и научным сотрудником О.В. Новиковым.

Е.В. Васянина защитила докторскую диссертацию на тему «Теоретические основы правового регулирования публичных доходов в Российской Федерации» в 2016 г. в ИГП РАН. Научный консультант – д-р юрид. наук, проф. С.В. Запольский.

* * *

В настоящее время согласно планам фундаментальных научных исследований РАН и научно-исследовательской работы Института сектор осуществляет фундаментальные, поисковые и прикладные научные исследования по концептуальным проблемам административного права, административного процесса и финансового, налогового, бюджетного права.

В текущий период приоритетным направлением работы сектора является определение основных направлений развития доктрины административного и административно-процессуального права, форм и методов государственного регулирования отношений в социально-экономической сфере Российской Федерации. Не менее интенсивно ведется исследование в области правовых основ

финансового рынка России в условиях турбулентности мировой экономики. В этой связи весьма плодотворным является сотрудничество научных сотрудников сектора с Московским государственным юридическим университетом им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Российским государственным университетом правосудия (РГУП), Санкт-Петербургским университетом МВД России, Нижегородским университетом им. Н.И. Лобачевского и другими ведущими вузами страны. В научных мероприятиях сектора принимают участие врио первого заместителя директора Института, д-р юрид. наук, проф. Е.В. Виноградова, врио заместителя директора Института по научной работе, д-р юрид. наук Н.В. Летова; научные сотрудники и ведущие специалисты Института: д-ра юрид. наук, проф. Ю.Л. Шульженко, Т.А. Полякова, С.Н. Бабурин; канд. юрид. наук В.Н. Плигин и др., а также ученые из сторонних организаций[26].

Сотрудники сектора участвуют в работе по реформированию административно-деликтного законодательства, а также законодательства, регулирующего контрольную и надзорную деятельности государственной администрации. М.Н. Кобзарь-Фролова, А.А. Гришковец, В.М. Редкоус, Л.Н. Сморчкова – члены экспертных подгрупп межведомственной рабочей группы Правительства РФ по разработке проекта нового КоАП РФ. Сотрудники сектора являются также участниками рабочих групп комитетов Государственной Думы и Совета Федерации, в т.ч. по совершенствованию концепции развития административного законодательства и подготовке конкретных законопроектов.

За свою 85-летнюю историю сектор дал стране и науке немало заслуженных юристов и деятелей науки. Это – заслуженные деятели науки РСФСР В.Ф. Коток, Б.М. Лазарев, Ц.А. Ямпольская; заслуженные деятели науки РФ М.И. Пискотин, Г.А. Тосунян; заслуженные юристы РСФСР В.И. Ремнев, Ю.А. Розенбаум, Е.В. Шорина; заслуженные юристы РФ И.Л. Бачило, С.В. Запольский, Н.Г. Салищева, Н.Ю. Хаманева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берцинский С.* К вопросу о методологии советского управления // Сов. государство и революция права. 1930. № 10. С. 22–40.
2. Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2021.
3. *Евсеев М.П.* Вопросы социалистической экономики в работах В.В. Куйбышева. Томск, 1967.
4. *Евтихиев А.Ф.* Основы советского административного права. Харьков, 1925.
5. *Елистратов А.И.* Административное право. М.; Л., 1929.
6. *Кабалевский В.* Очерки советского административного права. Харьков, 1924.
7. *Кобзарь-Фролова М.Н.* Государственное управление: генезис понятия и сути в предмете административного права: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) 26 марта 2021 года / под общ. ред. А.И. Каплунова. СПб., 2021. С. 31–40.
8. *Кобзарь-Фролова М.Н.* Система органов публичной власти Российской Федерации в условиях новых конституционных реалий // Публичная власть: система, компетенции / под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой. Воронеж, 2021. С. 30–54.
9. *Козлов Ю.М.* Административное право. М., 2005. С. 51.
10. *Коноплева Л.Л.* Развитие российского административного права // Вестник Уральского ун-та экономики и права. 2016. № 2 (35). С. 49–53.
11. *Кржижановский Г.М.* Основные задачи электрификации России. М., 1920.
12. *Кроткова Н.В.* Журналу «Государство и право» – 85 лет // Государство и право. 2012. № 4. С. 12, 18, 19.
13. *Кроткова Н.В.* Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ И.Л. Бачило // Государство и право. 2012. № 1. С. 86–88.
14. *Крупская Н.К.* Народное образование и демократия. Пг., 1919.
15. *Куйбышев В.В.* Задачи внутренней торговли и кооперации. М., 1924.
16. *Куйбышев В.В.* Итоги и перспективы хозяйственного строительства СССР. М.; Л., 1927.
17. *Лазарев Б.М.* Государственное управление на этапе перестройки. М., 1988. С. 90–92.
18. *Ратнер Л.И., Тадевосян В.С.* Институт государства и права Академии наук СССР за 50 лет. М., 1976. С. 44, 56.
19. *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 11. DOI: 10.31857/S013207690008680-0
20. *Ямпольская Ц.А.* Семен Севастьянович Студеникин (1905–1957) // Правоведение. 1979. № 4. С. 47–51.

[26] Так, в июле 2021 г. с участием канд. юрид. наук В.Н. Галузо состоялось обсуждение монографии о доказывании при правоприменении в Российской Федерации (см.: Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2021).

REFERENCES

1. *Bertsinsky S.* On the question of the methodology of Soviet management // Soviet State and the revolution of law. 1930. No. 10. P. 22–40 (in Russ.).
2. Proof in law enforcement through justice in the Russian Federation. 5th ed., rev. and add. / ed. by V.N. Galuzo. M., 2021 (in Russ.).
3. *Evseev M.P.* Issues of Socialist economy in the works of V.V. Kuibyshev. Tomsk, 1967 (in Russ.).
4. *Evtikhiev A.F.* Fundamentals of Soviet Administrative Law. Kharkov, 1925 (in Russ.).
5. *Elistratov A.I.* Administrative Law. M.; L., 1929 (in Russ.).
6. *Kabalevsky V.* Essays of Soviet Administrative Law. Kharkov, 1924 (in Russ.).
7. *Kobzar-Frolova M.N.* Public administration: the Genesis of the concept and essence of the subject of Administrative Law: collection of articles on materials of the International scientific practical Conf. (Sorokin read) 26 Mar 2021 / under the General editorship of A.I. Kaplunov. SPb., 2021. P. 31–40 (in Russ.).
8. *Kobzar-Frolova M.N.* The system of public authorities of the Russian Federation in the context of the new constitutional reality // The Public sector: the system of competence, under the General editorship of M.N. Kobzar-Frolova. Voronezh, 2021. P. 30–54 (in Russ.).
9. *Kozlov Yu. M.* Administrative Law. M., 2005. P. 51 (in Russ.).
10. *Konopleva L.L.* Development of Russian Administrative Law // Herald of the Ural University of Economics and Law. 2016. No. 2 (35). P. 49–53 (in Russ.).
11. *Krzhizhanovsky G.M.* The main tasks of electrification of Russia. M., 1920 (in Russ.).
12. *Krotkova N.V.* Journal "State and Law" – 85 years old // State and Law. 2012. No. 4. P. 12, 18, 19 (in Russ.).
13. *Krotkova N.V.* Interview with Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation I.L. Bachilo // State and Law. 2012. No. 1. P. 86–88 (in Russ.).
14. *Krupskaya N.K.* Public education and democracy. Pg., 1919 (in Russ.).
15. *Kuibyshev V.V.* Tasks of internal trade and cooperation. M., 1924 (in Russ.).
16. *Kuibyshev V.V.* Results and prospects of economic development in the Soviet Union. M.; L., 1927 (in Russ.).
17. *Lazarev B.M.* Public administration at the stage of adjustment. M., 1988. P. 90–92 (in Russ.).
18. *Ratner L.I., Tadevosyan V.S.* Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR for 50 years. M., 1976. P. 44, 56 (in Russ.).
19. *Savenkov A.N.* State. Law. Institute: 95 years of history in persons // State and Law. 2020. No. 3. P. 11. DOI: 10.31857/S013207690008680-0 (in Russ.).
20. *Yampolskaya Ts. A.* Simon Sevastyanovich Studenikin (1905–1957) // Jurisprudence. 1979. No. 4. P. 47–51 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна – доктор юридических наук, профессор, заведующая сектором административного права и административного процесса, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOBZAR-FROLOVA Margarita N. – Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Administrative Law and administrative process, chief researcher of the Sector of Administrative Law and administrative process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 86–96
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 86–96

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ПРИНЦИПЫ ПРАВА В СТРУКТУРЕ ПРАВОВЫХ РЕГУЛЯТОРОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ДИСКУРСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

© 2021 г. В. И. Червонюк

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.03.2021 г.

Аннотация. Для юриспруденции (доктрины и практики) фундаментальный вопрос природы принципов права – это одновременно и вопрос о нормативном (специально-юридическом) составе права, структуре его нормативных «веществ», или наборе правовых регуляторов. С позиции господствующих взглядов правовыми регуляторами a priori признаются нормы права, или позитивированные в законодательстве юридические правила. На этой, остающейся непоколебимой, парадигме основывается оценка механизма правообразования, сформировалось устойчивое отношение к пониманию форм (источников) права, практике принятия правоприменительных решений в ситуациях пробельности законодательства, а равно обнаруживающихся дефектов в правовом регулировании, необходимости квалификации действительности (конституционности) применяемых норм права. Укоренившееся в отечественном правоведении понимание принципов права в качестве правовых идей» или более «общих норм», притом, что последние не презюмируются в качестве правового основания принятия индивидуально-правовых решений при разрешении конкретных дел, безнадежно устарело и не соответствует потребностям развивающейся практики. Смена парадигмы относительно понимания структуры и состава регуляторов права объективно требует решения вопроса принципиальной важности, своего рода sui generis, ответ на который пытались дать столпы философии и теории права (Л.А. Харт, Р. Дворкин, М. ван Хук, Р. Алекси и др.): состоит ли право только из норм или же они есть часть этого целого; всегда ли нормы права воспринимаются правоприменительными органами, прежде всего судами, в качестве единственного правового основания, притом что норма, подлежащая применению, либо отсутствует, либо отличается правовой неопределенностью, противоречивостью, т.е. является недействительной.

Ключевые слова: традиционные подходы понимания принципов права, «принципы-идеи», «принципы-нормы», недействительность норм права.

Цитирование: *Червонюк В.И.* Принципы права в структуре правовых регуляторов: методологические подходы к пониманию принципов права в дискурсе отечественной юриспруденции // Государство и право. 2021. № 10. С. 86–96.

DOI: 10.31857/S102694520017265-2

PRINCIPLES OF LAW IN THE STRUCTURE OF LEGAL REGULATORS: METHODOLOGICAL APPROACHES TO UNDERSTANDING THE PRINCIPLES OF LAW IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN JURISPRUDENCE

© 2021 V. I. Chervonyuk

Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru

Received 29.03.2021

Abstract. For jurisprudence (doctrine and practice), the fundamental question of the principles of the nature of law is at the same time the question of the normative (special-legal) composition of law, the structure of its normative "substances" or a set of legal regulators. From the position of dominant views, legal regulators a priori recognize norms, or legal rules that are positive in legislation. This paradigm, which remains unshakable, is the basis of the assessment mechanism, the formed stable attitude to understanding the forms (sources) of law, the practice of making law enforcement decisions in situations of lack of legislation, as well as emerging defects in legal regulation, the need (validity) of the applicable norms. Rooted in Russian jurisprudence understanding of the principles of law as legal ideas" or more "general norms", while the latter are not presumed as a legal basis for making individual legal decisions in resolving specific cases, is hopelessly outdated and does not correspond to the needs of developing practice. A paradigm change regarding understanding the structure and composition of regulators of law objectively requires a solution to an issue of fundamental importance, a kind of sui generis, the answer to which the pillars of philosophy and theory of law tried to answer (L.A. Hart, R. Dvorkin, M. van Hook, R. Alexi, etc.): whether the law consists only of norms or are they a part of this whole; whether the norms of law are always perceived by law enforcement authorities, primarily by the courts, as the only legal basis, given that the norm to be applied is either absent, or differs in legal uncertainty, inconsistency, that is, is invalid.

Key words: traditional approaches to understanding the principles of law, "principles-ideas", "principles-norms", invalidity of legal norms.

For citation: *Chervonyuk, V.I. (2021).* Principles of law in the structure of legal regulators: methodological approaches to understanding the principles of law in the discourse of Russian jurisprudence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 86–96.

Постановка проблемы

Отечественное правоведение, причем как общая теория права, так и отраслевые юридические науки, всегда испытывало определенный интерес к осмыслению проблемы принципов права. Российская правовая система, считая себя принадлежностью континентальной семьи права, не могла отказываться от ее титульных признаков, среди которых – признание того непреложного факта, что право не создается исключительно волей законодателя, существуют и иные источники правообразования. При этом, конечно, господствовавшая в западной правовой мысли методология позитивизма, ощутимое влияние которой в отечественном правоведении по-прежнему имеет значительные проявления, способствовала абсолютизации нормотворческой деятельности государства как доминанты правообразования. Философии и идеологии ортодоксального позитивизма соответствовал и утвердившийся в общественном сознании и в практике тип правопонимания, в соответствии с которым право воспринималось исключительно как система или совокупность норм права (нормоустановлений); принципы стали рассматриваться «как нечто выведенное из норм, а не наоборот» (В.А. Туманов). Из укоренившейся конструкции правопонимания принципы права не устранялись, однако им придавалось преимущественно «техническое» значение – выступать в национальной правовой системе и в отдельных ее сегментах своего рода «собирателем» разрозненных норм права, сигнализировать законодателю о существующих в этой системе пробелах в законодательстве. Притом что все без исключения правовые системы этих стран на случай восполнения пробелов в праве предусматривали аналогию права, ее использование считалось неким исключением из общих правил: долгое время суды либо редко прибегали к применению права по аналогии, либо вообще не пользовались этим инструментом.

Не поддающийся оценкам масштаб профицита расходуемой правовой энергии, устоявшиеся стереотипы в доктрине, законодательной политике и правоприменительной практике не способствуют использованию потенциала (силы) права в соответствии с его действительным предназначением. Практика экстенсивного расходования правовой энергии, не поддающаяся исчислению избыточность правового (государственного) регулирования с неизбежностью ведут к нагромождению законодательных массивов, образованию в правовом пространстве «законодательных завалов». Понятно, что оптимизация правового регулирования в этой ситуации неминуемо связана с использованием механизмов регуляторной гильотины. Однако технологии «хирургического» вмешательства как одно из возможных средств усовершенствования механизма действия права применимы в ограниченно определенных сферах и в строго дозированной пропорции[1]. Абсолютизация этого, может быть, необходимого и одного из значимых инструментов дерегулирования

[1] См.: *Червонюк В.И.* Инновационные юридические технологии // Юридическая техника. Ежегодный вып. 2021. № 15. С. 273–293; *Его же.* Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности. Статья 5. Современные технологии законодательствования (законодательные технологии). Часть II // Вестник Московского ун-та МВД России. 2021. № 2. С. 45–51.

в иной ситуации способна вызвать в правовой среде эффект, подобный действию бумеранга. В этом случае объективно присущие праву свойства эффективного социального регулятора, рациональности и точности упорядочивающего (цивилизующего) воздействия будут востребованы разве что на локальных участках правового пространства, девальвируя вместе с этим и общесоциальную ценность права.

Искусственно наращиваемый динамизм законодательствования, нередко сопровождающийся принятием законов ad coh, устойчиво обозначившийся тренд мультипликации актов вторичного законодательства, введение в правовую систему законов с очевидными первоначальными пробелами, своеобразно интерпретируемая в сфере нормотворчества дискреция законодателя, в т.ч. в вопросе криминализации актов социально-правового поведения, усиливают уровень энтропии в правовой сфере, не способствуют устойчивости и предсказуемости устанавливаемых порядков, сохранению баланса в структуре интересов разных социальных групп, баланса интересов частных и публичных, негативно сказываются на состоянии правовой урегулированности, а равно поддержании режима конституционности в различных областях общественной и государственной жизни, реализуемости (действенности) прав и свобод человека и гражданина.

Необходимость адаптации права к непростым условиям нынешнего этапа экономического и социально-правового развития настоятельно диктует использование в механизме его (права) действия качественно иных регуляторов, при этом не ослабляя значения традиционных средств правового регулирования[2].

Значимость активации высокоэффективных правовых регуляторов в национальной правовой системе предопределена остро заявляющей о себе потребностью дифференциации методов регулирующего воздействия, прежде всего в экономике, одновременно нуждающейся в расширении экономической свободы и создании эффективных механизмов противодействия неправовым формам предпринимательской и иной экономической деятельности, применении вариативных и более всего отвечающих интересам общества и государства методов регуляции в сфере налогообложения, равно как и в иных областях регулирования (миграционные процессы, сфера социального обеспечения, гражданского оборота в целом). Эти обстоятельства, а также возросшая правовая чувствительность граждан к неконституционным действиям и решениям публичных властей, к качеству (социально-гуманитарной составляющей) законодательства, его соответствию конституционно определенным целям и общественным ожиданиям настоятельно требуют использования государственной властью *инновационных средств регулирования*, и в этой связи переоценки роли принципов права в структурной организации права, а вместе с этим – обоснования действенных правовых регуляторов в новых, временами радикально изменяющихся условиях XXI в. При этом не только в сфере межгосударственных отношений, но и во внутригосударственной жизни – в сфере гражданского оборота и в публично-правовых отношениях – очевиден запрос на использование отличающегося высокой точностью, лабильностью и социальной нуждаемостью инновационного инструментария, включая широкое применение возможностей регулирующего воздействия позитивно воспринимаемого так называемого «мягкого» права. В этой связи необходимость рационального использования в механизме действия права принципов права, всего арсенала так называемых общих (исходных) средств правового воздействия (целей, ценностей, традиций, стандартов права, конституционных понятий, конструкций и др.) приобретает особое значение.

Актуальность обращения к переосмыслению роли принципов права предопределена и теми изменениями, которые происходят в соционормативной системе регуляции, прежде всего вызванными широким проникновением в сферу действия права неюридических регуляторов. И если даже критично отнестись к утверждению компетентного специалиста о том, что «происходит стирание жестких граней между правом и другими социальными нормами-регуляторами»[3], то все равно и в этом случае, имея в виду системный эффект социального регулирования, запрос на использование высокоточных и социально востребуемых правовых регуляторов не устраняется, при том, что в качественно изменяющейся среде (в т.ч. и формирующейся т.н. «бесконтактной социальной среде», с присущими ей «невидимыми» участниками интеракций) традиционные средства правовой регуляции не способны обеспечить достижение заданных целей. В этих условиях интенсификация законодательной деятельности, как

[2] Очевидно, в нормативной структуре права должна быть некая мера (баланс общих и конкретных предписаний, поскольку, как утверждает Марк ван Хук, «чем больше норм содержит право, тем выше риск того, что некоторым из них не будут следовать» (см.: *Хук М. ван* Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб., 2012. С. 109). Следовательно, нормы права только «в союзе» с принципами, иными общими регуляторами приобретает «полную нормативную силу».

[3] *Тихомиров Ю.А.* Новые векторы регулирования – «другое» право? // Журнал росс. права. 2016. № 4. С. 5–15.

следствие этого – наращивание законодательства, с неизбежностью ведет к правовой избыточности, способствует не усилению, а ослаблению управляемости социальными процессами, в конечном счете порождает девальвацию правового инструментария. Возникает иллюзия старения и даже ненужности классических средств правового регулирования, что прежде всего обращено в адрес закона, притом что презюмируется востребованность применения квазиюридических регуляторов – методик, директив, концепций и др. (нередко неточно именуемых принятым в современном (не только международном) праве термином «мягкое право»).

Господствующие (традиционные) подходы к пониманию принципов права в отечественном правоведении: «принципы-идеи» и «принципы-нормы»

К проблеме принципов права сложилось благоприятное отношение уже в период, предшествующий современному этапу развития отечественной юриспруденции. Не только в общей теории права, но и в отраслевой литературе ее анализу посвящены монографические исследования. Несомненно, обращалось внимание на влияние принципов права с точки зрения системного эффекта действия права, его структурной организации. Вместе с тем собственно регулятивное значение принципов права теорией не презюмировалось, на практике значения правового регулятора (правового основания правоприменительного решения) принципы права не приобретали; констатация идеологического воздействия принципов права, скорее всего, отвечала особенностям механизма действия права в тот период. Отмеченный вывод в значительной мере сохраняет свою силу и в новейшее время, хотя, несомненно, обращают на себя внимание и иные коннотации в оценке данного феномена.

Систематика всего многообразия взглядов по вопросу понятия принципов права в отечественной юридической литературе позволяет выделить два наиболее устоявшихся направления, которые обобщенно могут быть выражены в формулах (1) «принципы-идеи» и (2) «принципы-нормы». В специальной литературе эти группы (классы) принципов права позиционируются как существенно отличающиеся друг от друга, притом что сущностное различие между этими «полярными» взглядами все же снимается в том случае, когда следует определить действительное значение принципов права в структуре правовых регуляторов.

Согласно первому из отмеченных направлений, принципы права рассматриваются как «определенное начало, руководящая идея, в соответствии с которой осуществляется правовое регулирование общественных отношений»[4], это «идеи.., содержащиеся в нормах»[5], «исходные, определяющие идеи, положения, установления...» (М.И. Байтин)[6]; «основополагающие идеи, начала, выражающие сущность права» (В.К. Бабаев); «основные руководящие идеи» (А.Ф. Черданцев); «идеи этико-правового характера»[7], «руководящие идеи» (А.Е. Пашерстник); «основные руководящие начала, идеи» (Н.А. Власенко)[8]; «основные, исходные начала, положения, идеи»[9], «руководящие идеи гражданско-правового регулирования»[10]; «основные, исходные начала, положения»[11], «отправные идеи (начала, положения)» (Д.А. Липинский)[12], «основополагающие исходные положения»[13], «основополагающие правовые идеи»[14] и т.д. У автора, подготовившего специальную монографию по данному вопросу, принципы права – это «норма-идея профессионального правового сознания, атрибут правового мышления юриста»[15].

Такой подход в общем соответствует этимологии слова «принцип» и в значительной мере традиционному взгляду на проблему, представленному в философской литературе. В указанном смысле принципы права представлены в виде некоей абстракции, концентрирующей «дух» права, но при

---

[4] Советское гражданское право: учеб. / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1968. Т. 1. С. 24.

«Принцип – это всегда исходное направляющее начало. Применительно к праву – идея» (см.: *Лившиц Р.З.* Теория права: учеб. М., 1994. С. 195).

[5] *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. М., 2010. Т. 6. Восхождение к праву. С. 217.

[6] См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. С. 151.

[7] *Пикалов И.А.* Принципы отечественного уголовного процесса. М., 2012. С. 120, 233.

[8] См.: *Власенко Н.А.* Теория государства и права: учеб. пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. М., 2018. С. 190.

[9] Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.В. Малько. 2-е изд. М., 2021. С. 121.

[10] *Бородянский В.И.* Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 6.

[11] Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. С. 44.

[12] См.: Теория государства и права: учеб. для акад. бакалавриата / В.В. Лазарев, Д.А. Липинский 5-е изд., испр. и доп. М., 2019. С. 127.

[13] *Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А.* Теория государства и права: учеб. для бакалавров. М., 2019. С. 74.

[14] Арбитражный процесс: учеб. для студ. юрид. вузов и ф-тов / под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М., 2020. С. 54.

[15] *Скурко Е.В.* Принципы права. М., 2008. С. 22.

этом лишенные общеобязательности (нормативности), а следовательно, не предназначенные для выполнения функции правового регулятора.

Значение принципов права в рассматриваемом контексте ограничивается методологически ущербной констатацией того, что «принципы права непосредственно не оказывают воздействия на поведение субъектов права (ни регулятивного, ни охранительного)»[16]. Такой упрощенный (методологически несостоятельный) взгляд на фундаментальную проблему современной юриспруденции, по сути, нивелирует ценность принципов права как особенного правового регулятора, использование потенциала которого одновременно свидетельствует о силе права как уникального регулятора внутригосударственного и трансграничного действия. Отмеченный вывод, основанный на познании проблемы, почерпнутой из учебников теории государства и права, выполненных не в самых лучших традициях академической правовой мысли, практически полностью игнорирует новые реалии, в т.ч. возникшую и бурно развивающуюся цифровую и IT-среду – правовую реальность, в которую вовлечены все без исключения носители прав и обязанностей, и регулирование поведения (действий, поступков, деятельности) которых вне цивилизующего воздействия принципов права оказывается невозможным. Впрочем, и в обычных условиях организация поведения и деятельности людей средствами права была бы невозможной вне использования регулятивного (и охранительного) ресурса принципов права. Получается так: то, что уже вошло в практику, что имеет реальное проявление и социальную значимость, доктриной не замечается или оценивается весьма своеобразно (ненаучно).

Принципы – «сквозные и генеральные» идеи права, определяющие общий «дух» и направленность правового регулирования»[17], «служащие основным ориентиром всей правотворческой деятельности, правоприменительной и правоохранительной деятельности государственных органов» (М.Н. Марченко), однако их свойства не сводимы только к этим оценкам. Сущностная погрешность данного подхода заключена в том, что как-то уходят в тень нормативные свойства принципов права; вследствие этого не ясным остается вопрос – о регулятивной силе принципов, их взаимоотношении с иными правовыми регуляторами, прежде всего нормами права; при данном подходе сложно определить источники происхождения, юридическую природу принципов, механизм их действия; проблематично определение общеобязательности принципов права и проч.

Подвергая критике теоретическую конструкцию «принципов-идей», которая воспринята исключительно позитивистски (то, что не позитивировано – не выражено в законодательстве, не является правом) не следует упускать из виду как мировоззренческое, так и инструментальное значение данного класса принципов. Между тем с позиции встроенности в структуру правовых регуляторов данный вид (тип) принципов права, при частом упоминании о нем в отечественной юридической литературе, остался менее всего исследованным и оцененным по достоинству. Упреждая дальнейший анализ, отметим, что т.н. «принципы-идеи», воплощая в себе мировоззренческий потенциал права, представляют собой своего рода «правовые лифты» между правом действующим и иными системами соционормативного регулирования, уяснение их действительной природы, генезиса, механизмов трансформации в правовую систему особенно значимо для оценки регулятивного действия права. Симптоматично, что классу неписаных принципов выдающиеся теоретики и философы права (Р. Дворкин, М. ван Хук, Р. Алекси и др.) придают особый вес. Именно западные исследователи проблемы, обратив внимание на данную разновидность принципов, с присущей им основательностью и ориентацией на действительные запросы практики принялись доказывать их конкретно регулирующее значение и способы встраивания в структуру регуляторов права. По этому же пути со второй половины XX в. стала развиваться и практика в ряде зарубежных государств.

Согласно *второму подходу* принципы права определяются через нормы права (и даже через нормативные правовые предписания). С указанных позиций принципы права «по своей юридической природе и сущности представляют собой нормы права, но, лишь с более общим и принципиальным содержанием»[18]; это «истинные нормы права» (В.М. Баранов); «нормы, которые регулируют вопросы общего свойства» (В.Д. Сорокин); «нормы, обязательные в большей степени, чем другие нормы» (В.В. Баландин, А.А. Павлушина); «принцип – это общая норма»[19]; это «специализированные императивные предельно общие нормы»[20]; есть «особые разновидности правовых

[16] *Бошно С.В.* Теория государства и права: учеб. 3-е изд., перераб. М., 2018. С. 111, 112.

[17] *Вопленко Н.Н.* Сущность, принципы и функции права: учеб. пособие. Волгоград, 1998. С. 34.

[18] *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 386.

[19] *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 661, 662.

[20] *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. С. 47.

норм»[21], «нормы сущностного порядка»[22], «правовые нормы прямого действия»[23]; «разновидность нетипичных нормативно-правовых предписаний»[24] и т.д.

В связи с выделением двух классов принципов права возникает резонный и вполне логичный вопрос: можно ли «принципам-нормам» в отличие от «принципов-идей» придавать юридическое значение в смысле квалификации их в качестве правовых регуляторов. Здесь, как представляется, принципиально важны два обстоятельства методологической значимости: во-первых, из признания «близости» принципов и норм права не следует вывод относительно признания первых, точно так же как и норм права, правовыми основаниями для принятия индивидуально-правового решения при разрешении[25] споров в случае, когда такие нормы отсутствуют или не могут применяться вследствие их несовершенства, правовой неопределенности[26]; во-вторых, несмотря на, казалось бы, существенное различие отмеченных подходов (чаще всего оцениваемых как полярные) в оценке природы принципов права, есть то общее, что роднит их: и в том, и в другом случае принцип права не воспринимается в качестве правового регулятора, равнозначного нормам права, хотя и обладает сущностными различиями (в механизме действия, субъектах применения, способах юридического выражения и др.). «Принципы-нормы» действительно можно рассматривать как то, что имеет обязательное значение, во всяком случае, очевидно большее, чем то, которое характерно для «принципов-идей». Однако это кажущееся отличие с точки зрения регулятивного их эффекта незначительно. Принцип-норма обязывает законодателя выстраивать логичную систему законодательства соответственно иерархии и предметному характеру принципов права. Для правоприменителя и тем более непосредственного адресата права подобный «статус» принципов-норм обязывающего значения не имеет, если только законодательство не конкретизирует в правовых предписаниях данный принцип до такой степени, что он оказывается применимым (например, принцип сокращения безгражданства, конкретизированный в нормах национальных законов о гражданстве, в частности, о признании ребенка, обнаруженного на территории государства, родители которого не известны, гражданином данного государства)[27]. Но такое «усиление» характерно главным образом для специально-юридических принципов права – институтов права, в меньшей степени это касается отраслевых и практически не затрагивает сферу действия общих (общеправовых) принципов права.

Вводя понятие «принципов-норм» в юридическую лексику, его сторонники (как в отечественной, так и в западной юриспруденции) не указывают на то, в чем состоит различие механизмов регулятивного действия «принципов-норм» в сопоставлении с нормами права. Утверждение, подобно тому, что принципы-нормы отличаются своей «устойчивостью, фундаментальностью» (Б. Грефат), не отличается определенностью и не ведет к приросту знаний. В структуре права внутри его (права) отраслевого подразделения нормы права также отличаются такими характеристиками: например, конституционные нормы – от норм иных отраслей, нормы общие – от специальных норм, нормы, содержащиеся в общей части кодифицированного акта,– от норм, представленных в особенной его части, нормы, сконструированные на основе применения абстрактного способа изложения нормативного предписания, – от норм, изложенных казуальным способом, и т.д. Критерий фундаментальности и устойчивости сам по себе оказывается недостаточным для идентификации принципов-норм и, собственно, норм права. Между тем именно этот критерий, в литературе разных времен признается в качестве основания идентичности принципов в сравнении с нормами права. Однако если исходить из обоснованных доктриной закономерностей действия права, то различие норм и принципов права следует усматривать в их природе, механизме, особенностях трансформации в поведение и деятельность. Правовая

[21] *Чернов К.А.* Принцип равенства: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 6.

[22] *Комиссарова Е.Г.* Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Тюмень, 2001. С. 59.

[23] Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. Т. 1. С. 22.

[24] *Смирнов Д.А.* Нетипичные нормативно-правовые предписания в системе трудового права. М., 2015. С. 44.

[25] Отсюда представленное, несомненно, в полезных работах описание титульных признаков принципов права (см., напр.: *Коновалов А.В.* Указ. соч. С. 9–17).

[26] Симптоматично, что даже в компетентной литературе сущностное различие в оценке природы принципов права между отмеченными подходами не усматривается. В понимании Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркина, «норма-принцип в конституциях – это правовое выражение основ, начал, которыми следует руководствоваться» (см.: *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М., 2007. С. 55), притом что алгоритм «руководства» такими «общими началами (основами)» совсем не ясен. Понятно, что такая оценка природы принципов исключает отнесение их к правовым регуляторам наравне с нормами права.

[27] См., напр.: ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22, ст. 2031.

мысль, основывающаяся на традиционной («старой») методологии, этой проблемы не решает.

Таким образом, сущностный аспект проблемы – соотношение принципов и норм права в контексте данных подходов не ставился и не исследовался. По существу, и прежняя литература, и новейшая, за отдельными исключениями, с позиции методологии позитивизма, а равно с позиции иных течений рассматривала и рассматривает принципы права в качестве более общих норм, притом что такие «общие нормы» не применимы, а значит, функцию правового регулятора не реализуют и, соответственно, в качестве формы права не могут выступать. Получается так, что для представителей обоих подходов принцип права – это общий правовой ориентир, система координат для законодателя и правоприменителя, «дорожная карта», но не собственно правовой регулятор, и подобно нормам права он не применяется. Даже в тех работах, в которых очевидно заметно стремление в оценке принципов права отойти от устоявшихся взглядов, тем не менее утверждается, что «одним из важнейших аспектов действия принципов права является определение ими общей направленности, основных преобладающих тенденций правоприменительной практики, которые в конечном счете формируют облик конкретного правопорядка»[28]. Отсюда, оставаясь на почве традиционных подходов, с большой долей сомнения принципы права можно отнести к формам права, в указанном (традиционном) понимании – это «идейный источник права»[29].

Развивающееся законодательство и правоприменительная практика не добавляют новых оттенков в оценке природы принципов права, несколько даже дистанцируясь от самого термина «принципы права». Так, в Уголовном кодексе РФ речь идет не о принципах уголовного права, а о принципах уголовного кодекса, хотя отдельные из них (принцип справедливости, равенства, гуманизма) имеют общее, общеправовое) значение (гл. 1); КоАП РФ также использует понятие «принципы законодательства» (гл. I); в Гражданском кодексе РФ предпочтение отдано «основным началам гражданского законодательства» (ст. 1); Трудовой кодекс РФ содержит указание на принципы правового регулирования трудовых отношений (ст. 2); Налоговый кодекс РФ закрепляет «основные начала законодательства о налогах и сборах» (ст. 3). Наблюдается своеобразное отношение к принципам права правоприменительной практики: суды фактически не обращаются к принципам права как правовому основанию разрешения рассматриваемых ими дел, притом даже в случаях явных пробелов в законодательстве или очевидной недействительности подлежащих применению норм позитивного права[30].

Коннотации в понимании принципов права в отечественном правоведении

В то же время следует обратить внимание и на обнаруживающуюся девиантность устоявшегося тренда, что в особенности касается теоретической юриспруденции. В неослабевающем потоке публикаций по исследуемой проблематике в последние годы все же заметными становятся работы, в которых предпринимаются активные усилия осовременить исследуемый феномен, обратить внимание на иной контекст в интерпретации принципов права. Не обращаясь к тем работам, в которых главный акцент сделан на описании принципов, получивших закрепление в законодательстве (гражданском, гражданско-процессуальном, трудовом, уголовно-процессуальном и др.), выделим явно обозначившиеся в течение двух последних десятилетий работы, позволяющие вести речь о двух направлениях научного поиска. При этом оба эти направления однозначно признают за принципами права регулятивное значение, притом, что положенные в основание таких допущений аргументы существенно разнятся.

Первое из таких направлений охватывает подавляющую часть работ как общетеоретического, так и отраслевого характера, предлагая несколько уточненную версию понимания природы принципов права. Такой подход, в частности, обозначен в фундаментальной коллективной монографии о принципах права[31], в ряде публикаций специалистов разных отраслей права. В цивилистике, к примеру, сделан вывод о том, что «принципы правовые – это явления нормативно-правовой действительности. В этом качестве они – начала права позитивного, выработанные правовой доктриной, оцененные

[28] *Коновалов А.В.* Действие принципов права и их роль в формировании правопорядка // Lex russica. 2018. № 10. С. 9–17.

[29] Попытка уйти от этой идеологемы неизбежно порождает эффект эквифинальности – возвращение к отправной точке. Так, определяя «принципы права как основополагающие правовые идеи», которые «предполагают закрепление в законодательстве в той или иной форме», автор предлагаемого подхода включает в число «специально-юридических принципов» (в его понимании – это «разновидность общеправовых принципов») «следующие универсальные принципы: принцип соответствия позитивного права естественным правам человека.., принцип сочетания стимулов и ограничений» (см.: *Реуф В.М.* Специально-юридические принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004).

[30] Апелляция исследователей к примерам применения принципов права не выглядит убедительной, поскольку в таких случаях применение права в общепринятом его понимании не имеет места (см., напр.: *Умнова-Конюхова И.А.* Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. М., 2019. С. 131–145).

[31] См.: Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2010.

и воспринятые законодателем»; презюмируется, что «это «исходные постулаты для всего процесса гражданско-правового регулирования»[32]. Небезынтересны выводы исследователей трудового права: «принципы российского трудового права являются основополагающими элементами единой системы форм национального и международного трудового права, “первоосновой”, первичными регуляторами трудовых и непосредственно связанных с ними отношений»[33]. Правильно будет сказать, что ряд работ, охватываемых содержанием данного направления, остается открытым[34].

В контексте второго направления все более заметны попытки обосновать переход от «принципов-идей» к пониманию их в качестве инструментов организации поведения и деятельности социальных субъектов, и тем самым приблизить принципы права к числу действительных правовых регуляторов. В то же время правильнее сказать, что данный тренд в развитии правовой мысли лишь обозначен. Так, в диссертации А.В. Коновалова одной из задач исследования является «установление особенностей трансформирования принципов в нормы гражданского права»[35]. В представлении автора суть принципов права усматривается в том, что «“вступая в реакцию” с позитивированными в законодательстве предписаниями и “растворяясь” в них, принципы права таким образом эксплицируют их (нормативные предписания), посредством чего эти предписания “отражаются в психическом складе индивидов”; ... и поэтому без излишнего правового воздействия, и тем более принуждения, реализуются в правоотношении)». Очевидно, что представленный взгляд на проблему оставляет без ответов важнейшие вопросы: каким образом происходит «реакция» соединения принципов с нормами права, или как принципы права вступают во взаимодействие с нормами права; какова доля «присутствия» принципа в нормах; могут ли принципы права действовать, «не растворяясь» в нормах права, и т.д.[36] Следовательно, основной вопрос – о собственно регулятивном эффекте (обязывающем и подчиняющем поведении) принципов права, о возможности привлечения их в качестве правового основания индивидуально-правовых решений, с позиции данного подхода остается не выясненным.

Безусловно, заслуживает внимания публикация А.Э. Енилеевой, в которой представлен обстоятельный анализ соотношения принципов и норм права в работах Р. Алекси[37]. Отличается новизной содержание статьи о принципах права в фундаментальной работе «Философия права. Словарь»[38]. Заметно постоянное обращение к идее «двухмерного правового регулирования» в работах И.А. Умновой-Конюховой; небезынтересна в этой связи аргументация автора[39]. В контексте оценки рассматриваемого направления привлекают внимание взгляды на проблему В.Н. Корнева, в частности, относящиеся к понятию принципа права, его разграничения с нормами права. Принцип права интерпретируется автором как «обязанность, установленная правом и адресованная субъекту правотворчества или правоприменения, предписывающая совершение определенных действий, которые имеют деонтическое или аксиологическое содержание»[40]. Действительно, принцип права уже самим фактом своего существования (признания) порождает для властных субъектов права состояние долженствования. Можно предположить, что эта особенность принципов права обусловлена тем фактом, что принципы права всегда призваны усиливать действие ценностей права, гарантировать их действенность, что одновременно является конституционно определенной целью всей системы публичной власти. Отсюда имплементированный в правовую систему принцип права побуждает, юридически мотивирует властного субъекта обеспечить реализацию, охрану, защиту конституционно определенных ценностей.

---

[32] *Комиссарова Е.Г.* Принципы в праве и основные начала в гражданском законодательстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 12.

[33] *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М., 2019; *Куренной А.М.* Принципы трудового права: теория и проблемы применения на практике // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 3–6; *Мазуренко С.В.* Природа и классификация принципов российского трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 7 и сл.

[34] См., напр.: *Кашанина Т.*В. Структура права. М., 2020. С. 249 и сл.; в этой же связи представляет интерес исследование нормативного содержания принципа справедливости применительно к экономической сфере (см.: *Вайпан В.А.* Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности. М., 2020), принципов разумности и правовой определенности Н.А. Власенко (см.: *Власенко Н.А.* Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2014) и др.

[35] *Коновалов А.В.* Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 12.

[36] Профессор С.С. Алексеев отмечал, что «принципы права “растворены”, “спрятаны”, являются неотъемлемыми, органическими элементами позитивного права» (см.: *Алексеев С.С.* Указ. соч. С. 217).

[37] См.: *Енилеева А.Э.* Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 26–33.

[38] Философия права. Словарь / общ. ред. и сост. В.Н. Жукова. М, 2020. С. 486, 487.

[39] См.: *Умнова-Конюхова И.А.* Указ. соч. С. 9 и сл.

[40] *Корнев В.Н.* Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юрид. наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. С. 64–70.

Вместе с тем принципы права вызывают не только состояние долженствования, но непосредственно порождают права для широкого круга адресатов. Так, из содержания принципа (презумпции) невиновности имплицитно вытекает право не быть виновным, судимым, из принципа non bis in idem – право не привлекаться дважды к одному и тому же виду ответственности, из принципа in dubio contra fiscal – право требовать взимания законно установленных налогов, из принципа разумности проистекает право на судопроизводство в разумные сроки и т.д. Спорно поэтому утверждение автора о том, что «принципы, в отличие от правил в полном смысле слова, не содержат запретов и дозволений», между тем как общие запреты или общие дозволения могут проистекать в том числе из содержания принципа права. На языке права это значит, что сам факт признания принципа права предполагает соответствующие его нормативному содержанию социально-правовые связи, обязанной стороной, как правило, выступает властный субъект права.

Таким образом, и в новейшей литературе вопрос о собственно регулятивных возможностях принципов права по-прежнему остается открытым. Мало обозначить принципы правовым регулятором, «необычной правовой идеей», нужно доказать их действительный регулятивный потенциал, возможность выступать в качестве правового основания принятия правоприменительного решения в ситуациях, когда нормы права по тем или иным причинам не применяются, притом не ограничиваясь исключительно сферой действия аналогии права. Очевидно, что без изменения концептуальных подходов (парадигмы) в оценке данной проблемы, оставаясь на позиции «старой» методологии, ее (проблемы) решение откладывается на неопределенный срок.

* * *

Представляется, что в качестве основной гипотезы при определении места и роли принципов права в структурной организации права можно выдвинуть следующее предположение: будучи предельными по уровню нормативного обобщения правообразованиями, отображающими «дух» (смысл, сущность, природу) и особенности регулятивного действия права в различных сферах, зонах, участках правового регулирования, выполняя интегрирующую функцию в структуре права, общие принципы в условиях дефицита права, неопределенности позитивированных в законодательстве норм и вследствие этого рассогласованности с конституционными ценностями, правами человека выступают критериями действительности их (норм права) и правовым основанием для принятия правоприменительным органом решения для рассмотрения возникшего спора о праве по существу. Принципы права наряду с нормами права оказывают прямое регулирующее воздействие на поведение граждан (организаций), т.е. выполняют в сфере действия права функцию непосредственного регулятора поведения и деятельности, являясь, таким образом, универсальным юридическим механизмом, гарантирующим действенность конституционно признанных прав и свобод.

С позиции предполагаемого подхода принципы права следует интерпретировать в качестве разновидности правовых установлений, т.е. таких же регуляторов, как и нормы права, хотя и обладающих существенными особенностями, но при этом имплицитно обладающие нормативностью (обязательностью) и выступающие критерием действительности норм права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. М., 2010. Т. 6. Восхождение к праву. С. 217.
2. Арбитражный процесс: учеб. для студ. юрид. вузов и ф-тов / под ред. М.К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М., 2020. С. 54.
3. *Бородянский В.И.* Механизм взаимодействия принципов и норм гражданского права современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 6.
4. *Бошно С.В.* Теория государства и права: учеб. 3-е изд., перераб. М., 2018. С. 111, 112.
5. *Вайпан В.А.* Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности. М., 2020.
6. *Власенко Н.А.* Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2014.
7. *Власенко Н.А.* Теория государства и права: учеб. пособие для бакалавриата. 3-е изд., доп. и испр. М., 2018. С. 190.
8. *Вопленко Н.Н.* Сущность, принципы и функции права: учеб. пособие. Волгоград, 1998. С. 34.
9. Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. Т. 1. С. 22.
10. Гражданское право: учеб.: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. С. 44.
11. *Енилеева А.Э.* Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. С. 26–33.
12. *Кашанина Т.*В. Структура права. М., 2020. С. 249.
13. *Комиссарова Е.Г.* Принципы в праве и основные начала в гражданском законодательстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 12.
14. *Комиссарова Е.Г.* Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. Тюмень, 2001. С. 59.

15. *Коновалов А.В.* Действие принципов права и их роль в формировании правопорядка // Lex russica. 2018. № 10. С. 9–17.

16. *Коновалов А.В.* Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 12.

17. *Корнев В.Н.* Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юрид. наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. С. 64–70.

18. *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. С. 47.

19. *Куренной А.М.* Принципы трудового права: теория и проблемы применения на практике // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 3–6.

20. *Лившиц Р.З.* Теория права: учеб. М., 1994. С. 195.

21. *Мазуренко С.В.* Природа и классификация принципов российского трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 7.

22. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007. С. 661, 662.

23. *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М., 2019.

24. *Недбайло П.Е.* Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 386.

25. *Пикалов И.А.* Принципы отечественного уголовного процесса. М., 2012. С. 120, 233.

26. Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2010.

27. *Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А.* Теория государства и права: учеб. для бакалавров. М., 2019. С. 74.

28. *Реуф В.М.* Специально-юридические принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

29. *Скурко Е.В.* Принципы права. М., 2008. С. 22.

30. *Смирнов Д.А.* Нетипичные нормативно-правовые предписания в системе трудового права. М., 2015. С. 44.

31. Советское гражданское право: учеб. / под ред. О.А. Красавчикова. М., 1968. Т. 1. С. 24.

32. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003. С. 151.

33. Теория государства и права: учеб. для акад. бакалавриата / В.В. Лазарев, Д.А. Липинский 5-е изд., испр. и доп. М., 2019. С. 127.

34. *Тихомиров Ю.А.* Новые векторы регулирования – «другое» право? // Журнал росс. права. 2016. № 4. С. 5–15.

35. *Умнова-Конюхова И.А.* Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. М., 2019. С. 9, 131–145.

36. Философия права. Словарь / общ. ред. и сост. В.Н. Жукова. М, 2020. С. 486, 487.

37. *Червонюк В.И.* Инновации в праве: современные юридические технологии в контексте цифровой реальности Статья 5. Современные технологии законодательствования (законодательные технологии). Часть II // Вестник Московского ун-та МВД России. 2021. № 2. С. 45–51.

38. *Червонюк В.И.* Инновационные юридические технологии // Юридическая техника. Ежегодный вып. 2021. № 15. С. 273–293.

39. *Чернов К.А.* Принцип равенства: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. С. 6.

40. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Теория современной конституции. М., 2007. С. 55.

41. *Хук М. ван* Право как коммуникация / пер. с англ. М.В. Антонова и А.В. Полякова. СПб., 2012. С. 109.

42. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А.В. Малько. 2-е изд. М., 2021. С. 121.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Collected works: in 10 vols. M., 2010. Vol. 6. Ascent to law. P. 217 (in Russ.).

2. Arbitration process: studies for students. jurid. universities and universities / ed. by M.K. Treushnikov. 7th ed., rec. M., 2020. P. 54 (in Russ.).

3. *Borodyansky V.I.* Mechanism of interaction of principles and norms of Civil Law in modern Russia: abstract ... PhD in Law. M., 2002. P. 6 (in Russ.).

4. *Boshno S.V.* Theory of state and law: textbook. 3rd ed., rec. M., 2018. P. 111, 112 (in Russ.).

5. *Vaipan V.A.* Implementation of the principle of social justice in the legal regulation of entrepreneurial activity. M., 2020 (in Russ.).

6. *Vlasenko N.A.* Reasonableness and certainty in legal regulation. M., 2014 (in Russ.).

7. *Vlasenko N.A.* Theory of State and law: textbook for undergraduate studies. 3rd ed., add. and cor. M., 2018. P. 190 (in Russ.).

8. *Voplenko N.N.* The essence, principles and functions of law: textbook. Volgograd, 1998. P. 34 (in Russ.).

9. Civil Law: textbook: in 3 vols / ed. by A.P. Sergeev. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2021. Vol. 1. P. 22 (in Russ.).

10. Civil Law: studies: in 4 vols / ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2019. Vol. 1. P. 44 (in Russ.).

11. *Enileeva A.E.* Division of the norms of law into rules and principles in the teachings of R. Alexi // Scientific notes of the Vernadsky KFU. Legal sciences. 2015. No. 1. P. 426–433 (in Russ.).
12. *Kashanina T.V.* Structure of law. M., 2020. P. 249 (in Russ.).
13. *Komissarova E.G.* Principles in law and basic principles in civil legislation: abstract ... Doctor of Law. Ekaterinburg, 2002. P. 12 (in Russ.).
14. *Komissarova E.G.* Principles in law and the basic principles of civil legislation. Tyumen, 2001. P. 59 (in Russ.).
15. *Konovalov A.V.* The effect of the principles of law and their role in the formation of law and order // Lex russica. 2018. No. 10. P. 9–17 (in Russ.).
16. *Konovalov A.V.* Principles of Civil Law: methodological and practical aspects: abstract ... Doctor of Law. M., 2019. P. 12 (in Russ.).
17. *Kornev V.N.* Evolution of the doctrine of the principles of law in Russian legal science // Legal science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 64–70 (in Russ.).
18. *Kuznetsova O.A.* Norms-principles of Russian Civil Law. M., 2006. P. 47 (in Russ.).
19. *Kurennoy A.M.* Principles of labor law: theory and problems of application in practice // Labor law in Russia and abroad. 2020. No. 4. P. 3–6 (in Russ.).
20. *Livshits R.Z.* Theory of law: textbook M., 1994. P. 195 (in Russ.).
21. *Mazurenko S.V.* The nature and classification of the principles of Russian Labor Law: abstract ... PhD in Law. M., 2020. P. 7 (in Russ.).
22. *Maltsev G.V.* Social foundations of law. M., 2007. P. 661, 662 (in Russ.).
23. *Nam K.V.* The principle of good faith: the development of the system, the problems of theory and practice. M., 2019 (in Russ.).
24. *Nedbaylo P.E.* Application of Soviet laws rules. M., 1960. P. 386 (in Russ.).
25. *Pikalov I.A.* Principles of domestic criminal process. M., 2012. P. 120, 233 (in Russ.).
26. Principles of Russian law: general theoretical and sectoral aspects / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. Saratov, 2010 (in Russ.).
27. *Radko T.N., Lazarev V.V., Morozova L.A.* Theory of State and Law: textbook for bachelors. M., 2019. P. 274 (in Russ.).
28. *Reuf V.M.* Special-legal principles of law: abstract ... PhD in Law. Volgograd, 2004 (in Russ.).
29. *Skurko E.V.* Principles of Law. M., 2008. P. 22 (in Russ.).
30. *Smirnov D.A.* Atypical regulatory and legal prescriptions in the system of Labor Law. M., 2015. P. 44 (in Russ.).
31. Soviet Civil Law: textbook / ed. by O.A. Krasavchikov. M., 1968. Vol. 1. P. 324 (in Russ.).
32. Theory of state and law: course of lectures / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Mal'ko. M., 2003. P. 151 (in Russ.).
33. Theory of state and law: textbook for acad. bachelor's degree / V.V. Lazarev, D.A. Lipinsky. 5th ed., rec. and additional. M., 2019. P. 127 (in Russ.).
34. *Tikhomirov Yu. A.* New vectors of regulation – "other" law? // Journal of Russ. law. 2016. No. 4. P. 5–15 (in Russ.).
35. *Umnova-Konyukhova I.A.* General principles of law in Constitutional Law and International Law: actual issues of theory and judicial practice. M., 2019. P. 9, 131–145 (in Russ.).
36. Philosophy of Law. Dictionary / general ed. and comp. V.N. Zhukov. M, 2020. P. 486, 487 (in Russ.).
37. *Chervonyuk V.I.* Innovations in law: modern legal technologies in the context of digital reality Article 5. Modern technologies of legislation (legislative technologies). Part II // Herald of the Moscow University of the MIA of Russia. 2021. No. 2. P. 45–51 (in Russ.).
38. *Chervonyuk V.I.* Innovative legal technologies // Legal technique. Annual issue. 2021. No. 15. P. 273–293 (in Russ.).
39. *Chernov K.A.* The principle of equality: theoretical and legal analysis: abstract ... PhD in Law. Samara, 2003. P. 6 (in Russ.).
40. *Khabrieva T. Ya., Chirkin V.E.* Theory of the modern Constitution. M., 2007. P. 55 (in Russ.).
41. *Huk M. van* Law as communication / transl. from English by M.V. Antonov and A.V. Polyakov. SPb., 2012. P. 109 (in Russ.).
42. Legal Encyclopedic Dictionary / ed. by A.V. Mal'ko. 2nd ed. M., 2021. P. 121 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧЕРВОНЮК Владимир Иванович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и муниципального права Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя;
117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Authors' information

CHERVONYUK Vladimir I. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Constitutional and Municipal
Law of Kikot' Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
12 Akademika Volgina str.; 117997 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 97–106
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 97–106

ФИЛОСОФСКИЕ И НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ И ПОЗНАНИЮ ИСТИНЫ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, В ТОМ ЧИСЛЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© 2021 г. В. В. Мельник

Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

E-mail: melnik55@mail.ru

Поступила в редакцию 22.01.2021 г.

Аннотация. Продолжая исследовать философские, нравственно-психологические, социально-психологические, юридико-психологические и риторические проблемы уголовного судопроизводства, автор с использованием методологии системного анализа в порядке постановки и обоснования проблемы в рамках настоящей статьи выделяет основные направления философских и научных основ реалистического подхода к пониманию и познанию истины, в т.ч. в уголовном судопроизводстве. В статье проанализировано значение классической (корреспондентской) теории истины как исходной гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познавательной деятельности, в т.ч. в реалистической эпистемологии, законотворчестве, теории и практике уголовного судопроизводства. Автор отмечает, что идея об истинности как составная часть мировоззрения законодателя, ученых и практикующих юристов конструктивно используется при построении в Российской Федерации юридически правильного и справедливого предварительного расследования и судебного разбирательства, соответствующего идеалам демократического правового государства и стандартам современного международного права, только тогда, когда суд и участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения исповедуют не релятивистский, а реалистический подход к пониманию и познанию истины в духе корреспондентской (классической) теории истины, положения которой в диалектически «снятом», развитом виде являются составной частью реалистической эпистемологии, включающей и диалектико-материалистическую концепцию познания.

Ключевые слова: системный анализ, системный подход, системно-эпистемологический, системно-синергетический и комплексный подходы, классическая (корреспондентская) теория истины как исходная гносеологическая основа реалистического подхода к пониманию и познанию истины, релятивистский подход к пониманию и познанию истины как антипод реалистического подхода, источник детерминированного социального хаоса в уголовно-процессуальном законодательстве, теории и практики уголовного судопроизводства.

Цитирование: *Мельник В.В.* Философские и научные основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познавательной деятельности, в том числе в уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2021. № 10. С. 97–106.

DOI: 10.31857/S102694520017364-1

PHILOSOPHICAL AND SCIENTIFIC FOUNDATIONS OF A REALISTIC APPROACH TO UNDERSTANDING AND COGNITION OF TRUTH IN VARIOUS FIELDS OF COGNITIVE ACTIVITY, INCLUDING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2021 V. V. Melnik

Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

E-mail: melnik55@mail.ru

Received 22.01.2021

Abstract. Continuing to explore the philosophical, moral-psychological, socio-psychological, legal-psychological and rhetorical problems of criminal proceedings, the author, using the methodology of system analysis in order to formulate and substantiate the problem within the framework of this article, identifies the main directions of the philosophical and scientific foundations of a realistic approach to understanding and cognition of the truth, including in criminal proceedings. The article analyzes the significance of the classical (correspondent) theory of truth as the initial epistemological basis of a realistic approach to understanding and cognition of truth in any sphere of cognitive activity, including in realistic epistemology, lawmaking, theory and practice of criminal proceedings. The author notes that the idea of truth as an integral part of the worldview of legislators, scientists and practicing lawyers is constructively used in the construction of a legally correct and fair preliminary investigation and trial in the Russian Federation, corresponding to the ideals of a democratic rule of law and standards of modern International Law, only when the court and participants in criminal proceedings on the part of the prosecution profess a non-relativistic, and a realistic approach to understanding and cognition of truth in the spirit of the correspondent (classical) theory of truth, the provisions of which in a dialectically "removed", developed form are an integral part of realistic epistemology, including the dialectical-materialistic concept of cognition.

Key words: system analysis, system approach, systemic-epistemological, system-synergetic and complex approaches, classical (correspondent) theory of truth as the initial epistemological basis of a realistic approach to understanding and cognition of truth, relativistic approach to understanding and cognition of truth as the antipode of a realistic approach, a source of deterministic social chaos in criminal procedure legislation, theory and practice of criminal proceedings.

For citation: *Melnik, V.V. (2021).* Philosophical and scientific foundations of a realistic approach to understanding and cognition of truth in various fields of cognitive activity, including in criminal proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 97–106.

Постановка и обоснование проблемы и методологии ее исследования

В порядке дополнительного обоснования актуальности проблематики, связанной с системным анализом реалистического и релятивистского подходов к пониманию и познанию истины в уголовном судопроизводстве, под влиянием которых развиваются российское уголовно-процессуальное законодательство и основанные на нем теория и практика уголовного судопроизводства[1], отметим, что эта проблематика имеет важное мировоззренческое значение для законодателей, ученых и практикующих юристов, поскольку, как отмечают специалисты по философии, теории познания, в любой сфере деятельности идея об истинности занимает базисное место в мировоззрении[2], в его структуре понятие истины находится в одном ряду с такими понятиями, как «добро»[3], «правда» и «справедливость»[4].

С учетом этого представляется, что высказывание известного специалиста по теории познания, философии и методологии науки акад. РАН В.С. Степина о том, что систематические занятия наукой предполагают усвоение особой системы ценностей, фундаментом которых «выступают ценностные установки на поиск истины и на постоянное наращивание истинного знания»[5], относится и к познавательной деятельности законодателей, ученых и практикующих юристов, в т.ч. осуществляемой в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве.

Имеются основания полагать, что в любой сфере деятельности, в т.ч. в законотворчестве, науке и практике уголовного судопроизводства, идея об истинности как составная часть мировоззрения законодателей, ученых и практикующих юристов конструктивно работает в направлении построения в Российской Федерации справедливого предварительного расследования и судебного разбирательства, соответствующего идеалам демократического правового государства и стандартам международного права, только тогда, когда суд и участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения исповедуют не релятивистский, а реалистический подход к пониманию и познанию истины в духе корреспондентской (классической) теории истины, положения которой в диалектически «снятом», развитом виде являются составной частью реалистической

[1] См.: *Мельник В.В.* Системный анализ существующих подходов к пониманию и познанию истины в российском уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2021. № 5. С. 125–135. DOI: 10.31857/S102694520014897-7

[2] См.: *Абрамова Н.Т.* Логико-методологический анализ феномена «релятивизм». Истоки и пути экстенсивного развития // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2015. С. 363.

[3] См.: *Гусейнов А.А.* Добро // Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 203.

[4] См.: *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учеб. М., 2020. С. 198; *Жуков В.Н.* Справедливость // Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 691–696.

[5] *Степин В.С.* Наука // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М., 2009. С. 421.

эпистемологии, включающей и диалектико-материалистическую теорию познания.

Целью настоящей статьи является определение в порядке постановки и обоснования проблемы основных направлений разработки концептуальной системы, раскрывающей философские и научные основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познания, в т.ч. в уголовном судопроизводстве. С осмысления именно реалистического (а не релятивистского) подхода к пониманию и познанию истины целесообразно начать системный анализ этих подходов потому, что «адекватное понимание самого релятивизма возможно лишь в рамках антирелятивистской, т.е. реалистической, установки»[6]. А для того чтобы последовательно руководствоваться реалистической гносеологической установкой при системном анализе антиреалистического релятивистского подхода к пониманию и познанию истины, необходимо разобраться в следующих взаимосвязанных вопросах, образующих основное содержание философских и научных основ реалистического подхода к пониманию и познанию истины: 1) значение классической (корреспондентской) теории истины как исходной гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познания, в т.ч. в реалистической эпистемологии, законотворчестве, теории и практики уголовного судопроизводства; 2) общая характеристика материалистической диалектики как составной части реалистической эпистемологии и гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в различных сферах познавательной деятельности, в т.ч. в уголовном судопроизводстве; 3) система категорий реалистической эпистемологии, выражающих сущность реалистического подхода к пониманию и познанию истины, в т.ч. в уголовном судопроизводстве.

Представляется, что, не ответив на эти общие вопросы, ученые и практикующие юристы, в т.ч. исследователи поставленной проблемы и субъекты доказывания в состязательном уголовном процессе, неизбежно будут оказываться в конфузной гносеологической ситуации.

Теоретическая разработка поставленных проблемных вопросов имеет важное методологическое и методическое значение для нормализации дискуссии между сторонниками и противниками концепции объективной (материальной) истины в уголовном судопроизводстве. Особую актуальность теоретическому осмыслению этих вопросов придает то, что сторонники релятивистского подхода к пониманию и познанию истины отрицают и классическую (корреспондентскую) теорию истины, и диалектический материализм с его теорией отражения и постулатом о принципиальной познаваемости действительности.

Так, внесший значительный вклад в реанимацию постмодернистско-релятивистского подхода к пониманию и познанию истины А.С. Александров в своих полемических статьях рассматривает диалектический материализм, объективную истину, корреспондентскую истину в основном как реликты идеологии советской эпохи, продуктом которой, по его мнению, является объективная истина как «системообразующая идея, концентрированное выражение инквизиционной идеологии»[7].

Он пишет: «Смехотворны ссылки апологетов объективной истины на то, что объективная истина является базовой категорией современного научного познания, что якобы методология диалектического материализма является господствующей в современной российской, да и мировой науке. Этот аргумент я расцениваю как попытки прислониться к авторитету объективного научного познания (характерная черта советской теории доказательств). Специалисты по гносеологии (эпистемологии) тут могут только развести руками. В современной западной науке даже не используется такой термин – “объективная истина” (корреспондентская истина)»[8]. Далее профессор «добивает» своих оппонентов следующей риторической фигурой: «Авторам невдомек о наличии принципиальных различий между познанием, осуществляемом в гуманитарной сфере, и в точных науках. В общем невежество и непрофессионализм авторов подобных высказываний соизмеримы с их же апломбом и самонадеянностью встретить сочувствие у таких же невежд»[9].

С учетом того, что А.С. Александров в подтверждение своей позиции не привел ни одного эпистемологического довода со ссылкой на литературу по теории познания, а также того, что некоторые участники дискуссии его критику гносеологической позиции сторонников объективной истины нашли *сокрушительной и справедливой*[10],

[6] *Смирнова Н.М.* Концептуальные проекции релятивизма: когнитивный анализ // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. С. 61; см. также: *Лекторский В.А.* Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ. М., 2012. С. 11.

[7] *Александров А.* О значении концепции объективной истины // Росс. юстиция. 1999. № 1. С. 23.

[8] *Александров А.С.* Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 144.

[9] Там же.

[10] См.: *Лазарева В.А.* Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 172.

его доводы о несостоятельности диалектико-материалистического понимания объективной истины в духе корреспондентской истины необходимо «взвесить» на «весах» системного анализа с использованием соответствующих концептуальных положений теории познания для того, чтобы проверить, имеются ли основания отправлять на «свалку истории» классическую (корреспондентскую) истину, содержащуюся в диалектически «снятом» виде в диалектическом материализме как составной части реалистической эпистемологии.

Значение классической (корреспондентской) теории истины как исходной гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познания, в т.ч. в реалистической эпистемологии, законотворчестве, теории и практике уголовного судопроизводства

Все разновидности реалистических концепций познания, в т.ч. диалектический материализм, определяют истинное знание о мире одинаково – в соответствии с основным концептуальным положением корреспондентской (классической) теорией истины, согласно которой истина – это соответствие наших знаний, представлений, мыслей, суждений познаваемой действительности.

Системный анализ корреспондентской (классической) теории истины как исходной гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познавательной деятельности целесообразно начать с постановки вопроса: **почему корреспондентскую теорию истины называют не только теорией соответствия (от англ. *correspondence* – соответствие[11]), но еще и классической теорией истины**? Имеются основания полагать, что корреспондентскую теорию истины называют классической потому, что она обладает качественными характеристиками, непреходящими свойствами, которые охватываются следующими значениями однокоренных слов «классик», «классика», «классический»[12]:

классик (от лат. *classicus* – первоклассный, образцовый): *выдающийся общепризнанный писатель, деятель науки, искусства, литературы, являющийся образцом мастерства, авторитетом в данной области, труды, произведения которого имеют непреходящее значение, ценность для национальной и мировой науки, культуры и т.п.;*

классика: *произведения классиков, их выдающиеся, образцовые, признанные произведения, имеющие непреходящую ценность для мировой и национальной культуры*;

классический: *1) относящийся к миру древних греков и римлян, античный и тем самым образцовый (согласно идущим от Ренессанса представлениям); 2) созданный классиком, классиками, совершенный, признанный образцовым; 3) типичный, характерный*; 4) лучший в своем роде; замечательный.

«Классическое понимание истины разделяли Фома Аквинский, П. Гольбах, Г.В.Ф. Гегель, Л. Фейербах, К. Маркс; разделяли его и многие философы XX столетия»[13].

Таким образом, классическая теория истины фундаментальна, поскольку ее «придерживаются и материалисты, и идеалисты, и теологи; не отвергают ее и агностики; среди приверженцев классической концепции истины имеются и метафизики, и диалектики»[14].

По мнению последователя этой теории проф. А.Л. Никифорова, «понятие истины в его классическом смысле, или в смысле теории корреспонденции... впервые в явном виде было сформулировано Платоном: “...тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит иначе, – лжет”»[15]. Критикуя концепции познания, отрицающие классическую (корреспондентскую) истину, и отмечая непреходящее значение классического понимания истины в духе формулировки Платона, А.Л. Никифоров пишет: «Эта формулировка была одним из величайших философских открытий: теперь из конгломерата мифологических, мистических идей, сплетенных с предрассудками, фантазиями и крупицами повседневного опыта, можно было выделить те мысли и представления, которые давали адекватную картину окружающего мира. Это было одно из тех достижений, благодаря которым человек постепенно возвышался над животным миром и закладывал основы культуры. Истолкование Платоном было принято наукой Нового времени и до сих пор прочно в ней сохраняется»[16], прежде всего в философии диалектического

[11] См.: *Левин Г.Д.* Материализм и объективный идеализм: сопоставительный анализ // Перспективы реализма в современной философии: сб. тр. / под ред. В.А. Лекторского. М., 2017. С. 226; *Черткова Е.Л.* Реализм, скептицизм и истина // Там же. С. 250.

[12] См.: Большой академический словарь русского языка. Т. 1–17. М., СПб., 2007. Т. 8. С. 97–99; *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 276; Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001. С. 271; Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М., 2003. С. 465.

[13] *Алексеев П.В., Панин А.В.* Указ. соч. С. 199.

[14] Там же.

[15] *Никифоров А.Л.* Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. А.Л. Никифоров. М., 2008. С. 5.

[16] Там же.

материализма, где классическая теория истины сохранена в диалектически «снятом» виде.

Главная качественная характеристика корреспондентской (классической) теории истины, обусловившая широкое представительство этой теории, с учетом которой выдающиеся мыслители и известные ученые стали называть ее классической, и она признана одним из величайших философских открытий, составной частью науки Нового и Новейшего времени, ее исходной гносеологической основой, заключается в том, что реалистический подход к пониманию и познанию истины в духе анализируемой теории, определяющей истину как соответствие знаний, представлений, мыслей, суждений действительности, является важнейшим условием существования, развития и успешной деятельности людей как представителей единственного сохранившегося в процессе естественного отбора вида человеческого рода – Homo sapiens (от лат. *homo* – человек, *sapiens* – мудрый, разумный).

Иными словами, эмпирическое и теоретическое основание, подтверждающее истинность классической (корреспондентской) теории истины, заключается в том, что Человек как биосоциальное существо сумел не только выжить в процессе естественного биологического отбора в экстремальных условиях неорганической и органической природы, стать «царем» живой и неживой природы, занять высшее место в иерархии живых биологических организмов, но и по-человечески жить, действовать и добиваться успехов в различных сферах деятельности благодаря тому, что у его индивидов в процессе многовековой эволюции в различных сферах деятельности сформировалась *способность познавать истину, т.е. адекватно идеально отражать, воспроизводить в своем сознании познаваемые явления, процессы, вещи, события, их существенные свойства, значимые для удовлетворения материальных и духовных потребностей людей*. Об этом свидетельствуют следующие концептуальные положения из области общей теории познания (гносеологии или эпистемологии):

«Вся практика человечества свидетельствует о том, что человек способен создать картину объективного мира. Именно благодаря этому он сумел приспособиться к нему, победить в борьбе за существование. Более того, он сумел подчинить себе природу, поставить на службу ее силы, что было бы невозможно без правильного воспроизведения объективного мира, его закономерностей. **Практика, таким образом, – важный аргумент в пользу философской концепции, которая утверждает, что мир познаваем, в пользу определения истины как соответствия знаний действительности** (выделено мною. – *В.М.*)»[17];

«Если бы в человеческих знаниях не было истины, люди попросту не смогли бы ориентироваться в окружающей действительности. Жить, действовать и добиваться успехов в делах им удается именно потому, что их знания в общем и целом соответствует действительности, дают правильное, истинное представление о ней»[18].

Об эффективности познавательной деятельности здравомыслящих людей, ее предрасположенности к адекватному идеальному воспроизведению, отражению действительности, т.е. к познанию истины, понимаемой в духе классической (корреспондентской) истины, свидетельствуют также следующие концептуальные положения из области современной эволюционной эпистемологии:

д-р филос. наук Е.Н. Князева во вступительной статье к антологии работ по эволюционной эпистемологии известных отечественных и зарубежных ученых, обобщая результаты их исследований, пишет: «Эволюционная эпистемология выдвигает свой аргумент в защиту корреспондентской теории истины, идущей от Платона и Аристотеля. Согласно этой теории, истина есть соответствие знания действительности. А почему знание соответствует действительности? Эволюционная эпистемология говорит, что только накопление опыта, соответствующего действительности, только возникновение внутренних репрезентаций, адекватно схватывающих структуры внешнего мира, сделало возможным выживание живого существа и его вклад в общее течение эволюции»[19];

с учетом современных научных представлений из области эволюционной эпистемологии д-р филос. наук А.А. Горелов приходит к обоснованному выводу о том, что «можно говорить также об эволюционном реализме, имея в виду **потребность и оправданность реализма для целей выживания, и эволюционное развитие познавательного аппарата человека. В процессе эволюции устанавливается соответствие между человеком и окружающей его действительностью** (выделено

[17] *Чудинов Э.М.* Природа научной истины. М., 1977. С. 12.

[18] *Кармин А.С., Бернацкий Г.Г.* Философия: учеб. для студ. и аспирантов вузов. 2-е изд. М., 2009. С. 374.

[19] *Князева Е.Н.* Эволюционная эпистемология в ретроспективе и перспективе: вступ. ст. // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред. и сост. Е.Н. Князева. М., 2012. С. 22; см. также: *Ее же.* Эволюционная эпистемология: современный взгляд // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2012. С. 62–89.

мною. – *В.М.*)»[20], что является важнейшим условием выживаемости человеческого вида Homo sapiens и успешной деятельности его индивидов, здравомыслящих людей;

один из ведущих специалистов по теории познания д-р филос. наук, проф. В.В. Ильин, характеризуя целесообразность познавательной деятельности людей, сформировавшейся в процессе многовековой эволюции человеческого рода, пишет: «Идея целесообразности познавательной деятельности. Оттачиваясь в ходе родового упрочения Homo sapiens, она эффективна, "предрасположена" к адекватному воспроизведению действительности...»[21].

В духе классической (корреспондентской) теории истины понимают истину и зарубежные ученые. Так, по мнению немецкого философа, специалиста в области эволюционной эпистемологии Г. Фоллмера, «эволюционная эпистемология ориентирована реалистически, а в рамках реалистического видения мира справедлива корреспондентская теория истины», поскольку «наш мозг возник прежде всего не как орган познания, а как орган выживания. А поскольку знание все же полезно для выживания, наш мозг стал инструментом переработки информации, познания, знания и мышления»[22].

В предисловии к книге философа с мировым именем проф. Э. Агацци, который в течение многих лет был президентом Международной федерации философских обществ, президентом Международной академии философии науки (Брюссель) и является иностранным членом Российской академии наук, акад. РАН В.А. Лекторский отмечает, что Э. Агацци разделяет классическое понимание истины «как соответствие смысла утверждений реальному положению дел (понимание, восходящее к Аристотелю и развитое Тарским)»[23].

Немецкий экономист, специалист в области международного рынка и торговли, руководитель фонда «Помощь церкви в беде», д-р Н. Нойхауз пишет: «Истина в философской традиции понимается как соответствие познания и реального положения (adaequatio rei et intellectus), мышления и бытия. Если мое познание, то есть представление о вещи в моем понимании, соответствует действительному положению вещей, то мое познание истинно»[24]. Причем как здравомыслящий ученый д-р Н. Нойхауз понимает, что истина и другие «принципиальные вопросы бытия и жизни человека не имеют идеологической природы»[25].

В таком же ключе, т.е. не в духе советской идеологии, а в духе классической (корреспондентской) теории истины понимает истину и американский ученый – заслуженный профессор философии Принстонского университета Г.Г. Франкфурт. О том, что и его трудно заподозрить в пропаганде советской идеологии, свидетельствуют его доводы, соответствующие императивам общественной гуманистической совести, которые он приводит в обоснование того, что «ни одно общество не может позволить себе презирать истину или неуважительно относиться к ней»[26]:

«как может общество, которое не слишком заботится об истине, выносить достаточно хорошо взвешенные суждения и решения относительно наиболее насущных проблем в своих общественных делах? Как могло бы оно процветать или даже выживать, не обладая достаточными знаниями о значимых фактах, чтобы успешно воплощать свои замыслы, а также предусмотрительно и эффективно справляться со своими проблемами? <...>

общество, которое стремится быть хотя бы минимально функциональным, должно... здраво оценивать бесконечное многообразие той пользы, которое несет с собой истина <...>.

Истины обладают инструментальной ценностью именно потому, что они ухватывают и передают суть этих реалий. Истины полезны с практической точки зрения, поскольку они, таким образом, предоставляют нам точное описание свойств (особенно каузальных свойств и возможностей) реальных объектов и событий, с которыми нам приходится иметь дело, когда мы действуем». Поэтому только «в той мере, в какой мы осведомлены об истине, мы в состоянии руководствоваться в своем поведении свойствами самой реальности <...>.

Мы нуждаемся в истинах, чтобы успешно прокладывать свой путь через все множество опасностей и возможностей, с которыми все мы без исключения сталкиваемся на протяжении своей жизни», потому что «наш успех или неудача во

[20] *Горелов А.А.* Истина и смысл. М., 2010. С. 28.

[21] *Ильин В.В.* Теория познания. Гносеология: учеб. М., 2019. С. 16.

[22] *Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания. К природе человеческого познания // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред. и сост. Е.Н. Князева. С. 187, 191.

[23] *Агацци Э.* Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д.Г. Лахути; под ред. и с предисл. В.А. Лекторского. М., 2017. С. 13.

[24] *Нойхауз Н.* Ценности христианской демократии / пер. с нем. М., 2005. С. 15.

[25] Там же. С. 17.

[26] *Франкфурт Г.Г.* Об истине / пер. с англ. Г. Рогоняна. М., 2020. С. 25.

всем, что мы делаем, и, следовательно, в жизни в целом, зависят от того, руководствуемся мы истиной или действуем по неведению и на основании лжи. Но они также существенным образом зависят и от того, что мы делаем с истиной. А вот без истины мы проиграем, даже не начав», еще и потому, что «без истины у нас или не было бы никакого мнения относительно того, как обстоят дела на самом деле, или оно было бы неадекватным». Таким образом, «не имея необходимых нам истин, мы можем руководствоваться только досужими домыслами и фантазиями, а также чужими назойливыми и ненадежными советами»[27].

Особого внимания заслуживает еще один веский довод проф. Г.Г. Франкфурта, соответствующий императивам здравого смысла и общественной гуманистической совести. Объясняя, почему здравомыслящие люди не доверяют специалистам, которые не стремятся, используя все свои возможности, познать истину в духе корреспондентской (классической) теории истины, он пишет: «Никто в здравом уме не стал бы полагаться на строителя или доверять врачу, который не заботится об истине»[28].

На основании вышеизложенного уместно поставить следующие вопросы:

могут ли гражданское общество, государство, пострадавшие от преступления физические и юридические лица доверять дознавателю, органу предварительного следствия, прокурору или судье, которые не заботятся об установлении истины, понимаемой в классическом смысле, т.е. как соответствие знаний, представлений, мыслей, суждений действительности, т.е. не стремятся, используя предоставленные им полномочия, установить в классическом смысле истину о виновности или невиновности подозреваемого или обвиняемого и других обстоятельствах, подлежащих доказыванию?

можно ли доверять авторам постмодернистско-релятивистских концепций признавать теоретически и эмпирически обоснованными такие сомнительные концепции, отрицающие корреспондентскую теорию истины, выстраданную многовековым эволюционным развитием человеческого вида Homo sapiens?

С учетом сказанного совершенно очевидно, что на эти риторические вопросы любой человек, находясь в здравом уме и твердой памяти, руководствуясь указаниями общественной гуманистической совести и здравого смысла, категорически ответит: «Нет!».

Произведенный системный анализ классической (корреспондентской) теории истины как исходной гносеологической основы реалистического подхода к пониманию и познанию истины в любой сфере познавательной деятельности объясняет не только широкое представительство классической (корреспондентской) теории истины, т.е. что ее сторонниками являлись выдающиеся мыслители Нового и Новейшего времени, а также известные отечественные и зарубежные ученые, но и то, почему основное содержание анализируемой теории стало составной частью диалектико-материалистической концепции познания с ее теорией отражения и выстраданным в процессе многовековой эволюции человеческого вида Homo sapiens постулатом о принципиальной познаваемости окружающей действительности. Как известно, согласно этому постулату принципиально познаваемы на уровне объективно истинного, достоверного, обоснованного знания, в истинности которого не сомневаются здравомыслящие люди, и такие сложные явления, как события прошлого, в т.ч. исторические события, а также расследуемые и рассматриваемые в судах прошлые события, содержащие признаки определенного вида состава преступления, отобразившиеся в окружающей действительности в виде материальных и идеальных следов[29], благодаря такому всеобщему свойству материи, как отражение.

О том, что основное содержание анализируемой теории стало составной частью диалектико-материалистической концепции познания, свидетельствуют следующие положения монографии известного советского специалиста по теории познания, методологии науки Э.М. Чудинова, который, определяя объективную истину как «содержание человеческих знаний, которые соответствуют объективному миру, т.е. воспроизводят его»[30], отмечает органическую связь диалектико-материалистического понимания объективной истины с классической концепцией истины:

«в рамках диалектико-материалистического подхода недостаточно просто констатировать корреспондентский характер истины, необходимо указать на ее связь с классической концепцией истины, которая рассматривает истину как

[27] *Франкфурт Г.Г.* Указ. соч. С. 16, 26, 27, 37, 38, 40, 41.

[28] Там же. С. 21.

[29] О значении идеальных следов для установления истины об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства см.: *Суворова Л.А.* Идеальные следы в криминалистике. М., 2006; *Галузо В.Н., Якупов Р.Х.* Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013; Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2021.

[30] *Чудинов Э.М.* Указ. соч. С. 39.

семантическое понятие и трактует соответствие в смысле воспроизведения действительности», иными словами, «классическое понятие истины может быть сохранено только в форме понятия объективной истины»[31];

«знания, имеющие форму высказывания, теорий, являются истинными, если они соответствуют объективному миру, но не объективному миру самому по себе, как его представляли домарксистские материалисты, а тем его свойствам, которые выявлены практикой данной исторической эпохи. Именно это отношение и определяет содержание объективной истины в диалектико-материалистическом ее понимании»[32].

* * *

Из приведенных концептуальных положений видно, что диалектический материализм как гносеологическая основа реалистического подхода к пониманию и познанию истины так же, как и реалистическая эпистемология в целом, включает в себя античную корреспондентскую (классическую) теорию истины в диалектически «снятом» виде, т.е. не в форме «зрящного» отрицания (которому предаются проф. А.С. Александров и его сторонники, реанимировавшие релятивистские концепции познания прошлых веков), а развивая, конкретизируя эту теорию, с учетом того, что предмет познавательно-практической деятельности – не бесконечные объекты, явления, события, вещи, их свойства, охватываемые предельно широкими философскими понятиями «объективный мир», «действительность» или «реальность», а только те явления, предметы, вещи, события, их свойства, качества, которые есть предмет познавательно-практической деятельности, направленной на удовлетворение и развитие их материальных и социальных потребностей (в т.ч. такой фундаментальной биосоциальной потребности, как потребность в познании истины) на определенном историческом этапе познавательно-практической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова Н.Т.* Логико-методологический анализ феномена «релятивизм». Истоки и пути экстенсивного развития // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2015. С. 363.
2. *Агацци Э.* Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д.Г. Лахути; под ред. и с предисл. В.А. Лекторского. М., 2017. С. 13.
3. *Александров А.* О значении концепции объективной истины // Росс. юстиция. 1999. № 1. С. 23.
4. *Александров А.С.* Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 144.
5. *Алексеев П.В., Панин А.В.* Философия: учеб. М., 2020. С. 198, 199.
6. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–17. М., СПб., 2007. Т. 8. С. 97–99.
7. *Галузо В.Н., Якупов Р.Х.* Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013.
8. *Горелов А.А.* Истина и смысл. М., 2010. С. 28.
9. *Гусейнов А.А.* Добро // Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 203.
10. Доказывание при правоприменении посредством правосудия в Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Н. Галузо. М., 2021.
11. *Жуков В.Н.* Справедливость // Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 691–696.
12. *Ильин В.В.* Теория познания. Гносеология: учеб. М., 2019. С. 16.
13. *Кармин А.С., Бернацкий Г.Г.* Философия: учеб. для студ. и аспирантов вузов. 2-е изд. М., 2009. С. 374.
14. *Князева Е.Н.* Эволюционная эпистемология в ретроспективе и перспективе: вступ. ст. // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред. и сост. Е.Н. Князева. М., 2012. С. 22.
15. *Князева Е.Н.* Эволюционная эпистемология: современный взгляд // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2012. С. 62–89.
16. *Лазарева В.А.* Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5). С. 172.
17. *Левин Г.Д.* Материализм и объективный идеализм: сопоставительный анализ // Перспективы реализма в современной философии: сб. тр. / под ред. В.А. Лекторского. М., 2017. С. 226.
18. *Лекторский В.А.* Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ. М., 2012. С. 11.
19. *Мельник В.В.* Системный анализ существующих подходов к пониманию и познанию истины в российском уголовном судопроизводстве // Государство и право. 2021. № 5. С. 125–135. DOI: 10.31857/S102694520014897-7

[31] Там же. С. 37, 41.

[32] Там же. С. 45.

20. *Никифоров А.Л.* Понятие истины в теории познания // Понятие истины в социогуманитарном познании / отв. ред. А.Л. Никифоров. М., 2008. С. 5.

21. *Нойхауз Н.* Ценности христианской демократии / пер. с нем. М., 2005. С. 15, 17.

22. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 276.

23. *Смирнова Н.М.* Концептуальные проекции релятивизма: когнитивный анализ // Релятивизм как болезнь современной философии / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2015. С. 61.

24. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001. С. 271.

25. *Степин В.С.* Наука // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М., 2009. С. 421.

26. *Суворова Л.А.* Идеальные следы в криминалистике. М., 2006.

27. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М., 2003.С. 465.

28. *Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания. К природе человеческого познания // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред. и сост. Е.Н. Князева. М., 2012. С. 187, 191.

29. *Франкфурт Г.Г.* Об истине / пер. с англ. Г. Рогоняна. М., 2020. С. 16, 21, 25–27, 37, 38, 40, 41.

30. *Черткова Е.Л.* Реализм, скептицизм и истина // Перспективы реализма в современной философии: сб. тр. / под ред. В.А. Лекторского. М., 2017. С. 250.

31. *Чудинов Э.М.* Природа научной истины. М., 1977. С. 12, 37, 39, 41, 45.

REFERENCES

1. *Abramova N.T.* Logical and methodological analysis of the phenomenon of "relativism". Origins and ways of extensive development // Relativism as a disease of modern philosophy / res. ed. V.A. Lektorsky. M., 2015. P. 363 (in Russ.).

2. *Agazzi E.* Scientific objectivity and its contexts / transl. from English by D.G. Lahuti; ed. and with a preface by V.A. Lectorsky. M., 2017. P. 13 (in Russ.).

3. *Alexandrov A.* On the meaning of the concept of objective truth // Russ. justice. 1999. No. 1. P. 23 (in Russ.).

4. *Alexandrov A.S.* Competitiveness and objective truth // Library of criminalist. 2012. No. 3 (4). P. 144 (in Russ.).

5. *Alekseev P.V., Panin A.V.* Philosophy: textbook. M., 2020. P. 198, 199 (in Russ.).

6. The great academic dictionary of the Russian language. Vol. 1–17. M., SPb., 2007. Vol. 8. P. 97–99 (in Russ.).

7. *Galuzo V.N., Yakupov R.H.* Criminal procedure: textbook. 7th ed., rev. M., 2013 (in Russ.).

8. *Gorelov A.A.* Truth and meaning. M., 2010. P. 28 (in Russ.).

9. *Guseynov A.A.* Good // Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., modified and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 203 (in Russ.).

10. Proof in law enforcement through justice in the Russian Federation. 5th ed., rev. and add. / ed. by V.N. Galuzo. M., 2021 (in Russ.).

11. *Zhukov V.N.* Justice // Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., modified and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 691–696 (in Russ.).

12. *Ilyin V.V.* Theory of cognition. Epistemology: textbook. M., 2019. P. 16 (in Russ.).

13. *Karmin A.S., Bernatsky G.G.* Philosophy: textbook for students and graduate students of universities. 2nd ed. M., 2009. P. 374 (in Russ.).

14. *Knyazeva E.N.* Evolutionary epistemology in retrospect and perspective: introductory article // Evolutionary Epistemology. Anthology / scientific ed. and comp. E.N. Knyazeva. M., 2012. P. 22 (in Russ.).

15. *Knyazeva E.N.* Evolutionary epistemology: a modern view // Epistemology: prospects of development / res. ed. V.A. Lektorsky. M., 2012. P. 62–89 (in Russ.).

16. *Lazareva V.A.* Is "objective truth" objective? // Criminalist's Library. 2012. No. 4 (5). P. 172 (in Russ.).

17. *Levin G.D.* Materialism and objective idealism: comparative analysis // Prospects of realism in modern philosophy: collection of articles / ed. by V.A. Lektorsky. M., 2017. P. 226 (in Russ.).

18. *Lektorsky V.A.* Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis. M., 2012. P. 11 (in Russ.).

19. *Melnik V.V.* System analysis of existing approaches to understanding and cognition of truth in Russian criminal proceedings // State and Law. 2021. No. 5. P. 125–135. DOI: 10.31857/S102694520014897-7 (in Russ.).

20. *Nikiforov A.L.* The concept of truth in the theory of knowledge // The concept of truth in social cognition / ed. by A.L. Nikiforov. M., 2008. P. 5 (in Russ.).

21. *Neuhaus N.* The values of Christian democracy / transl. from German. M., 2005. P. 15, 17 (in Russ.).

22. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language. 4th ed., additional. M., 2003. P. 276 (in Russ.).

23. *Smirnova N.M.* Conceptual projection of relativism: cognitive analysis // Relativism as a disease of modern philosophy / ed. by V.A. Lectorsky. M., 2015. P. 61 (in Russ.).

24. Modern dictionary of the Russian language / ed. by S.A. Kuznetsov. SPb., 2001. P. 271 (in Russ.).

25. *Stepin V.S.* Science // Philosophical dictionary / ed. by I.T. Frolov. 8th ed., rev. and additional. M., 2009. P. 421 (in Russ.).

26. *Suvorova L.A.* Ideal traces in criminalistics. M., 2006 (in Russ.).

27. Explanatory Dictionary of the Russian language / ed. by D.V. Dmitriev. M., 2003. P. 465 (in Russ.).

28. *Follmer G.* The evolutionary theory of cognition. Towards the Nature of Human Cognition // Evolutionary epistemology. Anthology / scientific ed. and comp. E.N. Knyazeva. M., 2012. P. 187, 191 (in Russ.).

29. *Frankfurt G.G.* About the truth / transl. from English G. Rohonyan. M., 2020. P. 16, 21, 25–27, 37, 38, 40, 41 (in Russ.).

30. *Chertkov E.L.* Realism, skepticism and truth // Prospects of realism in modern philosophy: collection of articles / ed. by V.A. Lektorsky. M., 2017. P. 250 (in Russ.).

31. *Chudinov E.M.* The nature of scientific truth. M., 1977. P. 12, 37, 39, 41, 45 (in Russ.).

Сведения об авторе

МЕЛЬНИК Валерий Васильевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного процесса Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;
123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

Authors' information

MELNIK Valery V. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of criminal procedure of Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 107–116
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 107–116

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА «КУЛЬТУРА» И ИНСТИТУТА КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 г. Д. С. Ивакина

Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета

E-mail: shaporeva12@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.07.2020 г.

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – анализу методологических основ исследования концепта «культура» и института культурных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. В частности, изучается влияние диалектического метода на институт культурных прав и свобод, анализируется культурологический метод в деле исследования культурных прав и свобод, проводится изучение формально-юридического, историко-правового, сравнительно-правового, а также статистического метода исследования культурных прав и свобод.

Ключевые слова: культурные права и свободы человека и гражданина, концепт «культура», диалектический и иные методы.

Цитирование: *Ивакина Д.С.* Методологические основы исследования концепта «культура» и института культурных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Государство и право. 2021. № 10. С. 107–116.

DOI: 10.31857/S013207690010526-0

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF THE CONCEPT OF "CULTURE" AND THE INSTITUTION OF CULTURAL RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2021 D. S. Ivakina

Kaliningrad branch of the Moscow University of Finance and Law

E-mail: shaporeva12@yandex.ru

Received 12.07.2020

Abstract. The article is devoted to an urgent problem – the analysis of the methodological foundations of the study of the concept of "culture" and the institution of cultural rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation. In particular, the influence of the dialectical method on the institute of cultural rights and freedoms is studied, the cultural method in the study of cultural rights and freedoms is analyzed, a formal legal, historical-legal, comparative legal, and statistical method is studied for the study of cultural rights and freedoms.

Key words: cultural rights and freedoms of man and citizen, the concept of "culture", the dialectical and other methods.

For citation: *Ivakina, D.S. (2021).* Methodological foundations of the study of the concept of "culture" and the institution of cultural rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 107–116.

Конституция РФ закрепляет право человека и гражданина на свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания (ч. 1 ст. 44), а также право участвовать в культурной жизни, пользоваться учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44), право на образование (ст. 43) и другие культурные права и свободы.

Под культурными правами и свободами человека и гражданина в науке конституционного права следует понимать особую группу прав и свобод человека и гражданина, представляющих собой гарантированные конституцией или законом возможности самореализации человека в сфере культурной и научной жизни, а также гарантированные государством возможности каждого свободно использовать весь комплекс культурных благ и удовлетворять свои потребности в этой области[1].

Большой интерес представляет исследование методологических основ концепта «культура» и института культурных прав и свобод человека и гражданина в рамках науки конституционного права Российской Федерации.

Методологии права и методологическим проблемам юридической науки посвящены работы многих известных правоведов[2].

В науке сложилось консолидированное представление о сущности феномена методологии, которая представляет собой систему определенных принципов, способов, приемов, методов, правил научной деятельности, применяемых для получения истинных знаний об окружающей действительности. Причем имеется в виду вся совокупность познавательного инструментария, а также учение об этом инструментарии[3].

В.В. Лазарев и С.В. Липень утверждают, что «методология науки – это выявленная наукой совокупность принципов, приемов, способов научной деятельности, применяемых для получения истинных, отражающих объективную реальность знаний»[4].

Проблема анализа методологических основ исследования концепта «культура» и института культурных прав и свобод человека и гражданина является актуальной в науке конституционного права в силу ряда причин. Во-первых, подобный анализ методов исследования культурных прав и свобод практически не проводился в юридической науке. Имеется обширный материал относительно исследования феномена методологии, отдельных общенаучных и частнонаучных методов познания как в теории государства и права, так и в конституционном праве, но конкретные исследования относительно анализа методологии исследования культурных прав и свобод не проводились.

Во-вторых, методологические основы исследования культурных прав и свобод позволят обозначить проблемное поле феномена культурных прав и свобод как самостоятельного института, имеющего свои признаки, свой механизм реализации, гарантии и т.д., качественно провести анализ нормативного содержания культурных прав и свобод человека и гражданина.

В-третьих, любое фундаментальное исследование начинается с детального анализа методов познания, и культурные права и свободы человека и гражданина не исключение.

Целью исследования является детальный анализ методологических основ изучения концепта «культура» и института культурных прав и свобод человека и гражданина. В свою очередь, задачами выступают: 1) изучение влияния диалектического метода на институт культурных прав и свобод; 2) использование культурологического метода в деле исследования культурных прав и свобод; 3) применение системного метода, а также метода классификации; 4) познание культурных прав личности с помощью частнонаучных методов: формально-юридического, историко-правового, сравнительно-правового; 5) изучение использования статистического метода исследования культурных прав и свобод.

---

[1] См.: *Ивакина Д.С.* Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журнал росс. права. 2020. № 4. С. 28–41.

[2] См., напр.: *Толстик В.А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2000. № 3. С. 5–11; *Демидов А.И.* О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 18; *Сырых В.М.* Логические основания общей теории: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. Т. 1. Элементный состав; *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001; *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003; Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы / под ред. М.Н. Марченко. М., 2006. Вып. I; *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31; *Лазарев В.В., Липень С.В.* История и методология юридической науки: университетский курс для магистрантов юрид. вузов / под ред. А.В. Корнева. М., 2016; *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24; *Экимов А.И.* Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63–72.

[3] См.: Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 12.

[4] См.: *Лазарев В.В., Липень С.В.* Указ. соч. С. 163.

Для всестороннего исследования института культурных прав человека и гражданина необходимо обратиться к различным общенаучным и частнонаучным методам познания.

Существенное значение при исследовании данной группы прав и свобод имеет диалектический метод познания. Диалектика – объективно-истинное учение о процессах и явлениях, существовавших в прошлом и существующих ныне, и обо всем том, что возникает в ближайшем или отдаленном будущем. В этом видится одна из основных особенностей категорий и законов диалектики, отличающих их от понятий и категорий конкретных наук, отражающих исторически преходящие процессы, стороны, связи и сохраняющих свое научное значение в той мере, в какой существует и действует отраженный ими коррелят[5].

В арсенале диалектического метода при исследовании прав и свобод находятся категории, раскрывающие сущность культурных прав и свобод человека и гражданина, а также формы диалектического мышления (суждение, понятие, умозаключение, теория, проблема, гипотеза, идея). Диалектический метод позволяет использовать в науке конституционного права различные культурные аспекты, анализировать эту группу прав в разные исторические периоды. Данный способ направлен на познание сущности культурно-духовных феноменов и социодинамики культуры. Понятие «социодинамика» происходит от соединения латинского слова «социум» – общество и греческого «динамика», что означает состояние движения, ход развития[6]. При рассмотрении социокультурной динамики речь идет об изменениях, которые происходят в культуре под воздействием внешних и внутренних сил.

Важную роль диалектический метод играет при анализе концепта «культура», так как исследование института культурных прав и свобод начинается с изучения именно этого термина.

Концепт «культура» исследовался в философии, социологии, культурологии, политологии, и других областях научного познания. Термин «концепт» был введен в философию П. Абеляром в связи с осмыслением универсалий. П. Абеляр считал, что в процессе познания человек рассматривает различные аспекты единичных вещей (индивидуалий) и путем абстрагирования создает смешанный образ, который выражается именем, словом[7].

В конституционном праве существует весьма скромное количество работ, посвященное этому феномену[8]. В юриспруденции существует ряд работ относительно исследования разновидностей культуры, в частности, правовой, конституционной, но исследований именно концепта «культура» достаточно мало. Именно поэтому роль диалектического метода в деле познания данного феномена неоспорима.

Считаем целесообразным обратиться к сущности термина «концепт». Как указывает Е.В. Сазонникова, концепты – это обобщения наиболее существенных признаков явлений не только на рациональной основе, но с учетом жизненного опыта, интуиции и воображения ученого. Концепты («культура», «нравственность», «справедливость», «экология» и др.) обеспечивают теоретическую организацию знания в тех областях науки конституционного права, где мышление научными понятиями является неплодотворным, потому что трудно обобщить признаки явлений логически.

Вопрос о разграничении «концепта» и «понятия» в самом общем смысле может быть решен следующим образом: понятие отражает объективное единство существенных свойств предмета, созданное на основе правил рассудка, а концепт зависим от субъекта, в его осмыслении важнейшее значение имеет интуиция, жизненный опыт, воображение.

Таким образом, концепт «культура» обобщает разнообразные культурные явления, что позволяет рассматривать это знание как целостность, включенную в предмет науки конституционного права[9].

В законодательстве термин «культура» впервые был закреплен в Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики»[10]. В данном документе под культурой понимается совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и др.).

Но в Законе РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (в ред. Федерального закона от 01.04.2020 г.)

[5] См.: Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 131.

[6] См.: Культурология / под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д., 1999. С. 422.

[7] См.: *Усманова А.Р.* Петер Абеляр // Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск, 2002. С. 776.

[8] См.: *Сазонникова Е.В.* Наука конституционного права и концепт «культура»: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

[9] См.: *Сазонникова Е.В.* Указ. соч. С. 28.

[10] См.: СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I), ст. 7753.

«Основы законодательства Российской Федерации о культуре»[11] данный термин отсутствует. Получается, что вплоть до 2014 г. в отраслевом законодательстве понятие «культура» не было закреплено. Конечно, существует научная доктрина, и там вопросы культуры рассматривались, причем разрозненно и в основном в теории государства и права, например, вопрос о правовой культуре детально рассматривался в науке. Освещались также отдельные культурные аспекты, но понятие «культура» в правовом контексте мало исследовалось, и такое широко используемое определение не нашло своего места в законодательстве.

На наш взгляд, данная ситуация объясняется рядом причин. Во-первых, Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» принимался в 1992 г. В то время происходили кардинальные изменения в социальной, политической, и прежде всего экономической жизни страны. Культуре была отведена второстепенная роль. Она существовала сама по себе, веками передаваемые культурные ценности просто сохранялись поколениями людей.

Во-вторых, на Федеральное Собрание легла огромная нагрузка по принятию необходимых и важных законодательных актов, регулирующих первостепенные сферы жизни общества, опять же политическую, экономическую, социальную, кардинально отличные от советских. И снова не до культуры. Причем, заметим, что указанный Закон действует и доныне. Законодательный орган Российской Федерации так и не принял новый закон о культуре, столь необходимый, хотя бы в силу приведения его в соответствие с Конституцией РФ.

В-третьих, вплоть до 2014 г. в государстве происходит налаживание эффективной работы государственных органов, региональных органов власти, местного самоуправления. Усиленно развивается экономическая сфера, в частности бизнес. Социальные вопросы также требуют своего решения, например, пенсионная реформа. Культура снова отодвигается на задний план.

Безусловно, для своего времени Основы законодательства о культуре имели большое значение как системообразующий для законодательства о культуре акт, однако с течением времени устарели и не осветили все вопросы, связанные с культурой.

В Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» наконец-то закрепляется понятие «культура», «духовная сфера», «менталитет, ментальность российского народа», «информационная среда», «информационная грамотность». В полном спектре представлены категории, обремененные культурной составляющей.

Разновидностью культуры выступает правовая культура[12]. Правовая культура – это одна из форм социально значимой творческой деятельности граждан в сфере государственно-правовых отношений, которая выражается в правовых нормах, институтах, в способности оценки этих явлений и духовных продуктах жизнедеятельности, в навыках и ценностях, которые влияют на их юридически значимое поведение.

Правовая культура – один из факторов, детерминирующих процессы формирования и реализации норм права. Поэтому полноценное изучение названных процессов возможно только путем обращения к соответствующим культурным феноменам. Правовая культура связана и зависит от общей культуры как части общественного сознания.

Понятие «правовая культура», сформулированное на основе диалектического подхода, играет большую роль при определении предметной области юридической науки, которая не должна ограничиваться правовыми актами, правоприменительными решениями. Ученые справедливо отмечают, что право находится в тесной связи с искусством, литературой, театром[13].

Поэтому исследование юридических явлений может происходить на основе анализа литературных произведений, сказаний, мифов, легенд, пословиц, телерадиопередач, кинофильмов, других культурных артефактов, содержащих информацию, позволяющую глубже познавать юридические нормы.

В свете рассмотренных определений концепта «культура» важным является феномен конституционной культуры как разновидности правовой культуры.

В литературе отмечается, что конституционная культура – разновидность общей, и в частности правовой, культуры. Она представляет собой обусловленное социально-экономическим, духовным и политическим строем качественное состояние конституционно-правовой жизни

[11] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46, ст. 2615; СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I), ст. 2028.

[12] См., напр.: *Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В.* Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9

[13] См.: *Гриценко Г.Д.* Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция): дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2003. С. 4–10.

общества, отражающее меру освоения и использования конституционных ценностей[14].

В результате проводимой в Российской Федерации конституционной реформы изменения, которые внесены в Конституцию РФ, затронули не только политическую, социальную и экономическую сферы, но и сферу культуры в целом.

В соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ[15] ст. 69 Конституции РФ дополнена положениями о том, что государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Часть 3 ст. 69 закрепляет норму о том, что Российская Федерация оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности.

Согласно указанному Закону Конституция РФ также дополнена ст. 67^1. Наконец в Конституции РФ содержится норма о вере в Бога. Часть 2 ст. 67^1 гласит, что Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Важное значение для российского общества имеет и ч. 4 ст. 67^1, в которой отмечается, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики Российской Федерации. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения.

Кроме того, в Конституцию РФ добавлен пункт «ж[1]» в ст. 72, в соответствии с которым закрепляется норма о защите семьи, материнства, отцовства и детства; защите института брака как союза мужчины и женщины; создании условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях.

Таким образом, Конституция РФ обозначила институт брака как духовную ценность для общества и государства, а также закрепила положения о том, что семейные ценности находятся под покровительством государства, что является важным шагом в укреплении государственности.

1 июля 2020 г. состоялось голосование граждан по пакету поправок к Конституции РФ, которое отразило уровень конституционной культуры в российском обществе. Понимание гражданами Российской Федерации важности данного мероприятия позволило успешно завершить конституционную реформу.

В целом изменения, которые внесены в Конституцию РФ, сделали большой шаг в развитии государственности, построении правового государства и укреплении значения культуры для российского общества.

По нашему мнению, именно благодаря диалектическому методу познания следует в науку конституционного права ввести понятие «категории, обремененные культурной составляющей», под которыми следует понимать категории, включающие культурный аспект или указывающие на связь с концептом «культура». К ним следует отнести такие категории и термины, как «культурные права и свободы человека и гражданина», «культура», «правовая культура», «конституционная культура», «культурная жизнь», «культурные ценности», «культурное многообразие», «культурная политика государства» и т.д.

Особого внимания заслуживает культурологический метод. В литературе отмечается, что «наука выступает как элемент культуры в целом, воплощающий определенный тип деятельности...»[16] в этой сфере.

Культурологический подход включает применение методов исследования культуры для познания конституционно-правовых явлений. Его использование позволяет понять специфику закрепления в конституционном праве различных культурных аспектов.

В рамках вышеназванного подхода права, в т.ч. культурные права человека и гражданина, рассматриваются с точки зрения того влияния, которое на человека оказывают порожденные им материальные и нематериальные объекты. Вполне справедливо отмечено, что «человек является творцом культуры, а она, в свою очередь, творит человека» совместно с обществом[17].

Культурологический метод позволяет использовать знания культурологии и применять их в процессе исследования концепта «культура»,

[14] См.: *Кряжков В.А.* Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия 2008. № 3. С. 3–8.

[15] См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[16] *Швырев В.С.* Научное познание как деятельность. М., 1984. С. 22.

[17] См.: Культурология / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М., 2005. С. 73.

культурных прав и свобод, культурных отношений, культурного развития и культурной политики государства в конституционном праве.

Термин «конституционное культуроведение», впервые предложенный Е.В. Сазонниковой[18], прочно вошел в научный оборот и, безусловно, требует дальнейших разработок.

Выделим отдельные вопросы, составляющие проблемное поле конституционного культуроведения с использованием не только культурологического метода, но и иных упомянутых методов: 1) исследование института культурных прав и свобод в рамках конституционного права; 2) изучение конституционной культуры с учетом происходящих конституционных преобразований; 3) анализ позиций Конституционного Суда РФ, касающихся защиты культурных прав и свобод; 4) исследование конституционных ценностей, в т.ч. места культуры в системе этих ценностей; 5) изучение категорий, обремененных культурной составляющей; 6) влияние искусства на культурный уровень личности и т.д.

В рамках конституционного культуроведения большой интерес представляет работа В.О. Лучина, Т.М. Пряхиной «Конституция в культурном пространстве»[19]. Авторы отмечают, что синтез права и искусства в сфере конституционно-правовой тематики позволяет найти новые формы закрепления конституционного императива в практике государственной и общественной жизни, повысить уровень правовой культуры россиян, нарастить общекультурный уровень российского общества в целом. Не может считаться культурным человек, нарушающий Конституцию и иные законы государства. И наоборот, высококультурная личность будет придерживаться правомерной модели поведения. Конституция РФ гарантирует единство культурного пространства как во временном, так и в пространственном отношении.

Вышеизложенное подтверждает необходимость развития конституционного культуроведения, в частности исследований, касающихся конституционных категорий, обремененных культурной составляющей.

Большое значение для данного исследования имеет системный метод. Он использован для изучения знания о культурных правах как определенной целостности, построения их внутренней организации.

Актуализация системного подхода обусловлена двумя важными обстоятельствами. Во-первых, все более настоятельной теоретической и практической необходимостью целостного, системного и комплексного освоения и преобразования социальных условий жизни и соответствующих общественных отношений. Ныне отчетливо выявляется потребность внедрения системного метода не только в науку, но и в организацию и управление производством, социальными, политическими процессами. Во-вторых, современное научное знание и деятельность настолько углубляются, специализируются и дифференцируются, что общая картина общественного бытия, общественная практика как бы распадаются на отдельные на первый взгляд не связанные между собой и обособленные друг от друга фрагменты или формы деятельности. Возникает объективная потребность не только в систематизации знания и деятельности, но и в их интеграции, синтезе, в восстановлении общей картины общественного бытия, общественной практики в целом. И эту задачу призван реализовать системный подход в исследовании, который предполагает всесторонний анализ сложных динамических целостностей, части которых находятся между собой в единстве и взаимодействии[20]. Заметим, что подобное единство и взаимодействие не всегда являются оптимальными или сбалансированными.

Системный метод используется также для обозначения места культурных прав и свобод человека и гражданина в системе основных прав и свобод личности. Его применение позволило дифференцировать совокупность нормативных актов, регулирующих отношения в сфере культуры, выделив Конституцию РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные акты и т.д.

Существенное значение имеет метод классификации анализируемой группы прав и свобод, выступающий как часть более широкого логического метода. Она (классификация) позволяет обозначить их конкретные виды (подвиды) на основании сходства в определенных свойствах (качествах). Это делает возможным выделение в качестве самостоятельных – культурных, экономических, социальных, политических, личных прав и свобод и их объединение в единую систему основных прав и свобод.

И.В. Понкин и А.И. Редькина отмечают, что метод классификации используется для достижения различных целей, как научно-теоретических, так и сугубо практических. Классификационные методы и процедуры применяются в научном

[18] См.: *Сазонникова Е.В.* Указ. соч. С. 118, 119.

[19] См.: *Лучин В.О., Пряхина Т.М.* Конституция в культурном пространстве. Саратов, 2018. С. 67.

[20] См.: *Керимов Д.А.* Указ. соч. С. 226.

исследовании для решения самых различных познавательных задач. Классификация выступает методом формирования и (или) отражения реального или воображаемого порядка[21]. Она позволяет глубже, полнее познать суть явления и упорядочить накопленные знания.

Метод классификации выступает как самостоятельный и самодостаточный, так как на его основе проводится классификация культурных прав и свобод, например, деление культурных прав и свобод на основные и иные культурные права. Первые закреплены в Конституции РФ, а вторые находят отражение в отраслевом законодательстве. С помощью данного метода также выделяются и классифицируются определенные конституционные ценности и правовые позиции Конституционного Суда РФ, связанные с использованием концепта «культура».

Наряду с традиционными культурными правами (право на свободу творчества, право на образование, право на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества, право на доступ к культурным ценностям, пользование учреждениями культуры, на участие в культурной жизни, право на свободу преподавания) можно выделить и новую подгруппу культурных прав и свобод – информационные права в области культуры.

Так, например, в научный оборот конституционного права следует ввести новую категорию «информационные права в области культуры». Информационные права в области культуры являются частью цифровых прав человека и выступают подгруппой культурных прав и свобод человека и гражданина в целом. Причем процесс становления информационных прав в области культуры еще не закончен, и, возможно, в будущем перечень таких прав будет уточняться и дополняться новыми правами. Однако к таким правам можно отнести: право на получение информации о культуре, право на участие в культурной жизни в интернет-пространстве, право на свободу творчества в интернет-пространстве, право на дистанционное обучение, право на образование в интернет-пространстве.

Большое значение при исследовании информационных прав и свобод в области культуры имеет вопрос о формировании информационной культуры личности как разновидности культуры в целом. И особого внимания в этой связи заслуживает поддержка благоприятной для становления личности информационной среды. Причем благоприятной для становления личности информационная среда может быть тогда, когда вся информация и материалы излагаются правильным литературным языком, когда информация готовится профессиональными журналистами, когда в радио и телеэфире представлены произведения классического и современного искусства, когда через сеть Интернет открыт доступ к национальным цифровым информационным и культурным ресурсам.

Выделение новой подгруппы культурных прав и свобод происходит с помощью метода классификации.

Особое значение при познании культурных прав личности имеют частнонаучные методы: формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. Они используются для изучения конституционно-правовых норм, регулирующих культурные права и свободы человека и гражданина, а также для выявления сходств и различий между нормами российского и зарубежного конституционного права, российского и международного права, а также между отдельными историческими периодами культурного развития России.

В системе методов познания правовой действительности сравнительный метод играет далеко не последнюю роль. В научной литературе он рассматривается как «метод исследования, позволяющий выявить с помощью сравнения общее и особенное» в различных правовых семьях, глубоко и четко определять их природу, точно устанавливать особенности их функционирования и тенденции их развития[22].

Сравнительно-правовой метод используется для выявления отношений сходства и различия между государственно-правовыми системами или их фрагментами. И в этом аспекте он является уникальным и неповторимым. Никакой другой общий или специальный способ не способен обеспечивать получение объективно-истинных знаний такого уровня. По крайней мере в правоведении нет никаких предложений о том, чтобы заменить сравнительно-правовой метод каким-то другим, более плодотворным[23]. Благодаря данному методу можно раскрыть саму суть тех или иных правовых состояний, категорий, закономерностей. Например, плодотворным является сопоставление группы культурных прав и свобод в различных государствах СНГ. Кроме того, сравнительно-правовой метод используется при анализе зарубежного опыта реализации культурной

[21] См.: *Понкин И.В., Редькина А.И.* Классификация как метод научного исследования, в частности, в юридической науке // Вестник Пермского ун-та. 2017. № 3. С. 249–259.

[22] См.: Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы / под ред. М.Н. Марченко. Вып. I. С. 243.

[23] См.: *Сырых В.М.* Указ. соч. С. 415.

политики. Происходит сравнение культурной политики зарубежных государств и Российской Федерации. Например, опыт проведения культурной политики в странах Европейского Союза может быть критически изучен для выработки основных направлений культурной политики Российской Федерации.

Историко-правовой метод применяется для исследования становления института культурных прав человека и гражданина в СССР, РСФСР и Российской Федерации. Так, он успешно используется для рассмотрения предпосылок зарождения института культурных прав и свобод еще в Российской Империи, а в дальнейшем – при выявлении культурных прав в первых советских конституциях. Велика также роль историко-правового метода в исследовании генезиса культурных прав и свобод, начиная с 1990-х годов. Причем его применение обусловлено необходимостью анализа постоянно обновляемого отраслевого законодательства в сфере культуры. Актуален он при исследовании исторических событий в культурной сфере, в прослеживании положительных и негативных тенденций в развитии законодательства, регулирующего данные права и свободы человека и гражданина.

Не менее велика роль формально-юридического метода на стадии индуктивного обобщения единичных фактов и описания полученных результатов. С его помощью осуществляется выявление и описание статистических связей и закономерностей, вычленение результатов действия одного или нескольких социальных, правовых и иных факторов. Формализация может применяться и на стадии формирования теоретических знаний для выявления связей между отдельными понятиями, обоснования истинности или ложности некоторых видов знаний[24]. Формально-юридический метод применялся для выявления и описания закономерностей развития анализируемой группы прав в конкретных конституционно-правовых текстах с учетом их содержания и понимания законодателем. Он получил применение также при анализе содержания закономерностей развития культурных прав и соответствующих отношений в текстах отраслевого законодательства, причем как в действующих нормативных актах, например, в Законе РФ от 9 октября 1992 г. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», в Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. «Об утверждении Основ государственной культурной политики» и др., так и в законопроектах (например, о культуре).

Статистический метод также нашел применение в деле исследования культурных прав и свобод. В частности, при интерпретации статистических данных относительно количества действующих учреждений культуры (например, театров, музеев, филармоний) и образования. Он используется и при анализе ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в РФ (в части значимых культурных прав и свобод путем сопоставления процентного соотношения нарушений культурных прав).

Роль обозначенных научных методов достаточно велика, а их применение позволит провести достоверный анализ сущности культурных прав и свобод, рассмотреть основные категории, обремененные культурной составляющей, выяснить систему и содержание культурных прав и свобод, их признаки, изучить механизм реализации и гарантии.

* * *

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1) изучено влияние диалектического метода на институт культурных прав и свобод, причем диалектический метод имеет значение для исследования концепта «культура» и института культурных прав и свобод. В арсенале диалектического метода при исследовании культурных прав и свобод находятся категории, раскрывающие сущность культурных прав и свобод человека и гражданина, а также формы диалектического мышления (суждение, понятие, умозаключение, теория, проблема, гипотеза, идея);

2) обозначена особая роль культурологического метода в деле исследования культурных прав и свобод. Культурологический подход включает применение методов исследования культуры для познания конституционно-правовых явлений;

3) указана необходимость применения системного метода, а также метода классификации;

4) особое значение при познании культурных прав личности имеют частнонаучные методы: формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой;

5) обозначена необходимость использования статистического метода исследования;

6) совокупность рассмотренных методов позволит внести вклад в науку конституционного права в контексте исследования концепта «культура» и института культурных прав и свобод человека и гражданина.

[24] См.: *Сырых В.М.* Указ. соч. С. 460.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гриценко Г.Д.* Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция): дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2003. С. 4–10.
2. *Демидов А.И.* О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 18.
3. *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.
4. *Ивакина Д.С.* Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журнал росс. права. 2020. № 4. С. 28–41.
5. *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 226.
6. *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
7. *Кряжков В.А.* Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3. С. 3–8.
8. Культурология / под ред. Г.В. Драча. Ростов н/Д., 1999. С. 422.
9. Культурология / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М., 2005. С. 73.
10. *Лазарев В.В., Липень С.В.* История и методология юридической науки: университетский курс для магистрантов юрид. вузов / под ред. А.В. Корнева. М., 2016. С. 163.
11. *Лучин В.О., Пряхина Т.М.* Конституция в культурном пространстве. Саратов, 2018. С. 67.
12. *Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В.* Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9
13. Методология юридической науки: состояние, проблемы, перспективы / под ред. М.Н. Марченко. М., 2006. Вып. I. С. 243.
14. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Классификация как метод научного исследования, в частности, в юридической науке // Вестник Пермского ун-та. 2017. № 3. С. 249–259.
15. *Сазонникова Е.*В. Наука конституционного права и концепт «культура»: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 28, 118, 119.
16. Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 2007. С. 12, 131.
17. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. Т. 1. Элементный состав. С. 415, 460.
18. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.
19. *Толстик В.А.* От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2000. № 3. С. 5–11.
20. *Усманова А.Р.* Петер Абеляр // Всемирная энциклопедия: философия / гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск, 2002. С. 776.
21. *Швырев В.С.* Научное познание как деятельность. М., 1984. С. 22.
22. *Экимов А.И.* Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63–72.

REFERENCES

1. *Gritsenko G.D.* Law as a socio-cultural phenomenon (philosophical and anthropological concept): dis. ... Dr. Philos. sciences. Stavropol, 2003. P. 4–10 (in Russ.).
2. *Demidov A.I.* On the methodological situation in jurisprudence // Pravovedenie. 2001. No. 4. P. 18 (in Russ.).
3. *Zhukov V.N.* Jurisprudence as a science: return to forgotten truths // State and Law. 2017. No. 9. P. 5–24 (in Russ.).
4. *Ivakina D.S.* Cultural rights and freedoms of man and citizen: issues of content, methodology and classification // Journal of Russ. law. 2020. No. 4. P. 28–41 (in Russ.).
5. *Kerimov D.A.* Methodology of law: subject, functions, problems of philosophy of law. 3rd ed., reprint. and additional. M., 2003. P. 226 (in Russ.).
6. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science ("Round Table" of the Department of theory of state and law and political science of the Faculty of law at Lomonosov Moscow state University and the journal "State and Law") // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
7. *Kryazhkov V.A.* Constitutional culture in the mirror of justice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Constitutional Justice. 2008. No. 3. P. 3–8 (in Russ.).
8. Culturology / ed. by G.V. Drach. Rostov n/D., 1999. P. 422 (in Russ.).
9. Culturology / ed. by Yu.N. Solonin, M.S. Kagan. M., 2005. P. 73 (in Russ.).

10. *Lazarev V.V., Lipen S.V.* History and methodology of legal science: university course for undergraduates in Law universities / ed. by A.V. Kornev. M., 2016. P. 163 (in Russ.).

11. *Luchin V.O., Pryakhina T.M.* Constitution in the cultural space. Saratov, 2018. P. 67 (in Russ.).

12. *Mal'ko A.V., Guryev V.V., Zatonsky V.A., Krotkova N.V.* Legal culture, legal policy and human rights (Review of materials of the scientific and practical conference) // State and Law. 2021. No. 2. P. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9 (in Russ.).

13. Methodology of legal science: state, problems, prospects / ed. by M.N. Marchenko. M., 2006. Issue I. P. 243 (in Russ.).

14. *Ponkin I.V., Redkina A.I.* Classification as a method of scientific research, in particular, in legal science // Herald of the Perm University. 2017. No. 3. P. 249–259 (in Russ.).

15. *Sazonnikova E.V.* The science of constitutional law and the concept of "culture": issues of theory and practice: dis. ... Doctor of Law. M., 2012. P. 28, 118, 119 (in Russ.).

16. Modern research methods in jurisprudence / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. Saratov, 2007. P. 12, 131 (in Russ.).

17. *Syrykh V.M.* Logical foundations of general theory: in 2 vols. 2nd ed., rev. and additional. M., 2001. Vol. 1. Elemental composition. P. 415, 460 (in Russ.).

18. *Tarasov N.N.* Methodological problems of legal science. Ekaterinburg, 2001 (in Russ.).

19. *Tolstik V.A.* From the pluralism of legal understanding to the struggle for the content of law // State and Law. 2000. No. 3. P. 5–11 (in Russ.).

20. *Usmanova A.R.* Peter Abelar // World Encyclopedia: philosophy / ch. scientific ed. A.A. Gritsanov. Minsk, 2002. P. 776 (in Russ.).

21. *Shvyrev V.S.* Scientific cognition as activity. M., 1984. P. 22 (in Russ.).

22. *Ekimov A.I.* Trust in legal science in Russia: methodological and praxeological problems // State and Law. 2021. No. 6. P. 63–72 (in Russ.).

Сведения об авторе

ИВАКИНА Дарья Сергеевна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых и уголовно-правовых дисциплин
Калининградского филиала Московского
финансово-юридического университета;
236000 г. Калининград, ул. Ермака, д. 3

Authors' information

IVAKINA Darya S. –
PhD in Law, associate Professor
of the Department of state law
and criminal law disciplines, Kaliningrad branch
of the Moscow University of Finance and Law;
3 Ermaka str., 236000 Kaliningrad, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 117–126
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 117–126

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИИ

ИМПЕРАТИВНОСТЬ И ДИСПОЗИТИВНОСТЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОГО ПОДХОДА РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

© 2021 г. Н. Ю. Турищева

Избирательная комиссия Краснодарского края, г. Краснодар;
Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E-mail: dom0023@mail.ru

Поступила в редакцию 24.06.2021 г.

Аннотация. В статье рассматривается комплекс проблем государственно-правовой действительности, изучение которых обусловлено трансформацией содержания традиционных методов правового регулирования избирательных правоотношений. Последние изменения избирательного законодательства свидетельствуют не только о пересечении императивного и диспозитивного начал в избирательном процессе, но и о замещении одного метода регулирования другим. Значительная роль в формировании новых избирательных процедур отводится избирательным комиссиям, выступающим субъектами создания «мягкого» права, деятельность которых отражает социокультурные процессы и новое понимание государственного управления. Особое внимание в статье уделено выдвижению и регистрации кандидатов как наиболее ценностно-ориентированному этапу в рамках всего избирательного процесса. На основании анализа юридических оснований регистрации кандидатов автор приходит к выводу о том, что законодатель опосредует формы реализации пассивного избирательного права через отдельные элементы прямого или косвенного участия избирателей, претворяющих в жизнь свое активное избирательное право. Развитие основных институтов избирательного права происходит на основе использования потенциала передовых цифровых технологий, направленных на расширение прав участников избирательного процесса. Новые правила, определяющие механизм реализации субъективных избирательных прав, должны получить императивное регулирование в тексте закона.

Ключевые слова: избирательный процесс, методы регулирования, новые смыслы, развитие содержания избирательных прав, регистрация кандидатов, судебное рассмотрение избирательных споров.

Цитирование: *Турищева Н.Ю.* Императивность и диспозитивность избирательного процесса в контексте ценностного подхода реализации избирательных прав // Государство и право. 2021. № 10. С. 117–126.

DOI: 10.31857/S102694520017266-3

THE IMPERATIVENESS AND DISPOSITIVITY OF THE ELECTORAL PROCESS IN THE CONTEXT OF THE VALUE APPROACH TO THE REALIZATION OF ELECTORAL RIGHTS

© 2021 N. Yu. Turishcheva

Election Commission of the Krasnodar region, Krasnodar;
Kuban State University, Krasnodar

E-mail: dom0023@mail.ru

Received 24.06.2021

Abstract. The article deals with a complex of problems of state-legal reality, the study of which is due to the transformation of the content of traditional methods of legal regulation of electoral relations. Recent changes in the electoral legislation indicate not only the intersection of imperative and dispositive principles in the electoral process, but also the replacement of one method of regulation by another. A significant role in the formation of new electoral procedures is assigned to election commissions, acting as subjects of the creation of "soft" law, whose activities reflect socio-cultural processes and a new understanding of public administration. Special attention is paid to the nomination and registration of candidates as the most value-oriented stage in the entire electoral process. Based on the analysis of the legal grounds for the registration of candidates, the author comes to the conclusion that the legislator mediates the forms of implementation of the passive electoral right through certain elements of direct or indirect participation of voters who implement their active electoral right. The development of the main institutions of Electoral Law is based on the use of the potential of advanced digital technologies aimed at expanding the rights of participants in the electoral process. The new rules defining the mechanism for the implementation of subjective electoral rights should receive mandatory regulation in the text of the law.

Key words: electoral process, methods of regulation, new meanings, development of the content of electoral rights, registration of candidates, judicial review of electoral disputes.

For citation: *Turishcheva, N. Yu. (2021).* The imperativeness and dispositivity of the electoral process in the context of the value approach to the realization of electoral rights // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 117–126.

Необходимость достижения баланса конституционно закрепляемых ценностей, обусловленных, с одной стороны, реализацией избирательных прав, с другой – имеющих целью формирование легитимных органов публичной власти, находит отражение в соотношении императивного и диспозитивного начал регулирования избирательного процесса.

Соотношение свободы участия в выборах и необходимости соблюдения ограничений, установленных избирательным законодательством, предопределяет особенности отечественного избирательного процесса, в т.ч. императивность и диспозитивность методов правового регулирования, применяемых к избирательным правоотношениям в зависимости от уровня выборов, видов избирательных систем, этапа избирательной кампании, состава участников и других обстоятельств.

Непреходящее значение выборов как важнейшего социально-политического института предопределяет его развитие. В соответствии с новой правовой реальностью происходит трансформация содержания традиционных методов правового регулирования, соотносимых с «агентоцентричным» институционализмом, определяющим природу и цели государственных действий[1] и отражающим направление в развитии права от узких правил поведения к результирующему всеобъемлющему порядку организации деятельности[2].

Значительная роль в формировании новых избирательных процедур отводится деятельности избирательных комиссий, выступающих субъектами создания «мягкого» конституционного права (рекомендации ЦИК России, решения комиссий, организующих выборы) и способствующих включению в избирательный процесс актуальных технологий организации выборов.

По мнению Б.С. Эбзеева, конституционализм сегодня нуждается в новом осмыслении, диктуемом рядом факторов, в том числе радикальным изменением социальной структуры общества. Мягкие способы социального управления требуют адекватных им способов правового регулирования, сила которых заключается в широком общественном согласии относительно приоритетов социально-экономической политики[3].

Императивный метод традиционно рассматривается как безусловно превалирующий в регулировании избирательных правоотношений. Вместе с тем Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ)[4] содержит достаточно широкий перечень норм, посвященных выборам регионального и особенно – муниципального уровня, предусматривающих диспозитивное регулирование.

Избирательный процесс, рассматриваемый как деятельность уполномоченных субъектов, представляет собой совокупность двух встречных

[1] См.: *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М., 2019. С. 113.

[2] См.: *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2016. С. 93, 94.

[3] См.: *Эбзеев Б.С.* «Твердое» и «мягкое» право в конституционном правопорядке России (новые смыслы в понимании источников права) // Государство и право. 2019. № 12. С. 34, 37.

[4] См.: СЗ РФ. 2002. № 24, ст. 2253; 2021. № 23, ст. 3916.

начал, характеризующих, с одной стороны, деятельность органов, осуществляющих применение права в рамках установленной федеральным законодательством собственной компетенции, с другой – деятельность субъектов, осуществляющих использование права в рамках предоставленных субъективных избирательных прав. Деятельность первых из них (избирательных комиссий, органов государственной власти и местного самоуправления, суда, средств массовой информации и др.) является отражением принципа императивности в избирательном процессе. Перечисленные субъекты уполномочены действовать в соответствии с нормами избирательного законодательства, выполняя возложенные на них обязанности, неисполнение которых влечет установленные меры юридической ответственности. Деятельность же вторых (избирателей, кандидатов, избирательных объединений, доверенных лиц кандидатов, наблюдателей, членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса и других участников избирательного процесса) отражает принцип диспозитивности в избирательном процессе. Данные субъекты действуют в рамках осуществления принадлежащих им избирательных прав, по своему усмотрению и в соответствии со своими интересами выбирая варианты возможного поведения и соблюдая установленные запреты и ограничения, несоблюдение которых влечет установленные меры юридической ответственности.

Диспозитивное начало реализации субъективных избирательных прав (каждый участник избирательного процесса вправе свободно определять свое участие или неучастие в выборах в качестве избирателя, кандидата, доверенного лица, наблюдателя и др.) запускает механизм избирательного процесса как совокупности определенных избирательных действий и процедур, последовательность которых является необходимой составляющей процесса в целом, в то же время каждое из них в отдельности не исчерпывает его в полном объеме.

Принцип диспозитивности находит отражение в нормах Федерального закона № 67-ФЗ через закрепление тех процессуальных возможностей, которые предоставляются участникам избирательного процесса. Так, участие гражданина в выборах является свободным и добровольным (может участвовать в голосовании, может отказаться от участия в голосовании без каких-либо правовых последствий; может участвовать в агитации в формах и методами, установленными законом; может участвовать в финансировании избирательной кампании кандидата или избирательного объединения путем внесения пожертвований; в статусе наблюдателя участвовать в наблюдении за ходом голосования и подсчетом голосов избирателей; обжаловать в судебном порядке итоги голосования на том участке, где принимал участие в голосовании, и др.).

Принцип диспозитивности для кандидата означает возможность свободного выдвижения своей кандидатуры на выборах любого уровня при условии соблюдения требований наделения пассивным избирательным правом, возможность выбора форм и методов ведения агитации, не запрещенных законом, возможность обжалования решений и действий соответствующих избирательных комиссий, обращения в суд с заявлениями о защите избирательных прав и др.

Таким образом, принцип диспозитивности в избирательном процессе тесно связан со свободой и добровольностью участия в выборах, отражает право участников избирательных кампаний действовать по своему усмотрению и в своих интересах. Императивность же избирательного процесса отражает необходимость выполнения установленных правил и ограничений в целях соблюдения равенства прав его участников, исключения нарушения требований избирательного законодательства, достижения цели формирования полноценных органов публичной власти.

Как отмечает А.Е. Постников, система правового регулирования выборов в России такова, что состав и содержание институтов избирательного права являются общими как для федерального законодательства, так и для законодательства субъектов Российской Федерации. Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закона № 67-ФЗ законами субъектов Федерации могут устанавливаться гарантии избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, дополняющие гарантии, установленные настоящим Федеральным законом. Однако на практике в силу универсальности норм Федерального закона № 67-ФЗ субъекты Федерации могут лишь определять отдельные параметры избирательной системы, применяемой на выборах в субъектах Федерации, и особенности некоторых избирательных процедур[5], что в целом отражает тенденцию «централизации избирательного процесса»[6].

Императивный порядок регулирования, закрепляемый действующим избирательным законодательством, характерен для подавляющего большинства институтов отечественного избирательного права: информационного обеспечения

[5] См.: *Постников А.Е.* Избирательное право как подотрасль российского конституционного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 4. С. 4–12.

[6] *Постников А.Е.* Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» // Журнал росс. права. 2020. № 5. С. 38, 39.

выборов, регистрации избирателей, образования избирательных округов и избирательных участков, регистрации кандидатов и списков кандидатов, финансирования избирательной кампании, подведения итогов голосования и определения результатов выборов.

В целом императивный характер присущ нормам, определяющим порядок возникновения, изменения или прекращения статуса участника избирательного процесса. Именно эти нормы и образуют формальные источники конституционного права, т.е. процедуры и методы создания конституционно-правовых норм, имеющие общее применение, которые юридически обязательны для своих адресатов[7].

Независимо от уровня выборов императивное регулирование присуще порядку закрепления статуса членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, а также таких участников избирательного процесса, как наблюдатели, члены комиссий с правом совещательного голоса, доверенные лица кандидатов, уполномоченные представители по финансовым вопросам, представители СМИ. Федеральный законодатель в безальтернативном ключе определяет основания и порядок приобретения и прекращения статуса указанных участников избирательного процесса, деятельность которых направлена на реализацию пассивного избирательного права, принадлежащего кандидатам, в том числе включенным в пропорциональный список кандидатов.

Порядок же приобретения статуса основных участников избирательного процесса: кандидатов и избирательных объединений, а также процедуры, связанные с выдвижением и регистрацией кандидатов, списков кандидатов, отнесены к регулированию специальных законов, посвященных выборам соответствующего уровня. В отношении выборов Президента РФ и депутатов Государственной Думы Федеральный закон № 67-ФЗ, закрепляя общие начала реализации указанных процедур, устанавливает, что они регулируются федеральным законом, т.е. предусматривается бланкетное регулирование, отсылающее к соответствующему Федеральному закону («О выборах Президента Российской Федерации» или «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»).

В отношении выборов регионального и муниципального уровня Федеральный закон № 67-ФЗ в отдельных случаях закрепляет определенные альтернативные возможности для регионального законодателя, предоставляя ему свободу усмотрения, в отдельных случаях – устанавливает определенные границы, в рамках которых может действовать законодатель субъекта Федерации, тем самым делегируя ему полномочия по конкретизации соответствующих требований. Таким образом, на уровне Федерального закона № 67-ФЗ применяется диспозитивное регулирование.

Так, в законодательстве Российской Федерации о выборах глав регионов установлены границы «муниципального фильтра» – от 5 до 10%, и именно законодатель субъекта Федерации вправе определить количество подписей, необходимое для поддержки выдвижения кандидата.

Кроме этого в соответствии с положениями Федерального закона № 67-ФЗ законодатель субъекта Федерации вправе определить, применяется ли на выборах высшего должностного лица субъекта Федерации институт самовыдвижения; вправе установить величину заградительного барьера, а также число депутатов законодательного органа государственной власти субъекта Федерации или одной из его палат, избираемых по пропорциональной избирательной системе, которое не может быть менее 25%.

Относительно муниципальных выборов в Федеральном законе № 67-ФЗ диспозитивное регулирование предусмотрено для определения порядка осуществления отдельных избирательных действий, влекущих приобретение (изменение) или прекращение статуса участника избирательного процесса. Так, к ведению законодателя субъекта Российской Федерации отнесена возможность установления следующих требований: применение заявительного порядка регистрации (без сбора подписей) на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований со средней нормой представительства избирателей не более десяти тысяч; возможность не формировать избирательный фонд, возможность для кандидатов не представлять сведения о доходах и имуществе и другие нормы, применимые при соблюдении ряда условий, устанавливаемых федеральным законодательством. Вместе с тем заявительный порядок регистрации кандидатов – крайняя редкость на муниципальных выборах в Российской Федерации. Законодатель субъекта Федерации практически не использует такую форму регистрации.

Императивный порядок регистрации кандидатов и списков кандидатов основан на обязательности представления кандидатами и партиями документов, необходимых для выдвижения и регистрации, а также подтверждения «серьезности намерений» по участию в избирательном процессе. Обстоятельством, свидетельствующим о юридически обоснованных притязаниях, а именно о способности кандидата быть избранным,

[7] См.: *Эбзеев Б.С.* Указ. соч. С. 27.

а партии быть допущенной к распределению мандатов и, как следствие – достижимости цели формирования органа публичной власти, является наличие определенного уровня поддержки кандидата или партии избирателями. В качестве материального доказательства наличия такой поддержки законодатель рассматривает следующие альтернативы: подписи избирателей, собранные в поддержку выдвижения кандидата или списка кандидатов в рамках текущей избирательной кампании, или же результаты поддержки партии со стороны избирателей, достигнутые в ходе предыдущих выборов депутатов законодательного (представительного) органа публичной власти соответствующего уровня, что освобождает партию от необходимости сбора подписей. Если кандидат или партия пользуются необходимой поддержкой электората, то их участие в избирательной кампании, с определенной долей вероятности, может обеспечить достижение объективного результата выборов и формирования на этой основе легитимных, работоспособных органов публичной власти.

Этап выдвижения и регистрации является решающим в определении состава участников избирательного процесса, из числа которых в дальнейшем осуществляется выбор избирателями. Этот этап является и наиболее ценностно-ориентированным в рамках всего избирательного процесса, поскольку позволяет на старте избирательной кампании связать воедино устремления кандидата или партии представлять интересы избирательного корпуса в формируемом органе и посыл избирателей делегировать свои полномочия по участию в управлении делами государства поддерживаемым ими кандидатам и партиям.

Законодатель определяет юридические основания регистрации кандидатов, в том числе в составе пропорциональных списков (условия реализации пассивного избирательного права), путем установления конкретных форм поддержки выдвижения кандидатов и списков кандидатов избирателями, тем самым опосредуя в процедуре регистрации формы реализации пассивного избирательного права через отдельные элементы прямого (подписные листы с подписями избирателей) или косвенного (итоги голосования за партии в предыдущих выборах) участия избирателей, претворяющих в жизнь свое активное избирательное право.

В рамках императивного порядка регистрации, с одной стороны, важное значение имеет реализация правоотношений между кандидатами (партиями) и избирательными комиссиями, с другой – между кандидатами (партиями) и избирателями. Избирательная комиссия выступает лишь как орган, наделенный полномочиями по оценке представленных документов, в целом же важнейшее значение для «допуска» того или иного кандидата и партии к участию в выборах имеет волеизъявление избирателей, отраженное в представляемых подписных листах или в ранее достигнутых итогах голосования на выборах депутатов представительных органов соответствующего уровня. Тем самым законодатель определяет условия реализации пассивного избирательного права, подчеркивая его производность от содержания активного избирательного права избирателей, наделенных правом голоса в границах соответствующего избирательного округа.

С учетом важнейшего значения этапа регистрации кандидатов был конкретизирован порядок оценки избирательными комиссиями документов, представляемых для выдвижения и регистрации. Норма о предоставлении кандидатам возможности восполнить имеющиеся пробелы в случае выявления неполноты сведений о них или несоблюдения требований закона к оформлению документов была введена отечественным законодателем в 2006 г.[8]

Суть нормы п. 1^1 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» – наиболее полное обеспечение прав кандидатов на представление документов, необходимых для выдвижения и регистрации, законодательное закрепление возможности исправить, уточнить и даже дополнительно представить необходимые документы, соответствующие установленным законодателем критериям.

Вместе с тем применение указанной нормы получило многовекторное развитие, поскольку ее введение сопряжено с установлением таких оснований отказа в регистрации кандидатов и списков, выдвинутых партиями, как отсутствие документов, необходимых для регистрации, наличие документов, оформленных с нарушением требований закона, отсутствие каких-либо сведений о кандидате.

Какие же вопросы были разрешены законодателем при введении указанной нормы? Первый – о сроках совершения соответствующих избирательных действий: извещение комиссией кандидата за три дня, устранение кандидатом недостатков за один день до дня заседания комиссии, на котором должен рассматриваться вопрос о его регистрации. Второй вопрос – о предмете

[8] См.: Федеральный закон от 05.12.2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 50, ст. 5303.

уточнения сведений, а именно о тех документах, в которые могут вноситься изменения: для кандидата – это документы, содержащие сведения о нем, для избирательного объединения – это документы, содержащие сведения о выдвинутом им кандидате (кандидатах). Таким образом, речь идет о документах, составленных самим кандидатом (заявление о согласии баллотироваться, уведомление о выдвижении и др.) или выдвинувшим его избирательным объединением (решение съезда, конференции, собрания или иного уполномоченного органа партии) и имеющих юридическое значение в рамках конкретной избирательной кампании, в которых указываются характеристики кандидата как лица, обладающего пассивным избирательным правом.

Важно отметить, что законодатель установил ограничение, исключив из числа документов, в которые могут вноситься изменения, подписные листы с подписями избирателей. В 2011 г. к числу документов, в которые не могут вноситься изменения, были отнесены также списки лиц, осуществлявших сбор подписей избирателей[9]. Таким образом, еще раз был зафиксирован ценностно-ориентированный подход законодателя в определении статуса документа, опосредующего связь активного и пассивного избирательного права.

Обретение нормой п. 1^1 ст. 38 на практике содержания, изначально заложенного законодателем в контексте идей социальной справедливости и социальной ответственности[10], прошло достаточно тернистый путь развития. На начальном этапе реализации данной нормы избирательные комиссии и суды по-разному трактовали указанные законоположения, что порождало различную правоприменительную практику. Столь важный инструмент в арсенале комиссий, позволявший оценивать документы кандидатов и партий, на основании которых осуществляется их регистрация, создавал в то же время достаточно широкое поле усмотрения в отношении того, как и о чем необходимо извещать кандидата. Однако императивный порядок регулирования избирательных правоотношений между избирательными комиссиями и кандидатами исключает свободу усмотрения в действиях комиссий, обязывая их при принятии решения о регистрации следовать требованиям закона и не допускать произвольное усмотрение в оценке документов кандидатов и избирательных объединений.

Новым шагом в развитии позиции законодателя стало внесение в п. 1^1 ст. 38 Федерального закона № 67-ФЗ положения о наделении кандидатов правом дополнительного представления копий документов, подтверждающих сведения биографического характера (копий паспорта, трудовой книжки, документа об образовании и т.д.), в более поздние сроки по сравнению с основным пакетом документов, а именно, не позднее чем за один день до заседания комиссии, на котором будет рассматриваться вопрос о регистрации[11]. Эти документы отражают ранее состоявшиеся юридические факты, имеют статус подтверждающих общую информацию о гражданине, в связи с чем разрешение на их представление в более поздние сроки представляется логически обоснованным.

Постановление ЦИК России, разъясняющее порядок действий избирательных комиссий по извещению кандидатов, позволило в значительной степени унифицировать практику применения данной нормы и привести действия комиссий к единому знаменателю[12]. Тем самым был детализирован механизм проверки, конкретизирующий, что именно должна отразить комиссия в извещении и какие недостатки вправе устранить кандидат. Как результат – был установлен запрет для избирательной комиссии принимать решение об отказе в регистрации кандидата по таким нарушениям в оформлении его документов, о которых комиссия его не уведомляла. Тем самым процедурные нарушения, допущенные избирательной комиссией, были положены в основу невозможности отказа кандидату в регистрации по признаку неисполнения им норм материального избирательного права.

Казалось бы, все возможные негативные действия комиссии нейтрализованы, права кандидата защищены. Однако очевидная небезупречность данной ситуации заключается в том, что запрет, установленный для комиссии, может быть легко преодолен в судебном порядке. В связи с тем, что содержание материального нарушения не устраняется, не претерпевает изменений – напротив, недостатки в документах зарегистрированного кандидата как были, так и продолжают оставаться в наличии, другой кандидат, зарегистрированный по этому же округу, вправе обратиться в суд с заявлением об оспаривании решения

[9] См.: Федеральный закон от 23.07.2011 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч. I), ст. 4607.

[10] См.: *Савенков А.Н.* Ценности Конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 7.

[11] См.: Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2014. № 19, ст. 2300.

[12] См.: Постановление ЦИК России от 23.03.2007 г. № 203/1272-4 // Вестник ЦИК России. 2007. № 3; Постановление ЦИК России от 11.06.2014 г. № 235/1486-6 // Вестник ЦИК России. 2014. № 6.

о регистрации. Ответчиком будет выступать комиссия, зарегистрировавшая кандидата.

Установленный законодателем запрет для избирательной комиссии, осуществляющей проверку документов кандидата, отказывать ему в регистрации в том случае, если она не уведомила кандидата о выявленных недостатках, не является препятствием для обращения другого кандидата в суд. При наличии оснований суд отменяет регистрацию кандидата.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 12 марта 2021 г. № 6-П дана оценка положений п. 1^1 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» как не соответствующих Конституции РФ в той части, что данная норма не предусматривает для суда, рассматривающего дело об отмене решения избирательной комиссии о регистрации кандидата, необходимость учесть факт неизвещения избирательной комиссией кандидата о допущенных им нарушениях, исключающего отмену такого решения избирательной комиссии[13].

В этой связи Конституционный Суд РФ обратил внимание на наличие конституционно значимого пробела в регулировании соответствующих отношений.

Действительно, имеющаяся практика свидетельствует о различных правовых подходах избирательных комиссий и судов по оценке документов кандидатов и выявляемых в них недостатках[14].

Как указал Конституционный Суд РФ, суд общей юрисдикции не может игнорировать действия комиссии, связанные с «позитивной» оценкой документов кандидата там, где ее быть не должно, что в дальнейшем является основанием для обжалования такого решения. Позиция Конституционного Суда РФ направлена на фактическое восстановление права кандидата на то, чтобы даже за пределами пропущенного срока предоставить возможность получить обоснованное извещение о выявленных недостатках в его документах и устранить их.

Основной посыл – создание механизма обеспечения приоритета прав кандидата быть зарегистрированным и участвовать в выборах, исключение произвольного толкования содержания его документов. Решение комиссии о регистрации кандидата как уполномоченного органа должно отражать объективные результаты проведенной проверки представленных им документов и не давать кандидату оснований сомневаться в обоснованности принятого решения.

Наконец, последние изменения, внесенные в п. 1^1 ст. 38 Федерального закона № 67-ФЗ[15], устанавливают невозможность отмены в судебном порядке решения о регистрации кандидата по таким основаниям, как отсутствие каких-либо сведений в его документах, нарушение в оформлении документов или отсутствие копий документов, подтверждающих сведения биографического характера, если избирательная комиссия не известила кандидата о таких нарушениях. Оговорка законодателя о том, что эти нарушения должны были быть очевидными для избирательной комиссии, и при этом не были и не могли быть известны кандидату, переводит норму в разряд задачи со многими неизвестными.

Иными словами, суд не может отменить регистрацию кандидата, документы которого оформлены с нарушениями требований избирательного законодательства, если кандидат не был своевременно извещен комиссией о наличии соответствующих нарушений в его документах. Конструкция «не были и не могли быть известны» подразумевает исключение какого-либо умысла (как прямого, так и косвенного) в действиях кандидата и в то же время освобождает его от ответственности за несоблюдение требований законодательства по оформлению документов, представляемых для выдвижения и регистрации.

Во-первых, представленная законодательная конструкция основана на оценочных характеристиках действий комиссии и кандидата; во-вторых, в ней отдается предпочтение процедурным нормам в ущерб нормам материального права: если не соблюдена процедура извещения – то не может быть отменена регистрация. Однако фактическое наличие недочетов в документах кандидата в расчет не принимается. Что при этом нарушается? В первую очередь право других кандидатов, зарегистрированных по этому же избирательному округу, на соблюдение принципа равенства и на судебную защиту своих прав. Защищены права зарегистрированного кандидата, в ущерб правам других баллотирующихся кандидатов. Законодатель заранее исключает возможность справедливой судебной оценки документов

[13] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина С.С. Цукасова» // СЗ РФ. 2021. № 12, ст. 2131.

[14] См., напр.: Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9.

[15] См.: Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 89-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 15 (ч. I), ст. 2456.

кандидата, зарегистрированного вопреки требованиям избирательного законодательства, если комиссия не известила его о недостатках. Заранее предопределяется содержание решения суда, исчезает состязательность процесса. Указанные изменения ставят решение суда в зависимость от того, какие действия были предприняты избирательной комиссией, что, как представляется, противоречит принципу самостоятельности суда в оценке обстоятельств, имеющих юридическое значение в рамках рассмотрения конкретного избирательного спора.

Как представляется, в том случае, если посредством процедурных норм преодолеваются требования материально-правовых норм, возможно нарушение принципов справедливости, равенства кандидатов.

Вывод – необходимо реализовывать процедуру оформления документов, представляемых для выдвижения и регистрации кандидата, через программу, аккумулирующую машиночитаемые форы документов, где пошагово должны быть заполнены определенные поля, содержащие необходимые сведения, а сама программа должна содержать «подсказки» о порядке и правилах заполнения. Именно такой механизм представления документов предусмотрен при проведении выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ[16]. Иным способом кардинального решения вопроса может являться замена императивной, разрешительной процедуры регистрации кандидатов и списков на уведомительную.

Последние изменения избирательного законодательства свидетельствуют не только о пересечении императивного и диспозитивного порядка, но и о замещении одного метода регулирования другим, что характерно как для традиционно «независимого» института предвыборной агитации, так и для таких «консервативных» институтов, как определение полномочий избирательных комиссий, организация голосования избирателей, обжалование нарушений избирательных прав.

Так, комиссия, организующая соответствующие выборы, определяет, используются ли машиночитаемые формы при составлении протокола участковой комиссии об итогах голосования, проводится ли многодневное голосование, определяет, что является материальным основанием для признания нарушением изготовления и распространения агитации в сети Интернет, может изменить (по согласованию с ЦИК России) объем информации, размещаемой о кандидате в тексте избирательного бюллетеня. Диспозитивные формы регулирования избирательных отношений широко применяются с введением законодателем новых способов реализации активного избирательного права, прежде всего, технологии голосования по месту нахождения, дистанционного электронного голосования, а также различных видов голосования при многодневном голосовании.

Развитие новых форм участия в голосовании, связанных с дальнейшей цифровизацией избирательного процесса, включение в практику проведения выборов новых цифровых сервисов, затрагивающих реализацию активного и пассивного избирательного права, приводят к изменению содержания и характера диспозитивного регулирования.

По нению Й. Хохгернера, социальные инновации не детерминируются только потенциалом идей, но в большей мере – степенью реализации имеющегося потенциала в целом, который зависит от того, предлагает ли какое-либо «изобретение» выгоду каким-либо целевым группам, и тогда социальная идея трансформируется в социальную инновацию благодаря новым практикам и их распространению[17].

Сегодня развитие основных институтов избирательного права происходит на основе использования потенциала передовых цифровых технологий, направленных на расширение прав участников избирательного процесса, практика применения которых доказывает их востребованность[18].

Однако законодатель, устанавливая определенную правовую возможность в Федеральном законе № 67-ФЗ, делегирует полномочия по ее непосредственной реализации не соответствующему специальному закону (о выборах Президента РФ, о выборах депутатов Государственной Думы) или региональному законодателю, а избирательной комиссии, организующей соответствующие выборы.

[16] См., напр.: постановление ЦИК России от 29.03.2017 г. № 78/681-7 «О Перечне и формах документов, в том числе в машиночитаемом виде, представляемых политическими партиями и кандидатами в избирательные комиссии при проведении дополнительных выборов депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатному избирательному округу» // Вестник ЦИК России. 2017. № 3.

[17] См.: *Хохгернер Й.* «Общество знания»: тенденции и перспективы // Инновации: вызовы и перспективы. Новосибирск, 2013. С. 293–313.

[18] См., напр.: постановление ЦИК России от 04.06.2020 г. № 251/1852-7 «О порядке сбора подписей избирателей с использованием федеральной государственной информационной системы “Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)”» // Вестник ЦИК России. 2020. № 5.

Соответствующие решения, принимаемые избирательными комиссиями в рамках осуществления собственных полномочий, находятся в плоскости реализации правовой технологии правотворческого процесса[19], могут быть оценены как технологии продвижения законодательных инициатив[20], поддерживающих традиции «максимизации полезности»[21], и согласно концепции «мягкого» конституционного права, представляют результаты освоения новых технологий социального управления[22].

Нельзя не отметить, что деятельность избирательных комиссий как системы органов, призванных обеспечивать законодательно закрепленный порядок реализации избирательных прав и применять нормы права, сформулированные законодателем и доведенные до сведения всех участников избирательного процесса в установленном законом порядке, не равнозначна принятию новых правил проведения выборов.

В юридической литературе отражена точка зрения о том, что данные виды юридической деятельности оказывают значительное влияние на формирование правовой реальности, способны трансформировать сферу правовых преобразований[23].

Тем самым снижается степень юридической силы нормативного акта, устанавливающего порядок реализации права, принадлежащего избирателям и иным участникам избирательного процесса (был – закон, стало – решение избирательной комиссии). Кроме того, нарушается требование о том, что правила проведения выборов должны быть известны участникам избирательного процесса до начала их проведения. Комиссия берет на себя не свойственные ей функции законодателя, чем нарушается единство принципа разделения властей.

Сопоставляя значение реализации решений управленческой системы и норм права, Л. Фуллер отмечает узко направленное воздействие директив, издаваемых в управленческом контексте, цель которых – достижение конкретного результата, в отличие от широкого воздействия норм права, направленных не только на реализацию интересов гражданина, но и совпадающих с интересами общества в целом[24].

* * *

Как представляется, вышеуказанные новации должны иметь уровень законодательного регулирования, а не являться результатом усмотрения избирательной комиссии, организующей выборы. Указанные правила как определяющие порядок реализации избирательных прав участников избирательного процесса должны получить императивное регулирование в тексте закона.

Дальнейшее совершенствование механизма взаимодействия императивного и диспозитивного начал в избирательном праве, понимаемом в широком смысле, должно обеспечивать имманентную любому избирательному процессу эффективность защиты субъективных избирательных прав граждан, института выборов, демократического представительства как основного способа формирования органов публичной власти. Это позволит придать большую устойчивость и определенность избирательному процессу, усилить ценностное начало реализации избирательных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Джессоп Б.* Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М., 2019. С. 113.
2. *Костенко М.А.* Интеграционная природа юридических технологий и концепция их классификации // Государство и право. 2019. № 5. С. 5.
3. *Лазарева О.В.* Правовая технология. Саратов, 2017. С. 69.
4. *Постников А.Е.* Избирательное право как подотрасль конституционного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 4. С. 4–12.
5. *Постников А.Е.* Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» // Журнал росс. права. 2020. № 5. С. 38, 39.
6. Правовые модели и реальность / отв. ред.: Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2014. С. 123.
7. *Савенков А.Н.* Ценности Конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 7.
8. *Фуллер Л.Л.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.; Челябинск, 2016. С. 245, 246.

[19] См.: *Лазарева О.В.* Правовая технология. Саратов, 2017. С. 69.

[20] См.: Правовые модели и реальность / отв. ред.: Ю.А. Тихомиров, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М., 2014. С. 123.

[21] См.: *Ясаи Э. де* Государство / пер. с англ. Г. Покатовича; под ред. Ю. Кузнецова. М.; Челябинск, 2016. С. 204, 205.

[22] См.: *Эбзеев Б.С.* Указ. соч. С. 28.

[23] См.: *Костенко М.А.* Интеграционная природа юридических технологий и концепция их классификации // Государство и право. 2019. № 5. С. 5.

[24] См.: *Фуллер Л.Л.* Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.; Челябинск, 2016. С. 245, 246.

9. *Хайек Ф.* Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. М.; Челябинск, 2016. С. 93, 94.

10. *Хохгернер Й.* «Общество знания»: тенденции и перспективы // Инновации: вызовы и перспективы. Новосибирск, 2013. С. 293–313.

11. *Эбзеев Б.С.* «Твердое» и «мягкое» право в конституционном правопорядке России (новые смыслы в понимании источников права) // Государство и право. 2019. № 12. С. 27, 28, 34, 37.

12. *Ясаи Э. де* Государство / пер. с англ. Г. Покатовича; под ред. Ю. Кузнецова. М.; Челябинск, 2016. С. 204, 205.

REFERENCES

1. *Jessop B.* The State: past, present and future / transl. from English by S. Moiseev; ed. by D. Karasev. M., 2019. P. 113 (in Russ.).

2. *Kostenko M.A.* The integration nature of legal technologies and the concept of their classification // State and Law. 2019. No. 5. P. 5 (in Russ.).

3. *Lazareva O.V.* Legal technology. Saratov, 2017. P. 69 (in Russ.).

4. *Postnikov A.E.* Electoral Law as a sub-branch of Constitutional Law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2012. No. 4. P. 4–12 (in Russ.).

5. *Postnikov A.E.* Constitutional model of the political system of Russia in the conditions of development of the "digital society" // Journal of Russ. law. 2020. No. 5. P. 38, 39 (in Russ.).

6. Legal model and reality / ed. by: Yu. A. Tikhomirov, E.E. Rafalyuk, N.I. Khludeneva. M., 2014. P. 123 (in Russ.).

7. *Savenkov A.N.* The values of the Constitution in a changing world // State and Law. 2019. No. 3. P. 1–7 (in Russ.).

8. *Fuller L.L.* Morale of Law / transl. from English by T. Danilova. M.; Chelyabinsk, 2016. P. 245, 246 (in Russ.).

9. *Hayek F.* Law, legislation and liberty: a contemporary understanding of the liberal principles of justice and policy / transl. from English by B. Pinsker and A. Kustareva; ed. by A. Kuraeva. M.; Chelyabinsk, 2016. P. 93, 94 (in Russ.).

10. *Khokhgerner I.* "Knowledge society": tendencies and prospects of innovation: challenges and prospects. Novosibirsk, 2013. P. 293–313 (in Russ.).

11. *Ebzeev B.S.* "Hard" and "soft" law in the constitutional legal order of Russia (new meanings in understanding the sources of law) // State and Law. 2019. No. 12. P. 27, 28, 34, 37 (in Russ.).

12. *Yasai E. de* State / transl. from English by G. Pokatovich; ed. by Yu. Kuznetsov. M.; Chelyabinsk, 2016. P. 204, 205 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТУРИЩЕВА Наталья Юрьевна –
кандидат юридических наук, доцент, секретарь избирательной комиссии Краснодарского края; доцент кафедры конституционного и муниципального права Кубанского государственного университета;
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149

Authors' information

TURISHCHEVA Natalia Yu. –
PhD in Law, associate Professor, Secretary of the Election Commission of the Krasnodar region; associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kuban state University;
149 Stavropolskaya str., 350040 Krasnodar, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 127–134
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 127–134

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343.342

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С ПРОВОКАЦИЕЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ФАЛЬСИФИКАЦИЕЙ ПРЕСТУПНИКОВ

© 2021 г. В. Н. Борков

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

E-mail: borkovv@mail.ru

Поступила в редакцию 15.07.2020 г.

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовые аспекты актуальной проблемы защиты неприкосновенности личности от недопустимой активности представителей государства при осуществлении правоохранительной функции. Злободневные для теории и практики вопросы правовой природы провокации преступления и фальсификации преступников остаются дискуссионными. Не разработаны единые подходы к квалификации провокационно-подстрекательских действий и случаев «подбрасывания» гражданам предметов, за оборот которых наступает уголовная ответственность, отсутствует теоретическое обоснование уголовно-правового статуса лиц, спровоцированных на совершение преступления. В статье показано, что квалификацию распространенных случаев провокации преступлений и фальсификации преступников по нормам, предусматривающим ответственность за превышение должностных полномочий, фальсификацию доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности следует признать не точной. При этом ответственность за указанные действия, совершаемые субъектами, которые не являются должностными лицами, и без участия последних, не установлена. Автор предлагает проект уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за склонение к совершению преступления или его инсценировку в целях незаконного создания оснований для привлечения к уголовной ответственности. В работе подвергается сомнению подход, в соответствии с которым лицо, спровоцированное сотрудниками правоохранительных органов на совершение преступления, не подлежит уголовной ответственности не зависимо от особенностей посягательства.

Ключевые слова: провокация преступления, фальсификация преступника, превышение должностных полномочий, фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности, контролируемое преступление, спровоцированное лицо.

Цитирование: *Борков В.Н.* Уголовно-правовые меры борьбы с провокацией преступлений и фальсификацией преступников // Государство и право. 2021. № 10. С. 127–134.

DOI: 10.31857/S102694520017267-4

CRIMINAL LAW MEASURES TO COMBAT PROVOCATION OF CRIMES AND FALSIFICATION OF CRIMINALS

© 2021 V. N. Borkov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

E-mail: borkovv@mail.ru

Received 15.07.2020

Abstract. The article examines the criminal-legal aspects of the actual problem of protecting the inviolability of the individual from the unacceptable activity of state representatives in the exercise of law enforcement functions. Topical issues for theory and practice of the legal nature of the provocation of crime and the falsification of criminals remain debatable. There are no unified approaches to the qualification of provocative and inflammatory actions and cases of "throwing" objects to citizens, for the turnover of which criminal responsibility arises, there is no theoretical justification for the criminal legal status of persons provoked to commit a crime. The article shows that the qualification of common cases of provocation of crimes and falsification of criminals according to the norms providing for liability for abuse of official authority, falsification of evidence or the results of operational investigative activities should be recognized as not accurate. At the same time, responsibility for these actions committed by subjects who are not officials, and without the participation of the latter, has not been established at all. The author proposes a draft criminal law provision providing for liability for inducing to commit a crime or its staging in order to illegally create grounds for criminal prosecution. The paper questions the approach according to which a person provoked by law enforcement officers to commit a crime is not subject to criminal liability regardless of the specifics of the encroachment.

Key words: provocation of a crime, falsification of a criminal, abuse of official authority, falsification of the results of operational investigative activities, controlled crime, provoked person.

For citation: *Borkov, V.N. (2021).* Criminal law measures to combat provocation of crimes and falsification of criminals // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10. pp. 127–134.

Правоохранительная функция не может эффективно осуществляться без государственного принуждения. Ведущую роль в борьбе с преступностью в любом государстве играют правоохранительные органы и их конкретные представители. «Чтобы эта санкция не оставалась пустой угрозой, закон должен опираться на действенную силу, достаточную для приведения его в исполнения во всяком случае. Иными словами, право должно иметь в обществе действительных носителей или представителей, достаточно могущественных для того, чтобы издаваемые законы и произносимые суждения могли иметь силу принудительную. Такое реальное представительство права или такая дееспособная законность называется властью»[1]. Являясь инструментом обеспечения диктатуры закона и справедливости, власть не должна применяться ущербным для общества образом и в корыстных целях. Особенно недопустимо, когда сотрудники правоохранительных органов достижение реальных успехов в борьбе с преступностью подменяют провоцированием граждан на противоправные действия, а также «выявлением» «преступлений», которые граждане фактически не совершали.

Объяснимо отсутствие статистических данных, отражающих реальное число лиц, осужденных за совершение преступлений, к которым их по инициативе сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов прямо или косвенно склоняли, а также за хранение «подброшенных» наркотических средств или оружия. Вместе с тем о распространенности оперативной провокации свидетельствуют многочисленные постановления Президиума Верховного Суда РФ о возобновлении производства по делам, применительно к которым Европейским Судом по правам человека было установлено не проведение эффективной проверки того, что при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий в отношении лица была допущена провокация. Мониторинг решений российских судов показывает, что «отсутствие признаков провокации со стороны правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий» фактически позиционируется как обстоятельство, подлежащее доказыванию, не только по делам о преступлениях, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, оружия, взрывчатых веществ и взяточничеству, но и по делам о посягательствах террористической и экстремистской направленности.

Действующий уголовный закон содержит ряд норм, охраняющих граждан от заведомо незаконного уголовного преследования и осуждения. Статья 299 УК РФ предусматривает ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела, ч. 2–4 ст. 303 УК РФ – за фальсификацию доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности, а ст. 305 УК РФ карает за вынесение заведомо неправосудного приговора. Перечисленные нормы охраняют неприкосновенность личности, которая уже вовлечена в сферу уголовного судопроизводства, запрещают подделку документов, «фиксирующих», якобы полученные, результаты оперативно-розыскных мероприятий. Заметим, ч. 3 ст. 416 УК Республики Казахстан предусматривает ответственность за фальсификацию «оперативно-розыскных, контрразведывательных материалов или протоколов негласных

[1] *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 460.

следственных действий или приложений к ним сотрудником органа, осуществляющего оперативно-розыскную, контрразведывательную деятельность». Таким образом, законодатель Казахстана прямо указывает на то, что фальсификация осуществляется путем оформления документов, которые не отражают реального хода и результатов оперативных и следственных мероприятий.

В уголовном законе отсутствуют специальные нормы, которые запрещали бы провоцирование граждан на совершение преступлений, «подбрасывание» им предметов, оборот которых запрещен, а также иное физическое создание видимости нарушения уголовно-правовых запретов. Исключение составляет только ст. 304 УК РФ, которая фактически предусматривает ответственность за имитацию получения потерпевшим взятки, предмета коммерческого подкупа или подкупа в сфере закупок. Примечательно, что предусматривающая ответственность за подобное деяние ст. 396 УК Республики Беларусь так и называется «Инсценировка получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа». Мотивы фальсификации сотрудниками правоохранительных органов «совершения» преступлений другими лицами могут быть разными, от последующего привлечения к уголовной ответственности, для создания видимости успешной служебной деятельности, до извлечения незаконной имущественной выгоды, например, путем вымогательства взятки у потерпевшего.

Так, в превышении должностных полномочий с применением насилия и специальных средств, а также вымогательстве взятки группой лиц по предварительному сговору обвинялись оперуполномоченные уголовного розыска Минин и Зима. «Следствием установлено, что в 2018 году Минин, действуя совместно со своим коллегой, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, организовав закладку с веществом, похожим на наркотическое средство на территории города Михайловска Ставропольского края, задержали при попытке ее поднять мужчину. После этого, применяя насилие, они вымогали и получили от него взятку за непривлечение к уголовной ответственности. Кроме того, в июле 2018 года Минин и Зима, действуя совместно со своим коллегой, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, совершили аналогичное преступление в отношении другого лица на территории дачного товарищества в Шпаковском районе Ставропольского края»[2].

Квалификация действий провокаторов и фальсификаторов преступлений как злоупотребление должностными полномочиями или их превышение является спорной. Ни одно должностное лицо не может обладать полномочиями по провоцированию гражданина на совершение преступления, а тем более по его инсценировке. Такие действия прямо запрещены федеральными законами. Склонение лица к совершению преступления или помещение ему в карман одежды наркотических средств не может быть признано «использованием распорядительных полномочий, в отношении лиц не находящихся в служебной зависимости» или «права принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности»[3]. Так же будет неточной квалификация как превышения должностных полномочий действий сотрудника оперативного подразделения, который, например, инициировал обращение гражданина к чиновнику в надежде на то, что он потребует взятку, или склонил наркомана к приобретению наркотических средств в целях «изобличения» сбытчика. Вряд ли такой выход за пределы полномочий может быть признан явным. Должностное лицо правоохранительного органа, организующее провокацию или фальсификацию «преступления», тщательно маскирует свои действия под законные, скрывает имитацию «совершения преступления» потерпевшим.

Разработке специальных уголовно-правовых мер борьбы с провокацией преступлений и их фальсификацией должно предшествовать выявление наиболее значимых признаков данных общественно опасных посягательств. Согласно позиции Верховного Суда РФ, применительно к взяточничеству и коммерческому подкупу провокационные действия «состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах,

[2] В Ставропольском крае перед судом предстанут сотрудники полиции, обвиняемые в совершении ряда коррупционных и должностных преступлений. URL: https://sledcom.ru/news/item/1431614/?type=corrupt (дата обращения: 29.01.2020).

[3] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (п. 3) // Росс. газ. 2009. 30 окт.

свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено»[4]. Акцент на то, что провокация преступления состоит в формировании у лица умысла на его совершение, сделан и в разъяснениях Верховного Суда РФ, посвященных преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств. «Оперативно-розыскное мероприятие, направленное на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления, а также выявление и установление лица, его подготавливающего, совершающего или совершившего, может проводиться только при наличии у органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведений об участии лица, в отношении которого осуществляется такое мероприятие, в подготовке или совершении противоправного деяния»[5]. Следовательно, если субъект уже приготавливается к совершению конкретного посягательства, то его изобличение путем проведения оперативно-розыскных мероприятий допустимо, а незаконное склонение состоит в прямом или косвенном формировании у лица умысла на совершение преступления.

В исследуемом аспекте примечателен опыт законодателя ФРГ, который разрешает использование «агента-провокатора», т.е. фактически использование метода провокации для изобличения лица, осуществляющего скрытую преступную деятельность и предпринимающего особые меры конспирации для того, чтобы избежать уголовной ответственности, а также если провокация – это единственный способ его разоблачения[6]. Мы исходим из того, что наличие сведений о том, что лицо занимается преступной деятельностью, не дает оснований для провоцирования его на совершение конкретного посягательства, которого оно до вмешательства сотрудников правоохранительных органов совершать не собиралось. В свою очередь, одним из условий возможной провокации в ФРГ является «весомое» подозрение субъекта в совершении тяжкого преступления[7]. Допущение пресечения особо тяжкого преступления путем провоцирования лица на совершение посягательства меньшей тяжести под контролем правоохранительных органов требует осмысления.

В ранее действующем законодательстве понятие провокации было сформулировано в ст. 119 УК РСФСР 1926 г., которая предусматривала ответственность за провокацию взятки, «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки, в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку». Здесь важно подчеркнуть, что провокация состоит именно в первичном побуждении к совершению преступления. Если намерение на совершение конкретного посягательства уже сформировалось без участия правоохранительных органов, то в целях проверки оперативной информации, установления необходимых для последующего доказывания обстоятельств и изобличения виновного, допустимо не пресекать преступление немедленно, а дать возможность виновному проявить конкретными действиями свой умысел. Разумеется, если это не причиняет ущерба правоохраняемым интересам. В одном из своих определений Конституционный Суд РФ, указывая на недопустимость провокации преступления, отмечает: «В то же время разрешение задач оперативно-розыскной деятельности предполагает активную форму поведения ее субъектов. При этом действия лиц, непосредственно участвующих в оперативно-розыскном мероприятии, должны быть сообразными условиям и обстановке, в которых оно проводится, а также поведению лица, в отношении которого имеются основания для его целевого проведения. Проведение в установленном порядке проверочной закупки, опирающейся на обоснованные предположения о наличии признаков противоправного деяния и относительно его субъектов, исходя из целей, задач и существа оперативно-розыскной деятельности, не может расцениваться как провокация преступления»[8]. В свою очередь, под провокацией преступления следует понимать создание обстановки и условий, побуждающих лицо к совершению преступления в целях его последующего изобличения или шантажа.

В отличие от провокаторов, фальсификаторы «совершения посягательств» другими лицами не формируют у последних преступного

[4] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (п. 34) // СПС «КонсультантПлюс».

[5] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (п. 14) // Росс. газ. 2006. 28 июня.

[6] См.: *Meyer-GoHner L.* Strafprozessordnung, Gerichtsverfassungsgesetz, Nebengesetze und ergänzende Bestimmungen. 49. neu bearbeitete Auflage. München, 2006. S. 706, 707.

[7] См.: *Dreher E., Tröndle H.* Strafgesetzbuch und Nebengestze. München, 1995. S. 175.

[8] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 г. № 75-О // В официальных источниках опубликовано не было.

умысла. Инсценировка совершения преступления состоит в «подбрасывании» невиновному лицу предметов, за хранение которых наступает уголовная ответственность, ценностей материального характера, имитирующих взятку, и иных вещей. «При инсценировке намерение лица совершить преступления отсутствует вовсе, а преступное деяние имитируется»[9]. Общественно опасное деяние «инсценировщика» может состоять в фальсификации совершения невиновным лицом реального преступления, исполнителем которого был другой человек. По сложившейся судебной практике, действия должностных лиц, сфальсифицировавших преступление, квалифицируется как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). «При квалификации деяния по ст. 286 УК РФ, – пишут Е.Г. Быкова, С.А. Яшков, – следует исходить из того, что должностное лицо, подбрасывая или передавая конкретному субъекту наркотическое средство, совершает действия, явно выходящие за пределы его полномочий, т.е. такие действия, которые "никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать". Так же следует учесть, что указанные действия должны повлечь наступление общественно опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства либо тяжких последствий»[10].

Граждане часто обжалуют в Европейском Суде по правам человека несправедливость произведенных в отношении них судебных разбирательств, основанных на «вещественных доказательствах, подброшенных сотрудниками правоохранительных органов». Согласно доступным постановлениям ЕСПЧ, в них заявители указывали на «подбрасывание» им наркотических средств, взрывчатых веществ, оружия, «помеченных банкнот», листовок террористических организаций. Сложнее квалифицировать ситуацию, когда действия, направленные на представление невиновного человека преступником, совершает недолжностное лицо. Так, в известном фильме «Место встречи изменить нельзя» преступник по кличке Фокс подбросил инженеру Груздеву пистолет, выстрелом из которого Фокс ранее убил бывшую жену инженера. Действующий УК РФ не признает преступлением совершенное Фоксом посягательство на интересы правосудия.

«Подбрасывание» лицами, не являющимися сотрудниками правоохранительных органов, потерпевшим предметов, за хранение которых наступает уголовная ответственность, квалифицировать сложно. Исполнители не могут выступать субъектами преступлений, предусмотренных ст. 286 и ч. 2–4 ст. 303 УК РФ. Поэтому если в провокации преступления или в физическом «подбрасывании» доказательств его совершения участвовали только недолжностные лица, то их действия не являются уголовно-противоправными. Спорной в подобных случаях будет и квалификация по ч. 3 ст. 306 УК РФ. «Предусмотренный частью третьей статьи 306 УК Российской Федерации особо квалифицирующий признак заведомо ложного доноса, соединенного с искусственным созданием доказательств обвинения, – разъясняется в Определении Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1254-о, – предполагает дополнительное (помимо заведомо ложного заявления или иного сообщения о совершении преступления) представление – в целях их использования в процессе доказывания – не соответствующих действительности сведений, как о виновности (причастности) конкретного лица, так и о событии преступления»[11]. Заметим, лицо которое только создает видимость совершения преступления другим человеком, но не доносит на него, нести ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, не может. В его действиях отсутствуют признаки основного состава. Кроме того, в определении Конституционного Суда РФ верно отмечается, что субъект ч. 3 ст. 306 УК РФ представляет в правоохранительные органы ложные сведения, а не доказательства.

Сложно подобрать норму Особенной части УК РФ, которая бы предусматривала ответственность за провокацию преступления, совершенную лицом, в чьи должностные обязанности не входит борьба с преступностью. Дискуссионным является признание подобных действий подстрекательством к совершению преступлений. Например, А.Ю. Забелов приходит к выводу «о наличии всех объективных и субъективных признаков соучастия в деятельности провокатора и невозможности рассмотрения его деятельности за рамками института соучастия»[12], но не разъясняет правила квалификации такого «соучастия».

---

[9] *Семин А.А.* Провокация и инсценировка преступления: понятие, правовая оценка и отграничение от оперативно-розыскного мероприятия // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. D. Экономические и юридические науки. 2010. № 10. С. 243.

[10] *Быкова Е.Г., Яшков С.А.* Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц по инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Уголовное право. 2017. № 2. С. 28.

[11] В официальных источниках опубликовано не было.

[12] *Забелов А.Ю.* Провокация преступления как составная часть института соучастия // Современное право. 2017. № 4. С. 109.

«Очевидно, – пишет О.С. Капинус, – что в подобных случаях ни о каком соучастии в преступлении говорить не приходится, поскольку нет ни совместности преступных действий, ни общности преступного результата, ни двусторонней субъективной связи, которые, как известно, являются обязательными признаками соучастия»[13]. Так же не признает провокатора соучастником В.В. Дударенко, «что, тем не менее, – продолжает автор, – не исключает общественной опасности его деяния, требующей уголовно-правовой оценки, но отличной от юридической оценки соучастия»[14].

Отсутствие оснований ответственности для лиц, которые, не будучи сотрудниками правоохранительных органов, провоцируют других на совершение преступления, а также инсценируют их совершение, является существенным недостатком уголовного закона. И те и другие действия посягают на неприкосновенность личности в сфере правосудия в широком его понимании. Типичными целями субъектов провокации и фальсификации преступления являются извлечение незаконной имущественной выгоды, создание видимости эффективной служебной деятельности, незаконное освобождение настоящих преступников от уголовной ответственности, дискредитация экономических конкурентов и политических противников. Единый объект и цели исследуемых посягательств позволяют установить ответственность за их совершение в одной статье, предусмотрев при этом такие способы как склонение к совершению преступления и его инсценировку. В качестве квалифицирующих признаков запрещаемых деяний могли бы выступить использование субъектом своего служебного положения и наступление тяжких последствий.

Предлагаем следующую редакцию нормы:

«Статья 304[1] Провокация или фальсификация преступления

1. Склонение лица к совершению преступления или инсценировка совершения преступления другим лицом в целях незаконного создания оснований привлечения потерпевшего к уголовной ответственности, – ...

2. Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, –

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие тяжкие последствия, – ...».

Обращение к провокации как к уголовно-правовому явлению предполагает также и юридическую оценку деяния лица, спровоцированного на совершение преступления. С точки зрения В.С. Комиссарова и П.С. Яни, «провокационно-подстрекательскую деятельность сотрудников правоохранительных органов следует рассматривать в качестве нового, пока не отраженного в гл. 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния, совершенного лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась»[15]. Но указанная глава исключает преступность действий лиц, защищающих себя и других от преступлений, задерживающих преступников, предотвращающих различного рода угрозы, путем причинения меньшего вреда, стремящихся к достижению полезного для общества результата. Провокация преступления явно не соответствует тональности обстоятельств, исключающих преступность деяния, отраженных в гл. 8 УК РФ.

По смыслу п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», спровоцированный на совершение преступления неподсуден, т.к. его вина не может быть доказана. «Результаты оперативно-розыскного мероприятия могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона...», а потерпевшего в нарушение ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» подстрекали, склоняли, побуждали в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. «Общественные интересы в борьбе против наркоторговли, – отмечают А.П. Дмитриенко и Н.Г. Кадников, – не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации правоохранительных органов»[16]. На недопустимость полученных

[13] *Капинус О.С.* Практика Европейского Суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 67.

[14] *Дударенко В.В.* Соотношение провокации преступления и соучастия в преступлении // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 398. С. 156.

[15] *Комиссаров В.С., Яни П.С.* Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 8.

[16] *Дмитренко А.П., Кадников Н.Г.* Правовая позиция Европейского суда по правам человека о провокации преступления // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 147.

в ходе провокации «доказательств» указывает процессуалист из ФРГ П. Альбрехт[17].

В пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указано: «Принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ)»[18]. Отсутствие состава в исследуемой ситуации требует комментария. В соответствии со ст. 14 УК РФ преступлением признается не только «запрещенное настоящим Кодексом», но и «общественно опасное деяние». В науке широко распространено мнение о том, что общественная опасность и противоправность преступления – это взаимосвязанные признаки, но каждый из них требует самостоятельного установления[19]. Спровоцированное преступление совершается, как правило, под контролем правоохранительных органов, представители которых сами и создают основания для последующего привлечения потерпевшего от провокации к уголовной ответственности. Получаемая в таких условиях «взятка» реально не нарушает нормального функционирования государства, а сбываемые наркотические средства не преумножают незаконный оборот и угрозу их немедицинского употребления. Но если спровоцированное лицо совершило преступление, повлекшее за собой необратимые общественно опасные последствия: убийство, террористический акт и др., то уголовная ответственность должна наступать как для исполнителя, так и для тех, кто осуществил провокационно-подстрекательские действия. Подобные деяния посягают не только на правосудие, но и на другие объекты уголовно-правовой охраны.

В результате проведенного исследования сформулировано несколько выводов.

1. Распространенность в деятельности правоохранительных органов провокации преступлений и фальсификации преступников сочетается с отсутствием четких уголовно-правовых средств их специального предупреждения.

2. Правоприменительной практикой не выработано непротиворечивых подходов к квалификации действий провокаторов, а также инсценировщиков совершения «преступлений» другими лицами. Если подобные деяния, совершенные сотрудниками правоохранительных органов, как правило, квалифицируются как превышение должностных полномочий и фальсификация доказательств или результатов оперативно-розыскной деятельности, что является неточным, то для должностных лиц ответственность не предусмотрена.

3. Уголовный кодекс РФ необходимо дополнить специальной нормой, которая предусматривала бы ответственность за склонение лица к совершению преступления или инсценировку совершения преступления другим лицом в целях незаконного создания оснований привлечения потерпевшего к уголовной ответственности.

4. Правило, в соответствии с которым лицо, совершившее преступление под воздействием провокации, всегда освобождается от уголовной ответственности, является спорным. Ему можно следовать, когда совершаемое под контролем сотрудников правоохранительных органов посягательство не причиняет реального вреда, охраняемым общественным отношением. В случае, если спровоцированное преступление повлекло тяжкие последствия, к уголовной ответственности нужно привлекать и спровоцированное лицо, и провокатора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быкова Е.Г., Яшков С.А.* Уголовно-правовая оценка действий должностных лиц по инсценировке преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров // Уголовное право. 2017. № 2. С. 28.
2. *Дмитренко А.П., Кадников Н.Г.* Правовая позиция Европейского суда по правам человека о провокации преступления // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 147.
3. *Дударенко В.В.* Соотношение провокации преступления и соучастия в преступлении // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 398. С. 156.
4. *Забелов А.Ю.* Провокация преступления как составная часть института соучастия // Современное право. 2017. № 4. С. 109.
5. *Иванчин А.В.* Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной

[17] См.: *Albrecht P.* Anmerkungen zur verdeckten Ermittlung in Verfahren wegen Widerhandlungen gegen Betm G. Basel, 2005. S. 9.

[18] См.: Росс. газ. 2013. 17 июля.

[19] См., напр.: *Иванчин А.В.* Теоретическая модель предписаний Уголовного кодекса РФ об основании уголовной ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6. С. 19.

ответственности и малозначительности // Lex russica. 2015. № 6. С. 19.

6. *Капинус О.С.* Практика Европейского Суда по правам человека по вопросу провокации преступления и ее уголовно-правовое значение // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 12. С. 67.
7. *Комиссаров В.С., Яни П.С.* Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 8.
8. *Семин А.А.* Провокация и инсценировка преступления: понятие, правовая оценка и отграничение от оперативно-розыскного мероприятия // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. D. Экономические и юридические науки. 2010. № 10. С. 243.
9. *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 460.
10. *Albrecht P.* Anmerkungen zur verdeckten Ermittlung in Verfahren wegen Widerhandlungen gegen Betm G. Basel, 2005. S. 9.
11. *Dreher E., Tröndle H.* Strafgesetzbuch und Nebengesetze. München, 1995. S. 175.
12. *Meyer-GoHner L.* Strafprozessordnung, Gerichtsverfassungsgesetz, Nebengesetze und ergänzende Bestimmungen. 49. neu bearbeitete Auflage. München, 2006. S. 706, 707.

REFERENCES

1. *Bykova E.G., Yashkov S.A.* Criminal-legal assessment of the actions of officials on staging a crime in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors // Criminal Law. 2017. No. 2. P. 28 (in Russ.).
2. *Dmitrenko A.P., Kadnikov N.G.* The legal position of the European Court of Human Rights on provocation of a crime // Legal Science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4. P. 147 (in Russ.).
3. *Dudarenko V.V.* Correlation of provocation of a crime and complicity in a crime // Herald of the Tomsk state University. 2015. No. 398. P. 156 (in Russ.).
4. *Zabelov A. Yu.* Provocation of crime as an integral part of the institution of complicity // Modern law. 2017. No. 4. P. 109 (in Russ.).
5. *Ivanchin A.V.* Theoretical model of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on the basis of criminal liability and insignificance // Lex russica. 2015. No. 6. P. 19 (in Russ.).
6. *Kapinus O.S.* Practice of the European Court of human rights on the question of provocation of crime and its criminal-legal significance // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2014. No. 12. P. 67 (in Russ.).
7. *Komissarov V.S., Yani P.S.* Provocative and inflammatory activity against an official as a circumstance excluding responsibility for receiving a bribe // Legality. 2010. No. 9. P. 8 (in Russ.).
8. *Semin A.A.* Provocation and staging of a crime: the concept, legal assessment and delineation from an operational search event // Herald of the Polotsk state University. Ser. D. Economic and Legal Sciences. 2010. No. 10. P. 243 (in Russ.).
9. *Solovyov V.S.* Justification of good // Solovyov V.S. Essays: in 2 vols. M., 1990. Vol. 1. P. 460 (in Russ.).
10. *Albrecht P.* Anmerkungen zur verdeckten Ermittlung in Verfahren wegen Widerhandlungen gegen Betm G. Basel, 2005. S. 9.
11. *Dreher E., Tröndle H.* Strafgesetzbuch und Nebengesetze. München, 1995. S. 175.
12. *Meyer-GoHner L.* Strafprozessordnung, Gerichtsverfassungsgesetz, Nebengesetze und ergänzende Bestimmungen. 49. neu bearbeitete Auflage. München, 2006. S. 706, 707.

Сведения об авторе

БОРКОВ Виктор Николаевич –
доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации; 644092 г. Омск, ул. Комарова, д. 7

Authors' information

BORKOV ViktorN. –
Doctor of Law, associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; 7 Komarova str., 644092 Omsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 135–142
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 135–142

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

СИСТЕМА СПОСОБОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ НЕДР В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2021 г. Р. Н. Салиева

Институт проблем экологии и недропользования
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

E-mail: sargus6@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.08.2021 г.

Аннотация. В статье проведен анализ норм действующего российского законодательства о государственном регулировании предпринимательских отношений, а также норм, определяющих способы государственного регулирования в сфере осуществления предпринимательской деятельности пользователями недр. Автором также проведено сравнение указанных норм российского законодательства с нормами Модельного кодекса о недрах и недропользовании и Модельного закона «О предпринимательстве». На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию законодательства о недрах в целях формирования системы способов государственного регулирования в сфере осуществления предпринимательской деятельности пользователями недр в современной России. В частности, следует дополнить такие способы публичной организации предпринимательства в сфере недропользования, как создание специального органа управления в области государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности; а также закрепление на уровне закона норм о техническом регулировании, об основах налогового регулирования, о мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере недропользования. Целесообразно усилить Закон РФ «О недрах» принципами государственного регулирования в сфере недропользования. Представляется необходимым в соответствии с новыми конституционными положениями в Законе РФ «О недрах» в ряду задач государственного регулирования отношений недропользования закрепить задачи поддержки и стимулирования научно-технологического развития в этой сфере.

Ключевые слова: государственное регулирование, способы государственного регулирования, недропользование, предпринимательская деятельность в сфере недропользования, публичная организация предпринимательства в сфере недропользования.

Цитирование: *Салиева Р.Н.* Система способов государственного регулирования в сфере осуществления предпринимательской деятельности пользователями недр в современной России // Государство и право. 2021. № 10 . С. 135–142.

DOI: 10.31857/S102694520017268-5

THE SYSTEM OF METHODS OF STATE REGULATION IN THE SPHERE OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY BY SUBSOIL USERS IN MODERN RUSSIA

© 2021 R. N. Salieva

Institute of Ecology and Subsoil Use Problems of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan

E-mail: sargus6@yandex.ru

Received 09.08.2021

Abstract. The article analyses the norms of the current Russian legislation on state regulation of entrepreneurial relations, as well as the norms of subsoil legislation, defining the ways of state regulation in the sphere of entrepreneurial activity by subsoil users. The author also carried out a comparison of the specified norms of the Russian legislation with the norms of the Model Code on subsoils and subsoil use and the Model Law "About enterprise". Based on this analysis, proposals for improving the subsoil legislation to form a system of methods of state regulation in the field of entrepreneurial activity by subsoil users in modern Russia were formulated. In particular, it should be supplemented such ways of public organization of entrepreneurship in the sphere of subsoil use, as creation of a special management body in the field of state support of industrial and innovative activity; as well as fixation of norms on technical regulation, on the basis of tax regulation, on measures to support small and medium entrepreneurship in the sphere of subsoil use at the level of law. It is advisable to strengthen the Law of the Russian Federation "On Subsoil" with the legislative principles of state regulation in the sphere of subsoil use. It seems necessary to supplement the tasks of state regulation on the implementation of state policy on scientific and technological development in accordance with the new constitutional provisions on the establishment of a federal policy framework in the field of scientific and technological development.

Key words: state regulation, methods of state regulation, subsoil use, entrepreneurial activity in the sphere of subsoil use, public organization of entrepreneurship in the sphere of subsoil use.

For citation: *Salieva, R.N. (2021).* The system of methods of state regulation in the sphere of entrepreneurial activity by subsoil users in modern Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 135–142.

В современных социально-экономических условиях сохраняется значение государственного регулирования в экономике в целом, включая государственное регулирование отношений в сфере недропользования.

Проблемы государственного регулирования в сфере экономики, в т.ч. в сфере энергетики и недропользования, исследовались известными учеными, специалистами по предпринимательскому (хозяйственному) праву, такими как В.С. Белых[1], Е.П. Губин[2], И.В. Ершова[3], С.С. Занковский[4], М.И. Клеандров[5], В.В. Лаптев[6], В.С. Мартемьянов[7], С.Н. Шишкин[8]. Авторами разработаны теоретические положения о формах, методах, способах и средствах государственного регулирования в экономике.

В целом под государственным регулированием понимается установление и обеспечение государством общих правил осуществления деятельности и ее корректировку в зависимости от изменяющихся условий[9].

В настоящее время приняты специальные законы либо о государственном регулировании в отдельных экономических сферах деятельности[10], либо о государственной поддержке предпринимательской деятельности[11]. Следует также отметить, что во многих законах содержатся специальные разделы о государственном регулировании в отдельных сферах экономической деятельности[12] или отдельные статьи в законах[13].

---

[1] См.: *Белых В.С.* Государственное регулирование предпринимательской деятельности в РФ // Росс. юрид. журнал. 2007. № 1. С. 39–47.

[2] См.: *Губин Е.П.* Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М., 2006.

[3] См.: *Ершова И.В.* Лицензирование экономической деятельности в условиях интеграционных процессов // Предпринимательское право. 2014. № 1. С. 23–30.

[4] См.: *Занковский С.С.* Конституции и бизнес: взгляд на историю и современность // Труды ИГП РАН. 2014. № 1. С. 15–28.

[5] См.: *Клеандров М.И.* Нефтегазовое законодательство в системе российского права. Новосибирск, 1999.

[6] См.: *Лаптев В.В.* Предпринимательское (хозяйственное) право в современных условиях // Предпринимательское (хозяйственное) право: избр. тр. Екатеринбург, 2008. С. 513–518.

[7] См.: *Мартемьянов В.С.* Хозяйственное право: учеб. М., 1994. Т. 1. С. 189–216.

[8] См.: *Шишкин С.Н.* Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики. М., 2011.

[9] См.: *Полякова В.Э.* Государственное регулирование: понятие, формы и сферы осуществления // СПС «КонсультантПлюс». 2021.

[10] См.: Федеральный закон от 20.06.1996 г. № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» // СЗ РФ. 1996. № 26, ст. 3033; Федеральный закон от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 1, ст. 2; Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4850; и др.

[11] См.: Федеральный закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 29, ст. 4503; Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 190-ФЗ «О некоторых мерах государственной поддержки отдельных категорий производителей моторных транспортных средств, их узлов и агрегатов» // СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. I), ст. 4023.

[12] См.: Федеральный закон от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13, ст. 1177; Федеральный закон от 31.03.1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1667; Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» // СЗ РФ. 1995. № 10, ст. 823 и др.

[13] См.: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

В целях систематизации законодательства в сфере государственного регулирования предпринимательских отношений представляются обоснованными предложения о целесообразности разработки специального системообразующего закона[14].

Системообразующие подходы по вопросам государственного регулирования предпринимательских отношений (публичной организации предпринимательства) содержатся в Модельном законодательстве СНГ: Модельном законе «О предпринимательстве», Модельном кодексе о недрах и недропользовании[15]. Так, в Модельном законе «О предпринимательстве»[16] определены публичные отношения в сфере предпринимательства и формы публичной организации предпринимательства. К публичным отношениям отнесены отношения, связанные с государственным регулированием и контролем (надзором) в сфере предпринимательства, основанные на власти и подчинении. К системе способов публичной организации предпринимательства отнесены, в частности государственная регистрация лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также в случаях, предусмотренных законом, их имущества и сделок; выдача разрешений на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности (лицензирование); защита конкуренции; тарифное регулирование; техническое регулирование; определение обязательных требований к бухгалтерскому учету и отчетности; организация налогообложения в сфере предпринимательства; определение порядка приватизации предпринимателями публичного имущества; определение порядка национализации имущества предпринимателей; поддержка малого и среднего предпринимательства; внешнеторговое и валютное регулирование и контроль и иные способы, прямо предусмотренные законодательством государства. А в ст. 5 Модельного закона «О предпринимательстве» определены принципы публичной организации предпринимательской деятельности. В гл. VI Модельного кодекса о недрах и недропользовании закреплены основы государственного управления и регулирования в области использования и охраны недр.

Как показывает анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики, в российском законодательстве пока не сложился системный единообразный подход по вопросам государственного регулирования предпринимательской деятельности.

В соответствии со ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находятся установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, научно-технологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации. Одной из важных сфер государственного регулирования на основе конституционных положений о федеральной политике и федеральных программах в области экономического развития остается сфера недропользования и осуществления предпринимательской деятельности пользователями недр. Особую значимость в современных экономических условиях имеют новые конституционные положения об установлении основ федеральной политики не только в области экономического, экологического развития, но также и в области научно-технологического развития. Данные конституционные положения в определенной мере нашли отражение в нормах Закона РФ «О недрах».

Так, в п. 2. ст. 3 данного Закона установлено, что к полномочиям федеральных органов относятся: определение и реализация федеральной политики недропользования, определение стратегии использования, темпов воспроизводства, дальнейшего расширения и качественного улучшения минерально-сырьевой базы путем разработки и реализации федеральных программ. В ст. 35 к задачам государственного регулирования отнесены: определение объемов добычи основных видов полезных ископаемых на текущий период и на перспективу по Российской Федерации в целом и по ее субъектам; обеспечение развития минерально-сырьевой базы и подготовки резерва участков недр, используемых для строительства подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых; обеспечение геологического изучения территории Российской Федерации, ее континентального шельфа, Антарктики и дна Мирового океана; установление квот на поставку добываемого минерального сырья; введение платежей, связанных с пользованием недрами, а также регулируемых цен на отдельные виды минерального сырья; разработка норм и правил в области использования и охраны недр (с 01.01.2022 г. данный абзац утрачивает силу).

Как видно из приведенных положений Закона РФ «О недрах», задачи научно-технологического развития в сфере недропользования на уровне закона не установлены. В современных

---

[14] См.: *Клеандров М.И.* Указ. соч. С. 68; *Белых В.С.* Указ. соч. С. 46; *Занковский С.С.* Указ. соч. С. 27.

[15] См.: Модельный кодекс о недрах и недропользовании для государств – участников СНГ (Принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 г. постановлением № 20-8 на 20-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2003. № 30 (ч. 2). С. 5–218.

[16] См.: постановление № 43-8 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О модельном законе “О предпринимательстве”» (Принято в г. Санкт-Петербурге 27.11.2015 г.) // Там же. 2016. № 64 (ч. 1).

социально-экономических условиях наука становится производительной сферой экономики, в т.ч. в области освоения минерально-сырьевых ресурсов[17], что обусловливает значимость государственной научно-технической политики и соответственно необходимость государственного регулирования в сфере научно-технологического развития. В связи с этим представляется целесообразным в соответствии с новыми конституционными положениями в Законе РФ «О недрах» в ряду задач государственного регулирования отношений недропользования закрепить задачи поддержки и стимулирования научно-технологического развития в этой сфере.

В вышеуказанном Законе определено, что государственное регулирование отношений недропользования осуществляется посредством 1) управления; 2) лицензирования; 3) учета; 4) государственного контроля (надзора).

В юридической литературе подчеркивается различие понятий «средство» и «способ» регулирования.

Так, В.С. Белых отмечает, что «понятие “способ” сопряжено с вопросом о том, как осуществляется регулирование, а понятие “средство” – что для этого применяют»[18]. В Словаре дается следующее толкование: «способ – действие или система действий, применяемые при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь»; «средство – прием, способ действия для достижения чего-нибудь»[19]. В одном из Обзоров судебной практики Верховного Суда РФ отмечается, что «в государственном регулировании предпринимательской и иной экономической деятельности используются как правовые средства, так и средства административного регулирования – разрешение совершения определенных действий (в том числе лицензирование); обязательные предписания совершения каких-либо действий; установление квот и других ограничений; применение мер административного принуждения; применение материальных санкций; контроль и надзор и т.д.»[20].

Исходя из содержания рассматриваемых категорий «средства» и «способы», применительно к сфере осуществления государственного регулирования предпринимательской и иной деятельности к способам целесообразно относить систему действий, применяемых при осуществлении государственного регулирования. А для достижения целей государственного регулирования необходимо выделять соответствующие средства, т.е. непосредственно осуществление необходимых действий.

Рассмотрим способы и средства государственного регулирования, которые определены в Законе РФ «О недрах».

Во-первых, законодатель определил, что государственное регулирование в сфере недропользования осуществляется посредством управления. Согласно легальному определению, содержащемуся в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[21], государственное управление – это деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В Законе РФ «О недрах» определены полномочия федеральных органов государственной власти в сфере регулирования отношений недропользования, а также полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В декабре 2019 г. ст. 3 Закона «О недрах», в которой определены полномочия федеральных органов государственной власти, была дополнена такими полномочиями федеральных органов, как установление правил разработки технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, правил подготовки проектной документации на разработку технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых. Соответственно, для недропользователей установлено в ст. 23^2 данного Закона правило о том, что разработка технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых осуществляется в соответствии с утвержденной проектной документацией на разработку технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, а также правилами разработки технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, устанавливаемыми федеральным органом управления государственным фондом недр по согласованию с уполномоченными Правительством РФ федеральными органами исполнительной власти.

Принимая во внимание новые конституционные положения о реализации государственной политики в сфере научно-технологического развития, а также

[17] См.: *Крюков В.А.* Экономика знаний о недрах во времени и пространстве // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 4. С. 72.

[18] *Белых В.С.* Указ. соч. С. 43.

[19] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд, испр. и доп. М., 1994. С. 746, 749.

[20] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 1 (2014) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.12.2014 г.) (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 3.

[21] См.: СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

принятые стратегические документы[22], в Законе РФ «О недрах» важно закрепить положения о том, что в научно-технологическом развитии минерально-сырьевой базы Российской Федерации высока роль компаний-недропользователей, осуществляющих финансирование технологических разработок, организацию тестового использования прогрессивных методов прогнозирования и поисков месторождений полезных ископаемых, а также нового промышленного оборудования.

В целом необходимость совершенствования законодательства о недрах отмечается как правоведами, так и специалистами отрасли и экономистами[23], а также обсуждается законодателями[24]. Ряд рекомендаций содержится в Отчете Счетной палаты РФ о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ воспроизводства минерально-сырьевой базы Российской Федерации в 2015–2019 годах»[25].

Полагаем, что в целях совершенствования системы управления в сфере недропользования целесообразно было бы использовать опыт Республики Казахстан в сфере создания специального уполномоченного органа в области государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности[26], а также опыт Королевства Норвегия, где власти поощряют исследования и развитие технологий, прежде всего посредством законодательства или других форм регулирования, а также путем прямых отчислений в Исследовательский совет Королевства Норвегия[27]. Возможно также использование института национальной нефтяной или горнорудной компании как инструмента государственного управления недропользованием[28]. Практический интерес с точки зрения совершенствования государственного регулирования представляют также подходы правового регулирования в этой сфере в других государствах. Так, в ФРГ отношения недропользования, в т.ч. отношения в сфере государственного регулирования, регламентируются в специальном Горном законе[29]. В Республике Таджикистан в целях устранения пробелов в действующем законодательстве о недропользовании и административных барьеров, сдерживающих развитие рыночных механизмов развития отрасли, а также создания благоприятных и прозрачных условий и соответствующего механизма для привлечения иностранных инвестиций постановлением Правительства РТ от 1 августа 2012 г. № 385 была утверждена Программа по улучшению инвестиционной привлекательности сферы недропользования в Республике Таджикистан на 2012–2015 годы[30].

Согласно ст. 35 Закона РФ «О недрах» государственное регулирование осуществляется также посредством лицензирования. При анализе нормативных правовых актов выявлено, что в действующем Законе РФ «О недрах» нет правила о заключении лицензионного соглашения. Очевидно, что данное обстоятельство вызывает сложности в сфере правоприменения, поскольку законодательно не определены возможности и условия заключения, предмет, существенные условия, права и обязанности, ответственность участников лицензионных отношений.

---

[22] См.: распоряжение Правительства РФ от 22.12.2018 г. № 2914-р «Об утверждении Стратегии развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. II), ст. 8762.

[23] См.: *Лисицын-Светланов А.Г.* Параметры правовой политики в сфере энергетики // Правовой энергетический форум. 2020. № 2. С. 7–15; *Курский А.Н.* Вопросы развития российского нефтяного и горного законодательства и учет зарубежного опыта // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений. 2002. № 2. С. 4–22; *Винслав Ю.Б.* Минерально-сырьевой комплекс России: тренды технологической модернизации и основные принципы формирования инновационной системы // Росс. экономический журнал. 2018. № 6. С. 27–60; *Омаров Г.З., Фаррахов А.З., Крючек С.И., Дудиков М.В.* Публичные интересы в законодательстве Российской Федерации о недрах: понятие, структура, противоречия // Минеральные ресурсы России. 2020. № 2. С. 61–68.

[24] См.: Рекомендации заседания Экспертного совета по совершенствованию законодательства в сфере развития топливно-энергетического комплекса: «О законодательном обеспечении увеличения нефтеотдачи и развития минерально-сырьевой базы» // Минеральные ресурсы России. 2018. № 2. С. 58, 59; Рекомендации «круглого стола» на тему «Вопросы законодательного обеспечения деятельности малых и средних нефтегазодобывающих предприятий» от 29.10.2020 г. (Утверждены на заседании Комитета Совета Федерации ФС РФ по экономической политике 17 ноября 2020 года). URL: https://www.angi.ru/userfiles/file/3_6-12_3028.pdf; «Круглый стол» «Законодательное обеспечение создания и деятельности малых (юниорных) геолого-разведочных компаний» 3 июня 2021 г. в Комитете по экономической политике Совета Федерации. URL: https://council.gov.ru/events/main_themes/127394/; постановление СФ ФС РФ от 11.04.2018 г. № 114-СФ «О государственной поддержке социально-экономического развития Забайкальского края» // СЗ РФ. 2018. № 16 (ч. I), ст. 2262.

[25] См.: Бюллетень Счетной палаты РФ. 2020. № 5.

[26] См.: Закон Республики Казахстан «О недрах и недропользовании». URL: http://online.zakon.kz; см. также: *Баймишев Р.Н.* Эффективные международные подходы в государственном управлении недрами // Горные науки и технологии. 2020. № 5. С. 162–184.

[27] См.: Исследования и разработки, связанные с нефтью. URL: https://www.norskpetroleum.no/en/environment-and-technology/petroleum-related-research-and-development/

[28] См.: *Курский А.Н.* Указ. соч. С. 9.

[29] См.: Handbuch zum Deutsch-Russischen Energierecht / herausgegeben F.J. Säcker. München, 2010. S. 264–299; Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П.Г. Лахно; пер. с нем. М., 2011. С. 1164.

[30] См.: Решение Экономического совета СНГ «Об Обзоре делового климата, льгот инвесторам, свободных экономических зон, промышленных и научно-технических парков государств-участников СНГ» (Принято в г. Санкт-Петербурге 17.06.2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Положения о заключении лицензионного соглашения содержатся в модельном законодательстве государств – участников СНГ. Так, в ст. 58 Модельного кодекса о недрах[31] предусмотрено, что между уполномоченными на то органами государственной власти и владельцем лицензии может быть заключен договор, устанавливающий условия пользования участком недр, а также обязательства сторон по выполнению указанного договора. Такой договор является неотъемлемой составной частью лицензии.

Важно, что в таком соглашении конкретизируются технические, технологические, организационные, финансовые, экономические, социальные, экологические условия пользования недрами, устанавливаются права и обязанности и ответственность участников.

Представляется, что регулирование отношений лицензирования в сфере недропользования по приведенной выше схеме: заключение соглашения о пользовании недрами после получения лицензии на право пользования недрами представляется целесообразным в рамках признания концепции хозяйственных обязательств и выделения хозяйственно-управленческих обязательств. В таких соглашениях могут быть предусмотрены специальные условия о предоставлении, например, льгот в связи с внедрением технологий по увеличению нефтеотдачи.

В Законе РФ «О недрах» назван также такой способ государственного регулирования, как учет.

Согласно ст. 28 данного Закона учет осуществляется: посредством ведения государственного реестра работ по геологическому изучению недр; посредством ведения государственного реестра участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами.

Государственный учет и ведение государственных реестров осуществляются по единой системе в порядке, устанавливаемом федеральным органом управления государственным фондом недр.

С целью учета состояния минерально-сырьевой базы ведется государственный баланс запасов полезных ископаемых. В соответствии со Стратегией развития минерально-сырьевой базы Российской Федерации до 2035 года[32] использование минерального сырья сохранит важнейшее значение в формировании валового внутреннего продукта, федерального и консолидированного бюджетов субъектов Российской Федерации и государственных резервных фондов.

Поскольку наличие минеральных ресурсов в недрах остается одним из важнейших конкурентных преимуществ российской экономики, важными являются вопросы оценки запасов полезных ископаемых и оценки прогнозных ресурсов. Нормативное правовое регулирование общественных отношений в сфере оценки и учета прогнозных ресурсов полезных ископаемых, а также регламентация порядка оценки ресурсов находятся в стадии формирования.

В целях преодоления пробела в правовом регулировании отношений в сфере оценки прогнозных ресурсов Министерством природных ресурсов РФ был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О недрах” в части закрепления порядка оценки прогнозных ресурсов полезных ископаемых, апробации и учета ее результатов»[33].

Еще одной составляющей государственного регулирования согласно ст. 35 Закона РФ «О недрах» является государственный контроль (надзор). В рамках реформы в сфере контрольно-надзорной деятельности государства принято постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1095 «Об утверждении Положения о федеральном государственном геологическом контроле (надзоре)»[34], в котором определены предмет и объекты контроля (надзора). Геологический надзор осуществляется Росприроднадзором и его территориальными органами. Утверждено также Положение о федеральном государственном горном надзоре[35], в котором установлен порядок организации и осуществления федерального государственного горного надзора.

Как показал анализ, в Законе РФ «О недрах» закреплены основы государственного регулирования в целом отношений недропользования. При этом система способов государственного регулирования отношений недропользования и предпринимательства в сфере недропользования по примеру Модельного законодательства пока не сформирована. В связи с этим целесообразно внесение дополнений в действующее законодательство о недрах.

В одном из решений Конституционного Суда РФ было отмечено, что «в Российской Федерации должны создаваться максимально благоприятные условия для функционирования экономической системы в целом, что предполагает необходимость стимулирования свободной рыночной экономики,

[31] См.: Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2003. № 30 (ч. 2). С. 5–218.

[32] См.: СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. II), ст. 8762.

[33] Не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 13.12.2016 г. // В официальных источниках не публиковался.

[34] См.: Официальный интернет-портал правовой информации // http://pravo.gov.ru, 03.07.2021.

[35] См.: постановление Правительства РФ от 30.06.2021 г. № 1074 «О федеральном государственном горном надзоре» (вместе с «Положением о федеральном государственном горном надзоре») // Официальный интернет-портал правовой информации // http://pravo.gov.ru, 01.07.2021.

основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как ее основных субъектов, и принятия государством специальных мер, направленных на защиту их прав и законных интересов и тем самым – на достижение конституционной цели оптимизации государственного регулирования экономических отношений»[36]. Данная правовая позиция Конституционного Суда РФ отражает необходимость сбалансированного государственного регулирования предпринимательской и иной деятельности в отраслях экономики.

Как показал проведенный анализ действующего законодательства о недрах, регламентирующего способы государственного регулирования в сфере осуществления предпринимательской деятельности пользователями недр, необходимо сбалансированное регулирование и дальнейшее совершенствование законодательства. Приведенные выше примеры свидетельствуют о необходимости наиболее полного законодательного закрепления способов государственного регулирования в сфере недропользования, включая предпринимательскую деятельность, на примере системы таких способов, определенных в Модельном законе о предпринимательстве. В частности, представляется целесообразным дополнить действующее законодательство о недропользовании следующими способами: 1) создать специальный орган управления в области государственной поддержки индустриально-инновационной деятельности и в целом государственного регулирования предпринимательской деятельности в сфере недропользования; 2) в Законе РФ «О недрах» дополнить нормы о техническом регулировании в сфере недропользования, об инвестиционной деятельности, а также об основах налогового регулирования; 3) закрепить конституционные положения о реализации государственной политики в области научно-технологического развития; 4) предусмотреть специальные меры о поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства в сфере недропользования, особенно в сфере деятельности малых (юниорных) геолого-разведочных компаний. Необходимо также усилить Закон РФ «О недрах» законодательно закрепленными принципами государственного регулирования в сфере недропользования.

[36] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР “О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках” и статей 23, 37 и 51 Федерального закона “О защите конкуренции” в связи с жалобами ОАО “Газэнергосеть” и ОАО “Нижнекамскнефтехим”» // СЗ РФ. 2009. № 28, ст. 3581.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баймишев Р.Н.* Эффективные международные подходы в государственном управлении недрами // Горные науки и технологии. 2020. № 5. С. 162–184.
2. *Белых В.С.* Государственное регулирование предпринимательской деятельности в РФ // Росс. юрид. журнал. 2007. № 1. С. 39–47.
3. *Винслав Ю.Б.* Минерально-сырьевой комплекс России: тренды технологической модернизации и основные принципы формирования инновационной системы // Росс. экономический журнал. 2018. № 6. С. 27–60.
4. *Губин Е.П.* Государственное регулирование рыночной экономики и предпринимательства: правовые проблемы. М., 2006.
5. *Ершова И.В.* Лицензирование экономической деятельности в условиях интеграционных процессов // Предпринимательское право. 2014. № 1. С. 23–30.
6. *Занковский С.С.* Конституции и бизнес: взгляд на историю и современность // Труды ИГП РАН. 2014. № 1. С. 15–28.
7. Исследования и разработки, связанные с нефтью. URL: https://www.norskpetroleum.no/en/environment-and-technology/petroleum-related-research-and-development/
8. *Клеандров М.И.* Нефтегазовое законодательство в системе российского права. Новосибирск, 1999. С. 68.
9. *Крюков В.А.* Экономика знаний о недрах во времени и пространстве // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 4. С. 72.
10. *Курский А.Н.* Вопросы развития российского нефтяного и горного законодательства и учет зарубежного опыта // Геология, геофизика и разработка нефтяных и газовых месторождений. 2002. № 2. С. 4–22.
11. *Лаптев В.В.* Предпринимательское (хозяйственное) право в современных условиях // Предпринимательское (хозяйственное) право: избр. тр. Екатеринбург, 2008. С. 513–518.
12. *Лисицын-Светланов А.Г.* Параметры правовой политики в сфере энергетики // Правовой энергетический форум. 2020. № 2. С. 7–15.
13. *Мартемьянов В.С.* Хозяйственное право: учеб. М., 1994. Т. 1. С. 189–216.
14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 2-е изд, испр. и доп. М., 1994. С. 746, 749.
15. *Омаров Г.З., Фаррахов А.З., Крючек С.И., Дудиков М.В.* Публичные интересы в законодательстве Российской Федерации о недрах: понятие,

структура, противоречия // Минеральные ресурсы России. 2020. № 2. С. 61–68.

16. *Полякова В.Э.* Государственное регулирование: понятие, формы и сферы осуществления // СПС «КонсультантПлюс». 2021.
17. *Шишкин С.Н.* Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики. М., 2011.
18. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под ред. П.Г. Лахно; пер. с нем. М., 2011. С. 1164.
19. Handbuch zum Deutsch-Russischen Energierecht / herausgegeben F.J. Säcker. München, 2010. S. 264–299.

REFERENCES

1. *Baimishev R.N.* Effective International Approaches in Subsoil Management // Mining Science and Technology. 2020. No. 5. P. 162–184 (in Russ.).
2. *Belykh V.S.* State regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation // Russian legal journal. 2007. No. 1. P. 39–47 (in Russ.).
3. *Vinslav Yu. B.* Mineral Resources Sector of Russia: Trends of Technological Modernization and Basic Principles of Innovation System Formation // Russian Economic Journal. 2018. No. 6. P. 27–60 (in Russ.).
4. *Gubin E.P.* State regulation of market economy and entrepreneurship: legal problems. M., 2006 (in Russ.).
5. *Ershova I.V.* Licensing of economic activities in the context of integration processes // Entrepreneurial Law. 2014. No. 1. P. 23–30 (in Russ.).
6. *Zankovsky S.S.* Constitutions and Business: A Look at History and Modernity // Proceedings of the ISL of the RAS. 2014. No. 1. P. 15–28 (in Russ.).
7. Research and development related to oil. URL: https://www.norskpetroleum.no/en/environ-ment-and-technology/petroleum-related-research-and-development/
8. *Kleandrov M.I.* Oil and gas legislation in the system of Russian law. Novosibirsk, 1999. P. 68 (in Russ.).
9. *Kryukov V.A.* The economics of subsurface knowledge in time and space // Science Management: Theory and Practice. 2020. Vol. 2. No. 4. P. 72 (in Russ.).
10. *Kurskiy A.N.* Issues of development of Russian oil and mining legislation and consideration of foreign experience // Geology, Geophysics and Development of Oil and Gas Fields. 2002. No. 2. P. 9 (in Russ.).
11. *Laptev V.V.* Entrepreneurial (business) law in modern conditions // Entrepreneurial (Commercial) Law: selected works. Ekaterinburg, 2008. P. 513–518 (in Russ.).
12. *Lisitsyn-Svetlanov A.G.* Parameters of legal policy in the energy sector // Legal Energy Forum. 2020. No. 2. P. 7–15 (in Russ.).
13. *Martemyanov V.S.* Commercial law: textbook. M., 1994. Vol. 1. P. 189–216 (in Russ.).
14. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu.* The Explanatory Dictionary of the Russian Language. 2nd ed. amended and expanded. M., 1994. P. 746, 749 (in Russ.).
15. *Omarov G.Z., Farrakhov A.Z., Kryuchek S.I., Dudikov M.V.* Public interests in the Russian Federation legislation on subsoil: concept, structure, contradictions // Mineral Resources of Russia. 2020. No. 2. P. 61–68 (in Russ.).
16. *Polyakova V.E.* State regulation: the concept, forms and spheres of implementation // "ConsultantPlus". 2021 (in Russ.).
17. *Shishkin S.N.* Entrepreneurial and legal (economic and legal) foundations of state regulation of the economy. M., 2011 (in Russ.).
18. Energy law of Russia and Germany: comparative legal research / ed. by P.G. Lakhno; transl. from German. M., 2011. P. 1164 (in Russ.).
19. Handbuch zum Deutsch-Russischen Energierecht / herausgegeben F.J. Säcker. München, 2010. S. 264–299.

Сведения об авторе

САЛИЕВА Роза Наильевна –
доктор юридических наук, профессор, заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса Института проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан; 420087 г. Казань, ул. Даурская, д. 28

Authors' information

SALIEVA Roza N. –
Doctor of Law, Professor, Head of Laboratory of legal problems of subsoil use, ecology and fuel and energy sector, Institute of Ecology and Subsoil Use Problems of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 28 Daurskaya str., 420087 Kazan, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 143–153
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 143–153

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИЯ РАСШИРЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

© 2021 г. И. А. Трофимец

Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания, г. Мадрид

E-mail: kosareva-khv@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.12.2020 г.

Аннотация. Цифровизация государственной регистрации заключения брака является частью происходящего процесса построения информационного общества и электронного государства. В настоящее время создан Единый государственный реестр ЗАГС, оцифрован архив ЗАГС, что обеспечивает сбор, обработку, хранение, получение, использование и защиту информации о семейно-правовом статусе гражданина, а также актуальность и достоверность таких сведений. Исторически институт государственной регистрации брака, определяя компромисс между частным и публичным интересом, выполнял три основные функции: охранительную, подтверждающую и учетную. Супружеской паре предоставляется правовая охрана прав и законных интересов исключительно при соблюдении установленного требования о государственной регистрации брака. Государственная регистрация является единственным допустимым доказательством при оспаривании наличия или отсутствия супружеских правоотношений (личных неимущественных и имущественных). Демографическая составляющая государственной регистрации брака способствует формированию эффективной государственной политики в сфере семьи и брака.

Ключевые слова: диджитализация (цифровизация), информационное общество, электронное государство, электронное правительство, брак, органы ЗАГС, государственная регистрация заключения брака, идентификация и аутентификация заявителя, Единый государственный реестр ЗАГС.

Цитирование: *Трофимец И.А.* Темпоральность института государственной регистрации заключения брака в России: тенденция расширения цифровизации // Государство и право. 2021. № 10. С. 143–153.

DOI: 10.31857/S102694520017269-6

TEMPORALITY OF THE INSTITUTE OF STATE REGISTRATION OF MARRIAGE IN RUSSIA: THE TREND OF EXPANDING DIGITALIZATION

© 2021 I. A. Trofimets

Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Spain, Madrid

E-mail: kosareva-khv@yandex.ru

Received 21.12.2020

Abstract. The digitalization of state registration of marriage is part of the process of creating an information society and an electronic state. Now the Unified State Register of the Civil Registry Office has been created and the archive of the Civil Registry Office has been digitized, which ensures the collection, processing, storage, receipt, use and protection of information about the family-legal status of a citizen, as well as the relevance and reliability of such information. Historically the institution of state registration of marriage was defining a compromise between private and public interest and performed three main functions: protective, confirming and accounting. A married couple is provided with legal protection of its rights and legitimate interests just in

case of compliance to the established requirement for state registration of marriage. State registration is the only admissible evidence when challenging the presence or absence of spousal legal relations (personal and property). The demographic component of state registration of marriage contributes to the formation of an effective state policy in the field of family and marriage.

Key words: digitalization, information society, electronic government, marriage, registry office, state registration of marriage, identification and authentication of the applicant, Unified Register of Civil Status Acts.

For citation: *Trofimets, I.A. (2021).* Temporality of the institute of state registration of marriage in Russia: the trend of expanding digitalization // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 143–153.

Связанные с тотальной диджитализацией вызовы XXI в. порождают обеспокоенность у считающегося консервативным юридического сообщества, сопряженную с необходимостью трансформации права и правоприменения, обусловленную переходом в цифровой формат общественных отношений, возникновением новых явлений, требующих общетеоретических и отраслевых осмыслений и разработок. В современных условиях всеобъемлющей цифровизации государство и право не могут оставаться прежними. Полномасштабное внедрение киберфизического управления как результат объявленной Четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0) затрагивает все области общественной и частной жизни. Искусственный интеллект вытесняет людей из привычных сфер деятельности, и это не только экономика и социальный сектор, принимает он на себя в т.ч. и администрирование обществом. Зарождается модель виртуального социума, формируется парадигма электронного государства (электронного правительства, электронного правосудия). Осуществляется цифровизация многих общественных отношений, в т.ч. таких как «государство – гражданин».

Одно из первых упоминаний о начавшемся процессе цифровизации относится к Концепции использования информационных технологий и деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 г., опубликованной в 2004 г.[1] Хотя значительным шагом в формировании правовой базы процесса цифровизации общества и государства можно считать принятие Федерального закона от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 08.06.2020 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2] (далее – Закон об информации) и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 24.04.2020 г.) «О персональных данных»[3]. Законодатель начал подготовку правовой основы для цифровизации всех сфер общественной жизни, включая государственное управление.

Важным инструментом государственного управления является государственная регистрация, и именно эта деятельность органов исполнительной ветви власти наиболее затронута процессом цифровизации: институт государственной регистрации переходит в новый формат. Значение государственной регистрации связано с реализацией одной из основных функцией органов исполнительной власти – осуществление контроля в различных областях общественных отношений. Надеемся, что новый формат государственной регистрации обеспечит эффективность деятельности государственных органов.

Государственная регистрация в объективном смысле представляет собой комплексный правовой институт, включающий в себя нормы административного права и других материальных отраслей права (гражданского, семейного, трудового, земельного и др.), регулирующие отношения по идентификации, фиксированию и учету определенных объектов и (или) правоотношений, правовых статусов лиц. Государственная регистрация в субъективном смысле – юридический факт, а именно, административный акт, входящий в сложный юридический состав, влекущий возникновение, изменение или прекращение правоотношений и правовых статусов, одна из форм применения права (оперативно-исполнительная), реализующая диспозицию правовой нормы. Итак, если говорить о категории «государственная регистрация», то можно заявить, что это действие (чаще деятельность), имеющее своим результатом особый административный акт, которым подтверждается определенное юридическое последствие – наличие, отсутствие, изменение правоотношения, правовое состояние лица.

Ныне семейное положение гражданина по-прежнему остается одним из ключевых в его правовом статусе, поскольку состояние в браке или в разводе имеет определенные личные неимущественные и имущественные последствия. Можно отметить, что государственная регистрация заключения брака выполняет несколько функций, среди которых можно выделить три основные: правоустанавливающую (порождает супружеские правоотношения), обеспечительную (обладает бесспорным доказательством

[1] См.: СЗ РФ. 2004. № 40, ст. 3981.

[2] См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

[3] См.: СЗ РФ. 2006 г. № 31 (ч. I), ст. 3451.

наличия или отсутствия брачных отношений) и демографическую (производит учет характеристик народонаселения).

Заключение брака – один из семи актов гражданского состояния, перечень которых исчерпывающе определен в ст. 47 ГК РФ[4] и ст. 3 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (в ред. 24.04.2020 г.) «Об актах гражданского состояния»[5]. Действующие в Российской Федерации требования о государственной регистрации брака основываются на международно-правовых нормах, направленных на ликвидацию дискриминации в отношении женщин, а именно на п. 3 Конвенции о согласии на вступление в брак, брачном возрасте и регистрации браков 1962 г.: «Все браки регистрируются компетентным органом власти в соответствующем официальном реестре»[6]. Конститутивное значение института государственной регистрации для такого социального образования как брак носит безусловный характер.

Акты гражданского состояния являются особой разновидностью действий граждан или событий, потенциально влияющих на возникновение, изменение или прекращение их прав и обязанностей, а также характеризующих правовой статус лица. И только в результате государственной регистрации актов гражданского состояния они трансформируются в юридические факты с определенными правовыми последствиями. Акты гражданского состояния идентифицируют (индивидуализируют) человека, фиксируют его правовое положение, юридическую связь с государством и другими субъектами правоотношений[7]. Перечисленные в законе акты гражданского состояния, по существу являющиеся или событиями (рождение и смерть) или правомерными действиями (заключение и расторжение брака, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени), самостоятельно не влекут необходимых правовых последствий, для наступления которых требуется наличие юридического состава, включающего и административный акт – государственную регистрацию.

Заслуживает внимания определение, представленное С.А. Трефиловым: «акты гражданского состояния – это подлежащие государственной регистрации юридические факты (события и преимущественно действия), влияющие на возникновение, изменение и прекращение правоотношений, которыми определяется частноправовой статус физического лица, его объем и содержание»[8]. Единственное замечание к данному определению может быть в том, что акты гражданского состояния, являясь жизненными обстоятельствами, входят в сложный юридический состав, в котором необходима строгая последовательность их наступления, завершающаяся государственной регистрацией.

Официальная концепция государственной регистрации актов гражданского состояния установлена в ст. 6 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». В этом нормативном правовом акте определена цель государственной регистрации актов гражданского состояния – охрана личных неимущественных и имущественных прав граждан и защита интересов государства. Осуществляется она посредством составления в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС) записи, на основании которой выдается свидетельство о соответствующей государственной регистрации акта гражданского состояния. Перечень сведений, внесенных в запись акта гражданского состояния и в свидетельства, выдаваемые на основании такой записи, определяется федеральным законодательством. Поскольку органы ЗАГС входят в систему Министерства юстиции РФ формы записей актов гражданского состояния, формы бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, формы иных документов, подтверждающих наличие или отсутствие фактов государственной регистрации актов гражданского состояния, формы заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния, а также правила их заполнения устанавливаются этим федеральным органом исполнительной власти. Процесс цифровизации, затронувший деятельность органов ЗАГС, изменил сферу действующей системы контроля над ними. Указом Президента РФ от 15 января 2016 г. № 13 «О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом

[4] См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

[5] См.: СЗ РФ. 1997. № 47, ст. 5340.

[6] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/conmarr.shtml (дата обращения: 13.12.2020 г.).

[7] Исследованию правовой природы актов гражданского состояния посвящены работы следующих авторов: *Горская Е.Ю.* Акты гражданского состояния как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских и семейных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; *Трефилов С.А.* Акты гражданского состояния по законодательству Российской Федерации: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; *Юрченко О.Ю.* Акты гражданского состояния как юридические факты в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

[8] *Трефилов С.А.* Указ. соч. С. 7.

обязательного медицинского страхования»[9] определены полномочия Федеральной налоговой службы (ФНС) как оператора информационной системы ЗАГС.

В настоящее время в сфере государственной регистрации юридических фактов, влекущих семейно-правовые отношения, результатом процесса цифровизации стало создание ЕГР ЗАГС, с этой целью не только осуществляются действующие записи актов гражданского состояния в электронном виде, но и оцифрован архив ЗАГС. Таким образом, оптимизированы сбор, обработка, хранение, получение, использование и защита информации о семейно-правовом статусе гражданина, а также гарантируется актуальность и достоверность таких сведений. Создание ЕГР ЗАГС можно отнести к одному из аспектов тенденции цифровизации государственной регистрации брака в Российской Федерации.

Оцифрованные с 1926 г. 500 записей ЕГР ЗАГС станут основой для федерального регистра сведений о гражданах, формирование которого предусмотрено Федеральным законом от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации»[10]. Действие Закона распространяется на сбор, обработку, хранение, получение, использование и защиту персональных данных о гражданах, а также обеспечение актуальности и достоверности иных сведений, носящих юридический характер. Формирование федерального регистра сведений о гражданах осуществляется поэтапно и закончится 31 декабря 2025 г. В новый информационный ресурс должны быть включены следующие персональные данные: ФИО, дата и место рождения и смерти, гражданство, семейное положение, реквизиты паспорта и документов об образовании, квалификации, ученой степени и ученом звании, сведения о постановке на налоговый и воинский учет, в службе занятости, о регистрации в системах обязательного страхования, учетная запись в Едином портале государственных и муниципальных услуг и региональных порталах государственных и муниципальных услуг. В силу особой значимости для гражданско-правового статуса лица данные о государственной регистрации заключения и расторжения брака найдут отражение в федеральном регистре сведений о гражданах. Информация будет поступать в регистр по Системе межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), обеспечивающей обмен данными, необходимыми для оказания различного рода государственных услуг гражданам. Основная цель – систематизация данных, уже содержащихся на информационных ресурсах различных органов исполнительной власти. Как в случае с ЕГР ЗАГС оператором этого информационного ресурса названа ФНС.

Один из принципов предоставления государственных услуг – предоставление услуги в электронной форме. В связи с цифровизацией деятельности органов исполнительной власти документы, выдаваемые ими, имеют формат электронных документов. Однако правообладателю хотя и выдается электронный документ, но материализован он на бумажном носителе. Для определения категории «электронный документ»[11] используется легальная дефиниция, установленная в п. 11[1] ст. 2 Закона об информации. Данное определение, на наш взгляд, не раскрывает всех характеристик этой правовой категории – электронный документ, и не соответствует практике электронного документооборота. Законодатель предпринял попытку, дополнить одну дефиницию другой из п. 11 названной статьи[12]. Полагаем, что такой подход законодателя усложняет понятийный аппарат и создает трудности в правоприменении. По нашему мнению, категория «электронный документ» может быть определена более лаконично, без обращения к еще одной дефиниции. Нельзя признать эффективным объяснение одного неизвестного через другое. Предлагаем следующее определение понятия «электронный документ» – это официальная информация о наличии или отсутствии юридических фактов с реквизитами, позволяющими идентифицировать источник ее предоставления, имеющая цифровой формат с возможностью ее выдачи правообладателю (или уполномоченному им лицу) в виде документа на бумажном носителе установленного законодательством образца[13].

[9] См.: СЗ РФ. 2016. № 3, ст. 474.

[10] См.: СЗ РФ. 2020. № 24, ст. 3742.

[11] «Электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

[12] «Документированная информация – зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель».

[13] Новеллы законодательства не затонули правила о языке делопроизводства: государственная регистрация в органах записи актов гражданского состояния ведется на государственном языке Российской Федерации – русском языке. Сохранены возможные исключения в виде использования государственного языка субъекта Российской Федерации (для республик в составе Российской Федерации и в необходимых случаях для других субъектов Федерации).

В брачной сфере отмечается перманентный латентный конфликт частного и публичного интересов. С одной стороны, государство посредством различных юридических инструментов гарантирует тайну частной и семейной жизни: действуют конституционные и отраслевые правовые принципы и нормы. Так, в частности, сведения о государственной регистрации актов гражданского состояния, и в том числе персональные данные, являются информацией, доступ к которой ограничен и разглашению не подлежит, такие сведения предоставляются лицу, в отношении которого соответствующие записи производились, а также в случае смерти такого лица, его родственникам или другим заинтересованным лицам, подтвердившим факт родства или заинтересованности.

С другой стороны, обеспокоенность о пресечении разного рода правонарушений (двоеженство, брак близких родственников, брак с недееспособным лицом и др.) требует от государства обеспечения публичности в области брачных прав граждан, ведь затрагиваются права и законные интересы не только самих супругов, но и их потомков, кредиторов и иных лиц. Традиционно данная проблема решалась за счет помолвки, которая не только давала возможность будущим супругам обдумать свое решение вступить в брак и подготовиться к ответственному шагу, но и позволяло любому лицу заявить о препятствиях к супружеству у помолвленной пары. Такое же значение имел институт оглашения брака и присутствия свидетелей при его регистрации. Подобные средства профилактики пресечения незаконных браков имеют место. И именно на это направлен существующий во всех правопорядках институт государственной регистрации заключения брака. Государственная регистрация является одним из юридических фактов в сложном юридическом составе, в котором обязательно присутствует взаимосогласованное волеизъявление самих супругов, и презюмируется законность заключаемого брака, оспорить которую можно только в судебном порядке.

Полагаем, что встревоженность широкой общественности возможными проблемами установления электронной власти, формирования правового нигилизма и отсутствия должного механизма защиты персональных сведений является беспочвенной. Считаем, что изменения, внесенные информационно-коммуникационными технологиями, неизбежны и действительно облегчают жизнь людей, государство пытается сохранить юридические меры, которые существуют для гарантии частной и семейной жизни. Цифровизация государственного управления лишь позволяет систематизировать данные, которые уже находятся на различных информационных ресурсах органов государственной власти. Сведения в отношении гражданина предоставляются только ему или уполномоченному им лицу. Максимальную защиту обеспечивает использование шифрования, все данные покрываются протоколом безопасности. Риск «утечки» информации минимальный. И, как уже отмечалось, сведения о семейно-правовом статусе традиционно подлежали публичной огласке.

Элемент общественного признания брака реализуется в государственном регулировании половых отношений и сохраняется на протяжении всей дальнейшей истории брака[14]. Условно определяем несколько видов признания и (или) оформления брачных отношений в истории человечества до становления современной системы государственной регистрации заключения брака:

сообщество (одобрение со стороны соплеменников и старейшины рода особыми ритуалами);

церковь (заполнение метрических книг);

государство (введение соответствующих регистров).

Еще Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал о необходимости одобрения брака родом (племенем) с самого начала возникновения этого социального учреждения[15].

По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, первые бракосочетания заключались без каких-либо формальностей. Преобладающим ученый считает похищение (действительное и притворное) невесты, которое были распространено у славян до принятия христианства на Руси[16]. Притворное похищение, по сути, было сговором с целью избежать свадебного ритуала, очень дорогостоящего. Называет он и «покупку» невесты, характерную не только для славян, но и для германских племен. Альтернативой было приведение невесты с приданным в дом семьи жениха[17]. Анализируя первые исторические способы бракосочетаний, М.Ф. Владимирский-Буданов заключает, что они сводились лишь к общественному признанию семейного положения пары посредством обрядов, кстати, частично сохраненных до наших дней, например, обмен кольцами.

По мере появления и влияния христианства на обычное семейное право брак преобразовался

[14] См.: *Свердлов Г.М.* Советское семейное право. М., 1958. С. 99.

[15] См.: *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1989.

[16] См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 405.

[17] См.: там же. С. 406.

в таинство, имевшее договорную основу. С точки зрения Г.Ф. Шершеневича, христианство оказывало свое влияние на брак медленно, церковное венчание игнорировалось, долгое время консервативные традиции народного быта сохранялись[18], сохранялись языческие формы заключения брака. И лишь в XVIII в. Российской Империей была определена церковная форма брака как обязательная[19].

Действовавший в дореволюционной России порядок совершения бракосочетания был проанализирован Д.И. Мейером и расценивался им как «чрезвычайно сложный»[20]. Священники в приходах могли проводить обряд венчания при обязательном предъявлении венечной грамоты, выдаваемой предстоятелем местной церкви, которой подтверждалось отсутствие препятствий к браку. Венчанию предшествовали обручение (помолвка), оглашение и обыск. Обручение утратило юридическое значение со времен Петра I, представляло собой лишь предварительный сговор о будущем заключении брака, необеспеченное никакими санкциями. Оглашение заключалось в троекратном извещении в церкви предстоящего брака с целью выявления обстоятельств, служащих запретом к браку. По каноническим нормам сила оглашения действовала в течение двух месяцев, если в этот срок венчание не совершалось, оглашение следовало проводить заново. Оглашение носило чисто формальный характер, упущение оглашения не влияло на действительность венчанного брака. Обыск сводился к удостоверению свидетелями отсутствия оснований недействительности брака: близкая степень родства, понуждение и т.д. Бракосочетание – это церковный обряд венчания, совершаемый в личном присутствии сочетающихся, при двух-трех свидетелях, сопровождавшийся обменом кольцами и клятвами. По окончании венчания брачующиеся считались официальными супругами. Каждый брак записывался в метрическую (приходскую) книгу[21]. Позднее признавалась исключительно религиозная форма брака для лиц всех вероисповеданий, признанных государством[22]. А.Г. Гойхбарг указывал, что в Российской Империи запрещалось был атеистом, не принадлежать к какой-либо религии, «быть во вневероисповедном состоянии»[23]. Особо обстояло дело со старообрядцами, не признававшими православие и имевшими своих священников, гонимых властью. С 1874 г. раскольничьи браки признавались только после записи полицейскими чиновниками или полицейскими приставами[24]. С уверенностью можно сказать, что такой учет выполнял одну из функций современного института государственной регистрации брака: учетную. Веротерпимость, объявленная в 1906 г., не изменила действующего порядка легитимизации старообрядческих браков.

В период Российской Империи до принятия Советским государством Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (1918 г.) такие виды гражданского состояния, как рождение, бракосочетание и смерть фиксировались в метрических книгах (метриках), считавшимися официальным реестром. Метрические книги велись отдельно по вероисповеданиям. Все православные приходы регистрировали в отношении каждого прихожанина его социальный статус с указанием всех основных идентификаторов (имя, дата и место рождения, пол, местожительство), а до отмены крепостного права записывалась владельческая принадлежность крестьян. В первые годы становления советской власти, произведшей слом старого государственного аппарата и отказавшейся от всего церковного, регистрация актов гражданского состояния лиц велась в произвольной форме, но по аналогии применялись ранее действовавшие канонические правила в части реквизитов записи о регистрации брака (ФИО брачующихся, дата и место бракосочетания, выбранные супружеские фамилии).

После революции религия была отделена от государства, и, как следствие, брак был выведен из-под юрисдикции церкви. Декретом от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (далее – Декрет 1917 г.) провозглашалась секуляризации брака, определялось, что Россия признает только браки, заключенные в органах ЗАГС, церковный брак не запрещался, но считался частным делом брачующихся[25]. Кодекс 1918 г. подтвердил гражданскую (светскую) форму брака и вместе с тем признал действительными браки, заключенные до 20 декабря 1917 г. по религиозным обрядам, никакой дополнительной регистрации этих браков не

[18] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 410.

[19] См.: там же. С. 411.

[20] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М., 2000. С. 726, 727.

[21] В настоящее время оцифрованы сведения о рождении, бракосочетании и смерти жителей Москвы и Московской губернии с 1772 по 1917 г. Главархив обеспечил доступ к этой информации.

[22] См.: *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса, 1902. С. 51.

[23] *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейное и опекунское право. М., 1926. С. 8.

[24] Там же.

[25] Цит. по: *Свердлов Г.М.* Указ. соч. С. 60.

требовалось, в Декрете 1917 г. по данному вопросу имелся пробел. Советская власть к религиозному венчанию относилась индифферентно, прямых запретов и наказаний установлено не было, но правопорождающего значения церковная форма брака в соответствии с Декретом 1917 г. не имела. Большевики стремились сломать старые устои общества, отделив религиозные объединения от государства, в том числе вопросы семьи и брака были изъяты из их компетенции.

Принятый позже Кодекс законов о семье, браке и опеке от 19 ноября 1926 г.[26] рассматривал государственную регистрацию брака как бесспорное доказательство наличия супружеских отношений. В связи с легитимизацией сожительств можно говорить о дуализме официальной концепции брака. Лица, состоявшие в незарегистрированных брачных отношениях, могли в любое время оформить надлежащим образом свой союз с указанием фактического срока совместной жизни. Дуализм института брака существовал до введения в действие Указа от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усиление охраны материнства и детства, об установлении почетного звания "Мать-героиня", учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства"»[27], установившего судебный порядок признания фактических супружеских отношений, возникших до принятия данного нормативного правового акта.

Новые правила определяли публичный характер процедуры регистрации брака, но присутствие каких-либо лиц, кроме брачующихся, не считалось обязательным. Были установлены территориальные ограничения: бракосочетание могло осуществляться по месту жительства жениха и (или) невесты. Регистрация брака производилась председателем и секретарем отдела записей актов гражданского состояния в специальном, предназначенном для регистрации браков, помещении. Единственным основанием для регистрации брака вне помещения органа ЗАГС могла быть болезнь брачующихся или одного из них. Имена должностных лиц, уполномоченных производить регистрацию брака, обнародовались в местном органе печати. Лица, вступающие в брак, должны были лично подать письменное или устное заявление о добровольности заключения брака и отсутствии препятствий к браку и подтвердить свою личность. Подтверждением личности могли быть как письменный документ, так и свидетельские показания, достаточные на усмотрение должностного лица, производившего регистрацию брака, если же брачующийся был ему известен, то вообще никаких подтверждений не требовалось. Отсутствие препятствий к браку никак не проверялось, достаточно было заявления будущих супругов, за предоставление ложных сведений, предусматривалась ответственность. Не могло служить отказом в регистрации брака наличие в паспортах брачующихся отметки о нерасторгнутом браке[28].

Кодекс 1926 г. периодически обновлялся, но процедура регистрации брака не претерпевала каких-либо существенных изменений. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1960 г. (в ред. от 22.12.1994 г.)[29] установил новый порядок заключения брака. Впервые был определен срок ожидания со дня подачи заявления до регистрации брака в один месяц, при наличии особых обстоятельств допускалось увеличение или сокращение этого срока. По желанию брачующихся оформление брака могло производиться праздничнo по аналогии с религиозным венчанием. Хотя возможно торжественная обстановка бракосочетания в государственном органе – это способ борьбы с церковным влиянием на институт брака и семьи путем заимствования устоявшегося культового обряда, сохранения традиций предков.

В Российской Федерации признается браком исключительно союз мужчины и женщины, заключенный в органах ЗАГС. Установленная форма совершения брака, является единственно возможной и официально допустимой, что следует из п. 2 ст. 1 СК РФ[30]. Совершенный иным способом брак, например, по церковным канонам или национальным обычаям на территории Российской Федерации не порождает семейного правоотношения между супругами. Исключение установлено п. 7 ст. 169 СК РФ[31].

В начале XX в. из-за процесса секуляризации брака церковь долго считала сожительство мужчины и женщины на основании записи в гражданской книге прелюбодеянием, сегодня же, уважая институт государственной регистрации брака, обряд венчания проводится после его заключения в органе ЗАГС. Такая позиция соответствует официальной концепции отделения церкви от государства.

По справедливому замечанию И.А. Зенина, процедура оформления брака состоит из подго-

[26] См.: URL: http://base.garant.ru/71270856/ (дата обращения: 13.12.2020).

[27] См.: Ведомости ВС СССР. 1944. № 37.

[28] См.: *Гойхбарг А.Г.* Указ. соч. С. 8.

[29] См.: Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32, ст. 1086.

[30] См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

[31] Исключение установлено для браков граждан, заключенных по религиозным обрядам на оккупированных территориях, входивших в состав бывшего СССР в период Великой Отечественной войны, до возобновления деятельности органов ЗАГС.

товительной и основной частей[32]. Заключение брака – сложный процесс, начинающийся подачей заявления и завершающийся регистрацией брака в государственных органах.

Заслуживает одобрения новая редакция ст. 11 СК РФ. В частности, норма об увеличении срока на выбор даты регистрации брака – до 12 месяцев со дня подачи заявления в орган записи актов гражданского состояния в дату и во время, которые определены лицами, вступающими в брак, при подаче ими заявления о заключении брака (п. 1).

Лица, принявшие решение вступить в брак, должны подать совместное письменное заявление в тот орган ЗАГС, где предположительно и будет проходить государственная регистрация бракосочетания. В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» государственная регистрация заключения брака производится любым органом ЗАГС на территории Российской Федерации по выбору лиц, вступающих в брак. По мнению некоторых ученых, такое нововведение создало больше удобств для брачующихся[33]. Представляется неактуальным высказывание В.А. Рясенцева, который, комментируя положения советского семейного законодательства, писал о последствиях нарушения правила о месте государственной регистрации брака: «Заключение брака не по месту жительства влечет административную или даже уголовную ответственность»[34]. В этом случае находим дополнительный пример «гибкости» права – изменяются общественные отношения, трансформируются нормы, их регулирующие. Использование телематической сети ЗАГС техническим способом решило правовую проблему.

Считаем, что отсутствие оглашения о предстоящем бракосочетании, необязательность присутствия иных, кроме брачующихся, лиц, невозможность публичного доступа к информации о семейном положении граждан, позволяет сделать вывод, что в Российской Федерации в принципе заключение брака может быть тайным. «Тайный брак» прямо допускается в некоторых зарубежных государствах[35]. Вместе с тем в государствах, где такие браки разрешены, отношение общества к ним негативное. Брак заключается с целью создания семьи, а семья – это ячейка общества. Семейной паре просто необходимо признание их статуса не только со стороны государства, но и общества.

С 2014 г. на территории Российской Федерации началась постепенная цифровизация прав граждан в сфере брака. Триггером процесса стали изменения, внесенные в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния»: появилась возможность подачи заявления о заключении брака в электронном виде через Единый портал государственных и муниципальных услуг и региональные порталы государственных и муниципальных услуг. Актуальной остается проблема идентификации и аутентификации заявителя. К вопросу идентификации в информационном пространстве обращается в своих исследованиях В.Б. Наумов, обосновывая, что результатом идентификации является доказанность тождества идентифицируемого субъекта[36]. Вторым аспектом цифровизации в правовом регулировании брачных отношений называем предоставленную законодательством возможность обращения за получением государственной услуги в электронном виде.

Сохранен принцип взаимного добровольного согласия на брак: заявление, подписанное простой электронной подписью, подается от двух заявителей, у которых обязательно должна быть подтвержденная учетная запись. Алгоритм следующий: инициатор (первый заявитель) заполняет в заявлении данные о себе, выбирает ЗАГС, дату и время регистрации и отправляет приглашение второму заявителю, который получив по электронной почте пригласительную ссылку, переходит по ней и заполняет свою часть заявления уже под своей учетной записью. Оплатить госпошлину на портале может любой из заявителей, т.е. не обязательно инициатор. После оплаты госпошлины именно инициатору нужно зайти вновь на страницу заявления и отправить его в ЗАГС. На совершение этих действий законодательством отводится 24 часа, на такой срок сохраняется бронирование записи на регистрацию брака в ЗАГС. Заявления, которые направляются в форме электронного документа, подписываются простой электронной подписью каждого заявителя.

Действует и традиционный порядок подачи совместного заявления на вступление в брак, которые в некоторой степени обеспечивает торжественность предстоящего события в жизни брачующихся. Лица, желающие вступить в брак, подают в орган ЗАГС совместное заявление о заключении брака в письменной форме лично. В совместном заявлении должны быть подтверждены

[32] См.: *Зенин И.А.* Гражданское и торговое право зарубежных стран. М., 2008. С. 190.

[33] См., напр.: *Фетюхин Ю.М.* Институт брака по новому семейному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 99.

[34] *Рясенцев В.А.* Советское семейное право. М., 1982. С. 141.

[35] Например, «тайный брак» возможен в Испании (ст. 54 ГК Испании).

[36] См.: *Наумов В.Б.* Институт идентификации в информационном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.

взаимное добровольное согласие на заключение брака, а также отсутствие обстоятельств, препятствующих заключению брака. Одновременно с подачей совместного заявления о заключении брака в письменной форме лично необходимо предъявить документы, удостоверяющие личности вступающих в брак. Если лицо (лица), вступающее в брак, является несовершеннолетним, то и разрешение на вступление в брак до достижения брачного возраста (п. 2 ст. 13 СК РФ) выдается должностным лицом органа местного самоуправления.

Существует возможность оформления волеизъявления на вступление в брак отдельными заявлениями. В таких случаях подпись лица должна быть нотариально удостоверена, за исключением случаев, когда заявление направлено через Единый портал государственных и муниципальных услуг и региональные порталы государственных и муниципальных услуг. К нотариально удостоверенной подписи лица, совершенной на заявлении о заключении брака, приравнивается удостоверенная начальником места содержания под стражей или начальником исправительного учреждения подпись подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей, либо осужденного, отбывающего наказание в исправительном учреждении.

Несмотря на общее правило о том, что государственная регистрация брака производится по истечении месяца со дня подачи заявления в соответствующем учреждении ЗАГС, возможны исключения[37].

Закон разграничивает категории «уважительные причины» и «особые обстоятельства» и устанавливает разные последствия для возможности заключения брака. При наличии особых обстоятельств, перечень которых законодатель оставляет открытым, государственная регистрация брака возможна в день обращения брачующихся. При существовании уважительных причин, понятие которых не раскрывается и отдается на «откуп» правоприменителю, заключение брака допускается до истечения месячного срока. Хотелось бы отметить, что отступление от законодательно определенного месячного срока – это право органа записи актов гражданского состояния, а не его обязанность. В случае отказа органа ЗАГС произвести государственную регистрацию при наличии уважительных причин или особых обстоятельств, заявитель (заявители) имеет право на обжалование в суде. Представляется, что реализация права на судебную защиту может быть затруднительна, а в ряде случаев неактуальна по причине исключительности обстоятельств, в которых находятся лица, желающие вступить в брак.

Государственная регистрация брака производится обязательно в присутствии жениха и невесты в помещении органа ЗАГС. В Российской Федерации нет возможности заключения брака по доверенности[38] или дистанционно (онлайн). Вне помещения органа ЗАГС государственная регистрация брака может быть произведена, если жених или невеста не могут явиться вследствие тяжелой болезни или иной уважительной причины. Бракосочетание вне помещения органа ЗАГС осуществляется непременно в присутствии обоих брачующихся. Не ограничивается законодательством право на вступление в брак лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления либо в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу или находящихся в местах лишения свободы. Государственная регистрация брака с таким гражданином производится должностным лицом органа ЗАГС в помещении, отведенном начальником соответствующего уголовно-исполнительного учреждения по согласованию с руководителем органа записи актов гражданского состояния.

В условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19 и принятия различных ограничительных мер было дано разъяснение Министра юстиции РФ в форме письма от 30 марта 2020 г. № 12/36885-КЧ «О временном приостановлении государственной регистрации заключения, а также расторжения браков органами ЗАГС»[39]. Как следует из названия документа, предлагается временно приостановить государственную регистрацию заключения и расторжения брака. При невозможности изменения даты бракосочетания, в исключительных случаях предлагается производить государственную регистрацию брака лишь в присутствии брачующихся без приглашенных лиц. Письма должностных лиц органов исполнительной власти нормативными правовыми актами не являются, но

[37] Исключения:

1) при существовании уважительных причин государственная регистрация брака может быть произведена до истечения месячного срока;

2) при наличии особых обстоятельств (беременность, рождение ребенка, непосредственная угроза жизни одной из сторон и др.) брак может быть заключен в день подачи заявления.

[38] Заключение брака по поручению (доверенности) возможно в Испании, Италии, Польше, странах мусульманского права (см., напр.: Гражданское и торговое право зарубежных государств / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. М., 2006. Т. II. С. 526; *Манукян Ю.К.* Современное семейное право Российской Федерации и шариат. Ростов н/Д., 2003. С. 6). Представляется, что смысл такого положения семейного права зарубежных стран – обеспечить реализацию права на вступление в брак каждому гражданину.

[39] См.: URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73734706/#review (дата обращения: 13.12.2020).

носят информационно-разъяснительный характер. Большинство органов ЗАГС с пониманием отнеслись к рекомендациям с учетом сложившейся неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки и изменили режим работы (предпочтительный способ подачи заявления – онлайн, выбор даты государственной регистрации брака преимущественно на более поздние сроки, запрет на присутствие на церемонии других лиц, кроме брачующихся, и др.).

* * *

В заключение отметим, что для действительности брака имеет существенное значение не только наличие необходимых условий и отсутствие препятствующих обстоятельств, но и соблюдение установленного государством порядка его совершения, а именно требования о государственной регистрации. Правовая охрана предоставляется тем супружеским отношениям, которые надлежащим образом зарегистрированы. Государство тем самым заботится о внутреннем содержании и внешней форме брака. Такое положение отвечает общественным, государственным, а также личным интересам супругов и их детей. Признание только зарегистрированного в установленном порядке брака – это есть рычаг государственного воздействия на семейные отношения, влияния на сущность брака и охрана менее социально защищенных членов семьи.

Цифровизация заключения брака позволяет не только оптимизировать деятельность органов ЗАГС в сфере государственной регистрации брака, но и гарантирует права будущих супругов и лиц, уже состоящих в браке, за счет обеспечения оперативности, актуальности и достоверности информации, необходимой для заключения законного брака.

Процесс цифровизации позволяет обозначить два существенных аспекта, определяющих новую тенденцию в правовом регулировании брачных отношений: цифровизация информации о семейно-правовом статусе гражданина, в частности сведения о государственной регистрации заключения брака; обращение за государственной услугой в органы ЗАГС в цифровом формате, в частности возможность подачи заявления о заключения брака в электронном виде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д., 1995. С. 405, 406.
2. *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейное и опекунское право. М., 1926. С. 8.
3. *Горская Е.Ю.* Акты гражданского состояния как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских и семейных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
4. *Загоровский А.И.* Курс семейного права. Одесса, 1902. С. 51.
5. *Зенин И.А.* Гражданское и торговое право зарубежных стран. М., 2008. С. 190.
6. *Манукян Ю.К.* Современное семейное право Российской Федерации и шариат. Ростов н/Д., 2003. С. 6.
7. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М., 2000. С. 726, 727.
8. *Наумов В.Б.* Институт идентификации в информационном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.
9. *Рясенцев В.А.* Советское семейное право. М., 1982. С. 141.
10. *Свердлов Г.М.* Советское семейное право. М., 1958. С. 60, 99.
11. *Трефилов С.А.* Акты гражданского состояния по законодательству Российской Федерации: гражданско-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 7.
12. *Фетюхин Ю.М.* Институт брака по новому семейному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 99.
13. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 410, 411.
14. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1989.
15. *Юрченко О.Ю.* Акты гражданского состояния как юридические факты в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

REFERENCES

1. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. Rostov n/D., 1995. P. 405, 406 (in Russ.).
2. *Goikhbarg A.G.* Marriage, Family and Guardianship Law. M., 1926. P. 8 (in Russ.).
3. *Gorskaya E. Yu.* Acts of civil status as the basis for the emergence, change and termination of civil and family legal relations: abstract ... PhD in Law. M., 2015 (in Russ.).
4. *Zagorovsky A.I.* Course of Family Law. Odessa, 1902. P. 51 (in Russ.).
5. *Zenin I.A.* Civil and Commercial Law of foreign countries. M., 2008. P. 190 (in Russ.).
6. *Manukyan Yu. K.* Modern Family Law of the Russian Federation and Sharia. Rostov n/D., 2003. P. 6 (in Russ.).

7. *Meyer D.I.* Russian Civil Law. M., 2000. P. 726, 727 (in Russ.).
8. *Naumov V.B.* Institute of identification in Information Law: abstract ... Doctor of Law. M., 2020 (in Russ.).
9. *Ryasentsev V.A.* Soviet Family Law. M., 1982. P. 141 (in Russ.).
10. *Sverdlov G.M.* Soviet Family Law. M., 1958. P. 60, 99 (in Russ.).
11. *Trefilov S.A.* Acts of civil status according to the legislation of the Russian Federation: legal aspect: abstracr ... PhD in Law. M., 2014. P. 7 (in Russ.).
12. *Fetyukhin Yu. M.* Institute of marriage under the new family legislation of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2000. P. 99 (in Russ.).
13. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian Civil Law. M., 1995. P. 410, 411 (in Russ.).
14. *Engels F.* The origin of the family, private property and the state. M., 1989 (in Russ.).
15. *Yurchenko O. Yu.* Acts of civil status as legal facts in Civil Law: abstract ... PhD in Law. Krasnodar, 2013 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТРОФИМЕЦ Ирина Александровна –
кандидат юридических наук, доцент,
Посольство Российской Федерации
в Королевстве Испания;
28028 Испания, Мадрид, ул. Веласкес, д. 155

Authors' information

TROFIMETS Irina A. –
PhD in Law, associate Professor, Embassy of the
Russian Federation in the Kingdom of Spain;
155 Velasquez str., Madrid, 28028 Spain

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 154–162
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 154–162

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА КАК КОМПЛЕКСНАЯ ОБЩЕПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

© 2021 г. Л. А. Лазутин

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург

E-mail: mp@usla.ru

Поступила в редакцию 24.03.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию внутригосударственных и международно-правовых норм о правах человека и применению последних в национальном законодательстве. Автор приходит к выводу, что существует ряд проблем при реализации международно-правовых норм о правах человека в российской правовой системе.

Ключевые слова: права человека, Конституция РФ, реализация международных норм о правах человека, субъекты Российской Федерации, законодательство.

Цитирование: *Лазутин Л.А.* Применение международных норм о правах человека как комплексная общеправовая проблема // Государство и право. 2021. № 10. С. 154–162.

DOI: 10.31857/S102694520014357-3

APPLICATION OF INTERNATIONAL NORMS ON HUMAN RIGHTS AS A COMPLEX GENERAL LEGAL PROBLEM

© 2021 L. A. Lazutin

Ural state Law University, Yekaterinburg

E-mail: mp@usla.ru

Received 24.03.2021

Abstract. The article is devoted to the interaction of domestic and international legal norms on human rights and the application of the latter in national legislation. The author comes to the conclusion that there are a number of problems in the implementation of international legal norms on human rights in the Russian legal system.

Key words: human rights, Constitution of the Russian Federation, implementation of international norms on human rights, subjects of the Russian Federation, legislation.

For citation: *Lazutin, L.A. (2021).* Application of international norms on human rights as a complex general legal problem // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 154–162.

Комплексная общеправовая природа применения международных норм о правах человека характеризуется как минимум четырьмя аспектами: 1) взаимодействие международных и внутригосударственных средств правового регулирования; 2) использование международных норм не только в правотворческом процессе, прежде всего в законодательстве, но и в качестве непосредственного регулятора внутригосударственных отношений в связи с обеспечением и защитой прав человека; 3) распространение прямого действия международных норм на все отрасли российского права, на все сферы внутригосударственного правопорядка; 4) совмещение реализации международных норм о правах человека в Российской Федерации и в ее субъектах.

Взаимодействие международных и внутригосударственных средств правового регулирования

Данный аспект недвусмысленно закреплен в ст. 17 Конституции РФ: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». В целом положительно оценивая данную конституционную норму, которая определяет приоритет норм международного права при реализации международно-правовых стандартов, закрепленных в международно-правовых документах (источниках), как на универсальном, так и на региональном уровнях, вместе с тем в данной конституционной формулировке отсутствует ссылка на международные договоры Российской Федерации как неотъемлемую часть правовой системы Российской Федерации, и как это закреплено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, ибо только таким образом можно охватить как универсальные, так и локальные предписания. В то же время можно констатировать, что вся система международно-правового регулирования в гуманитарной области предполагает включение в работу как внутригосударственных норм, так и внутригосударственных механизмов, а сложившаяся система национального-правового регулирования достигает эффективности лишь при совместном внедрении международно-правовых норм и международных механизмов. Иными словами, речь идёт о «совмещенном» регулировании.

Традиционное понимание правового статуса личности как воплощение прав и свобод, зафиксированных в конституции государства и в иных внутригосударственных актах, уже не согласуется с комплексным содержанием такого статуса, поскольку в его регламентации всё большую роль играют международно-правовые нормы. В этом контексте справедливо суждение о самостоятельной ценности прав и свобод, закреплённых в международных актах. Весомым аргументом в пользу комплексной оценки являются нормы федеральных законов, в частности формулировка ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», ст. 7 ГК РФ, практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и ряда конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации.

Можно утверждать, что и Конституционный Суд РФ, и Верховный Суд РФ, формулируя свои решения по делам, понимание которых обусловлено как Конституцией РФ и федеральными законами Российской Федерации, так и международными договорами Российской Федерации, никоим образом не сомневаются в том, что и права, закрепленные в Конституции РФ и федеральных законах, и права, сформулированные в международно-правовых актах, регламентирующих права человека (например, в Пакте о гражданских и политических правах или Пакте об экономических, социальных и культурных правах, или Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и др.), являются субъективными правами человека и гражданина с однозначными юридическими последствиями, включая правовую, в т.ч. судебную защиту. При такой регламентации те права и свободы, которые не названы в Конституции РФ, но закреплены в международно-правовых документах, по которым Российская Федерация взяла на себя обязательства, имеют юридическое значение в качестве субъективных прав человека наряду и во взаимосвязи с конституционными правами.

Следует обратить внимание на существенные (в большей степени частного характера) различия, которые выявляются при сопоставлении конституционных норм и международно-правовых актов. Так, в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. провозглашено «право каждого на достойный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни». В Конституции РФ с учетом внесенных поправок данный стандарт не учтен. Видимо, не наступило ещё время для реализации данного права. Очевидно, даже с учетом нынешней экономической ситуации уместно было бы закрепление такого права. Это соответствовало бы тезису п. 1 ст. 2 этого Пакта, относительно постепенного полного осуществления признаваемых в Пакте прав «в максимальных пределах имеющихся ресурсов». Это было бы стимулом для дальнейшей творческой инициативы народных масс.

Вопросы взаимодействия международных и внутригосударственных средств обеспечения и защиты прав человека проявляются в актуальной, но достаточно деликатной сфере, в праве обращения в международные органы при исчерпании всех средств правовой защиты внутри государства. Прежде всего мы имеем в виду право на обращение в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). Здесь отчетливо просматривается «смешанный» процесс реализации права индивида на обращение в суд по защите своих прав. Все компоненты реализации этого права сконструированы таким образом, что только при взаимосогласованной работе международных и национальных юридических средств осуществима цель обращения. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в ст. 34 Европейской конвенции о правах человека и основных свобод

(ЕСПЧ) закреплена компетенция ЕСПЧ принимать индивидуальные жалобы от лиц или групп лиц, которые утверждают, что являлись жертвами нарушения одним из государств-участников Конвенции их прав, провозглашенных Конвенцией или в Протоколах к ней. Согласно формулировке этой же статьи Конвенции, договаривающиеся государства обязались «ни коем образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права». Очевидно, под «этим правом» здесь понимается прежде всего не право Суда принимать жалобы, а право индивида направлять жалобы в суд. Правилами процедуры (Регламента) Суда определены содержание индивидуальной жалобы, её компоненты. Секретариатом Суда разработана форма жалобы, обусловленная потребностями изложения фактов и предполагаемых нарушений Конвенции или Протоколов к ней, а также изложение предмета жалобы и требований по справедливому замещению. Для многих граждан Российской Федерации понятие «исчерпывание всех средств правовой защиты» представляется весьма затруднительной. Немногие квалифицированные юристы дают правильную консультацию. Психология граждан Российской Федерации мало изменилась со времен СССР, где обращение в Суд рассматривалось как исключительная мера и в большей степени ассоциировалось с репрессивными мерами. Ныне проведена определенная просветительская работа по преодолению юридической неграмотности, но она не в полной мере достигла своей цели. А государственная власть не очень заинтересована в данной просветительской работе.

Использование международных норм не только в правотворческом процессе, прежде всего в законодательстве, но и в качестве непосредственного регулятора внутригосударственных отношений в связи с обеспечением и защитой прав человека

В теории государства и права не отрицается роль международного права в процессе совершенствования национального законодательства. Но в рамках данного признания правоприменение сводится только к действию национальных правовых актов государства и не более того, а внутригосударственное бытие международных договоров ограничивается только функциями стандартов и ориентиров для правотворчества. Хотя реальная ценность конституционной нормы, закрепляющей самостоятельный статус международных норм, выраженная в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, говорит о непосредственном применении их во внутригосударственной юрисдикции. Имеется в виду непосредственное применение этих норм, которое может быть самостоятельным, совместным или приоритетным. При таком понимании представляются уязвимыми формулировки ряда федеральных законов (к примеру, ст. 7 ГК РФ), в контексте которых издание на основе договора правоприменительного внутригосударственного акта, как бы снимает вопрос о действии международного договора. Это ошибочная точка зрения. Международный договор Российской Федерации как часть правовой системы Российской Федерации остаётся актом прямого действия. Сложившаяся точка зрения у многих практикующих юристов относительно трансформации международно-правовых норм в национально-правовые посредством принятия федеральных законов или ратификации является ложной. Неприемлемость подобных умозаключений становится предельно ясной, если принять во внимание: во-первых, что «трансформация» означает прекращение существования трансформирующего предмета, явления, но международным договорам такая судьба не присуща; во-вторых, что на стадии правоприменения взаимодействие двух правовых систем, если принять данное суждение, заменяется единоличным действием правовой системы государства, «поглотившей» международные нормы; в-третьих, традиционно в ряде отраслей национального права допускается применение норм иностранного законодательства, однако не высказывается предположение о трансформации этих норм в российское законодательство[1]. В теории международного права достаточно полно осуществлены исследования проблем внутригосударственной реализации норм международного права, в том числе состояние тенденций развития национально-правового механизма такой реализации. В учебной литературе выделяют три формы реализации непосредственного применения норм международного права: самостоятельное применение международных договоров – без прямого участия норм национального законодательства, но не вне сферы их воздействия; совместное применение норм международных договоров и «родственных» норм национального законодательства, что связано с функционированием правоприменительных комплексов; приоритет применение норм международных договоров вместо норм национального законодательства при их взаимном несоответствии, т.е. в коллизионных ситуациях[2].

Наиболее распространенной в таких законодательных актах была и остается третья форма. Такой подход в этой или иной мере ограничивает возможности участия международно-правовых норм во внутригосударственном правоприменении.

[1] Подробнее об этом см.: Международное право: учеб. / под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М., 2013. С. 43–45.

[2] См.: там же. С. 203.

Присущая конституционному положению приоритетная формулировка и использование в ней слова «применяются» оставляют в тени такой компонент присутствия международных договоров в правовой системе, как их совместное применение с нормативными актами. Поэтому предпочтительны те законы, которые ориентированы на комплексный подход. К сожалению, следует констатировать, что большинство принимаемых законов повторяют конституционные положения без учёта специфики и предмета правового регулирования. В виде исключения можно назвать Гражданский кодекс РФ, который закрепляет разностороннее участие международного права в регулировании гражданско-правовых отношений. Так, в ст. 7 «Гражданское законодательство и нормы международного права» на основе известного положения Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) предусматривается непосредственное применение международных договоров Российской Федерации к соответствующим отношениям (п. 2), воспроизводя и общепринятую коллизионную форму.

Признание непосредственного применения во внутригосударственных отношениях международных договоров как бы презюмирует идентичную трактовку прав и свобод, которые зафиксированы в международных договорах, но не имеют аналога в Конституции РФ и федеральных законах либо отличаются от законодательных предписаний по содержательным параметрам.

Действительно, в подобных ситуациях попытка «разобщения» прав и свобод на два замкнутых пространства, в пределах каждого из которых существуют собственные субъективные адресаты, порождает не только «раздвоение» личностного статуса, но и сведение международно закрепленных прав и свобод к незавидной роли декларированных, но лишенных ориентиров категорий. Вряд ли возможно даже гипотетически представить права, которые юридически признаны и сформулированы, но не являются субъективными правами.

Правовой статус личности формируются не только из тех прав и свобод, которые зафиксированы в Конституции РФ и других нормативных актах, но и из прав и свобод, провозглашенных в международных договорах, т.е. международно-признанных прав и свобод.

Распространение прямого действия международных норм на все отрасли российского права, на все сферы внутригосударственного правопорядка

Отсутствие в ряде федеральных законов предписаний относительно внутригосударственной реализации международных договоров в соответствующих отношениях повлекло за собой негативные суждения по поводу распространения общего конституционного предписания на некоторые отрасли российского права. Одним из практически значимых аспектов конституционного постулата, провозглашающего международные договоры Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации, является его сопоставление с текстом законов. Приходится констатировать разнообразие, широкий спектр – от дословного воспроизведения конституционных формулировок без каких-либо дополнений до полного игнорирования конституционных нормативов. Примером «идеального» повторения служит Трудовой кодекс РФ (ст. 10).

В ряде кодексов – ст. 7 ГК РФ, ст. 3 Лесного кодекса РФ, ст. 4 Водного кодекса РФ – воспроизведение конституционных положений дополняется некоторой конкретизацией, ориентированной на непосредственное применение международных договоров Российской Федерации к существующим отношениям с оговоркой о ситуациях, когда применение договора сопряжено с изданием внутригосударственного акта. Такая оговорка вызывает сомнения, поскольку не согласуется с практикой совместного применения норм договора и закона.

Принципиальные замечания возникают при ознакомлении с Семейным кодексом РФ (ст. 6), Земельным кодексом РФ (ст. 4), Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ч. 2 ст. 1.1). При разработке этих актов была «утеряна» конституционная формула о правовой системе и сохранены лишь слова о приоритетном применении правил международного договора Российской Федерации при несогласованности с ними правил закона. При таком вольном подходе к конституционному положению вполне возможно предположение, что в регулируемых этими федеральными законами отношениях не допускаются иные, чем приоритетное, виды применения международно-правовых норм.

Явная подмена понятийного аппарата Конституции РФ была предусмотрена в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, где общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации представлены как составная часть законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство. Различия понятий «правовая система» и «законодательство» известны, как и вероятны возможные негативные последствия их отождествления. Самое ощутимое (применительно к рассматриваемой теме) необычное свойство Уголовного кодекса РФ – абсолютное либо с незначительными оговорками отрицание приемлемости в уголовном праве обеих норм ч. 4 ст. 15 Конституции РФ – и о международных договорах Российской Федерации как составной части её правовой системы, и о приоритетном применении договоров. В данном случае мы видим именно преднамеренное отвержение. Указанные

конституционные положения считаются неприемлемыми для Уголовного кодекса РФ, соответственно, отвергается возможность непосредственного действия в уголовно-правовой сфере международных договоров. Такого рода суждения и правоприменительные решения «возвышают» Уголовный кодекс РФ над Конституцией РФ, противопоставляют его всем другим федеральным законам. Но самым парадоксальным является несогласованность общей компетенции Уголовного кодекса РФ и ряда его конкретных предписаний, ориентированных на участие международных договоров в уголовно-правовом регулировании, прежде всего ст. 355 и 356, содержание отсылки к международным договорам (нормам). Это в некоторых случаях относится к ст. 11–13, а также в определённых ситуациях – положения ст. 357, 359, 206, 211, 253, 322, 260. Отмеченные отступления норм ряда федеральных законов от конституционных формулировок нельзя квалифицировать иначе, как юридически некорректные, не соответствующие Конституции РФ. Решение этой проблемы возможно посредством реагирования Конституционного Суда РФ с целью унификации правового регулирования. Основанием могла бы стать правовая позиция Конституционного Суда РФ, содержащая оценку рассмотренных федеральных законов в контексте ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Все вышесказанные замечания прямо или косвенно касаются главного – прав человека. Но эти пробелы ставят важный вопрос, имеющий практическое значение, а именно: при каких условиях возникает юридическая возможность применения норм международного права в конкретных ситуациях? Наиболее убедительный и аргументированный ответ дал проф. С.Ю. Марочкин[3]. Он считает, что для этого необходимо наличие нескольких обязательных юридических условий. Во-первых, необходима общая отсылка внутреннего права к международному, т.е. закрепление в Конституции РФ возможности прямого действия и применения международных норм без «перевоплощения» их в законодательство государства. В Российской Федерации функцию общей отсылки выполняет ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Во-вторых, признание Российской Федерацией конкретной общепризнанной нормы, а в отношении договора – выражение согласия на его обязательность в одной из форм, предусмотренных Федеральным законом «О международных договорах Российской Федерации» (подписание, ратификация, утверждение, принятие, присоединение и т.д.). Это условие имеет важное значение при соблюдении и защите прав человека. Любой государственный орган, ссылающийся на договор, и особенно суд, обосновывающий решение норм международного договора, должен в первую очередь установить факт его признания в государстве и его юридическую силу. В-третьих, договор должен вступить в силу. Только действующий договор порождает юридические последствия. Об этом недвусмысленно закреплено в п. 3 ст. 31 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». На это условие особое внимание обращает Верховный Суд РФ в своих рекомендациях нижестоящим судебным инстанциям при реализации ст. 17 Конституции РФ. В-четвертых, опубликование договора. Значимость данного юридического условия такова, что оно включено в Конституцию РФ на уровне одной из основ конституционного строя государства: «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения» (ч. 3 ст. 15). Несмотря на то что в данной статье не говорится о международных договорах и иных источниках международного права, по которым Российская Федерация взяла на себя обязательства, следует иметь в виду, что приведенное положение охватывает и их применение. Данное требование прямо вытекает из смысла ч. 3 и 4 ст. 15 Конституции РФ и п. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». Необходимо также учитывать различный порядок применения договоров. В названной статье Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» все договоры разделены по критерию, в частности, положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации – в журнале «Собрание законодательства Российской Федерации» или в журнале «Бюллетень международных договоров Российской Федерации», не требующие издания внутригосударственных актов для их применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений таких договоров принимаются соответствующие правовые акты. Данное условие отражено и в действующих нормативных правовых актах (например, в п. 2 ст. 7 ГК РФ). В теории международного права при обосновании деления международных договоров на самоисполнимые и несамоисполнимые, определены критерии. Те международные договоры, которые способны непосредственно порождать правоотношения, регулировать права и обязанности, относятся к самоисполнимым. Договоры, которые требуют принятия конкретизирующего внутригосударственного нормативного акта, – несамоисполнимые.

Казалось бы, всё понятно, но для правоприменителя необходимы всё же конкретизация и разъяснение этого вопроса. К сожалению, ни в Федеральном законе «О международных

[3] См.: Международное право: учеб. / под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. С. 215–217.

договорах Российской Федерации», ни в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 нет ответа на данный вопрос. Особенно это разъяснение необходимо при реализации международно-правовых документов, закрепляющие права (стандарты прав человека и гражданина). В Российской Федерации принято считать, что все действующие для неё нормы международного права в широком смысле можно считать самоисполнимыми, поскольку в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ они являются составной частью правовой системы. Но данная установка ошибочная, ибо на практике не видны расхождения в порядке реализации Пакта о гражданских и политических правах и Пакта об экономических, социальных и культурных правах, а также Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Протоколов к ней.

Совмещение реализации международных норм о правах человека в Российской Федерации и в ее субъектах

Участие субъектов Российской Федерации в выполнении международных договоров Российской Федерации основано на конституционной норме, относящейся к одному из компонентов совместной компетенции. Так, в п. «о» ст. 72 Конституции РФ говорится о координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, выполнении международных договоров Российской Федерации. Этот вопрос нуждается в дальнейшей проработке по двум направлениям: во-первых, в установлении юридических последствий такого участия, имея в виду, что поскольку речь идет о выполнении международных договоров Российской Федерации, то и деятельность субъектов по их реализации порождает или может породить общефедеральные последствия, повлиять на международные правоотношения государства, и в особенности в такой сфере, как соблюдение прав человека; во-вторых, в определении места в международно-правовом регулировании актов международного характера с участием самих субъектов Российской Федерации, имея в виду не бесплодную дискуссию об их наименовании (договор или соглашение), а об их статусе как одной из форм предусмотренного в ч. 4 ст. 76 Конституции РФ собственного правового регулирования субъектов в сфере самостоятельных предметов ведения; в-третьих, уяснить степень самостоятельности при реализации международно-правовых документов, закрепляющих права человека, и принятии нормативных актов, конкретизирующих международно-правовые нормы и федеральные, внутринациональные, законодательные предписания.

Конституция РФ исходит из признания международной деятельности субъектов РФ, но не конкретизирует формы этой деятельности. Связи субъектов Российской Федерации с иностранными партнерами могут осуществляться в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях. В процессе этой деятельности субъекты Российской Федерации имеют право на ведение переговоров с указанными иностранными партнерами и на заключение с ними соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей. Вместе с тем все эти права, предоставленные субъектам Российской Федерации, требуют юридической регламентации, определение правосубъектности субъектов Российской Федерации в международно-правовом регулировании. Требует конкретизации формулировка Конституционного Суда РФ в Определении от 27 июня 2000 г. о том, что «республика (а следовательно и края, и области) не может быть субъектом международного права в качестве суверенного государства и участником соответствующих межгосударственных отношений...». При толковании этого положения допустим акцент именно на отрицании суверенного статуса республики, что означает признание и осуществление не основанных на суверенитете международных и внешнеэкономических отношений (связей) с определёнными контрагентами. Вместе с тем именно на местном и региональном уровнях происходят существенные нарушения прав человека и гражданина. Именно на региональном уровне приходится исправлять допущенные ошибки и просчеты, приведшие к нарушению общепризнанных прав человека. Так, например, только в 2019 г. к Уполномоченному по правам человека в Свердловской области, сотрудникам его аппарата, адвокатам и профессиональным юристам, ведущим бесплатный прием населения на основании договоров о сотрудничестве с Уполномоченным, обратилось 31 009 человек (в 2017 г. – 30 238). Общее количество зарегистрированных письменных обращений, поступивших уполномоченным по правам человека в 2019 г., – 4482 (4482 – в 2018 г.)[4]. Из поступивших обращений 42.1% связаны с социальной проблематикой – право на труд, право на образование, право на охрану здоровья, право на социальное обеспечение, вопросы жилищно-коммунального обслуживания. Постоянные жалобы от иностранных граждан и вынужденных переселенцев по вопросам гражданства и паспортизации. Не уменьшается количество обращений по вопросам защиты прав в учреждениях

[4] См.: URL: https://ombudsman.midural.ru/article/show/id/1012c.2

уголовно-исполнительной системы. Жалобы поступают на нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

Данная статистика свидетельствует о том, что наряду с исполнением своих функциональных обязанностей на федеральном уровне органами исполнительной власти и правоохранительными органами необходимо правовое регулирование этих вопросов на местном и региональных уровнях. А такого регулирования явно недостаточно.

Соблюдение политических и гражданских прав человека на региональном уровне решается в соответствии с федеральным законодательством. Следуя рекомендациям Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко, озвученным на заседании Совета при Председателе Совета Федерации по взаимодействию с институтами гражданского общества 5 декабря 2016 г., о необходимости включения в ежегодные доклады уполномоченных по правам человека практики ЕСПЧ по делам в отношении Российской Федерации, имеет важное значение не только с точки зрения недопущения нарушений норм Конвенции Российской Федерацией по защите прав человека и основных свобод, но и в просветительских целях. Особенно это касается права на свободу слова, свободу манифестации, митингов, собраний и т.д. Позиция ЕСПЧ заключается в том, что правила, регулирующие проведение публичных собраний, таких как система предварительного уведомления, имеет важное значение для беспрепятственного проведения публичных демонстраций, поскольку они позволяют властям принять меры безопасности, их соблюдение не может стать самоцелью. В частности, в тех случаях, когда демонстранты не совершают актов насилия, важно, чтобы государственные органы проявляли определённую степень терпимости к мирным собраниям, чтобы свобода собраний, гарантируемая Конвенцией, не была лишена своего содержания. Данную позицию ЕСПЧ в такой мере должны учитывать на местном и региональном уровнях. Более того, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 18 июня 2019 г. запретил органам власти отказывать в проведении публичных мероприятий, немотивированно ссылаясь на неопределенность форм и методов обеспечения порядка. Этому Постановлению предшествовала жалоба общественного активиста Валерия Тетерина на неправомерные действия Администрации г. Иркутска. По мнению заявителя, взаимосвязанные положения п. 5 ч. 4 ст. 5 и п. 6 ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», возлагая на организатора публичного мероприятия обязанность указать в уведомлениях о его проведении формы и методы обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, не отвечали критериям определенности правового регулирования и позволяли уполномоченным органам государственной (муниципальной) власти произвольно устанавливать – соответствует ли уведомление о проведении публичного мероприятия предъявляемым законом требованиям – и тем самым неправомерно ограничивают свободу мирных собраний. Такая практика присуща многим субъектам Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ указал, что «законодательные, организационные и иные меры, предпринимаемые органами публичной власти в целях надлежащего обеспечения права на свободу мирных собраний, не должны приводить к чрезмерному государственному контролю за деятельностью организаторов и участников публичных мероприятий, сопряжённому с необоснованными ограничениями свободного проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования... <...>.

Организатор мероприятия, который подаёт уведомление с указанием форм и методов обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, в определённой степени оказывается вовлечённым в поддержание общественного порядка и безопасности граждан в пределах имеющихся у него возможностей. Но основную ответственность за правопорядок и безопасность должны принимать на себя органы исполнительной власти субъектов РФ или местного самоуправления или их уполномоченные представители и представители органов внутренних дел. Следовательно, при рассмотрении органом власти уведомления о проведении публичного мероприятия должны быть исключены любые попытки возложения на организатора заявленного публичного мероприятия подобных обязанностей. Схожий подход к соотношению ответственности организатора публичного мероприятия и уполномоченных субъектов власти за сохранение мирного характера его проведения применяет и ЕСПЧ.

Указание в уведомлении о проведении публичного мероприятия форм и методов обеспечения порядка, не отвечающих, по мнению уполномоченного исполнительного органа власти, требованиям оспариваемого Закона, ни при каких обстоятельствах не может освобождать соответствующий орган от рассмотрения поданного уведомления. По результатам данного рассмотрения он обязан направить организатору мотивированные предложения об изменении (дополнении, уточнении) таких форм и методов, и в случае принятия им этих

предложений – не препятствовать проведению заявленного публичного мероприятия».

Кроме того, в ноябре 2019 г. было вынесено постановление Конституционного Суда РФ, которым признаны не соответствующими Конституции РФ положения Закона Республики Коми «О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми»[5], устанавливающие запрет на проведение митингов рядом с органами власти и государственными учреждениями, а также на центральной площади г. Сыктывкара.

Как специально указано в судебном постановлении, оно также является основанием для изменения в установленном порядке аналогичных законов в других субъектах Российской Федерации.

Особого внимания заслуживают следующие правовые позиции Конституционного Суда РФ, изложенные в этом постановлении и более ранней практике о конституционно-правовом содержании свободы мирных собраний и о балансе между правами жителей и защищаемым общественным интересом: «Природой гарантированного статьёй 31 Конституции Российской Федерации права, заложенными в нём политическими и публично-правовыми началами обусловливается вытекающая из её статей 2, 18 и 71 (пункт "в") обязанность государства осуществлять регулирующее воздействие на отношения, связанные с организацией и проведением мирных собраний, с тем чтобы на основе баланса частных и публичных интересов обеспечить гражданам реальную возможность через организацию и проведение публичных мероприятий отстаивать свою позицию и заявлять требования по значимым, с их точки зрения, общественно-политическим вопросам, чем оказывать влияние на деятельность органов государственной и муниципальной власти как непосредственно, так и посредством формирования общественного мнения в целях привлечения внимания к различным проблемам и обсуждения предпочтительных способов своевременного и результативного их разрешения со стороны публично-властных институтов»; «Проведение публичных мероприятий, как правило, сопряжено с известными неудобствами для не участвующих в них граждан (создание помех работе транспорта, затруднение доступа к объектам социальной инфраструктуры и т.п.), вследствие чего такого рода издержки свободы мирных собраний сами по себе не могут служить веской причиной для отказа в проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, а потому компетентные органы и должностные лица обязаны стремиться к принятию всех зависящих от них мер для их легального проведения в избранном организаторами месте и в запланированное время, в том числе посредством минимизации (локализации) вызываемых ими последствий, а не пытаться под любым предлогом изыскать причины, оправдывающие невозможность реализации права на организацию и проведение публичных мероприятий в указанном в уведомлении формате...»; «Исполнение субъектами Российской Федерации предоставленного частью 2.2 статьи 8 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" полномочия по дополнительному законодательному определению мест, в которых запрещается проведение собраний, митингов, шествий и демонстраций, требует от них последовательного соблюдения установленных федеральным законодателем правил организации и проведения публичных мероприятий, что предполагает возможность установления таких мест исключительно на основе учёта объективных региональных особенностей и условий, не нашедших отражения в федеральных законах, и подразумевает недопустимость произвольного пространственно-территориального ограничения права на свободу мирных собраний».

Конституционный Суд РФ специально указал, что федеральное законодательство, регулирующее проведение собраний и других мирных акций, не наделяет региональные власти «правом введения абстрактных запретов, имеющих первичный нормообразующий характер» и пришёл к выводу, что «установление законодателем Республики Коми общего запрета проведения собраний, митингов, шествий и демонстраций в местах, находящихся в радиусе 50 метров от входа в здания, занимаемые органами государственной власти Республики Коми, государственными органами Республики Коми, органами местного самоуправления в Республике Коми, государственными учреждениями Республики Коми, – в то время как Федеральный закон "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" (часть 2 статьи 8) не предусматривает подобного рода запретов на проведение публичных мероприятий вблизи федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления (за исключением территорий, непосредственно прилегающих к резиденциям Президента Российской Федерации и к зданиям, занимаемым судами) – выходит за пределы законодательных полномочий субъектов Российской Федерации...».

Эти правовые позиции имеют практическое значение для правоприменительной практики: именно принципы справедливости, баланса индивидуальных прав и общественных интересов, соразмерности вмешательства государства в осуществление конституционных прав и свобод должны являться

[5] См.: СЗ РФ. 2019. № 45, ст. 6407.

отправной точкой при взаимодействии власти с человеком.

Что касается реализации социальных и естественных прав человека на региональном уровне, то здесь, как представляется, должен формироваться смешанный (совмещенный) подход применения как федерального законодательства, так и регионального законодательства. Следует отметить, что региональное законодательство во многом отстает от федерального и особенно по существенным проблемам, реализуемым на региональном уровне. В качестве примера можно привести земельный вопрос, который на основании федерального законодательства предоставляется многодетной семье. Зачастую муниципальные власти предоставляют участки, не отвечающие необходимым требованиям. Отказ от земельного участка ввиду его непригодности законом не предусмотрен. Здесь, очевидно, что на региональном уровне необходимо принятие соответствующего нормативного акта. Если по федеральному законодательству в принципе допускается т.н. «деприватизация» (в отношении жилого помещения), что мешает субъектам Российской Федерации проработать земельный вопрос таким образом, чтобы не возникали казусные проблемы при решении данного вопроса. Если для легализации возврата земельного участка недостаточно правотворческих полномочий на уровне субъекта Российской Федерации, возможно, ввиду актуальности проблемы стоит рассмотреть выход законодательной инициативы в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Требуется дополнительное правовое регулирование на уровне субъектов Российской Федерации и по другим проблемам прав человека, которые в большой степени решаются на региональном уровне.

* * *

В заключение следует обратить внимание на деятельность конституционных (уставных) судов, функционирующих в ряде субъектов Российской Федерации. Конституции и уставы, а также законы субъектов о конституционных или уставных судах определяют полномочия, порядок образования и деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Данные суды при выработке своих правовых позиций по конкретным делам нередко используют нормы международного права, признаваемые Российской Федерацией в качестве обязательных. Чаще всего в решении конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации содержатся ссылки на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Так, к примеру, было в Постановлении Конституционного суда Республики Бурятия от 2 июня 2000 г., в Постановлении Конституционного суда Республики Дагестан от 3 декабря 2000 г., в которых говорится, что как субъекты Российской Федерации они участвуют в реализации взятых на себя Российской Федерацией обязательств по обеспечению общепризнанных международных стандартов в области прав человека и признают верховенство Конституции РФ, имеющей прямое действие на территориях субъектов Российской Федерации.

Таким образом, практика конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации свидетельствует о большом потенциале этих судебных органов в совершенствовании на основе их решений и в рамках их полномочий законодательства данных субъектов Российской Федерации с использованием в т.ч. общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Международное право: учеб. / под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М., 2013. С. 43–45, 203, 215–217.

REFERENCES

International Law: textbook / ed. by G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov. M., 2013. P. 43–45, 203, 215–217 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛАЗУТИН Лев Александрович –
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного
и европейского права Уральского
государственного юридического университета;
620137 г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54

Authors' information

LAZUTIN Lev A. –
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of International and
European Law of the Ural state Law University;
54 Kolmogorova str., 620137 Yekaterinburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 163–172
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 163–172

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ МОРСКИХ СУДОВ БЕЗ ЭКИПАЖЕЙ

© 2021 г. В. Н. Гуцуляк[1, *], В.В. Клюев[2, **]

[1]Российский университет транспорта, г. Москва
[2]Министерство транспорта Российской Федерации, г. Москва

**E-mail: gutsul@inbox.ru*
***E-mail: vitaly140962@gmail.com*

Поступила в редакцию 22.06.2021 г.

Аннотация. В статье исследуются правовые проблемы, которые возникают в процессе эксплуатации безэкипажных судов, а также причины, которыми обусловлено их возникновение. Большое внимание уделено деятельности Международной морской организации (ИМО), которой принадлежит ключевая роль в формировании международно-правовой системы регулирования деятельности морских автономных надводных судов (МАНС). Авторами также рассматривается новейшее российское законодательство, посвященное МАНС.

Ключевые слова: международное морское право, морские автономные надводные суда, Международная морская организация (ИМО), Кодекс торгового мореплавания, внешний экипаж, внешний капитан.

Цитирование: *Гуцуляк В.Н., Клюев В.В.* Правовые проблемы эксплуатации морских судов без экипажей // Государство и право. 2021. № 10. С. 163–172.

Статья подготовлена при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S102694520017270-8

LEGAL PROBLEMS OF THE UNMANNED SEA VESSELS OPERATION

© 2021 V. N. Gutsulyak[1, *], V. V. Klyuev[2, **]

[1]Russian University of Transport, Moscow
[2]Ministry of Transport of the Russian Federation, Moscow

**E-mail: gutsul@inbox.ru*
***E-mail: vitaly140962@gmail.com*

Received 22.06.2021

Abstract. The article examines the legal problems that arise during the operation of unmanned vessels, as well as the reasons for their occurrence. Much attention is paid to the activities of the International Maritime Organization (IMO), which plays a key role in the formation of an international legal system for regulating the activities of autonomous marine surface vessels (MASS). The authors also consider the latest Russian legislation on MASS.

Key words: International Maritime Law, maritime autonomous surface vessels, International Maritime Organization (IMO), Merchant Shipping Code, remote crew, remote Master.

For citation: *Gutsulyak, V.N., Klyuev, V.V. (2021).* Legal problems of the unmanned sea vessels operation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 163–172.

Введение. По данным Международной палаты судоходства, в Мировом океане находятся свыше 50 тыс. торговых судов, осуществляющих международные рейсы. Общая численность моряков, находящихся на их борту, составляет порядка 1 млн 648 тыс. человек, из них 774 тыс. – это командный состав, а 874 тыс. – рядовые члены экипажа[1].

Для судовладельцев расходы на содержание экипажа являются одной из значимых статей эксплуатационных расходов, второй – после расходов на топливо. Кроме того, в судоходной индустрии наблюдается явный дефицит квалифицированных моряков. Так, по прогнозам в 2025 г. мировой торговый флот столкнется с острой нехваткой кадров. Причем названа конкретная цифра – ожидаемое число вакансий командного состава составит порядка 150 тыс. человек[2]. Это может нанести существенный вред международной торговле. Ведь известно, что свыше 90% ее объема осуществляется посредством морских судов[3].

Еще одна характерная особенность судоходной индустрии – это доминирующее влияние человеческого фактора. Именно по вине человека происходит свыше 80% аварийных случаев[4], первое место среди которых занимают столкновения судов.

Уменьшить расходную часть по содержанию экипажа судна, одновременно решив проблему кадров и снижения влияния человеческого фактора, судовладелец может исключительно путем сокращения численности экипажей, а в будущем, возможно, полностью отказаться от его услуг, т.е. перейти к эксплуатации т.н. «безэкипажных» судов.

Идея использовать морские суда без экипажа уже описывалась в литературе. Так, в 1981 г. немецкие авторы книги «Суда и судоходство будущего» отмечали: «Сегодня в век рационализации и автоматизации, нетрудно представить себе где-то в океане судно, управляемое на расстоянии, совсем без команды. Гораздо труднее будет проститься с овеянной романтикой профессией капитана»[5].

Ныне эти слова, сказанные в 70-х годах прошлого века, уже становятся реальностью.

19 июня 2021 г. две южнокорейских компании «Хюндэ Хэви Индустрис» (“Hyundai Heavy Industries”) и «Корея Телеком» (“Korea Telecom”) совместно продемонстрировали плавание 12-местного прогулочного судна без экипажа по узкому и извилистому каналу Пхохан с интенсивным движением. Судно управлялось по сети 5G из центра управления, расположенного в пригороде Сеула примерно в 200 милях от канала. Уже в следующем году компании планируют начать испытания больших грузовых судов без экипажей[6].

15 июня 2021 г. научно-исследовательское судно «Мэйфлауэр» (“Mayflower”) без экипажа на борту покинуло порт Соединенного Королевства и отправилось в трансатлантический рейс назначением порт Плимут, штат Массачусетс (США). Длина судна составляет 15 м, вес – 5 т, максимальная скорость – 20 узлов. Для выполнения миссии используются возможности искусственного интеллекта. Этот рейс посвящен 400-летию плавания судна «Мэйфлауэр», которое в 1620 г. доставило английских колонистов в Северную Америку. Если рейс увенчается успехом, это будет самое большое судно без экипажа, когда-либо пересекавшее Атлантический океан[7].

В начале марта 2018 г. два крупнейших норвежских предприятия «Вилхелмсен» (“Wilhelmsen”) и «Конгсберг» (“Kongsberg”) создали первую в мире судоходную компанию «Масстерли» (“**Massterly”)**, которая будет использовать морские суда без экипажа[8].

В 2017 г. группа финских компаний «Финский морской кластер» (“Finnish Maritime Cluster”)

---

[1] См.: Shipping and World Trade: Global Supply and Demand for Seafarers. URL: https://www.ics-shipping.org/shipping-fact/shipping-and-world-trade-global-supply-and-demand-for-seafarers/ (дата обращения: 01.06.2021).

[2] См.: BIMCO/ICS Manpower Report Predicts Potential Shortage of Almost 150,000 Officers by 2025. URL: https://www.ics-shipping.org/press-release/bimco-ics-manpower-report-predicts-potential-shortage-of-almost-150000-officers-by-2025-bimco-ics-manpower-report-predicts-potential-shortage-of-almost-150000-officers-by-2025/ (дата обращения: 01.06.2021).

[3] См.: Официальный сайт Международной морской организации (ИМО). Marine environment // https://www.imo.org/en/OurWork/Environment/Pages/Default.aspx (дата обращения: 01.06.2021).

[4] См.: *Javier Sánchez-Beaskoetxea, Imanol Basterretxea-Iribar, Iranzu Sotés, María de las Mercedes Maruri Machado*. Human error in marine accidents: Is the crew normally to blame? Maritime Transport Research. Volume 2, 2021. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666822X21000083#bib0011 (дата обращения: 01.06.2021).

[5] Суда и судоходство будущего / Р. Шенкнехт, Ю. Люш, М. Шельцель, Г. Обенаус; пер. с нем. Ю.А. Пленкина. Л.., 1981. С. 80.

[6] См.: URL: https://www.maritime-executive.com/article/hyundai-demonstrates-autonomous-operations-preparing-for-ocean-voyage (дата обращения: 16.06.2021).

[7] См.: URL: https://www.maritime-executive.com/article/autonomous-research-boat-gets-under-way-for-transatlantic-voyage (дата обращения: 15.06.2021).

[8] См.: URL: https://inhabitat.com/worlds-first-autonomous-shipping-company-launched-in-norway (дата обращения: 05.06.2021).

объявила о начале коммерческой эксплуатации судов без экипажей к 2025 г.[9]

В октябре 2017 г. норвежские компании «Яра» (“Yara”) и «Конгсберг» (“Kongsberg”) объединили усилия для постройки безэкипажного судна «Яра Биркеленд» (“Yara Birkeland”), которое представляет собой небольшой контейнеровоз с электрической энергетической установкой[10].

Английский концерн «Роллс-Ройс» (“Rolls-Royce”) совместно с финским государственным перевозчиком «Финферрис» (“Finferries”) в декабре 2018 г. в районе порта Турку испытал безэкипажный паром длиной 54 м. Испытания прошли успешно, пункт управления паромом был расположен в 50 км от места эксперимента. Президент «Роллс-Ройс Марин» (“Rolls-Royce Marine”) Майкл Макинен *(Mikael Mäkinen)* заявил, что «умное судно» осуществит революцию, как в свое время это сделал смартфон[11].

Не стоит в стороне от этого процесса и Российская Федерация. Более того, Россия находится в числе лидеров в области опытной эксплуатации дистанционно управляемых судов.

Начиная с 2019 г., в стране реализуется пилотный проект по автоматическому и дистанционному управлению судами коммерческого флота («БЭС-КФ»). Это один из самых масштабных и амбициозных проектов в мире. В нем участвуют сразу четыре судна: танкер «Михаил Ульянов» в Арктике (судовладелец ПАО «Совкомфлот»), сухогруз «Пола Анфиса» в Средиземном и Черном морях (судовладелец «Пола Групп») и дноуглубительный караван – баржа «Рабочая» и земснаряд «Редут» – в Черном и Азовском морях (судовладелец ФГУП «Росморпорт»).

Таким образом, в международном судоходстве назревают радикальные изменения, связанные прежде всего с внедрением цифровых технологий, приводящих к существенной переоценке роли и значения экипажа в эксплуатации судна.

Терминология. Термин «безэкипажный» (английский аналог – *unmanned*, т.е. «без человека») – это один из неологизмов, появившихся в русском языке в связи с научно-техническим прогрессом. Вместе с тем это далеко не единственная дефиниция, используемая для обозначения судна, эксплуатирующегося без экипажа. В этой области в российской и в зарубежной практике царит неопределенность. Чаще всего различными авторами используются такие термины как беспилотные, самоуправляемые, роботизированные, телеуправляемые и т.п.[12]

В этой связи нужно отметить заслугу Международной морской организации (ИМО), являющейся специализированным учреждением ООН.

98-я сессия Комитета по безопасности на море (КБМ), прошедшая с 7 по 16 июня 2017 г., впервые ввела в оборот термин «морские автономные надводные суда» (“Maritime Autonomous Surface Ships”) и соответствующий акроним – МАНС (MASS). Хотя содержание этого термина не было раскрыто, участникам сессии было предложено в будущем обсудить, что подразумевается под «автономным судном».

Результатом работы двух последующих 99-й и 100-й сессий КБМ, проведенных в 2018 г. с 16 по 25 мая и с 3 по 7 ноября, стало одобрение ведущегося странами-участницами исследования нормативно-правового регулирования в части, касающейся автономного судоходства. Было сформулировано определение МАНС, под которым понимается судно, в той или иной степени способное функционировать независимо от человека.

Для целей исследования нормативно-правового регулирования были установлены следующие четыре степени автономности МАНС.

Степень 1. Судно с автоматизированными процессами и поддержкой принятия решений. Экипаж на борту обеспечивает управление и контроль за судовыми системами и функциями. Некоторые операции могут быть автоматизированы, иногда они не требуют контроля, но моряки на борту в любой момент готовы взять на себя управление.

Степень 2. Дистанционно управляемое судно с экипажем на борту. Судно контролируется и управляется из пункта управления, расположенного вне управляемого судна. На борту находятся члены экипажа, которые могут взять на себя управление и контролировать судовые системы и функции.

Степень 3. Дистанционно управляемое судно без экипажа на борту. Судно контролируется и управляется из пункта управления, расположенного вне управляемого судна.

---

[9] См.: URL: https://www.ship-technology.com/features/feature-one-sea-the-global-future-for-autonomous-marine-transport-5920992/ (дата обращения: 21.06.2021).

[10] См.: URL: https://www.ship-technology.com/projects/yara-birkeland-autonomous-container-vessel/ (дата обращения: 21.06.2021).

[11] См.: URL: https://www.rolls-royce.com/~/media/Files/R/Rolls-Royce/documents/%20customers/marine/ship-intel/rr-ship-intel-aawa-8pg.pdf https://www.rolls-royce.com/~/media/Files/R/Rolls-Royce/documents/%20customers/marine/ship-intel/rr-ship-intel-aawa-8pg.pdf (дата обращения: 21.06.2021).

[12] См., напр.: *Беляков В.Г.* К вопросу о правовом статусе морских автономных аппаратов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 62–67.

Степень 4. Полностью автономное судно без экипажа на борту. Система управления судном способна сама принимать решения и определять действия, включая маршрут и маневрирование.

Следует подчеркнуть, что приведенный выше перечень не является иерархическим. МАНС может работать в рамках одной или нескольких степеней автономности в течение одного рейса.

Сам по себе термин «автономность», конечно же, не является безупречным. Так, В.Я. Васильев в этой связи обращает внимание, что «под определением “автономность” более привычно подразумевать срок плавания судна без пополнения запасов»[13]. Тем не менее указанный термин уже используется, и нам надо его принять как закрепленный в международном обороте.

Первые две степени автономности подразумевают наличие людей на борту судна, но в ином качестве, нежели в настоящее время. При первой степени автономности часть судовых операций будет выполняться автоматически, но при этом находящийся на борту экипаж будет контролировать судовые процессы и при необходимости принимать управленческие решения. Судно в этом случае может управляться как автоматикой, так и вручную – судовым экипажем. Требования к квалификации и составу экипажа не будут существенно отличаться от действующих. Вторая степень автономности подразумевает, что все судовые процессы будут осуществляться автоматически, включая собственно управление движением судна и принятие решений по изменению режимов движения судна. Находящиеся на борту люди при этом должны вмешиваться в процесс управления только в случае необходимости.

Нетрудно заметить, что безэкипажные суда в соответствии с вышеприведенной классификацией относятся к 3-й и 4-й степеням автономности. При этом выделяется два варианта управления судном. В первом – судно находится под постоянным «присмотром» внешнего персонала и управленческие решения принимаются т.н. «внешним экипажем» (“remote crew”), находящимся вне управляемого судна.

Наивысшая 4-я степень автономности судна предполагает такой уровень его автоматизации, при котором судовая система самостоятельно, без участия как судового, так и внешнего персонала, принимает все необходимые управленческие решения, в т.ч. по изменению курса, расхождению с другими судами и т.п. Для этой степени автономности отсутствует необходимость постоянного мониторинга судна внешним персоналом.

Таким образом, впервые ИМО было разработаны и приняты как дефиниция МАНС, так и его важнейшие признаки.

Международно-правовое регулирование деятельности МАНС. Наряду с техническими вопросами эксплуатации безэкипажных судов на повестку дня выступают и соответствующие правовые проблемы.

Одна из первых статей, посвященных правовому регулированию использования автономных судов, была написана одним из авторов настоящей статьи в 2018 г.[14] Но даже за прошедшие три года ситуация существенным образом изменилась.

Прежде всего необходимо учитывать преобладающий международный характер судоходства, что требует унификации национальных законодательств. С тем чтобы обеспечить повсеместную эксплуатацию безэкипажных судов, явно недостаточно разработать и внедрить технические средства, также необходимо создать релевантную «правовую среду».

В этой связи нужно иметь в виду, что подавляющее число международных конвенций в области торгового мореплавания созданы и действуют исходя из парадигмы «экипаж на борту».

Тем не менее право, как всегда, не поспевает за научно-техническим прогрессом. Появление автономных судов переворачивает сложившиеся столетиями стереотипы о правовом статусе судна и его экипажа.

Как уже отмечалось ранее, именно ИМО впервые сформулировала понятие МАНС и предложила их классификацию. Вместе с тем ИМО проводит большую работу и по разработке будущего нормативно-правового регулирования эксплуатации МАНС.

ИМО инициировала анализ действующих норм международного морского права в части их применимости к автономным морским судам, который получил название «Обзор нормативной базы» (ОНБ) (“Regulatory Scoping Exercise – RSE”). Первым этапом в этом процессе стала разработка методологии оценки применимости действующих норм ко всем четырём категориям автономных судов. Ключевую роль в ОНБ сыграл один из пяти главных органов ИМО – Комитет по безопасности на море (КБМ), который

[13] *Васильев В.Я.* Суда без экипажей: перспективы и варианты. URL: http://www.morvesti.ru/analitika/1692/79474/ (дата обращения: 04.06.2021).

[14] См.: *Клюев В.В.* Правовое регулирование использования автономных судов.// Государство и транспорт. 2018. № 5 (78). С. 13–15.

фактически и определяет международно-правовой вектор развития автономного судоходства.

На 101-й сессии КБМ, состоявшейся в июне 2019 г., было принято и одобрено Временное руководство по испытаниям морских автономных надводных судов (Interim Guidelines for MASS trials), которым следует руководствоваться всем государствам. Именно этот документ в последующем был принят за основу при проведении широкомасштабного эксперимента по внедрению автономных технологий судовождения в Российской Федерации.

Рассмотрение вопросов, связанных с эксплуатацией МАНС, на 102-й сессии КБМ (ноябрь 2020 г.) ввиду ограниченного времени и в связи с пандемией COVID-19 было перенесено на следующую сессию.

103-я сессия КБМ, проходившая с 5 по 14 мая 2021 г. в формате видеоконференции, стала важнейшим этапом в подготовке нормативно-правовой базы, направленной на регулирование деятельности МАНС. Этому вопросу был посвящен отдельный 5-й пункт повестки дня.

В рамках сессии КБМ ИМО начала работу рабочая группа по МАНС (MASS Working Group), председателем которой был избран Хенрик Тунфорс *(Henrik Tunfors)* из Королевства Швеция. Результатом работы группы стал ее доклад «Обзор нормативной базы для использования морских автономных надводных судов (МАНС)». Активное участие в разработке доклада приняла и российская делегация, которая представила документы по итогам исследования нормативно-правового регулирования эксплуатации МАНС, а также информацию о проводимом в Российской Федерации эксперименте по опытной эксплуатации автономных судов под российским флагом.

103-я сессия КБМ окончательно оформила процесс завершения ОНБ для МАНС и утвердила результаты, оформленные в виде приложения к докладу Рабочей группы по МАНС.

Рабочая группа согласилась с тем, что оптимальной альтернативой внесению поправок в отдельные конвенции в будущем станет разработка комплексного документа (например, Кодекса МАНС), который можно было бы сделать юридически обязательным путем включения соответствующей ссылки в Международную конвенцию по охране человеческой жизни на море (Конвенция СОЛАС).

Примечательно, что в докладе уже обозначена конкретная дата, когда такой документ позволит начать массовую эксплуатацию МАНС, – 1 января 2028 г.

В докладе Рабочей группы выявлены следующие т.н. «общие потенциальные пробелы и/или темы», имеющие важное практическое значение для предстоящей эксплуатации МАНС.

Прежде всего было признано, что следует уточнить значение терминов «капитан», «экипаж» или «ответственное лицо компании». Вопросы, касающиеся роли, ответственности и дефиниции капитана, особенно для третьей и четвертой степеней автономности, когда внешний персонал может управлять судном, были сочтены в качестве потенциальных пробелов.

Другой не менее важный вопрос – требования к месту / центру дистанционного управления МАНС (remote control station / centre). В докладе было отмечено, что необходимо рассмотреть функциональные и эксплуатационные требования к месту / центру дистанционного управления, а также к мониторингу управляемого судна.

В докладе Рабочей группы еще одна ключевая проблема обозначена формулой «удаленный оператор как моряк» (“remote operator as a seafarer”). Речь идет о квалификации, ответственности и роли удаленного оператора, фактически выступающего в качестве моряка.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением М. Шведчука *(Michal Chwedczuk)* – «если удаленный оператор не является моряком, должность капитана будет признана ненужной на безэкипажном судне»[15].

Таким образом, то внимание, которое ИМО уделяет МАНС, свидетельствует о важности и практическом значении вопросов, связанных с будущими перспективами международного автономного судоходства, а также о переходе к этапу разработки и внедрения конкретных положений, направленных на регулирование деятельности МАНС.

Лидирующая роль Российской Федерации в области опытной эксплуатации МАНС и развитии соответствующего законодательства. Как уже указывалось выше, с 2019 г. в Российской Федерации реализуется широкомасштабный эксперимент по автоматическому и дистанционному управлению судами под российским флагом, в котором участвуют сразу четыре судна, что само по себе не имеет аналогов.

Стратегическая цель проекта – обеспечить массовое использование МАНС путем создания необходимых правовых и технических условий.

В рамках проекта разработана методология на основе функционального подхода, получившая

[15] *Chwedczuk M.* Analysis of the Legal Status of Unmanned Commercial Vessels in U.S. Admiralty and Maritime Law, 47 J. Mar. L. & Com. 123 (2016), p. 140.

название «принцип полной функциональной эквивалентности». Указанный принцип предполагает полноценное исполнение всех функций судовождения, предписанных к исполнению экипажем на борту действующим законодательством, независимо от способов управления, в т.ч. с использованием автоматического и дистанционного управления. С одной стороны, принцип гарантирует, что при взаимодействии с другими участниками судоходства МАНС будут руководствоваться уже имеющимися правилами и выполнять всем известные и обязательные функции, т.е. делает работу МАНС предсказуемой и понятной для всех. С другой стороны, он позволяет использовать новые технологии в рамках действующих норм международного морского права, без необходимости внесения в них значимых изменений.

Положение о проведении эксперимента по опытной эксплуатации автономных судов под Государственным флагом Российской Федерации (далее – Положение 2020 г.), утвержденное Постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2020 г. № 2031[16], по сути, явилось первым национальным нормативным правовым актом, вступившим в силу в области правового регулирования деятельности МАНС.

Положение 2020 г. впервые в национальном законодательстве ввело в юридический оборот понятие «автономное судно», под которым понимается самоходное судно, используемое в целях торгового мореплавания, процессы управления которым частично или полностью могут осуществляться в автоматическом и дистанционном режиме без участия членов экипажа судна на борту.

Другая важная новелла, которая используется в Положении 2020 г., – это термин «система автономного судовождения», которой охватываются все технические средства автоматического и дистанционного управления судном.

Следует отметить, что Положение 2020 г. предписывает Федеральному агентству морского и речного транспорта (Росморречфлоту) разработать рекомендации по применению Международных правил предупреждения столкновения судов в море 1972 г. (МППСС-72)[17] автономными судами. Такие рекомендации были изданы Росморречфлотом в январе 2021 г. и используются в Российской Федерации для обеспечения автоматического расхождения МАНС с другими судами. В этой связи представляется не вполне обоснованным расхожее мнение, что автономные надводные суда «не будут соответствовать МППСС-72 в том виде, в каком они написаны»[18].

Участниками эксперимента выступили Министерство промышленности и торговли РФ, Министерство транспорта РФ, Росморречфлот, а также судовладельцы автономных судов.

Для участия в эксперименте судовладелец не менее чем за 20 рабочих дней до начала опытной эксплуатации автономного судна направляет в Росморречфлот посредством электронной почты заявку на участие в эксперименте с приложением всей необходимой информации. К заявке прилагается утвержденная судовладельцем программа опытной эксплуатации автономного судна. Росморречфлот в течение 10 дней с даты получения заявки проводит оценку безопасности опытной эксплуатации автономного судна (на основании полученных документов) и принимает решение о ее начале.

Таким образом, Положение 2020 г., принятое на основе Временного руководства ИМО по испытаниям морских автономных надводных судов, заложило в Российской Федерации правовую основу для проведения в период до 2025 г. экспериментов, связанных с внедрением автономных технологий судовождения. Примечательно, что любая судоходная компания может принять участие в таких экспериментах.

Следующим шагом в развитии российского законодательства в области МАНС стала разработка проекта федерального закона «О внесении изменений в Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации и отдельные законодательные акты в части правоотношений, возникающих при эксплуатации автономных судов». Проект уже прошел согласования, ожидается, что он вступит в силу до конца 2021 г. Его ключевые положения следующие.

Понятие автономного судна. Под автономным судном понимается самоходное судно, процессы управления которым частично или полностью осуществляются в автоматическом режиме без участия членов экипажа судна. В зависимости от степени автономности автономное судно является:

1) полуавтономным, если оно способно осуществлять плавание без постоянного контроля за судовыми машинами, механизмами и приборами со стороны экипажа (без несения ходовой вахты), а также без постоянного управления движением судна силами экипажа судна, который ведет общее наблюдение за судном и, в случае необходимости,

[16] См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. V), ст. 8232.

[17] См.: *Гуцуляк В.Н.* Научно-практический комментарий к Международным правилам предупреждения столкновения судов в море (МППСС-72). М., 2021.

[18] *Vallejo D.* Electric Currents: Programming Legal Status into Autonomous Unmanned Maritime Vehicles, 47 Case W. Res. J. Int'l L. 405 (2015), p. 407.

осуществляет управление судном, его машинами и механизмами, или без управления движением судна силами экипажа, который ведет общее наблюдение за судном и, в случае необходимости, принимает меры по восстановлению нормальной работы судовых машин, механизмов и приборов;

2) полностью автономным судном, если судно способно осуществлять плавание без экипажа на борту при непрерывном наблюдении за судном и управлении его движением внешним экипажем, находящимся вне судна[19].

Такое определение в целом соответствует позиции ИМО, ориентированной на два уровня автономности (МАНС с экипажем и без экипажа на борту).

Внешний экипаж. Важной новеллой является введение понятия «внешний экипаж», что также будет отражением результатов работы ИМО.

В состав внешнего экипажа автономного судна входят специалисты по управлению автономными судами, удовлетворяющие определённым требованиям. Таким образом, на полностью автономном судне отсутствует экипаж на борту (бортовой экипаж), вместе с тем «внешний экипаж», осуществляющий дистанционное (удаленное) управление, сохраняется.

Внешний экипаж – это не просто операторы, это люди, имеющие опыт управления морским судном непосредственно в море. Требования к квалификации внешнего капитана и членам внешнего экипажа в будущем предстоит определить в соответствующих актах, касающихся дипломирования членов внешних экипажей МАНС.

Член внешнего экипажа автономного судна дает рекомендации капитану полуавтономного судна в части режимов работы судовых двигателей и рулевого устройства, маршрута движения судна. Окончательные решения по управлению полуавтономным судном принимает капитан, находящийся на борту.

Понятие «внешний экипаж», и в особенности «внешний капитан», очевидно, потребует дополнительного толкования соответствующих положений международных договоров, прежде всего Международной конвенции по спасанию 1989 г.

Вместе с тем утверждение, что «вопрос о том, можно ли рассматривать удаленного оператора в качестве функционального эквивалента капитана судна, является чрезвычайно трудным»[20], на наш взгляд, представляется неверным. Вне всякого сомнения, удаленный оператор, а в данном случае точнее «удаленный капитан» может и должен рассматриваться как капитан со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Управление автономным судном. В зависимости от степени автономности управление судном и обеспечение выполнения требований, касающихся безопасности мореплавания и защиты морской среды, осуществляется под наблюдением экипажа судна (при его наличии) и под наблюдением внешнего экипажа, находящегося вне судна. Судовладелец может поручить компетентной в области автономного судоходства организации осуществление наблюдения за судном и управления судном внешним экипажем такой организации, находящимся вне судна. При этом ответственность за невыполнение требований, касающихся безопасности мореплавания и защиты окружающей среды, в любом случае несет судовладелец.

Под компетентной в области автономного судоходства организацией понимается юридическое лицо, имеющее в своем распоряжении освидетельствованные технические средства по управлению автономными судами, а также специалистов по управлению автономными судами в количестве, достаточном для непрерывного выполнения функций по управлению автономными судами, с учетом соблюдения требований режима труда и отдыха.

Ответственность за возможный вред, причиненный автономным судном. Судовладелец и собственник автономного судна несут предусмотренную международными договорами ответственность за возможный вред третьим лицам, окружающей среде, а также охраняемым общественным интересам, причиненный вследствие или в связи с эксплуатацией такого судна, с учетом положений по ограничению ответственности.

Перевозки грузов и пассажиров автономными судами. Перевозки грузов автономными судами осуществляются в соответствии с требованиями Кодекса торгового мореплавания (КТМ). Судовладелец автономного судна, если иное не предусмотрено договором морской перевозки или КТМ, несет ответственность за мореходное состояние судна, безопасную перевозку груза в соответствии с договором морской перевозки. Перевозка пассажиров полностью автономными

[19] См.: *Клюев В.В.* Правовые ограничения в части эксплуатации автономных судов и пути их преодоления // Морские суда без экипажей – реальность и перспективы: сб. науч. докладов по итогам «круглого стола», проводимого совместно кафедрой «Морское право» Юридического института Российского университета транспорта (РУТ) и Ассоциацией международного морского права / под ред. В.Н. Гуцуляка. М., 2020. С. 4.

[20] *Coito J.* Maritime Autonomous Surface Ships: New Possibilities and Challenges in Ocean Law and Policy, International Law Studies, 97, 259 (2021), p. 279.

судами, за исключением полностью автономных маломерных судов, не допускается.

Вышеуказанные положения российского законодательства, касающиеся перевозки грузов и пассажиров автономными судами, находятся в полном соответствии с нормами действующих международных договоров конвенций.

Следует отметить, что в отношении автономных судов без экипажа на борту существует точка зрения, согласно которой «положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. не могут быть применены к таким судам»[21]. Мы не разделяем эту позицию. Анализ Конвенции 1982 г. показывает, что она не содержит ни одного положения, которое явилось бы препятствием для использования МАНС.

Статья 94 Конвенции 1982 г. не запрещает использование МАНС, как полагают некоторые авторы[22]. Указанная статья называется «Обязанности государства флага судна», в этой связи вряд ли можно утверждать, что ее положения затрагивают, например, право мирного прохода в территориальном море, право транзитного и мирного прохода в проливах, архипелажный проход в водах государств-архипелагов и т.д. Какое имеет значение для прибрежного государства – есть на борту экипаж или его нет вовсе, если судно соблюдает законодательство прибрежного государства? Власти прибрежного государства всегда имеют возможность оперативно связаться либо непосредственно с судном, либо с его оператором и решить все возникшие вопросы.

Следовательно, на наш взгляд, нет проблемы наличия или отсутствия на борту судна экипажа, есть лишь проблема толкования понятий «капитан» и «экипаж», которую можно разрешить, например, в рамках Совещания государств – участниц Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

В заключительной части обозначим еще одну важную проблему социального характера, связанную с внедрением безэкипажных технологий судовождения. Российская Федерация – один из крупнейших поставщиков квалифицированных моряков, в особенности командного состава, на мировой торговый флот. Тысячи российских граждан работают на судах под иностранными флагами. Моряки в подавляющем своем большинстве не имеют зарубежных счетов, зарубежной недвижимости и обычно всю заработанную валюту привозят и тратят дома. Таким образом, если все государства перейдут к эксплуатации безэкипажных судов, Россия лишится важного источника валюты.

Кроме того, возникает реальная угроза безработицы для моряков во всем мире. Да и сама профессия моряка в привычном для нас смысле сначала будет переживать болезненную трансформацию, а потом, видимо, постепенно исчезать. Появится новая профессия, в чем-то сходная с оператором системы управления движением судов в морских портах. Здесь нельзя не согласиться с мнением греческого капитана Танасиса Апостолопулоса, который заявил, что «появление безэкипажных судов неизбежно, но день, когда это произойдет, будет самым печальным днем для моряков»[23].

Заключение. Безэкипажные суда медленно, но неуклонно пробивают дорогу в морской индустрии. Однако проблема заключается в том, что лавинообразное распространение безэкипажных судов может начаться гораздо быстрее, чем мы этого ожидаем. В этой связи представляются чрезвычайно важными не только технические, но и соответствующие правовые исследования, а также практическая работа по созданию системы правового регулирования деятельности морских судов без экипажей в рамках как международного права, так и национального законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляков В.Г.* К вопросу о правовом статусе морских автономных аппаратов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 62–67.
2. *Васильев В.Я.* Суда без экипажей: перспективы и варианты. URL: http://www.morvesti.ru/analitika/1692/79474/ (дата обращения: 04.06.2021).
3. *Ганюшкина Е.Б.* Морские суда без экипажа и действующий режим морских пространств // Морские суда без экипажей – реальность и перспективы: сб. науч. докладов по итогам «круглого стола», проводимого совместно кафедрой «Морское право» Юридического института Российского университета транспорта (РУТ) и Ассоциацией международного морского права / под ред. В.Н. Гуцуляка. М., 1920. С. 16.
4. *Гуцуляк В.Н.* Научно-практический комментарий к Международным правилам предупреждения столкновения судов в море (МППСС-72). М., 2021.

[21] *Schmitt M.N., Goddard D.S.* International Law and the military use of unmanned maritime systems, 98 Int'l Rev. Red Cross 567 (2016), p. 577.

[22] См.: *Ганюшкина Е.Б.* Морские суда без экипажа и действующий режим морских пространств // Морские суда без экипажей – реальность и перспективы: сб. науч. докладов по итогам «круглого стола», проводимого совместно кафедрой «Морское право» Юридического института Российского университета транспорта (РУТ) и Ассоциацией международного морского права / под ред. В.Н. Гуцуляка. С. 16.

[23] *Уолл Р., Парис К.* Суда без экипажей: перспективы и варианты. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/09/01/655327-samoupravlyaemie-korabli-gruzoperevozchikov

5. *Клюев В.В.* Правовое регулирование использования автономных судов.// Государство и транспорт. 2018. № 5 (78). С. 13–15.

6. *Клюев В.В.* Правовые ограничения в части эксплуатации автономных судов и пути их преодоления // Морские суда без экипажей — реальность и перспективы: сб. науч. докладов по итогам «круглого стола», проводимого совместно кафедрой «Морское право» Юридического института Российского университета транспорта (РУТ) и Ассоциацией международного морского права / под ред. В.Н. Гуцуляка. М., 2020. С. 4.

7. Суда и судоходство будущего / Р. Шенкнехт, Ю. Люш, М. Шельцель, Г. Обенаус; пер. с нем. Ю.А. Пленкина. Л.., 1981. С. 80.

8. *Уолл Р., Парис К.* Суда без экипажей: перспективы и варианты. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/09/01/655327-samoupravlyaemie-korabli-gruzoperevozchikov

9. *Chwedczuk M.* Analysis of the Legal Status of Unmanned Commercial Vessels in U.S. Admiralty and Maritime Law, 47 J. Mar. L. & Com. 123 (2016), p. 140.

10. *Coito J.* Maritime Autonomous Surface Ships: New Possibilities and Challenges in Ocean Law and Policy, International Law Studies, 97, 259 (2021), p. 279.

11. *Javier Sánchez-Beaskoetxea, Imanol Basterretxea-Iribar, Iranzu Sotés, María de las Mercedes Maruri Machado.* Human error in marine accidents: Is the crew normally to blame? Maritime Transport Research. Volume 2, 2021. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666822X21000083#bib0011 (дата обращения: 01.06.2021).

12. *Schmitt M.N., Goddard D.S.* International Law and the military use of unmanned maritime systems, 98 Int'l Rev. Red Cross 567 (2016), p. 577.

13. Shipping and World Trade: Global Supply and Demand for Seafarers. URL: https://www.ics-shipping.org/shipping-fact/shipping-and-world-trade-global-supply-and-demand-for-seafarers/ (дата обращения: 01.06.2021).

14. *Vallejo D.* Electric Currents: Programming Legal Status into Autonomous Unmanned Maritime Vehicles, 47 Case W. Res. J. Int'l L. 405 (2015), p. 407.

REFERENCES

1. *Belyakov V.G.* On the issue of the legal status of marine autonomous vehicles // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. No. 1. P. 62–67 (in Russ.).

2. *Vasiliev V. Ya.* Vessels without crews: prospects and options. URL: http://www.morvesti.ru/analitika/1692/79474/ (accessed: 06.04.2021) (in Russ.).

3. *Ganyushkina E.B.* Sea vessels without crew and the current regime of sea spaces // Ships without crews – reality and prospects: collection of scientific reports on the results of the "Round Table" held jointly by the Department of "Maritime law" the Law Institute of the Russian University of Transport (RUT) and the Association of International Law of the sea / ed. by V.N. Gutsulyak. M., 1920. P. 16 (in Russ.).

4. *Gutsulyak V.N.* Scientific and practical commentary to the International regulations for preventing collisions at sea (COLREG-72). M., 2021 (in Russ.).

5. *Klyuev V.V.* Legal regulation of the use of autonomous courts.// State and transport. 2018. No. 5 (78). P. 13–15 (in Russ.).

6. *Klyuev V.V.* Legal restrictions regarding the operation of autonomous vessels and ways to overcome them // Sea vessels without crews – reality and prospects: collection of scientific reports on the results of the "Round Table" held jointly by the Department of "Maritime Law" of the Law Institute of the Russian University of Transport (RUT) and the Association of International Maritime Law / ed. by V.N. Gutsulyak. M., 2020. P. 4 (in Russ.).

7. Ships and shipping of the future / R. Schenknecht, Yu. Lushe, M. Schelzel, G. Obenaus; transl. from German Yu. A. Plenkin. L., 1981. P. 80 (in Russ.).

8. *Wall P., Paris K.* Vessels without crews: prospects and options. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/09/01/655327-samoupravlyaemie-korabli-gruzoperevozchikov (in Russ.).

9. *Chwedczuk M.* Analysis of the Legal Status of Unmanned Commercial Vessels in U.S. Admiralty and Maritime Law, 47 J. Mar. L. & Com. 123 (2016), p. 140.

10. *Coito J.* Maritime Autonomous Surface Ships: New Possibilities and Challenges in Ocean Law and Policy, International Law Studies, 97, 259 (2021), p. 279.

11. *Javier Sánchez-Beaskoetxea, Imanol Basterretxea-Iribar, Iranzu Sotés, María de las Mercedes Maruri Machado.* Human error in marine accidents: Is the crew normally to blame? Maritime Transport Research. Volume 2, 2021. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666822X21000083#bib0011 (accessed: 01.06.2021).

12. *Schmitt M.N., Goddard D.S.* International Law and the military use of unmanned maritime systems, 98 Int'l Rev. Red Cross 567 (2016), p. 577.

13. Shipping and World Trade: Global Supply and Demand for Seafarers. URL: https://www.ics-shipping.org/shipping-fact/shipping-and-world-trade-global-supply-and-demand-for-seafarers/ (accessed: 01.06.2021).

14. *Vallejo D.* Electric Currents: Programming Legal Status into Autonomous Unmanned Maritime Vehicles, 47 Case W. Res. J. Int'l L. 405 (2015), p. 407.

Сведения об авторах

ГУЦУЛЯК Василий Николаевич –
доктор юридических наук, профессор, почетный работник морского флота, заведующий кафедрой «Морское право» Юридического института Российского университета транспорта; 127994 г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9; Президент Ассоциации международного морского права, член российской делегации на 103-й сессии Комитета по безопасности на море Международной морской организации
SPIN-код: 7730-0551
ORCID: 0000-0002-5843-2661

КЛЮЕВ Виталий Владимирович –
директор Департамента государственной политики в области морского и внутреннего водного транспорта Министерства транспорта Российской Федерации; 109012 г. Москва, ул. Рождественка, д. 1, стр. 1; глава российской делегации на 103-й сессии Комитета по безопасности на море Международной морской организации

Author's information

GUTSULYAK Vasiliy N. –
Doctor of Law, Professor, Honorary Employee of the Navy, Head of Maritime Law Department of the Institute of Law, Russian University of Transport; 9, bld. 9 Obraztsova str., 127994 Moscow, Russia; President of International Maritime Law Association, Member of the Russian delegation to the 103rd session of the Maritime Safety Committee of the International Maritime Organization

KLYUEV Vitaly V. –
Director of the Department of State Policy in the Field of Maritime and Inland Waterway Transport of the Ministry of Transport of the Russian Federation; 1, bld. 1 Rozhdestvenka str., 109012 Moscow, Russia; Head of the Russian delegation to the 103rd session of the Maritime Safety Committee of the International Maritime Organization

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 173–185
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 173–185

PROCEEDING ON CASES WITH THE PARTICIPATION OF FOREIGN PERSONS IN INTERNATIONAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA AND BELARUS

© 2021 W. E. Butler[1, *], N. Yu. Erpyleva[2, **]

[1]Pennsylvania State University, USA
[2]National Research University Higher School of Economics, Moscow

**E-mail: web15@psu.edu*
***E-mail: nerpyleva@hse.ru*

Received 16.02.2021

Abstract. This article is dedicated to one of the most interesting aspects of International Procedural Law – litigation with the participation of foreign persons. Authors focused on a comparative analysis of Russian and Belarus legislation concerning the regulation of international procedural relations. Article includes two parts: the first one considers international jurisdiction of Russian arbitrazh courts and Belarus economic courts on commercial matters; the second one examines the recognition and enforcement of foreign judgments in commercial matters on the territory of Russia and Belarus. Authors deeply scrutinized a wide range of legal documents including domestic legislation, bilateral and multilateral international treaties of regional character in order to show the convergences and divergences in Russian and Belarus procedural law concerning participation of foreign persons in international commercial litigation.

Key words: International Procedural Law, International Civil Procedure, international judicial jurisdiction, foreign persons, international commercial disputes.

For citation: *Butler, W.E., Erpyleva, N. Yu. (2021).* Proceeding on cases with the participation of foreign persons in International Procedure Law of Russia and Belarus // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 173–185.

This article is prepared with the support of legal information and reference system "ConsultantPlus". All international treaties of the Russian Federation, normative legal acts and judicial practice are cited in accordance with "ConsultantPlus".

DOI: 10.31857/S102694520017271-9

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ЛИЦ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

© 2021 г. У. Э. Батлер[1, *], Н. Ю. Ерпылева[2, **]

[1]Пенсильванский государственный университет, США
[2]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

**E-mail: web15@psu.edu*
***E-mail: nerpyleva@hse.ru*

Поступила в редакцию 16.02.2021 г.

Аннотация. Настоящая статья посвящена одному из наиболее интересных аспектов международного гражданского процесса – производству по делам с участием иностранных лиц. Авторы сконцентрировали свое внимание на сравнительном анализе российского и белорусского законодательства,

касающегося регулирования международных процессуальных отношений. Статья включает две части: в первой – рассматриваются вопросы международной юрисдикции российских арбитражных судов и белорусских экономических судов по разрешению международных коммерческих споров; во второй части исследуются вопросы признания и принудительного исполнения иностранных судебных решений по коммерческим спорам на территории России и Беларуси. Авторы детально изучили широкий круг правовых источников, включая национальное законодательство и международные договоры регионального характера, для того чтобы выявить сходные черты и различия в российском и белорусском процессуальном праве применительно к производству по делам с участием иностранных лиц.

Ключевые слова: международное процессуальное право, международный гражданский процесс, международная судебная юрисдикция, иностранные лица, международные коммерческие споры.

Цитирование: *Butler, W.E., Erpyleva, N. Yu. (2021).* Proceeding on cases with the participation of foreign persons in International Procedure Law of Russia and Belarus // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 173–185.

Настоящая статья подготовлена при поддержке правовой информационно-справочной системы «КонсультантПлюс». Все международные договоры Российской Федерации, нормативные правовые акты и судебная практика приводятся по данным СПС «КонсультантПлюс».

With the dissolution of the former Soviet Union in December 1991 and transformation of the union republics into Independent States no longer bound by the Treaty of the Union of 30 December 1922, the Russian Federation operates as the "legal continuer" of the former Soviet Union and the other eleven sovereign States as each a "legal successor" of the Soviet Union. This policy of legal-continuer / legal successor avoided a legal vacuum with respect to treaty obligations of the former Soviet Union, and measures were taken to balance the domestic legislation of each former union republic with all-union legislation that was consistent with the new legal order, not repealed, and not contrary to old and new legislation whose existence and operation were necessary under post-Soviet conditions.

Other immediate responses included the negotiation of new treaties which would address the need for close harmonization of legal regimes that previously had been unified and the creation of regional organizations that pursued cooperation and, in some cases, elements of integration. Two leading organizations are the Commonwealth of Independent States (hereinafter: CIS)[1] and the Eurasian Economic Union (EAEU)[2], which has replaced the Eurasian Economic Community (EurAsEC)[3]. Economic integration is be-

[1] See: *Gadzhiev G.B.* Правовые аспекты создания Содружества Независимых Государств [Legal Aspects of the Creation of the Commonwealth of Independent States] // История государства и права [History of State and Law], No. 1 (2016), pp. 62–64; *Skryabina K.A.* Перспективы развития Содружества Независимых Государств [Perspectives of Development of the Commonwealth of Independent States] // Nauka.me, No. 3 (2020), p. 5; *Slizovsky D.E.* К вопросу об актуальных проблемах и перспективах развития Содружества Независимых Государств [On the Issue of the Topical Problems and Perspectives of Development of the Commonwealth of Independent States] // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права [Regional and Municipal Governance: Political, Economic and Legal Issues], No. 4 (18) (2019), pp. 35–42.

[2] See: *Dikhtiar A.I.* Взаимодействие правовых систем государств – членов Евразийского экономического союза: теоретические аспекты [Interaction of Legal Systems of the States – Members of the Eurasian Economic Union: Theoretical Aspects] // Современное общество и право [Contemporary Society and Law], No. 1 (44) (2020), pp. 72–81; *Elistratova V.V.* Формирование правовой системы Евразийского экономического союза [Forming of the Legal System of the Eurasian Economic Union] // Вестник СГЮА [Herald of Saratov State Legal Academy], No. 1 (2017), pp. 46–51; *Kapustin A. Ya.* Право Евразийского экономического союза: подходы к концептуальному осмыслению [The Law of the Eurasian Economic Union: Approaches to Theoretical Conceptualization] // Современный юрист [Contemporary Lawyer], No. 1 (2015); *Volova L.I.* Совершенствование права Евразийского экономического союза в условиях новых вызовов и угроз [Improvement of the Law of the Eurasian Economic Union under New Challenges and Threats] // Северо-Кавказский юрид. вестник [Northern Caucasus Legal Herald], No. 1 (2017), pp. 24–31.

[3] See: *Boklan D.S.* Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов [Eurasian Economic Union and World Trade Organization: Correlation of Legal Regimes] // Право. Журнал ВШЭ [Law. Journal of the Higher School of Economics], No. 2 (2017), pp. 223–236; *Kakitelashvili M.M.* Три года ЕАЭС: перспективы дальнейшей интеграции [Three Years of the EAES: Prospects of Further Integration] // Законы России: опыт, анализ, практика [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], No. 5 (2018); *Mikaelian I.A.* Некоторые вопросы членства государств в Евразийском экономическом союзе и право Всемирной торговой организации [Some Questions of Membership of States in the Eurasian Economic Union and Law of the World Trade Organization] // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук [International Journal of the Humanities and Natural Sciences], II, No. 3 (2017), pp. 202–206; *Moiseev E.G. (ed.)* Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза [International-Legal Foundations of the Creation and Functioning of the Eurasian Economic Union]. M., 2017; *Sokolova N.A.* Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права [Eurasian Economic Union: Legal Nature and Nature of Law] // Lex russica, No. 11 (2017), pp. 47–57.

ing pursued within the EAEU by the Customs Union and the Single Economic Space[4]. The EAEU is developing its own community law more assertively and positively than did its predecessor incarnation[5].

None of the regional organizations contain all the post-Soviet republics (the Baltic republics being outside the region for these purposes in any event). Nonetheless, all the Independent States are in close geographical proximity to one another, share a common Russian and Soviet legal heritage in addition to their local histories and experiences, use a common legal language, if not exclusively at least in part (Russian), and in many respects a common legal mentality. In addition to local community formation, these States confront the challenge of adapting their structures and harmonizing their legal regulation and legal concepts with larger communities – the World Trade Organization, European Union, Council of Europe, Organization for Economic Cooperation and Development, among others. There is, moreover, advanced integration project: the Union State of Russia and Belarus was founded in 1999. It is the case, in our view, that post-Soviet legal space remains a "laboratory of comparative law", but that laboratory has become more sophisticated, more complex, more refined, and, in its own way, more challenging for the parties involved[6].

In this article we examine certain aspects of international civil procedure of Russia and Belarus: proceedings with the participation of foreign natural and juridical persons or stateless persons with particular reference to international commercial disputes. The countries concerned have experienced mutual repatriations and migrations from one another during the past nearly three decades, foreign investment from within and outside the post-Soviet countries, expanded tourism, and the development in general of international civil procedure law as the important branch of private international law influenced by a variety of sources[7]. At present both Russia and Belarus participate in two interstate associations: the CIS and the EAEU.

Jurisdiction of Russian Arbitrazh Courts and Belarus Economic Courts in cases with Participation of Foreign Persons

The jurisdiction of Russian arbitrazh courts in cases with the participation of foreign juridical persons and individual entrepreneurs is determined by Russian procedural legislation: the Code of Arbitrazh Procedure of the Russian Federation (hereinafter: Code of Arbitrazh Procedure) adopted in 2002, as amended to date[8]. The Russian arbitrazh courts are an integral part of the Russian judicial system and operate side by side with federal courts of general jurisdiction.

[4] See: *Drozdova S.A.* Таможенный союз и Единое экономическое пространство – основа формирования Евразийского экономического союза [The Customs Union and the Common Economic Space are the basis for the formation of the Eurasian Economic Union] // Таможенное дело [Customs Affairs], No. 4 (2014), pp. 12–15; *Khalipov S.V.* Система таможенного права и структура Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [The System of Customs Law and the Structure of the Customs Code of the Eurasian Economic Union] // Росс. экономический вестник [Russian Economic Bulletin], No. 1 (2018), pp. 91–98; *Kulikova N.I., Plotnikov A. Yu.* Таможенный союз как форма экономической интеграции: юридические аспекты практики ЕАЭС [The Customs Union as a Form of Economic Integration: Legal Aspect of the EAEU Practices] // Страховое право [Insurance Law], No. 1 (82) (2019), pp. 27–31; *Mokrov G.G.* Евразийский экономический союз. Единое таможенное регулирование [The Eurasian Economic Union. The Uniform Customs Regulation]. M., 2020; *Salmin'sh R. Yu.* Таможенно-правовое регулирование в Таможенном союзе Евразийского экономического союза [Customs Law Regulation in the Customs Union of the Eurasian Economic Union] // Отечественная юриспруденция [Fatherland Jurisprudence], No. 3 (2017), pp. 11–13.

[5] See: *Boklan D.S., Lifshits I.M.* Действие принципа верховенства права в Евразийском экономическом союзе [Operation of the Principle of Supremacy of Law in the Eurasian Economic Union] // Междунар. право [International Law], No. 2 (2016), pp. 1–13; *Branovitskii K.L.* Тенденции развития европейского процесса на современном этапе и перспективы сближения на евразийском пространстве [Developmental Trends of the European Process at the Contemporary Stage and Prospects for Coming Together in European Space] // Вестник гражданского процесса [Herald of Civil Procedure], No. 3 (2017), pp. 204–220; *Bublik V.A., Semyakin M.N., Gubareva A.V.* Модернизация правового пространства стран Евразийского экономического союза [Modernization of the Legal Space of the States of the Eurasian Economic Union] // Междунар. публичное и частное право [International Public and Private Law], No. 4 (2020), pp. 36–39; *Fedortsov A.A.* Интеграционное и национальное правосудие в Евразийском экономическом союзе [Integration and National Justice in the Eurasian Economic Union] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence], No. 1 (2017), pp. 36–39.

[6] See: *Butler W.E.* "Law Reform in the CIS", Sudebnik, I (1996), pp. 9–32. These observations were expanded in: *Butler W.E.* Евразийское юридическое пространство – лаборатория сравнительного правоведения [Eurasian Legal Space – Laboratory of Comparative Law] // Евразийский юрид. журнал [Eurasian Legal Journal], No. 7 (2011), pp. 6–9.

[7] See: *Yablochkov T.M.* Курс международного гражданского процессуального права [Course of International Civil Procedure Law]. Yaroslavl, 1909; *Get'man-Pavlova I.V., Kasatkina A.S., Filatova M.A.* Международный гражданский процесс: учеб. [International Civil Procedure: textbook]. M., 2020 (Сер. «Высшее образование») [The Higher Education Series]; *Beaumont P., Danov N., Trimmings K., Yuksel B. (eds.)* Cross-Border Litigation in Europe (Studies in Private International Law Series). Hart Publishing, 2017; *Born G.B., Routledge P.B.* International Civil Litigation in the United States Courts (Aspen Casebook Series). Wolters Kluwer, 2018; *Calster G. van* European Private International Law: Commercial Litigation in the EU. Hart Publishing, 2021; *Fentiman R.* International Commercial Litigation. Oxford, 2015; *Hartley T.* International Commercial Litigation: Text, Cases and Materials on Private International Law. Cambridge, 2020; *Lazic V., Stuij S. (eds.)* International Dispute Resolution: Selected Issues in International Litigation and Arbitration (Short Studies in Private International Law Series). T.M.C. Asser Press, 2018; *Steinitz M.* The Case for an International Court of Civil Justice. Cambridge, 2018.

[8] See: Comp. (2002), No. 30, item 3012, as of 8 December 2020.

The jurisdiction of Belarus courts which consider economic cases with the participation of foreign juridical persons and entrepreneurs has been determined in the Code of Economic Procedure of the Republic Belarus[9] (hereinafter: Code of Economic Procedure), a wholly renewed version of which was adopted on 6 August 2004 and entered into force from 1 January 2005, as amended to date[10]. Belarus courts of general jurisdiction administering justice in civil, criminal, and administrative proceedings and proceedings in economic cases are an integral part of the judicial system of Belarus together with the Constitutional Court of the Republic Belarus, Supreme Court of the Republic Belarus, regional (Minsk City Court) court, and economic court of the region (City of Minsk)[11]. The system of courts of general jurisdiction is structured on the principle of territoriality and specialization. The formation of extraordinary courts is prohibited. Thus, international commercial disputes with the participation of foreign persons are considered by courts of general jurisdiction in Belarus by way of a court proceeding for economic cases. In the Code of Economic Procedure, they are named as courts considering economic cases, which in the interests of brevity herein are called economic courts.

Section V "Proceeding with Regard to Cases with Participation of Foreign Persons", Code of Arbitrazh Procedure and Chapter 27 "Proceedings with Regard the Consideration of Economic Disputes and Other Cases with the Participation of Foreign Persons", Code of Economic Procedure determine the jurisdiction of Russian arbitrazh courts and Belarus economic courts with regard to international commercial disputes[12].

Pursuant to Article 254, Code of Arbitrazh Procedure and Article 242, Code of Economic Procedure, foreign persons enjoy procedural rights and bear procedural duties equally with Russian and Belarus organizations and citizens[13]. Foreign persons have the right to apply to arbitrazh courts of the Russian Federation and economic courts of the Republic of Belarus in order to defend their violated or contested rights and legal interests in the sphere of entrepreneurial or other economic activity. Foreign persons participating in a case must submit to an arbitrazh court or to an economic court evidence confirming their legal status and their right to undertake entrepreneurial and other economic activity. In the event of the failure to submit such evidence, the arbitrazh court or economic court has the right to demand and obtain such evidence at its own initiative.

The Government of the Russian Federation or the Government of the Republic of Belarus may establish retaliatory limitations (retorsions) with respect to juridical persons of those foreign States in which special limitations have been introduced in respect of juridical persons and citizens of Russia or Belarus (Article 254(4), Code of Arbitrazh Procedure and Article 242(4), Code of Economic Procedure[14]. Apparently the positions of Russian and Belarus legislation on these issues are identical, with one exception: the Code of Arbitrazh Procedure in Article 254(1) provides for a possibility of procedural privileges for foreign persons if so provided by an international treaty. In Belarus foreign persons may not be granted procedural privileges more favorable than those granted to organizations and citizens of Belarus.

General Jurisdiction. The basic principles for establishing the general jurisdiction of Russian arbitrazh courts and Belarus economic courts with regard to international commercial disputes have been laid down in a similar way in both codes. Arbitrazh courts or

[9] See: National Register of Legal Acts of the Republic Belarus (2004), No. 138, 139.

[10] As of 6 January 2021.

[11] See: Article 5, Code of the Republic Belarus "On Court Organization and the Status of Judges" of 29 June 2006, as of 10 December 2020. National Register of Legal Acts of the Republic Belarus (2006), No. 107, item 2/1236.

[12] There is no generally-accepted terminology in private international legal doctrine for determining procedural jurisdiction in civil cases with the participation of foreign persons. In the view of A.A. Mamaev, the most appropriate term is "international procedural jurisdiction". In turn, the unified complex institution of international procedural jurisdiction would be subdivided into: (a) international judicial jurisdiction; (b) international administrative jurisdiction; (c) international arbitral jurisdiction", and so on. A.A. Mamaev understands international judicial jurisdiction to be the determination of the competence of the judicial agencies of a particular State for the settlement of a concrete civil case; in other words, that institution which is at present called "international subject-matter jurisdiction" (see: *Mamaev A.A.* Международная судебная юрисдикция по трансграничным гражданским делам [International Judicial Jurisdiction in Cross-border Civil Cases]. M., 2008, pp. 36–44). The terms "international jurisdiction" and "international subject-matter jurisdiction" are used as synonyms in the present work.

[13] Russian and Belarus legislations understand "foreign persons" to be foreign organizations, international organizations, foreign citizens, and stateless persons effectuating entrepreneurial and other economic activity (Article 247, Code of Arbitrazh Procedure; Article 1, Code of Economic Procedure).

[14] On retorsions, see: *Agalarova M.A.* Ограничительные меры (реторсии) [Restrictive Measures (Retorsions)] // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий [Herald of the Siberian Institute of Business and Information Technologies], No. 1 (2017), pp. 52–56; *Garmash V.A., Pelipenko D.S.* Взаимность и реторсии в международном частном праве [Reciprocity and Retortions in Private International Law] // Аллея науки [Alley of Science], vol. 1, No. 10 (2018), pp. 738–741; *Luchkinskaia T.A., Berdegulova L.A.* Частноправовая реторсия в международном частном праве [Private-Law Retorsion in Private International Law] // Наука и общество в эпоху перемен [Science and Society in an Era of Changes], No. 1 (2015), pp. 104–106; *Pogozheva M.I., Bataeva O.V.* Взаимность и реторсия в международном частном праве [Reciprocity and Retorsion in Private International Law] // Актуальные проблемы конституционного и международного права: материалы Второй ежегодной конф., 2018 [Topical Problems of Constitutional and International Law: Materials of the Second Yearly Conference, 2018], pp. 13–16.

economic courts consider cases relating to economic disputes and other cases connected with undertaking entrepreneurial and other economic activity with the participation of foreign persons if:

(1) the defendant is situated or resides on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus or property of the defendant is located on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus;

(2) the management organ, branch, or representation of a foreign person is situated on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus;

(3) the dispute arose from a contract under which performance should have occurred or did occur on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus;

(4) the demand arose from the causing of harm to property by the action or other circumstances which occurred on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus or the harm ensued on the territory of Russia or Belarus;

(5) the dispute arose from unjust enrichment which occurred on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus;

(6) the plaintiff in the case concerning the defense of business reputation is situated in the Russian Federation or the Republic Belarus;

(7) the dispute arose from relations connected with the circulation of securities, the issuance of which occurred on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus;

(8) the application with regard to a case concerning the establishment of a fact having legal significance indicates the existence of this fact on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus;

(9) the dispute arose from relations connected with the State registration of names and other objects or rendering of services on Internet networks on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus;

(10) in other instances when there is a close link of a contested legal relation with the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus (Article 247(1), Code of Arbitrazh Procedure; Article 235(1), Code of Economic Procedure)[15].

A case accepted by an arbitrazh court or an economic court for consideration in compliance with the rules of international jurisdiction must be considered by it in substance even if in the course of the proceeding in connection with a change of location or place of residence of persons participating in the case or other circumstances the case become relegated to the jurisdiction of a foreign court (Article 247(4), Code of Arbitrazh Procedure; Article 235(5), Code of Economic Procedure)[16].

By Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 "On the Consideration by Arbitrazh Courts of Cases Relating to Economic Disputes Which Arise from Relations Complicated by a Foreign Element" of 27 June 2017 (hereinafter: Plenum Decree No. 23)[17], cases with the participation of foreign persons are relegated to such a generalized category as cases relating to economic disputes arising from relations complicated by a foreign element. This generalized category includes also cases relating to: disputes whose subject-matter is rights to property or another object situated on the territory of a foreign State (for example, rights to property in a foreign State possessed by a Russian organization, rights to intellectual activity or means of individualization situated in or registered in a foreign State); disputes connected with a legal fact which occurred on the territory of a foreign State, in particular a dispute arising from obligations arising from the causing of harm which occurred in a foreign State (point 1). All the aforesaid disputes are considered by an arbitrazh court according to the rules and within the powers established by the Code of Arbitrazh Procedure, subject to the peculiarities provided by Section V of the said Code, unless provided otherwise by an international treaty of the Russian Federation (Articles 3(3), 253(1), and 256[1], Code of Arbitrazh Procedure).

Along with the rules on general jurisdiction of the Russian arbitrazh courts and Belarus economic courts with regard to international commercial disputes, which are almost identical in both States, the codes also contain principles and definitions of *exclusive jurisdiction* of the said courts and they have significant differences. The similar rules for determination

[15] Cases relating to economic disputes and other cases connected with the effectuation of entrepreneurial and other economic activity are within the jurisdiction of arbitrazh courts in Russia and economic courts in Belarus. Arbitrazh and economic courts settle economic disputes and consider other cases with the participation of organizations which are juridical persons, citizens effectuating entrepreneurial activity without the formation of a juridical person and having the status of an individual entrepreneur acquired in the procedure established by a law, and in instances provided by the Code of Arbitrazh Procedure or the Code of Economic Procedure and other legislation of both states (Article 27(1)-(3), Code of Arbitrazh Procedure; Article 39, Code of Economic Procedure).

[16] See: *Fedorenko Yu. V., Balyan V.V.* Участие иностранных лиц в российском арбитражном процессе [Participation of Foreign Person in Russian Arbitrazh Procedure] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление [Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management], No. 8 (2019), pp. 110–112; *Vardikian A.E., Degtiareva L.A.* Производство по делам с участием иностранных лиц [Proceedings in Cases with the Participation of Foreign Persons] // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки [Youth Scientific Forum: Social and Economic Sciences], No. 11 (2016), pp. 730–735.

[17] See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 8 (August 2017).

of exclusive jurisdiction are as follows. Both arbitrazh courts in Russia and economic courts in Belarus have exclusive jurisdiction in cases with the participation of foreign persons which relate to:

(1) disputes with respect to property in the State ownership of the Russian Federation and the Republic Belarus, including disputes connected with the privatization of State property and compulsory alienation of property for State needs;

(2) disputes whose subject-matter is immoveable property if such property is situated on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus or the rights thereto;

(3) disputes relating to the deeming invalid entries in the State registers or cadastres made by a competent agency of the Russian Federation or the Republic Belarus keeping such register or cadastres;

(4) disputes connected with the founding, liquidation, or registration on the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus of juridical persons or individual entrepreneurs, and also with contesting the decisions of organs of these juridical persons (Article 248(1), Code of Arbitrazh Procedure; Article 236(1), Code of Economic Procedure).

In addition to the above principles the Code of Arbitrazh Procedure provides for extending exclusive jurisdiction to cases arising from disputes connected with the registration or issuance of patents, registration and issuance of certificates for trademarks, industrial designs, utility models, or the registration of other rights to the results of intellectual activity which require registration or the issuance of a patent or certificate in the Russian Federation (Article 248(1(3)), Code of Arbitrazh Procedure). The legislation of Republic Belarus for its part contains three other grounds unknown to the Russian legislation apart from the shared principles given above:

(1) cases concerning the economic insolvency (or bankruptcy) of juridical persons and individual entrepreneurs whose location or place of residence is Belarus;

(2) disputes concerning the exclusion of property from an inventory or release from arrest, if the arrest of property was carried out by a respective State agency of Belarus;

(3) disputes connected with deeming invalid nonnormative legal acts of State agencies and agencies of local government and self-government of Belarus;

In addition to the above principles both codes provide for extending exclusive jurisdiction to cases with the participation of foreign persons arising from administrative law relations, however the wordings of this ground differ significantly. The Code of Arbitrazh Procedure extends exclusive jurisdiction to cases with the participation of foreign persons arising from administrative and other public law relations (Article 248(2)). And pursuant to the Code of Economic Procedure the exclusive jurisdiction is extended to the cases with the participation of foreign persons one way or another connected with administrative legal relations. In this last instance, the emphasis is placed on economic disputes closely connected with administrative legal relations (Article 236(9), Code of Economic Procedure). The Code of Arbitrazh Procedure gives comparatively wider interpretation of exclusive competence of Russian arbitrazh courts in the said sphere.

In 2020 the Code of Arbitrazh Procedure was amended and two more articles which have no analogues in the Code of Economic Procedure were added[18]. In accordance with these amendments the exclusive jurisdiction of Russian arbitrazh courts is also extended to disputes with the participation of persons subjected to restrictive measures introduced by a foreign State, State association, union or a State / interstate institution of a foreign State or a State association/union, and disputes in which such restrictive measures serve as a ground, if not provided otherwise by international agreements of the Russian Federation or agreement between the parties to the dispute[19].

The exclusive jurisdiction of Russian arbitrazh courts and Belarus economic courts on consideration of international commercial disputes of certain category shall be distinguished from the exclusive competence of an arbirazh court or an economic court with regard to consideration of a certain dispute arising as a result of conclusion of prorogation agreements between the parties. The rules of *contractual jurisdiction* are consolidated in Article 249 of the Code of Arbitrazh Procedure and Article 237 of the Code of Economic Procedure[20]. Prorogation agreements are an arrangement between parties or potential parties in dispute concerning the referral of a dispute for settlement of the court of a particular State[21].

---

[18] See: Articles 248.1 and 248.2 were added by Federal Law of 8 June 2020, No. 171-FL.

[19] See: *Naumova E.A.* Новый механизм защиты прав в российском арбитражном процессуальном законодательстве при ограничении доступа к правосудию в иностранных судебных системах [New Mechanism of Protection of Rights in Russian Arbitrazh Procedure Legislation in the Situation of Restricted Access to Justice in Foreign Judicial Systems] // Нотариальный вестник [Notary Herald], No. 11 (2020), pp. 59–64.

[20] See: *Bogdanova N.A.* Виды соглашений о международной подсудности [Types of Agreements on International Jurisdiction] // Администратор суда [Court Administrator], No. 1 (2019), pp. 42–46; *Rozhkova M.* О некоторых аспектах соглашения о международной подсудности [On Certain Aspects of an Agreement of International Jurisdiction] // Хозяйство и право [Economy and Law], No. 3 (2018), pp. 3–13.

[21] According to Plenum Decree No. 23 (point 6), the participants of international economic relations and other relations connected with the effectuation of economic activity have the right to conclude a

A prorogation agreement acts as a legal form of implementing the norms on contractual jurisdiction contained in Municipal Law. A prorogation agreement must be concluded in written form. According to Plenum Decree No. 23 (point 6), the mandatory written form of a prorogation agreement is considered to be satisfied if it was drawn up in the form of a separate agreement, clause in a contract, or such agreement is reached by an exchange of letters, telegrams, telexes, faxes, or other documents, including electronic documents transmitted by channels of communication enabling it to be reliably ascertained that the document emanates from the other party. Taking into account the Code of Arbitrazh Procedure (Article 9), a prorogation agreement is also considered to be concluded in written form if it was concluded by an exchange of procedural documents (petition to sue and reply to a petition to sue) in which one party declares the presence of a prorogation agreement and the other party does not object. Reference in the contract to a document containing a prorogation agreement represents a prorogation agreement concluded in written form on condition that the said reference enables such an agreement to be considered part of the contract[22].

The formulation of the heading of Article 249 in the Code of Arbitrazh Procedure and Article 237 in the Code of Economic Procedure is, in some respects, unfortunate: "Agreement on Determining Competence of Arbitrazh Courts of the Russian Federation (Courts Considering Economic Cases in the Republic Belarus)". Reference in both cases actually is being made to a prorogation agreement, whereas the reference should be made to contractual jurisdiction, the prorogation agreement merely serving as the legal form expressing contractual jurisdiction. A more appropriate formulation would be: "Contractual Jurisdiction of Cases with Participation of Foreign Persons". This formulation would enable a more precise distinction to be drawn among, first, the types of jurisdiction (general, exclusive, and contractual) and, second, the concept of a prorogation agreement as a mean of determining jurisdiction in the form of the realization of contractual jurisdiction from the concept of jurisdiction itself as a package of rules for ascertaining the competence of a particular State court. We draw attention once more to the fact that a prorogation agreement may change only the rules for determining general jurisdiction, but never exclusive jurisdiction – which would risk the prorogation agreement being deemed to be invalid. In this sense contractual jurisdiction may be regarded as the parties in dispute changing general jurisdiction by agreement between themselves[23].

Location of Defendant. The location of a natural or juridical person who is the defendant is the principal norm regulating jurisdiction with a foreign element (Article 247(1(1)), Code of Arbitrazh Procedure; Article 235(2), Code of Economic Procedure). Both codes contain an unusual innovation as the criteria for establishing the jurisdiction of an arbitrazh court or an economic court: the presence of a close link between the legal relation in dispute and the territory of the Russian Federation or the Republic Belarus (Article 247(1(10)), Code of Arbitrazh Procedure; (Article 235(11), Code of Economic Procedure).

The Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation of 9 July 2013 (hereinafter: Information Letter No. 158)[24] explained that when applying Article 247 an arbitrazh court should establish the existence of a close link of the legal relation in dispute with the territory of the Russian Federation in each concrete instance, taking into account the entire aggregate of circumstances of the case, the forms of such link being different, and the presence thereof must be identified by the court (point 10, Information Letter No. 158)[25].

prorogation agreement for the consideration of disputes in an arbitrazh court of the Russian Federation (contractual competence). A prorogation agreement is an agreement of the parties to refer to an arbitrazh court of the Russian Federation all or certain disputes which arose or might arise between them in connection with a concrete legal relation, irrespective of whether this legal relation is of a contractual nature or not. In this event the arbitrazh court of the Russian Federation will have exclusive jurisdiction to consider the particular dispute provided that such agreement does not change the exclusive jurisdiction of the foreign court (Article 249, Code of Arbitrazh Procedure).

[22] See: *Bogdanova N.A.* Право, применимое к форме соглашений о международной подсудности [Law Applicable to the Form of Agreements on International Jurisdiction] // Междунар. публичное и частное право [International Public and Private Law], No. 5 (2017), pp. 8–11.

[23] For an analysis of the categories of general and exclusive jurisdiction, see: *Datsko R.A., Kudriavtseva L.V.* Проблемы рассмотрения дел с участием иностранных юридических лиц в российском арбитражном процессе [Problems of the Consideration of Cases with the Participation of Foreign Juridical Persons in Russian Arbitrazh Procedure] // Полиматис [Polymatis], No. 4 (2017), pp. 14–20; *Mokhova E.V.* Компетенция российских арбитражных судов по рассмотрению дел с участием иностранных лиц [Competence of Russian Arbitrazh Courts with Regard to Consideration of Cases with Participation of Foreign Persons] // Вестник Арбитражного суда Московского округа [Herald of the Arbitration Court of the Moscow District], No. 4 (2014), pp. 17–38.

[24] The Letter is entitled: "Survey of Judicial Practice with Regard to Certain Questions Connected with the Consideration by Arbitrazh Courts of Cases with the Participation of Foreign Persons" (see: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ [Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation] (2013), No. 9).

[25] As forms of a close link, Information Letter No. 158 pointed to the place of undertaking work under a contract; the location of an object with respect to which work is performed; the location of evidence relating to a case; and the law applicable to the contract. It should be noted that the first two criteria are of a "strict" character and mentioned in Article 247 of the Code of Arbitrazh Procedure, but applicable law as a criterion for establishing court jurisdiction seems rather unequivocal (first we should choose the jurisdiction, and then the applicable law, for the choice of applicable law by the parties may be deemed by a court to be invalid).

The Supreme Court of the Russian Federation on this question said that the principle of the existence of a close link between the legal relation in dispute and the territory of the Russian Federation underlies the general rules of determining the competence of Russian arbitrazh courts, because Article 247 must be interpreted by taking this principle into account. Pursuant to Article 247, an arbitrazh court establishes the existence of a close link of a legal relation in dispute with the territory of the Russian Federation in each concrete instance by taking into account the entire aggregate of the circumstances of the case. Confirmation of the existence of a close link between a legal relation in dispute and the territory of Russia may be evidence that the territory of the Russian Federation is the place where a significant part of the obligations should be performed arising from the relations of the parties; the subject-matter of the dispute is most closely linked with the territory of Russia; the basic evidence with regard to the case is situated on the territory of the Russian Federation; the law applicable to the contract is the law of the Russian Federation; the natural person performing the functions of a management organ of the foreign company was registered at a place of residence on the territory of Russia; the domain name site with respect to which a dispute arose (except for domain names in the Russian domain zone) is oriented primarily towards a Russian audience, or commercial activity is oriented towards persons within the jurisdiction of the Russian Federation (points 12 and 15, Plenum Decree No. 23).

In our view, the category of "close link" serving as a conflicts link with respect to the choice of the applicable material law cannot serve as such when choosing a jurisdictional agency. This is because underlying the norms enabling the last to be chosen are factual circumstances making it possible to link the Russian arbitrazh court and the dispute which it is proposed to transfer for consideration (for example, management organ, branch, or representation of a foreign person on the territory of the Russian Federation – Article 247). The category "close link" does not allow one to choose a specific court as a jurisdictional agency for the settlement of a dispute because the link of a legal relation in dispute with the territory of a court itself needs special determination. We turn to the next explanation of the Supreme Court of the Russian Federation: the choice by the parties to a contract of an arbitrazh court of the Russian Federation as the place for the consideration of disputes does not automatically subordinate the contractual relations of the parties to Russian material law. The absence of the expression of the will of the parties with respect to applicable law means that the court competent to consider the particular dispute determines this, being guided by applicable conflicts norms of international treaties and/or federal laws (point 43, Plenum Decree No. 23).

In our view, this position of the Supreme Court of the Russian Federation should be understood in reverse: because the choice of jurisdiction of a Russian arbitrazh court does not mean the automatic subordination of contractual relations of the parties to Russian material law, the choice of Russian law as applicable should not automatically entail the establishment of the jurisdiction of a Russian arbitrazh court. It should be regarded in aggregate with other circumstances of a concrete case. Thus, the innovation introduced in the Code of Arbitrazh Procedure of the Russian Federation concerning a "flexible" link into a "strict" procedural right should be approached with care.

Neither Russian nor Belarus procedural legislation contains any conflicts norms with regard to determining the law applicable to the procedural legal or dispositive legal capacity of foreign persons[26]. In this event undoubtedly the general conflicts norms concerning the personal law of natural and juridical persons contained in Part Three, Section VI, of the Russian Civil Code would be used, as amended[27].

Under Article 1196 the civil legal capacity of a natural person is determined by his personal law. According to Article 1195, the personal law of a natural person is the law of the country of which this person is a citizen. If a person in addition to Russian citizenship also has a foreign citizenship, Russian law is his personal law. If a foreign citizen has a place of residence in the Russian Federation, Russian law is his personal law. When a person has several foreign citizenships, the personal law is considered to be the law of the country in which this person has a place of residence. The personal law of a stateless person is the law of the country in which this person has a place of residence. The law of the country which granted a person asylum is considered to be the personal law of a refugee. According to Article 1202(1) of the Russian Civil Code, the personal law of a juridical person is considered to be the law of the country where the juridical person was founded, unless provided otherwise by provisions of the Civil Code.

The principles underlying the establishment of international jurisdiction are also embodied in the 1993 Minsk Convention on Legal Assistance and Legal Relations with Regard to Civil, Family, and Criminal Cases (hereinafter: Minsk Convention) as amended by the Moscow Protocol of 28 March 1997[28]. The Minsk

[26] See: *Makhniboroda I.M.* Характеристика международной процессуальной правоспособности [Characteristics of International-Procedure Legal Capacity] // Современное право [Contemporary Law], No. 11 (2010), pp. 130–133.

[27] See: Comp. (2001), No. 49, item 4552. As of 1 October 2019.

[28] The Minsk Convention entered into force on 19 March 1994 and, for the Russian Federation on 10 December 1994; for Belarus on 19 May 1994; The Moscow Protocol entered into force on 17 September 1999 and, for Russia on 9 January 2001, for Belarus on 17 September 1999.

Convention is thus a multilateral regional international treaty which sets out the basic principles for the citizens and juridical persons of one Contracting State to have recourse to the courts on the territory of another Contracting State. The most important Minsk Convention principles for determining international jurisdiction are: (1) the principle of national regime (Article 1); and (2) the principle of the delimitation of territorial jurisdiction on the basis of the place of residence of the defendant (Article 20).

Principle of National Regime. Under the Minsk Convention (Article 1), the citizens of each Contrac-ting State, as well as persons residing on the territory thereof, enjoy on the territories of all other Contracting States with respect to their personal and property rights the same legal defense as do citizens of the particular Contracting State. This means citizens and other persons have the right to freely and without obstruction to apply to the courts of other Contracting States which enjoy competence in civil and family matters, may appear in such cases, file petitions or suits, and exercise other procedural actions on the same conditions as citizens of the particular Contracting State. The provisions also extend to juridical persons created in accordance with legislation of the Contracting States.

The Minsk Convention (Article 20) provides that suit against persons having a place of residence in one of the Contracting States are to be filed irrespective of their citizenship in the courts of this Contracting State, and suits against juridical persons are filed in courts of the Contracting State on whose territory the management organ, representation, or branch is situated. If there are several defendants having a place of residence or location on the territories of different Contracting States, the dispute is considered at the place of residence or location of any defendant at the choice of the plaintiff. The courts of the Contracting States are competent also in instances when on the territory thereof:

(a) trade, industrial, or other economic activity of an enterprise or branch of the defendant is undertaken;

(b) an obligation from a contract which is the subject-matter of a dispute is performed or should be performed wholly or in part;

(c) the plaintiff with regard to a suit concerning the defense of honor, dignity, and business reputation has a permanent place of residence or location.

With regard to suits concerning the right of ownership or other rights to a thing to immoveable property, the courts at the location of the property are solely competent. Suits against carriers arising from contracts for the carriage of goods, passengers, and baggage are filed at the local of the management of the transport organization against which a claim was filed in the established procedure. The two last grounds are examples of the exclusive jurisdiction of the court of a particular Contracting State and cannot be changed by the counter-parties and consequently may not be the subject-matter of a prorogation agreement.

The Minsk Convention also regulates contractual jurisdiction. Under Article 21 of the Minsk Convention, the courts of the Contracting States may consi-der cases also in those instances when there is a written agreement of the parties concerning the referral of a dispute to these courts. The exclusive jurisdiction arising from Article 20 of the Minsk Convention and other norms, and also from the domestic legislation of the respective Contracting State, cannot be changed by agreement of the parties to the contract. The court terminates the proceedings in the case upon the application of the defendant when there is an agreement concerning the transfer of the dispute.

The 1992 Kiev Agreement on the Procedure for the Settlement of Disputes Connected with the Effectuation of Economic Activity[29] (hereinafter: Kiev Agreement) is, together with the Minsk Agreement, a major instrument establishing jurisdiction in cases with the participation of foreign persons. The Kiev Agreement regulates, *inter alia*, the settlement of cases arising from contractual and other civil-law relations between economic subjects (Article 1). To this end, Kiev Agreement contains norms concerning general, exclusive, and contractual jurisdiction. A court from a State-Party to the Kiev Agreement is competent to consider a dispute with the participation of foreign persons where:

(a) the defendant had a permanent place of residence or location on the day of filing a suit;

(b) trade, industrial, or other economic activity of an enterprise or branch of the defendant is effectuated;

(c) an obligation from a contract which is the subject-matter of dispute was performed or should have been performed in whole or in part[30];

(d) an action or other circumstances which served as grounds for a demand concerning the compensation of harm occurred;

(e) the plaintiff in a suit concerning the defense of business reputation has a permanent place of residence or location;

[29] The Kiev Agreement entered into force on 19 December 1992; for Belarus and the Russian Federation also on that date (see: Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество» [Information Herald of the Council of Heads of the States and the Council of Heads of Governments of the CIS "Commonwealth"]).

[30] The Supreme Court of the Russian Federation in its Ruling of 21 January 2020 No. 305-ЭС19-12690, Re: case No. A40-227636/2018, especially pointed out that the possibility of considering the dispute in the court of the relevant CIS member State depends on the place of performance of the obligation under the foreign economic transaction. Available on "ConsultantPlus".

(f) the supplier, independent-work contractor, or provider of services or performer of work who is a counter-party is located there, and the dispute concerns the conclusion, change, or dissolution of contracts (Article 4(1)).

Alongside with the rules of determination of general jurisdiction (Article 4(1)), the Kiev Agreement also regulates exclusive jurisdiction. Suits filed by subjects of economic activity concerning the right of ownership to immoveable property are considered solely by a court of a Contracting State on whose territory the property is situated (Article 4(3)). Cases concerning the deeming invalid wholly or in part acts of State and other agencies not having a normative character, and also compensation of losses caused to economic subjects by such acts or which arose as a consequence of the improper performance by such agencies of their duties with regard to economic subjects, are considered solely by a court at the location of the said agency (Article 4(4)). A counter-suit and demand for a set-off arising from the same legal relation as the basic suit is subject to being considered in the court which considers the basic suit (Article 4(5)) – also being the grounds for exclusive jurisdiction together with the two mentioned previously.

The contractual jurisdiction defined by the Kiev Agreement assumes that the court of the Contracting State considers cases also if there is a written agreement of the parties to transfer a dispute to this court. When there is such an agreement, the court of the other Contracting State terminates the proceedings in the case upon the application of the defendant if such an application was made before the adoption of a decision in the case (Article 4(2)). The prorogation agreement cannot change the exclusive jurisdiction of a court competent to consider the case in accordance with Article 4(3)–(4) of the Kiev Agreement.

Thus, for courts of Contracting States to the Kiev Agreement, that Agreement is the principal specialized international treaty regulating jurisdiction with regard to economic disputes. Because, however, Georgia and Moldova are not parties, the rules of the Minsk Convention apply to determine jurisdiction in economic disputes in which citizens or juridical persons from those States are involved because the Minsk Convention has more Contracting States than does the Kiev Agreement.

Alongside with participation in the Minsk Convention and the Kiev Agreement both Russia and Belarus have a large number of bilateral legal assistance treaties relating to civil, family, and criminal cases; these treaties also address jurisdiction over economic disputes. As a rule, the place of residence on the territory of a State by a natural person or the location of a management organ of a juridical person, representation, or branch of a juridical person is the basis on which the court of a Contracting State to a bilateral treaty is competent to consider the dispute. The question then arises of the priority or correlation of the multilateral and bilateral treaties concluded by Russia and Belarus and the relevant norms of national legislation laid in the Code of Arbitrazh Procedure and the Code of Economic Procedure.

Pursuant to general principles of Public International Law and Private International Law, and also taking into consideration the explanations of higher judicial organs of Russia and Belarus, set out in a number of documents (see: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 23 "On Conside-ration by Arbitrazh courts of the Cases on Economic Disputes Arising from the Relations Complicated by a Foreign Element" of 27 June 2017 and also Decree of the Plenum of the Supreme Economic Court of the Republic Belarus No. 21 "On Certain Issues of Consideration by Economic Courts of the Republic of Belarus of Case with Participation of Foreign Persons" of 31 October 2011[31] one may conclude the following.

In order to determine the jurisdiction of disputes with respect to foreign persons of those States with which Russia and Belarus have bilateral treaties on legal assistance, those treaties are applied[32]. In the absence of bilateral treaties to which post-Soviet States are parties, with regard to jurisdiction over economic disputes between citizens of post-Soviet States or between natural and juridical persons of those States, the provisions of the Kiev Agreement apply, and if citizens or juridical persons of Georgia or Moldova

[31] See: National Register of Legal Acts of the Republic Belarus (2011), No. 130, item 6/1092. According to point 4 of the Plenum Decree, international treaties of the Republic Belarus on questions of International Civil Procedure are subject to application by economic courts as follows: when considering cases with the participation of foreign persons from CIS countries which are parties to the Kiev Agreement, the economic court should be guided by the Kiev Agreement because of the *lex specialis* character of its norms. The Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family, and Criminal Cases concluded at Kishinev on 7 October 2002 (hereinafter: Kishinev Convention) is applied unless these legal relations have been regulated by the Kiev Agreement. With respect to CIS countries which are not parties thereto, the Minsk Convention applies. When considering cases with the participation of foreign persons from States with which Belarus has concluded bilateral legal assistance treaties, the provisions of the bilateral treaties apply. When considering cases with the participation of foreign persons from other States, the universal multilateral treaties apply to which Belarus is a party: the 1954 Hague Convention on Civil Procedure; the 1961 Hague Convention Abolishing the Requirement of Legalization for Foreign Public Documents, the 1965 Hague Convention on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters, the 1968 European Convention on Information on Foreign Law; and 1970 Hague Convention on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters.

[32] However, it should be taken into consideration that according to Decree of the Plenum of the Supreme Court of the RF No. 23 the special international treaty is subject to priority application irrespective of its participants and the time of adoption unless provided otherwise by the norms of international treaties.

are involved, the Minsk Convention applies. The rules of the Code of Arbitrazh Procedure of Russia and the Code of Economic Procedure of Belarus are applicable when determining jurisdiction if a party to a foreign economic transaction emanates from a State with which Russia or Belarus has neither a bilateral nor multilateral treaty containing provisions on establishing the jurisdiction of courts with regard to international commercial disputes.

(Ending in the next issue)

REFERENCES

1. *Agalarova M.A.* Ограничительные меры (реторсии) [Restrictive Measures (Retorsions)] // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий [Herald of the Siberian Institute of Business and Information Technologies], No. 1 (2017), pp. 52–56 (in Russ.).
2. *Beaumont P., Danov N., Trimmings K., Yuksel B. (eds.)* Cross-Border Litigation in Europe (Studies in Private International Law Series). Hart Publishing, 2017.
3. *Bogdanova N.A.* Виды соглашений о международной подсудности [Types of Agreements on International Jurisdiction] // Администратор суда [Court Administrator], No. 1 (2019), pp. 42–46 (in Russ.).
4. *Bogdanova N.A.* Право, применимое к форме соглашений о международной подсудности [Law Applicable to the Form of Agreements on International Jurisdiction] // Междунар. публичное и частное право [International Public and Private Law], No. 5 (2017), pp. 8–11 (in Russ.).
5. *Boklan D.S.* Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов [Eurasian Economic Union and World Trade Organization: Correlation of Legal Regimes] // Право. Журнал ВШЭ [Law. Journal of the Higher School of Economics], No. 2 (2017), pp. 223–236 (in Russ.).
6. *Boklan D.S., Lifshits I.M.* Действие принципа верховенства права в Евразийском экономическом союзе [Operation of the Principle of Supremacy of Law in the Eurasian Economic Union] // Междунар. право [International Law], No. 2 (2016), pp. 1–13 (in Russ.).
7. *Born G.B., Rutledge P.B.* International Civil Litigation in the United States Courts (Aspen Casebook Series). Wolters Kluwer, 2018.
8. *Branovitskii K.L.* Тенденции развития европейского процесса на современном этапе и перспективы сближения на евразийском пространстве [Developmental Trends of the European Process at the Contemporary Stage and Prospects for Coming Together in European Space] // Вестник гражданского процесса [Herald of Civil Procedure], No. 3 (2017), pp. 204–220 (in Russ.).
9. *Bublik V.A., Semyakin M.N., Gubareva A.V.* Модернизация правового пространства стран Евразийского экономического союза [Modernization of the Legal Space of the States of the Eurasian Economic Union] // Междунар. публичное и частное право [International Public and Private Law], No. 4 (2020), pp. 36–39 (in Russ.).
10. *Butler W.E.* Евразийское юридическое пространство – лаборатория сравнительного правоведения [Eurasian Legal Space – Laboratory of Comparative Law] // Евразийский юрид. журнал [Eurasian Legal Journal], No. 7 (2011), pp. 6–9 (in Russ.).
11. *Butler W.E.* "Law Reform in the CIS", Sudebnik, I (1996), pp. 9–32.
12. *Calster G. van* European Private International Law: Commercial Litigation in the EU. Hart Publishing, 2021.
13. *Datsko R.A., Kudriavtseva L.V.* Проблемы рассмотрения дел с участием иностранных юридических лиц в российском арбитражном процессе [Problems of the Consideration of Cases with the Participation of Foreign Juridical Persons in Russian Arbitrazh Procedure] // Полиматис [Polymatis], No. 4 (2017), pp. 14–20 (in Russ.)
14. *Dikhtiar A.I.* Взаимодействие правовых систем государств – членов Евразийского экономического союза: теоретические аспекты [Interaction of Legal Systems of the States – Members of the Eurasian Economic Union: Theoretical Aspects] // Современное общество и право [Contemporary Society and Law], No. 1 (44) (2020), pp. 72–81 (in Russ.).
15. *Drozdova S.A.* Таможенный союз и Единое экономическое пространство – основа формирования Евразийского экономического союза [The Customs Union and the Common Economic Space are the basis for the formation of the Eurasian Economic Union] // Таможенное дело [Customs Affairs], No. 4 (2014), pp. 12–15.
16. *Elistratova V.V.* Формирование правовой системы Евразийского экономического союза [Forming of the Legal System of the Eurasian Economic Union] // Вестник СГЮА [Herald of Saratov State Legal Academy], No. 1 (2017), pp. 46–51 (in Russ.).
17. *Fedorenko Yu. V., Balyan V.V.* Участие иностранных лиц в российском арбитражном процессе [Participation of Foreign Person in Russian Arbitrazh Procedure] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление [Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management], No. 8 (2019), pp. 110–112 (in Russ.).
18. *Fedortsov A.A.* Интеграционное и национальное правосудие в Евразийском экономическом союзе [Integration and National Justice in the Eurasian

Economic Union] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence], No. 1 (2017), pp. 36–39 (in Russ.).

19. *Fentiman R.* International Commercial Litigation. Oxford, 2015.
20. *Gadzhiev G.B.* Правовые аспекты создания Содружества Независимых Государств [Legal Aspects of the Creation of the Commonwealth of Independent States] // История государства и права [History of State and Law], No. 1 (2016), pp. 62–64 (in Russ.).
21. *Garmash V.A., Pelipenko D.S.* Взаимность и реторсии в международном частном праве [Reciprocity and Retortions in Private International Law] // Аллея науки [Alley of Science], vol. 1, No. 10 (2018), pp. 738–741 (in Russ.).
22. *Get'man-Pavlova I.V., Kasatkina A.S., Filatova M.A.* Международный гражданский процесс: учеб. [International Civil Procedure: textbook]. M., 2020 (Сер. «Высшее образование») [The Higher Education Series] (in Russ.).
23. *Hartley T.* International Commercial Litigation: Text, Cases and Materials on Private International Law. Cambridge, 2020.
24. *Kakitelashvili M.M.* Три года ЕАЭС: перспективы дальнейшей интеграции [Three Years of the EAES: Prospects of Further Integration] // Законы России: опыт, анализ, практика [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], No. 5 (2018) (in Russ.).
25. *Khalipov S.V.* Система таможенного права и структура Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [The System of Customs Law and the Structure of the Customs Code of the Eurasian Economic Union] // Росс. экономический вестник [Russian Economic Bulletin], No. 1 (2018), pp. 91–98 (in Russ.).
26. *Kapustin A. Ya.* Право Евразийского экономического союза: подходы к концептуальному осмыслению [The Law of the Eurasian Economic Union: Approaches to Theoretical Conceptualization] // Современный юрист [Contemporary Lawyer], No. 1 (2015) (in Russ.).
27. *Kulikova N.I., Plotnikov A. Yu.* Таможенный союз как форма экономической интеграции: юридические аспекты практики ЕАЭС [The Customs Union as a Form of Economic Integration: Legal Aspect of the EAEU Practices] // Страховое право [Insurance Law], No. 1 (82) (2019), pp. 27–31 (in Russ.).
28. *Lazic V., Stuij S. (eds.)* International Dispute Resolution: Selected Issues in International Litigation and Arbitration (Short Studies in Private International Law Series). T.M.C. Asser Press, 2018.
29. *Luchkinskaia T.A., Berdegulova L.A.* Частноправовая реторсия в международном частном праве [Private-Law Retorsion in Private International Law] // Наука и общество в эпоху перемен [Science and Society in an Era of Changes], No. 1 (2015), pp. 104–106 (in Russ.).
30. *Makhniboroda I.M.* Характеристика международной процессуальной правоспособности [Characteristics of International-Procedure Legal Capacity] // Современное право [Contemporary Law], No. 11 (2010), pp. 130–133 (in Russ.).
31. *Mamaev A.A.* Международная судебная юрисдикция по трансграничным гражданским делам [International Judicial Jurisdiction in Cross-border Civil Cases]. M., 2008, pp. 36–44 (in Russ.).
32. *Mikaelian I.A.* Некоторые вопросы членства государств в Евразийском экономическом союзе и право Всемирной торговой организации [Some Questions of Membership of States in the Eurasian Economic Union and Law of the World Trade Organization] // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук [International Journal of the Humanities and Natural Sciences], II, No. 3 (2017), pp. 202–206 (in Russ.).
33. *Mokhova E.V.* Компетенция российских арбитражных судов по рассмотрению дел с участием иностранных лиц [Competence of Russian Arbitrazh Courts with Regard to Consideration of Cases with Participation of Foreign Persons] // Вестник Арбитражного суда Московского округа [Herald of the Arbitration Court of the Moscow District], No. 4 (2014), pp. 17–38 (in Russ.).
34. *Moiseev E.G. (ed.)* Международно-правовые основы создания и функционирования Евразийского экономического союза [International-Legal Foundations of the Creation and Functioning of the Eurasian Economic Union]. M., 2017 (in Russ.).
35. *Mokrov G.G.* Евразийский экономический союз. Единое таможенное регулирование [The Eurasian Economic Union. The Uniform Customs Regulation]. M., 2020 (in Russ.).
36. *Naumova E.A.* Новый механизм защиты прав в российском арбитражном процессуальном законодательстве при ограничении доступа к правосудию в иностранных судебных системах [New Mechanism of Protection of Rights in Russian Arbitrazh Procedure Legislation in the Situation of Restricted Access to Justice in Foreign Judicial Systems] // Нотариальный вестник [Notary Herald], No. 11 (2020), pp. 59–64 (in Russ.).
37. *Pogozheva M.I., Bataeva O.V.* Взаимность и реторсия в международном частном праве [Reciprocity and Retorsion in Private International Law] // Актуальные проблемы конституционного и международного права: материалы Второй ежегодной конф., 2018 [Topical Problems of Constitutional and International Law: Materials of the Second Yearly Conference, 2018], pp. 13–16 (in Russ.).
38. *Rozhkova M.* О некоторых аспектах соглашения о международной подсудности [On Certain Aspects of an Agreement of International Jurisdiction] // Хо-

зяйство и право [Economy and Law], No. 3 (2018), pp. 3–13 (in Russ.).

39. *Salmin'sh R. Yu.* Таможенно-правовое регулирование в Таможенном союзе Евразийского экономического союза [Customs Law Regulation in the Customs Union of the Eurasian Economic Union] // Отечественная юриспруденция [Fatherland Jurisprudence], No. 3 (2017), pp. 11–13 (in Russ.).
40. *Skryabina K.A.* Перспективы развития Содружества Независимых Государств [Perspectives of Development of the Commonwealth of Independent States] // Nauka.me, No. 3 (2020), p. 5 (in Russ.).
41. *Slizovsky D.E.* К вопросу об актуальных проблемах и перспективах развития Содружества Независимых Государств [On the Issue of the Topical Problems and Perspectives of Development of the Commonwealth of Independent States] // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права [Regional and Municipal Governance: Political, Economic and Legal Issues], No. 4 (18) (2019), pp. 35–42 (in Russ.).
42. *Sokolova N.A.* Евразийский экономический союз: правовая природа и природа права [Eurasian Economic Union: Legal Nature and Nature of Law] // Lex russica, No. 11 (2017), pp. 47–57 (in Russ.).
43. *Steinitz M.* The Case for an International Court of Civil Justice. Cambridge, 2018.
44. *Vardikian A.E., Degtiareva L.A.* Производство по делам с участием иностранных лиц [Proceedings in Cases with the Participation of Foreign Persons] // Молодежный научный форум: общественные и экономические науки [Youth Scientific Forum: Social and Economic Sciences], No. 11 (2016), pp. 730–735 (in Russ.).
45. *Volova L.I.* Совершенствование права Евразийского экономического союза в условиях новых вызовов и угроз [Improvement of the Law of the Eurasian Economic Union under New Challenges and Threats] // Северо-Кавказский юрид. вестник [Northern Caucasus Legal Herald], No. 1 (2017), pp. 24–31 (in Russ.).
46. *Yablochkov T.M.* Курс международного гражданского процессуального права [Course of International Civil Procedure Law]. Yaroslavl, 1909 (in Russ.).

Authors' information

BUTLER William Elliott –
B.A. (The American University); M.A. (John Hopkins University); J.D. (Harvard University); LL.M. (Academy University of Law, Russian Academy of Sciences); Ph.D. (Johns Hopkins University); LL.D. (London University); LL.D. honoris causa (Kiev University of Law); Foreign Member, National Academy of Sciences of Ukraine and National Academy of Legal Sciences of Ukraine; Corresponding Member, International Academy of Comparative Law; John Edward Fowler Distinguished Professor of Law and International Affairs, Dickinson Law School, Pennsylvania State University; 201 Old Main, University Park, PA 16802 USA

ERPYLEVA Natalia Yu. –
Doctor of Law, Professor, LL.M. (University of London), S.J.D. (Russian Academy of Civil Service), Head of the Department of Legal Regulation of Business, Faculty of Law, the National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

Сведения об авторах

БАТЛЕР Уильям Эллиот –
доктор права, академик РАЕН, действительный иностранный член Национальной академии наук Украины, профессор Пенсильванского государственного университета (США); 201 Old Main, University Park, PA 16802 USA

ЕРПЫЛЕВА Наталия Юрьевна –
доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования бизнеса факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 186–197
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 186–197

ЗНАЧИМЫЕ КОЛЛИЗИОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

© 2021 г. С. И. Крупко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: svetlana.krupko@gmail.com

Поступила в редакцию 26.03.2021 г.

Аннотация. В настоящей статье анализируются коллизионные интересы конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав и государства в целях установления наиболее тесной связи названного вида отношений с государством, право которого подлежит применению. С учетом направленности значимых коллизионных интересов, преимуществ и недостатков территориального и универсального подходов предложено теоретически обоснованное решение для формирования общей коллизионной нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав. В ходе проведенного исследования выявлено, что разнородность отношений интеллектуальных прав (их обязательственный и необязательственный, имущественный и личный неимущественный характер, иные различия в правовых свойствах) не порождает автоматически разнонаправленности значимых коллизионных интересов, подлежащих учету при установлении тесной связи названного вида отношений с государством для определения применимого права, не препятствует формированию общей коллизионной нормы для отношений интеллектуальных прав в целом и не свидетельствует однозначно в пользу специализации её привязки. Однако разнородность отношений интеллектуальных прав должна быть исследована и оценена на предмет целесообразности и пределов исключений из общего коллизионного правила и выработки специальных норм для разрешения отдельных частных отношений интеллектуальных прав.

Ключевые слова: коллизионное регулирование отношений интеллектуальных прав, коллизионные интересы, международное частное право, lex loci protectionis, lex originis, интеллектуальная собственность, проприетарные аспекты исключительных прав.

Цитирование: *Крупко С.И.* Значимые коллизионные интересы и их влияние на формирование коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав // Государство и право. 2021. № 10. С. 186–197.

DOI: 10.31857/S102694520017272-0

SIGNIFICANT CHOICE-OF-LAW INTERESTS AND ITS IMPACT ON THE FORMATION OF CHOICE-OF-LAW REGULATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY

© 2021 S. I. Krupko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: svetlana.krupko@gmail.com

Received 26.03.2021

Abstract. This article analyzes the choice-of-law interests of specific and potential participants in the relations of intellectual property rights and the state in order to establish the closest connection of the above type of relation with the state, whose law should be applied. Taking into account the directionality of significant choice-of-law interests, advantages and disadvantages of territorial and universal approaches, a theoretically based solution is proposed for the formation of a general choice-of-law rule on the law to be applied to the relation of intellectual property rights. It was revealed in the study that the diversity of the relations of intellectual property rights (their obligatory and non-obligatory, property and personal non-property nature, other differences in legal features) does not automatically generate a multidirectionality of significant choice-of-law interests that should be taken into account when establishing a close connection of the above type of the relation with the state for determination of applicable law, does not prevent the formation of a general choice-of-law rule for the relations of intellectual property rights in general and does not unequivocally testify in favor of the specialization of its binding. However, the diversity of the relations of intellectual property rights should be examined and evaluated for the feasibility and limits of exceptions from the general choice-of-law rule and the development of special rules for resolving certain private of the relations of intellectual property rights.

Key words: choice-of-law regulation of intellectual property rights, choice-of-law interests, private international law, lex loci protectionis, lex loci originis, intellectual property, proprietary aspect of exclusive rights.

For citation: *Krupko, S.I. (2021).* Significant choice-of-law interests and its impact on the formation of choice-of-law regulation in the field of intellectual property // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 186–197.

Общее коллизионное начало, которое определяет фактическую сферу действия законов, регулирующих частноправовые отношения в области интеллектуальной собственности в пространстве, формируется посредством выявления того коллизионного фактора, который с учетом значимых, абстрактно-генерализованных, презюмируемых, типичных коллизионных интересов (эмпирически локализуемых потребностей лиц, затронутых правом) и ценностей отражает наиболее тесную связь отношений интеллектуальных прав с государством. Кроме того, привязка коллизионной нормы должна обеспечивать решение общей задачи коллизионного регулирования частных отношений, осложненных иностранным элементом, по формированию эффективного и справедливого статута правоотношений. Об эффективности и справедливости статута отношений свидетельствует, в частности, то, что коллизионная норма обеспечивает предвидимость применимого права, правовую определенность, гибкость, функциональность коллизионного регулирования, внешнюю и внутреннюю гармонию решений, создает препятствия для обхода закона и forum shopping, а применяемое на её основании право обеспечивает высокий уровень действительности, осуществимости и непрерывности частноправовых отношений, стабильность гражданского оборота, эффективную реализацию и защиту субъективных прав с учетом оправданных ожиданий конкретных и потенциальных участников таких отношений и общества в условиях международного общения.

Как было показано в предыдущей публикации[1], проприетарный аспект исключительных прав является одним из наиболее значимых нормообразующих факторов в сфере коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав. Дуализм исключительного права, выражающийся в неразрывном единстве экономической функции и юридического содержания исключительного права, и первичность экономической функции исключительного права по отношению к его юридическому содержанию, играют определяющую роль при оценке значимых коллизионных интересов и взвешивании коллизионных ценностей применительно к отношениям интеллектуальных прав.

В данной статье в продолжение серии публикаций, посвященных теоретической основе коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности, анализируются значимые коллизионные интересы конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав и государства в целях установления права того государства, с которым исследуемый вид отношений наиболее тесно связан. С учетом направленности значимых коллизионных интересов, а также преимуществ и недостатков территориального и универсального подходов автором предложено решение для формирования общей коллизионной нормы российского законодательства о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав.

Значимые коллизионные интересы и их направленность

РИД, как и само исключительное право, нематериален и не имеет фактического места

[1] См.: *Крупко С. И.* Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав // Государство и право. 2021. № 8. С. 110–119. DOI: 10.31857/S102694520016390-0

нахождения в пространстве. Невозможно извлечь выгоду от фактического владения РИД, а место нахождения исключительного права невозможно привязать к месту нахождения его объекта. В силу нематериальности РИД и территориальности исключительных прав имущественный интерес правообладателя субъективного исключительного права, направленный на извлечение выгоды, может быть удовлетворен только посредством реализации экономической функции исключительного права в пределах рынка того государства или нескольких государств, на который «исключительность» права оказывает экономическое воздействие, на котором она создает для правообладателя благоприятные условия для извлечения экономической выгоды от «монополии» на использование РИД. Как писал А. Троллер, одно из проявлений тесной связи *исключительных прав* с применимым правом выражается в том, что нематериальная ценность сама не является предметом противоречивых желаний, поскольку только её физически реализованная форма выступает как источник дохода; следовательно, от физического предмета мы приходим к его экономической функции как исходному пункту привязки[2].

Конкретные участники отношений интеллектуальных прав, в первую очередь создатели РИД и правообладатели исключительных прав, чьи коллизионные интересы имеют главное значение при формировании привязки общей коллизионной нормы о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав, заинтересованы в применении того права, которому они доверяют, в котором они «окультурены». Их коллизионный интерес мог бы быть удовлетворен за счет заключения соглашения о выборе права, однако законодатель традиционно ограничивает автономию воли сторон на выбор права, применимого к отношениям статичных отношений собственности (вещных прав, исключительных прав и т.д.), которые имеют высокую публичную составляющую, являются системообразующим элементом экономической системы, влияют на конкурентную среду на национальном и международном рынках, затрагивают гарантируемые фундаментальные права человека и интересы неограниченного круга лиц, обязанных по отношению к создателю РИД и правообладателю исключительного права.

В отсутствие соглашения о выборе права доверие конкретных участников отношений вызывает, как правило, право того государства, которое является их личным законом. Безусловно, отношения интеллектуальных прав в определенной степени связаны с личным законом автора и правообладателя[3]. Однако конкретные участники отношений исключительных прав, для реализации правомочий которых, как правило, не требуется содействие или участие других лиц, заинтересованы прежде всего в применении права того государства, которое: 1) оправдает их ожидания при осуществлении их воли в отношении субъективного исключительного права как формы собственности и РИД как объекта собственности; 2) обеспечит эффективную реализацию экономической функции исключительного права, её защиту и восстановление; 3) создаст необходимые условия для удовлетворения имущественных потребностей создателя и правообладателя РИД посредством присвоения экономической ценности РИД, извлечения его полезных свойств и получения выгоды от господства над ним в пределах рынка, территориальные границы которого корреспондируют с территориальной сферой фактического действия субъективного исключительного права, обеспечит непрерывность и действительность отношений исключительных прав.

Из вышеизложенного следует, что коллизионные интересы конкретных участников отношений интеллектуальных прав не зависят от их личного закона[4], а направлены на применение права страны, в отношении которой испрашивается защита. Таким образом, начало верховенства над

[2] См.: *Troller A.* Das internationale Privat- und Zivilprozeßrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 68.

[3] Например, Хоффман полагал, что произведение является объективизацией автора, которому посредством применения lex personalis предоставляется та защита, которая была бы предоставлена автору тем правом, которому подчиняется создатель, а lex soli, определяющее гражданство (государственную принадлежность) физического лица, неразрывно примыкает к произведению, и распространяется в определенной степени за пределы государства происхождения на другие территории (цит. по: *Troller A.* Op. cit. S. 56). В законодательстве отдельных государств встречаются коллизионные нормы, предписывающие применение личного закона автора к отношениям интеллектуальных прав на неопубликованные объекты авторского права. Так, ст. 67 (1) Закона Греции об авторском праве, смежных правах и культурных ценностях предусматривает применение к интеллектуальным правам на необнародованные объекты авторского права страны, гражданином которого является автор, ст. 2609 (2) ГК Республики Молдова 2002 г. (в ред. 2019 г.) – национального закона автора, ст. 2632 (2) ГК Румынии 2011 г. и ст. 48 (1) ГК Португалии – личного закона автора.

[4] Как подчеркивал А. Троллер, право государства, гражданином которого является автор, или право государства, где автор проживает, не оказывает влияния на интеллектуальные права на произведение, поскольку процесс его создания не затрагивает отношения автора с его окружающим миром; только завершенный нематериальный объект как объект правомочий создает связь между создателем и другими лицами; в наследственных, семейных и личных неимущественных правах сохраняются публичные и гражданско-правовые связи субъекта с его родным обществом, а интеллектуальная деятельность находится в равном отношении со всеми государствами. Подробнее об отрицании тесной связи управомоченных с их государством в отношениях интеллектуальных прав см.: *Troller A.* Op. cit. S. 55, 56, 61, 62, 67, 68.

субъектом играет второстепенную роль при формировании коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав.

Круг потенциальных участников отношений интеллектуальных прав широк и охватывает прежде всего бенефициаров свободной конкуренции на национальном (региональном) рынке, территориальная сфера которого корреспондирует с территориальной сферой фактического действия субъективного исключительного права, а именно потребителей товаров и услуг, реализуемых на национальном (региональном) рынке, и хозяйствующих субъектов, осуществляющих на этом рынке деятельность. Отношения собственности и конкуренция составляют сущностную основу рыночных отношений, а исключительные права как разновидность отношений собственности оказывают прямое воздействие на функциональность национального (регионального) рынка.

Коллизионные интересы потенциальных участников отношений исключительных прав прежде всего направлены на применение права того государства, которое: 1) удовлетворит их интерес быть информированными об имущественном режиме исключительного права, включая информацию о пределах свободного использования РИД, основаниях и порядке выдачи принудительных лицензий, условиях исчерпания исключительных прав, иных ограничениях исключительных прав и свободной конкуренции, для руководства в вопросах использования РИД и избежания нарушений исключительного права и привлечения к ответственности за такое нарушение, которая нередко применяется на безвиновной основе; 2) оправдает их ожидания относительно пределов дозволенного и должного поведения, вытекающих из имущественного режима субъективного исключительного права[5]; 3) обеспечит стабильность гражданского оборота, непрерывность и эффективную реализацию универсальных предшествующих и последующих частноправовых отношений, неразрывно связанных с отношениями интеллектуальных прав, включая договорные гражданско-правовые и трудовые отношения по созданию РИД, а также частноправовые отношения по распоряжению исключительным правом (в т.ч. в рамках наследственных, имущественных семейных отношений, объектом которых являются исключительные права); 4) обеспечит согласованность отношений интеллектуальных прав с внедоговорными обязательственными отношениями, возникающими вследствие нарушения исключительного права.

Коллизионные интересы потенциальных участников отношений интеллектуальных прав так же, как и коллизионные интересы конкретных участников отношений интеллектуальных прав, не зависят от их личного закона и направлены на применение права страны, в отношении которой испрашивается защита.

Коллизионные интересы государства направлены на применение на своей территории своего права интеллектуальной собственности, чтобы по своему усмотрению, исходя из своих политических целей и задач: 1) осуществлять на своей территории контроль за интеллектуальной собственностью, её использованием, обеспечивая с помощью мер государственного принуждения эффективную реализацию исключительного права, его защиту и восстановление; 2) поддерживать на своем национальном рынке свободную конкуренцию с помощью стимулирующих и запретительных мер, ограничивать свободную конкуренцию посредством предоставления «монополии» на использование РИД, вытекающей из национального исключительного права, действующего в пределах территории данного государства. Кроме того, государство заинтересовано в применении своего права интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить информированность неограниченного круга обязанных и заинтересованных лиц о действующем на его территории имущественном режиме интеллектуальной собственности и ограничениях свободной конкуренции и, как следствие – стабильность гражданского оборота, правовую определенность, эффективное функционирование правовой системы и свободного рынка, исполнимость судебных решений по спорам о защите национальных интеллектуальных прав.

Как следует из вышеизложенного, значимые, типизированные, абстрактно-генерализованные коллизионные интересы конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав, общества и государства пересекаются преимущественно на территории государства, где имеет место реализация экономической функции субъективного исключительного права, где исключительное право (нематериальная ценность, в отношении которой предъявлены требования) может быть восстановлено должным образом или принудительно осуществлено[6]. Данные обстоя-

[5] А. Троллер обращал внимание на то, что центр тяжести отношений интеллектуальной собственности, согласно их действительной функциональной связи выражается в том, что запретительные нормы права интеллектуальной собственности действуют как по отношению к жителям страны, так и по отношению к проживающим за рубежом, если они действуют против объектов интеллектуальных прав сами или через третьих лиц (см.: *Troller A.* Op. cit. S. 62, 63).

[6] Хотя известно и иное мнение, например, Буркхардт в качестве одного из проявлений тесной связи субъективного права с применимым правом рассматривал юрисдикцию

тельства снижают значимость начала верховенства над субъектом при формировании коллизионной нормы о праве, подлежащем применению к интеллектуальным правам. Общая коллизионная норма о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, больше тяготеет к началу верховенства над территорией.

В силу территориальности исключительное право не обладает какой-либо экономической ценностью на «чужой» территории, «чужом» рынке. У государства отсутствуют основания и мотивы для расширения сферы действия своего права на иностранные интеллектуальные права. Вышеизложенное свидетельствует о наиболее тесной связи отношений исключительных прав и отношений интеллектуальных прав в целом с правом страны, в отношении которого испрашивается защита.

Однако «нематериальная» природа РИД, их повсеместность, декларирование lex protectionis как универсально признанного коллизионного принципа в сфере интеллектуальной собственности, а также материальная территориальность и независимость интеллектуальных прав, предоставляемый иностранным авторам и правообладателям национальный режим не приводят автоматически к императивному применению коллизионной привязки lex protectionis ко всем вопросам частноправовых отношений в сфере интеллектуальной собственности, особенно в отношении нерегистрируемых РИД[7]. Бесспорная императивность применения коллизионной привязки может следовать только из самой коллизионной нормы. Как верно отмечает Г. Динвуди, ряд правил международного частного права отражают территориальный принцип без какой-либо поддержки; специалисты в области коллизионного регулирования давно знают, что территориальность не ограничивает эффективное развитие международного частного права; в действительности, принцип территориальности принуждает к международному частному праву интеллектуальной собственности[8].

Определенные обстоятельства могут свидетельствовать в пользу подчинения отдельных частных вопросов отношений интеллектуальных прав праву страны иной, чем право страны, в отношении которой испрашивается защита. Особого внимания универсальный подход заслуживает при разрешении вопроса о праве, применимом к установлению первоначального правообладателя на РИД, созданный по договору, о праве, применимом к отношениям совместного обладания исключительным правом, и о праве, применимом к отношениям между работником и работодателем, возникающим по поводу РИД, созданного работником.

Lex loci protectionis v lex originis

Территориальный подход к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав, основанный на применении коллизионного принципа lex loci protectionis, сохранят преобладающее значение в международном частном праве. В российском праве данный принцип отражен в п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»[9] и в отдельных нормах международных договоров Российской Федерации. На основе территориального подхода сформулированы национальные коллизионные нормы законодательства Австрии, Албании, Армении, Беларуси, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Королевства Испания, Италии, Казахстана, Кыргызстана, КНР, Литвы, Молдовы, Польши, Румынии, Таджикистана, Турции, Узбекистана, Украины, Черногории, Швейцарии, Чехии, Эстонии, Южной Кореи, общие коллизионные нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав АЛИ-принципов[10], КЛИП-принципов[11], Корейско-японских

государственных судов на осуществление судебной защиты такого права (цит. по: *Troller A.* Op. cit. S. 51). А. Троллер критиковал это мнение, ссылаясь на то, что вопрос о том, где существует право как ценность, не зависит от решения вопроса о том, где существует право как правовое требование (Rechtsbefehl) (см.: ibid. S. 52).

На необходимость учитывать концепцию восстановления и осуществления прав интеллектуальной собственности обращают внимание также иностранные ученые (см., напр.: *Fawcett J.J.* Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011. P. 698. Ziff. 13.20; *Dicey A.V.* Dicey and Morris on the conflict of laws. London, 2012. 2–15. ed. P. 1116, 1117; *Wengler W.* Internationales Privatrecht. Berlin, New York, 1981. S. 262).

[7] На данный аспект обращают внимание, например, иностранные коллизионисты: *Jeger G., Vasella D.* in: 1: Internationales Privatrecht/Hrsg. Heinrich Honsell (Basler Kommentar). 3. Aufl. Basel, 2013. S. 926, 929; *Neuhaus P.H.* Die Grundbegriffe des internationalen Privatrechts. Tübingen, 1976. S. 179; Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. Oxford, 2013. P. 315.

[8] См.: *Graeme B.* Dinwoodie, Developing a Private International Intellectual Property Law: The Demise of Territoriality? 51 Wm. & Mary L. Rev. 711 (2009). P. 735, 766. URL: http://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol51/iss2/12. В исследуемом аспекте продолжает оставаться актуальным и высказывание Нойхауза середины 1970-х годов о том, что принцип территориальности используется как ударное слово там, где отсутствует ясное обоснование для выбранной привязки (см.: *Neuhaus P.H.* Op. cit. S. 179).

[9] См.: Росс. газ. 2019. 17 июля.

[10] См.: Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes // American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn., 2008.

[11] См.: Principles for Conflict of Law in Intellectual Property, developed by the CLIP Group funded by the Max Planck Society, Final Text, 1 December, 2011. URL: http://www.cl-ip.eu/_www/en/pub/home.html (дата обращения: 30.09.2021).

принципов[12], ТРАНСПАРЕНСИ-принципов[13], Киотского Руководства[14], Модельного закона об интеллектуальной собственности[15].

Применение территориального подхода обосновывается нередко тем, что lex protectionis является общепризнанным принципом коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности, наилучшим образом обслуживает дух и цели фундаментальных принципов территориальности интеллектуальных прав и национального режима[16]. В п/п. 26 преамбулы Регламента Рим-II lex loci protectionis обозначен как универсально признанный принцип в целях коллизионного регулирования в сфере интеллектуальной собственности ("the universally acknowledged principle of the lex loci protectionis"). Однако иностранные юристы неоднократно критиковали данное положение, подчеркивая, что lex loci protectionis не является императивным коллизионным правилом в сфере интеллектуальной собственности.

Сторонники территориального подхода к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав ссылаются на то, что коллизионный принцип lex protectionis закреплен в международных договорах и в силу этого должен рассматриваться как императивное правило, а также на коллизионный характер норм международных договоров о предоставлении национального режима. Особенно сильную поддержку данная позиция получила в сфере коллизионного регулирования объектов авторского права и смежных с ними прав, что обусловлено давней дискуссией о правовом характере нормы ст. 5(2) Бернской конвенции. Однако, как верно подчеркивает Й. Дрексль, вопрос о том, предполагает или предусматривает международный договор применение lex loci protectionis, остаётся дискуссионным[17]. На взгляд автора, квалификация нормы о предоставлении национального режима как коллизионной противоречит её природе и целям как инструмента международного публичного права.

Одним из распространенных аргументов в поддержку тесной связи отношений интеллектуальных прав на регистрируемые (депонируемые) РИД с правом страны, в отношении которой испрашивается защита, является то, что исключительное право на такой РИД возникает из акта государственной регистрации (депонирования), который имеет юридическую силу только на территории соответствующего государства и не может быть признан за рубежом[18], а требование государственной регистрации (депонирования) как основание возникновения субъективного исключительного права выражает особый публично-правовой интерес регистрирующего государства и подтверждает публично-правовую природу отношений интеллектуальных прав на регистрируемые РИД. Однако, по мнению автора, регистрируемость (депонируемость) РИД может рассматриваться только как дополнительный, а не основной и единственный аргумент в пользу применения права страны, в отношении которой испрашивается защита. Кроме того, регистрируемость (депонируемость) РИД не оправдывает императивность применения права страны, в отношении которой испрашивается защита, к отношениям интеллектуальных прав на регистрируемые (депонируемые) РИД.

Государственная регистрация, как справедливо отметил Конституционный Суд РФ, не затрагивает самого содержания гражданского права и не ограничивает свободу договоров, юридическое равенство, автономию воли и имущественную

[12] См.: Principles of Private International Law on Intellectual Property Rights in: Commentary on Principles o Private International Law on Intellectual Property Rights, 14 October 2010. URL: http://www.win-cls.sakura.ne.jp/pdf/28/08.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

[13] См.: Transparency Proposal on Jurisdiction, Choice of Law, Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Intellectual Property (October, 2009). URL: http://www.tomeika.jur.kyushu-u.ac.jp/ip/pdf/Transparency%20RULES%20%202009%20Nov1.pdf (дата обращения: 30.09.2021).

[14] См.: Guidelines on Intellectual Property and Private International Law ("Kyoto Guidelines"). URL: https://www.ila-hq.org/index.php/committees (дата обращения: 30.09.2021). 13 декабря 2020 г. данный документ – Киотское Руководство по интеллектуальной собственности и международному частному праву, разработанное комитетом «Интеллектуальная собственность и международное частное право» Ассоциации международного права, был утвержден на 79-й ежегодной конференции названной ассоциации. Ранее в юридической литературе данный документ именовался «ИЛА-принципы».

[15] См.: *Ahrens H.-J., McGuire M.-R.* Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung. Sellier european law publishers GmbH, München, 2012. § 21–32. S. 74–112.

[16] См., напр.: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. P. 301.

[17] См.: *Drexl J.* Teil 8 Internationales Immaterialgütterrecht in: Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: BGB. Band 12: Internationales Privatrecht II, Internationales Wirtschaftsrecht, Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 50–253). 7. Aufl. C.H. Beck. 2018. Rn. 231. URL: https://beck-online.beck.de (дата обращения: 30.01.2019); см. также: Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. P. 301, 305; *Ulmer E.* Die Immaterialgüterrechte im internationalen Privatrecht. Köln, 1975. S. 497.

[18] В иностранной доктрине Батиффоль высказывал мнение о том, что принцип территориальности для патентного права следует из государственного концессионного акта, а остальные интеллектуальные права тяжело центрируемы, потому что из-за духовной природы объекта они не требуют места в пространстве. Однако А. Троллер справедливо ему возражал, что выдача патента есть следствие, а не причина (см.: *Troller A.* Op. cit. S. 62, 63).

самостоятельность сторон *(Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 154-О)*; правовая природа отношений зависит от специфики правоотношений, состава участвующих в споре лиц, природы объекта имущественного правоотношения (п. 4 Постановления Конституционного Суда от 26.05.2011 г. № 10-П). Несмотря на то что упомянутые судебные акты приняты по спорам в отношении недвижимого имущества, позиции Конституционного Суда РФ о соотношении государственной регистрации и правовой природы отношений в полной мере применимы и к отношениям, связанным с интеллектуальными правами на регистрируемые (депонируемые) РИД. С учетом изложенного автор считает, что требование совершения юридико-технических действий (регистрации, депонирования) как предпосылка возникновения исключительного права на регистрируемые (депонируемые) РИД не имеет абсолютного (императивного) значения при установлении тесной связи отношений интеллектуальных прав на регистрируемый (депонируемый) РИД с применимым правом. Однако оно свидетельствует о повышенной публичной составляющей частноправовых отношений интеллектуальных прав на регистрируемые (депонируемые) РИД и особом интересе государства к контролю за такими исключительными правами, что надлежит учитывать и оценивать в качестве дополнительного аргумента в совокупности с другими, более значимыми основными факторами при выявлении наиболее тесной связи отношений интеллектуальных прав с применимым правом.

Государственная регистрация (депонирование) РИД не меняет его частноправовую природу как объекта гражданского права и гражданско-правовой характер отношений интеллектуальных прав, а также обязательственных отношений, возникающих по поводу распоряжения исключительным правом на регистрируемый (депонируемый) РИД или вследствие нарушения интеллектуальных прав на такой РИД, не затрагивает юридическое равенство участников таких отношений, автономию их воли, имущественную самостоятельность. Прежде всего юридико-технические действия по регистрации и депонированию РИД являются следствием проявления воли правообладателя в отношении потенциального места использования РИД (места реализации экономической функции исключительного права на РИД). Подавая заявку на регистрацию (депонирование), правообладатель осуществляет своё субъективное частное интеллектуальное право, так же как и первое опубликование произведения и исполнение объекта смежных прав являются результатом осуществления правообладателем принадлежащего ему субъективного частного права и выражают его волю в отношении места использования РИД. С учетом изложенного регистрируемость (депонируемость) РИД не исключает локализацию отношений интеллектуальных прав на такие РИД или частных вопросов таких отношений в государстве ином, чем государство, в котором РИД зарегистрирован.

Универсальный подход к коллизионному регулированию в сфере интеллектуальной собственности нашел отражение в законодательстве Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Греции, Молдовы, Португалии, Румынии, Турции, Хорватии, Черногории, проекте закона Сербии о международном частном праве, а также в негосударственных регуляторах – АЛИ-принципах, Корейско-японских принципах, Киотском Руководстве. Коллизионные нормы, содержащиеся в национальном законодательстве вышеназванных государств и основанные на универсальном подходе, имеют разные объемы и привязки. Большинство общих коллизионных норм, основанных на универсальном подходе, предназначены для определения права, применимого к отношениям интеллектуальных прав на нерегистрируемые РИД или объекты авторского и смежных с ними прав[19]. Однако норма ГК Португалии подчиняет отношения интеллектуальных прав на объекты промышленной собственности праву страны создания объекта промышленной собственности (ст. 48 (2) ГК Португалии). На основе универсального подхода также формируются коллизионные нормы о праве, применимом к отдельным частным вопросам отношений интеллектуальных прав, как, например, норма п. 3 ст. 1256 ГК РФ о праве, применимом для установления автора произведения, охраняемого

[19] Например, согласно ст. 2609 (1) ГК Республики Молдова 2002 г. (в ред. 2019 г.) к интеллектуальным правам на объекты авторского права применяется право страны, на территории которой произведение впервые доведено до сведения общественности путем выставления, распространения, опубликования, представления или любым другим способом. Нормы ст. 48 (1) ГК Португалии, ст. 67 (1) Закона Греции об авторском праве, смежных правах и культурных ценностях, ст. 2632 (1) ГК Румынии 2011 г. предписывают применять к интеллектуальным правам на обнародованные объекты авторского права право страны, на территории которой произведение впервые опубликовано. Статья 67 (2) Закона Греции об авторских и смежных правах и культурных делах подчиняет смежные с авторскими права праву страны, в которой осуществлено исполнение объекта смежных прав, или произведена звуковая, или визуальная, или звуковая и визуальная запись исполнения, или в которой передавалась радио- или телепередача, или в которой печатная публикация получила эффект. Известно также подчинение отношений интеллектуальных прав на необнародованные объекты авторского права праву страны, гражданином которого является автор, как это установлено ст. 67 (1) Закона Греции об авторском праве, смежных правах и культурных ценностях, или личному закону автора (см., например, ст. 2609 (2) ГК Республики Молдова 2002 г. (в ред. 2019 г.), ст. 2632 (2) ГК Румынии 2011 г., ст. 48 (1) ГК Португалии).

на территории Российской Федерации на основании международного договора, и первоначального правообладателя.

Сторонники универсального подхода полагают, что «применение права одной страны к параллельным, разнотерриториальным интеллектуальным правам на один и тот же идеальный объект способствует беспрепятственной международной торговле в сфере интеллектуальной собственности, правовой определенности и предвидимости. Они ссылаются также на то, что применение универсального подхода при коллизионном регулировании отношений интеллектуальных прав на объекты авторского права способствует достижению целей Бернской конвенции поддерживать международное распространение произведений.

Идея подчинить праву одного государства все субъективные разнотерриториальные параллельные интеллектуальные права на один и тот же идеальный объект, охраняемый в качестве РИД на территории разных государств, на первый взгляд практична и удобна. Однако осуществимость данной идеи и её преимущества перед территориальным подходом не столь очевидны.

Во-первых, применение универсального подхода к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав и определение статута отношений интеллектуальных прав на основании коллизионного принципа lex originis и его модификаций приводит к фрагментации материального регулирования отношений интеллектуальных прав внутри одного национального правопорядка. Так как место создания, место опубликования РИД одного вида, личные законы создателей РИД одного вида, охраняемых в пределах одного и того же государства, не совпадают, то отношения интеллектуальных прав на охраняемые в пределах территории одного государства РИД одного вида, например, на объекты авторского права, в случае применения универсального подхода к их коллизионному регулированию будут подчинены праву разных государств. В результате, содержание субъективных отношений интеллектуальных прав, субъективных прав и обязанностей авторов, правообладателей и, как следствие, неограниченного круга обязанных лиц будут существенно различаться в пределах территории одного государства. При таких обстоятельствах возникает практическое неудобство из-за правовой неопределенности. Представляется чрезмерным требовать от неограниченного круга обязанных лиц определять свои обязанности по отношению к правообладателям исключительного права на РИД, охраняемые в пределах территории одного государства, на основании права государства, где имело место создание или первое опубликование РИД или на основании личного закона конкретного автора. Во-первых, информация о происхождения РИД не находится в открытом, публичном доступе. Во-вторых, определение места происхождения РИД требует специальных юридических знаний, которыми большинство обязанных лиц, противопоставляемых правообладателю исключительного права, не обладает. В-третьих, учитывая количество РИД, используемых одним субъектом, а также то, что место происхождения РИД, охраняемых в пределах одного государства, различается, представляется крайне затруднительным определять содержание названного локализующего фактора и правового режима охраны в отношении каждого РИД. Более того, если право одного государства, подлежащее применению к отношениям интеллектуальных прав на конкретный РИД на основании отсылки к месту происхождения РИД, предоставляет более низкий уровень правовой охраны, чем право какого-либо другого государства, являющегося местом происхождения другого РИД такого же вида, охраняемого в пределах того же государства, что и первый РИД, то правообладатель первого РИД может воспользоваться режимом наибольшего благоприятствования, предоставленного нормами отдельных международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, например, ст. 4 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)[20], что снижает предсказуемость содержания режима правовой охраны РИД и стабильность гражданского оборота.

Из вышеизложенного следует, что универсальный подход к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав не гарантирует применение права одной страны к субъективным разнотерриториальным, параллельным интеллектуальным правам на один и тот же идеальный объект даже в пределах одного национального правопорядка;

Во-вторых, применение к немобильным, относительно территориальным отношениям интеллектуальных прав права иного, чем право страны, в отношении которой испрашивается защита, может привести к нарушению баланса частных и публичных интересов, сформированного национальным позитивным правом страны, в отношении которой испрашивается защита, что негативно сказывается на международном экономическом общении.

[20] Заключено в г. Марракеше 15.04.1994 г. (с изм. от 06.12.2005 г.).

Личные неимущественные интеллектуальные права создателя РИД (право называться автором, изобретателем и т.д., право на неприкосновенность произведения и т.д.) характеризуются как фундаментальные естественные права человека. Кроме того, лицо, творческим трудом которого создан РИД, рассматривается как слабая сторона. Данные обстоятельства свидетельствуют о высокой публичной составляющей в отношениях интеллектуальных прав. Императивными нормами права многих государств установлена непередаваемость личных неимущественных интеллектуальных прав, запрет или ограничения на передачу отдельных имущественных правомочий, например, запрет обращения взыскания на принадлежащее автору имущественное интеллектуальное право, наследование соавторами части имущественного интеллектуального права после смерти другого соавтора и в отсутствие наследников по закону и завещанию и т.д.). Такие запреты и ограничения передаваемости интеллектуальных прав вводятся в интересах создателя РИД как более слабой стороны и как субъекта, имеющего особую связь с результатом творчества.

Кроме того, ограничения передаваемости интеллектуальных прав вводятся и в интересах общества в целях защиты прав потребителей и конкурентной среды на рынке (например, в ряде государств передача товарного знака разрешена только вместе с предприятием).

Такие запреты и ограничения, установленные императивными нормами права интеллектуальной собственности государства, в отношении которого испрашивается защита, нередко оцениваются судами этого государства как элемент публичного порядка. В этой связи императивные нормы, защищающие создателя РИД как слабую сторону (например, право автора на возврат исключительного права, нормы о взаимоотношениях автора-работника и работодателя касательно служебных объектов, право автора на вознаграждение за публичное исполнение РИД), могут квалифицироваться судами как нормы непосредственного применения, исключающие применение норм иностранного права, которые должны были бы применяться в силу коллизионных норм. Иностранному праву не всегда известны отдельные правомочия, известные праву страны, в отношении которой испрашивается защита, или наоборот, иностранному праву могут быть известны такие правомочия, которые не известны праву страны, в отношении которой испрашивается защита. Подчинение отношений интеллектуальных прав праву страны иной, чем право страны, в отношении которой испрашивается защита, в первом случае повлечет сужение прав автора / правообладателя и, как следствие, сужение обязанностей неограниченного круга лиц, а во втором случае – расширение прав автора / правообладателя и расширение обязанностей неограниченного круга лиц[21]. Кроме того, следует учитывать, что нарушение исключительного права представляет собой негативную концепцию исключительного права. Подчинение отношений интеллектуальных прав, включая содержание и ограничения исключительного права, условия свободного использования РИД, праву страны иной, чем право страны, в отношении которой испрашивается защита, а деликтных отношений вследствие нарушения исключительного права праву страны, в отношении которой испрашивается защита, создает риск несогласованности названных видов системно взаимосвязанных отношений, а именно несогласованности состава и нарушения исключительного права, с одной стороны, и деликтной ответственности за нарушение исключительного права – с другой.

Таким образом, высока вероятность противоречия последствий применения норм иностранного права интеллектуальной собственности, подлежащего применению в силу «универсальной» коллизионной привязки, публичному порядку и нормам непосредственного применения страны, в отношении которой испрашивается защита интеллектуального права.

В-третьих, коллизионное регулирование отношений интеллектуальных прав на основе универсального подхода усложняет правоприменение вследствие сигнификативной и квантитативной вариативностей содержания коллизионного фактора и его темпоральной и волюнтативной обусловленности в конкретном случае, а также вследствие того, что для установления содержания коллизионного фактора в конкретном случае необходимо предварительно дать правовую оценку обстоятельствам на основании права, которое еще не определено. Привязки, основанные на универсальном подходе, не обеспечивают требуемой для

[21] На данное обстоятельство обращают внимание иностранные авторы. В частности, по мнению Г. Остина, применение универсального подхода затруднительно, если материальное право интеллектуальной собственности определенной страны включает уникальные признаки или характеристики, как, например, право на возврат ранее переданного права (right to reclaim), или когда распределение интеллектуальных прав между работником и работодателем отражает политику государства, или если передача интеллектуального права нарушает императивное правило в одной из стран, для которой и осуществляется такая передача. Г. Остин приводит в качестве примера дело Huston v Law Cinq Judgement of May 28 1991, Cass Civ 1re, 1991 JCP.II.21731 (см.: *Austin G.* Private International Law on Intellectual Property: A Common Law Overview. WIPO/PIL/01/5. P. 16. Ziff. 42. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_pil_01/wipo_pil_01_5.pdf (дата обращения: 05.02.2021)).

отношений интеллектуальной собственности высокой степени предвидимости и стабильности статута отношений интеллектуальных прав, не обеспечивают внутреннюю и внешнюю гармонию решений, не обеспечивают формирование справедливого и эффективного коллизионного статута.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что веские аргументы в пользу наиболее тесной связи отношений интеллектуальных прав в целом, в т.ч. всех вопросов отношений интеллектуальных прав на объекты авторского права и смежных с ними прав, с правом страны места происхождения РИД (правом места создания РИД, места обнародования РИД, личным законом автора или правообладателя и иными модификациями lex originis) и в пользу формирования **общего** коллизионного правила о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав, на основании универсального подхода (коллизионного принципа lex originis) отсутствуют, на что обращают внимание и иностранные авторы[22]. Кроме того, универсальный подход к коллизионному регулированию отношений интеллектуальных прав: 1) не учитывает в должной мере направленность коллизионных интересов конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав, коллизионных интересов государства; 2) усложняет правоприменение ввиду необходимости предварительной оценки обстоятельств для установления содержания коллизионного фактора в конкретном случае, сигнификативной, темпоральной, квантитативной вариативностей содержания коллизионного фактора и его волюнтативной обусловленности в конкретном случае; 3) не обеспечивает требуемой для отношений интеллектуальной собственности высокой степени предвидимости применимого права и стабильности статута отношений интеллектуальных прав; 4) не обеспечивает внутреннюю и внешнюю гармонию решений; 5) не обеспечивает формирование справедливого и эффективного коллизионного статута.

По мнению автора, универсальный подход допустимо и целесообразно применять только при разрешении отдельных частных вопросов отношений интеллектуальных прав (например, при определении права, применимого при установлении первоначального правообладателя интеллектуальных прав, к отношениям между работодателем и работником, возникающим в связи с созданием служебного РИД, к отношениям между сообладателями исключительного права, но не формировать на его основе общую норму о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав, в том числе о праве, применимом к отношениям интеллектуальных прав на объекты авторского права и смежных с ними прав). Однако данные вопросы требуют специального подробного разъяснения, что в силу ограниченного объема настоящей статьи, не представляется возможным.

* * *

Обобщая вышеизложенное, автор считает, что дуализм исключительного права, выражающийся в неразрывном единстве экономической функции и юридического содержания исключительного права, и первичность экономической функции исключительного права по отношению к его юридическому содержанию, являются определяющими при оценке значимости и направленности абстрактно-генерализованных, презюмируемых, типичных коллизионных интересов конкретных и потенциальных участников отношений интеллектуальных прав и государства (эмпирически локализуемых потребностей лиц, затронутых правом) и взвешивании коллизионных ценностей применительно к отношениям интеллектуальных прав.

Разнородность отношений интеллектуальных прав (их обязательственный и необязательственный, имущественный и личный неимущественный характер иные различия в правовых свойствах интеллектуальных прав) не препятствует формированию общей коллизионной нормы для отношений интеллектуальных прав в целом и не порождает автоматически разнонаправленности коллизионных интересов и не свидетельствует однозначно в пользу диверсификации объема и специализации привязки коллизионной нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав. Однако разнородность отношений интеллектуальных прав должна быть исследована и оценена на предмет целесообразности и пределов исключений из общего коллизионного правила и выработки специальных норм для разрешения отдельных частных коллизионных вопросов отношений интеллектуальных прав.

С учетом того, что отношения интеллектуальных прав преимущественно статичны, затрагивают интересы неограниченного круга лиц, чувствительны для отдельных элементов публичного порядка, их системообразующий элемент – исключительные права, как правило, имеют абсолютную правовую природу, на взгляд автора, коллизионная привязка

[22] Так, по мнению А. Биркманн, привязка к месту создания произведения не отражает достаточной правовой связи правопорядка с автором, с процессом создания произведения, вследствие чего не гарантирует справедливого результата (см.: *Birkmann A.* Die Anknüpfung der originären Inhaberschaft am Urheberrecht. Baden-Baden; Bern, 2009. S. 46; см. также по данному вопросу: *Troller A.* Op. cit. S. 52, 56, 61, 62, 67, 68).

общей коллизионной нормы о праве, подлежащем применению к отношениям интеллектуальных прав, сформированная на основании территориального подхода (коллизионного принципа lex loci protectionis), должна быть жесткой, однозначной, фактической, императивной, безусловной, объектной, исполнимой, способствовать справедливому результату, правовой предвидимости, внутренней и внешней гармонии решений и препятствовать обходу закона и forum shopping. Из всех вариантов «территориальных» коллизионных привязок[23] предпочтение следует отдать привязке, отсылающей к праву страны, в отношении которой испрашивается защита. Она проста для применения, не требует разрешения предварительных материальных и коллизионных вопросов, правовой оценки обстоятельств при толковании отдельных юридических терминов, выражающих коллизионную привязку. Значение коллизионного фактора «страна, в отношении которой испрашивается защита» устойчиво в сигнификативном, темпоральном, квантитативном и волюнтативном аспектах и легко устанавливаемо на всех стадиях существования правоотношений интеллектуальных прав (в т.ч. до подачи заявки, до момента регистрации и депонирования РИД, до обнародования РИД), не зависит от места совершения действий по использованию РИД, вида РИД, характера и правовых свойств интеллектуального права, его пространственной сферы действия, от судебного и внесудебного порядка применения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крупко С.И.* Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе lex loci protectionis: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 5. С. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko
2. *Крупко С.И.* Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на универсальном подходе, в сфере интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 6. С. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupko
3. *Крупко С.И.* Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере коллизионного регулирования отношений интеллектуальных прав // Государство и право. 2021. № 8. С. 110–119. DOI: 10.31857/S102694520016390-0
4. *Ahrens H.-J., McGuire M.-R.* Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung. Sellier european law publishers GmbH, München, 2012. § 21–32. S. 74–112.
5. *Austin G.* Private International Law on Intellectual Property: A Common Law Overview. WIPO/PIL/01/5. P. 16. Ziff. 42. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_pil_01/wipo_pil_01_5.pdf (дата обращения: 05.02.2021).
6. *Birkmann A.* Die Anknüpfung der originären Inhaberschaft am Urheberrecht. Baden-Baden; Bern, 2009. S. 46.
7. *Dicey A.V.* Dicey and Morris on the conflict of laws. London, 2012. 2–15. ed. P. 1116, 1117.
8. *Drexl J.* Teil 8 Internationales Immaterialgütterrecht in: Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: BGB. Band 12: Internationales Privatrecht II, Internationales Wirtschaftsrecht, Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 50–253). 7. Aufl. C.H. Beck. 2018. Rn. 231. URL: https://beck-online.beck.de (дата обращения: 30.01.2019).
9. *Fawcett J.J.* Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011. P. 698. Ziff. 13.20.
10. *Graeme B.* Dinwoodie, Developing a Private International Intellectual Property Law: The Demise of Territoriality? 51 Wm. & Mary L. Rev. 711 (2009). P. 735, 766. URL: http://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol51/iss2/12.
11. Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes // American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn., 2008.
12. *Jeger G., Vasella D.* in: 1: Internationales Privatrecht/Hrsg. Heinrich Honsell (Basler Kommentar). 3. Aufl. Basel, 2013. S. 926, 929.
13. Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. Oxford, 2013. P. 301, 305, 315.
14. *Neuhaus P.H.* Die Grundbegriffe des internationalen Privatrechts. Tübingen, 1976. S. 179.
15. *Troller A.* Das internationale Privat- und Zivilprozeßrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 51–52, 55, 56, 61–63, 67, 68.
16. *Ulmer E.* Die Immaterialgüterrechte im internationalen Privatrecht. Köln, 1975. S. 497.
17. *Wengler W.* Internationales Privatrecht. Berlin, New York, 1981. S. 262.

[23] Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на территориальном и универсальном подходах, их преимущества и недостатки проанализированы в предыдущих работах. Подробнее см.: *Крупко С.И.* Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на коллизионном принципе lex loci protectionis: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 5. С. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko; *Ее же.* Модификации и толкование коллизионных факторов, основанных на универсальном подходе, в сфере интеллектуальной собственности: сравнительно-правовой анализ // Труды ИГП РАН. 2020. № 6. С. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupko

REFERENCES

1. *Krupko S.I.* Modifications and interpretation of conflict factors based on the conflict principle lex loci protectionis: comparative legal analysis // Proceedings of the ISL of the RAS. 2020. No. 5. P. 74–96. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-5-krupko (in Russ.).
2. *Krupko S.I.* Modifications and interpretation of conflict factors based on a universal approach in the field of intellectual property: comparative legal analysis // Proceedings of the ISL of the RAS. 2020. No. 6. P. 169–189. DOI: 10.35427/2073-4522-2020-15-6-krupkovo (in Russ.).
3. *Krupko S.I.* Proprietary aspect of exclusive rights as a norm-forming factor in the sphere of conflict-of-laws regulation of intellectual property rights relations // State and Law. 2021. No. 8. P. 110–119. DOI: 10.31857/S102694520016390-0 (in Russ.).
4. *Ahrens H.-J., McGuire M.-R.* Modellgesetz für Geistiges Eigentum. Normtext und Begründung. Sellier european law publishers GmbH, München, 2012. § 21–32. S. 74–112.
5. *Austin G.* Private International Law on Intellectual Property: A Common Law Overview. WIPO/PIL/01/5. P. 16. Ziff. 42. URL: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_pil_01/wipo_pil_01_5.pdf (accessed: 05.02.2021).
6. *Birkmann A.* Die Anknüpfung der originären Inhaberschaft am Urheberrecht. Baden-Baden; Bern, 2009. S. 46.
7. *Dicey A.V.* Dicey and Morris on the conflict of laws. London, 2012. 2–15. ed. P. 1116, 1117.
8. *Drexl J.* Teil 8 Internationales Immaterialgütterrecht in: Münchener Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: BGB. Band 12: Internationales Privatrecht II, Internationales Wirtschaftsrecht, Einführungsgesetz zum Bürgerlichen Gesetzbuche (Art. 50–253). 7. Aufl. C.H. Beck. 2018. Rn. 231. URL: https://beck-online.beck.de (accessed: 30.01.2019).
9. *Fawcett J.J.* Intellectual property and Private International Law. Oxford, 2011. P. 698. Ziff. 13.20.
10. *Graeme B.* Dinwoodie, Developing a Private International Intellectual Property Law: The Demise of Territoriality? 51 Wm. & Mary L. Rev. 711 (2009). P. 735, 766. URL: http://scholarship.law.wm.edu/wmlr/vol51/iss2/12.
11. Intellectual Property: Principles Governing Jurisdiction, Choice of Law, and Judgments in Transnational Disputes // American Law Institute: Intellectual property. St. Paul, Minn., 2008.
12. *Jeger G., Vasella D.* in: 1: Internationales Privatrecht/Hrsg. Heinrich Honsell (Basler Kommentar). 3. Aufl. Basel, 2013. S. 926, 929.
13. Max-Planck-Gesellschaft zur Förderung der Wissenschaften, European Max-Planck Group for Conflict of Laws in Intellectual Property: Conflict of laws in intellectual property. Oxford, 2013. P. 301, 305, 315.
14. *Neuhaus P.H.* Die Grundbegriffe des internationalen Privatrechts. Tübingen, 1976. S. 179.
15. *Troller A.* Das internationale Privat- und Zivilprozeßrecht im gewerblichen Rechtsschutz und Urheberrecht. Basel, 1952. S. 51–52, 55, 56, 61–63, 67, 68.
16. *Ulmer E.* Die Immaterialgüterrechte im internationalen Privatrecht. Köln, 1975. S. 497.
17. *Wengler W.* Internationales Privatrecht. Berlin, New York, 1981. S. 262.

Сведения об авторе

КРУПКО Светлана Игоревна –
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KRUPKO Svetlana I. –
PhD in Law, associate Professor, senior researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 198–204
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 198–204

ЗА РУБЕЖОМ

УДК 340

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

© 2021 г. Н. И. Хлуденева[1, *], Д. А. Фицай[2, **]

[1]Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва
[2]Юридический институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск

**E-mail: khludeneva@mail.ru*
***E-mail: dar.vysotzckaya2010@yandex.ru*

Поступила в редакцию 16.12.2020 г.

Аннотация. В настоящей статье исследуется судебный порядок защиты прав граждан и общественных интересов в сфере охраны окружающей среды в Китайской Народной Республике. Авторы статьи провели анализ нормативных правовых актов Китая, регламентирующих деятельность специализированных судов по охране окружающей среды. В процессе проведения исследования выявлены особенности создания таких судов, а также представлен анализ судебной практики по рассмотрению споров в сфере охраны окружающей среды.
Кроме того, в работе показано, что только общественные организации и органы прокуратуры уполномочены подавать в специализированные суды по охране окружающей среды иски в защиту общественных интересов в сфере охраны окружающей среды. В то время как обращения в них граждан действующим законодательством не предусмотрено, поскольку защита экологических прав каждого осуществляется в общем порядке путем обращения в народные суды Китайской Народной Республики. В результате исследования авторы пришли к выводу, что реформирование экологического правосудия в Китае продолжается в направлении правовой регламентации деятельности специализированных судов по охране окружающей среды. При этом китайский опыт защиты публичных интересов в сфере охраны окружающей среды общественными организациями или органами прокуратуры в экологических судах свидетельствует о повышении качества правосудия в рассмотрении такой категории дел, поскольку решения принимают судьи, обладающие специальными познаниями в этой сфере.

Ключевые слова: экологические права, специализированный суд по охране окружающей среды, порядок защиты общественных интересов в сфере охраны окружающей среды, реформа экологического правосудия.

Цитирование: *Хлуденева Н.И., Фицай Д.А.* Правовые аспекты судебной защиты прав граждан и общественных интересов в сфере охраны окружающей среды в Китайской Народной Республике // Государство и право. 2021. № 10. С. 198–204.

DOI: 10.31857/S102694520017273-1

LEGAL ASPECTS OF JUDICIAL PROTECTION OF CITIZENS' RIGHTS AND PUBLIC INTERESTS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

© 2021 N. I. Khludeneva[1, *], D. A. Fitsai[2, **]

[1]Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow
[2]Siberian Federal University, Krasnoyarsk

**E-mail: khludeneva@mail.ru*
***E-mail: dar.vysotzckaya2010@yandex.ru*

Received 16.12.2020

Abstract. This article examines the judicial procedure for protecting the rights of citizens and public interests in the field of environmental protection in the People's Republic of China. The author analyzed the regulatory legal acts of China that regulate the activities of specialized courts for environmental protection. In the course of the research, the features of the creation of such courts are revealed, as well as the analysis of judicial practice on the consideration of disputes in the field of environmental protection is presented.
Besides, it is established that only public organizations and prosecutor's offices are authorized to file lawsuits in the specialized courts for environmental protection in defense of public interests in the field of environmental protection. At the same time, the current legislation does not provide for citizens to apply to them, since everyone's environmental rights are generally protected by applying to the people's courts of the People's Republic of China.
As a result of the research, the author came to the conclusion that the reform of environmental justice in China continues in the direction of legal regulation of the activities of specialized courts for environmental protection. At the same time, the chinese experience of protecting public interests in the field of environmental protection by public organizations or prosecutor's offices in environmental courts allows us to note an improvement in the quality of justice and progress in the consideration of this category of cases, since decisions are made by judges with special knowledge in this area. While the current legislation of China does not establish the specifics of protecting environmental rights by citizens in a General manner by applying to the people's courts of the People's Republic of China.

Key words: specialized court for environmental protection, procedure for protecting public interests in the field of environmental protection, protection of environmental rights, environmental justice reform.

For citation: *Khludeneva, N.I., Fitsai , D.A. (2021).* Legal aspects of judicial protection of citizens' rights and public interests in the field of environmental protection in the people's Republic of China // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 198–204.

Судебный способ защиты экологических прав является одним из самых действенных в любом государстве. В подавляющем большинстве стран экологические права граждане защищают в судах общей юрисдикции в порядке, который мало чем отличается от процессуальных особенностей защиты иных субъективных прав. Однако есть страны, в правовые системы которых в целях повышения эффективности защиты экологических интересов человека внедрены элементы экологического правосудия (Швеция, Норвегия, Дания, Новая Зеландия, Китайская Народная Республика и др.). В рамках настоящего исследования рассмотрим китайский опыт судебной защиты прав граждан и общественных объединений в сфере охраны окружающей среды.

Каждый гражданин КНР имеет право осуществлять защиту принадлежащих ему прав в сфере охраны окружающей среды, к числу которых Закон КНР от 26 декабря 1989 г. (с изм. и доп. от 24.04.2014 г., вступившими в силу с 01.01.2015 г.) «Об охране окружающей среды»[1] относит право на доступ к информации об охране окружающей среды, право на участие в охране окружающей среды и право контроля в сфере охраны окружающей среды (ст. 53).

Защита этих прав осуществляется гражданами Китайской Народной Республики в общем порядке путем обращения в народные суды высшей, средней и низовой ступени.

Согласно Гражданско-процессуальному кодексу КНР от 9 апреля 1991 г. (с изм. и доп. от 27.06.2017 г.)[2] граждане, обращающиеся в суд за защитой любых, в т.ч. экологических прав, несут ответственность за предоставленные доказательства, подтверждающие факт нарушения этих прав (ст. 64). В случае неспособности самостоятельно осуществить сбор таких доказательств, народные суды вправе их истребовать и продолжить рассмотрение дела (ст. 67). При этом судьи должны тщательно изучить материалы судебного разбирательства путем проведения расследования в отношении имеющихся по делу доказательств (ст. 129).

Как правило, сроки рассмотрения любых гражданских дел ограничены шестью месяцами. Однако принятие судебного решения по сложным делам, которыми порой можно признать споры по защите экологических прав, возможно и по истечении шестимесячного срока. Продление сроков рассмотрения дела допускается на шесть месяцев при условии согласия председателя суда, в котором рассматривается спор (ст. 149). Судебное разбирательство по рассмотрению любых гражданских дел в упрощенном порядке может быть завершено в течение трех месяцев (ст. 161). Такой порядок применятся, когда отсутствуют сложности в доказывании фактов, имеющих юридическое значение для рассматриваемого дела, и нет спора о правах и обязанностях сторон (ст. 157).

В соответствии с Законом КНР «О деликтной ответственности» ответственность за причинение ущерба личным правам граждан наступает вне зависимости от наличия вины правонарушителя

[1] См.: URL: http://fgs.mee.gov.cn/fl/201811/t20181129_676283.shtml

[2] См.: URL: http://cicc.court.gov.cn/html/1/218/62/83/443.html

(ст. 7). При этом вред, причиненный имуществу граждан, определяется исходя из рыночной стоимости этого имущества на момент причинения ущерба с учетом убытков, размер которых определяется судом, рассматривающим спор, если сами стороны не могут определить размер компенсации (ст. 19, 20). Кроме того, при посягательстве на личные неимущественные права, в том числе экологические, граждане вправе требовать возмещение морального вреда (ст. 22).

В провинции Сычуань было принято решение народного суда уезда Цзычжун городского округа Нэйцзян от 19 июня 2019 г.[3] по делу № 949 1025, которым удовлетворено требование гражданина о возмещении ущерба, причиненного юридическим лицом Чжоучхен Power Co, Ltd.

Согласно решению суда истец проживал вблизи производственных помещений юридического лица, которое в процессе производства аккумуляторных пластин для мотоциклов использовало свинец, а также производило выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух. Судом установлено, что истец физически не является здоровым по причине содержания в его крови свинца в превышенном объеме.

В соответствии со ст. 15 разъяснений Верховного народного суда (ВНС) КНР от 9 февраля 2015 г. «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении споров об ответственности за нарушение окружающей среды», ст. 65 Закона КНР от 26 декабря 2009 г. «Об ответственности за нарушение прав» суд постановил взыскать с юридического лица в пользу гражданина 26 200 юаней, из них 21 700 юаней затрат на проведение тестов, лечение и питание истца, а также единовременное вознаграждение в размере 4500 юаней.

При рассмотрении споров по защите экологических прав судьи должны обладать специальными познаниями в указанной сфере, поскольку специфика норм экологического законодательства определяет характерные черты для объективного принятия решения по такой категории дел.

Однако специализация судей существует только лишь в специализированных судах по охране окружающей среды, доступ в которые у граждан КНР отсутствует.

Согласно Гражданско-процессуальному кодексу КНР (ст. 55) и Закону КНР «Об охране окружающей среды» (ст. 58) субъектом обращения в экологические суды в защиту общественных интересов в сфере охраны окружающей среды могут быть либо общественные организации, либо органы прокуратуры Китая.

В экологических судах рассматриваются споры по защите общественных интересов в сфере охраны окружающей среды. Однако в действующем законодательстве КНР отсутствует понятие общественных интересов, что, в свою очередь, не позволяет установить их содержание и пределы, учитываемые при предъявлении требований об их защите.

По нашему мнению, общественным интересам в сфере охраны окружающей среды коррелируют неперсонифицированные потребности общества в пресечении действий, загрязняющих окружающую среду, причиняющих экологический ущерб или нарушающих интересы общества.

Функционирующие в Китайской Народной Республике экологические суды не являются самостоятельными.

Они представлены судебными коллегиями (审判庭), судебными коллегиями с участием присяжных (народных) заседателей (合议庭) или окружными судами (巡回法庭). Как правило, судебные коллегии создаются в народных судах всех ступеней, а окружной суд создается в народном суде высшей ступени.

Попытка создания первого трибунала по охране окружающей среды в Китае народным судом района Цяокоу г. Ухань в 1989 г. не оказалась успешной, поскольку 10 февраля 1989 г. ВНС КНР принял постановление, согласно которому национальные судебные и административные органы вправе совместно создавать специализированные коллегии по рассмотрению споров в области охраны окружающей среды в целях усиления сотрудничества в процессе применения ими норм экологического права в уже существующих народных судах.

Только к 2000-м годам власти вернулись к обсуждению проблем охраны окружающей среды, в т.ч. путем возобновления процесса внедрения специализированных судов по охране окружающей среды в существующую судебную систему КНР.

В 2002 г. был создан трибунал по охране окружающей среды в городе Шэньян провинции Ляонин, в 2004–2006 гг. – окружные трибуналы по охране окружающей среды в городах Далянь и Шэньян провинции Ляонин, Шицзячжуан и Цзиньчэн провинции Хэйбэй, а в 2007 г. – судебная коллегия по охране окружающей среды городского уезда Цинчжэнь провинции Гуйчжоу и судебная коллегия по охране окружающей среды в суде средней ступени городского округа Гуйян провинции Гуйчжоу.

В 2020 г. ВНС КНР опубликовал Белую книгу об охране окружающей среды в бассейне реки Янцзы, в которой указано, что в период с 2016 по 2020 г.

[3] См.: URL: http://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=a87bbef7484d487485deaaf100528bde

было создано 483 трибунала по охране окружающей среды и 468 коллегий, рассматривающих споры, возникающие в бассейне реки Янцзы (по состоянию на июнь 2020 г.)[4].

Длительный период времени правовое регулирование деятельности специализированных судов по охране окружающей среды осуществлялось исключительно нормами общего характера Конституции КНР от 4 декабря 1982 г., законов КНР: от 21 сентября 1954 г. «Об организации народных судов», от 28 февраля 1995 г. «О судьях», от 26 декабря 1989 г. «Об охране окружающей среды» и др.

Специальное нормативное правовое регулирование деятельности экологических судов появилось лишь в 2014 г., когда ВНС КНР принял первые разъяснения по вопросам организации деятельности экологических судов: от 23 июня 2014 г. № 11 «О всестороннем усилении работы по осуществлению правосудия в сфере охраны окружающей среды, а также о продвижении создания экологической культуры, предоставлении сильных юридических гарантий»[5] (далее – разъяснение ВНС КНР № 11) и от 25 мая 2016 г. № 12 «О полной реализации роли судебной функции в продвижении защиты и обеспечении правосудия, создании экологической культуры и “зеленого” развития»[6] (далее – разъяснение ВНС КНР № 12).

Согласно п. 16 разъяснений ВНС КНР № 11 создание специализированных судов по охране окружающей среды вызвано проблемами охраны окружающей среды в отдельных административно-территориальных единицах с учетом их местных особенностей. Правом создания специализации по охране окружающей среды обладают народные суды высшей и средней ступени, а также при необходимости народный суд низовой ступени, но по согласованию с народным судом высшей ступени.

В п. 18 анализируемого разъяснения закреплено право создания экологических судов именно в тех районах, в которых существуют проблемы, связанные как с охраной окружающей среды, так и её использованием.

Согласно ст. 23 Закона КНР «Об организации народных судов» народные суды средней ступени вправе создавать специализированные палаты, вместе с тем в ст. 28 этого же нормативного акта закреплено, что правила организации и полномочия специализированных судов устанавливаются Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). Однако до настоящего времени в законодательстве КНР не создано специальных требований к судьям, отправляющим правосудие в таких судах, что позволяет сделать вывод о применимости общих положений ст. 12 Закона КНР «О судьях», устанавливающих требования, которым должны соответствовать судьи любых судов КНР.

Ван Канфа полагает, что критериями, положенными в основу назначения специализированных судей могут быть: знание экологического законодательства на достаточном для рассмотрения дел уровне или обладание квалификацией в области охраны окружающей среды, а также стремление самого судьи рассматривать экологические дела[7].

Согласно п. 26 разъяснений ВНС КНР № 12 при создании специализированных судов по охране окружающей среды должны быть определены их функции, организована профессиональная подготовка судей, осуществляющих правосудие в таких судах, которые должны знать особенности правового регулирования защиты общественных интересов в сфере охраны окружающей среды.

Отдельные административно-территориальные единицы вправе самостоятельно устанавливать формы и даже наименования таких судов. Например, суд высшей ступени провинции Фуцзянь учредил судебную коллегию по делам окружающей среды, суд второй (средней) ступени в районе Цися провинции Хайнань – окружной суд по делам о ресурсах окружающей среды, суд средней ступени городского округа Хайкоу провинции Хайнань учредил судебную коллегию по делам о защите окружающей среды.

Таким образом, не только в разных провинциях, но и в границах одной провинции (например, в провинции Хайнань) суды могут иметь разное наименование.

По мнению китайских правоведов, создание специализированных судов по охране окружающей среды позволяет внедрить мультидисциплинарный подход, который способствует комплексному рассмотрению гражданских, административных и уголовных дел, связанных с загрязнением окружающей среды[8].

Сказанное подтверждает и то, что ВНС КНР в своем разъяснении № 12 определил рассмотрение гражданских, административных и даже уголовных

[4] См.: Официальный сайт Верховного народного суда КНР // http://english.court.gov.cn/2020-09/25/content_37539921.htm

[5] См.: URL: https://www.chinacourt.org/law/detail/2014/06/id/147914.shtml

[6] См.: URL: https://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=534845

[7] См.: *Ван Канфа.* Специальная реформа экологического правосудия в Китае (на англ. яз.) // Китайский ученый. 2013. № 1. С. 44, 45.

[8] См.: *Тан Фанюань.* Исследование текущей ситуации, проблем и контрмер судов по охране окружающей среды в Китае (на кит. яз.) // Тезисы диссертации на получение степени магистра права. Хайнань. 2018. № 5. С. 22.

дел в области охраны окружающей среды в одном объединенном судебном органе.

По мнению Гао Сойтсюй, создание специализированных судов по охране окружающей среды демонстрирует решимость Китая защищать общественные интересы в сфере охраны окружающей среды с помощью судебных средств[9].

Как правило, обращение в специализированные суды по охране окружающей среды обусловлено спецификой рассматриваемых в них споров.

Согласно пункту 12 разъяснений ВНС КНР № 11 специализированные суды по охране окружающей среды рассматривают споры в области защиты общественных интересов в сфере охраны окружающей среды.

При этом при их нарушении инициировать судебный процесс по рассмотрению споров по такой категории дел могут исключительно общественные организации, административные органы по охране окружающей среды и органы прокуратуры Китая, которые также уполномочены выступать представителем по таким спорам[10].

К общественным организациям, которые вправе защищать общественные интересы в сфере охраны окружающей среды, предъявляется ряд требований, которые они обязаны соблюдать. Во-первых, общественные организации должны быть зарегистрированы в органах народного правительства уровня города с районным делением и выше; во-вторых, они должны специализироваться на общественной деятельности по охране окружающей среды в течение пяти и более лет при условии отсутствия записей об имеющихся правонарушениях; в-третьих, обращающиеся в суд общественные организации не должны иметь цели получения экономической выгоды в связи с предъявлением искового заявления (ст. 58 Закона КНР «Об охране окружающей среды»).

К числу таких общественных организаций, наделенных правом на подачу искового заявления, согласно п. 3 разъяснений ВНС КНР от 6 января 2015 г. № 1 «По некоторым вопросам применения законодательства при рассмотрении дел об экологических гражданских общественных благах»[11] относятся: общественные объединения, фонды, частные некоммерческие организации.

В одном из решений специализированного суда по охране окружающей среды при народном суде средней ступени городского округа Байчэн провинции Цзилинь от 23 марта 2019 г.[12] с участием присяжных заседателей органы прокуратуры обратились в суд с публичным иском против Ван Цзинь Сюэ в защиту общественных экологических интересов в связи с загрязнением окружающей среды.

Ими было заявлено требование о возмещении ущерба, причиненного окружающей среде, вызванного изменением растительности и причиненным вредом биоразнообразию при выращивании фермером Ван сельскохозяйственных культур на территории заповедной зоны. За нарушение экологической обстановки прокурор требовал взыскать с ответчика 1 239 750.00 юаней, поскольку экспертным центром «Цзилинь Чжунши» было установлено нарушение состояния окружающей среды на участке площадью 18.4 га земель, непосредственный ущерб которого оценивается в 874 000.00 юаней, а также затраты на компенсационные реставрационные работы в размере 365 750.00 юаней.

После установления нарушений со стороны ответчика на основании ст. 2 Закона КНР от 26 декабря 1989 г. «Об охране окружающей среды», ст. 64, 65 Закона КНР от 26 декабря 2009 г. «Об ответственности за нарушение прав» суд пришел к выводу о взыскании с виновного вреда за причиненный ущерб в размере 874 000.00, а также 50 000.00 юаней в счет проведения компенсационных работ.

Судебная практика рассмотрения споров в сфере охраны окружающей среды с каждым годом стремительно растет. Так, в 2018 г. количество дел, рассмотренных судами, распределилось следующим образом: 192 008 – гражданских, 26 481 – уголовных и 42 235 – административных дел, по сравнению с 2017 г. рост дел составил около 7%[13]. Увеличение числа рассматриваемых экологическими судами дел оправдывает целесообразность их учреждения.

По мнению Гун Гу, положительным в рассмотрении споров в области охраны окружающей среды экологическими судами стал прогресс, обусловленный ростом примирений сторон. При этом в числе негативных аспектов автор выделяет неравное распределение рассматриваемых дел, отсутствие должной квалификации истцов, отсутствие политической поддержки, необходимость дополнительных финансовых вложений как на оплату персонала,

[9] См.: *Гао Сойтсюй.* Концепция создания судов (трибуналов) по охране окружающей среды (на англ. яз.) // Восточная Юридическая Наука. 2009. № 5. С. 76.

[10] См.: *Ван Яньфан, У Кайцзе.* О роли и ориентации прокурорского органа в судебных спорах в области общественных интересов (на кит. яз.) // Журнал Китайского Народного Университета. 2016. № 2. С. 2.

[11] См.: URL: http://zfs.mee.gov.cn/fgjd/201501/t20150112_294085.shtml

[12] См.: URL: http://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=f69dab9794624ea2a855aad700bd16cc

[13] См.: *Zhang J.* A thesis on the establishment of specialized environmental and resources courts in China // Collection of materials of the conference “Earth and environmental Sciences”. 2019. P. 2. URL: file:///C:/Users/5956~1/AppData/Local/Temp/A_thesis_on_the_establishment_of_specialized_envir.pdf

его обучение, так и на оплату дополнительных помещений и оборудования; сложность определения подсудности дел комплексного характера, считая, что трудно определить, к компетенции суда общей юрисдикции или экологического суда относится рассматриваемый спор в области охраны окружающей среды[14].

В Российской Федерации экологических судов в системе правосудия нет, хотя представителями эколого-правовой науки неоднократно высказывалось мнение о необходимости их создания[15].

Об организации децентрализованных судов по вопросам применения экологического законодательства писали в своих работах Л. Кремер[16] и О.Л. Дубовик[17].

М.М. Бринчук также поддерживал идею создания экологических судов либо специализированных палат в судах общей юрисдикции или в арбитражных судах, деятельность которых была бы направлена на защиту экологических прав граждан Российской Федерации[18]. При этом, по его мнению, все экологические суды имеют определенные общие черты и вносят значительный вклад в процесс осуществления защиты экологических прав человека[19].

Создание специализированных судов повышает эффективность рассмотрения споров в сфере охраны окружающей среды, приводит к снижению сроков принятия решений по жалобам за счет наличия опыта судей по рассмотрению такой категории дел[20].

Многими зарубежными представителями науки экологического права также поддерживается идея создания специализированных экологических судов, реализация которой на практике позволяет обеспечить не только беспрепятственный доступ к правосудию, но и способствует формированию в обществе осознания того, что нарушенные общественные интересы в сфере охраны окружающей среды могут быть реально защищены[21].

* * *

Обозначенные эколого-правовой доктриной позитивные результаты деятельности специализированных экологических судов актуализируют необходимость изучения опыта реформирования экологического правосудия в Китае в целях возможного восприятия его российской природоохранной практикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бринчук М.М.* Конституция Российской Федерации – основа прогрессивного развития экологического права / отв. ред. М.М. Бринчук, О.Л. Дубовик // Конституция Российской Федерации и развитие экологического права. М., 2005. С. 14.
2. *Бринчук М.М.* Экологическое право: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 122.
3. *Ван Канфа.* Специальная реформа экологического правосудия в Китае (на англ. яз.) // Китайский ученый. 2013. № 1. С. 44, 45.
4. *Ван Яньфан, У Кайцзе.* О роли и ориентации прокурорского органа в судебных спорах в области общественных интересов (на кит. яз.) // Журнал Китайского Народного Университета. 2016. № 2. С. 2.
5. *Гао Сойтсюй.* Концепция создания судов (трибуналов) по охране окружающей среды (на англ. яз.) // Восточная Юридическая Наука. 2009. № 5. С. 76.
6. *Гун Гу.* Эмпирический анализ судебных споров в области общественных экологических интересов в Китае (на кит. яз.) // Юриспруденция. 2016. № 9. С. 31.
7. *Дубовик О.Л.* Правовое регулирование экологических конфликтов // Lex russica. 2016. № 6 (115). С. 49.
8. *Дубовик О.Л., Степаненко В.С.* Тенденции и перспективы развития экологического права ЕС // Право и политика. 2005. № 1. С. 12.
9. *Кремер Л.* Будущая роль Европейского суда в развитии европейского экологического права // Экологическое право. 2005. № 5. С. 8.
10. *Солнцев А.М., Музалева О.С., Шварова А.С.* О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологиче-

[14] См.: *Гун Гу.* Эмпирический анализ судебных споров в области общественных экологических интересов в Китае (на кит. яз.) // Юриспруденция. 2016. № 9. С. 31.

[15] См.: *Дубовик О.Л.* Правовое регулирование экологических конфликтов // Lex russica. 2016. № 6 (115). С. 49.

[16] См.: *Кремер Л.* Будущая роль Европейского суда в развитии европейского экологического права // Экологическое право. 2005. № 5. С. 8.

[17] См.: *Дубовик О.Л., Степаненко В.С.* Тенденции и перспективы развития экологического права ЕС // Право и политика. 2005. № 1. С. 12.

[18] См.: *Бринчук М.М.* Конституция Российской Федерации – основа прогрессивного развития экологического права / отв. ред. М.М. Бринчук, О.Л. Дубовик // Конституция Российской Федерации и развитие экологического права. М., 2005. С. 14.

[19] См.: *Бринчук М.М.* Экологическое право: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 122.

[20] См.: *Солнцев А.М., Музалева О.С., Шварова А.С.* О создании специализированных экологических судов для обеспечения эффективной защиты экологических прав граждан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С. 30.

[21] См.: *Brian J. Preston.* Benefits of judicial specialization in Environmental Law: the land and environment court of new south Wales as a case Study // The University of Sydney law school. 2012. No. 2. P. 96.

ских прав граждан // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1. С. 30.

11. *Тан Фанюань.* Исследование текущей ситуации, проблем и контрмер судов по охране окружающей среды в Китае (на кит. яз.) // Тезисы диссертации на получение степени магистра права. Хайнань. 2018. № 5. С. 22.
12. *Brian J. Preston.* Benefits of judicial specialization in Environmental Law: the land and environment court of new south Wales as a case Study // The University of Sydney law school. 2012. No. 2. P. 96.
13. *Zhang J.* A thesis on the establishment of specialized environmental and resources courts in China // Collection of materials of the conference "Earth and environmental Sciences". 2019. P. 2. URL: file:///C:/Users/5956~1/AppData/Local/Temp/A_thesis_on_the_establishment_of_specialized_envir.pdf

REFERENCES

1. *Brinchuk M.M.* The Constitution of the Russian Federation – the basis of progressive development of Environmental Law / rev. ed. M.M. Brinchuk, O.L. Dubovik // The Constitution of the Russian Federation and the development of Environmental Law. M., 2005. P. 14 (in Russ.).
2. *Brinchuk M.M.* Environmental Law: textbook. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2003. P. 122 (in Russ.).
3. *Van Kanfa.* Special reform of environmental justice in China (in English) // Chinese Scientist. 2013. No. 1. P. 44, 45.
4. *Wang Yanfang, Wu Kaijie.* On the role and orientation of the prosecutorial body in judicial disputes in the field of public interests (in Chinese) // Journal of the Chinese People's University. 2016. No. 2. P. 2.
5. *Gao Soitsui.* The concept of creating courts (tribunals) for environmental protection (in English) // Eastern Legal Science. 2009. No. 5. P. 76.
6. *Gong Gu.* Empirical analysis of judicial disputes in the field of public environmental interests in China (in Chinese) // Jurisprudence. 2016. No. 9. P. 31.
7. *Dubovik O.L.* Legal regulation of environmental conflicts // Lex russica. 2016. No. 6 (115). P. 49 (in Russ.).
8. *Dubovik O.L., Stepanenko V.S.* Trends and prospects for the development of EU Environmental Law // Law and politics. 2005. No. 1. P. 12 (in Russ.).
9. *Kremer L.* The future role of the European Court of Justice in the development of European Environmental Law // Environmental Law. 2005. No. 5. P. 8 (in Russ.).
10. *Solntsev A.M., Muzaleva O.S., Shvarova A.S.* On the establishment of specialized environmental courts to ensure effective protection of environmental rights of citizens // Herald of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1. P. 30 (in Russ.).
11. *Tang Fanyuan.* A study of the current situation, problems and countermeasures of environmental protection courts in China (in Chinese) // Theses of a dissertation for obtaining a Master's degree in Law. Hainan. 2018. No. 5. P. 22.
12. *Brian J. Preston.* Benefits of judicial specialization in Environmental Law: the land and environment court of new south Wales as a case Study // The University of Sydney law school. 2012. No. 2. P. 96.
13. *Zhang J.* A thesis on the establishment of specialized environmental and resources courts in China // Collection of materials of the conference "Earth and environmental Sciences". 2019. P. 2. URL: file:///C:/Users/5956~1/AppData/Local/Temp/A_thesis_on_the_establishment_of_specialized_envir.pdf

Сведения об авторах

ХЛУДЕНЕВА Наталья Игоревна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;
117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

ФИЦАЙ Дарья Александровна –
старший преподаватель кафедры трудового и экологического права Юридического института Сибирского федерального университета;
660041 г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79

Authors' information

KHLUDENEVA Natalya I. –
PhD in Law, leading researcher of the Department of Environmental and Agrarian Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;
34 B. Cheremushkinskaya str.,
117218 Moscow, Russia

FITSAI Darya A. –
senior lecturer of the Department of Labor and Environmental Law of the Law Institute of the Siberian Federal University; 79 Svobodny prospect,
660041 Krasnoyarsk, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 205–218
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 205–218

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ПРОКУРАТУРА И ЗАКОННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (Окончание)[1]

© 2021 г. А. Г. Звягинцев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва;
Международная ассоциация прокуроров, Гаага, Нидерланды

E-mail: igpran@igpran.ru

Поступила в редакцию 27.08.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена преобразованиям органов прокуратуры во время Гражданской войны 1917–1922 гг. Прокуратура в том виде, в котором она была при царском режиме и Временном правительстве, фактически перестала существовать. В статье освещаются принципы работы и устройства временных органов власти и управления, пришедших на смену прокуратуры царского времени.

Ключевые слова: прокуратура, деятельность прокуратуры, законность, военно-прокурорский надзор, военное право, прокурорско-судебная система, прокурорско-судебный надзор.

Цитирование: *Звягинцев А.Г.* Прокуратура и законность в период Гражданской войны (Окончание) // Государство и право. 2021. № 10. С. 205–218.

При подготовке данной статьи использованы материалы и исследования, предоставленные зав. кафедрой уголовного права и процесса Российской государственной академии интеллектуальной собственности, канд. юрид. наук, доц. Д.А. Звягинцевым.

DOI: 10.31857/S102694520017274-2

THE PROSECUTOR'S OFFICE AND THE RULE OF LAW DURING THE CIVIL WAR (The end)[2]

© 2021 A. G. Zvyagintsev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
International Association of Prosecutors, Hague, Netherlands

E-mail: igpran@igpran.ru

Received 27.08.2021

Abstract. The article is devoted to the transformations of the Prosecutor's Office during the Civil War of 1917–1922. The Prosecutor's Office in the form in which it was under the tsarist regime and the Provisional Government actually ceased to exist. The article highlights the principles of work and the structure of the provisional authorities and management that replaced the Prosecutor's Office of the tsarist time.

Key words: Prosecutor's Office, Prosecutor's Office activity, legality, military prosecutor's supervision, Military Law, prosecutor's judicial system, prosecutor's judicial supervision.

For citation: *Zvyagintsev, A.G. (2021).* The Prosecutor's Office and the Rule of Law during the Civil War (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10. pp. 205–218.

In the preparation of this article, materials and research provided by the Head of the Department of Criminal Law and procedure of the Russian state Academy of intellectual property, PhD in Law, associate Professor D.A. Zvyagintsev.

[1] Начало см.: Государство и право. 2021. № 9. С. 148–158.

[2] For the beginning, see: Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9 (2021), pp. 148–158.

* * *

Следует признать, что практически во всех антибольшевистских образованиях имелись некоторые различия в формировании органов прокуратуры, юстиции и судов. Например, восстановление прокуратуры и судебной системы на Кубани, в частности в Екатеринодаре, началось в августе 1918 г. только после того, как к власти пришли казаки с частями Добровольческой армии. Прокуратура в Екатеринодаре была восстановлена сразу, в августе 1918 г. Она подчинялась ведомству юстиции. Прокуроры избирались на должности, однако их назначение происходило только после утверждения Кубанским краевым правительством. Вся прокурорская деятельность на Кубани в это время строилась на законодательстве царской России. Помимо поддержания государственного обвинения в судах и надзорных функций прокуроры выполняли также обязанности юрисконсультов при правительстве.

Организация органов прокуратуры у кубанских казаков была немного «самостийной». Корни эти следует искать в кубанской «вольнице» – в самой основе казачьих государственных образований. Кубань имела более демократическое устройство, нежели белогвардейские правительства, которые возглавляли диктаторы: Колчак и Деникин. Поэтому и организация органов прокуратуры в этих образованиях была разнородной.

Созданный 8 ноября 1918 г. в Екатеринодаре Отдел юстиции Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) А.И. Деникине 2 февраля 1919 г. был переименован в Управление юстицией. Особое совещание, образованное 31 августа 1918 г., представляло собой высший орган гражданского управления при верховном руководителе Добровольческой армии. Со вступлением в должность Главнокомандующего А.И. Деникина было преобразовано в совещательный орган в области законодательства и верховного управления при нем. Фактически же «по Положению об Особом совещании» от 15 февраля 1919 г. выполняло функции дореволюционного Государственного совета и Совета министров вплоть до 30 декабря 1919 г., после чего было преобразовано в сугубо исполнительный орган – фактически правительство. Что касается Управления юстицией, то оно с 16 марта 1920 г. преобразовалось в Министерство юстиции Южнорусского правительства, которое заменило правительство при Главнокомандующем ВСЮР.

Все руководители отделов и управлений, входящих в состав Особого совещания, пользовались правами министров. Первым начальником Отдела юстиции был назначен генерал-лейтенант Александр Сергеевич Макаренко (1861–1932). Известный русский военный юрист (с 1911 по 1917 г.). Главный военный прокурор и начальник Главного военно-судного управления России (с ноября по декабрь 1918 г.)

МАКАРЕНКО Александр Сергеевич, начальник отдела юстиции с функциями главного прокурора. Родился 25 июня 1861 г. в Костромской губернии. Из дворян. После окончания гимназии в 1879 г. поступил в 1-е военное Павловское училище по 1-му разряду. Окончив его в 1881 г., служил прапорщиком в 12-й артиллерийской бригаде, а с 1889 г. – в 17-й артиллерийской бригаде. После успешного окончания Александровской военно-юридической академии (1895) был награжден чином капитана, первой премией им. статс-секретаря В.Д. Философова и большой серебряной медалью с занесением имени на мраморную доску. Дальнейшую службу продолжил в Петербургском военно-окружном суде. Вскоре был переведен в военно-судебное ведомство с назначением помощником столоначальника Главного военно-судного управления (ГВСУ), где последовательно занимал должности: столоначальника (1898–1902), штаб-офицера для особых поручений (1902), начальника отделения (1902–1908) и помощника главного военного прокурора (с 30 апреля 1908). Проходя службу в ГВСУ, много трудился над разработкой законодательных актов по уставам Дисциплинарному и Воинскому о наказаниях. Во многом благодаря его стараниям увидели свет крупнейшие военно-уголовные законы того времени, в частности дополнение и исправление Воинского устава о наказаниях (1903), новый Воинский устав о наказаниях (1910). Участвовал практически во всех производившихся по приказу военного министра ревизиях военно-судебных установлений в начале 1900-х годов: в 1900 г. – Варшавских и Туркестанских; в 1901 г. – Кавказских; в 1903 г. – Приамурских. В 1901–1902 гг. командировался для осмотра и изучения российских военных тюрем и дисциплинарных батальонов. 12 марта 1911 г. назначен и.о. Главного военного прокурора и начальника ГВСУ. 10 апреля того же года произведен в генерал-лейтенанты с утверждением в должности Главного военного прокурора и начальника ГВСУ. Принимал непосредственное участие в подготовке и проведении военно-судебной реформы 1913 г. По его инициативе в 1913 г. впервые в России при Александровской военно-юридической академии была устроена судебно-фотографическая лаборатория и учреждена кафедра уголовной техники. После Февральской революции отстранен от должности и 15 марта 1917 г. уволен по болезни. Осенью 1918 г. назначен начальником Отдела юстиции (с правами министра) в Особом совещании при Главнокомандующем ВСЮР. 21 февраля 1919 г. – на должности постоянного члена Кассационного присутствия. 9 апреля 1919 г. – председатель комиссии по пересмотру Воинского устава о наказаниях и Военно-судебного

устава. В 1920 г. – председатель Главного военного суда и член Высшей комиссии правительственного надзора в русской армии «барона» Врангеля. После эмиграции жил в Югославии. В 1926 г. был делегатом от Сербии на Российском зарубежном съезде в Париже. Награжден семью орденами царского правительства. Умер в 1932 г.

Из всех законоблюстителей Белой России А.С. Макаренко был, пожалуй, самой авторитетной фигурой на ниве военной юриспруденции, хотя некоторые сослуживцы его и недолюбливали. Имея солидный опыт руководства Главным военно-судным управлением России, а также органами военной прокуратуры, в качестве Главного военного прокурора империи, он с самого начала работы Отдела юстиции Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР А.И. Деникине сумел, как его первый руководитель, правильно поставить дело. Но, пробыв в этой должности совсем мало, сделал тоже немного.

Вначале весь Отдел юстиции состоял из 17 человек. Однако через год, в 1919 г., только тюремная часть Управления юстиции насчитывала уже 38 человек (было семь). Но в это время данным подразделением уже руководил Виктор Николаевич Челищев (1870–1952), который в декабре 1918 г. возглавил Отдел юстиции ВСЮР. Он занимался созданием прокурорско-судебной системы и надзором за местами заключения в местностях, занятых Добровольческой армией. Постановлением Особого совещания 29 ноября 1918 г. на Отдел юстиции были возложены также обязанности Главноуправляющего бывшей «Канцелярией его императорского величества по принятию прошений».

ЧЕЛИЩЕВ Виктор Николаевич, начальник Управления юстиции с функциями главного прокурора. Родился 13 сентября 1870 г. в Калужской губернии. После окончания Калужской классической гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, который закончил в 1893 г. С 1896 г. – на службе в Московской судебной палате. В 1898–1917 гг. – участковый мировой судья в Москве. Статский советник. С 1916 г. – председатель Московского съезда мировых судей. С 22 марта по октябрь 1917 г. – старший председатель Московской судебной палаты. 25 июня 1917 г. по списку кадетской партии избран гласным Московской городской думы. В 1917 г. – председатель правления Всероссийского союза юристов. Член Главного комитета Всероссийского земского союза. В 1917–1918 гг. – член Совета общественных деятелей. В 1918 г. являлся членом (правления) Национального центра в Москве. С декабря (ноября) 1918 г. по декабрь 1919 г. возглавлял Отдел юстиции, который 2 февраля 1919 г. был преобразован в Управление юстиции. В 1920 г. – обер-прокурор 1-го департамента Сената при генерале П.Н. Врангеле. Летом 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем на остров Лемнос, а с ноября 1920 г. – в Югославию. В 1924–1929 гг. – чиновник Министерства юстиции в Белграде. 1 октября 1925 г. основал Союз русских писателей и журналистов в Югославии. В 1926–1931 гг. – товарищ председателя этого Союза, с 4 октября 1931 г. – его почетный член. С 1926 г. вместе с Е.В. Аничковым, М.П. Чубинским и др. редактирует издание Союза – «Призыв». Член правления Зарубежного союза русских писателей и журналистов. Один из редакторов белградской газеты «Россия». Организовал в Белграде вечера «Живого альманаха». Член организационного бюро 1-го Конгресса русских заграничных писателей и журналистов, проходившего в Белграде, избран на этом съезде членом правления Зарубежного союза русских писателей и журналистов (1928). Издал в Белграде сборник рассказов «Алешка Чураков» (1926). Представитель Русского зарубежного исторического архива (Прага) в Белграде. Председатель правления Национально-демократического объединения русских беженцев в Белграде. С 1928 г. – член масонской белградской ложи «Побратим». В 1930–1931 гг. служил в Генеральной дирекции государственных железных дорог. В 1931 г. переехал в Чехословакию. Товарищ председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. С 1932 г. – член совета Русского зарубежного исторического архива (РЗИА) в Праге. С 1934 г. жил в Париже. Являлся членом совета партии «Крестьянская Россия». С 1935 по 1945 г. – член правления Союза русских судебных деятелей во Франции. Устраивал ежегодные литературные вечера в Париже, на которых читал свои рассказы (1936–1938). Подготовил к печати сборник рассказов «Тени прошлого» (1936). Сотрудничал с журналом «Иллюстрированная Россия», газетой «Доброволец», впоследствии с журналом «Возрождение». В 1945 г. переехал на постоянное местожительство в США, где и умер 1 мая 1952 г.

В.Н. Челищев достаточно близко стоял к Главнокомандующему ВСЮР А.И. Деникину, который по своим властным полномочиям недалеко ушел от А.В. Колчака. Челищев по указанию Деникина руководил также работой Донского правительствующего Сената. В июне 1919 г. – представитель Главнокомандующего ВСЮР в Конференции казачьих войск. С первых дней нахождения в должности выступал с разными инициативами, иногда достаточно радикальными. Например, 16 декабря 1919 г. предлагал Деникину распустить Особое совещание и заменить его советом при Главнокомандующем.

Провел большую работу по формированию и совершенствованию действующего законодательства на подконтрольных территориях.

В целях восстановления судебно-прокурорской системы было разработано и 9 февраля

1919 г. принято постановление Особого совещания «об осуществлении судебной власти» в местностях, управляемых Главнокомандующим. Через полтора месяца утверждено временное расписание окладов, содержания штатных должностей. В местностях, освобожденных от советской власти, судебные установления восстанавливались на основании штатов, действовавших до 25 октября 1917 г.

Под председательством В.Н. Челищева действовали многочисленные междуведомственные комиссии, создаваемые постановлениями Особого совещания, среди них: об установлении предельных цен на квартиры и другие помещения (март 1919 г.), о рассмотрении Земельного положения и Временных правил о вступлении владельцев в распоряжение земельными угодьями (август 1919 г.), о порядке производства расследования виновности деятельности лиц гражданского ведомства в содействии советской власти (сентябрь 1919 г.). Принято также постановление о привлечении к уголовной ответственности лиц, участвовавших в установлении в Российском государстве советской власти.

Репрессивное законодательство было заметно ужесточено. Согласно принятому «Закону в отношении участников установления в Российском государстве советской власти, а равно сознательно содействовавших её распространению и упрочению» лица, явно причастные к установлению советской власти, подлежали смертной казни, соучастникам предусматривались «бессрочная каторга» или «каторжные работы от 4 до 20 лет», или «исправительные арестантские отделения от 2 до 6 лет»[3]. Все факты «красного террора» документировались, а 4 апреля 1919 г. была создана «Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков»[4].

Большое внимание В.Н. Челищев уделял прокурорскому надзору за исполнением законов, регламентирующих действия местных властей. Такие указания давались прокурорам окружных судов и судебных палат. Под особым контролем находились вопросы исполнения судебных приговоров, содержания заключенных под стражей. Например, при проверке в июне 1919 г. было установлено, что во Владикавказе военный конвой допустил побег арестованного, а потом при задержании убил его. Установлены также и другие нарушения законности.

Прокуроры с мест постоянно информировали В.Н. Челищева о положении дел в их регионах. Прокурор Ашхабадского окружного суда в своих сообщениях докладывал о революционных событиях в Закаспийской области, о деятельности Закаспийского временного правительства и Комитета общественного спасения.

Сообщения от прокуроров поступали и из других мест. В этих докладах прокуроры, в частности, информировали о многих чрезвычайных событиях, связанных с военными действиями:

о положении в Киеве с 1 по 5 октября 1919 г. (о временном захвате некоторых районов города Красной армией, о побегах заключенных из тюрем, о стабилизации обстановки, восстановлении работы судебных учреждений и настроениях населения);

о действиях в Екатеринославском, Павлоградском и Александровском уездах отряда В. Кирюшина, ранее состоявшего в группе войск Махно (август 1919);

о разгоне отрядов петлюровцев в окрестностях Новомосковска, о действиях в Днепропетровских плавнях вооруженных групп красноармейцев;

о занятии махновскими отрядами Мелитопольского уезда (октябрь 1919).

Следует признать, что принимаемые меры по укреплению законности и повышению законопослушания в войсках были малоэффективны, что, естественно, не могло не сказаться на боеспособности белогвардейских формирований ВСЮР.

После того, как Деникин понес тяжелейшие военные поражения от Красной армии и передал свои полномочия Южнорусскому правительству, министром юстиции этой новой власти был назначен Василий Михайлович Краснов (1878–1946).

КРАСНОВ Василий Михайлович родился 12 января 1878 г. в Ставрополе. Из разночинцев. Окончил Ставропольскую классическую гимназию (1896), с 1896 по 1901 г. учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Работал присяжным поверенным в Ставрополе. Заведующий редакцией газеты «Северный Кавказ» (1902–1905). С 1901 по 1911 г. – председатель Комитета по распространению народного образования в Ставрополе. С 1910 г. – гласный Ставропольской городской думы. Член исполнительной комиссии по заведыванию Ставропольским городским музеем им. М.В. Праве. Действительный член Ставропольского губернского статистического комитета. Редактор социал-демократической газеты «Голос» (1906). В 1917 г. – товарищ председателя Ставропольского городского комитета, председатель Ставропольского губернского комитета общественной безопасности.

[3] См.: ГАРФ. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 18. Л. 2–5.

[4] Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. London, 1992.

Состоял в партии меньшевиков. В 1917–1918 гг. – прокурор Ставропольского окружного суда. Председатель Ставропольской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание (1917–1918). В июне 1918 г. арестовывался большевиками. После захвата города в 1918–1919 гг. Добровольческой армией вернулся к исполнению обязанностей прокурора. В 1919–1920 гг. – товарищ председателя Ставропольского окружного суда, член Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков. В феврале–марте 1920 г. – министр юстиции Южнорусского правительства. 3 ноября 1920 г. эмигрировал из России. В 1921 г. – член Народного союза освобождения Юго-Востока (Константинополь). В 1921 г. переехал в Германию, жил в Берлине. В конце 1923 г. поселился в Чехословакии. Читал лекции на юридических курсах при Русском свободном университете в Праге. Работал в культурно-просветительном отделе Общеказачьего сельскохозяйственного союза. Член правления Благотворительного общества помощи заключенным в России, Союза бывших судебных деятелей и юристов им. С.В. Завадского, а также других союзов. Участник инициативной группы по учреждению «Народного союза казачества». Архивариус (1925). Секретарь Совета и ученой комиссии (1925). Заведующий газетным подотделом Русского заграничного исторического архива в Праге. Во время Великой Отечественной войны до мая 1945 г. в концлагерях. Умер в 1946 г.

До конца сформироваться и заработать Южнорусское правительство не успело, поскольку Красная армия стремительно и мощно наступала, военное положение становилось все хуже и хуже. Поэтому В.М. Краснов в качестве главного законника этого правительства к своим обязанностям фактически так и не приступил. В последних числах марта А.И. Деникин, реально оценивая ситуацию с положением дел на Ставрополье и Кубани, находясь в Феодосии, объявил о его упразднении[5].

Последний гвоздь в крышку гроба коалиционного правительства на Юге России и казачьей государственности был забит в боях под Новороссийском, где красные наголову разбили белых...

* * *

Отличительная особенность всего антибольшевистского фронта состояла в том, что при формировании органов власти активно применялся опыт царской России. В особенности это касалось вопросов укрепления законности и борьбы с преступностью. В качестве главного инструмента в этой работе использовался институт прокуратуры с опорой в основном на императорскую законодательную базу с некоторыми исключениями и добавлениями. И это было вполне понятно, ведь благодаря единоначалию и оперативности прокурорского надзора можно было быстро (что очень важно в военное время) реагировать на допускаемые нарушения закона, пресекать произвол и заниматься профилактикой. Кроме того, прокуроры ближе стояли к населению, нежели трибуналы и суды, т.к. не были столь зарегламентированы. Поэтому и неудивительно, что измученные братоубийственной войной граждане чаще всего обращались с жалобами и заявлениями именно к представителям прокуратуры как к единственно возможной надежде...

Однако, как писал в своих воспоминаниях бывший военный прокурор Правителя Юга России и Главнокомандующего Русской Армией барона Врангеля Иван Михайлович Калинин:

«Карающий меч правосудия падал на головы виновных только в исключительных случаях. К числу таких неудачников, которые влипли-таки наконец в беду, относились донской партизан войск, старш. Роман Лазарев и бывший комендант станицы Великокняжеской есаул Земцов.

Первый из этой четы в 1918 году прогремел на весь Дон бесчисленными убийствами и грабежами. Немало и офицеров сделались жертвами несдержанности этого золотопогонного бандита. Несчетное число дел об его злодеяниях находилось в производстве у военных следователей и, конечно, оставались без движения. Сотни жалоб неслись к атаманскому трону. Ген. Краснов, автор нескольких сентиментальных романов, не проявлял никакой чувствительности в отношении населения. В проделках Лазарева он видел не более как шалости чересчур живого ребенка.

– Беспутный, но милый моему сердцу Роман Лазарев, – такую красноречивую резолюцию выгравировал Краснов на одной из поданных ему жалоб на этого бандита.

В феврале 1920 года, уже на Кубани, где грабежи Лазарева, занимавшего административную должность в тылу, чересчур волновали и без того неприязненных к донцам братьев-кубанцев, я и ген. Сидорин совещались, как бы деликатнее ликвидировать этого грабителя, но прорыв Буденного у Белой Глины заставил думать о другом.

В Крыму Лазарев попался наконец в руки правосудия, будучи схвачен в Симферополе с поличным. Этот милый мальчик, приятный красновскому сердцу шалун, продавал на базаре дрожки и лошадей только что убитого и ограбленного им за городом извозчика! Таково было последнее художество видного донского партизана. Умер он, по приговору военно-морского суда,

[5] См.: Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг.: энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. М., 2008. Т. 4. С. 521.

мужественно, насвистывая перед вырытой могилой любимую песню»[6].

К сожалению, такое положение не было исключением из правила, а скорее в те лихие годы было нормой. И не только в Крыму, где за годы Гражданской войны сменилось только три антибольшевистских правительства.

Первое правительство возглавил генерал-лейтенант русской армии, участник русско-японской и Первой мировой войны Матвей Александрович Сулькевич (Магомет Сулейманович Сулькевич, из литовских татар)[7]. Он при поддержке германских войск 25 июня 1918 г. сформировал Крымское краевое правительство (продержалось до 15 ноября 1918 г.), где занял пост премьер-министра, министра внутренних дел и военного министра. В декларации «К населению Крыма» провозглашалась самостоятельность полуострова, вводилось гражданство, восстанавливалась частная собственность, закреплялись три государственных языка: русский, крымско-татарский и немецкий. Министром юстиции в этом правительстве был назначен Александр Али Ахматович (1865–1944).

АХМАТОВИЧ Александр Али родился 1 декабря 1865 г. в семье военного юриста. Из польско-литовского татарского княжеского рода. Во время учебы в гимназии в Вильно был исключен за выступления против правительства. Курс средней школы окончил в частной гимназии в Санкт-Петербурге в 1886 г. С 1886 по 1890 г. учился на юридическом факультете в Императорском Варшавском университете. Проживая в Польше, работал в судебной системе Виленской губернии, с 1909 г. – в судебных органах Варшавы. С 1914 по 1917 г. – заместитель председателя гражданского департамента Правительствующего сената в Санкт-Петербурге и прокурор Кассационного суда Царства Польского. В 1917–1918 г. – председатель Союза татар Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. С 13 сентября по 15 ноября 1918 г. – министр юстиции Первого крымского краевого правительства М.А. Сулькевича. В 1919 г. переехал и поселился в Польше. Был одним из создателей татарского кавалерийского полка, состоявшего в основном из польско-литовских татар, принявшего (1920) участие в Киевской операции Войска польского (в нем служили его сыновья). Проживая в Вильно, был председателем Апелляционного суда приграничных земель, директором отдела юстиции Временной управляющей комиссии Срединной Литвы, председателем Кассационного суда Срединной Литвы, вице-президентом Юридического общества. В 1928–1930 гг. избирался сенатором II Польской Республики. Автор ряда работ по гражданскому праву и правовым аспектам Корана. Скончался в 1944 г.

За два месяца работы А.А. Ахматовичу удалось сделать немного. Тем не менее он начал реанимировать систему прокурорско-судебной власти на многих территориях, находившихся под юрисдикцией Первого краевого крымского правительства. В частности, создается Краевой военно-окружной суд. Формируется военно-прокурорский надзор при этом суде.

Отличился Ахматович тем, что подал специальный меморандум в связи с попытками «Гетмана всея Украины» Скоропадского включить в свои границы Крымский полуостров и Севастополь. В меморандуме он, с одной стороны, решительно отвергал саму возможность утраты Крымом своего суверенитета, а с другой – предлагал вступить с Украиной в федеративный союз. Наверное, поэтому М.А. Сулькевич поручил А.А. Ахматовичу возглавить крымскую делегацию в октябре 1918 г. на переговорах в Киеве по этому вопросу. Договориться украинцам с делегацией крымчан не удалось. А.А. Ахматович решительно отверг все попытки украинских переговорщиков ущемить суверенитет полуострова:

«Мы приехали сюда говорить, как равный с равным. Мы стоим на принципе национального самоопределения.., для Крыма мы будем требовать таких же прав, какие Украина требует для себя»[8].

После ухода немецких оккупационных войск из Крыма М.А. Сулькевич добровольно сложил с себя полномочия премьера. На этом деятельность Первого крымского краевого правительства закончилась.

15 ноября 1918 г. к власти пришло Второе крымское краевое правительство, просуществовавшее до конца апреля 1919 г. Его премьер-министром стал авторитетный местный политик Соломон Самуилович Крым (1867–1936), ученый-агроном и филантроп, инициатор создания Таврического университета[9]. Прокурорскую систему в этом правительстве в должности министра юстиции возглавил Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922).

---

[6] *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л., 1925.

[7] См. подр.: *Бутовский А.Ю.* Матвей Александрович Сулькевич. История жизни генерал-лейтенанта генерального штаба России, военно-научная и общественная деятельность (20 июня 1865 – 2 июля 1920 г.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 1–18. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.2.28396

[8] Киевская мысль. 1918. 1 окт. (18 сент.).

[9] См.: *Сорокин Р.А.* Законопроект С.С. Крыма о создании Таврического университета // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Юридические науки». 2007. Т. 20 (59). № 2. С. 262–268.

НАБОКОВ Владимир Дмитриевич, министр юстиции с функциями главного прокурора. Родился 8 июля 1869 г. в известной дворянской семье. Отец – Министр юстиции Российской Империи Дмитрий Николаевич Набоков, мать – баронесса Мария Фердинандовна фон Корф. В 1887 г. окончил с золотой медалью 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Во время учебы на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета арестовывался (1890) за участие в студенческих волнениях. В 1891 г. был командирован в Галльский университет (Германия) для профессорской подготовки по кафедре уголовного права. В 1894 г. – на службе в Государственной канцелярии. С 1895 г. – камер-юнкер. С 1896 г., находясь в звании профессора, преподавал уголовное право в Императорском училище правоведения. С образованием журнала «Освобождение» стал штатным сотрудником издания. Принимал участие в редактировании журнала «Вестник Права» и газеты «Право». В 1902 г. избирался гласным Санкт-Петербургской городской думы. Один из учредителей Конституционно-демократической партии. Активный участник земских съездов 1904–1905 гг., член Союза освобождения. Был заместителем председателя ЦК партии кадетов и редактором партийного органа «Вестник партии Народной Свободы». В 1905 г. лишен звания камер-юнкера и права преподавать в училище правоведения. В 1906 г. избирался членом I Государственной думы от Санкт-Петербурга. Подписал Выборгское воззвание, после чего был приговорен в 1908 г. к трем месяцам лишения свободы. В 1911 г. вызвал на дуэль редактора газеты «Новое Время» М.А. Суворина. Поводом для вызова послужила публикация сотрудника этой газеты Н.В. Снессарева с упоминанием семейной жизни Набокова, которого Суворин оправдывал. В 1914–1915 гг. – в чине прапорщика на фронтах Первой мировой войны. В 1916 г. по приглашению британского правительства посетил Лондон, а затем Париж в составе делегации представителей русской периодической печати. После Февральской революции – управляющий делами Временного правительства[10]. В мае 1917 г. подал в отставку, но продолжал работать в Юридическом совещании при Временном правительстве. Избран членом Учредительного собрания от Петроградской губернии. После Декрета об аресте лидеров «буржуазных партий» с 23 по 27 ноября содержался в Смольном, после чего уехал к семье в Крым. С 15 ноября 1918 г. до апреля 1919 г. – министр юстиции Второго краевого крымского правительства. Со 2 апреля 1919 г. в эмиграции. Первое время жил в Лондоне, затем в Париже, в 1920 г. переехал в Берлин. Активно занимался издательской деятельностью: в Англии издавал журнал "The New Russia", выпускавшийся на английском языке русским эмигрантским Освободительным комитетом, в Берлине вместе с И.В. Гессеном – газету «Руль». Автор ряда научных работ в области уголовного права. Отец известного русско-американского писателя Владимира Владимировича Набокова. Жизнь оборвалась неожиданно – во время покушения эмигрантов-монархистов на П.Н. Милюкова, пытаясь удержать террориста, был убит его сообщником выстрелом в спину. Умер 28 марта 1922 г.

Будучи назначенным на должность, В.Д. Набоков с большим энтузиазмом взялся за дело. Почти за полгода работы ему удалось назначить на должности многих прокурорских работников и фактически создать более или менее управляемую систему прокурорской власти, хотя, по мнению современников, и малоэффективную. Став главным законником Второго краевого крымского правительства, он сформировал специальную комиссию для восстановления всех юридических органов и лично составил всестороннюю программу их реорганизации и деятельности. Подписал ряд специальных документов, которые, с одной стороны, предостерегали от вмешательства в деятельность прокуроров и судей руководителей органов власти, с другой – давали хотя минимальные, но гарантии независимости служителям Фемиды.

При В.Д. Набокове начинает функционировать в полную силу Высший краевой суд, действие которого распространяется не только на Крым, но и на материковые уезды (входящие ранее в состав Таврической губернии), а также Симферопольский окружной суд. При всех судах состоят прокуроры. Например, при Симферопольском окружном суде было предусмотрено кроме прокурора введение 10 должностей товарищей прокурора, а также секретаря и помощника секретаря прокурора. На многие должности назначаются опытные юристы. Такие назначения, например, произошли в декабре 1918 г. В частности, прокурором Крымской судебной палаты стал Николай Каринский, а прокурором Высшего Крымского краевого суда был назначен Николай Карамин. Главный военный прокурор, который возглавлял военно-судебный отдел военного министерства, обеспечивал исполнение прокурорских обязанностей в военно-судебном присутствии этого суда.

В.Д. Набокову лично приходилось заниматься и надзором за расследованием уголовных дел, которые имели большой общественный резонанс. В 1918 г. на собственной даче предположительно офицерами Добровольческой армии был убит российский предприниматель, имевший французское подданство, Юлий Петрович Гужон. Следствием этого убийства была нота, направленная союзниками в декабре 1918 г. Крымскому правительству, однако виновные не понесли наказание.

[10] См.: *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1.

В своих воспоминаниях В.Д. Набоков писал:

«Наряду с этими, чисто разбойническими, убийствами, были случаи расстрелов, произведенных без суда и следствия, тех или других случайных людей, основательно или нет заподозренных в принадлежности к большевизму (случаи расстрела в Симферополе, на вокзале, также в Севастополе, какого-то смазчика или кочегара, захваченного с большевистскими прокламациями). А затем, постоянно и повсеместно происходили самовольные обыски и аресты, до последней степени волновавшие население, самовольные реквизиции, возбуждавшие глубокое озлобление. Правительство беспрерывно должно было обращаться к начальнику штаба командующего так называемой Крымско-Азовской Добровольческой армии генерала Боровского, генералу Пархомову, по поводу всех этих эксцессов. На словах это всегда встречало полную готовность содействия к борьбе с ними и обещания "принять меры". На деле оно не видело ни одного сколько-нибудь серьезного шага в этом направлении. Постепенно складывалось убеждение, что для Добровольческой армии законы не писаны...»[11].

Преступность и безнаказанность захлестнули Крым. В Ялте практически средь бела дня убит мальчик. На отобранном у него велосипеде офицеры, совершившие убийство, не стесняясь, безнаказанно разъезжали по городу. Там же лишили жизни видного коммерсанта, отобрав около 40 тыс. руб. По поручению В.Д. Набокова расследование этих дел вел Николай Николаевич Таганцев (который при Врангеле стал его преемником). Однако никто за это не понес наказания.

В конце апреля 1919 г. ненадолго власть в Крыму опять сменилась, – пришли большевики, которые тут же ликвидировали всю прокурорско-судебную систему. Но буквально через месяц после восстановления власти ВСЮР над Крымом деятельность прокуратуры и судов возобновилась. Сразу же (в июне–июле) были распределены обязанности между прокурорскими работниками Симферопольского окружного суда. Главным прокурором при этом суде был назначен Афанасий Иулианович Литвинович (1876–1937). Его товарищами, в частности стали: Н.К. Минин, Д.П. Подгоренский, В.В. Буримов, А.Н. Гукович. В Ялтинском уезде прокуратуру возглавил Н.Д. Зубенко; в Евпаторийском участке – А.Д. Охотин; в Феодосийском участке – Е.Г. Кадей; в Керченском участке – А.Т. Куриковский; в Мелитопольском участке – М.Д. Манцов.

1920 год был решающим годом в братоубийственной войне. Красная армия сокрушила польские войска. Повергла в бегство армию Деникина. Начался вывод войск интервентов. Но это был еще и год русского исхода...

4 апреля (22 марта по старому стилю) 1920 г., находясь в крайне удручающем состоянии, Главнокомандующий ВСЮР А.И. Деникин передал свои полномочия П.Н. Врангелю. До этого события, 3 апреля, А.И. Деникин обратился с письмом к председателю Военного совета:

«Многоуважаемый Абрам Михайлович!

Три года российской смуты я вел борьбу, отдавая ей все свои силы и неся власть, как тяжкий крест, ниспосланный судьбою.

Бог не благословил успехом войск, мною предводимых. И хотя вера в жизнеспособность армии и в ее историческое призвание мною не потеряна, но внутренняя связь между вождем и армией порвана. И я не в силах более вести ее.

Предлагаю Военному Совету избрать достойного, которому я передам преемственно власть и командование.

Уважающий Вас А. Деникин»[12]

На следующий день, как пишет в своих воспоминаниях А.И. Деникин, «*получив утвердительный ответ* (о том, что Врангелю известно его решение. – *А.Г.*), *отдал свой последний приказ вооруженным силам Юга*:

1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России.

2. Всем, шедшим честно со мною в тяжкой борьбе, – низкий поклон.

Господи, дай победу армии и спаси Россию.

Генерал Деникин»[13]

Вечером этого же дня, «*унося в душе неизбывную скорбь*», как писал А.И. Деникин, на борту английского миноносца со своими соратниками, женой и годовалой дочерью он отбыл в Константинополь, навсегда покинув родину. Так было угодно судьбе – пройти ему еще и через это испытание...

Заседавший 6 апреля в Ялте Правительствующий Сенат издал указ. В нем говорилось, что «*новому народному вождю*» отныне «*принадлежит вся полнота власти, военной и гражданской, без всяких ограничений*». 11 апреля Петр Николаевич Врангель принял пост «Правителя и Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России».

[11] *Пученков А.С.* Набоков В.Д. «Крым в 1918/19 гг.» // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2015. № 1. С. 236.

[12] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Париж, 1921.

[13] Там же.

Выбирая себе преемника, А.И. Деникин в этой катастрофической для белых ситуации, как поведала мне Марина Антоновна, дочь Деникина, осенью 2005 г., во время перезахоронения останков ее отца и матери, а также Ивана Александровича Ильина с супругой (я был одним из тех, кто выносил его гроб из церкви Александра Невского в Париже и участвовал в доставке их прахов в Москву и в погребении), прежде всего думал о России и поднялся выше обид (думаю, и неприязни. – *А.Г.*), которые он испытывал к П.Н. Врангелю (отвечающему ему, кстати, тем же. – *А.Г.*). Тогда, в сентябре–октябре 2005 г., мне посчастливилось почти неделю общаться с Мариной Антоновной во Франции и в России. Она, несмотря на свой солидный возраст, а было ей тогда уже 86 лет, прекрасно выглядела, интересно и удивительно последовательно излагала мысли. Впрочем, чему удивляться – это была ее профессия. Ведь из-под ее пера вышло много исторических исследований и других книг — всего около 20. Долгие годы Марина Антоновна работала тележурналисткой. Во время наших затянувшихся порой за полночь ужинов, во время которых она позволяла себе выпить даже пару рюмок водки и покурить, Марина Антоновна много поведала из того, что ей когда-то рассказывал отец о братоубийственной войне, соратниках и противниках, ответила на терзавшие меня вопросы, серьезно обогатив мои знания о тех кровавых днях русской смуты.

Во время этих встреч, мы, конечно же, говорили о ее отце, естественно, вспоминали о его конфликте с Врангелем. Марина Антоновна рассказывала, что из слов батюшки она сделала вывод: выбирая себе преемника, Антон Иванович прежде всего исходил из того, что генерал Врангель популярен в монархической среде, русская аристократия считала его своим, а сам Петр Николаевич жаждал деятельности и стремился к власти. К тому же, как считал ее отец, из среды полководцев Врангель выгодно выделялся профессионализмом, а также хорошим образованием и воспитанием.

К сожалению, эти качества Петра Николаевича в сложившейся ситуации уже не могли спасти ни его, ни белую Россию. Более того, ужесточившись от безысходности ситуации, он противопоставил себе и все свое войско широким, в основном крестьянским массам. С одной стороны, он, обращаясь с воззванием к гражданам России, писал:

«К РУССКИМ ЛЮДЯМ»

(Воззвание П.Н. Врангеля, май 1920 г.)

«Слушайте, русские люди, за что мы боремся:
За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.
За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, в конец разоривших Святую Русь.
За прекращение междоусобной брани.
За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.
За то, чтобы Русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.
Помогите мне, русские люди, спасти Родину.
Генерал Врангель»[14]

С другой стороны, практически в это же время, 29 апреля 1920 г., издавая приказ № 3032, предписывал *«комиссаров и других активных коммунистов уничтожать на поле сражения»*[15]. Как отмечал в своих воспоминаниях военный прокурор И.М. Калинин, *«к чести красноармейцев надо сказать, что они никогда добровольно не выдавали ни своего комсостава, ни политруков»*[16]. И это было понятно, ведь все они были из того самого народа, к которому обращался с воззванием барон Врангель.

Правда, объективности ради следует признать, что в этот период деникинская армия, которую возглавил генерал Врангель, переживала глубокий кризис, надо было принимать экстраординарные меры к его преодолению. Ведь даже сам Деникин, находясь в иммиграции, признавал:

«Армии понемногу погрязали в больших и малых грехах, набросивших густую тень на светлый лик освободительного движения... Некоторые явления разъедали душу армии и подтачивали ее мощь»[17].

Прокуратура же того времени, по самокритичному выражению военного прокурора И.М. Калинина, служившем при П.Н. Врангеле, *«робкая, малочисленная, приниженная, осуществляла и могла осуществлять надзор за законностью только на бумаге»*[18].

В такой обстановке главным законником в последнем белом правительстве Юга России стал Николай Николаевич Таганцев (1873–1946) – ему предстояло приложить немало сил к тому, чтобы восстановить прокурорскую и судебную власть, находящуюся почти целиком в это время в лоне военной юстиции. Уже упоминавшийся помощник Главного военного прокурора ВСЮР, служивший при генерале Врангеле, Александр Попов, даже будучи ярым приверженцем

[14] *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 132.

[15] *Калинин И.М.* Указ. соч.

[16] Там же.

[17] *Деникин А.И.* Указ. соч.

[18] *Калинин И.М.* Указ. соч.

его, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1921 г. в Константинополе, констатировал:

«Не осталось, кажется, ни одного тяжкого с точки зрения государственных и частных интересов деликта, который не был бы обращен к военной подсудности. Сюда относились преступления имущественные (грабежи, разбои, кражи и покупка краденного казенного оружия, обмундирования и вообще предметов воинского снабжения и довольствия и пр.), вымогательство, лихоимство и другие должностные преступления, спекуляция, уклонение от явки для отбывания воинской повинности и укрывательство дезертиров <...> и многое другое, вплоть до торговли в неуказанные дни мясом...»[19].

ТАГАНЦЕВ Николай Николаевич родился 29 сентября 1873 г. в дворянской семье в Санкт-Петербурге. Отец – известный криминалист, действительный тайный советник Николай Степанович Таганцев. Окончив в 1891 г. Санкт-Петербургскую 3-ю гимназию и в 1895 г. юридический факультет Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата права, начал службу в Министерстве юстиции кандидатом на судебные должности при Московской судебной палате. Состоял товарищем прокурора Тверского, а затем Санкт-Петербургского окружного суда. В 1906 г. назначается товарищем председателя Санкт-Петербургского окружного суда. С 11 марта 1917 г. – старший председатель Петроградской судебной палаты, а с 9 мая – сенатор Уголовного кассационного департамента Сената. Председательствовал в суде по делу бывшего военного министра В.А. Сухомлинова, которого обвиняли в государственной измене. В апреле 1920 г. – министр юстиции в правительстве Юга России. Эмигрировал во Францию. С 1923 г. проживал в Париже. Принимал участие в работе Объединения русских адвокатов во Франции. Избирался председателем правления Союза бывших деятелей русского судебного ведомства (1930-е гг.). С 1933 г. – генеральный секретарь Русского эмигрантского комитета во Франции и Русского комитета объединенных организаций (с 1936 г.). В 1939 г. входил в правление Русского комитета. Являлся членом приходского совета Александро-Невского собора в Париже, членом попечительского совета кладбища Сент-Женевьев-де-Буа, а также членом Епархиального совета Русской Православной Церкви за границей. Скончался в 1946 г.

Когда Н.Н. Таганцев приступил к исполнению своих обязанностей, положение находящихся под юрисдикцией ВСЮР территорий было удручающим. Дисциплина в войсках, как уже отмечалось, – низкой. Военный прокурор белогвардейцев И.М. Калинин писал в своих воспоминаниях:

«В вине заливали горечь прошлой неудачи и заглушали гнетущую мысль: “а что же впереди?” Дебоши являлись неизбежными спутниками пьяного угара. В реестрах военно-судебных установлений заблистали самые громкие фамилии донских генералов, обвиняемых, по шуточной военной терминологии, в “пьянстве, буянстве и окаянстве”. По установившемуся в белом стане обычаю, дела о таких лицах дальше производства следствия не шли...

О какой-нибудь дисциплине не могло быть и речи. Начальство и подчиненные смешались в одну гнию-щую кучу. Более богатый казак поил бедного офицера и наоборот. Строго говоря, в гражданскую войну в строевых казачьих частях настоящих офицеров, т.е. старых кадровых, почти не существовало»[20].

Для наведения порядка Врангелем подписывалось множество разных приказов, циркуляров и распоряжений. По прокурорско-судебной линии они составляли весомую часть деловой переписки. Врангель обращал весьма большое внимание на работу прокуроров. По воспоминаниям современников, *«главный военный прокурор (он же начальник военно-судебного управления) был столь же частым посетителем его* (Врангеля. – *А.Г.*) *кабинета, как и начальник штаба»*[21]. Придавая большое значение независимости прокурорского надзора, Врангель вывел Главного прокурора армии и флота (в отличие от царского режима он был в одном лице) из подчинения начальника военного управления и подчинил только себе.

Во времена Н.Н. Таганцева (но не по его инициативе), например, были введены ранее неслыханные прокурорские должности – вроде уездных помощников военного прокурора. Наиболее любимым детищем Врангеля были военно-судебные комиссии, они учреждались при каждой дивизии, отдельной бригаде, при штабе корпуса, в каждом уезде. Установив факт преступления, они должны были немедленно судить виновных по правилам военно-полевого суда. Прок от работы этих комиссий был невелик. Для надзора за деятельностью военно-судных комиссий в каждом корпусе учреждались должности начальника военно-судебной части, подчиненного как комиссии, так и Главному военному прокурору, которым в это время был генерал-лейтенант Иван Александрович Ронжин (1867–1927)[22]. Была также учреждена должность

[19] *А.П.* Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1921.

[20] *Калинин И.М.* Указ. соч.

[21] Там же.

[22] См.: *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997.

военного следователя по особо важным делам при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. Два следователя по особо важным делам также состояли в штате Главного военного прокурора.

Приказом Врангеля от 8 июля прокурорский надзор по делам о государственных преступлениях был возложен на чины «прокурорского надзора военного и военно-морского ведомства – в прифронтовой полосе и гражданского ведомства – в тыловом районе». Как отмечал в своей монографии известный исследователь «эволюции Крымского белого государства» Н. Росс, *«чины прокурорского надзора должны были присутствовать при всех важнейших следственных действиях.., следить за законностью арестов и правильностью содержания арестованных»*. Члены контрразведки, производящие дознания, должны были:

«1) сообщать без промедления прокурорскому надзору военного или военно-морского ведомств – в прифронтовой полосе и гражданского ведомства в тыловом районе – а) о приступе к дознанию и б) о всяком заключении под стражу и об освобождении из-под таковой, 2) входить в соглашение с наблюдающим за дознанием лицом прокурорского надзора в случае необходимости осмотра или выемки почтовой или телеграфной корреспонденции и 3) исполнять все законные требования прокурорского надзора, как о приступе к дознанию, так и по всем предметам последнего».

Согласно исследованиям Н. Росса, *«все возникающие затруднения разрешались либо главным военным прокурором, либо прокурором судебной палаты. Таким образом, впервые с начала гражданской войны политический розыск действительно становился под контроль чинов прокуратуры»*[23].

Однако одними мерами прокурорского надзора нельзя было обеспечить безусловное исполнение законов, особенно в деструктивной обстановке военного времени.

Дезертирство в армии было превеликое... И на этом направлении своей деятельности законоблюстители не могли похвастаться особыми успехами. Ведь крестьянство, на которое делал ставку Врангель, воевать не желало. Не понимая целей этой войны, оно своим безмолвием бросало упрек всем тем, кто вносил в Россию пламя междоусобной войны. Но оно восставало и искало справедливости у власти, и прежде всего у прокуроров, когда его мордовали и грабили.

Военный прокурор И.М. Калинин в своих воспоминаниях приводил много случаев, когда незлобивые крымские селяне буквально хватали за штаны прокуроров, появлявшихся в их поле зрения, прося защиты.

Вот только один пример, который произошел с ним в мае 1920 г. под Джанкоем. В то время он был представителем Главного военного прокурора Юга России в частях Донского корпуса:

«Группа серых, невыразительных лиц. В руках не цветы, а клочки исписанной бумаги.

– В чем дело, господа?

– Господа мнутся. Их смущают мои красные лампасы.

– Вот этот, к кому вам надо, ***прокурор*** (выделено мною. *– А.Г.*), *– объясняет казак. Из группы выделяется черная рубаха.*

– Время, ваше высокоблагородие, скоро пшеницу косить надо...

– А тут ваши казаки лошадей отняли. У кого одна была, одну взяли, у кого две, обеих увели. Ведь этак мы хлеба не соберем, и вам будет голодно...

– Какой полк отбирал лошадей?

– Не знаем... Командир ихний такой молодой и сурьезный... еще без руки будут.

Гриша Чепчиков, это его работа, – мелькает в голове...

Ненавистному учреждению отвели товарный вагон, который осаждает целая толпа. У всех в руках удостоверения от сельских властей о том, что они отправляются в прифронтовую полосу для розыска своих лошадей, захваченных войсками...

Старики терпеливо жмутся у заветного вагона, где записывают заявления. Более молодые что-то не весьма дружелюбно поглядывают на нас...»[24].

Н.Н. Таганцев в условиях роста преступности, произвола и вседозволенности ориентировал прокуроров на организацию прямой связи с населением. В циркуляре Управления юстиции от 12 августа 1920 г.[25] прокурорам предлагалось сообщать гражданам о принятии от них жалоб и заявлений, в частности, на незаконные действия должностных лиц. Во исполнение этого указания товарищу прокурора первого Симферопольского участка рекомендовалось разместить в газетах объявление:

«Прокурор Симферопольского окружного суда принимает посетителей с жалобами на частных и должностных лиц по обвинению их в совершении всякого рода преступных деяний ежедневно, кроме праздничных дней, от 12 до часу дня в здании судебных установлений. В экст-

[23] *Росс Н.Н.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 112.

[24] *Калинин И.М.* Указ. соч.

[25] См.: Государственный архив Республики Крым. Ф. 483. Оп. 4. Д. 1296. Л. 2.

ренных случаях прием просителей производится во всякое время»[26].

Тем не менее, несмотря на принимаемые меры Н.Н. Таганцевым и Главным военным прокурором И.А. Ронжиным по усилению прокурорского надзора на подконтрольных ВСЮР территориях, они мало чем могли помочь в сложившейся ситуации Правителю и Главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России П.Н. Врангелю. Да и те меры, которые предпринял после прихода к власти сам Главнокомандующий, в т.ч. по реорганизации и укреплению дисциплины в белых войсках, положение дел не могли исправить. Красная армия, решительно наступая, в конце ноября 1920 г. фактически сбросила в Черное море остатки врангелевских войск. За три дня 150 тыс. человек, не принявших новую власть, пустились в изгнанический путь, покинув Россию. Растление белогвардейской армии и ее гибель «должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни»[27], – считал А.И. Деникин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *А.П.* Правосудие в войсках генерала Врангеля. Константинополь, 1921.
2. *Авксентьев Н.Д.* Государственный переворот Колчака. Рассказ корреспонденту New York Herald // Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: сб. док. / собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919.
3. *Беплин М.Р.* Защита на предварительном следствии // Сибирская жизнь. 1919. 20 июля.
4. *Бочаров А.А.* К.Я. Яневич-Яневский – главный военно-морской прокурор // Новый часовой. 2001. № 11–12.
5. *Бутовский А.Ю.* Матвей Александрович Сулькевич. История жизни генерал-лейтенанта генерального штаба России, военно-научная и общественная деятельность (20 июня 1865 – 2 июля 1920 г.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 2. С. 1–18. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.2.28396
6. *Врангель П.Н.* Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 2. С. 132.
7. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Париж, 1921.
8. *Завадский С.В.* На великом изломе // Архив русской революции. М., 1991. Т. 8, 11.
9. *Задерейчук И.П.* Функционирование прокуратуры на территории Крыма в 1917–1920 гг. // Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Юрид. науки. 2016. № 2.
10. *Зайнутдинов Д.Р.* Трансформация института прокуратуры в период Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1922 гг. в России // Пенитенциарная наука. 2020. № 1.
11. *Зайнутдинов Д.Р.* Эволюция института прокуратуры на территории, занимаемой Вооруженными силами Юга России в период Гражданской войны // Философия права. 2020. № 1.
12. *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001.
13. *Зензинов В.* Правда о неправде. Письмо в редакцию Общего дела // Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года: сб. док. / собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919.
14. *Калинин И.М.* Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л., 1925.
15. *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2003. С. 286.
16. *Кобяков С.* Красный суд // Архив русской революции. М., 1991. Т. 7.
17. *Ковтюх Е.* От Кубани до Волги и обратно. Из воспоминаний о походах и боях красных таманских частей. М., 1926.
18. *Коренев С.А.* Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. М, 1991. Т. 7.
19. Красный террор в годы Гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского. London, 1992.
20. *Курицын В.М.* Переход к НЭПу и революционная законность. М., 1972.
21. *Мокеев В., Лаговиер Н.* На страже революционной законности (Очерки работы Прокуратуры РСФСР за 1922–1925 гг.). М., 1926.
22. *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. М., 1991. Т. 1.
23. *Павлов М.П.* Процессы и судьбы. Воспоминания и размышления военного прокурора. Киев, 2003.
24. *Портнов В.П., Славин М.М.* Становление правосудия Советской России 1917–1922 гг. М., 1990.
25. Профсоюзы Сибири в борьбе за власть Советов (1917–1919 гг.) / сост. В.И. Шемелев; под ред. В.Д. Вегмана. Новосибирск, 1928. С. 170.
26. *Пученков А.С.* Набоков В.Д. «Крым в 1918/19 гг.» // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2015. № 1. С. 236.

[26] Там же. Л. 1.

[27] *Деникин А.И.* Указ. соч.

27. Революция и гражданская война в России: 1917–1923 гг.: энциклопедия: в 4 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. М., 2008. Т. 4. С. 521.

28. *Росс Н.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 112.

29. *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997.

30. *Савенков А.Н.* Военная прокуратура в России. М., 2003.

31. *Сорокин Р.А.* Законопроект С.С. Крыма о создании Таврического университета // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Юридические науки». 2007. Т. 20 (59). № 2. С. 262–268.

REFERENCES

1. *A.P.* Justice in the troops of General Wrangel. Constantinople, 1921 (in Russ.).

2. *Avksentiev N.D.* Kolchak's Coup d'etat. A story to the correspondent of the New York Herald // The coup d'etat of Admiral Kolchak in Omsk on November 18, 1918: sat. doc. / collected and published by V. Zenzinov. Paris, 1919 (in Russ.).

3. *Beplin M.R.* Protection on preliminary investigation // Siberian life. 1919. July 20 (in Russ.).

4. *Bocharov A.A.* K. Ya. Yanevich-Yanevsky – chief naval prosecutor // New sentry. 2001. No. 11–12 (in Russ.).

5. *Butovsky A. Yu.* Matvey Aleksandrovich Sulkevich. The life story of a Lieutenant General of the General Staff of Russia, military-scientific and public activity (June 20, 1865 – July 2, 1920) // Genesis: historical studies. 2019. No. 2. P. 1–18. DOI: 10.25136/2409-868X. 2019.2.28396 (in Russ.).

6. *Zavadsky S.V.* On the great break // Archive of the Russian Revolution. M., 1991. Vol. 8, 11 (in Russ.).

7. *Zadereychuk I.P.* Functioning of the Prosecutor's Office on the territory of Crimea in 1917–1920 // Scientific notes of Vernadsky KFU. Legal sciences. 2016. No. 2 (in Russ.).

8. *Zaynutdinov D.R.* Transformation of the Institute of Prosecutor's Office during the October Revolution of 1917 and the Civil War of 1918–1922 in Russia // Penitentiary science. 2020. No. 1 (in Russ.).

9. *Zaynutdinov D.R.* Evolution of the Institute of Prosecutor's Office in the territory occupied by the Armed Forces of the South of Russia during the Civil War // Philosophy of Law. 2020. No. 1 (in Russ.).

10. *Zvyagin S.P.* Law enforcement policy of A.V. Kolchak. Kemerovo, 2001 (in Russ.).

11. *Zenzinov V.* The truth about untruth. Letter to the editorial office of the Common Cause // The coup d'etat of Admiral Kolchak in Omsk on November 18, 1918: sat. doc. / collected and published by V. Zenzinov. Paris, 1919 (in Russ.).

12. *Wrangel P.N.* Memoirs. The Southern Front (November 1916 – November 1920). M., 1992. Part 2. P. 132 (in Russ.).

13. *Denikin A.I.* Essays of the Russian troubles. Paris, 1921 (in Russ.).

14. *Kalinin I.M.* Under the banner of Wrangel. Notes of a former military prosecutor. Leningrad, 1925 (in Russ.).

15. *Karpenko S.V.* Essays on the history of the White movement in the South of Russia (1917–1920). M., 2003. P. 286 (in Russ.).

16. *Kobyakov S.* Red Court // Archive of the Russian Revolution. M., 1991. Vol. 7 (in Russ.).

17. *Kovtyukh E.* From Kuban to Volga and back. From the memoirs of the campaigns and battles of the Red Taman units. M., 1926 (in Russ.).

18. *Korenev S.A.* Extraordinary Commission on cases of former ministers // Archive of the Russian Revolution. M, 1991. Vol. 7 (in Russ.).

19. The Red Terror during the Civil War: based on the materials of the Special Investigative Commission to investigate the atrocities of the Bolsheviks / ed. by Yu. G. Felshtinsky and G.I. Chernyavsky. London, 1992 (in Russ.).

20. *Kuritsyn V.M.* Transition to NEP and revolutionary legality. M., 1972 (in Russ.).

21. *Mokeev V., Lagovier N.* On guard of revolutionary legality (Essays on the work of the RSFSR Prosecutor's Office for 1922–1925). M., 1926 (in Russ.).

22. *Nabokov V.D.* Provisional Government // Archive of the Russian Revolution. M., 1991. Vol. 1 (in Russ.).

23. *Pavlov M.P.* Processes and Destinies. Memoirs and reflections of the military prosecutor. Kiev, 2003 (in Russ.).

24. *Portnov V.P., Slavin M.M.* The Formation of justice in Soviet Russia 1917–1922. M., 1990 (in Russ.).

25. Trade unions of Siberia in the struggle for the power of the Soviets (1917–1919) / comp. V.I. Shemelev; ed. by V.D. Vegman. Novosibirsk, 1928. P. 170 (in Russ.).

26. *Puchenkov A.S.* Nabokov V.D. "Crimea in 1918/19's." // Russia's recent history / Modern history of Russia. 2015. No. 1. P. 236 (in Russ.).

27. Revolution and Civil War in Russia 1917–1923: encyclopedia: in 4 vols. / ed. by A.S. Kondrashov. M., 2008. Vol. 4. P. 521 (in Russ.).

28. *Ross N.* Wrangel in the Crimea. Frankfurt am Main, 1982. P. 112 (in Russ.).

29. *Rutych N.N.* Biographical directory of the highest ranks of the Volunteer Army and the Armed Forces of the South of Russia (Materials for the history of the White Movement). M., 1997 (in Russ.).

30. *Savenkov A.N.* Military Prosecutor's Office in Russia. M., 2003 (in Russ.).

31. *Sorokin R.A.* Draft Law of the S.S. Crimea on the establishment of the Tauride University // Scientific notes of Vernadsky Tauride National University. Ser. "Legal Sciences". 2007. Vol. 20 (59). No. 2. P. 262–268 (in Russ.).

* * *

При написании статьи были также использованы документы и материалы Государственного архива РФ (Ф. 601. Ед. хр. 1397; Ф. 1807. Оп. 1; Ф. Р. 8132. Оп. 1; Оп. 7. Д. 39); Центрального архива ФСБ России; Центрального архива Следственного комитета РФ; Государственного архива Республики Крым (П-1. Оп. 2. Д. 3216); Государственного архива Омской области; а также Ежегодный сборник Высочайших приказов по Военному министерству «О чинах военных» (СПб., 1867–1917); Полное собрание законов Российской империи (1867. Т. 42. Отд. 1. Кн. 2).

Сведения об авторе

ЗВЯГИНЦЕВ Александр Григорьевич – заместитель директора по международному сотрудничеству Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; Вице-президент Международной ассоциации прокуроров; ул. Хартогштаат, 13, 2514 ЕР, Гаага, Нидерланды

Authors' information

ZVYAGINTSEV Alexander G. – Deputy Director for International Cooperation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Vice-President of the International Association of Prosecutors; Hartogstraat 13, Hague, Netherlands

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 219–233
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 219–233

ФИНАНСЫ И НАУКА ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

© 2021 г. К. С. Бельский

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: finpravo@rsuj.ru

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

Аннотация. В статье анализируется программа, составленная Николаем I при вступлении на престол и включавшая проведение кодификации российского законодательства; упорядочение финансов и осуществление денежной реформы; подготовительные меры по отмене крепостного права с учетом финансового положения крестьян; меры по улучшению в университетах страны юридического и финансового образования.

Ключевые слова: кодификация, финансы, денежная реформа, денежный капитал, крепостное право, финансовое образование.

Цитирование: *Бельский К.С.* Финансы и наука финансового права в правление императора Николая I // Государство и право. 2021. № 10. С. 219–233.

DOI: 10.31857/S102694520017275-3

FINANCE AND THE SCIENCE OF FINANCIAL LAW DURING THE REIGN OF EMPEROR NICHOLAS I

© 2021 K. S. Belsky

Russian state University of Justice, Moscow

E-mail: finpravo@rsuj.ru

Received 01.02.2021

Abstract. The article analyzes the program drawn up by Nicholas I upon his accession to the throne and included the codification of Russian legislation; the streamlining of finances and the implementation of monetary reform; preparatory measures for the abolition of serfdom, taking into account the financial situation of peasants; measures to improve legal and financial education in the country's universities.

Key words: codification, finance, monetary reform, monetary capital, serfdom, financial education.

For citation: *Belsky, K.S. (2021).* Finance and the science of Financial Law during the reign of Emperor Nicholas I // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 219–233.

Николай I и его финансовая программа. 30-летнее правление императора Николая I в историографии оценивалось по-разному. Дореволюционные либеральные (К.Д. Кавелин, М.М. Ковалевский) и советские историки оценивали крайне отрицательно, признавая его реакционным, направленным против прогрессивных преобразований в странах Западной Европы после Французской революции, идей декабристов, выступивших на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., даже против царствования Александра I с его европейскими реформами

в системе государственного управления и планами освобождения крестьян от крепостного права. Особенно старались принизить Николая I как человека и правителя советские историки, руководствуясь высказываниями Маркса и Энгельса, которые характеризовали его как самодовольного посредственного человека, «чей кругозор никогда не превосходил кругозора офицера ротного масштаба...»[1].

Противоречиво к личности Николая I относился В.О. Ключевский, но более справедливо. Третьего сына императора Павла не посвящали в вопросы высшей политики, не приглашали решать важные государственные дела, его готовили к скромной военной карьере. Отсюда его стремление к порядку, «консервативный и бюрократический образ действий»[2]. Представляется, что правильную характеристику Николаю I как государственному деятелю дал историк Н.К. Шильдер, полагавший, что это был умный, обладавший сильной волей человек, умевший принимать правильные решения в трудных как внутренних, так и внешних политических ситуациях. Действительно, он не был похож на своего правнука-тезку, растерявшегося в феврале–марте 1917 г. Подавив военный мятеж на Сенатской площади в декабре 1825 г., Николай I сказал: «Революция на пороге России, но клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни»[3].

В короткое время Николай Павлович овладел знаниями и опытом, которые были нужны для управления империей. Как человек, не готовившийся к «государевым правам и обязанностям», но неожиданно ставший правителем государства, он постоянно учился. Выступление на Сенатской площади рассматривал прежде всего не как угрозу себе и своей семье, но как угрозу государству и как урок: он был в курсе всей информации, какую давали обвиняемые на допросах «декабристы». Ему стало ясно, как было ясно его старшему брату Александру, впавшему в мистицизм после победы над Наполеоном, что главное зло России – крепостное право, которого уже давно нет в европейских странах, а здесь у себя – победителей великого полководца – существует и вызывает озлобление у наиболее образованных дворян. Он знал также слова, сказанные советником по науке Жозефом де Местром брату Александру: «Вам нужно бояться не крестьянского, а университетского Пугачева».

За решение «крестьянского вопроса» Николай I думал взяться сразу после вступления на престол, но, рассмотрев его со всех сторон, понял, что это «гордиев узел», его нельзя разрубить, а необходимо развязать, подумав и выслушав мнение самых выдающихся людей из своего окружения.

Николай I также понимал, беседуя с Е.Ф. Канкриным и М.М. Сперанским, что отмене крепостного права должна предшествовать кодификация законодательства, т.к. оно находилось в хаотическом состоянии, в нем не могли разобраться даже опытные чиновники. Попытки кодифицировать российское законодательство, находившееся со времен принятия Соборного уложения в 1649 г. в заброшенном состоянии, предпринятые Петром I и Екатериной II, оказались неудачными.

Проведение крестьянской реформы являлось не только глобальным политическим вопросом, но одновременно крупной финансовой проблемой. Финансы представляли для Николая I особый объект внимания, т.к. при вступлении на престол они находились не в лучшем состоянии. Крестьяне – и государственные, и помещичьи – крайне неохотно платили подушную подать, недоимки по ней достигали, как всегда, больших размеров. Между тем поступления от подушной подати составляли основную часть бюджета.

Министр финансов Е.Ф. Канкрин, которого царь оставил на занимаемой им должности, признавая его честным и знающим работником, постоянно напоминал о серьезных неполадках в сфере государственных финансов. Прежде всего он указывал Николаю I на необходимость проведения денежной реформы в стране и замене ассигнационных бумажных денег другими бумажными – кредитными билетами, стоимость которых была бы приравнена к стоимости серебряных металлических. Царь имел хорошее общее представление о государственных финансах: в 1813–1817 гг. ему и его младшему брату Михаилу, когда они еще были великими князьями, юриспруденцию и финансовую науку преподавал ректор Санкт-Петербургского университета, проф. М.А. Балугьянский, который одновременно был ближайшим советником Александра I, а позже – Николая I.

Отметим основные направления деятельности правительства Николая I, которые составили его программу.

1. Кодификация российского законодательства и выделение в Своде законов блоков (элементов) системы финансового права.

2. Упорядочивание финансовой деятельности: финансово-контрольной, налоговой, бюджетной, банковской. Содействие развитию промышленности.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 35 (прим. 2).

[2] *Ключевский В.О.* Соч. М., 1958. Т. 5. С. 324.

[3] *Шильдер Н.К.* Николай I. СПб., 1903. Т. 1. С. 315.

3. Проведение денежной реформы в целях нормализации денежного обращения.

4. Подготовительная деятельность к отмене крепостного права и первые шаги к ней.

5. Создание материальных условий в университетах (преподаватели, учебники) для преподавания финансовой науки и финансового права.

На пути выполнения данной программы было немало трудностей. Историк Н.М. Дружинин, характеризуя государственных деятелей, окружавших Николая I, писал: «Выдающиеся таланты не находили себе доверия и поддержки у самодержца, он предпочитал окружать себя безличными и исполнительными помощниками, которые в холопском подобострастии не осмеливались посягать на его волю»[4]. Изложенная характеристика – неправда. Императора Николая I окружали и помогали в работе умные, талантливые и образованные люди, обладавшие чувством собственного достоинства и не боявшиеся высказывать свое мнение: М.М. Сперанский, М.А. Балугьянский, П.Д. Киселев, Е.Ф. Канкрин, Н.П. Уваров, Н.С. Мордвинов и др. Поставленные перед этими государственными деятелями задачи решались успешно; не соглашаться с мнением царя мог каждый. Н.С. Мордвинов – член Верховного уголовного суда – человек, отказавшийся подписать смертный приговор приговоренным к казни «декабристам». В государственном управлении давно известна истина: ум правителя определяется людьми, которые окружают его, выполняя совместную управленческую работу.

Кодификация российского законодательства и выделение в Своде законов блоков (элементов) финансового права. Соборное уложение 1649 г., принятое в правление царя Алексея Михайловича, являлось универсальным нормативным актом, нормы которого охватывали и регулировали наиболее важные общественные отношения, в т.ч. в области финансовой деятельности Московского государства. Но со времени Соборного уложения до правления Николая I накопилось огромное множество законов, указов, манифестов, не всегда согласованных между собой, давно устаревших, в которых не могли разобраться даже очень опытные чиновники. Попытки Петра I и Екатерины II привести в порядок такую хаотическую массу юридического материала и составить новое Уложение не получились. У Петра I не было времени; Екатерина II, женщина умная и образованная, сделала первые шаги к кодификации законодательства, создав комиссию по написанию нового Уложения и написав Наказ, но затем отошла от дел, т.к. боялась зайти далеко в загадочной для нее стране.

В записках лиц, занимавших ответственные должности и желавших помочь Николаю I при вступлении на престол, лейтмотивом была идея проведения кодификации российского законодательства, которое было хаотично и сумбурно. Впрочем, сам император был уверен в том, что кодификация нужна для решения прежде всего следующих задач: 1) поддерживать соответствующий порядок в стране; 2) подготовить все классы общества к отмене крепостного права.

Вечером 13 декабря 1825 г. готовившийся вступить на российский престол великий князь Николай Павлович позвал М.А. Балугьянского, одного из наиболее образованных и работоспособных советников, к себе во дворец и сказал: «Я желаю положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов»[5]. 31 января 1826 г. Николай I учредил для этого 2-е отделение Собственной канцелярии и назначил начальником М.А. Балугьянского, но фактически управляющим в нем стал М.М. Сперанский. Каждого он знал. Был убежден, что падение Сперанского в правление его старшего брата Александра объяснялось интригами, завистью и клеветой.

Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847), окончивший юридический факультет Венского университета, доктор наук, читавший лекции в Пештском университете по полицейскому и финансовому праву, в правление Александра I был приглашен на работу в Россию. Благодаря энциклопедической эрудиции, знанию основных европейских языков, а также европейского законодательства и европейских финансов, Балугьянский быстро продвигался по государственной службе, был назначен ректором Санкт-Петербургского университета и заслужил доверие и уважение как Александра I, так и его брата Николая I.

Основная часть работы по кодификации законодательства легла на Сперанского, т.к. он отменно разбирался в законах, принятых в XVII–XVIII вв., умел их кратко и ясно формулировать на понятном для всех русском языке. Напротив, для Балугьянского русский язык оказался трудным, и это было помехой в работе. 28 января 1828 г. Сперанский представил Николаю I доклад, в котором проводил идею о том, что России нужны не только ясные и твердые законы, но и преподаватели права в университетах,

[4] *Дружинин Н.М.* Николай I и его программа // История СССР. М., 1968. Т. 6. С. 259.

[5] *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. 1 (Сер. «Русское юридическое наследие»).

а также учебники по каждой отрасли права. Кроме того, в докладе высказывалась идея, возможно, подсказанная Балугьянским, посылать студентов, прошедших курс обучения и успешно сдавших экзамены, в один из ведущих заграничных университетов[6].

Благословляя на деятельность по кодификации российского законодательства, Николай I сформулировал правило, которого обязаны были придерживаться кодификаторы Сперанский и Балугьянский: «ничего не вводить нового, чинить и приводить в порядок старое». Работа по кодификации началась в 1826 г. Сперанский, фактически руководивший работой, предложил в первую очередь составить Полное собрание законов Российской империи, расположив законодательные акты в хронологическом порядке. Он проделал колоссальную работу по выявлению нормативных актов, их сличению и отбору. Сперанский исключил законы повторяющиеся и друг другу противоречащие, свел другие законы воедино и расположил полученный материал в определенной системе. По словам В.О. Ключевского, «до сих пор это полное собрание материалов остается основным для истории русского законодательства»[7]. В апреле 1830 г. «Полное собрание законов Российской империи» было напечатано. Оно включало 45 фундаментальных томов. В составленный реестр отобранных актов вошли 53 239 наименований.

Из этого источника Сперанским и Балугьянским действующие законы, которые были отредактированы, подверглись сокращению. Из противоречащих друг другу актов они выбрали позднейшие. Составители, что особенно ценно, стремились расположить акты по определенной системе, соответствовавшей отраслям права. Так был составлен «Свод законов Российской империи», изданный в 1833 г. в 15 томах. Дальнейшие законы присоединялись к Своду как дополнительные.

Знакомство со Сводом законов позволяло сказать, что особым вниманием составителей пользовались нормы финансового права. Они были разделены и размещены в Своде законов следующим образом: регулирующие составление сметы доходов и расходов (нормы бюджетного права) – в т. 1; налоговые нормы – в т. 5; определяющие таможенные платежи и тарифы – в т. 6; определяющие выпуск металлических и бумажных денег – в т. 7 и 11; нормы банковского права – в т. 11.

19 января 1833 г., в день представления императору всех томов «Полного собрания» и «Свода законов», М.М. Сперанскому был вручен орден Святого Андрея Первозванного. Апогеем этого ряда действий стал факт, когда в конце церемонии император снял с себя Андреевскую звезду и надел на Сперанского. Эта сцена изображена на барельефе памятника Николаю I, установленного перед Исаакиевским собором в исполнении П.К. Клодта[8]. В 1836 г., незадолго до смерти, великий кодификатор был возведен в графское достоинство. Сперанский поблагодарил императора, но дал тонко понять, что заслужил ее очень поздно.

Наградой особого рода был удостоен императором Николаем I за немаловажную роль в кодификации российского законодательства, особенно в работе над «Сводом законов», М.А. Балугьянский. 16 июня 1837 г. он был возведен в потомственное дворянство. При утверждении его дворянского герба Николай I собственноручно внес в центральную его часть цифру «15», которая обозначала число томов «Свода законов Российской империи»[9].

Как Полное собрание, так и Свод законов имели огромное значение в истории российского юридического мышления и российской юридической практики. Сперанский по поводу издания «Свода законов» писал: «Свод законов представляет в стройном, правильном и единообразном составе все действующие законы. Сего требовали первые существенные нужды Государства: правосудие и управление»[10]. Добавим к сказанному: и финансовая деятельность государства.

Значение издания «Свода законов» было весьма велико. По мнению известного ученого-юриста А.В. Романовича-Славатинского, «Полное собрание законов и Свод законов являлись важным шагом в воспитании русского народа в духе законности, а также особенно в преподавании юридических наук»[11]. До составления Свода, по словам видного теоретика права Н.М. Коркунова, «наше юридическое образование стояло так низко...»[12]. Свод законов собрал финансово-правовые нормы в единую систему, указал на главные разделы этой системы, подготовил финансовое право к преподаванию в российских университетах. М.М. Сперанский указывал, что логика

[6] См.: *Томсинов В.А.* Указ. соч.

[7] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 267.

[8] См.: *Сперанский М.М.* Юридические произведения / под ред. и с биогр. очерком В.А. Томсинова. М., 2008. С. 255, 256 (Сер. «Русское юридическое наследие»).

[9] Там же.

[10] *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 1845.

[11] *Романович-Славатинский А.В.* Государственная деятельность графа М.М. Сперанского. Киев, 1873.

[12] *Коркунов Н.М.* Значение Свода законов. СПб., 1894. С. 3.

расположения юридического материала сообразовывалась с порядком учебного его разделения[13]. Преподавательская деятельность в университетах сама по себе включала мотор познавательной деятельности, т.к. нельзя студентам объяснять нормы финансового права, не классифицируя, не систематизируя и не обобщая их, а обобщение, как правило, приводит к теоретическим выкладкам. Иными словами, начинает работать гносеологический фактор.

Важное значение Свода законов признавалось всеми писавшими о нем. По замечанию А.Г. Станиславского, одна из задач, которая решалась изданием «Свода законов» – это «несомненное желание правительства утвердить науку отечественного права на прочном фундаменте, построенном из исторического материала»[14]. Издание «Свода законов» увеличило число кафедр в университетах. В 30–50-х годах XIX в. финансовая наука с ее понятиями «государственные финансы», «финансовое право», «финансовое управление» становится в русском обществе настолько актуальной, что университетский Устав, принятый в 1835 г., включил в программу юридических факультетов преподавание законов о государственных повинностях (налогах) и финансах[15].

Финансы в правление Николая I. Первая область государственной деятельности, на которую обратил внимание император, были финансы, несмотря на то что Министерством финансов руководил опытный министр граф Е.Ф. Канкрин. Особые акценты делались на финансовый контроль. Напомним читателю, что еще в правление Александра I, в 1811 г., по инициативе М.М. Сперанского было создано Главное управление ревизии государственных счетов, преобразованное в правление Николая I, в 1836 г., в Государственный контроль, являвшийся, по существу, финансовым. В § 1 Закона об этом контроле читаем: «Главный предмет сего управления есть поверка и ревизия приходов и расходов всех казенных и общественных сумм и капиталов и надзор за совершившимся движением оных»[16]. Доверяя Министру финансов Е.Ф. Канкрину, император, однако, первое время нередко лично осуществлял финансово-контрольную проверку в столичных финансовых учреждениях. По словам В.О. Ключевского, «он сам лично ревизовал ближайшие столичные учреждения: бывало налетит в какую-нибудь казенную палату, напугает чиновников и уедет, дав всем почувствовать, что он знает не только их дела, но и их проделки»[17]. Вместе с тем в отдельных случаях после личной проверки финансовых документов вскрывались фальшивые записи.

Что касается налогового бремени, то Николай I поставил своей задачей ничего не менять, не вводить ничего нового, а только поддерживать те некоторые изменения, которые сделал в руководстве казенными крестьянами его министр П.Д. Киселев. Системы – налоговая, бюджетная, банковская – работали так же, как и в правление Александра I.

Подушная подать с помещичьих крестьян взималась в том виде, в каком она взималась при предыдущих императорах. Сохранились те же косвенные налоги: на соль, табак, сахар. На сахар налог был введен после споров в Государственном совете в 1848 г.

Говоря о платежах крестьян государству, не забудем сказать об их платежах землевладельцу-помещику: они уплачивались в форме барщины, т.е. работы на господской земле, которая была ограничена, либо в форме оброка, который мог быть натуральным или денежным. Барщину крестьяне исполняли неохотно, и в 20–50-е годы XIX в. она постепенно утрачивала свое значение и заменялась денежным оброком. А.С. Пушкин, отлично знавший российскую действительность, отметил этот аспект в поэме «Евгений Онегин»:

«Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил,
И раб судьбу благословил».

Заметим, после Французской революции в первой половине XIX в. дворянское сословие стало платить налоги в бюджет государства во всех странах Западной Европы, но в Российской Империи вся тяжесть содержания государства по-прежнему падала на крестьянство, хотя наиболее умные дворяне, такие, например, как Ю.Ф. Самарин, предупреждали, что дворяне также обязаны платить налоги, как все другие классы общества, если они «дорожат своей политической будущностью»[18].

Бюджетная система функционировала в традиционном режиме. Бюджет, принимаемый и обсуждаемый в Государственном совете, но утверждаемый императором, был засекречен, о нем знала

[13] См.: *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов.

[14] Цит. по: О значении свода законов Российской империи для науки и жизни (Речь тов. пред. [Одес. юрид. о-ва] М.В. Шимановского, произнес. в торжеств. заседании 11 февр. 1889 г., посвящ. памяти графа М.М. Сперанского). Одесса, 1889. С. 12.

[15] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 10. Отд. 1. № 8337. СПб., 1836.

[16] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 11. № 9812. СПб., 1837.

[17] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 264.

[18] *Самарин Ю.Ф.* Финансовая реформа в Пруссии в начале нынешнего столетия. Берлин, 1878. С. 63.

узкая группа людей его окружавшая. Сперанский и Балугьянский убеждали Николая I сделать бюджет гласным, каким он был в западноевропейских странах, т.к. такой шаг ускорил бы финансово-экономическое развитие страны. Император соглашался с этими рассуждениями, планировал провести бюджетную реформу, но только после крестьянской, которую он считал основной. И ту и другую ему помешали провести Крымская война и смерть.

Нужно признать, что бюджет (на тогдашнем языке, роспись доходов и расходов) являлся односторонним, забирая значительную часть денежных средств на военные расходы. Достаточно назвать следующие цифры: на военные расходы в 1842 г. из 173 млн руб. доходов было ассигновано 82 млн руб., а на нужды образования всего 27 млн руб.[19] Значительные расходы из бюджета шли на развитие промышленного производства, на чем необходимо бегло остановиться, анализируя финансы в царствование Николая I.

Все историки, в т.ч. советские, указывают, что в первую половину XIX в., особенно в 30–50-е годы, в России наблюдается интенсивный переход от мануфактуры к крупным предприятиям – фабрикам и заводам или, если обобщать, к машинной индустрии. Экономические успехи прежде всего были видны в области промышленности и транспорта. На смену мануфактуре, которая работала благодаря ручному труду рабочих, шла фабрика со сложными машинами. Менялся внешний вид промышленных предприятий: сооружаемые корпуса фабрик были многоэтажными, на них трудились сотни, даже тысячи рабочих под наблюдением мастеров, нередко приглашенных из-за границы. Это было начало промышленного переворота, который мог сравниться с имевшим место при Петре I[20]. Николай I, как и Петр I, увлекался вопросами техники, технического образования, перехода к машинному производству, расширявшегося в стране предпринимательства, приветствовал инвестиции, которые вкладывали американцы в начатое по инициативе Николая I строительство железных дорог.

Переходу от мануфактуры к фабрике и осуществлению промышленного переворота помогли два важных фактора: 1) увеличивающаяся численность членов крестьянских семей, которые могли найти работу в городах на фабриках и заводах; 2) накопление денежных капиталов в руках предпринимателей, богатых купцов, зажиточных (трудолюбивых) крестьян. Классики экономической теории (А. Смит, В.П. Безобразов) рассматривали денежный капитал как накопление денег в целях производства чего-либо: строения, предприятия, мануфактуры или фабрики – чаще всего приносящее доход. На Руси рост капиталов особенно заметен в Московском государстве в первой половине XVII в., затем в период реформ Петра I и промышленного подъема, охватившего время Николая I и всю вторую половину XIX в.

Виды и формы денежного капитала многообразны, он обладает удивительной гибкостью и способностью преобразовываться. В Московском царстве в первой половине VII в. это – купеческие денежные капиталы, представляющие большие денежные средства, накопленные в домашней кубышке. Денежный капитал купца, промышленника, дворянина, не брезгающего заниматься бизнесом, в правление Николая I это – денежные средства, полученные из банков посредством кредита. В первой половине XIX в. банки постепенно развились в крупные кредитные учреждения.

Банковская система в правление Николая I, согласно Своду законов, была представлена государственными и частными банками. Первые: Государственный ассигнационный банк, Государственный коммерческий банк, Заемный банк. Царское правительство содействовало развитию промышленности различными способами, в первую очередь предоставлением дешевого кредита владельцам мануфактур, фабрик, акционерных компаний. Этот кредит предоставляли прежде всего государственные банки. Сравнительно небольшое количество частных банков отрицательно влияло на экономическое развитие страны, замедляло развитие товарно-денежных отношений. Частный капитал как фактор производства способствовал росту экономического могущества в государствах Западной Европы и США. К частным банкам Министр финансов Е.Ф. Канкрин относился крайне осторожно, а потому их открытие, которое зависело от Министерства финансов, было сопряжено с большими трудностями. Другим способом развития промышленности было установление высоких таможенных сборов для заграничных товаров.

Важным событием и мерой, которая помогла развитию торговли и промышленности в правление Николая I, являлось проведение денежной реформы, названной именем министра финансов. Контроль за проведением реформы осуществлял император, советами помогал М.А. Балугьянский, реформу непосредственно проводил Е.Ф. Канкрин.

[19] См.: *Печерин Я.И.* Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896. С. 209–211.

[20] См.: История СССР. С. 218–227.

Денежная реформа Е.Ф. Канкрина (1839–1843). Как и многие правительства в Западной Европе, правительства русских монархов покрывали дефицит бюджета выпуском бумажных денег, начиная с Екатерины II – выпуском ассигнаций. Выпуском бумажных ассигнаций финансировались войны с Турцией, Швецией, затем – в первые десятилетия XIX в. с Францией, что привело к исчезновению из обращения золотых, серебряных, медных монет и к обесцениванию ассигнаций. Попытки исправить эти недостатки в денежном обращении, предпринятые М.М. Сперанским в правление Александра I незадолго до своего падения, оказались неудачными.

Это объяснялось рядом причин. Во-первых, бумажными деньгами финансировалась тяжелая война с Наполеоном, длившаяся почти до 1814 г. Во-вторых, в сохранении «дешевых денег» были заинтересованы помещики, отвечавшие за уплату податей своих крепостных крестьян и экспортировавшие сельскохозяйственную продукцию за границу.

Еще в первой четверти XIX в. была сделана попытка сократить количество бумажных денег. С 1817 г. изъятие ассигнаций проводила Государственная комиссия погашения долгов, учрежденная в 1810 г. Ей удалось выкупить и уничтожить за 1817–1822 гг. около 240 млн руб. ассигнациями в ситуации, при которой в обращении оставалось еще 596 млн ассигнациями.

Как было отмечено ранее, безостановочный выпуск ассигнаций на сумму 95 млн руб. в период наполеоновских войн приводил к падению их курса. Такое падение весьма отрицательно влияло на денежное обращение и цены товаров, что уже вызывало беспокойство в правительстве Александра I. Это привело к тому, что при открытии Государственного совета, 1 января 1810 г., на нем выступил М.М. Сперанский с финансовым планом против обращения ассигнаций и об устройстве монетной системы. В мае 1810 г. в Департаменте экономии было принято компромиссное решение: 1) уменьшая выпуск ассигнаций, приравнивать их стоимость к серебру; 2) будучи основаны на серебре и получив характер банковских билетов, т.е. заменив их банковскими билетами, ассигнации могут обращаться без обмена и наравне с монетною единицей[21]. В этих рассуждениях и предложениях в правление Александра I видны контуры будущей денежной реформы. Он ее планировал, но не провел.

Хромающее денежное обращение и недовольство всех слоев населения вынудили правительство Николая I осуществить коренную перестройку денежной системы, которую проводил Министр финансов Е.Ф. Канкрин. Нельзя не сказать вкратце об этом человеке, имевшем интересную биографию и занимавшем в течение почти 20 лет должность министра финансов в крупнейшей монархии мира.

Егор Францевич Канкрин (1774–1845) родился в Германии, с успехом окончил Марбургский университет, но так как на родине ему не удавалось найти работу, то он переехал в Россию, где директором солеваренных заводов работал его отец. Как хорошего хозяйственника Канкрина в 1803 г. переводят в Министерство внутренних дел в экспедицию государственных имуществ. Знания, дисциплинированность и деловая хватка заставляли всех относиться к нему с уважением, и уже через шесть лет он становится статским советником, быстро делая карьеру[22].

Предчувствуя войну России с наполеоновской Францией, Канкрин в 1809 г. выпускает «Заметки о военном искусстве с точки зрения военной философии». В этой работе он высказал идею, что государство во время войны обязано использовать все свои природные преимущества: территорию, ее обширность, суровость климата. Данная работа привлекла внимание военного министра Барклая де Толли, а также императора Александра I. Канкрин приглашается для разработки планов будущей войны и в самом начале войны становится генерал-интендантом западной армии, а вскоре и всех действующих войск[23].

Канкрин оправдал надежды русского командования – Барклая де Толли, а затем Кутузова. М.И. Кутузов высоко ценил интендантские способности Канкрина. Армия была хорошо материально обеспечена. При этом расходы на содержание войск были относительно небольшими. В 1821 г. Канкрин становится членом Государственного совета, а в 1823 г. – Министром финансов. Только Сперанский приветствовал это назначение; в светском обществе оно было встречено с недоумением, т.к. многие считали Канкрина неотесанным немцем, хорошим хозяйственником, но не совсем подготовленным для должности министра финансов. А между тем к этому времени Канкриным была написана работа, в которой он анализировал финансы. Книга была издана в Мюнхене в 1821 г. на немецком языке “Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswirtschaft, oder Versuch neuer Ansichten der

[21] См.: *Юровский В.Е.* Министр финансов Е.Ф. Канкрин // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 140, 141.

[22] См.: там же.

[23] См.: *Божерянов И.Н.* Граф Е.Ф. Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления министерством финансов. СПб., 1897.

Politischen Oekonomie" («Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство») и имела успех. Канкрин высоко ценил науку и хорошо владел пером. Он оставил должность министра финансов в начале 1844 г., будучи уже тяжело больным человеком. В последние годы он дописывал свой объемный труд «Экономика человеческого общества и наука о финансах». Канкрин основал «Коммерческую газету», где печатались статьи о финансах, экономике, торговле[24]. В 1829 г. в знак признания заслуг ему был пожалован титул графа.

Когда Канкрин занял пост министра, положение в области финансов было тяжелым. В целом с занятием должности министра финансов он в первую очередь упорядочил финансовое хозяйство, ввел правильную отчетность и составление смет. Будучи ярым протекционистом, Канкрин усилил таможенное покровительство отечественной фабричной промышленности, подготовив общий тариф 1841 г. Правда, он отрицательно относился к развитию в России кредитных учреждений, как частных, так и государственных. При нем (как министре финансов) не был открыт ни один новый банк.

Но основная тяжесть в области финансов находилась в сфере денежного обращения, где постоянный выпуск ассигнаций приводил к падению их курса. У Канкрина была своя концепция преодоления финансового кризиса. Он не считал нужным сразу выкупать ассигнации, заключая займы и экономя средства из бюджета. По его мнению, изъятие ассигнаций нужно было отложить на длительное время – до тех пор, пока не будет накоплен достаточный фонд серебряных монет. Канкрин прекратил выпуск ассигнаций. За время его управления Министерством финансов не было выпущено ни одного ассигнационного рубля, стоимость же такого рубля держалась в пределах 25–27 коп. серебром.

Заметим, что реформе 1839–1843 гг. предшествовало постепенное расширение металлического обращения, основанного на приливе серебра в Россию отечественного и заграничного, а также на собственной чеканке монеты из серебра. Все важные предложения по экономике и финансам до их осуществления полагалось обсуждать в Комитете финансов, состоявшем из 10 членов Государственного совета, среди которых были противники реформы в том виде, в каком ее предлагал Е.Ф. Канкрин (С.С. Мордвинов, П.Д. Киселев). Они полагали, что денежную реформу нельзя сводить к изъятию бумажных денег – ассигнаций и построению денежного обращения в стране исключительно на монетной основе. Данная позиция была принята к сведению императором, но в основу реформы был положен серебряный рубль, на чем настаивал Канкрин.

Обсуждение денежной реформы в Государственном совете (выступали М.М. Сперанский, С.С. Мордвинов) привело к выводу, что наряду с серебряными металлическими деньгами должны обращаться новые бумажные деньги – кредитные билеты. В результате издается Высочайший манифест от 1 июля 1839 г. «Об устройстве денежной системы»: «Серебряная монета впредь будет считаться главной монетой обращения. Ассигнации будут считаться впредь второстепенными знаками ценностей и их курс против звонкой серебряной монеты один раз навсегда остается неизменным, считая рубль серебра в 3 руб. 50 коп. ассигнациями»[25].

Хотя казной к этому времени было накоплено значительное количество серебра, Канкрин считал, что правильнее иметь сверхбольшой запас этого металла. Он открыл специальную кассу, которая выдавала желающим депозитные билеты взамен звонкой серебряной монеты с обязательством по первому требованию вернуть внесенные серебряные деньги. Этот депозитный фонд пользовался полным доверием у населения. Когда сумма фонда достигла 100 млн руб., фонд торжественно был перевезен в Петропавловскую крепость и проверен в присутствии видных чиновников, депутатов от дворянства и купечества. Этой процедурой Канкрин провозглашал, что в основе денежного обращения в России установлен серебряный монометаллизм.

В 1843 г. манифестом было объявлено о замене ассигнаций новыми бумажными деньгами – кредитными билетами, которые по предъявлению разменивались на монету. Так как с началом денежной реформы в 1839 г. в основу был положен серебряный рубль и установлен обязательный курс ассигнаций: 3 руб. 50 коп. равнялись 1 руб. серебра, – то с 1843 г. ассигнации изымались правительством из денежного обращения и обменивались на кредитные билеты по установленному рублевому курсу.

Анализируя денежную реформу Канкрина, отметим еще один факт: в 1843 г. законодательно закреплено соотношение: 100 руб. золотом равнялось 103 руб. государственных кредитных билетов. Кредитные билеты могли обмениваться на серебро и золото. Эта реформа способствовала нормальному денежному обращению в России.

[24] См.: *Канкрин Е.Ф.* Краткое обозрение российских финансов // Сб. Русского исторического общества. 1880. Т. 31.

[25] *Блиох И.С.* Финансы России в XIX в. СПб., 1882. С. 59, 60.

Изъятие прежних екатерининских ассигнаций было прекращено в 1851 г., до этого времени они еще сохраняли свою денежную ценность.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. правительство вернулось к старому методу, широко осуществляя эмиссию теперь уже кредитных денег. В 1854 г. размен кредитных билетов на металлическую монету был ограничен, а в 1858 г. прекращен по причине резкого увеличения кредитных денег во время Крымской войны[26].

Канкрин считал быстрые перемены в системе государственного устройства нежелательными. Денежную реформу, план ее реализации он разбил на этапы, рассчитывая выполнить его полностью в течение 30 лет. Однако в правительственных кругах предложение Канкрина было оставлено без внимания. Советы Е.Ф. Канкрина проводить денежные реформы не спеша и обдумано были использованы министрами финансов следующей половины XIX в. (Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградским и С.Ю. Витте) при их подготовке денежной реформы 90-х годов, построенной на основе золотого монометаллизма.

Подготовительная деятельность Николая I к отмене крепостного права. Налоги и кредит. Мысль об освобождении крестьян от крепостного права занимала Николая I в течение всего периода его царствования. Это был трудный вопрос, и по нему он выслушивал мнения государственных деятелей, читал их записки и доклады. Кодификация российского законодательства, в частности, исторический материал, изложенный в Полном собрании законов Российской империи, свидетельствовал, что не было ни одного закона, который давал помещику как землевладельцу право владеть крестьянами, работавшими на его земле, как частной собственностью. Зависимость крестьянина от помещика-землевладельца, продолжавшаяся столетиями, породила «довольно запутанный юридический и хозяйственный состав» и явление, которое стали называть крепостным правом.

В ряде законов, изданных правительством Николая I в 40-х годах XIX в., было проведено положение, что крепостной крестьянин – не собственность барина, у которого он обрабатывает земельный участок, а прежде всего подданный государства, что он прикреплен как работник к земле, а не к своему хозяину. Это положение легло в основание реформы, проведенной по поручению царя графом П.Д. Киселевым в той части крестьян, которые были государственными[27].

Крестьяне, принадлежавшие помещикам, и крестьяне государственные находились в практически равном положении, если не считать того, что у помещичьих крестьян было меньше навыков свободного труда. Данные ревизии, произведенной в 1836 г., показывали, что в европейской России без Царства Польского и Финляндии численность крепостных помещичьих крестьян достигла 25 млн. Крестьян государственных, также прикрепленных к земле, насчитывалось 17–18 млн. Обе группы платили подушную подать и другие налоги.

Заметим, что обе группы крестьян были одинаково стеснены в правах: первые – землевладельцами (помещиками), вторые – чиновниками. Следует признать, что материальное положение казенных крестьян в первые годы правления Николая I было более тяжелым. Объяснялось это тем, что чиновники боялись обижать помещиков. Другая причина тяжелого положения казенных крестьян заключалась в том, что они находились под присмотром и контролем Министерства финансов. Последнее, занятое проблемами поступления доходов в бюджет, не имело возможности наблюдать за бытом казенных крестьян, и они оставались без защиты. «Самые тяжелые натуральные повинности, – писал В.О. Ключевский, – складывали на крестьян казенных, щадя помещиков. Они обеднели и стали тяжелым бременем на плечах правительства. Каждый неурожай заставлял казну выдавать большие денежные суммы на пропитание этих крестьян и на обсеменение полей»[28].

Своего защитника государственные крестьяне получили, когда Николаем I был приглашен граф П.Д. Киселев, один из наиболее талантливых и честных администраторов в истории России, в целях сделать первые шаги к отмене крепостного права и качественного улучшения жизни крестьян.

По совместному проекту Николая I и Киселева в 1833 г. было открыто новое Министерство государственных имуществ, главной функцией которого являлось управление государственными крестьянами[29]. Возглавил его П.Д. Киселев. На это министерство император возложил особую миссию: в процессе управления государственными крестьянами приобрести первые опыты отмены крепостного права и налаживания в сельской местности цивилизованной жизни.

Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872) – российский государственный и военный деятель. В войне с Наполеоном участвовал в Бородинском сражении. В 1816 г. представил императору

[26] См.: Сов. историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 6. С. 958.

[27] См.: *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 278.

[28] Там же. С. 274, 275.

[29] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 11189.

Александру I записку «О постепенном уничтожении рабства в России». С энтузиазмом выполнял функции Министра государственных имуществ и приобрел большое уважение в крестьянской среде. Его мероприятия на должности министра, связанные с управлением государственными крестьянами, в истории получили название «Реформа Киселева 1837–1841 годов». Практически данная реформа затронула все аспекты крестьянской жизни, в т.ч. финансовые.

В 1837 г. во всеподданнейшем докладе императору Николаю I П.Д. Киселев наметил основные направления реформы, которую он сам назвал как «устройство правильной и справедливой администрации». Устройство включало проведение следующих мероприятий: 1) упорядочение податей, и прежде всего подушной подати, которая сохраняется, но перелагается на землю, с учетом доходности крестьянского надела; 2) ликвидация крестьянского малоземелья посредством продажи крестьянину на основе Закона 1803 г. по сходной цене свободной земли; 3) создание сельских школ; 4) организация в сельской местности медицинской и ветеринарной помощи; 5) организация крестьянского самоуправления в границах волости, в которое входили: волостной сход, волостной старшина, сотские из крестьян, выполняющие полицейские функции.

В западных губерниях Российской Империи, на которые распространялась власть Министерства государственных имуществ (Белоруссия, Литва), у государственных крестьян была ликвидирована барщина. В больших селениях были созданы кассы мелкого кредита, из которых ежегодно выдавалось нуждающимся крестьянам на льготных условиях до 1.5 млн руб.

В 1838 г. по инициативе П.Д. Киселева издано «Учреждение об управлении государственным имуществом в губерниях», распространившееся на оброчных (платящих натуральный или денежный налог) государственных крестьян великорусских губерний и послужившее основой для издания других постановлений[30]. Обратим внимание читателя на еще одну важную деталь. Опыт крестьянской реформы П.Д. Киселева, связанный с управлением государственными крестьянами, позже был перенесен и использован при проведении масштабной крестьянской реформы 1861 г.

Период правления Николая I (30–50-е годы XIX в.) – завершающий этап в становлении науки финансового права в России. Становление науки финансового права начиналось в странах Западной Европы, а потому справедливо и вполне научно хотя бы бегло сказать об этом. Наука финансового права проходила перед окончательным признанием «стажировку» в составе других наук – государственного и полицейского права, а также политэкономии и финансовой науки.

Четыре последних столетия, которые пришли на смену Средневековью, отличаются интенсивным развитием экономических и финансовых отношений, в т.ч. банковского дела, ростом числа крупных компаний и промышленных предприятий (мануфактур). Если для Средних веков характерными фигурами были монах, феодал и крестьянин, то в XVI–XVII вв. становятся типичными более энергичные персонажи: купец, владелец мануфактуры, банкир. Деньги начинают определять поведение людей и государственных деятелей. Важная роль финансов в жизни государства находит отражение в работах государствоведов и полицеистов.

Государствоведы в своих работах начинают разрабатывать проблему государственных финансов. Французский правовед Ж. Боден (XVI в.) в сочинении «Шесть книг о государстве» дает перечень источников финансовых доходов государства и ставит вопрос о рациональном налоговом обложении населения. В числе доходов, которые может получать современное ему государство, Ж. Боден называет добычу и относит к ней взимаемую контрибуцию и трофеи[31].

Английский государствовед Т. Гоббс (XVII в.) полагает, что финансовое бремя, налагаемое правительством на народные массы, должно быть оптимальным. Народ в смысле обложения его податями можно сравнить с овцой, которая «хочет быть остриженной, но не ободранной»[32].

В работе «О духе законов» Ш. Монтескьё (XVIII в.), противник абсолютизма, утверждал, что основные вопросы политики государства должны решаться в парламенте, функция же исполнительной власти – исполнять принятые парламентом финансовые законы[33].

Более детализировано были отражены роль финансов и их регламентация правом в сочинениях первых европейских специалистов в области полицейского права, в частности немецких ученых И. Юсти и Й. Зонненфельса. Особо следует выделить И. Юсти, к главным трудам которого относятся «Подробное рассуждение о налогах и податях» (1755) и «Система финансов» (1766)[34].

[30] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 14. № 12166.

[31] См.: *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 688–695.

[32] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 191.

[33] См.: *Монтескьё Ш.Л.* О духе законов / сост., пер. и коммент. А.В. Матешук. М., 1999.

[34] См.: *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: в 3 т. / пер. с англ.; под ред. В.С. Автономова. СПб., 2001. Т. 1.

Крупный полицеист Й. Зонненфельс написал фундаментальное сочинение «Основные задачи полиции, коммерции и финансов» (1776)[35], в котором наряду с И. Юсти разрабатывал общую систему государственных финансов и выявлял роль законов в формировании этой системы. Оба автора стояли у истоков возникновения науки финансового права в Европе, но они подходили к финансам и праву с этатистских позиций, т.е. исключительно с точки зрения интересов государства. Труды названных ученых были переведены на русский язык в период правления Екатерины II.

В XVIII в. вышли на научную сцену мыслители, которые несколько иначе взглянули на роль финансов и права в жизни государства, рассматривая их более широко, с точки зрения как интересов государства, так и благосостояния отдельного гражданина.

Позже в рассматриваемом плане особое значение имела работа знаменитого английского ученого в области политэкономии А. Смита, который, защищая финансовые права отдельного человека, писал: «Та часть налога, которую обязано платить каждое отдельное лицо, должна быть определена, а не изменяться по произволу установителей. Срок платежа, способ платежа – все это должно быть заранее точно определено и ясно как для плательщика, так и для всякого стороннего человека»[36]. Понятно, что инструментом решения поставленной английским политэкономом проблемы может быть право. А. Смит сыграл большую роль в разработке финансово-правовых вопросов и наметил пути отделения от политэкономии и финансовой науки финансового права.

В XIX в. финансовые отношения в странах Западной Европы быстро развиваются качественно и количественно, что обусловливает резкое возрастание правовых норм, регулирующих эти отношения. Появляются работы, комментирующие финансовое законодательство, систематизирующие и классифицирующие финансово-правовые нормы, обосновывающие и провозглашающие их как единое целое, объединяющие их в самостоятельную отрасль права – финансовое право.

С первой половины XIX в. начинается преподавание финансового права на юридических факультетах английских, французских и немецких университетов, издаются первые курсы лекций и учебников в этой области научных знаний, образуются кафедры финансового права.

Развитие науки финансового права в Российской Империи. Возникшие при Петре I связи с западными странами послужили основой, на которой зародилась русская финансовая мысль. Наиболее видным ее представителем был И.Т. Посошков (1652–1726). В своем главном сочинении «Книга о скудости и богатстве» одной из причин «скудости» страны он называл неудовлетворительное состояние торговли и финансов, непродуманное податное обложение: «Худой тот сбор, который казну царю собирает, а людей разоряет». Рассуждения Посошкова относятся к экономике, но вместе с тем он подчеркивает значение «праведных законов» в хозяйственных отношениях[37]. Главы 7 и 9 книги посвящены финансам (налоги и поборы с крестьян, подушный сбор, сбор пошлин в торговле, цены на вино, чеканка монет). Автор критикует подушный налог, советует ввести единый поземельный налог.

С открытием Московского университета, в 1755 г., начал медленно, но неуклонно формироваться в России профессорско-преподавательский состав, в т.ч. корпус преподавателей-юристов, среди которых выделялся проф. Ф. Дильтей. Ему принадлежит ряд сочинений по юридической науке, в т.ч. «Начальные основания вексельного права»[38], в котором анализировались вопросы финансового права. Определенный вклад в науку финансового права внесли профессора И.А. Третьяков и С.Е. Десницкий, читавшие лекции по полицейскому праву. Заметим, что курс полицейского права включал в себя разделы, содержавшие нормы финансового права, как это было заведено в сочинениях немецких полицеистов И. Юсти и Й. Зонненфельса.

Первая половина XIX в. – время, которое характеризуется в науке: 1) открытием в Российской Империи целого ряда университетов: Дерптского – в 1802 г., Казанского и Харьковского – в 1804 г., Санкт-Петербургского – в 1819 г., св. Владимира в Киеве – в 1833 г.; 2) резко численно увеличивается сословие ученых-профессоров и магистров, обучавшихся в российских университетах. По словам писателя и историка С.П. Шевырева, «не один университет Московский, но и все русские университеты обязаны тем значительным числом специальных русских ученых, которые поставлены теперь в решительную возможность возделывать науку в России и насаждать ее семена между своими соотечественниками»[39].

[35] См.: *Шумпетер Й.А.* Указ. соч.

[36] *Смит А.* Исследования о богатстве народов. М., 1895. С. 248.

[37] См.: *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1911.

[38] *Дильтей Ф.* Начальные основания вексельного права. М., 1772.

[39] *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета. 1755–1855. М., 1855. С. 558.

Обратим внимание на то, что заметный вклад в развитие науки финансового права в России внесли прекрасно образованные и владевшие пером М.М. Сперанский, М.А. Балугьянский, П.Д. Киселев, Е.Ф. Канкрин, Н.С. Мордвинов. Будучи видными государственными деятелями, их сочинения и записки сыграли важную роль в развитии русской финансово-правовой мысли. В 1816 г. Н.С. Мордвинов опубликовал «Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков», где доказывал, что банки нужны для аккумуляции капиталов, выдачи ссуд, организации торгового и денежного оборота. В 1825 г. вышла его работа «О мерах улучшения государственных доходов», в которой проводилась идея финансового оздоровления страны в условиях постепенной ликвидации крепостного права. Другие его сочинения были посвящены вопросам государственного бюджета, денежного обращения и кредита.

В 1833 г. видный общественный деятель граф М.Ф. Орлов опубликовал (анонимно) сочинение «О государственном кредите», представляющее первое в мировой финансово-экономической литературе изложение теории государственного кредита. Полный текст книги был опубликован в 1840 г. Автор доказывал на примере Великобритании положительное влияние кредита на рост национального богатства в стране и выступал за развитие государственных займов.

Известна записка Е.Ф. Канкрина императору Николаю I, названная «Обозрение российских финансов». В ней автор говорил о необходимости денежной реформы, о сроках и методах ее проведения. Особое внимание Николай I обращал на записки П.Д. Киселева, в которых поднимался вопрос об отмене крепостного права, причем автор делал акцент на финансовую сторону будущей крестьянской реформы. Называя государственных деятелей первой половины XIX в., нельзя пройти мимо М.А. Балугьянского, внесшего немалый вклад в развитие финансово-правовой мысли в России, читавшего лекции в Санкт-Петербургском университете и первым использовавшим понятие «право финансовое».

Большой успех у читателей первой половины XIX в. имела книга Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов», изданная в 1818 г. и через год переизданная снова. Автор служил в Министерстве финансов, хорошо знал российские финансы и утверждал, что уничтожение крепостного права откроет путь к великому экономическому процветанию страны.

Если в правление императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II (вторая половина XVIII в.) в России видны первые ростки университетской науки и сравнительно небольшая по числу группа профессоров-финансистов, то в первой половине XIX в. их численность заметно увеличивается. После чтения английских политэкономов (А. Смит, Д. Рикардо) у многих научно настроенных людей в России появился теоретический вкус к экономическим и финансово-правовым знаниям. На юридических факультетах университетов возникают экономические отделения.

В правление Николая Павловича произойдет еще одно важное для науки событие. В 1844 г. по предложению Министра просвещения графа С.С. Уварова Указом императора утверждается Положение о защите в университетах докторских и магистерских диссертаций с присвоением успешно защитившимся соответствующих степеней, а в последующем профессорских и доцентских званий. С.С. Уваров, один из самых компетентных министров образования в истории России, добился для лиц, защитивших магистерские диссертации, двухгодичной стажировки в западноевропейских университетах за государственный счет.

Из выпускников российских университетов, выступивших на преподавательском и научном поприще в 40–50-е гг. XIX в., следует назвать тех, кто занимался вопросами финансовой науки и финансового права, подготовив почву для выделения в системе российского права новой отрасли. Это первые профессора финансовой науки, финансового права: Н.Х. Бунге, Н.С. Васильев, И.Я. Горлов, Ф.Б. Мильгаузен, Е.Г. Осокин, Э. Турнейзен и др. Выделяется Е.Г. Осокин – декан юридического факультета Казанского университета. Ему принадлежат работы: «Внутренние таможенные пошлины в России» (1850), «Об организации финансового управления в Афинах» (1852), «Несколько спорных вопросов по истории русского финансового права» (1855), «О понятии промыслового налога и об историческом его развитии в России» (1856). Сочинение «Несколько спорных вопросов...» было в числе первых в России, где в названии и содержании также использовался термин «финансовое право». Тем самым книга способствовала вхождению в русский юридический словарь нового понятия. Другой заметной фигурой в первой половине XIX в. был профессор финансового права И.Я. Горлов, работавший в Казанском университете и позже в Санкт-Петербургском. В его сочинении «Теория финансов» использовались понятия: «финансовое управление», «финансовая система», «финансовое постановление». Главное положение автора: «финансы только там процветают, где процветает промышленность»[40]. В числе молодых и творчески одаренных ученых-финансистов выделяется Н.Х. Бунге, защитивший в 1852 г. в Киевском университете докторскую диссертацию на тему «Теория кредита», в 70–80-х годах XIX в. – Министр финансов.

[40] *Горлов И.Я.* Теория финансов. СПб., 1845. С. 5.

Заслуживают внимания его статьи о государственном счетоводстве и отчетности в Англии, которые во второй половине XIX в. будут изданы в виде книги.

В 50-х годах XIX в. профессорско-преподавательское общество, работавшее в области финансов и финансового права, пришло к выводу, что нормы финансового права, ранее находившиеся в составе других отраслей права (гражданского, государственного, полицейского), вышли за их пределы на собственную отраслевую дорогу и теперь могут называться собственным именем. Если в XVIII в. в русский понятийный словарь пришел термин «финансы», то в первой половине XIX в. – понятие «финансовое право».

Сам процесс становления науки финансового права в Российской Империи, продолжавшийся около 150 лет, начатый в правление Петра I, завершился при Николае I и его сыне Александре II. Назовем элементы – стадии, образующие данный процесс: 1) объект (предмет) обучения и познания, представленный нормами финансового права, в частности Сводом законов Российской империи; 2) субъект обучения и познания – профессорско-преподавательский состав юридических факультетов университетов; 3) наработанные за время становления науки финансово-правовые знания, которые проходят через две испытательные стадии – методологическую и официальную. Методологическая заключается в том, что финансово-правовые знания подразделяются на теоретические и практические (нормативные). Практические знания не могут быть названы научными, если им не предшествуют теоретические, которые их осмысливают и упорядочивают. Это аксиома И. Канта, которую хорошо изложил проф. С.С. Алексеев в работе «Общая теория права»: «Существенное значение для классификации наук имеет и другое объективное основание – содержание общественных знаний. Особенности предмета изучения лишь тогда приводят к формированию особой науки, когда они нашли выражение в специфических научных понятиях, идеях, теоретических конструкциях, классификациях, которые отражают особенности данного предмета изучения, представляют собой целостный, скоординированный во всех своих частях понятийный аппарат науки»[41].

Еще один элемент – стадия в процессе становления науки финансового права – это официальное ее признание как самостоятельной отрасли российского права и введение в вузовские программы для обязательного изучения студентами. Такое признание будет сделано позже, в правление Александра II после отмены крепостного права, в другом университетском Уставе, утвержденном Высочайшим указом от 18 июня 1863 г.[42]

Эпилог. Николай I – трагическая фигура в русской истории. Крупный организатор, много сделавший для России, он был унижен и оболган в либеральной и советской историографии. Это заметно даже у такого объективного историка, каким был А.Е. Пресняков[43]. Обзор деятельности Николая I приводит к выводу о ее универсальном характере, который можно сравнить с деятельностью Петра Великого. Как и Петр I, он решал множество проблем в течение 30-летнего правления и справлялся с ними. Панорама его деятельности показывает, что в узком плане правление Николая I являлось продолжением правления Александра I, доделывая то, что последний планировал, но не смог выполнить. В широком плане правление Николая I представляло собой продолжение деятельности Петра I, хотя во внешнеполитическом плане менее успешное.

Первое, что следует записать в актив Николая Павловича как крупного государственного деятеля, – это приведение в порядок российского законодательства. В.О. Ключевский, из русских историков ближе всего стоявший к юриспруденции, высоко оценивал кодификацию, сказав: «Для того чтобы существующий порядок действовал правильно, надо было дать учреждениям строгий кодекс».

Кодификацию российского законодательства планировал осуществить Петр I, затем Екатерина II, но эту проблему они не смогли решить. Благодаря талантливым сотрудникам М.М. Сперанскому и М.А. Балугьянскому данная задача была выполнена императором Николаем I блестящим образом. Причем самое, пожалуй, большое внимание в Своде законов уделено нормам финансового права.

Второе, существенно важное, что можно записать в актив Николая I, – решительная активность правительственной власти в капитальной перестройке всего здания государственной жизни, в основании которой лежало крепостное право. Царь не только собирает записки министров и советников, в которых высказывались позиции по вопросу освобождения крестьян. На основе реформы графа П.Д. Киселева, охватывавшей первоначально государственных крестьян, осуществлялись первые шаги к переходному состоянию от крепостничества к свободному состоянию крестьянского сословия. Не будет преувеличением сказать, что император

[41] *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 12.

[42] См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. № 39752. СПб., 1866.

[43] См.: *Пресняков А.Е.* Николай I // Пресняков А.Е. Российские самодержцы / сост., авт. предисл. и прил. А.Ф. Смирнов. М., 1990.

Николай I подготовил страну к реформе, которую проведет Александр II в феврале 1861 г.

В правление Николая I качественнее и честнее заработали финансы. Царь обращает внимание на работу финансового контроля, побуждает его к более активной деятельности, издает специальный манифест, уточняющий его обязанности и права. Подражая Петру I, лично осуществляет проверки отдельных финансовых учреждений, например, денежные кассы, просматривает денежные отчеты. Под руководством Николая I проводится денежная реформа, которую непосредственно осуществлял Е.Ф. Канкрин, успешно функционировавшая до конца столетия, до денежной реформы С.Ю. Витте, проведенной в 90-х годах XIX в.

Советские историки, анализировавшие правление Николая I, забывали сказать, что в этот период резко поднимается уровень высшего образования путем установления связи с высшим образованием и наукой западноевропейских стран. За западной наукой командированы лица, защитившие магистерские диссертации и получившие возможность стажироваться в западноевропейских университетах в течение двух лет за государственный счет. Эти стажировки имели целью обновление образования в российских университетах, укрепление связей между наукой западноевропейских стран и наукой России, установление научных связей между учеными. «Мы довершаем дело Петра», – сказал Николай I.

Советские историки с неохотой говорили о том, что правление Николая I – золотой век великой русской литературы, русской философской мысли, русского искусства. Причина антипатии историков, писателей, деятелей культуры к личности Николая I – это подавление мятежа «декабристов». Но благодаря таким действиям революция в России была отодвинута на сто лет и сохранена великая русская культура, развивавшаяся в продолжение всего XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 12.
2. *Блиох И.С.* Финансы России в XIX в. СПб., 1882. С. 59, 60.
3. *Боден Ж.* Шесть книг о государстве // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 688–695.
4. *Божерянов И.Н.* Граф Е.Ф. Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления министерством финансов. СПб., 1897.
5. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 191.
6. *Горлов И.Я.* Теория финансов. СПб., 1845. С. 5.
7. *Дильтей Ф.* Начальные основания вексельного права. М., 1772.
8. *Дружинин Н.М.* Николай I и его программа // История СССР. М., 1968. Т. 6. С. 259.
9. История СССР. М., 1968. Т. 6. С. 218–227, 259.
10. *Канкрин Е.Ф.* Краткое обозрение российских финансов // Сб. Русского исторического общества. 1880. Т. 31.
11. *Ключевский В.О.* Соч. М., 1958. Т. 5. С. 264, 267, 274, 275, 278, 324.
12. *Коркунов Н.М.* Значение Свода законов. СПб., 1894. С. 3.
13. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 35 (прим. 2).
14. *Монтескьё Ш.Л.* О духе законов / сост., пер. и коммент. А.В. Матешук. М., 1999.
15. О значении свода законов Российской империи для науки и жизни (Речь тов. пред. [Одес. юрид. о-ва] М.В. Шимановского, произнес. в торжеств. заседании 11 февр. 1889 г., посвящ. памяти графа М.М. Сперанского). Одесса, 1889. С. 12.
16. *Печерин Я.И.* Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896. С. 209–211.
17. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1911.
18. *Пресняков А.Е.* Николай I // Пресняков А.Е. Российские самодержцы / сост., авт. предисл. и прил. А.Ф. Смирнов. М., 1990.
19. *Романович-Славатинский А.В.* Государственная деятельность графа М.М. Сперанского. Киев, 1873.
20. *Самарин Ю.Ф.* Финансовая реформа в Пруссии в начале нынешнего столетия. Берлин, 1878. С. 63.
21. *Смит А.* Исследования о богатстве народов. М., 1895. С. 248.
22. Сов. историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 6. С. 958.
23. *Сперанский М.М.* Руководство к познанию законов. СПб., 1845.
24. *Сперанский М.М.* Юридические произведения / под ред. и с биогр. очерком В.А. Томсинова. М., 2008. С. 255, 256 (Сер. «Русское юридическое наследие»).
25. *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. 1 (Сер. «Русское юридическое наследие»).
26. *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета. 1755–1855. М., 1855. С. 558.
27. *Шильдер Н.К.* Николай I. СПб., 1903. Т. 1. С. 315.

28. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа: в 3 т. / пер. с англ.; под ред. В.С. Автономова. СПб., 2001. Т. 1.

29. *Юровский В.Е.* Министр финансов Е.Ф. Канкрин // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 140, 141.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* General theory of law. M., 1981. Vol. 1. P. 12 (in Russ.).

2. *Bliokh I.S.* Finance of Russia in the XIX century. SPb., 1882. P. 59, 60 (in Russ.).

3. *Boden Zh.* Six books of the state // Anthology of world legal thought: in 5 vols. M., 1999. Vol. 2. P. 688–695 (in Russ.).

4. *Buranov I.N.* Earl E.F. Kankrin, his life, writings and twenty years activities of the office of the Ministry of Finance. SPb., 1897 (in Russ.).

5. *Hobbes T.* Leviathan or the Matter, form and power of the state ecclesiastical and civil: in 2 vols. M., 1991. Vol. 2. P. 191 (in Russ.).

6. *Gorlov I.* Theory of Finance. SPb., 1845. P. 5 (in Russ.).

7. *Dilthey F.* The initial Foundation bill law. M., 1772 (in Russ.).

8. *Druzhinin N.M.* Nicholas I and his program // History of the USSR. M., 1968. Vol. 6. P. 259 (in Russ.).

9. The history of the Soviet Union. M., 1968. Vol. 6 P. 218–227, 259 (in Russ.).

10. *Kankrin E.F.* Brief review of the Russian Finance // Collection Russian historical society. 1880. Vol. 31 (in Russ.).

11. *Klyuchevsky V.O.* Essays. M., 1958. Vol. 5. P. 264, 267, 274, 275, 278, 324 (in Russ.).

12. *Korkunov N.M.* The value of the laws. SPb., 1894. P. 3 (in Russ.).

13. *Marx K., Engels F.* Essays. Vol. 22. P. 35 (approx. 2) (in Russ.).

14. *Montesquieu Charles L.* On the spirit of laws / comp., transl. and comment. A.V. Mateshuk. M., 1999 (in Russ.).

15. On the significance of the Code of laws of the Russian Empire for science and life (Speech of Comrade prev. [Odes. law society] M.V. Shimanovsky, delivered in a solemn meeting on February 11, 1889, dedicated to in memory of Count M.M. Speransky). Odessa, 1889. P. 12 (in Russ.).

16. *Pecherin Ya. I.* Historical review of the paintings of state revenues and expenditures from 1803 to 1843 inclusive. SPb., 1896. P. 209–211 (in Russ.).

17. *Pososhkov I.T.* Book on poverty and wealth. M., 1911 (in Russ.).

18. *Presnyakov A.E.* Nicholas I // Presnyakov A.E. Russian autocrats / comp., author of the preface and application A.F. Smirnov. M., 1990 (in Russ.).

19. *Romanovich-Slavatinsky A.V.* Public activities of count M.M. Speransky. Kiev, 1873 (in Russ.).

20. *Samarin Yu. F.* Financial reform in Prussia at the beginning of this century. Berlin, 1878. P. 63 (in Russ.).

21. *Smith A.* Studies on the wealth of nations. M., 1895. P. 248 (in Russ.).

22. Soviet Historical Encyclopedia. M., 1967. Vol. 6. P. 958 (in Russ.).

23. *Speransky M.M.* Guide to the knowledge of laws. SPb., 1845 (in Russ.).

24. *Speransky M.M.* Legal works / ed. and with a biographical essay by V.A. Tomsinov. M., 2008. P. 255, 256 (Ser. "Russian legal heritage") (in Russ.).

25. *Tomsinov V.A.* Russian jurists of the XVIII – XX centuries: essays on life and creativity: in 2 vols. M., 2007. Vol. 1 (Ser. "Russian legal heritage") (in Russ.).

26. *Shevyrev S.P.* History of the Imperial Moscow University. 1755–1855. M., 1855. P. 558 (in Russ.).

27. *Schilder N.K.* Nikolas I. SPb., 1903. Vol. 1. P. 315 (in Russ.).

28. *Schumpeter I.A.* History of economic analysis: in 3 vols. / transl. from English; ed. by V.S. Avtonomov. SPb., 2001. Vol. 1 (in Russ.).

29. *Yurovsky V.E.* Minister of Finance E.F. Kankrin // Questions of history. 2000. No. 1. P. 140, 141 (in Russ.).

Сведения об авторе

БЕЛЬСКИЙ Константин Степанович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор Российского государственного
университета правосудия; 117418 г. Москва,
ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

BELSKY Konstantin S. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian
state University of Justice;
69 Novocheremushkinskaya str.,
117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 234–253
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 234–253

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРОЕКТ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ): ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ФОРМЕ «КРУГЛОГО СТОЛА» ЖУРНАЛОВ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО», «ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА», «ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

© 2021 г. А. В. Малько[1, *], Н. В. Кроткова[2, **], В. Ю. Стромов[3, *], В. В. Трофимов[3, ****]**

[1] Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Саратов
[2] Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[3] Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

**E-mail: alex25-58@mail.ru*
***E-mail: krotkova2012@yandex.ru*
****E-mail: stromov@tsutmb.ru*
*****E-mail: iptgutv@mail.ru*

Поступила в редакцию 26.05.2021 г.

Аннотация. В обзорных материалах Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола», посвященной обсуждению проекта Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области), представлены тезисы докладов участников мероприятия. В них раскрываются самые разнообразные стороны концептуального оформления и проведения в жизнь правовой политики в субъектах Российской Федерации. Подчеркивается значимость такого доктринально-прикладного документа, как Концепция правовой политики субъекта Российской Федерации, который способен стать программой реальных действий региональной власти и гражданского общества субъекта Федерации по обеспечению государственно-правового развития региона, начиная от системы правотворчества и продолжая всеми иными элементами правовой системы субъекта Российской Федерации (правоприменение, невластная правореализация, правовая культура, правовое сознание, правовое обучение и воспитание, цифровизация права и проч.). Проведено обоснование необходимости сочетания доктринального и практического аспектов в ходе подготовки и совершенствования содержания Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области).

Ключевые слова: право, законодательство, юстиция, государственно-правовые исследования, правовая система, правовая политика, правовая жизнь общества, субъект Российской Федерации, концепция, доктринальный документ, принципы правовой политики, приоритеты правовой политики, нравственные начала правовой политики, государственно-правовое развитие субъектов Российской Федерации, Тамбовская область, научно-технологическое развитие, цифровизация общественных отношений, гражданское участие, правовая культура, правотворческая культура, правосознание, прокуратура, юридическая ответственность.

Цитирование: *Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю., Трофимов В.В.* Проект Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области): обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая культура», «Государственно-правовые исследования» // Государство и право. 2021. № 10. С. 234–253.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

DOI: 10.31857/S102694520017277-5

DRAFT CONCEPT OF THE LEGAL POLICY OF THE CONSTITUENT ENTITY OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF THE TAMBOV REGION): REVIEW OF THE MATERIALS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE IN THE FORM OF THE "ROUND TABLE" OF JOURNALS "STATE AND LAW", "LEGAL CULTURE", "STATE LEGAL RESEARCH"

© 2021 A. V. Mal'ko[1, *], N. V. Krotkova[2, **], V. Yu. Stromov[3, *], V. V. Trofimov[3, ****]**

[1]Volga Institute (the brunch) of the All-Russian state University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Saratov
[2]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[3]Derzhavin of Tambov state University

**E-mail: alex25-58@mail.ru*
***E-mail: krotkova2012@yandex.ru*
****E-mail: stromov@tsutmb.ru*
*****E-mail: iptgutv@mail.ru*

Received 26.05.2021

Abstract. In the review materials of the All-Russian scientific and practical conference in the form of the "Round Table" devoted to the discussion of the draft Concept of the legal policy of a constituent entity of the Russian Federation (on the example of the Tambov region), theses of the reports of the participants of the event are presented. They reveal the most diverse aspects of the conceptual design and implementation of legal policy in the constituent entities of the Russian Federation. The importance of such a doctrinal and applied document as the Concept of legal policy of a constituent entity of the Russian Federation is emphasized, which can become a program of real actions of the regional authorities and civil society of the constituent entity of the Federation to ensure the state-legal development of the region, starting from the system of lawmaking and continuing with all other elements of the legal system of the constituent entity of the Russian Federation (law enforcement, powerless law enforcement, legal culture, legal consciousness, legal training and education, digitalization of law, etc.). The substantiation of the necessity of combining doctrinal and practical aspects in the course of preparation and improvement of the content of the Concept of legal policy of a constituent entity of the Russian Federation (on the example of the Tambov region) is carried out.

Key words: law, legislation, justice, state legal research, legal system, legal policy, legal life of the society, constituent entity of the Russian Federation, concept, doctrinal document, principles of the legal policy, priorities of the legal policy, moral principles of the legal policy, state and legal development of constituent entities of the Russian Federation, the Tambov region, scientific and technological development, digitalization of public relations, civic participation, legal culture, law-making culture, legal awareness, prosecutor's office, legal responsibility.

For citation: *Mal'ko, A.V., Krotkova, N.V., Stromov, V. Yu., Trofimov, V.V. (2021).* Draft Concept of the legal policy of a constituent entity of the Russian Federation (on the example of the Tambov region): review of the materials of the All-Russian scientific and practical conference in the form of the "Round Table" of journals "State and Law", "Legal culture", "State legal research" // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 234–253.

The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the research project No. 19-011-00726

23 марта 2021 г. на базе Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове совместно с Научно-исследовательским институтом государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина была организована и проведена Всероссийская научно-практическая конференция в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая культура» и «Государственно-правовые исследования» на тему «Проект Концепции правовой политики

субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области)».

В мероприятии приняли участие представители научно-образовательных учреждений г. Саратова и ряда других российских городов, главным образом тех, где располагаются филиалы ВГУЮ (РПА Минюста России): Москвы, Хабаровска, Барнаула, Ижевска, Иркутска, Казани, Балаково, Балашова, Тамбова, Махачкалы, Калуги, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Саранска, Пензы, Ставрополя, Сочи, Тулы, Екатеринбурга и др.

Ведущими «круглого стола» выступили **главный редактор журнала «Правовая культура», профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ А.В. Малько** и **главный редактор журнала «Государственно-правовые исследования», директор НИИ государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права ТГУ им. Г.Р. Державина, руководитель Научно-образовательного центра «Государственно-правовая политика современной России», д-р юрид. наук, доц. В.В. Трофимов.**

В своем докладе **проф. А.В. Малько** отметил, что в ноябре 2018 г. в рамках «круглого стола» «Правовая политика как способ организации социально-правовой жизни субъектов Российской Федерации: теория и практика»[1] в ТГУ им. Г.Р. Державина был поставлен вопрос о возможности подготовки проекта Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации. В качестве пилотного региона, в котором этот проект смог бы получить свое реальное осуществление, была избрана Тамбовская область.

На настоящем этапе проводится уже третье обсуждение пока еще не завершенного проекта Концепции[2]. Актуальность же самого документа для каждого из субъектов Российской Федерации несомненна. В условиях действия Стратегии пространственного развития России[3] он приобретает особую злободневность. Роль науки как раз в том и заключается, чтобы создать некую программу (алгоритм) правового развития регионов, чтобы она юридически содействовала социально-экономическому развитию, создавала новые возможности, применяя для этого весь правовой инструментарий, который далеко не в полной мере используется на практике. Немало соавторов и экспертов трудились над этим доктринальным документом, однако ведущая роль в его разработке принадлежит директору НИИ государственно-правовых исследований ТГУ им. Г.Р. Державина, д-ру юрид. наук, проф. В.В. Трофимову.

А.В. Малько предложил обратить внимание на следующее. Во-первых, название документа лучше оставить так, как было изначально, на стадии формулирования идеи региональной концепции правовой политики: «Концепция правовой политики субъекта Российской Федерации до 2035 года (на примере Тамбовской области)». Во-вторых, важно реализовать более четкое применение терминологии. Например, такие словосочетания, как «правовая политика субъекта Российской Федерации» и «правовая политика в субъектах Российской Федерации»[4], имеют кардинальное отличие. Если первое означает политику самого субъекта Российской Федерации, то второе – политику федерального центра в отношении субъекта Российской Федерации, т.е. это некая региональная политика (федеральная политика относительно развития регионов). В целом терминологию, которая используется в проекте, необходимо проработать более основательно, сделать ее предметнее, не выходить за рамки специфики самого документа. В-третьих, в текущей версии Концепции несколько превышен некий лимит фундаментальности. Для рассматриваемого доктринального документа необходимо все же в большей степени делать упор на прикладные элементы. Вместе с тем в подобных проектах важно иметь в виду гармоничное

---

[1] *Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю., Трофимов В.В.* Правовая политика как способ организации социально-правовой жизни субъектов Российской Федерации: теория и практика (Обзор материалов Всероссийского научного «круглого стола» (с международным участием) журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы государства и права» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // Государство и право. 2019. № 10. С. 188–201. DOI: 10.31857/S013207690007214-7

[2] Практически полная версия начального проекта Концепции правовой политики Тамбовской области до 2035 года, представленного для обсуждения в рамках Всероссийского научно-практического «круглого стола» «Концепция правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области): обсуждение проекта», проведенного на базе ТГУ им. Г.Р. Державина 10.04.2019 г., опубликована в научно-образовательном ежегоднике «Государственно-правовые исследования» (см.: Приложение 1. Концепция правовой политики Тамбовской области до 2035 года (Проект) (вариант для обсуждения) – извлечения // Государственно-правовые исследования: науч.-образов. ежегодник. 2019 (2018/2019 уч. год). Вып. 2 / гл. ред. В.В. Трофимов. С. 290–339).

[3] См.: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р (с изм. и доп.) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 7 (ч. II), ст. 702.

[4] *Малько А.В., Кроткова Н.В., Ишеков К.А.* Правовая политика в субъектах Российской Федерации (Обзор материалов Международной научно-практической конференции, которая проходила в форме «круглого стола», журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь») // Государство и право. 2017. № 3. С. 105–119.

сочетание («золотую середину») фундаментальных и прикладных начал. (Пример с Концепцией правовой политики Республики Казахстан «хромает» в сторону излишне прикладного подхода к доктринальному документу.) В-четвертых, в проекте Концепции надо более активно использовать опыт, полученный эмпирическим путем. Для этого нужно подключить социологический инструментарий и провести ряд социологических исследований различного уровня. Например, среди депутатского и чиновничьего корпусов, студентов юридических вузов. В данном случае важно видеть их правосознание и то, как оно формируется, чем характеризуется. Все это позволит усилить доктринально-прикладные позиции документа. В-пятых, следует обратить внимание на излишнюю детализацию. Так, нет необходимости в сильном дроблении целей и приоритетов правовой политики, которые лучше обобщить и значительно сократить. В-шестых, в силу излишне большого объема желательно несколько сократить рассматриваемый Проект. В частности, разд. III «Принципы правовой политики Тамбовской области», т.к. в предложенной редакции он мало несет какой-либо специфической региональной нагрузки, а равно разд. VI «Направления правовой политики в рамках национальных проектов...», ибо это потребует значительного времени для полноценной и многоуровневой проработки названных вопросов по национальным приоритетам. На данном же этапе важно получить базовый алгоритм (генеральную модель) доктринально-практического документа рассматриваемого плана, чтобы он мог быть положен в основу дальнейших действий высших органов законодательной и исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Доцент В.В. Трофимов в выступлении на тему ***«О комплексном научном подходе к вопросу законодательной регламентации мер государственной поддержки научно-технологического (инновационного) развития на территории Тамбовской области (предложения к Концепции региональной правовой политики)»***[5] отметил, что, учитывая проводимую работу по подготовке проекта Концепции правовой политики Тамбовской области, которая может стать и пилотным, и модельным документом также и для других субъектов Российской Федерации, важно обратить внимание на такой актуальный для страны в целом и ее регионов аспект, как вопрос активизации инновационной составляющей в экономике. Этот вопрос нужно решать на уровне не только теоретических рассуждений и деклараций о намерениях строить экономику на научно-технологических (инновационных) основах, но и реальных государственно-правовых мер, способствующих практическому переходу общества на данный экономический уклад. От осуществления правильных государственных и правовых мер в этой части зависит немало, поэтому подходить к планированию и реализации таких мероприятий нужно весьма взвешенно и прагматично, последовательно и системно, опираясь на комплексные научные основы. Формат правовой политики для принятия таких компетентных решений адекватен и оправдан[6]. Концепция правовой политики региона с высокой степенью необходимости должна содержать блок, посвященный вопросу совершенствования системы государственно-правовых мер, направленных на обеспечение инновационного (в целом – научно-технологического) развития.

Как заметил В.В. Трофимов, повышение активности инновационных процессов в регионе требует системы четких и конкретных законодательных механизмов, определяющих: а) важность инновационной активности в Тамбовской области; б) систему обеспечительных мер, направленных на формирование благоприятной среды для создания и воспроизводства инноваций в регионе; в) правовые и экономические преимущества для лиц (физических и юридических), создающих инновации и внедряющих инновации в региональную экономику; г) гарантии государственной власти субъекта Российской Федерации для осуществления инновационных проектов; д) законодательные гарантии транспарентности экспертных процедур, обусловливающих государственную поддержку и стимулирование инновационной активности и другие меры.

С учетом новых реалий и вызовов, в т.ч. отраженных в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 01.12.2016 г. № 642)[7], новаций в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»[8], положений иных нормативных актов в сфере науки, технологий и инноваций, в т.ч. принятых государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (утв. постановлением Правительства РФ от 29.03.2019 г. № 377)[9] и программы

[5] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Тамбовской области в рамках научного проекта № 19-411-680004.

[6] См. об этом, напр.: *Трофимов В.В.* Региональный уровень государственно-правовой политики в сфере инновационного развития современной России (проблемы реализации правотворческой формы) // Право интеллектуальной собственности. 2018. № 1. С. 37–41.

[7] См.: СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

[8] См.: СЗ РФ. 1996. № 35, ст. 4137.

[9] См.: СЗ РФ. 2019. № 15 (ч. III), ст. 1750.

фундаментальных научных исследований (утв. Распоряжением Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 3684-р)[10], требуются дополнительная проработка и ревизия (научно-практическая экспертиза) регионального законодательства о науке и научно-технической политике и инновационной деятельности и, возможно, подготовка специального закона о государственной поддержке инновационной деятельности в Тамбовской области, предметом регулирования которого будут являться общественные отношения по поводу государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности в регионах. Такого рода комплексные нормативные акты в сфере инноваций могут стать и в ряде субъектов Федерации становятся оптимальной формой законодательного регулирования инновационных отношений.

Первый заместитель директора Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове, канд. эк. наук, доц. В.В. Гурьев совместно с **доцентом кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. ист. наук В.А. Затонским** представили доклад на тему ***«Правовая культура как фактор упорядочения правовой жизни, противодействия ее конфликтности и наращивания позитивно-созидательного потенциала»***[11]. Ключевые положения доклада могут быть сведены к следующим тезисам.

В жизни современного российского общества все большее значение приобретает субъективный фактор, что связано, в частности, с возрастанием активности различных общественных формирований, все более настойчивым стремлением их участников оказывать влияние на власть. Подобные процессы нельзя пускать на самотек, тем более что такая активность, часто принимающая протестный характер, не всегда имеет правомерное воплощение. Это – одна из характерных особенностей современной правовой жизни многих обществ и государств, в т.ч. и России.

Главным средством упорядочения социальных отношений с учетом складывающихся реалий становится правовая политика[12]. И не только на федеральном уровне, но и в немалой степени на уровне субъектов Федерации. Объектом правовой политики является правовая жизнь[13].

Во-первых, правовая политика в значительной степени выступает в качестве научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных органов и институтов гражданского общества по повышению уровня правовой культуры общества и личности. Правовая культура[14] при этом – не только цель, но и средство правовой политики, способ решения ее задач. Региональная правовая политика[15] должна быть четко сориентирована, помимо иных приоритетов, на повышение политической и правовой культуры субъектов правовой жизни.

Во-вторых, очевидна необходимость повышения качества взаимосвязи государственных структур и институтов гражданского общества, укрепления взаимного доверия между ними в деле выработки стратегии и тактики преобразований в сфере права. Механизмы такого диалога нужно формировать и задействовать более активно и настойчиво.

В-третьих, в контексте повышения уровня правовой культуры общества и граждан особое внимание должно быть обращено на молодых людей в возрасте от 16 до 35 лет. Данная категория населения наиболее мобильна и в большей степени подвержена разнонаправленным влияниям, легко увлекается внешне привлекательными призывами и лозунгами. Концепция правовой политики должна содержать систему стимулирования участия молодежи в различных общественных организациях, занятия спортом и т.д. Правовая политика должна также предусматривать создание и внедрение современных

---

[10] См.: СЗ РФ. 2021. № 3, ст. 609.

[11] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

[12] См., напр.: *Малько А.В., Костюков А.Н., Кроткова Н.В.* Правовая политика в современной России: актуальные проблемы теории и практики (Обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2019. № 6. С. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9; *Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В.* Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9

[13] См., напр.: *Малько А.В., Кроткова Н.В., Сулейманов Б.Б.* Обзор материалов «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» на тему «Политическая и правовая жизнь в современной России: федеральный и региональный уровни» // Государство и право. 2017. № 5. С. 107–113; *Малько А.В., Пономаренков В.А., Кроткова Н.В.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы правоведения» по теме «Правовая жизнь общества и средства ее упорядочения» // Государство и право. 2017. № 9. С. 105–112; *Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю. и др.* Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив (Обзор материалов Всероссийской научной конференции журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // Государство и право. 2020. № 8. С. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7

[14] См., напр.: *Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В.* Указ. соч.

[15] См., напр.: *Малько А.В., Кроткова Н.В., Ишеков К.А.* Указ. соч.

образовательных и воспитательных программ, усиление стимулирующего воздействия права, ориентирующего молодых граждан к правопослушному поведению, активному участию в политико-правовой жизни.

Таким образом, правовая политика обеспечивает движение, развитие общества, властных структур в направлении обеспечения прав, свобод и законных интересов людей, прогрессивное юридическое развитие каждого субъекта Российской Федерации и страны в целом. Правовая политика, в целеполагании которой непременно присутствует правовая культура общества и личности, есть эффективное средство организации, способ упорядочения правовой жизни на разных уровнях. Правовая жизнь, в свою очередь, является объектом политико-правового воздействия.

Одна из фундаментальных методологических установок при разработке концепции правовой политики – позиция, согласно которой односторонняя, т.е. строго позитивная трактовка правовой жизни искажает реальное состояние социального пространства, в котором действует право. В жизни современного социума есть и плюсы, и минусы. Юридическая наука не должна игнорировать данное обстоятельство; ее задача – обеспечивать истинное, отвечающее сложившимся реалиям исследование и отображение политико-правовых явлений и процессов с учетом периодически вспыхивающих в общественной жизни конфликтов, сложных ситуаций, порождаемых противоборством различных политических сил.

При таком подходе правовая культура и выступает в качестве необходимого ресурса повышения качества правовой жизни, позволяющего развивать и наращивать не конфликтный, а созидательный, не разрушительный, а позитивный управленческий потенциал граждан, их объединений, всего современного российского общества. Именно в этом – путь к стабилизации общественных отношений, усилению взаимопонимания в обществе, к созданию необходимых условий для его эффективного совершенствования.

Заведующая кафедрой теории права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС, д-р юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ О.И. Цыбулевская посвятила доклад ***научно-практической рефлексии проекта Концепции правовой политики Тамбовской области до 2035 года***. В выступлении, в частности, было обозначено, что актуальность принятия Концепции правовой политики бесспорна, а внедрение ее в жизнь – веление времени. Обсуждаемый вот уже более 15 лет документ, наконец, должен увидеть свет, пусть даже для начала в формате регионального проекта. Принятие Концепции правовой политики Российской Федерации продолжает ждать своего часа.

Представленная для обсуждения Концепция правовой политики Тамбовской области до 2035 года в достаточной мере продемонстрировала степень научной разработанности проблем, затронутых в ней. Хорошо продуманная структура и основательность проработки вопросов сочетаются с удачно выбранным стилем подачи материала в контексте сочетания федерального и регионального компонентов. Данное обстоятельство, по мнению О.И. Цыбулевской, позволяет в известной мере рассматривать настоящий документ как «рамочный». Субъекты Федерации получат возможность осознать важность правовой политики в целом и необходимость создания такого рода программного документа на местах с использованием собственного опыта и отражением специфики своего региона.

Сама постановка проблемы многоуровневой конструкции правового регулирования в современном федеративном государстве, включающей федеральное правовое регулирование и регулирование на уровне субъектов, соотношение федерального права и права субъектов Федерации усиливает значимость Концепции в научном и практическом плане. Обращает на себя внимание тот факт, что идея повышения эффективности правового регулирования проходит через весь проект обсуждаемого документа. Это не случайно. В Российской Федерации продолжается сложный и многоплановый процесс становления федеративных отношений, который и обусловливает глобальный характер проблем, связанных с предоставленной субъектам Федерации возможности на своем уровне осуществлять правовое регулирование общественных отношений.

Критический взгляд на проблему «состыковки» федеральных и региональных законов позволил авторам Концепции прийти к выводу о том, что на уровне федерального законодательства должны быть четко разделены сферы влияния каждой ступени вертикали власти. С этим следует согласиться. Особую актуальность в развитии и совершенствовании законодательства и юридической практики в свете изложенного приобретает не только правильное определение предмета регионального правового регулирования, но и реализация принципа исключения дублирования предметов законотворческой деятельности на федеральном и региональном уровнях.

Вдумчивый анализ законодательства, регламентирующего те или иные аспекты жизни региона (на примере Тамбовской области), самого механизма правового регулирования будет,

несомненно, полезен как ученым-правоведам, так и юристам-практикам, как правотворцам, так и правоприменителям.

Рассуждая о региональном законодательстве, О.И. Цыбулевская заметила: нельзя не затронуть еще одну важную дискуссионную теоретическую проблему – определение статуса и места регионального законодательства относительно российской системы права. Составляет ли законодательство регионов свою систему, обособленную от российской системы права, является ли частью этой системы или возможны еще какие-либо варианты? Следует, как подчеркнула О.И. Цыбулевская, согласиться с мнением ученых, которые полагают, что говорить о системе права субъектов Российской Федерации оснований нет: наличие в законодательстве субъектов Федерации множества, а часто и преобладающего количества федеральных правовых норм, органическая связь их с нормами субъектов Российской Федерации являются вполне достаточными аргументами в пользу высказанного суждения (В.М. Манохин). Российская система права действует на всей территории государства, ее в полном объеме объединяет федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации, т.е. оно состоит из двух частей, или ветвей, блоков, но только не из двух систем. Федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации, взятые в единстве, составляют российскую систему права. Но при этом, как справедливо подмечено, вместо стремления к унификации всех субъектов Федерации необходимо предоставить им равные возможности для экономического роста и социально-культурного развития посредством самостоятельного правового регулирования важнейших для субъектов вопросов их жизнедеятельности. Такой подход к решению данной проблемы, безусловно, может, с одной стороны, способствовать сохранению единого правового поля, а с другой – укреплению духовно-культурного пространства России.

Повышение эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности напрямую связано с развитием и укреплением демократических и нравственных традиций в правовой политике. Правовая политика только тогда может быть эффективной, если в ней определены ценностно-моральные приоритеты. В обсуждаемой Концепции (разд. V «Основные меры, направленные на преодоление недостатков и повышение эффективности правовой политики Тамбовской области на период до 2035 года») более полно должны быть представлены не только исключительно правовые установления, но и идеи политического, идеологического, а также нравственного характера.

Приоритеты и принципы правовой политики, как представляется, могут быть помещены в преамбулу настоящего документа. Законодатели, понимая инструментальную ценность права, должны четко улавливать изменения в настроении граждан. Сейчас в обществе силен запрос на справедливость и эффективное государство, способное защитить от различных угроз. Но в будущем вполне может усилиться запрос на гражданские и экономические свободы.

Подводя итоги, О.И. Цыбулевская еще раз подчеркнула: важно осознать, что пока не будет надлежащим образом оформлена и организована сфера правовой политики, многие вопросы правового регулирования так и останутся нерешенными. Первый шаг в заданном направлении будет сделан с принятием обсуждаемого документа.

Заведующая кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС, д-р юрид. наук, доц. Т.В. Милушева подчеркнула актуальность и значимость Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации как доктринального документа, упорядочивающего процессы государственно-правовой инфраструктуры субъекта Федерации, регионального правотворчества, административного и судебного правоприменения, системы подготовки управленческих и юридических кадров и проч., учитывающего региональную экономическую, социальную, культурную специфику.

Представленный проект Концепции правовой политики Тамбовской области дает всеобъемлющее представление о состоянии социально-правовой жизни в регионе; целях и векторах развития; механизмах формирования и реализации правовой политики; о мерах минимизации проблемных явлений и повышении эффективности правовой политики Тамбовщины и т.п. Т.В. Милушева выразила уверенность, что принятие и последующая реализация данного документа должны быть в фокусе насущных интересов и власти, и жителей Тамбовской области.

Очевидно, что документ подобного рода должен иметь каждый субъект Федерации, а Концепция правовой политики субъекта Российской Федерации должна выйти на новый, более высокий уровень «публичности» и иметь характер рамочного документа, структура которого включала бы *постоянные* (общие, универсальные) положения (основные понятия, принципы, нормативно-правовые и доктринальные основы концепции, формы реализации правовой политики и др.) и *вариативную* часть, которая отражала бы уровень развития того или иного субъекта Российской Федерации, особенности его экономической, политической,

демографической, культурной среды, первостепенные направления их оптимизации, соответствующие механизмы и т.п.

Реализуя указанный подход при формировании Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации, можно надеяться на более активное включение субъектов Федерации в процесс формирования подобных стратегических документов в регионах, что в конечном счете получило бы отражение в повышении качества жизни российских граждан на своей малой родине и в качестве обратной связи привело к оптимизации правовой политики Российской Федерации в целом.

В докладе **зав. кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского (г. Махачкала) института ВГУЮ (РПА Минюста России), канд. ист. наук, доц. Б.Б. Сулейманова** были ***установлены и проанализированы некоторые исходные (базовые) моменты концепции политико-правового развития Тамбовской области***. По мнению ученого, на фоне подготовки и обсуждения представленного проекта документа становится очевидным, что разработка теории правовой политики выходит на новый уровень. Такой вывод предопределяется не только теми фундаментальными научными работами, которые изданы за последнее десятилетие, но и разрабатываемыми в современной юриспруденции программными документами (концепциями), гармонично сочетающими как теоретические, так и практические аспекты. Как заметил докладчик, указанные доктринальные документы, какими являются концепции правовой политики, достигли высокого уровня. Переход к разработке концепции политико-правового развития регионов можно рассматривать в качестве одного из признаков развития отечественной юридической доктрины. По мнению Б.Б. Сулейманова, разработка концепции правовой политики в субъектах Федерации может способствовать формированию системы доктринальных программ, которые предусматривают полный цикл стратегии правового развития Российского государства. При этом сами программы помимо логического единства имеют и вертикальное измерение: они могут соотноситься по правилам правовых норм (концепции федерального уровня и концепции субъектов федерации). Концепция правовой политики Тамбовской области (далее – Концепция) имеет ряд неоспоримых достоинств: логична, структурирована на основе правил как научного труда, так и нормативного акта. Она учитывает региональные и локальные аспекты правовой жизни современной Тамбовской области и др. В Концепции дается перечень определений понятий, которые необходимы для формирования целостной картины правовой жизни региона. Любая концепция должна содержать ведущий замысел, доминирующие идеи. Эти моменты отражены в целях и принципах Концепции. Для разработки Концепции использовано множество научных методов, в числе которых логический и исторический методы. При помощи исторического метода раскрывается развитие регионального законодательства. Указывается на положительную динамику противодействия преступности в Тамбовской области. Однако правовая жизнь региона имеет и негативные моменты, о чем отмечается в Концепции. К ним относятся нестабильность социального законодательства, а также «неполное проявление демократических начал (отсутствие прямого избрания глав муниципальных образований, недостаточная практика проведения референдумов и правотворческих инициатив граждан, слабая координация взаимодействия между всеми уровнями публичной власти и др.)». Между тем указанные недостатки, как отметил докладчик, характерны для многих регионов.

Концепция содержит и неоднозначные положения. В частности, как минимум спорным представляется утверждение о том, что органы государственной власти, осуществляющие по большей части полномочия субъектов Российской Федерации, а также совместные с федеральным уровнем власти полномочия, должны формироваться из числа представителей субъектов Федерации. В некоторых регионах (например, в Республике Дагестан) наблюдается почти противоположный процесс: федеральная власть усиливает свое присутствие при определении лиц на ключевые должности, назначая на них представителей из других регионов. Неоднозначным можно признать и некоторые сугубо неправового характера цели правовой политики, которые отражены в Концепции. Так, отмечается, что одной из целей стратегии правовой политики в Тамбовской области является повышение производительности труда промышленного и агропромышленного комплексов. Вызывает сомнение и предложение, содержащееся в Концепции, о включении мировых судей в единую систему федеральных судов для исключения влияния со стороны органов государственной власти субъектов Федерации. Как известно, последние поправки в Конституцию РФ предусматривают упразднение конституционных (уставных судов). При придании мировому суду статуса федерального суда будет создана такая ситуация, при которой само явление «судебная система субъекта Федерации» перестанет существовать. Однако, как отметил Б.Б. Сулейманов, представляется более целесообразным другой путь: предусмотреть в регионе такой

способ формирования мировых судей, как избрание населением. Это допускает закон.

Доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (СГЮА), канд. юрид. наук, доц. Р.С. Маркунин в выступлении затронул тему ***правового регламентирования юридической ответственности на региональном уровне***. Если юридическую ответственность представить в виде системного явления, то такая система будет обладать признаками многоэшелонной иерархической структуры, которую можно рассмотреть в виде взаимодействия относительно независимых между собой подсистем. Одновременно с этим данные подсистемы имеют самостоятельную цель и способы ее достижения, находясь при этом под влиянием вышестоящей системы. Таким образом, можно условно выделить систему ответственности федерального и регионального уровней. В результате обосновывается необходимость разграничения федеральной и региональной правовой политики в сфере правового регулирования вопросов юридической ответственности.

В связи с децентрализацией власти по причине федерального устройства правовая политика субъектов Российской Федерации по вопросам регулирования юридической ответственности должна отличаться своими особенностями осуществления и специфическими задачами. Государственным органам субъектов Федерации предоставляется возможность самостоятельно определять характерные черты своих систем юридической ответственности при реализации основных направлений правовой политики.

Однако на практике можно увидеть ситуацию, в которой региональная правовая политика идет по иному направлению в сравнении со своим федеральным аналогом. Примером служит п. 3.1 ст. 4 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (в ред. от 27.12.2018 г. № 561-ФЗ) «О статусе члена Совета Федерации и статусе Депутата Государственной Думы Российской Федерации»[16], который определяет меру ответственности депутата в виде досрочного прекращения его полномочий в связи с игнорированием встреч с избирателями. Статья 9 Закона Саратовской области от 3 марта 2004 г. № 10-ЗСО (в ред. от 02.02.2021 г. № 15-ЗСО) «О статусе депутата Саратовской областной Думы»[17] также содержит обязанность для народного избранника организовывать встречи со своими избирателями не реже одного раза в два месяца. При этом нормой подчеркивается, что депутат ответствен и подотчетен перед избирателями своего округа, но в отличие от федерального уровня в законодательстве региона не предусмотрены необходимые меры ответственности за нарушение этой обязанности. На данном примере отчетливо видно, как правовая политика субъекта Российской Федерации может отходить от своего федерального уровня, что в дальнейшем приводит к несогласованности и разрывам системных связей, через которые происходит взаимодействие различных систем. Принимая во внимание имеющийся федерализм и децентрализацию власти, Р.С. Маркунин считает, что правовая политика федерального уровня должна закладывать основные направления правового регулирования, которые служат правовой базой для региональной деятельности. Субъекты Российской Федерации при этом не лишены возможности уточнять и конкретизировать отдельные направления правового развития с учетом своей местной специфики там, где это необходимо. При этом недопустимо образование противоречий и отклонений от базового курса, обозначенного правовой политикой федерального уровня власти.

Заведующая кафедрой гуманитарных, социально-экономических и правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саратове, канд. юрид. наук, доц. В.В. Елистратова в докладе на тему ***«Культура правотворчества субъекта Российской Федерации как важнейший фактор развития российской государственности»***, в частности, отметила, что в обсуждаемом проекте Концепции правовой политики Тамбовской области до 2035 года (далее – Проект) совершенно справедливо подчеркивается необходимость повышения культуры правотворчества конкретного субъекта Российской Федерации для обеспечения единства нормативно-правового регулирования не только в рамках отдельного региона, но и в масштабах федеративного государства. Импульсивность законодательства, пробелы, разночтения, многочисленные юридические коллизии становятся причиной неэффективного законотворческого процесса. А эффективность правовых норм определяется соотношением между поставленными социальными целями и фактическим результатом на пути к их достижению. Качество регионального правотворчества должно соответствовать целям формирования российской правовой, социальной государственности.

Проект четко ориентирован на выработку новых эффективных подходов правового сотворчества, отражающих социальную природу права в правотворческих результатах. Необходимо повышать качество правотворческой деятельности

[16] См.: СЗ РФ. 1994. № 2, ст. 74.

[17] См.: Информационный бюллетень Саратовской областной Думы. 2004. № 10 (57). С. 115.

на всех уровнях осуществления публичной власти, решать задачи с учетом общественного мнения в ходе правотворческих инициатив, создавать условия для ликвидации противоречий и пробелов в федеральном и региональном законодательстве. Достаточно перспективным представляется предложение авторов Проекта о рассмотрении возможности введения полноценной общественной экспертизы, направленной на выявление, учет и согласование в процессе правового регулирования интересов различных социальных групп.

Качество правотворческой политики зависит от реализации принципа профессионализма в правотворческом процессе. Особо подчеркивается потребность в повышении культуры самих субъектов правотворчества, которая предполагает не только синтез доктринально-профессионального правосознания, высокого образовательного уровня, общей и правовой грамотности, но и высокие нравственные характеристики личности правотворца.

Однако, по мнению В.В. Елистратовой, следует в большей степени акцентировать внимание на решении проблемы ответственности за неэффективное законодательство. Пора отвечать тем, по чьей вине закон вскоре отменяется или возникает необходимость внесения многочисленных изменений.

Решающую роль играет своевременность рассмотрения и принятия нормативно-правовых актов, их соответствие современным жизненным реалиям конкретного субъекта Российской Федерации. Большое значение для повышения качества правотворчества имеет грамотный анализ различных факторов внешней среды, позитивных и негативных тенденций общественного развития в регионе на современном этапе.

Краткосрочное и перспективное планирование также обеспечивает эффективность законодательства и всего правотворческого процесса, способствует укреплению принципов федерализма. Планирование должно быть достаточно гибким, чтобы избежать стихийности в процессе законотворчества, дублирования правовых актов. Необходима систематизация и ревизия законодательных и иных нормативно-правовых актов. В правотворческой политике субъекта Федерации должны найти свое отражение процессы правовой интеграции.

Совершенствование культуры правотворчества непременно связано с ориентацией российского общества на правовые и нравственные ценности, определяющие суть правового государства.

Старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права РАН, канд. юрид. наук О.Л. Солдаткина выступила с сообщением на тему ***«Приоритеты региональной правовой политики в сфере цифровизации»***, в рамках которого, в частности, было отмечено, что в связи с усложнением социальной жизни все острее встают вопросы оптимизации права. Добавляет неопределенности и срочная цифровизация, всплеск которой был обусловлен пандемией. Именно поэтому так важно активное формирование концепции правовой политики, где отражалось бы и названное направление деятельности в области цифровизации общественных отношений.

Правовая политика – системное явление. Классификация правовой политики позволяет лучше познать ее содержание, а рассмотрение места и роли отдельных ее видов в общей системе правовой политики дает возможность узнать, при каких обстоятельствах лучше использовать ту или иную ее разновидность. Так, правовая политика в зависимости от уровней своего осуществления разделяется на международную, общефедеральную, региональную (в субъектах Федерации), муниципальную, локальную[18]. Все данные виды правовой политики взаимосвязаны между собой, но для каждого уровня нужна своя концепция. Представляется, что развитие теории правовой политики сегодня должно идти по пути перехода от общефедерального уровня к региональному.

Правовая политика субъектов Российской Федерации, ориентируясь в первую очередь на федеральное законодательство, призвана выражать региональные интересы и особенности и также представляет комплексное явление. Важная веха в ее формировании – расстановка акцентов, приоритетов, одним из которых, несомненно, является срочное решение вопроса о повышении информационной и правовой грамотности населения.

Подготовку к «жизни» в сетевом пространстве следует начинать с ранних этапов развития личности. В школах необходимо пересмотреть курсы информатики, рассматривая не основы программирования в давно устаревшем Паскале, а правила социального взаимодействия в сетевом пространстве, информационной безопасности и критического отношения к отбору информации в Сети. По мнению О.Л. Солдаткиной, нуждается в увеличении объем курса «Правоведение», возможно, с заменой на курс «Правовая грамотность». Причем такой курс должен акцентировать внимание на формировании желательного поведения, усилении авторитета права.

[18] Подробнее об этом см.: *Малько А.В.* Теория правовой политики. М., 2012. С. 272–278.

Вторым этапом повышения юридической и информационной грамотности населения должны стать соответствующие курсы в средних образовательных и высших учебных заведениях. Возможно проведение различных рекламных и просветительских кампаний в среде социальных сетей, являющихся местом сосредоточения молодежи. Сеть Интернет и прочие медиасредства предоставляют огромный инструментарий по формированию нужного поведения.

Что касается работы с населением в целом, то здесь интересен опыт Германии. Так, на сайте бундестага[19] каждый гражданин имеет право подать петицию, обязательную для рассмотрения бундестагом. В сочетании с грамотной политикой распространения информации о направлениях деятельности бундестага (через трансляции, экскурсии, возможности присутствия на заседаниях и даже работы передвижных информационных «выставок» на ярмарках или выезжающих к гражданам) такой способ позволяет гражданам активно участвовать в законодательной деятельности и повышает сознательное отношение индивида к своим правам и обязанностям. В силу того, что территория России достаточно обширна, подобное тесное взаимодействие законотворцев с гражданами Российской Федерации на федеральном уровне организовать практически невозможно, зато на уровне субъектов Федерации такое направление развития вполне возможно (например, на базе соответствующих информационных ресурсов). Другой интересной инициативой, отметила О.Л. Солдаткина, является информационно-правовое обучение пожилого населения в отдельных группах (как в Японии) или в смешанных группах из детей и пожилых людей (как в Швейцарии, Австралии), тоже реализуемое на региональном уровне.

Доцент кафедры административного и муниципального права СГЮА, канд. юрид. наук, доц., почетный работник высшего профессионального образования РФ А.В. Колесников в выступлении, посвященном ***обсуждению проекта Концепции правовой политики Тамбовской области до 2035 года***, подчеркнул, что само по себе принятие за основу социально-правового развития Тамбовской области специальной концепции говорит о стремлении власти региона к рационализации и обеспечению конструктивной динамики различных социальных процессов (начиная с экономических), направленных на повышение качества жизни населения Тамбовской области. Такая концепция, безусловно, призвана реализовать конституционный принцип принятия решений «в интересах населения» как на уровне области, так и на территориях муниципальных образований этого субъекта Российской Федерации.

Вызывают одобрение положения, направленные на развитие норм, стимулирующих вовлечение населения в процесс управления. Во всех странах мира, основанных на принципе децентрализации власти, уже пришли к выводу, что муниципальное управление не будет действенным без участия в нем населения. Заслуживает серьезного внимания критическое отношение к нормам законодательства региона, которые снижают роль населения в содействии органам местного самоуправления (например, отсутствует прямое избрание населением глав муниципальных образований, правовые институты референдума и т.н. правотворческой инициативы граждан, предусмотренные законодательством, ни на региональном, ни на муниципальном уровнях Тамбовского региона практически не действуют, участие граждан в принятии политических и правовых решений носит нередко номинальный характер). Такие нормы легко изменить законодательством области и, таким образом, создать условия для развития демократии.

Цели и задачи Концепции указывают на стремление регионального руководства к социально-экономическому прогрессу, оптимизации управления, преодолению разрозненности в работе публичных органов различных уровней и повышению качества жизни населения Тамбовской области. Очень правильно авторы Концепции уделяют внимание терминологии. А.В. Колесников предложил на уровне Тамбовской области принять правовой акт, содержащий методику написания нормативных правовых актов и пополняемый глоссарий с основными понятиями и терминами, применяемыми как в отдельных отраслях, так и имеющими межотраслевое значение.

Вместе с тем, по его мнению, есть положения, которые требуют доработки.

1. Выявленные и нашедшие свое отражение в тексте Концепции недостатки регионального и федерального законодательства необходимо изменять. Текст Концепции через цели и задачи наполнен стремлением это сделать, но, к сожалению, внятных механизмов изменения законодательства Тамбовской области и соответствующего алгоритма действий в ней не наблюдается. То обстоятельство, что это всего лишь концепция, не исключает включения в нее хотя бы общего плана работы с недостатками. Само по себе их выявление и критика, как показывает практика, не являются перспективными направлениями работы над оптимизацией системы управления

[19] См.: URL: http://www.bundestag.de

и взаимодействия всех механизмов публичной власти в Тамбовской области.

2. По всему тексту документа видно, что речь идет о взаимосвязи государственной власти и институтов гражданского общества. Местное самоуправление и его органы авторами Концепции включаются в это гражданское общество. Однако это не вполне правильная позиция. В системе местного самоуправления есть некоторые формы, которые можно отнести к элементам гражданского общества, но органы и должностные лица необходимо рассматривать в качестве элементов публичной власти. Их следует выделять, как и другие элементы публичной власти, а не в составе институтов гражданского общества.

3. Цель привлечения населения к нормотворческим процессам и управлению также не имеет в Концепции реального плана осуществления. Нет в Концепции и общего плана по созданию условий для заинтересованности населения в процедуре законотворчества и непосредственного управления. Вместе с тем интерес к непосредственному осуществлению местного самоуправления может возникнуть, если органы государственной власти и органы местного самоуправления будут реально содействовать населению, покажут действенность таких форм и первоначально будут инициировать их проведение. Интерес населения проявится лишь после того, как оно поверит в возможность влиять на управленческие и хозяйственно-экономические процессы. Для этого властным органам Тамбовской области следует упростить, насколько это возможно, процесс реализации форм непосредственной демократии. В рамках «других форм» (ст. 33 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 13.07.2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[20] (далее – Закон № 131-ФЗ)) развивать не массовые, а индивидуальные формы прямого волеизъявления, как это делается в Германии и других странах.

Учитывая, что органы местного самоуправления должны действовать в интересах населения муниципального образования, решение ими вопросов местного значения надо понимать как оказание населению услуг. В настоящее время взаимодействие органов местного самоуправления с населением осуществляется по принципу «власть – подвластный субъект». По мнению А.В. Колесникова, их надо переформатировать правовыми способами в отношения «поставщик услуг – потребитель услуг», сформировать систему конкуренции поставки услуг и реальной ответственности органов и должностных лиц перед населением. Закон № 131-ФЗ предусматривает нормативное закрепление ответственности глав муниципальных образований и депутатов (за исключением представительных органов, сформированных по пропорциональной и смешанной системе) в уставе. Это нелогичное решение, т.к. органы местного самоуправления никогда не сформируют эффективную модель ответственности для самих себя. Этот вектор региональная власть должна реализовать самостоятельно в рамках ч. 3 ст. 34 Закона № 131-ФЗ и так же, как и другие направления, взять под свой контроль, где муниципальная власть создает для себя комфортные условия работы без оказания необходимого внимания населению.

В ходе обсуждения проекта Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области) **доцентом кафедры теории государства и права юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, канд. юрид. наук З.С. Байниязовой** был высказан ряд предложений. В начале своего выступления она подчеркнула актуальность проекта обсуждаемой Концепции. Разработка данного концептуального документа, с ее точки зрения, необходима для выявления параметров регионального развития, что во многом позволит определить соответствующие направления совершенствования и реализации региональной правовой политики.

З.С. Байниязовой был дан анализ приводимого в проекте Концепции понятия «правовая система субъекта Российской Федерации», которое, как было отмечено, нуждается в определенной степени конкретизации. Вопрос состоит в том, какой смысл вкладывается в данное понятие: либо это отдельный региональный уровень в рамках российской правовой системы, либо самостоятельно существующая правовая система как определенное образование в рамках субъекта Российской Федерации. Докладчиком обращено внимание на необходимость дополнительной теоретической конкретизации указанного понятия, что позволит подчеркнуть региональную специфику правовой политики на уровне проекта Концепции, а также внесет определенную ясность в вопросах регионального развития, затронутых в самом документе.

Констатировано, что региональный аспект – важный сегмент в организации российской правовой системы. Региональная составляющая в общем механизме функционирования российской правовой системы определяет во многом векторы ее развития. В то же время

[20] См.: СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822; 2020. № 29, ст. 4504.

в выступлении акцентировано внимание на том, что выстраивание параметров регионального развития должно быть в разрезе общих приоритетных направлений развития государства, на что ориентирует, в частности, Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», в соответствии с которым «государственная политика регионального развития реализуется с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, определенных в документах стратегического планирования, разработанных на федеральном уровне в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования»[21]. В приводимом документе обозначены принципы государственной политики регионального развития, одним из которых является обеспечение единства правового пространства Российской Федерации. Кроме того, об этом речь идет также в Указе Президента РФ от 10 августа 2000 г. № 1486 (в ред. от 26.12.2016 г.) «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»[22]. В выступлении аргументированно подчеркнуто, что обеспечение единства правового пространства неразрывно связано с вопросами территориальной организации российской правовой системы на всех ее уровнях, в т.ч. региональном, и диалектически сопряжено с необходимостью применения системного подхода к осмыслению параметров регионального развития в русле общефедеральных приоритетных направлений, целей и задач развития государства. В связи с этим было предложено проводить концептуальное обоснование регионального аспекта правовой политики (на уровне предлагаемой Концепции) в параметрах системного осмысления данного вопроса, связывая это с вопросами общефедерального развития, поскольку в этом случае в целом затрагиваются вопросы правового пространства страны, российской правовой системы. В качестве дополнительных аргументов озвучены положения ряда нормативно-правовых актов. В частности, в Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 16.01.2017 г. № 13) подчеркивается, что «государственная политика регионального развития – система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»[23]. Тем самым обосновывается необходимость учета фактора соотношения федеральных и региональных начал в выстраивании механизма осуществления регионального развития.

Как полагает докладчик, разработка концепции правовой политики любого субъекта Российской Федерации (в данном случае на примере Тамбовской области) непосредственным образом затрагивает вопросы организации в целом российской правовой системы в аспекте ее структурных элементов, соотношения федеральных и региональных начал, прежде всего на уровне правотворчества, отдельно законодательства как важного сегмента правовой системы, в соответствии с этим – федеральной и региональной правотворческой политики, а также правоприменения. Обозначенный спектр вопросов неразрывно связан с задачей обеспечения и укрепления единства правового пространства в рамках единого государства. З.С. Байниязовой было обращено внимание на необходимость показать региональную специфику правовой политики (в данном случае на примере Тамбовской области) с учетом положения о единстве правового пространства страны, что позволит выделить особенности правовой политики субъекта Российской Федерации в обозначенных в проекте Концепции параметрах регионального развития. На взгляд автора, выстраивание основ, контуров региональной правовой политики предполагает анализ не только сугубо регионального аспекта, но и в целом правовой политики государства в контексте федерального уровня организации российской правовой системы. Осмысление вопросов регионального развития не может быть без учета параметров общефедерального развития. В выступлении было подчеркнуто, что общие контуры регионального развития должны быть конкретизированы региональной спецификой, исходя из общих федеральных приоритетных направлений общегосударственного развития, в т.ч. и в сфере правовой политики. Российская правовая система определяется единством составляющих ее территориальных уровней (федерального и регионального), каждый из которых обеспечивает основы ее функционирования, и только в своем системном единстве выражаются параметры, необходимые для укрепления единства правового пространства страны. Разработка проекта Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области) в данном контексте, безусловно, имеет принципиальное значение.

[21] См.: СЗ РФ. 2017. № 4, ст. 637.

[22] См.: СЗ РФ. 2000. № 33, ст. 3356; 2017. № 1 (ч. I), ст. 144.

[23] См.: СЗ РФ. 2017. № 4, ст. 637.

Доцент кафедры теории государства и права СГЮА, канд. юрид. наук, доц. А.Н. Зрячкин в докладе на тему ***«Преодоление нигилизма и идеализма в правовой политике субъекта Федерации (на примере Тамбовской области)»*** затронул целый ряд проблем правосознания в контексте регионального политико-правового развития. По мнению докладчика, преодоление нигилизма, идеализма, а равно других деформаций правосознания, в силу которых субъект оказывается не в состоянии адекватно оценивать юридическую действительность, – процесс комплексный и трудоемкий, поскольку бытует мнение: эти социальные недуги – явления, уходящие в нашу седую древность, их исторические и ментальные корни настолько глубоки, что понадобятся усилия не одного поколения, чтобы говорить о первых успехах в борьбе против данных деструктивных феноменов. В.А. Туманов обоснованно полагал, что юридический нигилизм – это «элемент, черта, свойство общественного сознания и национальной психологии, отличительная особенность культуры, традиций, образа жизни». Такие нигилистические установки у лиц, занимающих профессиональные должности с присущими им властными полномочиями, становятся слишком благоприятной почвой для их активного бюрократического проявления (в процессе выполнения служебных, чиновничьих обязанностей, когда допускаются «волокита», «мздоимство» и проч.)[24]. Тем не менее делать определенные шаги в направлении преодоления сложившейся ситуации необходимо уже сегодня, поскольку любая потеря времени может быть чревата разрастанием обозначенных патологий.

Президент РФ Д.А. Медведев весной 2011 г. утвердил концептуальный документ – Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан[25]. Введение в действие этого нормативного акта означало одобрение на государственном уровне мер по совершенствованию федеральной и региональной юридической политики в сфере правового сознания населения Российской Федерации. А.Н. Зрячкин заметил, что значительную озабоченность высших должностных лиц страны вызывает правовой нигилизм, деструктивные проявления которого становятся слишком очевидными, нанося непоправимый вред развитию государства, общества и личности. Пагубные следы правового идеализма, названного в науке «второй стороной медали»[26], гораздо менее заметны с первого взгляда, но нисколько не менее разрушительны: разочарование в праве как в средстве решения проблем, на которое возлагались огромные надежды и чаяния, часто толкают субъекта на путь разрушительного отрицания, в ходе которого сметаются все былые ценности.

В этой связи органам государственной власти и местного самоуправления надлежит проводить комплексную работу по многим направлениям, привлекая к таким усилиям и представителей гражданского общества, и иные государственные и социальные структуры.

В литературе отмечается, что уровень правовой культуры и правосознания жителей г. Тамбова находится на усредненной отметке по теоретической пятибалльной шкале. Такие показатели были получены в ходе методических и агитационных работ со стороны СМИ, представителей Тамбовской городской Думы, Института права ТГУ им. Г.Р. Державина, СПК «Юридическая клиника» ТГУ им. Г.Р. Державина и других организаций. Это лишний раз подтверждает необходимость продолжения проведения общественными организациями, властными структурами различных мероприятий, направленных на правовое просвещение, развитие правовой культуры, этической и нравственной составляющей личности, что в совокупности формирует культурного гражданина, относящегося с уважением к праву, закону и окружающим[27].

О.И. Цыбулевская и Т.В. Касаева обращают внимание на то, что взаимная ответственность государства и личности «предполагает не только сугубо юридические, но и духовные начала в отношениях между государством как носителем публичной власти и личностью как участником ее осуществления»[28]. Как полагает докладчик, эти аспекты могут сыграть позитивную роль и при преодолении идеализма, нигилизма и иных деформаций правосознания. Представителям управленческого сообщества для недопущения обострения ситуации надлежит вести строгий отбор кандидатов на государственные и муниципальные должности, отдавая приоритет лицам, уважительно относящимся к правам и свободам

[24] См.: *Туманов В.А.* О правовом нигилизме // Сов. государство и право. 1989. № 10. С. 20, 25.

[25] Утверждены Президентом РФ 28.04.2011 г. № Пр-1168). Текст документа официально опубликован не был.

[26] *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16.

[27] См.: *Киселев А.С.* Проблемы формирования правовой культуры в Российской Федерации на примере города Тамбова // Территория права: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Н. Сусликов. Курск, 2015. С. 108–112.

[28] *Цыбулевская О.И., Касаева Т.В.* Профессиональные этические стандарты в правовом поле России // Право и современные государства. 2013. № 3. С. 29–34.

человека и гражданина, способствующим полноценной реализации фундаментальных нормативных предписаний. Не следует, с одной стороны, обожествлять право, возлагать на него излишние упования, с другой – воспринимать его в отрицательном ключе, если процесс взаимодействия с юридическими постулатами оказался не слишком удачным. Ведь первоочередной задачей проводимых в России реформ должно являться усиление культурного, морального фактора.

Немаловажен также комплекс мер, направленных на *совершенствование элемента правового сознания в правотворческой и правоприменительной деятельности на всех уровнях.* К этим мерам могут быть отнесены мероприятия по повышению профессионализма и правовой культуры субъектов правотворчества, поскольку огромное влияние на качество правотворческих и правоприменительных результатов оказывает уровень правовой культуры должностных лиц.

Как отмечается в выступлении, важно повышать уровень общей правовой грамотности граждан. С этой целью следует проводить соответствующие мероприятия в системе образования.

В непрерывном правовом образовании и воспитании может быть реализована следующая система принципов, которыми целесообразно руководствоваться при проектировании и реализации целостного учебно-воспитательного процесса:

1) принцип демократизма и всеобщности правового образования и воспитания, доступность и многообразие видов и форм предоставления человеку любого возраста независимо от должностного и социального статуса юридических образовательных услуг любого вида, в любом месте, в любое время, любого уровня в соответствии с потребностями, интересами и возможностями этого человека-гражданина и в то же время – обязательность правовой подготовки для всех, особенно для руководителей, хозяйственников, работников кредитно-финансовой и социальной сферы, предпринимателей и др.;

2) принцип гуманизации правового образования и воспитания предполагает создание такого уклада жизни образовательного учреждения, в котором осуществляется совместная творческая деятельность, взаимообучение и диалогическое общение субъектов образовательного процесса с возможностями для проявления и развития творческой индивидуальности каждого;

3) принцип горизонтальной координации деятельности основных, дополнительных, государственных, негосударственных и общественных образовательных учреждений, который создает предпосылки согласованной образовательной политики в системе непрерывного правового образования и воспитания, снимает проблемные вопросы на «стыках» различных образовательных программ и педагогических технологий;

4) принцип связи правового образования и воспитания с потребностями практической деятельности гражданина и общества. Он предполагает отказ от абстрактного просветительства в области правовых знаний и переход к деятельной модели учебно-воспитательного процесса, в котором используются реальные правовые данные, базирующиеся па основе действующего законодательства, моделируются условия применения законодательных актов в контексте проблем и задач реальной жизни и профессиональной деятельности людей (контекстное обучение). Этот принцип означает требование педагогически обоснованной интеграции правового образования, науки и жизнедеятельности человека-гражданина;

5) принцип гибкости, вариативности, проблемности, системности и междисциплинарности содержания правового образования и воспитания. *Гибкость* требует периодического пересмотра содержания в соответствии с изменяющимися потребностями человека, государства и общества в правовом образовании; *вариативность* – разнообразия образовательных программ, разрабатываемых «под потребителя»; *проблемность* выступает необходимым условием развития правового мышления и познавательной мотивации в процессе обучения и воспитания; *системность* и *междисциплинарность* отражают уникальность права как науки – ее способность интегрировать различные области теоретического знания и практической деятельности человека, олицетворять единство проводимой правовой политики по построению демократического правового государства;

6) принцип преемственности воспитательных программ и педагогических технологий обеспечивает непрерывность развития правовой культуры, легкость перехода человека на последующие ступени правового образования. Владея «ядром» содержания, человек может самостоятельно выбирать виды, темпы и сроки обучения, собственную методику правового воспитания и программу образования;

7) принцип учета в правовом образовании и воспитании национальных традиций, экономических, политических, социальных, духовных условий жизни людей. Данное правило касается как отбора содержания обучения и воспитания, учитывающего эти особенности, так и предоставления для образовательных учреждений необходимой правовой информации с учетом федерального законодательства и правовых актов субъектов

Российской Федерации. Этот принцип ставит во главу правового воспитания и образования региональный компонент, принимая во внимание сложившиеся на соответствующей территории обычаи и традиции;

8) принцип единства общего и правового воспитания и образования предполагает как правовое содержание во всех существующих образовательных программах и государственных образовательных стандартах общего и профессионального образования, так и введение специальных правовых программ. В совокупности это обеспечит формирование правового мировоззрения личности как неотъемлемой составной части ее общего жизнепонимания. Самостоятельной задачей является расширение образовательных программ подготовки и повышения квалификации специалистов-правоведов и педагогов правового курса.

Участие в правовом воспитании населения – важное направление деятельности территориальных органов юстиции по обеспечению прав и законных интересов личности, общества и государства, что зафиксировано в качестве одного из направлений деятельности указанных органов.

Построение правового демократического государства и гражданского общества предполагает развитое правосознание и высокую правовую культуру. Следовательно, деятельность по снижению нигилизма и идеализма, правовое воспитание, направленное на реализацию соответствующих конституционных предписаний, – важная государственная задача, требующая скорейшего полного и всестороннего решения. На уровне российских регионов эта задача также должна решаться последовательно и системно.

Доцент кафедры теории и истории государства и права ТГУ им. Г.Р. Державина, канд. эк. наук Ю.В. Горюшина представила доклад на тему ***«Роль прокуратуры субъекта Российской Федерации в повышении результативности региональной правотворческой деятельности (на примере Тамбовской области)»***. В рамках затронутой темы было отмечено, что решение проблемы качества современного законодательства зависит в первую очередь от того, насколько работоспособна система правотворческой деятельности, в рамках которой воспроизводится актуальное право, приобретая в результате осуществляемой законотворческой (правотворческой) практики соответствующие законодательные (позитивно правовые) формы.

Одной из ключевых функций в системе правотворчества можно считать функцию правотворческого отражения (адекватного познания и фиксации в действующем праве) социальных оснований (предпосылок, факторной основы) правового регулирования, и, по сути, все иные функциональные элементы правотворческой системы можно расценивать как элементы, способствующие выполнению данной структурообразующей функции правотворчества. Это предопределяет важность механизмов, обеспечивающих выражение (отражение) социальных предпосылок и проблемных сторон общественного развития в актах правотворчества. Этим же объясняется значение функционирования публично-властного аппарата по внешнему контуру правотворческой системы (относительно правотворчества – субсидиарного), опосредующего связь общества и органов правотворчества, благодаря которому общественные «сигналы» (запросы, проблемы, юридически значимые интересы) могут по соответствующим связующим каналам достигать системы правотворчества и преобразовываться в нормативные правовые формы. Одним из таких ресурсов, обеспечивающих связь общества и правотворческой системы, выступает институт российской прокуратуры, на содействие которого система правотворческой деятельности должна уметь отзываться и компетентно, и своевременно.

Прокуратура Российской Федерации, являясь единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина и иные полномочия и функции, определяемые федеральным законом, принимает участие в правотворческой деятельности (ч. 1 ст. 129 Конституции РФ). Конкретизированная юридическая основа участия прокуроров в правотворческой деятельности отражена в ст. 9 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которой при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов прокурор вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы соответствующего и нижестоящего уровней, предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов[29].

Особенно заметна роль прокуратуры в проблемном политико-правовом поле российского регионального уровня. На уровне субъектов Российской Федерации участие прокурора в правотворческой деятельности позволяет своевременно решать актуальные задачи совершенствования регионального законодательства. В этом аспекте важно максимально обеспечить участие прокуратуры в разработке проектов

[29] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366.

региональных нормативных правовых актов, а также возможной подготовке предложений по совершенствованию федерального законодательства, связанного с региональными вопросами и сферами властных компетенций.

Ю.В. Горюшиной, в частности, был приведен пример из прокурорской практики Тамбовской области. Реализуя указанные полномочия, органами прокуратуры Тамбовской области в 2020 г. изучено свыше 24 тыс. проектов нормативных правовых актов, из которых разработанных Тамбовской областной Думой – 1%, администрацией Тамбовской области – 6%, органами местного самоуправления – 93%. Обеспечено своевременное реагирование на выявленные в проектах нормативных правовых актов несоответствия федеральным и региональным законам посредством направления почти 2 тыс. отрицательных заключений, большая часть из которых (84%) – на проекты нормативных актов органов местного самоуправления. Обеспечено участие прокуроров почти в 2 тыс. заседаниях органов государственной власти (6%), местного самоуправления (94%), включая заседания комитетов и рабочих групп. Посредством направления представлений, информационных писем, предложений приведено в соответствие с изменениями федерального законодательства свыше 1300 нормативных правовых актов (1.5%, разработанных Тамбовской областной Думой, 1.3% – администрацией Тамбовской области, 97% – органами местного самоуправления). С использованием предоставленного ч. 2 ст. 18 Закона Тамбовской области от 23 июня 2006 г. № 51-З «О правовых актах Тамбовской области»[30] прокурорам права законодательной (нормотворческой) инициативы обеспечено принятие 263 нормативных правовых актов (1% от общего количества принятых по области нормативных правовых актов в 2020 г.)[31].

Подводя итог выступлению, Ю.В. Горюшина отметила, что прокурор, реализуя предоставленные правотворческие полномочия, является важным связующим звеном, благодаря которому интересы граждан и цели социально-экономического развития способны реализовываться на законодательном уровне, повышая качество законотворческого процесса. В региональной правовой практике это проявляется со всей очевидностью, в связи с чем в рамках обсуждаемой Концепции правовой политики Тамбовской области следует также отразить этот аспект и более детально смоделировать алгоритм взаимодействия прокуратуры субъекта Российской Федерации и субъектов регионального правотворчества.

Младший научный сотрудник НИИ государственно-правовых исследований ТГУ им. Г.Р. Державина В.Ю. Самородов сделал доклад на тему ***«Региональный аспект культуры правотворчества: теоретико-практический анализ (на примере Тамбовской области)»***[32]. В нем, в частности, докладчик отметил, что проблемы правовой и правотворческой культуры тесно связаны с правовой и правотворческой политикой. Поэтому в рамках формирования концепции правовой политики субъектов Российской Федерации (на примере Тамбовской области) необходимо обратить внимание на актуальные теоретические и практические аспекты региональной культуры правотворчества, имеющей свои особенности. Теоретико-практический анализ региональной культуры правотворчества поможет выявить социокультурные основания данной деятельности, сделать акцент на необходимость формирования и соблюдения системы культурных требований при осуществлении правотворческой деятельности.

В.Ю. Самородов подчеркнул, что проблеме культуры правотворчества в настоящее время уделяется повышенное внимание, о чем свидетельствуют предметные работы по настоящей теме[33]. Теоретико-методологическая основа понимания данной проблемы была заложена в трудах Д.А. Керимова, А. Нашиц и др. Тема культуры правотворчества остается на данный момент не вполне теоретически проработанной и не направленной в предметное позитивное практическое русло. Особенно это прослеживается на региональном уровне. В связи с этим знания, полученные в рамках исследования культуры правотворчества, могут быть обращены в предметную практическую плоскость, в т.ч. посредством их выражения в положениях-рекомендациях таких доктринально-практических документов, как создаваемая силами ученых и практиков в публичном пространстве Тамбовской области Концепция правовой политики (пока на уровне проекта).

Правотворческий опыт Тамбовской области весьма плодотворный для исследования его культурной составляющей, которая характеризуется во многом надлежащей организацией правотворческого процесса, от чего зависит эффективность

[30] См.: Тамбовская жизнь. 2006. 7 июля.

[31] См.: Статистический отчет прокуратуры Тамбовской области «О работе прокурора по участию в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» за январь–декабрь 2020 г.

[32] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

[33] См., напр.: *Тосунян Г.А., Санникова Л.В.* Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.

современного законодательства. Докладчик обратил внимание на основополагающий для данной сферы общественных отношений Закон Тамбовской области от 23 июня 2006 г. № 51-З «О правовых актах Тамбовской области»[34]. Указанный Закон служит своеобразным образцом организации правотворческой деятельности, т.к. дает базовые понятия, устанавливает систему и виды правовых актов Тамбовской области, регулирует порядок подготовки, рассмотрения, принятия, подписания, опубликования и вступления в силу правовых актов в данном субъекте Российской Федерации. Кроме того, присутствует в правовом поле и конкретизирующий нормативный акт, определяющий процедурно-процессуальные основы осуществляемой в регионе правотворческой деятельности, в виде постановления Тамбовской областной Думы от 28 февраля 2011 г. № 2088 «О регламенте Тамбовской областной Думы»[35].

Исходя из анализа данных актов и практики их применения, автор указывает на некоторые проблемы культуры правотворчества в Тамбовской области и предлагает варианты их устранения. Среди путей повышения и совершенствования региональной правотворческой культуры выделяются:

необходимость выражения социальной природы права в правотворческих результатах (нормах права) (посредством развития методов более глубокой проработки социального контекста правотворческих решений);

последовательное соблюдение общих правил и требований юридической техники;

повышение уровня культуры субъектов регионального правотворчества;

развитие института оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации и планомерный учет ее результатов в правотворческих решениях;

развитие практики научной правовой экспертизы, привлечение к правотворческому процессу научных экспертов, взаимодействие с различными правовыми научно-исследовательскими институтами, которые могут давать независимую оценку и экспертизу региональных законопроектов.

В заключение В.Ю. Самородов подчеркнул, что выполнение указанных и других требований положительно отразится на культуре регионального правотворчества и станет серьезным стимулом для развития и совершенствования региональной правовой политики и правотворческой практики.

В основной части сделанных докладов наряду с заглавными положениями также звучали рекомендации о необходимости продолжения работы над доктринально-практическим документом Концепции правовой политики Тамбовской области до 2035 года, о перспективах и потенциале, которые могут быть с этой работой связаны.

* * *

Подводя итоги научного «круглого стола», **проф. А.В. Малько** отметил продуктивность проведенного научного мероприятия и выразил надежду на успешное завершение усилий по подготовке и опубликованию проекта Концепции правовой политики Тамбовской области до 2035 года, одновременно поблагодарив всех участников данной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Киселев А.С.* Проблемы формирования правовой культуры в Российской Федерации на примере города Тамбова // Территория права: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Н. Сусликов. Курск, 2015. С. 108–112.
2. *Малько А.В., Гурьев В.В., Затонский В.А., Кроткова Н.В.* Правовая культура, правовая политика и права человека (Обзор материалов научно-практической конференции) // Государство и право. 2021. № 2. С. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9
3. *Малько А.В., Костюков А.Н., Кроткова Н.В.* Правовая политика в современной России: актуальные проблемы теории и практики (Обзор материалов «круглого стола») // Государство и право. 2019. № 6. С. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9
4. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Ишеков К.А.* Правовая политика в субъектах Российской Федерации (Обзор материалов Международной научно-практической конференции, которая проходила в форме «круглого стола», журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь») // Государство и право. 2017. № 3. С. 105–119.
5. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю., Трофимов В.В.* Правовая политика как способ организации социально-правовой жизни субъектов Российской Федерации: теория и практика (Обзор материалов Всероссийского научного «круглого стола» (с международным участием) журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы государства и права» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые ис-

[34] См.: Тамбовская жизнь. 2006. 7 июля.

[35] Текст документа официально опубликован не был.

следования») // Государство и право. 2019. № 10. С. 188–201. DOI: 10.31857/S013207690007214-7

6. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю. и др.* Правовая жизнь современного общества: негатив и позитив (Обзор материалов Всероссийской научной конференции журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь» и научно-образовательного ежегодника «Государственно-правовые исследования») // Государство и право. 2020. № 8. С. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7
7. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Сулейманов Б.Б.* Обзор материалов «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» на тему «Политическая и правовая жизнь в современной России: федеральный и региональный уровни» // Государство и право. 2017. № 5. С. 107–113.
8. *Малько А.В., Пономаренков В.А., Кроткова Н.В.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы правоведения» по теме «Правовая жизнь общества и средства ее упорядочения» // Государство и право. 2017. № 9. С. 105–112.
9. *Матузов Н.И.* Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16.
10. Приложение 1. Концепция правовой политики Тамбовской области до 2035 года (Проект) (вариант для обсуждения) – извлечения // Государственно-правовые исследования: науч.-образов. ежегодник. 2019 (2018/2019 уч. год). Вып. 2 / гл. ред. В.В. Трофимов. С. 290–339.
11. *Тосунян Г.А., Санникова Л.В.* Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.
12. *Трофимов В.В.* Региональный уровень государственно-правовой политики в сфере инновационного развития современной России (проблемы реализации правотворческой формы) // Право интеллектуальной собственности. 2018. № 1. С. 37–41.
13. *Туманов В.А.* О правовом нигилизме // Сов. государство и право. 1989. № 10. С. 20, 25.
14. *Цыбулевская О.И., Касаева Т.В.* Профессиональные этические стандарты в правовом поле России // Право и современные государства. 2013. № 3. С. 29–34.

REFERENCES

1. *Kiselev A.S.* Problems of formation of legal culture in the Russian Federation on the example of the city of Tambov // Territory of law: collection of scientific articles / ed. by V.N. Suslikov. Kursk, 2015. P. 108–112 (in Russ.).
2. *Mal'ko A.V., Guryev V.V., Zatonsky V.A., Krotkova N.V.* Legal culture, legal policy and human rights (Review of the materials of the scientific and practical conference) // State and Law. 2021. No. 2. P. 145–159. DOI: 10.31857/S102694520013680-9 (in Russ.).
3. *Mal'ko A.V., Kostyukov A.N., Krotkova N.V.* Legal policy in modern Russia: actual problems of theory and practice (Review of the materials of the "Round Table") // State and Law. 2019. No. 6. P. 130–137. DOI: 10.31857/S013207690005270-9 (in Russ.).
4. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Ishekov K.A.* Legal policy in the subjects of the Russian Federation (Review of the materials of the International scientific and practical conference, which took place in the form of the "Round Table", journals "State and Law" and "Legal policy and legal life") // State and Law. 2017. No. 3. P. 105–119 (in Russ.).
5. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Stromov V. Yu., Trofimov V.V.* Legal policy as a way of organizing the social and legal life of the subjects of the Russian Federation: theory and practice (Review of the materials of the All-Russian scientific "Round Table" (with international participation) of the journals "State and Law", "Legal policy and legal life", "Actual problems of state and law" and the scientific and educational yearbook "State and legal research") // State and Law. 2019. No. 10. P. 188–201. DOI: 10.31857/S013207690007214-7 (in Russ.).
6. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Stromov V. Yu., etc.* Legal life of modern society: negative and positive (Review of the materials of the All-Russian scientific conference of the journals "State and Law", "Legal policy and legal life" and the scientific and educational yearbook "State and legal research") // State and Law. 2020. No. 8. P. 115–126. DOI: 10.31857/S102694520011033-7 (in Russ.).
7. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Suleymanov B.B.* Review of the materials of the "Round Table" of the journals "State and Law" and "Legal policy and legal life" on the topic "Political and legal life in modern Russia: federal and regional levels" // State and Law. 2017. No. 5. P. 107–113 (in Russ.).
8. *Mal'ko A.V., Ponomarenkov V.A., Krotkova N.V.* Review of the All-Russian scientific conference in the form of the "Round Table" of the journals "State and Law", "Legal policy and legal life", "Actual problems of jurisprudence" on the topic "Legal life of society and means of its regulation" // State and Law. 2017. No. 9. P. 105–112 (in Russ.).
9. *Matuzov N.I.* Legal nihilism and legal idealism as two sides of the "same coin" // Pravovedenie. 1994. No. 2. P. 3–16 (in Russ.).
10. Appendix 1. The concept of legal policy of the Tambov region until 2035 (draft) (option for discussion) – extracts // State-legal research: scientific and educational yearbook. 2019 (2018/2019 academ-

ic year). Issue 2 / ch. ed. V.V. Trofimov. P. 290–339 (in Russ.).

11. *Tosunyan G.A., Sannikova L.V.* Culture of lawmaking in modern Russia // State and Law. 2018. No. 3. P. 28–34 (in Russ.).
12. *Trofimov V.V.* Regional level of state-legal policy in the field of innovative development of modern Russia (problems of implementation of the law-making form) // Intellectual property law. 2018. No. 1. P. 37–41 (in Russ.).
13. *Tumanov V.*A. On legal nihilism // Soviet State and Law. 1989. No. 10. P. 20, 25 (in Russ.).
14. *Tsybulevskaya O.I., Kasaeva T.V.* Professional ethical standards in the legal field of Russia // Law and modern states. 2013. No. 3. P. 29–34 (in Russ.).

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры государственно-правовых
дисциплин Поволжского института (филиала)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России);
410003 Саратовская область, г. Саратов,
ул. им. Радищева А.Н., д. 55

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный
сотрудник сектора конституционного права
и конституционной юстиции Института
государства и права Российской академии
наук; заместитель главного редактора журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

СТРОМОВ Владимир Юрьевич –
кандидат юридических наук, доцент, ректор
Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина; 392000 г. Тамбов,
ул. Интернациональная, д. 33

ТРОФИМОВ Василий Владиславович –
доктор юридических наук, доцент, директор
Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета
им. Г.Р. Державина; 392008 г. Тамбов,
ул. Советская, д. 181б

Authors' information

MAL'KO Aleksander V. –
Doctor of Law, Professor, Honored Worker
of science of the Russian Federation, Professor
of the Department of state and legal disciplines
of the Volga Institute (branch) of the All-Russian
state University of justice (Russian law Academy
of the Ministry of justice of Russia);
55 named of Radishchev A.N. str., 410003 Saratov
region, Saratov, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law, leading researcher, Sector
of Constitutional Law and constitutional justice,
Institute of State and Law of the Russian Academy
of Sciences; Vice-Editor-in-Chief of journal "State
and Law" of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

STROMOV Vladimir Yu. –
PhD in Law, associate Professor, Rector
of Derzhavin Tambov state University;
33 Internatsionalnaya str., 392000 Tambov, Russia

TROFIMOV Vasily V. –
Doctor of Law, associate Professor, Director
of Research Institute state-legal research
of Derzhavin Tambov state University;
181b Sovetskaya str., 392008 Tambov, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 254–259
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 254–259

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

COVID-19 И БОРЬБА С НИМ

ИЗДАНА КНИГА ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ, БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ И РАБОТЕ ПОЛИЦИИ[1]

© 2021 г. С. И. Захарцев[1, *], В. П. Сальников[2, **], А. Г. Хабибулин[3, *]**

[1]Российский государственный социальный университет, г. Москва
[2]Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

**E-mail: zakhartsev2306 @mail.ru*
***E-mail: Fonduniver@bk.ru*
****E-mail: 21alik@mail.ru*

Поступила в редакцию 19.10.2021 г.

Аннотация. Все содержание монографии неразрывно связано с наблюдающейся в 2020–2021 гг. и по сей день пандемии COVID-19. Рассмотрены актуальные проблемы, связанные с жизнедеятельностью общества и работой правоохранительных органов в особых условиях. Разобраны различные способы совершения преступлений в период пандемии, обозначены методы противодействия им. Проанализированы возможные направления реформы полиции. Сформулированы прогнозы развития мирового сообщества. Заключение книги имеет философско-правовой характер. Монография предназначена для широкого круга специалистов: философов, юристов, политологов, профессорско-преподавательского состава вузов, а также студентов и курсантов.

Ключевые слова: общество, мир, пандемия, полиция, права человека, безопасность, кибербезопасность, философия права.

Цитирование: *Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г.* COVID-19 и борьба с ним
Издана книга об актуальных проблемах жизнедеятельности общества в период пандемии, борьбе с преступностью и работе полиции // Государство и право. 2021. № 10. С. 254–259.

DOI: 10.31857/S102694520017278-6

COVID-19 AND THE FIGHT AGAINST IT

A BOOK HAS BEEN PUBLISHED ON THE CURRENT PROBLEMS OF SOCIETY'S LIFE DURING THE PANDEMIC, THE FIGHT AGAINST CRIME AND THE WORK OF THE POLICE

© 2021 S. I. Zakhartsev[1, *], V. P. Salnikov[2, **], A. G. Khabibulin[3, *]**

[1]Russian State Social University, Moscow
[2]Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg
[3]Lomonosov Moscow state University

**E-mail: zakhartsev2306 @mail.ru*
***E-mail: Fonduniver@bk.ru*
****E-mail: 21alik@mail.ru*

Received 19.10.2021

[1] См.: COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. ст. А.Л. Кудрина. М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.

Abstract. The entire content of the monograph is inextricably linked with the COVID-19 pandemic observed in 2020–2021 and to this day. The current problems related to the vital activity of society and the work of law enforcement agencies in special conditions are considered. Various ways of committing crimes during the pandemic are analyzed, methods of countering them are outlined. Possible directions of police reform are analyzed. Forecasts of the development of the world community are formulated. The conclusion of the book has a philosophical and legal character. The monograph is intended for a wide range of specialists: philosophers, lawyers, political scientists, university teaching staff, as well as students and cadets.

Key words: society, world, pandemic, police, human rights, security, cybersecurity, Philosophy of Law.

For citation: *Zakhartsev, S.I., Salnikov, V.P., Khabibulin, A.G. (2021).* COVID-19 and the fight against it A book has been published on the current problems of society's life during the pandemic, the fight against crime and the work of the police // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10. pp. 254–259.

2020 год уже вошел в историю человечества как тяжелый. Пандемия, унесшая жизни тысяч людей, отсутствие эффективной защиты от нее, не достаточная исследованность используемых прививок, периодически возникающая паника, применение разумных и не очень правовых норм – все это будет долго изучаться широким кругом ученых.

Отрадно, что российские юристы Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов и В.С. Овчинский включились в этот процесс одними из первых. Уже в конце 2020 г. им удалось подготовить содержательную книгу под названием «COVID-19: преступность, киберпреступность, общество, полиция». В контексте заявленной темы они рассмотрели динамику преступности, ее влияние на повседневную жизнь, развитие общества. Как указано в аннотации работы, книга посвящена проблемам современности, связанным с состоянием преступности, кибербезопасности, электронным контролем за обществом и реформированием полиции в период COVID-19.

Вступительная статья к монографии написана А.Л. Кудриным, известным российским политическим деятелем. По его мнению, актуальность книги не вызывает сомнений. Она затрагивает вопросы, которые волнуют не только правительства разных стран, сотрудников полиции, но и каждого гражданина в Российской Федерации и за рубежом. В книге использованы результаты исследований ООН, Совета Европы, Интерпола, Европола, ЮНЕСКО, а также данные международных научных центров полиции ряда государств. В книге предпринята попытка объяснить читателям, как в эпоху пандемии менялась преступность, сферы ее влияния, как реагировала на это правоохранительная система и общество в целом, насколько соответствует стандартам соблюдения прав человека складывающаяся в мире и отдельных странах система электронного слежения за распространением пандемии нового коронавируса (с. 8).

Мы подготовили на представленную монографию развернутую рецензию, опубликованную в научном журнале «Юридическая наука: история и современность»[2], в которой, солидаризуясь с авторами, написали, что в книге наглядно показано, как в борьбе с эпидемией коронавируса многие правительства внедрили новые элементы электронного наблюдения. Наиболее заметный случай – Китай. Тщательно отслеживая смартфоны пользователей, используя сотни миллионов распознающих лица камер и обязывая людей проверять и сообщать о температуре своего тела и состоянии здоровья, власти КНР могут не только быстро выявлять носителей коронавируса, но также отслеживать их движения и идентифицировать любого, с кем они вступили в контакт. Теперь правительства во многом могут полагаться на повсеместно распространенные датчики и мощные алгоритмы. Эта технология не ограничивается Восточной Азией. Технология видеонаблюдения активно развивается, и то, что 10 лет назад казалось научной фантастикой, сегодня норма жизни. И это действительно так. Вспомните, насколько удивительным для населения еще два десятка лет назад было то, что с помощью мобильного телефона можно более-менее точно установить местоположение звонившего. Этим в рамках оперативно-розыскной деятельности одно время пользовались и правоохранительные органы для поимки преступников, и спецслужбы для уничтожения террористов. Сейчас такие возможности мобильных телефонов никого не удивляют, о них знают буквально все[3].

Сейчас, поскольку вирус COVID-19 мутирует, а проблема пандемии по-прежнему остается крайне актуальной, мы решили нашу рецензию расширить и дополнить.

Вначале следует сказать, что книга Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского получилась достаточно объемной. Она состоит из семи частей (глав), включающих 32 параграфа, а также заключения и приложения.

Первая глава посвящена правовым оценкам криминогенной ситуации, связанной с пандемией коронавируса. Много внимания уделено деятельности организованной преступности в названный период. Для всех читателей без исключения принесет много пользы изучение приведенных в книге способов мошенничества путем вывода денег с банковских карт (с. 96).

Авторы, кроме того, одни из первых показали связь пандемии и домашнего насилия. Они обратили внимание, что в условиях карантина и режима самоизоляции, введенного во многих странах для борьбы с распространением вируса COVID-19, количество случаев домашнего насилия увеличилось в разы. С учетом того, что, по данным Генерального секретаря ООН А. Гутерриша, на карантине в 2020 г. находилось 2.6 млрд человек, этим выводам можно верить. Авторы предложили признавать риски для детей в тех случаях, когда прерывание совместного ухода может привести к тому, что ребенок или дети будут вынуждены жить с родителями, склонными к неправомерному обращению с ними. Независимо от того,

[2] *Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г.* Важно и срочно. Вышла книга о преступности в период пандемии и мировом сообществе. Рецензия на монографию Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.» // Юрид. наука: история и современность. 2021. № 6. С. 182–190.

[3] См.: там же. С. 183.

разрешено ли родителям передвижение, во всех случаях, когда речь идет о совместном воспитании детей, родителям должна быть предложена дополнительная поддержка, включая доступ к бесплатным юридическим услугам, меры по обеспечению того, чтобы дети не проживали со склонным к проявлению жестокости родителям в период карантина, а в установленных случаях детям должно быть обеспечено их безопасное возвращение к родителю, не проявляющему жестокость (с. 108, 111).

Другая глава монографии получилась наиболее объемной по затронутым темам. В ней рассматриваются проблемы миграции в COVID-19 (с. 130–151), борьба с развитием наркомании и наркомафией (с. 151–183), трудности пресечения незаконной торговли ресурсами дикой природы (183–191), а также торговли предметами древности, имеющими культурную ценность (с. 191–197). Каждая из проблем заслуживает отдельного тщательного рассмотрения.

В целом надо признать, что миграция примыкает к торговле людей и фактическому рабству. Увы, люди до сих пор не научились жить благоразумно, спокойно и с уважением друг к другу. Торговля людьми, распространенная в Европе в средние века, а в Российской Империи при крепостном праве, стала вновь набирать обороты. Пропаганда употребления наркотиков лишь подчеркивает то, что к людям отдельные преступники относятся как к источнику быстрого дохода.

Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов и В.С. Овчинский отмечают явные указания на то, что проблемы с доступностью наркотиков в некоторых регионах вызваны трудностями при распространении внутри ЕС, а не проблемами ввоза. Власти государств готовятся к подобным сценариям в будущем. Но и организованные преступные группировки, занимающиеся распространением наркотиков, на своем опыте приходят к пониманию того, что, случись подобное пандемии COVID-19 еще раз, им потребуется иметь больше запасов наркотиков «на местах», чтобы удовлетворить спрос, особенно со стороны зависимых потребителей. По справедливому мнению авторов, задача правоохранительных органов состоит в том, чтобы не снижать активность в разработке высокорисковых преступных группировок и их лидеров, занимающихся крупномасштабным производством и оборотом наркотиков (с. 182, 183).

Название третьей части книги «COVID-19, экстремизм, терроризм» говорит само за себя. Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов и В.С. Овчинский обратили внимание на то, что, поскольку правительства во всем мире заняты борьбой с коронавирусом, его экономическими и социальными последствиями, это неизбежно привело к снижению внимания к террористическим организациям, что в дальнейшем может привести к их активизации. Особое внимание уделили международному терроризму, в т.ч. обстановке в Сирии и США. На этой основе пришли к неутешительному выводу, что в долгосрочной перспективе более угрожающим будет сокращение военного присутствия в регионах с салафитско-джихадской деятельностью. Потенциально это может создать вакуум безопасности, который позволит террористам вновь планировать и осуществлять опасные нападения (с. 198–210).

Интересен и вывод о том, что любая власть – и демократическая, и авторитарная, – понимает, что в новом пандемическом мире безопасность, защита от массовых протестов, экстремизма и терроризма требуют финансовых вложений не менее, а более значимых, чем медицина (с. 210).

Обстановка вокруг России и напряженность на границах требуют не только концентрации внимания силовых структур, но и их должного финансового обеспечения.

Следующая – четвертая – часть монографии непосредственно посвящена киберпреступности. Отмечается, что криминальный мир даже в кризисные периоды пытается извлечь для себя максимальную прибыль. Во время пандемии коронавируса во многих странах была зафиксирована вспышка киберпреступности. По данным службы кибербезопасности ПАО «Сбербанк», количество фишинговых (мошеннических) писем в феврале–марте 2020 г. возросло на 30%, при этом пятая часть рассылок содержит информацию о коронавирусе. Группа по анализу угроз в Microsoft также активно отслеживают и реагируют на смещение фокуса в фишинговых атаках. В исследовании, опубликованном в апреле 2020 г., показано, что эти тематические угрозы COVID-19 представляют собой повторы существующих атак, которые были адаптированы к ситуации с пандемией. По информации авторов, количество успешных атак на пораженные вспышкой страны растет, как и информация для нагнетания страха. Подчеркивается, что атаки проходили во всех государствах (с. 211–213).

Здесь же подробно рассматриваются способы совершения преступлений с помощью современных технологий, даются практические советы по поводу того, как не стать жертвой преступления.

Содержательность и профессиональность данной и последующей глав книги, несомненно, связаны с тем, что один из ее авторов – С.К. Кузнецов – является главой подразделений безопасности и кибербезопасности ПАО «Сбербанк», крупнейшей кредитной организации России. По аналогичным проблемам он недавно опубликовал еще один интересный доклад[4].

Пятая часть книги продолжает четвертую, логично вытекает из нее и называется «Киберпандемия».

В главе указывается, что с начала марта 2020 г. в мире наблюдается беспрецедентный рост вредоносной киберактивности. Фишинговые атаки, направленные на кражу денег или конфиденциальной информации у работников домашнего офиса, более чем удвоились по сравнению с прошлым годом, а в некоторых местах они выросли в шесть раз. Было также предпринято несколько попыток кибератак на аэропорты, электросети, порты, объекты водоснабжения и канализации. Даже больницы, которые лечат пациентов с COVID-19, стали мишенью. Всемирная организация здравоохранения сообщила о пятикратном увеличении атак на ее сети (с. 244).

Авторы провели серьезное исследование, посвященное выявлению причин и сопутствующих условий для мошенничества в информационной среде. Достаточно сказать, что лишь 10% россиян знают, какие данные можно сообщить сотруднику банка по средствам связи: номер карты, фамилию и имя держателя. Следует поддержать вывод ученых о недостаточном уровне просветительской работы клиентов. Такую работу активно (!) должен вести каждый банк, выпускающий карты (с. 248).

Мы также поддерживаем их вывод о необходимости принятия новой международной конвенции для борьбы с киберпреступлениями.

В этих условиях хорошим фундаментом для взаимодействия правоохранительных органов по борьбе

[4] См.: *Кузнецов С.К.* Кибервойна с кибермошенниками: антифрод Сбербанка России и взаимодействие с оперативными подразделениями МВД России и ФСИН России // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сб. науч. тр. / под ред. В.С. Овчинского. М., 2021. С. 30–35.

с киберпреступлениями являются Интерпол и эффективно работающая Международная полицейская ассоциация.

Шестая часть книги посвящена анализу законодательства о пандемии. Следует согласиться с авторами об актуальности создания доступной для населения международно-правовой и национально-правовой базы по использованию кибернадзора в борьбе с пандемией (с. 273).

Вместе с тем обращаем внимание читателей на следующий момент. Конечно, право, как национальное, так и международное, не было готово к пандемии. Так, собственно, в мировой истории было весьма часто. Право, увы, и ранее опаздывало за регламентацией поведения человека во время различных эпидемий (чахотки, холеры, туберкулеза). Хотя право, как известно, должно устанавливать будущие общественные отношения, но на деле с их регулировкой оно нередко опаздывает. Мы давно предлагаем относиться к праву без иллюзий, вопреки иногда навязываемым суждениям о том, что право это исключительно «справедливость», «чистота», свобода», «разумность». Несколько лет назад мы разработали философско-правовую компрехендную теорию права. Предметом компрехендной теории права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции. Предмет теории компрехендного изучения права включает также: закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии; закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.); перспективы развития права в контексте правовой реальности[5]. Книги о компрехендной теории права переведены на иностранные языки, пользуются популярностью за рубежом, их читают иностранные специалисты[6].

Опыт пандемии наглядно показал, что у права есть такие грани как зависимость от многих факторов, неготовность к быстрому реагированию и перманентная противоречивость.

В седьмой главе авторы рассматривают работу полиции. Утверждается, что в период пандемии впервые в истории полиция взяла на себя три функции:

во-первых, охраны порядка, борьбы с организованными преступными группировками, киберкриминалом, а также традиционной и уличной преступностью, которыми полиция занималась с момента своего основания;

во-вторых, полиция, как показал опыт КНР, Японии, Южной Кореи, ФРГ, США, Вьетнама, Соединенного Королевства и др., достаточно широко использовалась для развертывания медицинской инфраструктуры, например, совместно с инженерными войсками для перепрофилирования домов отдыха во временные больницы;

в-третьих, в условиях карантина именно полицейские не только оказывают бытовые услуги лицам старших возрастов, но и, по сути, сохраняют (особенно в наиболее острый период эпидемии) саму социальную ткань общества.

Отмечается и то, что пандемия коронавируса создала для полиции принципиально новые проблемы, нарушающие нормальные функции правоохранительной деятельности. Например, уже в первые дни эпидемии в Южной Корее, Южной Африке, некоторых штатах США полностью закрылись суды (с. 300–381).

Новые функции полиции заставили говорить и о необходимости ее реформы. Плюсы, минусы и возможные направления реформы проанализированы в монографии. Эти вопросы поднимались и в другой содержательной работе авторов[7].

В заключении монографии мы ожидали повтор ранее изложенных выводов. Однако книга нас удивила. Она заканчивается спорными, но интересными философскими размышлениями Френсиса Фукуямы. А именно: Ф. Фукуяма пишет о том, что момента, когда государства смогут наконец объявить о полной победе над коронавирусом, не будет. Точнее, экономика будет открываться медленно и осторожно, а прогресс по выходу из кризиса будет замедляться последующими новыми волнами заражений. С экономической точки зрения затяжной кризис будет означать еще больше банкротств компаний, а также разрушительные последствия для туристической индустрии, торговых центров и розничных сетей. Только крупные компании с большими финансовыми резервами смогут переждать бурю, причем больше всего выиграют технологические гиганты, поскольку цифровое взаимодействие становится все более важным. Политические последствия пандемии могут быть еще более значительными. Затяжная эпидемия в сочетании с огромными сокращениями рабочих мест, длительной рецессией и беспрецедентным долговым бременем неизбежно создаст напряженность, которая превратится в политическую реакцию – пока неясно, против кого именно (с. 384, 385).

Дополняя изложенные мысли, Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов и В.С. Овчинский предполагают, что политика открытости государств, перекрытия границ также может измениться до неузнаваемости. А главное: мир оказался погруженным в новую и необычную систему государственного медицинско-полицейского, карательного надзора! В такой системе мир останется минимум на пять лет либо навсегда. Мир уже иной и скорость его изменения будет только возрастать (с. 382, 383, 385).

К такому интересному философскому окончанию хочется добавить несколько слов. Что мы знаем о мире? Вполне возможно, что почти ничего! По крайней мере лучшие человеческие умы на этот вопрос до сих пор не ответили. Однако все могут признать, что мир, бытие постоянно меняется. Причем скорость его изменений растет. Одной из главных проблем является направление движения – позитивно оно или негативно? Несколько лет назад мы, разрабатывая уже упомянутую компрехендную теорию права, выдвинули философскую

---

[5] См.: *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015; *Их же.* Философия и юридическая наука. М., 2019; *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019; *Захарцев С.И.* Право: новые идеи и прочтения. М., 2021; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26; *Их же.* Размышления о компрехендной теории права // Образование и право. 2021. № 5. С. 98–105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105

[6] См.: *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London, 2021; *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

[7] См.: *Жданов Ю.Н., Овчинский В.С.* Киберполиция XXI века. Международный опыт / под ред. С.К. Кузнецова. М., 2020.

гипотезу катаклизмов и круговорота жизни на планете Земля[8]. Эта гипотеза пессимистична, но заинтересовала широкий круг философов и ученых. Достаточно сказать, что ее положения издавались на нескольких иностранных языках, включая английский и китайский. Вполне возможно, что человечество неуклонно движется на этом витке развития к своему финалу. Думать об этом, конечно, не хочется. Однако надо понимать, что в мире и без COVID-19 были накоплены неразрешенные глобальные проблемы (ядерное оружие и рост числа государств им владеющих, биологическое оружие, агрессивность политики отдельных стран, явное перенаселение планеты Земля, экологическая безопасность и пр.). Выскажем опасения, что COVID-19 может поспособствовать одной из таких проблем прорваться.

Вполне возможно, что уважаемые Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов и В.С. Овчинский так же, как и мы, с определенной тревогой смотрят на будущее человечества.

В приложении к монографии приводятся тексты избранных международных документов по вопросам противодействия пандемии COVID-19.

* * *

Монография Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского получилась весьма содержательной. Она представляет значительный интерес для специалистов различного профиля, философов, политиков, юристов, инженеров, сотрудников правоохранительных органов, студентов и курсантов.

Успех книги во многом связан с личностями ее авторов. Все они являются авторитетными учеными и практическими работниками: президент Российской секции Международной полицейской ассоциации Ю.Н. Жданов, заместитель Председателя правления Сбербанка С.В. Кузнецов, советник Министра внутренних дел РФ В.С. Овчинский.

В науке принято, что любая рецензия должна содержать хотя бы одно замечание. Обратим внимание авторов и читателей на то, что в книге недостаточно внимания уделено информационной культуре человека. Вместе с тем информационная культура – важнейшая составляющая жизни и быта, также правовой культуры человека и культуры в целом. Она уже стала одной из основ жизнедеятельности человека. Эти вопросы в книге проскальзывают, однако должного внимания им не оказывается.

Однако сделанное замечание не снижает достоинств книги. Монография отвечает всем предъявляемым требованиям. Авторам можно только пожелать новых научных достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жданов Ю.Н., Овчинский В.С.* Киберполиция XXI века. Международный опыт / под ред. С.К. Кузнецова. М., 2020.
2. *Захарцев С.И.* Глобальные проблемы человечества и гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 4–5. С. 9–23.
3. *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.
4. *Захарцев С.И.* Право: новые идеи и прочтения. М., 2021.
5. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П.* Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М., 2019.
6. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11–26.
7. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Размышления о компрехендной теории права // Образование и право. 2021. № 5. С. 98–105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105
8. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Тезисно о философских проблемах познания вселенной и Земли // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 171–180.
9. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М., 2015.
10. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука. М., 2019.
11. *Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г.* Важно и срочно. Вышла книга о преступности в период пандемии и мировом сообществе. Рецензия на монографию Ю.Н. Жданова, С.К. Кузнецова и В.С. Овчинского «COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. статья А.Л. Кудрина. – М.: Международные отношения, 2020. – 448 с.» // Юрид. наука: история и современность. 2021. № 6. С. 182–190.
12. *Кузнецов С.К.* Кибервойна с кибермошенниками: антифрод Сбербанка России и взаимодействие с оперативными подразделениями МВД России и ФСИН России // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сб. науч. тр. / под ред. В.С. Овчинского. М., 2021. С. 30–35.
13. COVID-19: преступность, кибербезопасность, общество, полиция / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский; вступ. ст. А.Л. Кудрина. М., 2020. С. 8, 96, 108, 111, 130–213, 244, 248, 273, 300–385.
14. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London, 2021.
15. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

REFERENCES

1. *Zhdanov Yu. N., Ovchinsky V.S.* Cyberpolice of the XXI century. International experience / ed. by S.K. Kuznetsov. M., 2020 (in Russ.).
2. *Zakhartsev S.I.* Global problems of mankind and the hypothesis of cataclysms and the cycle of life on Earth // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2015. No. 4–5. P. 9–23 (in Russ.).
3. *Zakhartsev S.I.* Some problems of theory and Philosophy of Law / ed. by V.P. Salnikov. M., 2014 (in Russ.).

[8] См.: *Захарцев С.И.* Право: новые идеи и прочтения; *Его же.* Глобальные проблемы человечества и гипотеза катаклизмов и круговорота жизни на Земле // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 4–5. С. 9–23; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Тезисно о философских проблемах познания вселенной и Земли // Правовое поле современной экономики. 2015. № 10. С. 171–180.

4. *Zakhartsev S.I.* Law: new ideas and readings. M., 2021 (in Russ.).

5. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the question of speculative-logical foundations of metaphysics of law. M., 2019 (in Russ.).

6. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Comprehensive theory of knowledge of law // Legal science: history and modernity. 2015. No. 8. P. 11–26 (in Russ.).

7. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Reflections on the comprehensive theory of law // Education and law. 2021. No. 5. P. 98–105. DOI 10.24412/2076-1503-2021-5-98-105 (in Russ.).

8. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Thesis on philosophical problems of cognition of the universe and the Earth // The legal field of the modern economy. 2015. No. 10. P. 171–180 (in Russ.).

9. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy. Philosophy of Law. Legal Science. M., 2015 (in Russ.).

10. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* Philosophy and legal science. M., 2019 (in Russ.).

11. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P., Khabibulin A.G.* Important and urgent. A book about crime during the pandemic and the global community has been published. Review of the monograph by Yu. N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov and V.S. Ovchinsky "COVID-19: crime, cybersecurity, society, police / Yu. N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S. Ovchinsky; intro. article by A.L. Kudrin. – M.: International Relations, 2020. – 448 pp." // Legal science: history and modernity. 2021. No. 6. P. 182–190 (in Russ.).

12. *Kuznetsov S.K.* Cyberwar with cyber fraudsters: anti-fraud of Sberbank of Russia and interaction with operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia // Operational search activity in the digital world: collection of scientific works / ed. by V.S. Ovchinsky. M., 2021. P. 30–35 (in Russ.).

13. COVID-19: crime, cybersecurity, society, police / Yu. N. Zhdanov, S.K. Kuznetsov, V.S. Ovchinsky; intro. art. A.L. Kudrin. M., 2020. P. 8, 96, 108, 111, 130–213, 244, 248, 273, 300–385 (in Russ.).

14. *Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P.* The Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. The Speculative and Logical Foundations of the Metaphysics of Law. London, 2021.

15. *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, 2018.

Сведения об авторах

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович –
доктор юридических наук, академик РАЕН, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета; 129226 г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович –
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», советник ректората Русской христианской гуманитарной академии; 191011 г. Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, д. 15

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, генерал-лейтенант полиции, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета); профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

ZAKHARTSEV Sergey I. –
Doctor of Law, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Advocacy and Organization of Law Enforcement Activities of the Russian state Social University; 4, bld. 1 Wilhelm Peak str., 129226 Moscow, Russia

SALNIKOV Viktor P. –
Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Editor-in-Chief of the journal "Legal Science: History and Modernity", Advisor to the Rector of the Russian Christian Humanitarian Academy; 15 Fontanka River Embankment, 191011 St. Petersburg, Russia

KHABIBULIN Alik G. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Police Lieutenant General, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (Faculty); Professor of the Department of theory of state and law and political science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 260–263
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 260–263

ПРАВОВОЙ СТАТУС КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ / под ред. А.В. Малого, С.В. Бухмина, Р.Ш. Гарипова. М.: Проспект, 2021. – 360 с.

© 2021 г. А.М. Осавелюк

Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

E-mail: osaveluk@mail.ru

Поступила в редакцию 22.07.2021 г.

Аннотация. В работе представлен анализ конституционно-правового статуса коренных малочисленных народов и его особенности в России и зарубежных государствах. Особое внимание уделено анализу источников международного права и национального законодательства по данному вопросу. Сформулирована авторская точка зрения по этой проблеме.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, правовой статус, конституционное регулирование.

Цитирование: *Осавелюк А.М.* Правовой статус коренных народов: прошлое, настоящее и будущее Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах / под ред. А.В. Малого, С.В. Бухмина, Р.Ш. Гарипова // Государство и право. 2021. № 10. С. 260–263.

DOI: 10.31857/S102694520017279-7

THE LEGAL STATUS OF INDIGENOUS PEOPLES: PAST, PRESENT AND FUTURE THE LEGAL STATUS OF INDIGENOUS PEOPLES IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES / ed. by A.V. Maly, S.V. Bukhmin, R. Sh. Garipov. M.: Prospect, 2021. – 360 pp.

© 2021 A. M. Osavelyuk

Kutafin University (MSLA)

E-mail: osaveluk@mail.ru

Received 22.07.2021

Abstract. The paper presents an analysis of the constitutional and legal status of indigenous small-numbered peoples and its features in Russia and foreign countries. Special attention is paid to the analysis of sources of International Law and national legislation on this issue. The author's point of view on this problem is formulated.

Key words: indigenous small-numbered peoples, legal status, constitutional regulation.

For citation: *Osavelyuk, A.M. (2021).* The legal status of indigenous peoples: past, present and future The legal status of indigenous peoples in Russia and foreign countries / ed. by A.V. Maly, S.V. Bukhmin, R.Sh. Garipov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 260–263.

Несмотря на актуальность и востребованность данной темы, специалисты не так часто балуют читателей серьезными комплексными научными исследованиями[1]. Тем отраднее встретить недавно опубликованную издательством «Проспект» рецензируемую коллективную монографию.

Как справедливо отмечает во введении к книге акад. РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Т.Я. Хабриева, данный труд может быть отнесён к числу «как фундаментальных, так и прикладных правовых исследований. При этом сама работа – пример удачного творческого союза российских и зарубежных ученых. Благодаря этому в работе нашли отражение оригинальные исследования особенностей законодательного регулирования статуса коренных народов в Канаде, Норвегии, Мексике, США, а также Эквадоре, Колумбии и ряде других государств Латинской Америки» (с. 20).

Монография имеет ряд других несомненных достоинств. Прежде всего удачный подбор авторов-исследователей – известных специалистов из разных вузов России (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского) и ряда зарубежных государств, на территории которых проживают коренные малочисленные народы. Интересной и плодотворной представляется технология изложения материала, при которой многие разделы написаны представителями разных вузов (например, § 2, 3 разд. I и др.) с разными научными школами. Подобный подход позволил широко и разносторонне раскрыть проблему, а выводы сделать более взвешенными.

Удачной представляется также структура представленного труда, которая включает как теоретическую, так и прикладную, а также страноведческую часть. Это позволило дать определение специальных правовых категорий и понятий, выявить в теоретической и общей части общие (совпадающие) проблемы и сформулировать способы их разрешения. В страноведческой части (разд. III, IV) – показать те особенности, которые характерны для правового регулирования и реализации в конкретном государстве. Представляется, что именно такой подход к размещению материала сделает данное исследование интересным не только для специалистов, но и для любого читателя, который интересуется жизнью и уникальным бытом коренных малочисленных народов как в конкретном государстве, так и в целом. Тем более что исследование опирается на многочисленные международные акты.

Как уже отмечалось, издание имеет удачное структурное построение. Введению и основному тексту предшествует указание на регалии авторов и написанные ими соответствующие разделы, сопровождаемые фотографиями авторов. ***Раздел I*** посвящен общей теории правового статуса коренных народов в современном мире. В нём дано определение понятий и признаков коренных народов, что представляется справедливым. Поскольку длительный период времени ни в международном праве, ни в национальном законодательстве не было единой терминологии и единообразного подхода и критериев к определению указанных понятий и регулирования в данной сфере.

Международно-правовое закрепление понятия «коренной народ», его правовой статус и эволюция показаны на примере анализа положений Конвенции МОТ № 107 «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах» 1957 г.; Конвенции МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г.; резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 61/295 «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» 2007 г. Кроме того, проанализированы виды и содержание национальных источников, посвященных правовому статусу коренных народов. Особое внимание уделено источникам права, не только формирующим правовой статус коренных народов, но и создаваемым ими непосредственно. В первую очередь правовому обычаю, его месту в системе источников национального права.

Раздел III посвящен анализу национально-правового регулирования статуса коренных народов в зарубежных странах. Ярко показаны особенности конституционного признания суверенитета коренных народов в разных государствах, проблемы сохранения традиционного образа жизни и уникального самоуправления; способы ущемления прав и автономии коренных народов, а также особенности и результаты последних достижений разных народов в борьбе за сохранение своих прав на автономию в разных сферах жизнедеятельности; влияние процессов глобализации на указанные процессы.

Завершает исследование ***разд. IV «Правовой статус коренных малочисленных народов в Российской Федерации»,*** *посвященный* анализу богатого многовекового российского опыта регулирования, обеспечения и защиты прав коренных малочисленных народов. Особое внимание в нём уделено конституционным новеллам 2020 г., направленным на расширение гарантий прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (обновлённая ст. 69 Конституции РФ). Проанализирован достаточно большой массив отраслевых и специальных законов федерального и субъектового уровня, посвященных коренным малочисленным народам, защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей. Показан опыт регулирования уставами муниципальных образований и практическая деятельность органов местного самоуправления по регулированию конкретных вопросов жизни и деятельности коренных малочисленных народов.

Раскрыта эволюция становления *и развития* особенностей регулирования правового статуса *коренных малочисленных народов в Российской Империи, советский, постсоветский и современный периоды*.

Показаны результаты переосмысления наследия советской государственной политики и юридической науки в части регулирования правового положения коренных малочисленных народов.

[1] См., напр.: *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010; *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010; *Гоголев П.В.* Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2014; *Осавелюк А.М.* Особенности деятельности омбудсменов по защите прав коренных малочисленных народов: зарубежный опыт // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 177–184.

Во-первых, это привело к отказу от существовавшей в советский период государственной политики их языковой и культурной ассимиляции.

Во-вторых, к определенному восстановлению политики сохранения их самобытного социально-экономического и культурного развития, защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов.

В-третьих, к осознанию ценности опыта коренных малочисленных народов, которые столетиями проживали и во многом продолжают проживать в условиях, максимально близких к окружающей природной среде, и научились бережно относиться к ней. Данный опыт особенно ценен в условиях глобального негативного воздействия промышленного производства на природную среду, участившихся экологических бедствий. Кроме того, глобализация – это продолжающиеся конфликты между этническими группами и национальными государствами практически во всех странах мира, на территории которых проживают коренные малочисленные народы.

В-четвертых, к осознанию ценности опыта других народов для развития и взаимопроникновения культурного многообразия, необходимости создания равенства возможностей и прав всех народов на самостоятельное развитие.

Показано, что даже после десятилетий новой государственной политики, проводимой современной Россией в отношении коренных малочисленных народов, в Российской Федерации и в зарубежных государствах остается достаточно много проблем, связанных как с законодательными, так и с институциональными механизмами защиты прав коренных народов.

Одной из них является неустойчивая из-за некачественного содержания законов, которые вследствие этого часто подвергаются изменениям, регламентация прав коренных малочисленных народов на пользование землей, которые до сих пор не имеют четкого и ясного юридического содержания. Одна из составных частей данной проблемы – отсутствие четкого законодательного регулирования механизмов создания территорий с особым режимом для традиционного природопользования и их изъятием для промышленных нужд с обеспечением экологической и этнологической безопасности, а также законодательно установленного (особенно на уровне субъектов Российской Федерации) права на приоритетное природопользование, развитие традиционных народных промыслов, сохранение и защиту объектов культурного наследия коренных малочисленных народов. Вследствие этого наблюдается тенденция уравнивания в правах представителей коренных народов с иными пользователями.

Во многих субъектах Российской Федерации имеются существенные проблемы конкретизации понимания традиционного рыболовства, в т.ч. в части определения приоритетного доступа к рыболовным промысловым участкам в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Несмотря на предпринятые законодательные меры, до сих пор не переведены в практическую плоскость вопросы идентификации лиц из числа коренных малочисленных народов в целях предоставления им дополнительных мер социальной поддержки.

Представляется, что данная монография – не окончательное исследование авторами данной темы. Хотелось бы надеяться на ее продолжение, чтобы увидеть более развернутый анализ права на землю, защиты культурной самобытности, особенностей самоуправления и других форм политического участия коренных малочисленных народов, а также роли органов местного самоуправления национальных муниципальных районов и сёл в регулировании и практической деятельности по решению вопросов жизни и деятельности коренных малочисленных народов.

Имеющееся в исследовании обилие разнообразных точек зрения и подходов не снижает степень актуальности настоящей темы, ибо конституционно-правовое регулирование и практическое осуществление конституционно-правовых отношений в указанной сфере испытывают воздействие внутренних и внешних факторов, постоянно обновляющих правовую действительность и требующих динамичного «маневрирования» в решении существующих и возникающих проблем.

* * *

В целом рецензируемое издание являет собой актуальное, обладающее определенной научной новизной и практической значимостью исследование. Оно вносит существенный вклад в обобщение сложившихся представлений о конституционно-правовом регулировании и реализации прав коренных малочисленных народов в Российской Федерации и зарубежных государствах, привнося вместе с тем собственное видение решения существующих проблем. Оно обогащает отечественную науку конституционного права.

Основные положения и выводы исследования могут быть полезными в процессе государственного строительства, выработки потенциальных подходов к построению системы конституционно-правового регулирования в данной сфере. Монография может быть интересной и полезной для специалистов в области конституционного права, практикующих юристов в системе высших органов государственной власти Российской Федерации, иных работников государственного аппарата и всех интересующихся вопросами организации и функционирования России и зарубежных стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гоголев П.В.* Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2014.
2. *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010.
3. *Осавелюк А.М.* Особенности деятельности омбудсменов по защите прав коренных малочисленных народов: зарубежный опыт // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4 (80). С. 177–184.
4. Правовое положение коренных народов в России и зарубежных странах / под ред. А.В. Малого, С.В. Бухмина, Р.Ш. Гарипова. М., 2021. С. 20.
5. *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. М., 2010.

REFERENCES

1. *Gogolev P.V.* Constitutional and legal bases of the state policy in relation to indigenous peoples of the North, Siberia and Far East of Russia. M., 2014 (in Russ.).

2. *Kryazhkov B.A.* Indigenous peoples of the North in the Russian law. M., 2010 (in Russ.).

3. *Osavelyuk A.M.* Features the activities of the Ombudsman for the protection of the rights of indigenous peoples: international experience // Herald of Kutafin University (MSLA). 2021. No. 4 (80). P. 177–184 (in Russ.).

4. The legal status of indigenous peoples in Russia and foreign countries / ed. by A.V. Maly, S.V. Bukhmin, R. Sh. Garipov. M., 2021. P. 20 (in Russ.).

5. *Khabrieva T. Ya.* Modern problems of self-determination of ethnic groups: comparative legal research. M., 2010 (in Russ.).

Сведения об авторе

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и муниципального права Университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва,
Садовая-Кудринская ул., д. 9

Authors' information

OSAVELYUK Alexey M. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the
Department of Constitutional and Municipal Law
of Kutafin University (MSLA);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 10, с. 264–265
STATE AND LAW, 2021, № 10, pp. 264–265

ПЕРСОНАЛИИ

К ЮБИЛЕЮ АКАДЕМИКА РАН А.Г. ЛИСИЦЫНА-СВЕТЛАНОВА

В 2021 г. отметил юбилей Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов, выдающийся ученый, академик Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН.

А.Г. Лисицын-Светланов родился 15 октября 1951 г. в г. Москве. В 1973 г. окончил юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

На протяжении почти полувека профессиональная деятельность Андрея Геннадьевича неразрывно связана с Институтом государства и права. В 1973–1976 гг. – аспирант; с 1977 г. – младший научный сотрудник; в последующие годы – старший научный сотрудник, зав. сектором, руководитель Центра, заместитель директора; в 2004–2017 гг. – директор Института государства и права РАН; в настоящее время – главный научный сотрудник сектора международного права. Член Ученого совета ИГП РАН, трех диссертационных советов на базе Института.

В 1977 г. под руководством проф. М.М. Богуславского защитил кандидатскую диссертацию на тему «Рассмотрение споров по контрактам в области международного промышленного и научно-технического сотрудничества». В 1987 г. получил степень магистра права Школы права Колумбийского университета (LL.M). В 2002 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Тенденции развития международного гражданского процесса».

С 2008 г. – член-корреспондент РАН, с 2011 г. – академик РАН.

Член Бюро Отделения общественных наук РАН, член Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства (Российская часть), сопредседатель Научного совета РАН по проблемам защиты и развития конкуренции, заместитель председателя Комиссии по уставу ФГБУ «Российская академия наук», член Бюро Совета директоров Российской академии наук, член комиссий РАН по интеллектуальной собственности и по нанотехнологиям, член бюро Научно-издательского совета РАН, член Совета по работе с иностранными членами РАН и учеными-соотечественниками, проживающими за рубежом. Председатель экспертной комиссии РАН по присуждению премии РАН им. Ф.Ф. Мартенса.

В 2008–2012 гг. состоял в Совете при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию. Входит в состав профильных комиссий и экспертных групп Администрации Президента РФ и Совета безопасности России, член научно-экспертных советов при Председателе Совета Федерации и Председателе Государственной Думы Федерального Собрания РФ, Попечительского совета Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, член Исполкома Российской ассоциации международного права.

Академик А.Г. Лисицын-Светланов – лидер современного научного направления в российском правоведении, пользуется заслуженным авторитетом в профессиональном сообществе нашей страны и за рубежом как крупный специалист по международному частному праву и международному гражданскому процессу. Его исследования стали значимым вкладом в развитие отечественной юриспруденции, их результаты повсеместно применяются в арбитражной практике.

А.Г. Лисицын-Светланов – арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ, Арбитр третейского суда международного центра по урегулированию споров при Экономическом суде СНГ, избирался арбитром Арбитражного суда

Международной торговой палаты, Постоянного арбитражного суда в г. Гааге, Арбитражного института Торговой палаты г. Стокгольма. Неоднократно выступал в качестве эксперта в судах США, Италии, Великобритании и других государств.

Член Института европейского права (Institute of European Law), член Международной академии сравнительного права (г. Париж), член Аргентинской академии права и общественных наук.

А.Г. Лисицын-Светланов первым среди отечественных исследователей системно раскрыл содержание и механизм взаимодействия различных национальных частноправовых систем, определив значение институтов процессуального права для действия норм международного частного права. Участвовал в разработке ряда альтернативных судебному порядку процедур урегулирования споров в сфере международных частноправовых отношений. Внес значимый вклад в исследование вопросов интеллектуальной собственности и правового регулирования иностранных инвестиций.

Является автором свыше 150 научных работ, в т.ч. более 10 монографий. Соавтор постатейного комментария к ряду частей Гражданского кодекса РФ. Наиболее важные теоретические результаты его исследований опубликованы в коллективных монографиях: «Международная передача технологий: правовое регулирование» (1985); «Международное частное право: современные проблемы: в 2 кн.» (1993). Значительный опыт в вопросах международного частного права, связанный с практикой международного коммерческого арбитража, нашел отражение в работе «Международное частное право: современная практика» (2000). Книга А.Г. Лисицына-Светланова «Международный гражданский процесс: современные тенденции» (2002) стала первым за долгие годы фундаментальным монографическим исследованием в этой области.

Специалистам также широко известны его труды, написанные индивидуально или в соавторстве: «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, “ноу-хау” и товарные знаки» (1979), «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества» (1980), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России» (1995), «Новые вызовы и международное право» (2010), «Роль права в модернизации экономики России» (2011), «Современное международное частное право в России и Евросоюзе» (2013), «Система правового регулирования внешнеэкономических связей» (2019) и др.

Член редакционных советов журналов «Государство и право» РАН, «Труды Института государства и права РАН», редколлегий журналов: «Коллегия», «Правовая политика и правовая жизнь», «European Business Law Review», «The Uppsala Yearbook of East European Law».

Большое внимание академик А.Г. Лисицын-Светланов уделяет подготовке научных и педагогических кадров. Он является заведующим кафедрой частного и публичного права Государственного академического университета гуманитарных наук, читает лекционные курсы по международному частному и гражданскому праву в Российском университете дружбы народов, Московском государственном институте международных отношений, Московском государственном юридическом университете им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Московской школе экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

За значительный вклад в развитие отечественной юриспруденции и другие заслуги перед Отечеством А.Г. Лисицын-Светланов награжден орденом Дружбы, отмечен Благодарностью Президента РФ, ему присвоено почетное звание «Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации». Он удостоен ордена Сергия Радонежского Русской Православной Церкви. Отмечен орденом Леопольда II (Бельгия), международным рейтингом Best Lawyers в числе лучших российских специалистов по направлениям «Корпоративное право», «Финансовые институты», «Право интеллектуальной собственности» с 2014 г.

Коллектив Института государства и права Российской академии наук, редакционный совет и редколлегия журнала «Государство и право» РАН поздравляют Андрея Геннадьевича Лисицына-Светланова с юбилеем и желают крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии и новых научных успехов.

* * *

Коллектив редакции журнала «Государство и право» Российской академии наук от всей души поздравляет Андрея Геннадьевича Лисицына-Светланова с юбилеем и желает здоровья, счастья, бодрости духа, творческого долголетия.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ
40.03.01
Юриспруденция (гражданско-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА
40.04.01
Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА
40.06.01
Теория и история права и государства; история правовых учений

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку юристов на классической академической основе с ориентацией на практическое обучение. Студенты изучают базовые и специальные дисциплины, отражающие современный уровень теоретической и практической юриспруденции в России и в мире.

Изучение обширного комплекса правовых дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к правоприменительной деятельности во всех сферах бизнеса, гражданского общества и государства, позволяет быть конкурентоспособным юристом-профессионалом.

Занятия на юридическом факультете проходят в самом центре Москвы, у метро Октябрьская, рядом с парком «Музеон».

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Костяк преподавателей составляют ученые научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

На каждом курсе учится не более 60 студентов. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других ведущих вузов России и зарубежных стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН участвуют в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).